А. ИЗМАЙЛОВЪ.

ЧЁХОВЪ.

1860 — 1904.

ЖИЗНЬ. — ЛИЧНОСТЬ. — ТВОРЧЕСТВО.

Типографія Т-[illegible] домъ.

А. ИЗМАЙЛОВЪ.

ЧЕХОВЪ.

1860—1904.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ НАБРОСОКЪ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1916.

ОТЪ АВТОРА.

Эта книга должна начаться и кончиться выраженіемъ благодарности семьѣ покойнаго писателя, въ безпримѣрно короткій для исторіи русской литературы срокъ создавшей около прекрасной тѣни ту атмосферу, въ какой уже возможно серьезное научно-біографическое изслѣдованіе.

Для біографа неоцѣнимъ огромный трудъ сестры писателя, М. П. Чеховой, по собиранію, датированію и отчасти даже комментированію его обширной переписки, являющейся путеводною нитью его жизнеописанія и разрѣшеніемъ подлиннымъ словомъ самого писателя всѣхъ недоумѣній, какія только возможны для біографа. Братомъ его, М. П. Чеховымъ, помимо многочисленныхъ, весьма цѣнныхъ воспоминаній, дана біографическая канва, устанавливающая не только даты и факты, но и какъ бы самый темпъ жизни Чехова съ авторитетностью ближайшаго человѣка, связаннаго съ нимъ и узами кровнаго родства. Наконецъ покойнымъ Александромъ Павловичемъ Чеховымъ зарисованы въ рядѣ спеціальныхъ очерковъ (хотя очень нерѣдко и требующихъ оговорокъ) дѣтство и ранняя юность творца «Степи» и «Палаты № 6», — полоса, наименѣе отраженная въ перепискѣ и воспоминаніяхъ.

Эти источники первокласснаго значенія и обширный литературный матеріалъ, скопившійся за первое десяти-

лѣтіе со дня смерти Чехова, гдѣ участвуетъ буквально весь цвѣтъ недавней и нынѣшней литературы, создали ранѣе неосуществимую возможность приступить къ первымъ опытамъ біографіи «перваго послѣ Толстого» писателя своего времени, «отца новаго разсказа» и удивительнаго человѣка, въ личномъ своеобразіи отразившаго много лучшихъ и здоровыхъ чертъ своего поколѣнія. Можно сказать, что въ смыслѣ посмертной памяти Чеховъ оказался счастливѣе огромнаго большинства русскихъ писателей даже первоклассннаго значенія. Исключительныя условія создали около его имени литературу, далеко оставляющую за собою даже литературу о корифеяхъ.

Въ то же время, однако, первое десятилѣтіе не принесло ни одного опыта не только біографіи, но даже свода скопившихся біографическихъ матеріаловъ, если не считать 1) попытки Ф. Мускатблита (въ сборникѣ «Русской Были» — «А. П. Чеховъ», 1 — 136 стр.), довольно внимательно освѣщающей раннюю юность А. П. и лишь скользящей по годамъ его зрѣлости, и 2) критико-біографическаго очерка, принадлежащаго автору нынѣ выходящаго труда и въ 1911 году приложеннаго къ дополнительнымъ томамъ «полнаго собранія сочиненій Чехова», изд. Маркса (т. XXII, 82—279). Все остальное не выходило за предѣлы поверхностнаго біографическаго очерка въ нѣсколько страницъ, хрестоматіи критическихъ статей и воспоминаній, или, наконецъ, невзыскательнаго альманаха, безъ всякой заботы о цѣльности и системѣ соединявшаго воедино пестрый и часто противорѣчивый и непровѣренный матеріалъ журнальныхъ и газетныхъ статей.

Нашъ очеркъ при «полномъ собраніи» является эмбріономъ нынѣшней книги. Но сдѣланный спѣшно и едва черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти писателя, когда

въ распоряженіи изслѣдователя не было и четверти нынѣ опубликованныхъ матеріаловъ, когда изъ переписки Чехова была извѣстна сравнительно незначительная часть въ спутанныхъ отрывкахъ,—этотъ очеркъ, не содержащій по чистой случайности грубыхъ ошибокъ и въ общемъ вѣрный, естественно отходитъ въ область подготовительныхъ работъ.

По мѣрѣ изученія новыхъ и новыхъ данныхъ, подъ впечатлѣніемъ знакомства съ матеріаломъ, доселѣ остающимся въ рукописи у частныхъ лицъ и любезно предоставленнымъ въ наше распоряженіе, личность писателя для насъ углублялась, многое было почувствовано по-другому, явилась потребность многочисленныхъ переоцѣнокъ ходячихъ взглядовъ, нѣчто было сознано въ прошломъ психологическою ошибкой. Матеріалъ переписки, субъективный, текущій, противорѣчивый, въ высшей степени зависящій отъ настроенія даже у такого духовно-здороваго человѣка, какимъ былъ Чеховъ,—въ свою очередь требовалъ большой критической осторожности. Нѣтъ сомнѣнія, что во многое и въ этой новой книгѣ время и новый документъ внесутъ немалочисленныя поправки. Уже во время печатанія книги предъ авторомъ выяснились нѣкоторыя, къ счастью, несущественныя ошибки[1]). Во всякомъ случаѣ, эта книга много ближе къ истинному пониманію настоящаго Чехова.

Біографія такого независимаго человѣка, какимъ былъ онъ, требуетъ независимаго настроенія отъ біографа. Свободу отъ партійности, широту міропониманія, воспріятіе каждаго человѣка въ полнотѣ его личности, независимо отъ прикрывающихъ его флаговъ, Чеховъ

---

[1]) Напр., на стр. 396 въ разсказѣ о Левитанѣ и подстрѣленной чайкѣ спутницею художника ошибочно названа сестра Чехова вмѣсто С. П. Кувшинниковой, какъ явствуетъ изъ книги Сергѣя Глаголя о Левитанѣ

болѣе всего отвоевывалъ и выше всего цѣнилъ въ себѣ и другихъ. Съ уваженіемъ къ этой чертѣ долженъ подойти къ Чехову его біографъ, если не хочетъ написать завѣдомо тенденціозную книгу, можетъ-быть, очень полезную въ цѣляхъ лагерной стратегіи, но рискующую совершенно исказить подлинный, въ высшей степени цѣльный, и въ цѣльности этой прекрасный образъ поэта сумеречной эпохи. Насколько автору этого труда удалось увидѣть людей и событія чеховскимъ, а не своимъ глазомъ, передать его, а не свои симпатіи или антипатіи къ такимъ неродственнымъ людямъ, какъ Михайловскій и Суворинъ, Плещеевъ и Болеславъ Маркевичъ,—судить не ему. Оправданіе его въ томъ, что полное отрѣшеніе отъ своихъ личныхъ взглядовъ, писаніе вполнѣ «безъ гнѣва и пристрастія», вообще едва ли кому-либо подъ силу, въ особенности въ такой близкой исторической перспективѣ.

Несмотря на опредѣленное критическое освѣщеніе событій жизни Чехова, авторъ не рѣшается назвать свое, хотя бы и разросшееся изслѣдованіе иначе, чѣмъ біографическимъ наброскомъ. Задача подлинной біографіи поставить жизненный трудъ писателя въ живую и органическую связь съ его личною жизнью, въ настоящихъ условіяхъ, при явномъ отсутствіи многихъ нужныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ многіе даже извѣстны, но недостижимы (письма А. С. Суворина къ Чехову)—есть вообще задача, непосильная никому. Пребываніе на жизненной сценѣ многихъ изъ современниковъ писателя отягчаетъ ее. Второму біографу Чехова на новомъ разстояніи многое будетъ и виднѣе, и возможнѣе. Но этотъ подзаголовокъ диктуется только этимъ пониманіемъ и ничѣмъ болѣе, и не сознавать цѣнности своей работы для будущаго историка литературы было бы со стороны автора лицемѣріемъ.

Детально ушедшій въ свое дѣло, этотъ новый изслѣдователь увидитъ, какой большой черновой трудъ лежалъ на его предшественникѣ, обязанномъ впервые смахнуть пыль десятилѣтій со старыхъ книгъ и газетъ, въ усиліи возстановить во всей полнотѣ картину отношенія современниковъ къ блестящему таланту, въ значительной мѣрѣ жертвѣ давящихъ и насилующихъ его условій тогдашней критики и редактуры. Не признаетъ онъ незначительнымъ и то, что удалось автору собрать и лично по живому слѣду, или найти въ матеріалахъ, доселѣ не оглашенныхъ.

Въ этомъ резонъ книги даже въ томъ случаѣ, если бы часть читателей, привыкшихъ къ традиціонной оцѣнкѣ Чехова, оказалась нѣсколько разочарованной возстановленнымъ здѣсь образомъ подлиннаго Чехова, освобожденнаго отъ тоновъ благочестивой легенды, отъ апоѳеозы юбилейныхъ статей и поминальныхъ лекцій,—того яснаго, простого, реальнаго Чехова, какимъ онъ самъ запечатлѣваетъ себя въ своихъ книгахъ и своей перепискѣ, какимъ хотѣлъ предстать потомству, какимъ понимали его мы, младшіе его современники.

Размѣры книги, превысившіе первоначальный планъ автора, вынудили его на нѣкоторыя рѣшенія, не содѣйствующія задачѣ, но совершенно неизбѣжныя. Въ моментъ приближенія къ концу набора пришлось вынуть изъ рукописи нѣсколько готовыхъ главъ, въ томъ числѣ— «Чеховъ и Толстой», «Погасшіе замыслы Чехова», «Прототипы чеховскихъ героевъ» и отказаться отъ приложенія личной критической оцѣнки писательскаго труда Чехова,—въ заботѣ сохранить мѣсто для возможно полнаго біографическаго очерка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось переходить на болѣе мелкій шрифтъ при матеріалѣ, въ сущности, вовсе не второстепеннаго значенія.

Въ цѣляхъ возможнаго сокращенія цитаціи, въ книгѣ приняты слѣдующія условныя обозначенія источниковъ, наиболѣе часто использованныхъ:

СС—Собраніе сочиненій А. П. Чехова, изд. Маркса,— напр. СС, XI, 52,—XI томъ сочиненій, стр. 52.

П—Письма Чехова, подъ ред. М. П. Чеховой, томы 1—5, напр. П, IV, 125,—Письма, томъ IV, стр. 125.

БЧ—Біографическій очеркъ Чехова, данный М. П. Чеховымъ при собраніи его писемъ.

МСК—Біографическій очеркъ, сдѣланный Ф. Мускатблитомъ въ сборникѣ «А. П. Чеховъ», изд. «Русской Были», М., 1910 г.

СЛ2—«Слово», сборникъ 2-й книгоиздательства писателей въ Москвѣ, къ 10-лѣтію смерти Чехова, подъ ред. М. П. Чеховой, М. 1914.

КХП—Критическая хрестоматія Покровскаго, «А. П. Чеховъ», сводъ критическихъ статей о Чеховѣ, М., 1907.

ДѢТСТВО и ОТРОЧЕСТВО.

(Таганрогъ, 1860—1879).

I

Человѣчество заподозрило всѣ исповѣди, начиная отъ исповѣди Августина, продолжая признаніями Бенвенуто Челлини, Казановы, Ламартина, Руссо и Толстого. Говорятъ, что человѣкъ, пишущій для потомства, уже не можетъ быть безусловно искреннимъ. Однако, все-таки слѣдовало бы признать, что лучшимъ біографомъ человѣка былъ бы онъ самъ, конечно, при желаніи сказать о себѣ правду. Посторонній по оставшимся документамъ могъ бы только приблизительно угадывать истину.

Вслѣдъ за автобіографіей лучшимъ изслѣдованіемъ было бы то, которое говорило бы языкомъ дневниковъ, мемуаровъ или писемъ вспоминаемаго человѣка. Едва ли въ примѣненіи къ кому-либо возможно осуществленіе такого намѣренія во всей полнотѣ. Этого мало, человѣкъ никогда не остается съ собою наединѣ, это надо принять, какъ аксіому. Всякій, пишущій мемуары и письма, смотритъ на читающаго, если не на все потомство. Исторія знаетъ переписки, лишенныя всякой искренности, способныя завести въ совершенныя дебри и исказить дѣйствительный образъ пишущаго, если бы историкъ или біографъ принялъ эти «интимныя» страницы за чистую монету.

Десятки выдающихся людей въ мемуарахъ и письмахъ сводятъ счеты съ современниками и реабилитируютъ себя. Финальная часть жизни многихъ высоко

выдвинувшихся людей, дѣлавшихъ погоду, всецѣло уходила на цѣли литературнаго оправданія себя передъ потомствомъ. Переписка можетъ сводиться къ сплошной фальшивой похвалѣ тамъ, гдѣ у автора къ адресату было только чувство антипатіи. Печальная исторія, героями которой явились Додэ и нашъ Тургеневъ,—одна изъ самыхъ яркихъ и щекотливыхъ иллюстрацій къ этому.

Но передъ біографомъ вся полнота правъ историка. Онъ свободенъ отъ личныхъ отношеній къ тому, чью жизнь пишетъ. Къ пристрастнымъ показаніямъ у него можетъ найтись коррективъ,—иногда изъ переписки того же самаго автора. Въ случаяхъ противорѣчивой оцѣнки одного и того же лица или факта въ письмахъ къ двумъ адресатамъ,—передъ нимъ въ большинствѣ случаевъ ясныя психологическія основанія видѣть, гдѣ истина и гдѣ фальшь, гдѣ голосъ сердца и гдѣ дипломатія.

Что касается Чехова, то такой видъ его біографіи, наполовину разсказанной его собственными словами, возможенъ въ значительной степени. Онъ оставилъ огромную переписку [1]), онъ былъ въ ней въ большин-

---

1) Раздѣлялъ ли Чеховъ взглядъ Гончарова на неприкосновенность писательской переписки? Безъ сомнѣнія, вовсе нѣтъ. Только отъ очень раннихъ лѣтъ, отъ поры юношества, сохранилось одно заявленіе, изъ котораго видно, что онъ хотѣлъ бы сдѣлать тайною свою переписку. Въ 1887 г. въ письмѣ Г. М. Чехову, онъ приписываетъ: «Условіе: кромѣ своихъ, никому не читай моихъ писемъ; частная переписка есть семейная тайна, до которой никому нѣтъ дѣла».

Тогда А. П. еще не былъ и писателемъ. Впослѣдствіи, сознавъ себя человѣкомъ общественнымъ, онъ не могъ раздѣлять этотъ взглядъ. И онъ былъ бы противенъ всей открытой, прямой и реальной натурѣ Чехова, который хотѣлъ казаться такимъ, какимъ былъ, и не стыдился себя такого, какимъ былъ. Сквозь полушутливыя его замѣчанія въ письмахъ знакомымъ объ ихъ напечатаніи съ прибавкою

ствѣ случаевъ очень искреннимъ, очень разговорчивымъ и охотно касался своихъ личныхъ настроеній и внѣшнихъ перемѣнъ жизни. Его переписка, безъ сомнѣнія, должна лечь въ основу той его будущей, глубокой и полной біографіи, для которой всѣ современныя попытки, не исключая и настоящей, — не болѣе, какъ подготовленіе матеріаловъ. Предоставить ему тамъ, гдѣ возможно, говорить самому — обязанность біографа

Нѣтъ сомнѣнія, Чеховъ не былъ праведникомъ. Одна изъ опасностей, стоящихъ передъ его біографомъ, это именно опасность поддаться той чрезмѣрной идеализаціи, образцы какой уже нашли мѣсто въ отдѣльныхъ характеристикахъ этого чудеснаго писателя и обаятельнаго человѣка. Біографъ долженъ знать, что исторія литературы пишется не для поученій юношеству, хотя часто и поучаетъ, что его задача возстановленіе человѣческаго и писательскаго образа во всей его полнотѣ, что онъ разсказываетъ, а не судитъ. Чеховъ, блестящій, остроумный, каждое слово котораго горитъ брилліантомъ и запоминается навѣки, Чеховъ, физически прекрасный, какъ полубогъ, всегда окруженный дѣвушками удивительной красоты, неотразимо влекущій къ себѣ и мужчинъ, и женщинъ, благотворитель, благодѣтельствующій направо и налѣво,—это мотивъ статьи съ настроеніемъ, стихотворенія въ прозѣ

отъ себя того, что сдѣлало бы ихъ болѣе талантливыми, — сквозитъ несомнѣнная увѣренность А. П., что его письма не избѣгнутъ общей участи, и ни разу противъ этого онъ не протестуетъ. Есть, наконецъ, и прямое его заявленіе о несочувствіи гончаровской боязни гласности. Въ одномъ письмѣ Плещееву онъ объявляетъ ему, что хранитъ письма его и Суворина и завѣщаетъ распечатать ихъ черезъ 50 лѣтъ,—«такъ что гончаровская заповѣдь нарушена не будетъ, *хотя я не понимаю, почему ее нарушать нельзя*».

въ юбилейно-поминальный номеръ, а не живая личность, изслѣдуемая въ біографической книгѣ.

Бывали моменты, когда Чеховъ приближался къ этому почти античному образу. Его умъ высѣкалъ чудесныя слова и фразы, какъ кремень искры, прекрасныя дѣвушки оказывались около него. Но исторія должна знать Чехова во всей полнотѣ его образа. Чехова отличала органическая прямота, прямота плебея и реалиста, которому просто отвратительна ложь, и какъ постыдная, и какъ безцѣльная. Кому Чеховъ говорилъ о своей любви, того онъ дѣйствительно любилъ, однако его отзывы о Щегловѣ, Плещеевѣ, Лейкинѣ въ письмахъ, напр., къ Суворину, стоятъ не всегда на одинаковой высотѣ дружескаго тона съ письмами къ нимъ самимъ. Чеховъ былъ удивительно прямой и искренній человѣкъ, но не праведникъ и не мудрецъ въ смыслѣ философовъ древности. Онъ былъ исключительно одаренный писатель, уника среди писателей, но и сынъ своей семьи, своего сословія и своего времени. Жизнь и психику этого человѣка, поскольку они доступны, а не апоѳеозъ героя долженъ дать біографъ.

Чеховъ не велъ дневниковъ,—сохранилось совсѣмъ незначительное число его страницъ, напоминающихъ дневникъ,—не оставилъ записокъ, никогда не собирался писать свою автобіографію. Но автобіографическіе наброски онъ дѣлалъ въ своей жизни нѣсколько разъ: однажды по просьбѣ прив.-доц. московскаго университета д-ра Г. И. Россолимо и совершенно серьезно, другой разъ по просьбѣ литературнаго собрата и—сбился на шутку [1]). Вотъ эти странички:

«Я, А. П. Чеховъ, родился 17 января 1860 года въ Таганрогѣ. Учился сначала въ греческой школѣ при

---

[1]) Наброски всего въ нѣсколько строкъ Куманину (Письма, IV, 6) и I. Островскому (IV. 182) не имѣютъ никакого значенія.

церкви царя Константина, потомъ въ таганрогской гимназіи; въ 1879 г. поступилъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Вообще о факультетахъ имѣлъ тогда слабое понятіе и выбралъ медицинскій факультетъ не помню, по какимъ соображеніямъ, но въ выборѣ потомъ не раскаивался.

Уже на первомъ курсѣ сталъ печататься въ еженедѣльныхъ журналахъ и газетахъ, и эти занятія литературой уже въ началѣ 80-хъ годовъ приняли постоянный, профессіональный характеръ. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. ѣздилъ на островъ Сахалинъ, чтобы потомъ написать книгу о нашей ссыльной колоніи и каторгѣ. Не считая судебныхъ отчетовъ, рецензій, фельетоновъ, замѣтокъ, всего, что писалось изо-дня въ день для газетъ, и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лѣтъ литературной дѣятельности было написано и напечатано болѣе 300 листовъ повѣстей и разсказовъ. Писалъ я и театральныя пьесы.

Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ. Они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня насторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе.

Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ на-

учными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т.-е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность, и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу, и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать.

Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ Воскресенской земской больницѣ (близъ Новаго Іерусалима), у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго, потомъ недѣлю былъ врачомъ въ Звенигородской больницѣ. Въ холерные годы (1892—1893) завѣдывалъ мелиховскимъ участкомъ Серпуховского уѣзда»

Второй автобіографическій набросокъ данъ А П-чемъ по просьбѣ беллетриста - драматурга Вл. Тихонова, нуждавшагося въ такомъ очеркѣ для журнала, кото рый онъ редактировалъ. Начавшій его точными хронологическими датами, Чеховъ сразу соскользнулъ на юмористическій тонъ, однако и среди шутки здѣсь мелькаетъ не безразличная для біографа деталь.

«...Вамъ нужна моя біографія?—пишетъ Чеховъ.— Вотъ она.

«Родился я въ Таганрогѣ въ 1860 г. (17 января). Въ 1878 г. кончилъ курсъ въ таганрогской гимназіи. Въ 1884 г. кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 году получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. совершилъ путешествіе на Сахалинъ и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турнэ по Европѣ, гдѣ пилъ прекрасное вино и ѣлъ устрицъ. Въ 1892 г. гулялъ на именинахъ съ

В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 г. въ «Стрекозѣ». Сборники мои суть: «Пестрые разсказы», «Въ сумеркахъ», «Хмурые люди» и повѣсть «Дуэль». Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умѣренно.

«Переведенъ на всѣ языки, за исключеніемъ иностранныхъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы тоже одобряютъ. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постигъ я будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачами, такъ и литераторами, пребываю въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Холостъ. Желалъ бы получить пенсію. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, лѣтомъ произвожу судебно-медицинскія вскрытія, коихъ не совершалъ уже года два—три. Изъ писателей предпочитаю Толстого, изъ врачей Захарьина».

При всей своей краткости первая записка А. П-ча не безынтересна въ смыслѣ показанія того, что̀ самъ Чеховъ считалъ нужнымъ особенно выдвинуть въ своемъ писательскомъ обликѣ.

II

Дѣдъ Антона Павловича Чехова, Егоръ Михайловичъ Чехъ, былъ изъ крѣпостныхъ. О происхожденіи его фамиліи свѣдѣній не сохранилось. Безспорно одно, что въ далекихъ своихъ развѣтвленіяхъ родъ Чеховыхъ теряется въ воронежскихъ нѣдрахъ. Въ одномъ изъ писемъ къ А. И. Эртелю Чеховъ писалъ: «Вы—воронежскій уроженецъ? Моя фамилія тоже ведетъ свое начало изъ воронежскихъ нѣдръ, изъ Острогожскаго уѣзда. Мои дѣдъ и отецъ были крѣпостными у Черткова, отца того самаго Черткова, который издаетъ книжки» (т.-е. Толстого).

Человѣкъ большого характера, Егоръ Чехъ поста-

вилъ своей цѣлью выкупъ на волю. Скопивъ нужную сумму, въ 1841 г. онъ выкупился, по свидѣтельству брата Чехова, М. П., за 3500 р., по 700 р. за душу и поступилъ на службу въ имѣнія графини Платовой—степныя слободы Крѣпкую и Княжую. Въ послѣдней онъ дослужился до должности управляющаго. Юный Чеховъ здѣсь иногда проводилъ свои лѣтніе мѣсяцы.

Дѣти Чеха были уже свободными. Ихъ было трое: Михаилъ, Павелъ, отецъ писателя, и Митрофанъ.

Дѣдъ Чеховыхъ, жившій всегда въ Малороссіи и являвшійся какъ бы неотъемлемой частью деревни Княжей, былъ, по разсказу товарища дѣтства Антона Павловича, П А. Сергѣенко,—на рѣдкость цѣльной. независимой и своеобразной личностью. Даже одѣвался онъ, будто бы, не такъ, какъ другіе, а всегда соединялъ жилетъ и брюки посредствомъ пуговицъ въ одно цѣлое, «представляя собою какъ бы подвижную бронзовую статую».

Пріѣздъ внуковъ всегда радовалъ гостепріимнаго старика, и онъ помѣщалъ ихъ иногда «точно графятъ» въ огромномъ барскомъ домѣ, всячески баловалъ ихъ по-своему, возилъ на бѣговыхъ дрожкахъ по полямъ, познакомилъ съ процессомъ куренія и гонораромъ (по 3 коп.) за «литературные труды» въ конторѣ.

Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ строгъ и педантиченъ до неумолимости. Такъ, до извѣстнаго времени нельзя было ни подъ какимъ видомъ пользоваться яблоками въ графскомъ саду. Такимъ же неумолимымъ охранителемъ былъ и его подручный. И молодые Чеховы, «невзирая ни на какія диверсіи», все-таки не могли лакомиться яблоками.

Въ качествѣ показанія ранней «игры ума» въ ребенкѣ, разсказывается случай, когда однажды Антонъ предложилъ пари брату Ивану, что сорветъ въ саду не только

какое-нибудь, а любое яблоко, и не ночью, не тайкомъ, а днемъ и въ присутствіи дѣдушки. Пари было принято.

Въ назначенный часъ Антонъ вызвалъ въ садъ дѣда и, поставивши брата Ивана лицомъ къ намѣченному яблоку, заявилъ старику, что перепрыгнетъ черезъ брата. Дѣдъ засосалъ трубку и позволилъ.

Антонъ разбѣжался и, перепрыгнувъ черезъ брата, одновременно сорвалъ намѣченное яблоко. Дѣдъ былъ въ восторгѣ отъ ловкости внука, хохоталъ на весь садъ и не вздумалъ сердиться.

Самыя яркія и благоуханныя впечатлѣнія юности Чехова связаны не съ Таганрогомъ, а именно съ этой деревней *Княжей*. Тутъ впервые, по словамъ Сергѣенка, онъ прикоснулся душою къ русской природѣ. Сами по себѣ поѣздки изъ города въ деревню (около 60-ти верстъ), то на лошадяхъ («все зависѣло отъ оккасія»), то на волахъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ ночлегами подъ бархатнымъ небомъ Украйны, на душистыхъ коврахъ свѣжаго сѣна, — уже однѣ такія поѣздки, безъ старшихъ и безъ ихъ стѣсняющей опеки — должны были вносить въ свободолюбивую душу высоко одареннаго мальчика гаммы новыхъ впечатлѣній.

Старшій сынъ Егора Чеха былъ отданъ отцомъ въ ученье въ переплетчики въ Калугу, гдѣ скоро получилъ извѣстность, какъ лучшій мастеръ. Онъ тоже назывался еще не Чеховъ, а Чоховъ. Разъ онъ прислалъ своему отцу подарокъ — весьма сложную, искусно сдѣланную шкатулку. Этой памяткой очень дорожилъ Антонъ Павловичъ.

Дядя Антона Павловича, Митрофанъ Егоровичъ держалъ бакалейную торговлю въ Таганрогѣ. Сюда же въ 1844 г. переселился отецъ Чехова, Павелъ Егоро-

вичъ. Отъ Митрофана остались два сына—Владимиръ и Егоръ. Послѣднiй былъ любимцемъ писателя, къ нему написанъ длинный рядъ самыхъ теплыхъ, самыхъ задушевныхъ писемъ. Дѣти Михаила Чехова всѣ стали коммерсантами

Роль родного дяди Чехова въ дѣлѣ воспитанiя и поддержки его и братьевъ остается нѣсколько неясной по перепискѣ А. П. Повидимому, влiянiе Митрофана Егоровича было значительно и несомнѣнно благотворно. Чеховъ навсегда сохранилъ къ нему чувство благодарности и дружбы. Много разъ онъ пишетъ ему длинные дружественные доклады о себѣ и своихъ успѣхахъ, примѣняясь къ простому пониманiю родственника, а одинъ разъ категорически устанавливаетъ фактъ воспитательнаго влiянiя дяди на себя и свою семью.

«Вы у насъ *единственный* и другого такого близкаго родственника у насъ не было, да едва ли и будетъ. Дѣло не въ томъ, что вы родной дядя, а въ томъ, что мы не помнимъ того времени, когда бы вы не были нашимъ другомъ... Вы всегда прощали намъ наши слабости, всегда были искренни и сердечны, а это имѣетъ громадное влiянiе на юность! Вы, сами того не подозрѣвая, были нашимъ воспитателемъ, подавая намъ примѣръ постоянной душевной бодрости, снисходительности, состраданiя и сердечной мягкости... Искренно жму вамъ руку и благодарю. Когда, Богъ дастъ, лѣтъ черезъ 10—15 я буду описывать для печати свою жизнь, то поблагодарю васъ передъ всѣмъ читающимъ мiромъ, а теперь жму только руку (1886)»

Когда дядя умеръ, Чеховъ былъ опечаленъ и писалъ племяннику: «Я любилъ покойнаго дядю всей душой и уважалъ его» (П., IV, 324). Смерть его онъ приписывалъ истощенiю отъ чрезмѣрнаго труда. Ему каза-

лось, что онъ «сталъ жертвою своего необыкновеннаго трудолюбія» (IV, 326).

Отца писателя, Павла Егоровича, дѣдъ перевезъ изъ деревни въ Таганрогъ и отдалъ мѣстному богатому купцу Кобылину въ мальчики-лавочники. Молодому П. Е. пришлось здѣсь пройти школу сначала мальчика, потомъ «молодца», наконецъ старшаго приказчика. Въ молодые же годы онъ изучалъ сахаровареніе на заводѣ Гирша, исполнялъ порученія хозяина, съ большими деньгами его ѣздилъ съ гуртомъ скота. Во время путешествій онъ попалъ въ Шую и тамъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту, дочь купца. Евгенію Яковлевну Морозову.

Женившись въ 1854 году, отецъ Чехова перемѣнилъ жизнь на осѣдлую. Въ Таганрогѣ онъ открылъ съ 1857-го г., по примѣру брата, колоніальную лавку, соединенную съ виннымъ погребкомъ «на выносъ и распивочно», куда обыватель заходилъ за полквартой сантуринскаго или стаканчикомъ водки,—лавку того особаго типа, какую вызвалъ къ жизни своеобразный бытъ южнаго города съ пестрымъ населеніемъ.

Отсвѣтъ талантливости и высшей интеллигентности, какой упалъ отъ самого Чехова, его братьевъ и сестры и на Чеховыхъ родителей, безспорно, внесъ черты идеализаціи и въ представленіе объ его отцѣ. Ниже мы увидимъ, сколько жесткаго и терпкаго было въ характерѣ этого человѣка, въ методѣ его воспитанія дѣтей, въ режимѣ управляемой имъ семьи. Да и неоткуда было взяться высокимъ устоямъ жизни въ чернорабочемъ, такъ невзысканномъ судьбой и вынужденномъ вести борьбу за существованіе среди низкихъ слоевъ общества, вовсе далекихъ отъ занятій и мыслей интеллигента. Гнетъ тяжелаго характера П. Е., одинаково отмѣчаемаго братьями Антономъ и Але-

ксандромъ, отчасти и авторами воспоминаній со стороны, могъ значительно смягчиться съ того времени, когда отецъ пересталъ быть кормильцемъ семьи, уступивъ эту роль сыну. Несомнѣнно также, и мы фактически увидимъ это дальше,—что, вліяя на дѣтей, старикъ и самъ нѣчто, и многое, заимствовалъ отъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, усиленное подчеркиваніе въ немъ постоянныхъ тяготѣній къ искусству можно разсматривать, какъ болѣе позднюю версію, естественно явившуюся подъ перомъ тѣхъ, кому хотѣлось наслѣдственно объяснить и подготовить высокое одареніе сына. Безспорно, однако, что этотъ человѣкъ былъ не чуждъ влеченій къ знанію и искусству. Въ молодости, живя въ деревнѣ и постоянно посѣщая церковь, онъ выучился у мѣстнаго священника играть на скрипкѣ по нотамъ и по нотамъ пѣть. Въ разговорахъ онъ цитировалъ Кольцова. Самъ А. П—чъ, по свидѣтельству брата М. П., считалъ свой талантъ унаслѣдованнымъ отъ отца. П. Е. и рисовалъ. Писанная имъ икона Іоанна Богослова и теперь еще цѣла и находится въ ялтинскомъ домѣ А. П., въ его кабинетѣ (БЧ).

Даже ставъ коммерческимъ человѣкомъ, П. Е. не утратилъ той поэтической жилки, которую пробудила въ немъ степная жизнь. Практическій и расчетливый, онъ одухотворялся и молодѣлъ, когда разговоръ переходилъ на степь, на привольную жизнь, на табуны и казачество.

Скрипка, знаніе музыки и хорошій голосъ, выработанный во время степныхъ походовъ, создали новую профессію Павлу Егоровичу, тѣмъ болѣе, что торговля его шла неважно. На свояченицѣ его былъ женатъ другъ и товарищъ его, А. Б. Долженко, начавшій свою дѣятельность такими же степными путешествіями по Россіи за скупкой холста и разныхъ крестьянскихъ издѣ-

лій. Большой любитель духовнаго пѣнія, Долженко на этомъ сошелся съ П. Е. Сначала они пѣли въ греческомъ монастырѣ, потомъ во дворцѣ, въ походной церкви, и въ соборѣ. П. Е. обучалъ хоръ подъ скрипку и былъ регентомъ. Въ связи съ этимъ, въ своемъ кругу П. Е. Чеховъ пользовался уваженіемъ. Онъ даже былъ избранъ на почетную и потому безплатную должность ратмана полиціи, а впослѣдствіи—члена торговой депутаціи («В. Евр.» 1907. IV, 546). Офиціально онъ значился таганрогскимъ купцомъ 3-й гильдіи [1]).

Въ этой-то семьѣ П. Е-ча Чехова и жены его Евгеніи Яковлевны 17 января 1860 г. въ домѣ по Чеховской улицѣ (нынѣ № 47) родился сынъ Антонъ. Метрическое свидѣтельство его цѣло донынѣ. Изъ него видно, что воспріемниками его были «купеческій братъ» С. Ф. Титовъ и купеческая жена Д. К. Сафьянопуло, крестилъ же его священникъ Орловскій.

«Родился я,—писалъ А. П. городскому головѣ Таганрога П. Ф. Іорданову отъ 1902 года:—въ домѣ Болотова (такъ говоритъ моя мать), или Гнутова, около Третьякова В. Н., на Полицейской ул., въ маленькомъ флигелѣ во дворѣ. Дома этого, вѣроятно, уже нѣтъ».

А. П. ошибался,—домъ этотъ сохранился донынѣ. Отъ этого крошечнаго флигеля въ три комнаты съ кухней бывшая Полицейская улица теперь называется «Чеховской». Современное описаніе этого домика сдѣлано В. Г. Таномъ («Соврем. Міръ», 1910, 1. 166).

---

[1]) Ал. Чеховъ-Сѣдой пишетъ «второй» («В. Е». 1907, IV, 546), но, кажется, можно больше довѣрять офиціальному документу,—записи метрической книги о Чеховѣ, гдѣ П. Е. означенъ купцомъ 3-й гильдіи. Метрическая запись приведена полностью въ трудѣ о Чеховѣ Ф. Мускатблита, стр. 10

Всѣхъ дѣтей у П. Е. Чехова было шесть—Николай, Александръ, Антонъ, Михаилъ, Иванъ и Марія

Наиболѣе близкими изъ братьевъ къ А. Павловичу былъ братъ Николай, котораго знавшіе изображаютъ человѣкомъ съ своеобразнымъ и живымъ характеромъ, талантливымъ, порывистымъ, вспыльчивымъ, правдивымъ, безумно любившимъ музыку и свою профессію. «А. П. говорилъ, что братъ Николай—самый ему симпатичный человѣкъ. Въ свою очередь Николай Чеховъ называлъ (въ бесѣдѣ) Антона «добрымъ, какъ Христосъ» (Н. Ежовъ, «Н. Вр.», 1904, № 10185).

III

Первоначальное образованіе А. П. получилъ въ греческой приходской школѣ при Цареконстантиновской церкви. Главную роль въ этомъ рѣшеніи отца сыграли мѣстные греки и учитель греческой школы Вучина. Они преодолѣли нерѣшительность семьи, гдѣ отецъ, какъ человѣкъ коммерческій, давно учитывалъ знаніе сыновьями греческаго языка, мать же подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ гимназическихъ учителей, забиравшихъ провизію въ лавочкѣ ея мужа, стояла за гимназію. Благопріятный случай помогъ отцу внести требующіяся 25 рублей годовой платы, и въ спискахъ школы Вучины такъ явились два новыхъ имени «Николаосъ Тсехофъ» и «Антоніосъ Тсехофъ».

Въ трехъ большихъ очеркахъ: «А. П. Чеховъ въ греческой школѣ» («В. Евр.», 1907, IV), «А. П. Чеховъ—лавочникъ» и «А. П. Чеховъ—пѣвчій» («В. Евр.», 1907, X) братъ его Ал. П. (за подписью А. Сѣдой) зарисовалъ съ большою подробностью и даже въ беллетристической формѣ, впрочемъ, нѣсколько мѣшающей, то время, когда будущій писатель, еще маленькимъ

школьникомъ преодолѣвалъ первыя трудности науки и помогалъ отцу въ его торговомъ дѣлѣ. Здѣсь передъ его глазами проходили сотни своебразныхъ типовъ таганрогскаго обывателя, отъ монашка съ Аѳона, зашедшаго украдкой «пропустить» стаканъ вина, до мѣстныхъ грековъ, говорящихъ на жаргонѣ. Грекъ Дымба изъ «Свадьбы», по словамъ разсказчика, срисованъ съ одного изъ завсегдатаевъ, съ утра до ночи засѣдавшихъ въ лавкѣ Павла Егоровича.

Анекдотическую школу Вучины и атмосферу ея Александръ Чеховъ рисуетъ крайне мрачными красками. Грекъ-учитель и его помощникъ Спиро, маклеръ по хлѣбной части, были люди невѣжественные. Учительство выпало Вучинѣ въ удѣлъ, какъ совершенная случайность.

Николай Спиридоновичъ Вучина, или—въ греческомъ произношеніи Николаосъ Вутсинасъ, по его собственнымъ словамъ, родился въ Кефалоніи и въ Россію прибылъ «безъ панталонія» искать счастія, которое никакъ не давалось ему въ руки на родинѣ. Получилъ ли онъ хоть какое-нибудь образованіе—осталось навсегда тайною. Точно такъ же никто изъ таганрожцевъ не зналъ, когда и въ какомъ видѣ онъ вступилъ впервые на русскую землю. Всѣ узнали его уже прямо учителемъ греческой школы. «Обучались въ школѣ, главнымъ образомъ, дѣти шкиперовъ, дрягилей, матросовъ, мелкихъ маклеровъ, грековъ-ремесленниковъ и вообще лицъ низшаго ранга. Негоціанты-меценаты и мало-мальски достаточные купцы дѣтей своихъ сюда не отдавали и къ самой школѣ относились брезгливо. И, пожалуй, не безъ основанія: ученики представляли собою «смѣсь одеждъ и лицъ». Одинъ, по бѣдности родителей, являлся въ классъ безъ всякой обуви, босикомъ, другой—въ изорванной и вымазанной Богъ

вѣсть чѣмъ рубахѣ, третій—со слѣдами уличной битвы, и только очень немногіе были одѣты болѣе или менѣе прилично. Въ большинствѣ случаевъ это были «уличные мальчишки», изощрившіеся въ кулачныхъ бояхъ и всякаго рода подвигахъ и шалостяхъ, свойственныхъ дѣтямъ, оставляемымъ безъ призора. Любимымъ занятіемъ большинства было шататься по гавани среди выгружаемыхъ иностранныхъ товаровъ и воровать изъ ящиковъ, боченковъ, кулей и мѣшковъ рожки, орѣхи, винныя ягоды, апельсины и лимоны. За это имъ, что называется, «влетало» отъ дрягилей и хозяевъ товара, и многіе изъ нихъ являлись въ школу съ выдернутыми вихрами, распухшими отъ пощечинъ физіономіями, сильно надранными ушами, а иногда и со слѣдами той экзекуціи, которая мѣшаетъ наказанному сидѣть». («В. Евр.» 1907, IV, 551).

Всѣхъ учениковъ было до 70-ти. Все это былъ типичный черномазый и горбоносый народъ. Будущій русскій писатель сразу очутился въ какомъ-то новомъ и чуждомъ по нравамъ и языку мірѣ. Кругомъ него говорили всѣ по-гречески, задавали вопросы по-гречески и отвѣчали на его русскіе вопросы тоже на этомъ языкѣ. Очутившись столь неожиданно въ этой чуждой средѣ, Антонъ Павловичъ—какъ онъ самъ разсказывалъ послѣ—сразу опѣшилъ и струсилъ.

Тѣлесныя наказанія въ школѣ считались узаконеннымъ пріемомъ. Къ наказаннымъ примѣнялись пріемы, достойные старой бурсы. Билъ дѣтей не только учитель, но тутъ же, на глазахъ учениковъ, расправлялись съ провинившимися сыновьями отцы. Протестовать было некому. Воспитаніе юнаго Чехова, рядомъ съ разными Ликацасами, Антонопулосами и Макрасами шло въ чисто-демократическомъ направленіи и ставило его лицомъ къ лицу съ живою и неприглядною жизнью.

Начала ученической жизни и быта были совершенно патріархальны. «Въ большой комнатѣ стояли пять рядовъ длинныхъ, черныхъ, грязныхъ и изрѣзанныхъ ножами школьныхъ партъ. Въ началѣ каждаго ряда этихъ партъ возвышался черный шестъ и наверху его—черная же табличка съ римскою цифрою отъ I до V. Это и были классы. Въ каждомъ классѣ велось свое отдѣльное преподаваніе. Но если по какимъ-либо обстоятельствамъ въ какомъ-нибудь классѣ становилось тѣсно то учитель, не задумываясь и не соображаясь съ познаніями, переводилъ учениковъ въ другіе классы, гдѣ мѣста было больше. Справлялся же Вучина съ своимъ труднымъ преподавательскимъ дѣломъ очень легко: онъ почти ничего не дѣлалъ и только дрался и изобрѣталъ для учениковъ наказанія. Въ этомъ и заключалось все преподаваніе. Въ настоящее время существованіе подобнаго учебнаго заведенія было бы немыслимо, а тогда оно было не только возможно, но даже и въ порядкѣ вещей. Шкипера и дрягили отдавали своихъ дѣтей въ эту школу не столько для обогащенія ума книжной наукой, сколько для того, чтобы они не баловались и не мѣшали дома. Одни только наивные люди и меценаты могли вѣрить въ то, что въ этой школѣ ребенокъ могъ чему-нибудь научиться» (ibid. 552).

Беллетристическая форма, какой отдаетъ предпочтеніе Ал. Чеховъ, къ сожалѣнію, допускаетъ возможность преувеличеній и сгущенія красокъ. Ал. Чеховъ пользуется въ своемъ разсказѣ такими эффектами, рисуетъ таганрогскую бурсу такимъ «мертвымъ домомъ», что даже при сознаніи его близости къ Ант. П. и отвѣтственности его за эти біографическія страницы,—остается мѣсто для сомнѣнія. Положительно невозможно вѣрить, чтобы живой мальчикъ сохранилъ свою жизне-

радостность, пробывъ цѣлыхъ два года въ томъ адѣ, какой описываетъ Сѣдой. Особенно выдѣлены у него три случая училищной жизни,—смертный бой одного изъ учениковъ его родственникомъ-матросомъ, невѣроятная кара другого... подвѣшеніемъ на оконномъ ставнѣ (!) и проведеніе третьяго сквозь строй. Подозрѣваемый въ дерзкомъ поступкѣ (впрочемъ, не имъ совершонномъ) ученикъ, увѣшанный позорными атрибутами, былъ поставленъ на стулъ передъ каѳедрой. Каждый изъ учениковъ долженъ былъ обозвать его мерзавцемъ и плюнуть ему въ лицо. Исполнилъ будто бы этотъ приказанный обрядъ и маленькій Чеховъ, «и долго потомъ помнилъ его, хотя и не любилъ вспоминать о немъ, какъ о гнусномъ надругательствѣ надъ человѣкомъ изъ чувства личной мести» (ibid. 570).

Авторъ невысокаго художественнаго вкуса, которому часто недоставало именно чувства мѣры, А. Сѣдой, надо думать, увлекся въ сгущеніи тоновъ этого быта, котораго самъ не былъ прямымъ свидѣтелемъ, и превратилъ его въ кошмаръ, какимъ онъ не былъ. Изъ такихъ школъ не выходятъ такіе, какъ Чеховъ, и пресловутая бурса 40-хъ годовъ Помяловскаго—не могла быть раемъ въ сравненіи съ частной школой 60-хъ гг., свободно контролируемой обывателями. По всему кажется, что школа Вучины была учрежденіемъ скорѣе юмористическимъ, чѣмъ страшнымъ.

Греческая школа не была кошмаромъ, но это вѣрно, что пребываніе въ ней было безплоднымъ, а память объ ея нравахъ, не отрицаемо грубыхъ осталась въ ея питомцѣ недобрая. Незадолго до смерти въ Ялтѣ, узнавъ, что нѣкоторые его разсказы переведены на греческій и перелистывая книжку на совершенно не доступномъ ему языкѣ, А. П. выразилъ удивленіе, что братъ его запомнилъ еще хоть что-нибудь отъ уроковъ

этой школы. «Не люблю я вспоминать о ней, сказалъ онъ,—много испортила она моихъ дѣтскихъ радостей. Интересно бы знать, живы ли еще Вучина и Спиро» (ibid., 571).

Антипатію къ греческой школѣ А. П. перенесъ и на самый греческій языкъ. Извѣстно, что на второй годъ онъ оставался во второмъ классѣ именно изъ-за этого предмета. Въ разсказѣ «Учитель словесности» (соч., т. X, 37) упоминается «бездарный и безличный чехъ, преподаватель греческаго языка», — очевидно, какъ нарицательное имя, какъ воплощеніе педагогической бездарности.

Черезъ два напрасно потерянныхъ года, въ 1868 году, Антонъ Чеховъ былъ взятъ отъ анекдотическаго Вучины и отданъ въ приготовительный классъ таганрогской гимназіи, тогда не входившій въ составъ учрежденія и даже помѣщавшійся въ особомъ зданіи, поблизости.

Гимназическіе годы А. П. проходятъ между домомъ, гимназіей и лавочкой. Подробно прослѣдить ихъ біографу его позволяетъ второй изъ названныхъ очерковъ его брата, Александра («В. Е.» 1908. XI).

Обезпечивая общій хлѣбъ, въ бакалейной лавочкѣ съ большой вывѣской «Чай, сахаръ, кофе и другіе колоніальные товары» и другою поменьше—«На выносъ и распивочно» работаетъ вся семья Чеховыхъ вслѣдъ за отцомъ. Въ холодной лавкѣ свои часы дежурства несетъ и восьмилѣтній Антонъ. По примѣру старшихъ онъ торгуетъ самыми разнообразными товарами. Вызванная къ жизни своебычными требованіями провинціальнаго городка, лавочка содержитъ все, что нужно для житейской потребы—отъ чая, помады, перочинныхъ ножей, масла, фитилей для лампы—вплоть до лѣкарственныхъ корней и травъ и какихъ-то сомни-

тельныхъ специй, стоящихъ на грани реальнаго и мистическаго, въ родѣ «семитравника», «всеисцѣляющаго пластыря д-ра Алякринскаго», или «семибратней крови» (стр. 198). Рядомъ съ прованскимъ масломъ и дорогими духами здѣсь продаются маслины, винныя ягоды, керосинъ, макароны, сальныя свѣчи,—все, что угодно. Лавка Чехова—одновременно и бакалейная лавка, и аптека безъ разрѣшенія начальства, и клубъ для завсегдатаевъ, и мѣсто, гдѣ всегда можно выпить рюмку водки и даже напиться сантуринскимъ до полнаго опьянѣнія.

Антонъ Чеховъ идетъ сюда иногда съ уроками и здѣсь урывками учитъ ихъ. Его ближайшее общество— два мальчугана-приказчика, отданные харьковской крестьянкой его отцу въ «ученье на года» и несущіе тяжелую лямку. Господствующія впечатлѣнія—разговоры приходящей сѣрой публики... «Это—мелкіе хлѣбные маклера-завсегдатаи, свившіе себѣ гнѣздо въ лавкѣ Павла Егоровича. Лавка служитъ для нихъ клубомъ, въ которомъ они за рюмкою водки праздно убиваютъ время. А зимою дѣла у нихъ нѣтъ никакого. Привозовъ изъ деревень нѣтъ, имъ покупать и перепродавать нечего. Купля и перепродажа идутъ только лѣтомъ и осенью. У каждаго изъ нихъ есть своя квартира и семья, но они предпочитаютъ проводить время въ лавкѣ и отъ времени до времени выпиваютъ по стаканчику водки, благо хозяинъ вѣритъ имъ въ долгъ и почти всегда составляетъ имъ компанію. Говорятъ они обо всемъ, но большею частью пробавляются выдохшимися и не всегда приличными анекдотами» («В. Е.» 1908, XI. 195).

Постоянно заходятъ сюда бродячіе монахи, сборщики «на святую гору Аѳонскую», здѣсь они отдыхаютъ, ѣдятъ и пьютъ, ссорятся и запиваютъ перемирія. Если

искать прототиповъ къ чеховскимъ заблудящимъ монашкамъ и странникамъ, если устанавливать, откуда въ его разсказахъ взялись замытаренныя дѣти, невысыпающіяся и рано превращенныя въ машинъ («Спать хочется») или теряющія жизнерадостность и рано воспринимающія міръ несмѣющимся, озабоченнымъ взглядомъ (Егорушка изъ «Степи»)—нужно обратиться сюда, къ первымъ годамъ пребыванія А. П. въ гимназіи.

И время каникулъ у братьевъ проходило въ лавкѣ. Единственнымъ ихъ гуляньемъ—было посидѣть на крылечкѣ и вечеромъ послушать отдаленную музыку городского сада. Былъ даже моментъ, когда отецъ собирался вовсе взять сыновей изъ гимназіи и опредѣленно пустить ихъ «по коммерческой части». Даже, пріѣзжая въ гости, напр., къ дѣду, А. П. оказывался на положеніи не барчука, а работника. Поправкой къ показанію Сергѣенка, рисующаго эти побывки у дѣда, какъ сплошной праздникъ, являются строки чеховскаго письма. «Въ дѣтствѣ, живя у дѣдушки въ имѣньи гр. Платова,—разсказывалъ онъ Суворину,—я по цѣлымъ днямъ отъ зари до зари долженъ былъ просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченнаго зерна; свистки, шипѣнье и басовой, волчкообразный звукъ, который издается паровикомъ въ разгаръ работы, скрипъ колесъ, лѣнивая походка воловъ, облака пыли, черныя, потныя лица полсотни человѣкъ—все это врѣзалось въ мою память, какъ «Отче нашъ».

Любимымъ занятіемъ ребенка было составленіе коллекцій насѣкомыхъ и игра въ торговлю, бывшая продолженіемъ дѣйствительныхъ и нужныхъ занятій его въ лавкѣ отца. Сохранились отъ той поры свидѣтельства, что онъ еще ребенкомъ мастерски считалъ на счетахъ. Всѣ тогда думали, что изъ него выйдетъ

коммерсантъ. Осенью Чеховъ «ловилъ пѣвчихъ птицъ и продавалъ ихъ на базарѣ» (собств. показаніе въ письмѣ Суворину, 1891 г. 29 іюля). Большимъ любителемъ былъ маленькій Чеховъ до ягодъ: за эту склонность ему приходилось почти постоянно расплачиваться. Сохранилось его же свидѣтельство, что ему «каждый день драли уши за ягоды» (П., IV, 104).

Всѣ показанія объ отцѣ Чехова единогласно представляютъ его человѣкомъ типичнаго трудового уклада. Только начатки любви къ искусству нѣсколько возвышали его надъ этой категоріей прижимистыхъ, озабоченныхъ, дѣловитыхъ и суровыхъ людей. Свой домъ, жену и семью онъ правилъ рукою властною и иногда, очевидно, желѣзною. Только ласка матери разряжала порой сильно сгущенную домашнюю атмосферу. Ласки отцовской дѣти, повидимому, не знали. Что до самого А. П., то доказательствомъ этого въ немъ было почти повышенное благодарное ощущеніе всякой къ себѣ симпатіи. «Спасибо за ласковое слово и теплое участіе,— пишетъ онъ В. А. Тихонову:—*Меня маленькаго такъ мало ласкали*, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласку, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Поэтому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно»...

Примѣненіе тѣлеснаго наказанія въ семьѣ Чеховыхъ не составляетъ вопроса. Это—фактъ, удостовѣренный какъ самимъ А. П., такъ и его братьями. Какъ совмѣстить его съ не менѣе удостовѣренными влеченіями отца-Чехова къ міру духовныхъ удовлетвореній, съ тяготѣніемъ его къ искусству, а матери—къ книгѣ? Отвѣтъ въ одномъ—въ духѣ времени. Самъ воспитавшійся на мѣдныя деньги и въ дореформенныхъ условіяхъ,

П. Е. держался ихъ, какъ добраго урока. Позднѣе отъ собственныхъ дѣтей онъ воспринялъ урокъ новыхъ педагогическихъ отношеній. «Въ обиходѣ Павла Егоровича,—пишетъ Ал. Чеховъ («Чеховъ-лавочникъ», 263),—оплеушины, подзатыльники и порка были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ, и онъ широко примѣнялъ эти исправительныя мѣры и къ собственнымъ дѣтямъ и къ хохлятамъ-лавочникамъ. *Предъ нимъ всѣ трепетали и боялись его пуще огня*... По природѣ онъ былъ вовсе не злымъ и даже скорѣе добрымъ человѣкомъ, но его жизнь сложилась такъ, что его съ самыхъ пеленокъ драли и, въ концѣ-концовъ, заставили увѣровать въ то, что безъ лозы воспитать человѣка невозможно. Разубѣдился онъ въ этомъ уже въ глубокой старости, когда жилъ на покоѣ у Антона Павловича, въ Мелиховѣ. Однажды стали въ присутствіи Павла Егоровича вспоминать прошлое и, между прочимъ, вспомнили и лозу. Лицо старика опечалилось.—«Пора бы ужъ объ этомъ и позабыть,—проговорилъ онъ виноватымъ тономъ,—мало ли что было въ прежнее время!.. Прежде думали иначе».

Зная эту деталь семейной жизни Чехова, можно не задумываться надъ тѣмъ, откуда заимствованы воспоминанія тяжелаго дѣтства нѣкоторыхъ его героевъ. «Я помню,—говоритъ Лаптевъ въ «Трехъ годахъ»,—отецъ началъ учить меня, или, попросту говоря, бить, когда мнѣ не было еще пяти лѣтъ. Онъ сѣкъ меня розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ, и я, просыпаясь, каждое утро думалъ прежде всего: будутъ ли сегодня драть меня. Играть и шалить мнѣ и (брату) запрещалось; мы должны были ходить къ утрени и къ ранней обѣднѣ, цѣловать попамъ и монахамъ руки, читать дома акаѳисты. Ты вотъ религіозна, и все это любишь, а я боюсь религіи, и когда прохожу мимо

церкви, то мнѣ припоминается мое дѣтство и становится жутко. Когда мнѣ было восемь лѣтъ, меня уже взяли въ амбаръ; я работалъ, какъ простой мальчикъ, и это было нездорово, потому что меня тутъ били почти каждый день. Потомъ, когда меня отдали въ гимназію, я до обѣда учился, а отъ обѣда до вечера долженъ былъ сидѣть все въ томъ же амбарѣ». (Т. X, 104).» Развѣ это не языкъ чеховскихъ писемъ, не детальная ссылка на его собственное прошлое?

Сама скудная, среда покупателей чеховской лавочки не могла поддержать дѣла, висѣвшаго въ сущности на ниточкѣ. Въ итогѣ заботъ отца и хлопотъ цѣлой семьи получался вмѣсто барыша убытокъ. Въ 1870 гг. къ городу подвели желѣзнодорожный путь, сильно пошатнувшій вообще положеніе Таганрога и въ частности сократившій стараго покупателя Чехова изъ хохловъ-литвиновъ. Лавку оставалось закрыть.

Ал. Чеховъ въ своемъ разсказѣ приводитъ частный случай, нанесшій будто бы рѣшительный ударъ дѣлу П. Е. Чехова. Къ сожалѣнію, и этотъ эпизодъ такъ неправдоподобно анекдотиченъ,—какъ, впрочемъ, многое у Ал. Чехова,—что біографъ и его не въ правѣ принять безъ оговорокъ, тѣмъ болѣе, что эпизодъ прямо сбивается на ходячій анекдотъ. Началомъ конца, по этому разсказу, послужилъ будто бы случай съ крысой, утонувшей въ бочкѣ съ 20-ю пудами прекраснаго галлипольскаго масла. Экономный отецъ Чехова не могъ примириться съ такой потерей и рѣшилъ, не выливая опоганеннаго масла, — очистить его торжественнымъ освященіемъ по церковному чину. Ал. П. подробно описываетъ, какъ состоялось это освященіе соборнымъ протопопомъ, какъ было «устроено великое торжество» (213) въ присутствіи всей семьи и даже кой-кого изъ «приглашенныхъ», какъ потомъ, съ отвращеніемъ, при-

сутствовавшіе пробовали масло и т. д. Масло затѣмъ было съ чистою совѣстью пущено въ продажу, но молва о крысѣ отпугнула покупателей. «Къ величайшему удивленію и недоумѣнію(!?) Павла Егоровича, торговля сразу упала, а на деревянное масло спросъ прекратился совсѣмъ (214). Тянуть далѣе уродливую коммерческую канитель было нельзя. Съ лавкою пришлось покончить, хотя и не безъ попытокъ вынырнуть вновь. П. Е. перевезъ жалкіе остатки товаровъ въ новую лавку на базарѣ, но и тутъ не повезло. Пришлось окончательно ликвидировать дѣло». Это было въ 1876 году.

Допустить нелѣпость разглашенія роняющей торговлю тайны самимъ же практическимъ и умнымъ П. Е-чемъ значило бы ввести въ его характеристику черты, совершенно противорѣчащія тому, что мы о немъ знаемъ. Увлекающійся человѣкъ, Ал. Чеховъ, видимо, переоцѣнилъ мелкій торговый анекдотъ, случающійся сотнями въ этомъ дѣлѣ, и придалъ ему значеніе, какого онъ не имѣлъ. Финалъ торговаго дѣла отца Чехова подготовляли, конечно, болѣе серьезныя и болѣе очевидныя причины.

Долго назрѣвавшій и все-таки явившійся тяжкою неожиданностью матеріальный крахъ семьи Чеховыхъ засталъ Антона Павловича въ 4-мъ классѣ гимназіи. Старшій братъ Александръ только что окончилъ въ ней курсъ. Онъ отправился въ Москву въ университетъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, поступившимъ въ московское училище живописи и ваянія. На послѣдніе гроши туда же потянулся и отецъ. Вскорѣ въ 1879 г. самый домъ, гдѣ А. П. воспитался и выросъ (на углу Елизаветинской и Донского пер.) былъ проданъ мѣстному обывателю Селиванову за 600 р., мебель увезли въ счетъ долга. Этотъ домъ есть истинная чеховская

колыбель. Позднѣе онъ былъ проданъ еврейскому благотворительному обществу за 5000 рублей, и въ немъ помѣщается теперь еврейская богадѣльня. Лавки на Старомъ базарѣ, гдѣ когда-то торговалъ молодой Антонъ Чеховъ, уже не существуетъ.

Младшіе дѣти были отправлены къ дѣду, а «для 16-лѣтняго Антоши насталъ серьезный моментъ замѣнить собой главу семьи въ часъ ея полнаго развала» (Б. Ч.). Мать писателя послѣдовала за мужемъ въ Москву. На разгромленномъ пепелищѣ, въ Таганрогѣ, остались лишь Антонъ и Иванъ.

Такъ въ жизни А. П. наступаетъ темный періодъ въ три года, которые онъ прожилъ въ родномъ городѣ одинъ, самъ добывая себѣ и средства къ существованію. «Письма А. П. отъ той эпохи почти не уцѣлѣли» (Б.Ч.).

IV

Первыя «впечатлѣнія бытія» будущаго писателя связаны съ Таганрогомъ. Нельзя сказать, чтобы краски этого города были ярче тѣхъ, что обычно отличаютъ русскій провинціальный городъ, и что Чеховъ находился въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для своихъ первыхъ наблюденій.

«Впечатлѣніе унылой пустынности и ненужности — вотъ первое чувство, которое охватываетъ свѣжаго человѣка при въѣздѣ въ Таганрогъ», такъ описываетъ этотъ городъ человѣкъ, посѣтившій его съ мыслью о Чеховѣ (Любимовъ, «Голосъ Москвы», 1910 года, 17 января). «Длинныя и прямыя, какъ лагерная линейка, улицы, маленькіе домики съ подслѣповатыми окнами и неизмѣнными ставнями, за которыми, кажется, навсегда остановилась и замерла жизнь, — нагоняютъ тоску.

Рѣдкіе прохожіе точно сами конфузятся своего появленія на улицѣ, нарушающаго общую мертвую неподвижность. Только на главной улицѣ, Петровской, гдѣ сосредоточены всѣ магазины—относительное оживленіе. Эта неподвижная тишина характерна для Таганрога. Даже въ смутные дни 1905 года жизнь здѣсь не была выбита изъ колеи. Не было ни митинговъ, ни собраній, ни погромовъ, ни безпорядковъ. Когда въ сосѣднемъ Ростовѣ,—въ двухъ часахъ ѣзды,—гремѣли пушки, и въ полномъ разгарѣ было вооруженное возстаніе,—таганрожцы, какъ всегда, жили мирно».

При Чеховѣ Таганрогъ былъ почти такимъ же, какъ сейчасъ,—мертвымъ и неподвижнымъ. А. П. близко пережилъ засасывающій ужасъ глухого провинціальнаго болота, и изъ кладезя таганрогской жизни черпалъ мотивы своихъ произведеній. Въ большинствѣ чеховскихъ разсказовъ и пьесъ можно найти таганрогскія черточки. Таганрожцы легко ихъ узнаютъ.

Но Чеховъ любилъ Таганрогъ. Здѣсь были сложены его первыя впечатлѣнія, и онъ тяготѣлъ къ этому городу своими воспоминаніями до того, что уже признаннымъ писателемъ не прочь былъ помечтать о временномъ поселеніи опять «тамъ», подъ родными липами.

«Если бы не бациллы,—писалъ онъ въ 1898 г. городскому головѣ Таганрога Іорданову,—то я поселился бы въ Таганрогѣ года на два, на три и занялся бы райономъ Таганрогъ-Краматоровка-Бахмутъ-Звѣрево. Это фантастическій край. Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовалъ себя въ ней, какъ дома, и зналъ тамъ каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Сауръ-могилу, разсказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайскаго, вспоминаю, какъ я ѣздилъ на волахъ въ Криничку и въ Крѣпкую графа Платова, то мнѣ становится грустно и жаль, что въ

Таганрогѣ нѣтъ беллетристовъ, и что этотъ матеріалъ, очень милый и цѣнный, никому не нуженъ».

Скорѣе, конечно, шутя, чѣмъ всерьезъ онъ писалъ тому же лицу: «Если бы въ Таганрогѣ была вода, или, если бы я не привыкъ къ водопроводу, то переѣхалъ бы на житье въ Таганрогъ»... «Когда выстроится водопроводъ, тогда я продамъ ялтинскій домъ и куплю себѣ какое-нибудь логовище на Большой или Греческой ул.».

Впрочемъ, и не только въ шутку думалъ А. П. о Таганрогѣ. Когда приступы тоски жизни въ Ялтѣ особенно одолѣвали его, онъ, кажется, готовъ былъ серьезно поговорить о родномъ городѣ и климатическихъ условіяхъ жизни въ немъ.

«Крымъ скученъ до безобразія, на Кавказѣ лихорадка. За границей меня всякій разъ донимаетъ тоска по родинѣ. Для меня, какъ уроженца Таганрога, было бы лучше всего жить въ Таганрогѣ, ибо дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, но о Таганрогѣ, его климатѣ, мнѣ извѣстно очень мало, почти ничего».

Людямъ, хорошо знающимъ Таганрогъ и его окрестности, было бы нетрудно точно обозначить мѣсто дѣйствія нѣкоторыхъ разсказовъ Чехова и опредѣлить мѣстныя детали. Вотъ какъ это дѣлаетъ одинъ изъ его земляковъ.

«Сдѣланныя въ дѣтствѣ и юности наблюденія надъ бытомъ, природой и людьми родного края, Чеховъ претворялъ потомъ въ перлы своего творчества, пользуясь воспоминаніями какъ матеріаломъ. Такимъ именно путемъ создалъ Чеховъ такія высоко художественныя вещи какъ «Степь», «Счастье», «Въ родномъ углу», «Печенѣгъ», «Холодная кровь», Человѣкъ въ футлярѣ», «Огни» и «Бабы».

Здѣсь очень полно и ярко отразились родной бытъ, родная природа. Въ «Степи»—рядъ картинъ степной жизни Пріазовья, яркіе типы степняковъ, чудесные пейзажи, великолѣпная лирика. Въ «Счастьѣ» Чеховъ рисуетъ степной уголокъ таганрогскаго округа такъ опредѣленно, что можно указать даже мѣстность, гдѣ стояла изображенная въ разсказѣ отара. Это—несомнѣнно, какой-либо взлобокъ близъ слободы Амвросіевки, такъ какъ упоминается о «далекой, похожей на облако Сауръ-могилѣ»,—огромномъ степномъ курганѣ въ сѣверной части таганрогскаго округа, и о ближайшихъ селахъ—Матвѣевомъ курганѣ, Есауловкѣ, Городищѣ.

Въ разсказахъ—«Печенѣгъ» и «Въ родномъ углу» описываются тоже вполнѣ опредѣленныя мѣста—сѣверная часть таганрогскаго округа, ровная, степная, съ рѣдкими селами, хуторами и шахтами. Здѣсь проходитъ линія донецкой ж. дор. и въ обоихъ разсказахъ о ней упоминается, а въ «Печенѣгѣ» прямо указана станція Провалье, близъ которой жилъ (а можетъ-быть, и теперь живетъ) своимъ маленькимъ хуторкомъ нудный Жмухинъ.

Съ особенною яркостью отразились Таганрогъ и его ближайшія окрестности въ разсказѣ «Огни». Здѣсь находимъ точное до мелочей описаніе дачнаго мѣстечка близъ Таганрога—Карантина и въ особенности дороги отъ Карантина до Таганрога ночью (упоминается стоящее и понынѣ пустующее зданіе мукомольной мельницы съ вышибленными окнами, вѣтряки, кладбище, домики предмѣстья), затѣмъ удивительно яркое изображеніе города на разсвѣтѣ и, наконецъ, вечерній путь отъ Таганрога до Ростова по берегу моря.

Съ такой же опредѣленностью рисовалъ Чеховъ и свои персонажи, беря ихъ прямо изъ жизни.

Въ одномъ изъ раннихъ разсказовъ его — «Ворона» упоминается «учитель Вронди, старецъ, очень похожій на Оффенбаха». Этотъ Вронди существуетъ и понынѣ въ Таганрогѣ. Въ его танцъ-классѣ переучилось нѣсколько поколѣній таганрожцевъ, и Вронди такая же достопримѣчательность Таганрога, — какъ и «аллея вздоховъ» въ городскомъ саду, каменная лѣстница или воронцовскій бульваръ.

Какъ-то на городскомъ кладбищѣ въ Таганрогѣ мнѣ пришлось столкнуться съ смотрителемъ, наблюдающимъ за раздачей мѣстъ подъ могилы, довольно бодрымъ и словоохотливымъ старикомъ. Разговорились, —оказалось, что это дальній родственникъ А. П. Чехова и, мало того, онъ послужилъ еще прототипомъ для одного изъ героевъ великолѣпнаго разсказа Чехова «Холодная кровь».

— Читали «Холодную кровь»?—говорилъ онъ.—Это я разсказалъ про нашу съ отцомъ поѣздку изъ Таганрога въ Москву съ быками, и это онъ меня описалъ. Читалъ я потомъ и удивлялся: такъ вѣрно и мѣтко описано, будто самъ онъ съ нами былъ» («День» 1914 г № 177).

Справедливость этихъ указаній всецѣло подтверждается голосомъ другого чеховскаго земляка, пополняющаго сдѣланную справку такими новыми данными.

Въ «Степи» Малая Нижняя улица, гдѣ стоитъ «красный домичекъ», это — Новостроенка, предмѣстье Таганрога. «Палата № 6»—таганрогскій сумасшедшій домъ. Въ «Хирургіи» также разсказано таганрогское приключеніе.

«Человѣкъ въ футлярѣ» — мастерской портретъ бывшаго много лѣтъ инспекторомъ таганрогской гимназіи покойнаго Дьяконова, который ходилъ по улицѣ, странно закутавшись, въ темныхъ очкахъ, съ ватой въ ушахъ.

Къ перечню разсказовъ съ таганрогской подкладкой принадлежатъ также «Красавицы», «Страхи», «Перекати поле» и «Бракъ по расчету». Все это съ подробностями указано въ книгѣ Ф. Мускатблита (39—41).

Въ «Огняхъ» попадается и одно изъ южныхъ словечекъ, какихъ не мало у Чехова: «греки пендосы». Все таганрогское въ «Степи»—и курганы, и каменныя бабы, и ночная птица, которая выкликаетъ: «сплю, сплю, сплю», и уменьшительное Ера отъ Егоръ, и зернистая икра въ жестянкѣ, которой о. Христофоръ] угощаетъ болящаго. Въ дни дѣтства Чехова икра стоила дешевле и была доступна даже небогатымъ людямъ

Каждый разъ, навѣщая Таганрогъ, Чеховъ летѣлъ мыслью къ воспоминаніямъ дѣтства. П. И. Вуковъ, классный наставникъ, который служилъ въ гимназіи больше сорока лѣтъ, передаетъ, что А. П. Чеховъ любилъ дѣлать «обходы» Таганрога.

— Какъ только пріѣдетъ, позоветъ меня, и мы вмѣстѣ ходимъ по старымъ мѣстамъ. Онъ только смотритъ, молчитъ и вздыхаетъ...[1])

Другой старожилъ, изъ сверстниковъ Чехова, сохранилъ разсказъ, что Чеховъ любилъ во время прогулокъ вспоминать подвиги дѣтства: ‹Вотъ здѣсь мы когда-то выворотили полицейскую будку и поставили ее полицеймейстеру Кузовлеву въ сѣни, а потомъ позвонили и убѣжали. Теперь, должно быть, такихъ штукъ никто не дѣлаетъ».

Въ 1887 г. Чеховъ обновилъ впечатлѣніе Таганрога, степей, моря. Отъ этого года сохранился подробнѣйшій, на многихъ страницахъ, его разсказъ сестрѣ о вновь пережитыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства, о старыхъ знакомыхъ, о барышняхъ, о крестныхъ ходахъ. Моло-

[1]) Воспоминанія А. А. Безчинскаго.

дой, интересный, завидный женихъ, А. П. былъ принятъ теперь съ распростертыми объятіями, шаферствовалъ на свадьбахъ,—вся побывка его прошла, какъ сплошной праздникъ. Но избалованный столицами, онъ уже не былъ удовлетворенъ маленькимъ провинціальнымъ городомъ. «Грязенъ, пустъ, лѣнивъ, безграмотенъ и скученъ Таганрогъ»—таковъ его заключительный отзывъ о родномъ городѣ. «Совсѣмъ Азія. Такая кругомъ Азія, что я просто глазамъ не вѣрю. 60 тысячъ жителей занимаются только тѣмъ, что ѣдятъ, спятъ, плодятся, а другихъ интересовъ никакихъ. Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигдѣ ни газетъ, ни книгъ. Мѣстоположеніе города прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ, климатъ великолѣпный, плодовъ земныхъ тьма, но жители инертны до чортиковъ. Всѣ музыкальны, одарены фантазіей, остроуміемъ, нервны, чувствительны, но все это пропадаетъ даромъ. Нѣтъ ни патріотовъ, ни дѣльцовъ». (Лейкину, 1888).

Симпатіямъ родному городу А. П. не измѣнилъ никогда. Уже славный, онъ очень интересовался таганрогской городской библіотекой, которую всегда поддерживалъ пожертвованіями.

Начавъ въ 1890 г. посылкою сюда своихъ книгъ, въ отвѣтъ на обращеніе къ нему мѣстнаго городского головы, и одновременно—экземпляра «Власти тьмы» съ автографомъ автора, — онъ пересылалъ сюда большую часть книгъ, получаемыхъ въ даръ. Эти книги составили въ таганрогской библіотекѣ особое, чеховское отдѣленіе. Когда таганрогское городское управленіе пожелало украсить городъ, въ ознаменованіе его двухсотлѣтія, памятникомъ его основателю, Петру Великому, Чеховъ получилъ отъ Антокольскаго разрѣшеніе безплатно воспользоваться его знаменитой работой,

какъ моделью, и Таганрогъ получилъ памятникъ работы знаменитаго скульптора, потратившись только на пьедесталъ и отливку. Чеховъ не забылъ маленькой стипендіи отъ таганрогскаго городского управленія (въ 25 р.), въ годы студенчества являвшейся для него значительнымъ подспорьемъ. По достовѣрному свидѣтельству, А. П. позднѣе возвратилъ эту стипендію,— секретнымъ взносомъ платы до окончанія курса за одного изъ учениковъ, а таганрогской библіотеки не забылъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи, гдѣ отказалъ ей свою долю по кассѣ взаимопомощи литераторовъ.

Послѣдній разъ Чеховъ былъ въ Таганрогѣ въ концѣ 90-хъ годовъ. Онъ пробылъ тамъ всего нѣсколько дней.

Послѣ столицъ и заграницы городъ, вѣрнѣе жизнь въ немъ, произвели на него гнетущее впечатлѣніе. Онъ побывалъ въ клубахъ, въ городскомъ саду, и уѣхалъ, сказавъ на прощанье одному мѣстному журналисту: «Тяжело у васъ! Какъ вы живете!».

Въ настоящее время, кромѣ названія одной изъ улицъ Чеховскою, память писателя на родинѣ почтена въ гимназіи, гдѣ онъ учился, мраморной доской, на которой написано время его поступленія и окончанія курса. Прибита доска и на маленькомъ домикѣ, гдѣ родился Чеховъ.

Наконецъ, городская библіотека названа именемъ Чехова и здѣсь же при музеѣ учреждена спеціальная Чеховская комната, которая должна явиться зачаткомъ будущаго Чеховскаго музея. Здѣсь собраны нѣкоторыя его реликвіи и рукописи.

V

Въ какомъ направленіи слагалась психика Чехова-ребенка, каковы были господствующіе тона ея въ этой обстановкѣ непосредственнаго соприкосновенія съ

жизнью, съ ея свѣтомъ и радостями, но въ то же время подъ суровою ферулою строгаго и дѣловитаго отца?

По воспоминаніемъ тетки Антона Павловича, М. И. Морозовой, Чеховъ и мальчикъ былъ довольно выдающійся. Онъ былъ всегда здоровъ, веселъ, но къ дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ его никогда не тянуло. Больше онъ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и читалъ. Дѣтской подвижности и рѣзвости въ немъ совсѣмъ не было. Любилъ онъ также вслушиваться въ разговоры старшихъ. Роль пушкинской Арины Родіоновны играла для Чехова умѣлая разсказчица няня, Агаѳья Кумская (БЧ.). Мастерицами разсказывать были и мать писателя, и тетка. Изъ ихъ устъ впервые юный Чеховъ слышалъ о страдѣ крѣпостныхъ, о бомбардировкѣ Таганрога въ севастопольскую компанію, о поѣздкахъ матери дѣвочкой черезъ всю Россію изъ Шуи въ Таганрогъ (БЧ). Всѣ Чеховы были люди патріархальные, богобоязненные, свидѣтельствуетъ та же Морозова. Дядя, Митрофанъ Егоровичъ, долгое время былъ даже церковнымъ старостой въ одной изъ таганрогскихъ церквей. И знакомства у нихъ были соотвѣтственныя. «Обѣдъ уже давно отойдетъ, а гости и хозяева еще сидятъ за столомъ и занимаются бесѣдой. Всѣ дѣти играютъ во дворѣ, одинъ Антоша сидитъ въ комнатѣ со взрослыми и время отъ времени обращается къ частому гостю дома, протоіерею Ѳ. Покровскому, съ тѣмъ или другимъ вопросомъ». Любилъ его и протоіерей, въ свою очередь, и добрыя отношенія сохранились между ними и потомъ, когда А. П. уже сталъ извѣстностью.

Чеховъ-гимназистъ кажется педагогамъ «очень симпатичнымъ мальчикомъ, хорошимъ, честнымъ, прямымъ, хотя особенныхъ способностей не проявляющимъ (МСК).

Обстановку таганрогской гимназіи и преобладающія

настроенія Чехова-гимназиста такъ вспоминаетъ П. А. Сергѣенко:

«Большая, до ослѣпительности выбѣленная комната таганрогской гимназіи. Въ классѣ—какъ бы ярмарка. Ожидаютъ грозу—учителя ариѳметики. У полуоткрытой двери, съ круглымъ стекляннымъ окошечкомъ, стоитъ небольшого роста, плотный, хорошо упитанный мальчикъ, съ низко остриженной головою и бѣлымъ, лунообразнымъ, пухлымъ, какъ булка, лицомъ. Онъ стоитъ, со слѣдами мѣла на синемъ мундирѣ, и флегматически ухмыляется. Кругомъ него проносятся бури и страсти. А онъ стоитъ около двери, нѣсколько выпятивъ свое откормленное брюшко съ отстегнувшейся пуговицей, и ухмыляется. На черной классной доскѣ появляется вольнодумная фраза по адресу учителя. Рыхлый мальчикъ вялой походкой смахиваетъ влажной губкой вольнодумную фразу съ доски. Но улыбка все-таки остается на его губахъ.

«Когда я думаю о Чеховѣ, онъ почти всегда возникаетъ въ моей памяти именно такимъ, какимъ онъ на семейной группѣ: пухленькимъ, большеголовымъ, съ ямочками на щекахъ и слегка выпяченнымъ брюшкомъ, которое часто бывало объектомъ одной шутки, царствовавшей нѣкогда въ таганрогской гимназіи. Шутка заключалась въ слѣдующемъ: къ Чехову подходилъ съ пресерьезнѣйшимъ видомъ кто-нибудь изъ товарищей-шалуновъ и, внезапно хлопнувъ его ладонью по затянутому въ мундиръ животу, полуукоризненно вскрикивалъ:

— Шутникъ, право!..

«Чеховъ поспѣшно втягивалъ животъ и, улыбаясь, лѣниво отмахивался рукою. Но самъ никогда не увлекался этимъ спортомъ.

«Вообще онъ не былъ ни рѣзвъ, ни шумливъ, ни

прытокъ, ни задорливъ, но и не являлъ собою «буку» или «нюню». Скорѣе, онъ былъ всегда нѣсколько вялъ и сыроватъ: «Ну, что жъ? Ну, и пусть!»—какъ бы говорило его полуулыбающееся, круглое лицо.

«Впослѣдствіи и лицо его, и фигура настолько измѣнились, что когда мы встрѣтились послѣ пятилѣтней разлуки, то я не узналъ его. Онъ ѣхалъ куда-то и стоялъ у окна вагона, а я—въ толпѣ на платформѣ. Поѣздъ задержался на нѣсколько минутъ. Я все время смотрѣлъ на Чехова и никакъ не могъ вспомнить, гдѣ я видѣлъ это милое полуулыбающееся лицо. Такъ мы даже и не поздоровались съ нимъ».

О гимназическихъ годахъ А. П—ча такъ вспоминаетъ другой изъ его однокашниковъ, М. Д. Кукушкинъ.

«Учился Чеховъ неважно, и изъ 23 учениковъ выпускного класса занималъ одиннадцатое мѣсто. За сочиненія по русскому языку дальше тройки не шелъ, но всегда отличался въ латыни и законѣ Божіемъ, получая за нихъ пятерки. Зналъ массу славянскихъ текстовъ, и въ товарищескихъ бесѣдахъ увлекалъ насъ разсказами, пересыпанными славянскими изреченіями, изъ которыхъ многія я впослѣдствіи встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ изъ его первыхъ литературныхъ произведеній. Несмотря на свои средніе успѣхи, Антонъ Павловичъ пользовался особымъ вниманіемъ нашего учителя русскаго языка Мальцева и директора гимназіи, общаго любимца, Рейтлингера.

«Товарищи, всѣ безъ исключенія, любили Чехова, хотя ни съ кѣмъ онъ особенно не сближался. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, ушедшаго въ себя.

«О домашней жизни Чехова мы почти ничего не знали. Всѣ почему-то считали его принадлежащимъ къ духовному званію. Это, вѣроятно, благодаря его сла-

бости къ славянскимъ текстамъ, которые онъ часто декламировалъ въ гимназіи, и знанію многихъ изреченій изъ священной исторіи».

По обычаю, существующему всюду въ школахъ, Чехова товарищи прозвали «головастикомъ». За большую голову, почти несоотвѣтствовавшую его небольшой фигурѣ, иногда звали его «бомбой». Звали, наконецъ, «чехонью» (мѣстная рыба), вышучивая фамилію.

«Антошею Чехонте», продолжаемъ показаніе Кукушкина,—его назвалъ нашъ батюшка, преподаватель закона Божія, протоіерей Покровскій. Всѣмъ намъ онъ далъ особыя прозвища, которыми мы и именовались на его урокахъ.

«Онъ такъ и вызывалъ, растягивая баскомъ по слогамъ:

«— Чехонте!

«Впослѣдствіи этимъ «Чехонте» А. П. увѣковѣчилъ память объ о. Покровскомъ».

Любимымъ занятіемъ мальчика Чехова была ловля птицъ—щегловъ, чижей и т. п. Притаившись за рогожною «принадою» на большомъ пустырѣ за дворомъ, Чеховъ съ товарищами по гимназіи, съ затаеннымъ дыханіемъ, слѣдилъ за птицами и волосянымъ силкомъ, который надо было осторожно навести на голову птицы. Пойманныхъ птицъ или вымѣнивали на такихъ же пернатыхъ или же продавали товарищамъ по 5—10 коп. за экземпляръ.

Съ годами А. П. болѣе и болѣе пристращался къ чтенію. Оно было очень разнообразно и захватывало одинаково и научную книжку, и «Будильникъ». Въ воскресные и праздничные дни спозаранку Чеховъ и его товарищи собирались въ городской библіотекѣ и по нѣскольку часовъ кряду, забывая объ обѣдѣ, просиживали тамъ за чтеніемъ этихъ журналовъ, иногда вызывая своимъ смѣхомъ шиканье читающей публики.

Нѣкоторую замкнутость характера юнаго Чехова отмѣчаетъ и третій товарищъ его по гимназіи, писатель В. Г. Танъ. «Я,—пишетъ онъ въ своихъ очеркахъ «На родинѣ Чехова»,—выросъ въ Таганрогѣ и учился въ таганрогской гимназіи почти одновременно съ Антономъ Павловичемъ. Онъ былъ старше меня однимъ классомъ, но я и теперь помню его гимназистомъ. Онъ былъ «основникъ», а я—«параллельникъ». Онъ выглядѣлъ букой и все ходилъ по коридору мимо нашего класса, а мы прятались за дверью и дразнили его чехонью. Мы встрѣтились потомъ въ 1899 году въ Петербургѣ и вмѣстѣ вспоминали Таганрогъ и нашего инспектора гимназіи, А. Ѳ. Дьяконова, по прозвищу «Сороконожка» и «Сѣрое Пальто», который отчасти послужилъ прообразомъ «Человѣка въ футлярѣ».

Съ годами изъ тяжеловатаго и малообщительнаго мальчика А. П. превращается въ юношу, веселаго и шутливаго. Живой родникъ юмора всегда билъ въ душѣ его. Это настроеніе блистательно сказывается въ его письмахъ, прелестныхъ въ своей постоянной шутливости. Объ этой чертѣ говорятъ всѣ, знавшіе его въ юности. Одинъ изъ его товарищей вспоминаетъ, что юноша-Чеховъ умѣлъ какъ-то особенно удачно добывать комическіе разсказы и читать ихъ вслухъ. Въ классѣ стоялъ хохотъ, приходилъ воспитатель, и тетрадочку отнимали. Эту краснорѣчивую деталь выразительно подтверждаетъ такой авторитетный свидѣтель чеховскаго дѣтства, какъ упомянутый выше надзиратель гимназіи Вуковъ, воспитавшій А. П. Онъ характеризуетъ Чехова какъ «очень скромнаго и тихаго мальчика, мало принимавшаго участія въ шалостяхъ и забавахъ своихъ сверстниковъ». Въ старшихъ классахъ въ немъ обнаружилась опредѣленная черта характера,—острымъ, мѣткимъ словомъ характеризовать

того или иного педагога или товарища. Иногда онъ подавалъ идею для какой-нибудь остроумной затѣи, но самъ всегда былъ въ сторонѣ. Его идею и острое словечко подхватывали товарищи, и это становилось источникомъ веселья и смѣха. Но самъ Чеховъ никогда не смѣялся. Онъ только давалъ матеріалъ для смѣха другимъ. Не безъ того было, чтобы Чеховъ не принималъ участія въ нѣкоторыхъ шалостяхъ, но это не было отъ природной рѣзвости, отъ избытка силъ и энергіи. Просто тамъ, гдѣ шалятъ и шумятъ десять, легко втягивается въ шалость и одиннадцатый

Вуковъ отмѣчаетъ и очень хорошее отношеніе къ Чехову со стороны педагогическаго міра, особенно со стороны директора Э. Р. Рейтлингера. Часто, по его словамъ, можно было видѣть ихъ въ коридорѣ гимназіи гуляющими вмѣстѣ. Заходилъ Чеховъ къ директору и частнымъ образомъ на квартиру. («На родинѣ Чехова», «Рус. Вѣд.», 1914, № 151)

Объясненіе этой послѣдней близости, вообще рѣдкой въ писательскихъ біографіяхъ, даетъ товарищъ Чехова д-ръ Шамковичъ, очень выразительно подчеркивающій раннюю выработку въ мальчикѣ независимаго и нешаблоннаго міросозерцанія, дѣлавшую его уже тогда, на школьной скамьѣ, уникой.

«Я помню Чехова, — таково показаніе Шамковича, — только въ восьмомъ классѣ, — вѣроятно, потому, что сидѣлъ съ нимъ въ этомъ классѣ на одной партѣ. Совершенно не помню его въ другихъ классахъ. Объясняется это тѣмъ, что Чеховъ *совершенно ничѣмъ не выдѣлялся* изъ среды своихъ товарищей, никакой активной дѣятельности не проявлялъ. Въ нашей гимназіи въ то время, несмотря на расцвѣтъ толстовскаго классицизма и формализма, при полномъ отсутствіи сердечнаго попеченія, было стремленіе среди учениковъ

искать душу живу. Искали ея, конечно, внѣ стѣнъ гимназіи. Одна часть находила ее въ чувственныхъ удовольствіяхъ, другая — въ кружкахъ, гдѣ читали Писарева, Бакунина, Герцена. Чеховъ не примыкалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ,—*держалъ себя особнякомъ*. Единственнымъ его увлеченіемъ былъ театръ. Начальство оберегало насъ и отъ вліянія театра. А. П. приходилось пробираться въ театръ, переодѣваясь въ штатское платье и забираясь на галлерею. Ко всякимъ общественнымъ теченіямъ того времени онъ проявлялъ полный индифферентизмъ. У насъ много спорили о политическомъ террорѣ, начавшемся въ то время въ Россіи, дѣлились на сторонниковъ и противниковъ, Чеховъ *и въ этомъ вопросѣ стоялъ въ сторонѣ*, не одобряя и не порицая террора. Сидя въ сторонкѣ отъ тенденціозныхъ выступленій, отъ кружковъ и группъ, онъ, конечно, *былъ незамѣтенъ* среди товарищей, не предполагавшихъ въ немъ будущаго большаго писателя. Учился онъ, что-называется, ни шатко, ни валко, не готовилъ уроковъ, отвѣчалъ вяло, часто подталкивая одного изъ своихъ сосѣдей, прося, чтобы ему подсказывали. Единственный предметъ, которымъ онъ занимался съ удовольствіемъ, былъ законъ Божій. Преподававшій этотъ предметъ протоіерей Покровскій очень любилъ А. П.» (ibid).

VI

Изъ влеченій молодой души Чехова, давшихъ свой откликъ позднѣе, біографъ долженъ отмѣтить рано и ярко сказавшуюся любовь его къ театру. Посѣщеніе зрѣлищъ тогда преслѣдовалось, и гимназистамъ приходилось ради этого прибѣгать къ извѣстнымъ уловкамъ Въ таганрогской труппѣ тогда были интересные актеры—небезызвѣстный трагикъ старой школы Н. И. Но-

виковъ, старикъ Яковлевъ, Волоховъ и начинавшіе карьеру Соловцовъ и Горева. Рѣшаясь на рискъ, А. П. посѣщалъ театръ при всякой возможности.

Гимназическій товарищъ Чехова А. Дросси разсказываетъ («Пріазов. Рѣчь», 1910 г., 16 янв.), съ какими хитростями связывались для нихъ эти первыя радости театра.

Чтобы не быть узнанными, гимназисты, по его словамъ, будто бы прибѣгали даже къ гримировкѣ. «Странно было видѣть молодыя лица съ привязными бородами или бакенбардами, въ синихъ очкахъ, въ отцовскихъ пиджакахъ, на скамьяхъ галлереи». Очень нерѣдко надзиратель гимназіи во время посѣщенія галлереи, внимательно разглядывая публику, проходилъ мимо гимназистовъ, не узнавъ никого изъ нихъ.

Благодаря протекціи гимназическаго товарища Яковлева, сына маститаго актера, дѣти имѣли безпрепятственный доступъ за кулисы, гдѣ и состоялось первое знакомство Антона Павловича съ Соловцовымъ, въ то время актеромъ весьма заурядным и не пользовавшимся симпатіями мѣстной публики. Любовь къ сценѣ сблизила Дросси съ Антономъ Павловичемъ. Отношенія изъ товарищескихъ превратились въ дружескія.

Не чуждался А. П. и личныхъ выступленій на любительской сценѣ. Объ одномъ изъ такихъ опытовъ разсказываетъ А. Дросси. Играли въ помѣщичьемъ амбарѣ, спеціально приспособленномъ подъ спектакли. Участниками были мѣстные интеллигенты, учительница, Александръ, Николай и Антонъ Чеховы.

Для перваго представленія остановились на пьесѣ «Ямщики или шалость гусарскаго офицера». Старуху-старостиху вызвался играть Антонъ Павловичъ. Репетировали пьесу не менѣе десяти разъ, и она прошла весьма удачно. По отзыву товарища-очевидца, А. П. игралъ мастерски.

Въ околоткѣ эти спектакли съ благотворительной цѣлью пользовались громаднымъ успѣхомъ и всегда дѣлали полные сборы. Публика допускалась только избранная, преимущественно обитатели квартала, и за минимальную цѣну

Не будетъ забѣганіемъ впередъ остановиться здѣсь на этой чертѣ—прирожденной актерской способности, жившей въ Чеховѣ и исчезнувшей только съ годами возмужалости. Это тѣмъ болѣе интересно, что и эта любовь къ театру, и это актерство, какъ даръ перевоплощеній, были не случайной внѣшней деталью въ жизни А. П. Въ нихъ властно сказывался темпераментъ художника, это была его вторая натура. Его шутки и мистификаціи были этюдами мастера, почти непроизвольно рождающаго замыслы, которымъ было суждено потомъ воплотиться.

«Антонъ Павловичъ былъ превосходный актеръ,— пишетъ его братъ М. П.—Очень часто, чуть не каждый день, онъ выступалъ у себя въ семьѣ, въ своихъ собственныхъ импровизаціяхъ. То онъ читалъ лекцію и изображалъ при этомъ стараго профессора, то выступалъ въ роли зубного врача, то представлялъ аѳонскаго монаха. Его первое произведеніе, напечатанное имъ въ «Стрекозѣ» («Письмо къ ученому сосѣду»), представляетъ собою именно одну изъ его лекцій, которую онъ въ лицахъ разыгрывалъ передъ нами. Аккуратно каждый вечеръ за ужиномъ, измѣнивъ голосъ и становясь совершенно неузнаваемымъ, онъ разсказывалъ какую-нибудь смѣшную исторію, отъ которой у всѣхъ насъ начиналось колотье въ бокахъ. Очень смѣшно выходилъ у него экзаменъ на дьякона. Антонъ Павловичъ изображалъ дьячка, а старшій братъ—архіерея. Вытянувъ шею, которая становилась отъ этого старчески-жилистой, и измѣнивъ до неузнаваемости

выраженіе лица, Антонъ Павловичъ старческимъ дребезжащимъ голосомъ, какъ настоящій деревенскій дьячокъ, долженъ былъ пропѣть передъ братомъ всѣ икосы, кондаки и богородичны на всѣ восемь гласовъ, задыхался при этомъ отъ страха передъ архіереемъ, ошибался и въ концѣ-концовъ все-таки удостоивался архіерейской фразы:—«Во діаконѣхъ еси»

Гримировался Антонъ Павловичъ такъ, что его не узнавали даже близкіе родные. Разъ онъ нарядился нищимъ и, написавъ просительное письмо, черезъ весь городъ, въ костюмѣ, отправился къ дядѣ и подалъ ему это письмо. Дядя не узналъ его и подалъ ему три копейки.

Вообще А. П. любилъ, когда веселились другіе. Если собирались ряженые, онъ непремѣнно помогалъ имъ тѣмъ или другимъ и наряжался самъ. Уже въ Мелиховѣ, будучи больнымъ, онъ помогалъ моей женѣ нарядиться хулиганомъ и самъ написалъ для нея просительное письмо слѣдующаго содержанія (правописаніе подлинника): «Ваше высокоблагородіе! Будучи преслѣдуемъ въ жизни многочисленными врагами и пострадалъ за правду, потерялъ мѣсто, а такъ же жена моя больна чревовѣщаніемъ, а на дѣтяхъ сыпь, потому покорнѣйше прошу пожаловать мнѣ отъ щедротъ вашихъ келькшосъ благородному человѣку. Василій Спиридоновичъ Своличевъ».

«Среди братьевъ Антонъ былъ самымъ талантливымъ на выдумки: онъ устраивалъ лекціи и сцены, кого-нибудь представляя или кому-нибудь подражая. Въ домашнихъ спектакляхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой. Будучи еще дѣтьми, братья Чеховы разыграли даже «Ревизора», въ которомъ Антонъ Павловичъ игралъ городничаго. Устраивали спектакли и на малороссійскомъ языкѣ (про какихъ-то Чупруна и Чупруниху, при чемъ роль Чупруна игралъ Антоша).

Одной изъ любимыхъ его импровизацій была сцена, въ которой градоначальникъ пріѣзжалъ въ соборъ на парадъ въ табельный день и становился посреди храма на коврикѣ въ сонмѣ иностранныхъ консуловъ. Роль градоначальника исполнялъ Антоша. Въ гимназическомъ мундирчикѣ, съ дѣдовской старой шашкой черезъ плечо, онъ удивительно мѣтко схватывалъ черты градоначальника и затѣмъ производилъ смотръ воображаемымъ казакамъ».

Ту же черту отмѣчаетъ въ А. П—чѣ Сергѣенко. «У Чехова,—пишетъ онъ,—было выдающееся отъ природы актерское дарованіе. Товарищи его дѣтства и родственники до сихъ поръ не могутъ вспоминать безъ смѣха о всевозможныхъ комическихъ сценахъ, устраиваемыхъ имъ во дни юности. Путемъ незамѣтнаго грима онъ могъ до такой степени измѣнить свое лицо и весь преобразиться, что даже близкіе ему люди не узнавали его и по цѣлымъ часамъ бесѣдовали съ А. П., какъ съ новымъ лицомъ.

«Любимымъ типомъ Чехова одно время былъ выслужившійся до значительныхъ степеней чиновникъ въ бѣломъ жилетѣ и бланжевыхъ панталонахъ, державшій себя съ достоинствомъ, съ поднятой головой и говорившій докторальнымъ баскомъ. Для большаго оттѣнка его сановности меньшій братъ Иванъ изображалъ обыкновенно мелкаго, заискивающаго чиновника. И невозможно было безъ хохота смотрѣть на нихъ, когда они, сохраняя типическія особенности изображаемыхъ лицъ, составляли съ барышнями кадрили, при чемъ Антонъ ходилъ гоголемъ, а Иванъ семенилъ передъ нимъ и поминутно уступалъ ему дорогу.

«Но внѣшними видоизмѣненіями не ограничивалось артистическое дарованіе А. П. Чехова. У него еще былъ чудесный импровизаторскій даръ. И онъ по цѣ-

лымъ часамъ могъ разсказывать различныя исторіи со всѣми типичными деталями. Особенно интересно у него выходили варіаціи о сотвореніи міра, когда коринка была до такой степени смѣшана съ изюмомъ, что ихъ невозможно было отличить, а луну должны были отмывать прачки и т. д. Любилъ еще Чеховъ «говорить по телефону». Какъ-то мы были съ нимъ въ гостяхъ. Заговорили объ одномъ знакомомъ, которымъ очень интересовались дамы. «Я его попрошу по телефону пріѣхать сюда»,— сказалъ съ серьезнымъ видомъ Чеховъ. И, уйдя въ другую комнату, началъ бесѣдовать по телефону до такой степени правдоподобно, что всѣ мы были увѣрены въ подлинности переговоровъ. Только черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что въ домѣ и телефона не было.

«Постоянная веселость и неистощимая способность въ изобрѣтеніи уморительныхъ шутокъ—были отличительными чертами Чехова въ его дѣтствѣ и юности. Онъ изо всего ухитрялся дѣлать своеобразную и смѣшную забаву. Былъ одинъ уморительный номеръ въ артистическомъ репертуарѣ Чехова. Въ нѣсколько минутъ онъ измѣнялъ свой видъ и превращался въ зубного врача, сосредоточенно раскладывающаго на столѣ свои зубоврачебные инструменты. Въ это время въ передней раздавался слезливый стонъ, и въ комнатѣ появлялся старшій братъ Александръ съ подвязанной щекой. Онъ немилосердно вопилъ отъ якобы нестерпимой зубной боли. Антонъ съ пресерьезнымъ видомъ успокаивалъ паціента, бралъ въ руки щипцы для углей, совалъ въ ротъ Александру и... начиналась «хирургія», отъ которой присутствовавшіе покатывались со смѣха. Но вотъ вѣнецъ всего. Наука торжествуетъ! Антонъ вытаскиваетъ щипцами изо рта ревущаго благимъ матомъ «паціента» огромный «большой зубъ» (пробку) и показываетъ его публикѣ»...

Одинъ изъ друзей молодости Чехова, Зембулатовъ, сохранилъ забавный разсказъ изъ времени пребыванія А. П. у него въ имѣніи Котломино, недалеко отъ Таганрога, уже по полученіи аттестата зрѣлости (МСК, 55).

Какъ извѣстно, Чеховъ былъ страстный рыболовъ. Вблизи имѣнія протекала рѣка Сухой Еланчикъ. За неимѣніемъ благоустроенной лодки, Чеховъ съ товарищемъ плавали по рѣкѣ въ большомъ корытѣ. Однажды, когда оба они сидѣли у берега въ этомъ корытѣ и углубились въ наблюденіе за поплавками, мать Зембулатова пожелала пошутить надъ ними. Она неслышно подошла къ берегу и перевернула корыто. А. П. и товарищъ очутились по грудь въ водѣ. А. П. не остался въ долгу. Онъ вылѣзъ изъ рѣчки, и какъ былъ—мокръ и грязенъ—отправился въ домъ и легъ въ гостиной на мягкомъ, дорогомъ диванѣ. Увидя эту картину, Зембулатова чуть не упала въ обморокъ,—до того было уязвлено ея чувство хозяйки. Бывая иногда съ матерью въ таганрогскомъ театрѣ, А. П., шутя, вызывалъ вмѣсто артистовъ—зрителей, почему-либо остановившихъ на себѣ его вниманіе.

Шутливости своей и даже склонности къ веселой мистификаціи А. П. не измѣнилъ и въ совершенно зрѣлыхъ годахъ. Та же черта дѣтства сказывалась въ немъ, когда онъ подписывался подъ письмами «Достойновъ-Благородновъ», «Генрихъ Блоккъ», «Потемкинъ» или «Іеромонахъ Антоній», или вослѣдъ Сергѣенкѣ кричалъ конфузя его передъ случайными встрѣчными: «Г. Говоруха-Отрокъ!». Въ свѣтлую пору жизни въ Бабкинѣ въ обществѣ Киселевыхъ, молодой, жизнерадостный, удачливый, онъ давалъ полный просторъ своему юмору. «Бывало,—разсказываетъ его братъ-біографъ,—въ лѣтніе вечера онъ надѣвалъ съ Левитаномъ бухарскіе халаты, мазалъ себѣ лицо сажей и въ чалмѣ

съ ружьемъ выходилъ въ поле по ту сторону рѣки. Левитанъ выѣзжалъ туда же на ослѣ, слѣзалъ на землю, разстилалъ коверъ и, какъ мусульманинъ, начиналъ молиться на востокъ. Вдругъ изъ-за кустовъ къ нему подкрадывался бедуинъ—Антонъ Павловичъ и палилъ въ него изъ ружья холостымъ зарядомъ. Левитанъ падалъ навзничь. Получалась совсѣмъ восточная картина. А то, бывало, судили Левитана. Киселевъ былъ предсѣдателемъ суда, Антонъ Павловичъ—прокуроромъ, спеціально для чего гримировался. Оба были въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ. Антонъ Павловичъ говорилъ обвинительную рѣчь, которая всѣхъ заставляла умирать отъ хохота».

VII

Живую и точную картину быта чеховской семьи ранней поры зарисовываетъ такой достовѣрный ея свидѣтель и участникъ, какъ М. П. Чеховъ. «Семья Павла Егоровича была обычной патріархальной семьей, какихъ много было полвѣка тому назадъ въ провинціи. Отецъ былъ требователенъ и строгъ, но это вовсе не мѣшало семьѣ жить въ такой завидной дружбѣ, какую рѣдко встрѣтишь теперь. День начинался и заканчивался трудомъ. Всѣ въ домѣ вставали рано, мальчики шли въ гимназію, возвращались домой, учили уроки; какъ только выпадалъ свободный часъ, каждый изъ нихъ занимался тѣмъ, къ чему имѣлъ способность: старшій Александръ устраивалъ электрическія батареи, Николай рисовалъ, Иванъ переплеталъ книги, а будущій писатель сочинялъ. Приходилъ вечеромъ изъ лавки отецъ, и начиналось пѣніе хоромъ. Павелъ Егоровичъ любилъ пѣть по нотамъ и пріучалъ къ этому и дѣтей. Антонъ Павловичъ пѣлъ альтомъ. Кромѣ того, Павелъ

Егоровичъ вмѣстѣ съ сыномъ Николаемъ разыгрывалъ по вечерамъ дуэты на скрипкѣ. Евгенія Яковлевна, вѣчно занятая, суетилась въ это время по хозяйству или обшивала на швейной машинѣ дѣтей. Всегда заботливая, любвеобильная, она, несмотря на свои тогда еще сравнительно молодые годы, отказывала себѣ въ ничтожномъ удовольствіи и всю свою жизнь посвящала для дѣтей. Убѣжденная противница крѣпостничества, она разсказывала своимъ дѣтямъ о всѣхъ несправедливостяхъ и бѣдахъ крѣпостного права и внушала дѣтямъ любовь и уваженіе не только ко всѣмъ, кто былъ ниже ихъ, но и къ маленькимъ птичкамъ и животнымъ и вообще ко всѣмъ беззащитнымъ существамъ. Вотъ почему Антонъ Павловичъ и говаривалъ впослѣдствіи своимъ друзьямъ: «талантъ въ насъ со стороны отца, а душа со стороны матери» (БЧ).

Уже много позднѣе, когда А. П. сталъ писателемъ, тѣ, кто входилъ въ эту семью, управляемую крѣпкою рукою старика отца, чувствовали ея ладъ, прочность и крѣпкую сплоченность.

«Вся семья,—пишетъ К. С. Баранцевичъ, гостившій у А. П. однимъ лѣтомъ,—жила замѣчательно дружно. За чаемъ, обѣдомъ, ужиномъ, всѣ сходились, читали вслухъ газеты, обмѣнивались новостями и впечатлѣніями. Но и тогда уже было замѣтно, что къ А. П. относятся съ особеннымъ уваженіемъ и считаютъ авторитетомъ. Оно и понятно: онъ былъ не только старшимъ въ родѣ [1]), но и кормильцемъ и поильцемъ семьи Павелъ Егоровичъ, отецъ, держался, какъ мнѣ казалось отъ семьи въ сторонѣ и производилъ на меня, по крайней мѣрѣ, нѣсколько устрашающее впечатлѣніе».

---

[1]) Брата Александра здѣсь не было.

Благодаря религіозности отца, церковность своеобразно окрашивала весь семейный бытъ. «Каждую субботу вся семья отправлялась ко всенощной и, возвратившись изъ церкви, еще долго пѣла у себя дома канонъ. Курилась кадильница, отецъ или кто-нибудь изъ сыновей читалъ икосы и кондаки, и послѣ каждаго изъ нихъ всѣ хоромъ пѣли стихиры и ирмосы. Утромъ шли къ ранней обѣднѣ, послѣ которой дома всѣ также хоромъ пѣли акаѳистъ». Старикъ, по свидѣтельству Ал. Чехова, «не пропускалъ ни одной всенощной, ни одной утрени и ни одной обѣдни. Въ большіе праздники онъ неукоснительно выстаивалъ двѣ обѣдни—раннюю и позднюю—и послѣ обѣда уходилъ еще къ вечернѣ».

О пѣвческой дѣятельности Чехова-отца сохранилъ подробную запись Ал. Чеховъ [1]). Прежде всего надо знать, что это было не болѣе, какъ любительство, и не несло въ домъ отнюдь не зажиточнаго П. Е. никакихъ доходовъ. Сначала П. Е. пѣлъ въ хорѣ, но скоро долженъ былъ покинуть его, влеченію же своему далъ выходъ въ томъ, что послѣ двухъ-трехъ лѣтъ вынужденнаго бездѣйствія, создалъ собственный хоръ изъ добровольцевъ любителей. «Усердный хоръ добровольцевъ ходилъ по церквамъ и пѣлъ подъ руководствомъ П. Е. обѣдни, молебны, вечерни и всенощныя, нигдѣ не взимая ни гроша за свой трудъ. Пѣли, главнымъ образомъ, въ греческомъ монастырѣ и во «Дворцѣ»,—домѣ гдѣ жилъ и умеръ имп. Александръ I.

«Это былъ очень оригинальный хоръ,—поясняетъ Ал. Чеховъ въ другомъ мѣстѣ,—какого теперь, пожалуй, и не встрѣтишь. Главнымъ достоинствомъ его счита-

---

[1]) «А. П. Чеховъ—пѣвчій», («В. Евр.», 1907, № 10) и «Пасхальная заутреня во дворцѣ Александра I въ Таганрогѣ» («Ист. Вѣст.»).

лось усердіе. Музыкальнаго образованія не было и въ поминѣ, чтеніе нотъ было не обязательно. Нѣкоторые члены были совсѣмъ безграмотны и пѣли наизусть и на слухъ, хотя и держали предъ собой нотныя тетрадки [1]).

Допустить, что при такихъ условіяхъ пѣніе было художественнымъ, довольно трудно. Управляя сборнымъ хоромъ, П. Е. такъ затягивалъ пѣніе, что прихожане роптали, и Ал. Чеховъ даже беллетристически разсказываетъ (В. Е., 826), какъ они обращались къ женѣ П. Е., съ цѣлями воздѣйствовать (?) на мужа.

Въ этомъ-то чужомъ пиру и несъ свое похмелье Чеховъ-мальчикъ. Дѣти-пѣвцы были гордостью отца-регента, и онъ неупустительно и неумолимо обрекалъ ихъ на пѣніе «Да исправится» во время такъ называемыхъ преждеосвященныхъ литургій. Эту лямку А. П пришлось тянуть, «кажется, до 4-го класса гимназіи».

Въ церковь отецъ Чехова иногда обращалъ и домъ. Тотъ же М. П., описывая идиллическій бытъ Мелихова, разсказываетъ, что въ 10 часовъ вечера жизнь здѣсь уже замирала. «Тушились огни, и все въ домѣ затихало, только слышно было негромкое пѣніе и монотонное чтеніе: это Павелъ Егоровичъ въ своей комнатѣ совершалъ всенощное бдѣніе, онъ былъ религіозенъ и любилъ помолиться вслухъ» (БЧ).

То, что составляло предметъ такого удовлетворенія и похвальбы отца А. П—ча, участіе дѣтей въ церков-

---

[1]) Свидѣтельство того же автора, будто бы компанію чеховскихъ пѣвчихъ завершали «нѣсколько человѣкъ взростыхъ мужиковъ кузнецовъ», очевидно, не слѣдуетъ принимать біографу, въ виду прямой поправки М. П Чехова явно по этому адресу,—«утвержденіе нѣкоторыхъ біографовъ, что А. П. пѣлъ во дворцѣ вмѣстѣ съ кузнецами, невѣрно, такъ какъ кузнецы здѣсь вовсе не пѣли» (БЧ).

номъ хорѣ его и Долженко—было, однако истинной мукой дѣтей. Чеховъ положительно не могъ равнодушно вспоминать этой поры, когда ему приходилось подневольно выстаивать всѣ службы, выпѣвая альтовыя партіи. Взрослый, онъ совершенно ярко видѣлъ антипедагогичность принудительной молитвы и насильнаго участія въ богослуженіи. Щеглову онъ писалъ однажды:

«Я получилъ въ дѣтствѣ религіозное образованіе и такое же воспитаніе—съ церковнымъ пѣніемъ, съ чтеніемъ апостола и каѳизмъ въ церкви, съ исправнымъ посѣщеніемъ утрени, съ обязанностью помогать въ алтарѣ и звонить на колокольнѣ. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ: религіи у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли тріо: «Да исправится», или же «Архангельскій гласъ», на насъ всѣ смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками. Да, милый! Рачинскаго я понимаю, но дѣтей, которыя учатся у него, я не знаю. Ихъ души для меня потемки. Если въ ихъ душахъ радость, то *они счастливѣе меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданіемъ*».

Психологическую подоплеку гнетущихъ настроеній молодого пѣвца вскрываетъ Ал. Чеховъ, и ему можно вѣрить, какъ товарищу брата по несчастью. «Неувѣренность въ своихъ силахъ, свойственныя дѣтскому возрасту, робость и боязнь взять фальшивую ноту и осрамиться—все это переживалось угнетающимъ образомъ... Голоса доморощеннаго тріо дрожали, пѣніе путалось и торжественное «Да исправится» не менѣе торжественно проваливалось. Къ тому же заключительный куплетъ приходилось исполнять обязательно на колѣняхъ, и строгій регентъ требовалъ этого, забывая, что

па ногахъ дѣтей сапоги страдаютъ недочетами въ подметкахъ и каблукахъ. А выставлять напоказъ публично протоптанную, дырявую грязную подошву — какъ хотите, обидно, особенно для гимназиста, котораго могутъ засмѣять товарищи... Дома же всѣмъ троимъ пѣвцамъ приходилось выслушивать отъ строгаго отца внушительные упреки» (ibid., 833). Ко всему, прибавляетъ онъ, — «А. П. никогда не обладалъ выдающимся слухомъ, голоса же у него не было вовсе» (825)

Здѣсь-то, въ ожиданіи начала службы, наблюдательный мальчикъ, которому иногда и самому приходилось помочь какой-нибудь безграмотной старухѣ написать поминанье, насмотрѣлся на забавныхъ провинціальныхъ дьячковъ, юмористическихъ прихожанъ, и «приверженныхъ къ религіи» простецовъ, какихъ потомъ съ такой яркостью юмора или трагизма онъ зарисовывалъ въ «Канители» и «Хирургіи», «Мужикахъ» и «Убійствѣ».

О Чеховѣ-гимназистѣ въ официальныхъ бумагахъ, журналахъ и аттестатахъ сохранились такія свѣдѣнія. Онъ былъ исправнымъ ученикомъ, чрезвычайно рѣдко пропускалъ уроки. Изъ новыхъ языковъ она изучалъ одинъ нѣмецкій и имѣлъ за него пятерку.

Успѣхи его были не всегда одинаковы. Въ третьемъ и пятомъ классахъ онъ оставался на повторительный курсъ. Лучшіе успѣхи А. П. обнаружилъ въ послѣднихъ классахъ.

Сочиненіе на аттестатъ зрѣлости А. П. подалъ послѣднимъ. Оно было оцѣнено четверкой.

Въ 1879 г. А. П. кончилъ курсъ въ таганрогской гимназіи и допущенъ къ испытаніямъ на аттестатъ зрѣлости.

Аттестатъ, помѣченный 15 іюля 1879 г., гласитъ:

«Данъ сей Антону Чехову, вѣроисповѣданія православнаго, сыну купца, родившемуся въ Таганрогѣ 17 января 1860 г., обучавшемуся въ таганрогской гимназіи 10 лѣтъ, въ томъ, во-первыхъ, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ таганрогской гимназіи, поведеніе его было вообще отличное, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ весьма хорошая, прилежаніе очень хорошее и любознательность по всѣмъ предметамъ одинаковая, и, во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія...»

Далѣе отмѣчено, что въ законѣ Божіемъ, географіи и нѣмецкомъ языкѣ Чеховъ преуспѣвалъ на 5, въ русскомъ и словесности, логикѣ и исторіи на 4, въ латинскомъ, греческомъ, математикѣ, физикѣ и географіи—на 3 (МСК., 19—20).

Если къ курсу прибавить и приготовительный классъ, то гимназическіе годы Чехова надо считать въ 11 лѣтъ [1]).

Подводя итогъ всѣмъ даннымъ о дѣтскихъ годахъ писателя, приходится признать, что впечатлѣнія исключительной яркости Чеховъ-ребенокъ, очевидно, не производилъ. Его товарищи не припоминаютъ ни одного яркаго эпизода изъ его ранняго дѣтства. Они отмѣчаютъ только, что всѣ рѣшительно относились къ юному Антошѣ любовно. У него не было

[1]) Изъ товарищей Чехова (по гимназіи, не по курсу) въ литературу вышли трое—П. А. Сергѣенко, В. Г. Танъ, (Натанъ Богоразъ) и Мендель Зельмановъ, единственный изъ 23 учениковъ выпуска 1879 г., награжденный серебряной медалью. Характерно, что гимназическое начальство, обходя Чехова, именно въ Зельмановѣ предугадывало литературныя способности, можетъ-быть, будущую литературную карьеру, и въ своихъ отмѣткахъ высказалось, что этотъ ученикъ «подаетъ наибольшія надежды относительно дальнѣйшихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ». Послѣ смерти Чехова, одна изъ южныхъ газетъ «Южный Край» дала справку о судьбѣ Зельманова. Зельмановъ

враговъ въ юности, какъ не было ихъ и въ зрѣлыхъ годахъ, когда нашлось много завистниковъ. Онъ никогда не только не подлаживался къ людямъ, но скорѣе былъ вялъ въ своихъ отношеніяхъ. Отрока-Чехова, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ отличаетъ то, какъ бы нѣсколько медленное развитіе, какое отличало и Пушкина.

Но характеристику Сергѣенка, прямо называющаго его «вялымъ увальнемъ съ лунообразнымъ ухмыляющимся лицомъ», и «благодушной размазней» («Нива», 1904, № 10) — приходится считать безспорно преувеличенной. Такому рѣзкому опредѣленію противорѣчатъ всѣ другія, начиная съ характеристики брата. «Трудно было представить себѣ болѣе подвижного, веселаго мальчика, чѣмъ онъ былъ въ годы своего отрочества» (БЧ). Съ ней не мирится все, что намъ извѣстно о шутливыхъ проявленіяхъ чеховской натуры уже въ дѣтствѣ.

Во всякомъ случаѣ къ юности Чехова не осталось и слѣдовъ отъ ранней замкнутости. Юношу Чехова отличаетъ веселый и жизнерадостный характеръ. Это веселье почерпается изъ простенькой окружающей обстановки семьи и школы, но въ немъ много элементовъ традиціоннаго русскаго задора. «Я люблю всевозможныя гульбища, русскія гульбища, сопряженныя съ плясками съ танцами, съ винопійствомъ», при-

---

оправдалъ до извѣстной степени расчеты педагоговъ, пророчившихъ ему необычайную будущность. Будучи студентомъ харьковскаго университета, а затѣмъ и по окончаніи его, онъ принималъ участіе сначала въ мѣстныхъ газетахъ, а потомъ и столичныхъ». Это былъ очень добросовѣстный, толковый и знающій журналистъ но... и только!» Во всякомъ случаѣ, имя Зельманова уже теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, совершенно забыто, тѣмъ болѣе, что онъ самъ статей своихъ не подписывалъ полнымъ именемъ, а работалъ подъ псевдонимомъ «М. Южнаго».

знается Чеховъ, едва 16-лѣтній. Позднѣе, уже взрослый, онъ заявлялъ, что не можетъ жить безъ постоянныхъ гостей.

Истинный характеръ Чехова въ дѣтствѣ станетъ понятенъ при свѣтѣ его дальнѣйшей жизни, ибо, конечно, всѣ залоги будущаго даются уже въ дѣтствѣ. Какъ въ зрѣлые годы этотъ любящій шутку, играющій ею, какъ шампанское искрами, любящій кругомъ себя людей, Чеховъ временами страстно искалъ одиночества, покоя отъ надоѣвшаго смѣха, шума и разговоровъ, уѣзжалъ куда попало, лишь бы измѣнить атмосферу,—такъ тоже было съ нимъ и въ дѣтствѣ, и въ юности. Свидѣтели того и другого, стоятъ только въ кажущемся противорѣчіи. На дѣлѣ они схватываютъ лишь разныя стороны чеховскаго настроенія. Истина выясняется изъ сложенія ихъ случайныхъ фотографій, дающихъ цѣльный обликъ веселаго, но и умѣющаго рано задумываться ребенка. Кукушкинъ, передающій рядомъ объ увлекавшихъ товарищей разсказахъ маленькаго гимназиста, но подмѣтившій и его «уходъ въ себя», можетъ-быть, болѣе другихъ явился на высотѣ объективной наблюдательности.

Если семейныя впечатлѣнія ребенка Чехова слагались иногда тяжело, если онъ писалъ однажды брату Александру: «дѣтство отравлено у насъ ужасами (4 апр. 1893 г.), то у біографа его нѣтъ никакихъ основаній думать, что товарищеская среда оставила въ немъ впечатлѣнія мрачныя. Наоборотъ, эта область переживаній была свѣтла и ясна. Безконечную симпатію Чеховъ сохранилъ и къ Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ, одинокимъ и забытымъ хохлятамъ, служившимъ въ лавкѣ отца, и къ товарищамъ по школѣ и гимназіи. Разнообразно отраженная, эта дѣтская психика зарисована въ его разсказахъ «Спать хочется», «Отецъ семейства», «Ста-

рый домъ», «Случай съ классикомъ», «Житейская мелочь», «Ванька», «Бабы», «Степь». Нѣжную любовь онъ сохранилъ на всю жизнь къ дѣтямъ и даже на Сахалинѣ уловилъ тихое сіяніе дѣтской души, свѣтящее взрослымъ.

«Самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ—это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости и радости... Присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку. Дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія».

По перепискѣ А. П. мы видимъ его соприкосновеніе черезъ много лѣтъ по окончаніи гимназіи съ однимъ изъ товарищей, I. Островскимъ, обратившимся къ нему по дѣлу. Чеховъ охотно откликнулся съ готовностью услужить и въ письмѣ упомянулъ о другихъ товарищахъ, судьба которыхъ была ему извѣстна. На одну минуту чувствуется въ письмѣ тѣнь легкаго раздраженія. Товарищъ поздравилъ Чехова съ какимъ-то «переходомъ отъ пантеизма къ антропоцентризму». По видимому, это былъ отголосокъ печатныхъ совѣтовъ критики Чехову (хотя бы того же Михайловскаго), и привѣтливое по существу слово кольнуло А. П. въ больное мѣсто. Отвѣтъ его совершенно корректенъ, но выдаетъ сдержанное досадливое чувство. «Что касается пантеизма, о которомъ вы написали мнѣ нѣсколько хорошихъ словъ,—замѣчаетъ онъ, — то на это я вамъ вотъ что скажу: выше лба глаза не растутъ, каждый пишетъ, какъ умѣетъ. Радъ бы въ рай, да силъ нѣтъ. Если бы качество литературной работы вполнѣ зависѣло

лишь отъ доброй воли автора, то, вѣрьте, мы считали бы хорошихъ писателей десятками и сотнями. Дѣло не въ пантеизмѣ, а въ размѣрахъ дарованія»

Скорѣе университетское товарищество оставило А. П. неудовлетвореннымъ. Не видно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы оно дало ему какія-либо радости любовнаго признанія и привѣта. Въ минуты пессимистическихъ настроеній, когда самое писательство казалось ему неблагодарной профессіей, онъ вспоминалъ не безъ упрека эту студенческую среду. «Кому нужны мы, пишущіе люди?—сказалъ онъ однажды.—Кто нами интересуется? Вы знаете, я окончилъ московскій университетъ. Въ университетѣ я началъ работать въ журналахъ съ перваго курса; пока я учился, я успѣлъ напечатать сотни разсказовъ подъ псевдонимомъ «А. Чехонте», который, какъ вы видите, очень похожъ на мою фамилію. И рѣшительно никто изъ моихъ товарищей по университету не зналъ, что «А. Чехонте»—я, никто изъ нихъ этимъ не интересовался. Знали, что я пишу гдѣ-то и что-то, и—баста. Никому не было дѣла до моихъ писаній» (Грузинскій, «Рус. Сл.», 1914).

VIII.

Озираясь на свое дѣтство, какъ, въ концѣ-концовъ, могъ воспринимать его Чеховъ? Радужнаго воспріятія его во всякомъ случаѣ не было. Въ этомъ дѣтствѣ, конечно, были свѣтлыя впечатлѣнія. Надо учесть прежде всего уже то, что это не было дѣтство, оторванное отъ семьи и отъ природы. Чеховъ и всю свою жизнь провелъ въ лучахъ родственной ласки. Не только братья и сестры, но даже мать пережила его, и всегда для своей семьи онъ былъ гордостью и радостью и предметомъ самой нѣжной заботливости.

Имѣть это, можетъ-быть, значитъ, имѣть все. Связанность заботами объ этой семьѣ, всегда находившейся на его отвѣтственности, иногда давала себя чувствовать тяжело. Но стоило Чехову уѣхать далеко отъ семьи, изъять себя изъ ея заботъ и ухода, и онъ испытывалъ чувство глубокой тоски по домѣ. (См. главу о Сахалинѣ).

Но раннее дѣтство, проведенное подъ ферулой отца и въ такой чуждой ему атмосферѣ торговли, дало А. П—чу столько впечатлѣній тяжелыхъ, что они какъ бы заслонили свѣтлыя.

Александръ Чеховъ, свидѣтель дѣтства брата и его юности, отмѣчаетъ, что воспоминанія А. П. о дѣтствѣ обычно окрашивались темными тонами. Въ зрѣлые годы, по его словамъ, онъ не разъ говаривалъ въ интимномъ кружкѣ родныхъ и знакомыхъ: «въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства»[1]. «А. П. только издали видѣлъ счастливыхъ дѣтей, но самъ никогда не переживалъ счастливаго, беззаботнаго и жизнерадостнаго дѣтства, о которомъ было бы пріятно вспомнить, пересматривая прошлое» («Вѣстн. Евр.» 1908 г., XI). «О чемъ Чеховъ говорилъ неохотно и мало,—замѣчаетъ А. С. Грузинскій,— это о своемъ дѣтствѣ. Извѣстно, что оно мало радовало его, и, касаясь дѣтства, онъ долженъ былъ говорить сурово и рѣзко о тѣхъ изъ его близкихъ, о которыхъ, вѣроятно, ему не хотѣлось говорить сурово и рѣзко».

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ минусы, совокупность семейныхъ и воспитательныхъ вліяній, въ какихъ росъ Чеховъ, должна быть признана скорѣе благопріятною, чѣмъ печальною. Никоимъ образомъ она не могла наложить печати угнетенности и при-

[1]) Мысль Ал. П., несомнѣнно, вѣрная, — едва ли только это подлинная фраза Антона Чехова, чуткое ухо котораго уловило бы ея антихудожественность и стилистическую шероховатость.

давить юной души. Мы все-таки рѣшительно отказываемся принять во всемъ объемѣ показанія о греческой школѣ, какъ о земномъ адѣ. И какъ бы строгъ ни былъ домашній, училищный и гимназическій укладъ, молодой душѣ оставался достаточный просторъ для развитія въ духѣ той личной свободы, которую всегда выше всѣхъ благъ земли цѣнилъ Чеховъ. Безъ малѣйшихъ оговорокъ это было воспитаніе старозавѣтное, со всѣми недочетами, но и со всѣми добрыми залогами старозавѣтнаго воспитанія.

Сгущать темнѣе тона даже въ торговыхъ занятіяхъ маленькаго Чехова, столь несоотвѣтствовавшихъ его будущему назначенію, было бы несправедливо. По свидѣтельству Михаила П-ча, «замѣняя отца въ лавкѣ, братья Чеховы не лишены были такихъ удовольствій, какія и не снились многимъ ихъ сверстникамъ, городскимъ мальчикамъ. Они на цѣлые дни уходили на море ловить бычковъ, играли въ лапту, ѣздили въ деревню къ дѣдушкѣ, гуляли въ городскомъ саду, устраивали домашніе спектакли. Несмотря на сравнительную строгость семейнаго режима—и въ исключительныхъ случаяхъ даже на тѣлесное наказаніе, обычное въ то время почти въ каждой провинціальной семьѣ,—всѣ мальчики Чеховы, внѣ сферы своихъ прямыхъ обязанностей, пользовались большой свободой. Къ исполненію же обязанностей они были очень чутки, а о неповиновеніи волѣ отца или матери въ семьѣ не могло быть даже рѣчи» (БЧ).

Доказательствомъ того, какъ даже тяжелое и терпкое въ благодарной и ярко талантливой натурѣ преломлялось, смягчалось и шло въ добрую сторону,—можетъ служить постановка въ семьѣ религіознаго и церковнаго вопроса. Мы видѣли, какъ стѣснительно и расхолаживающе дѣйствовалъ нѣсколько обрядовый

характеръ отцовской религіозности. Мы слышали злыя слова самого Чехова о такой вѣрѣ, толкающей въ невѣріе или равнодушіе. Въ его «Убійствѣ» мы прочтемъ страницы, проклинающія безплодіе религіознаго формализма, выхолащивающаго душу, и тѣмъ не менѣе, рядомъ съ печальными итогами такого воспитанія мы найдемъ въ Чеховѣ и нѣчто доброе, свободно взятое имъ, именно какъ писателемъ, отъ несвободной и навязанной церковности.

Тяготѣніе отца къ церкви, и къ «божественной» книгѣ, семейныя чтенія изъ Четьи Минеи, нечувствительно держали А. П. въ общеніи съ чудеснымъ старымъ языкомъ, не позволяли ему забыть его и разминуться съ нимъ, какъ случается съ огромнымъ большинствомъ русской интеллигенціи, создавали въ немъ то чуткое ощущеніе простого исконно-русскаго слова, которое неизбѣжно вызывало антипатію ко всякой наносной иностранщинѣ. Когда уже зрѣлымъ и знаменитымъ писателемъ онъ поучалъ молодого беллетриста Б. Лазаревскаго выбросить изъ своихъ разсказовъ всѣ эти варваризмы: «перекомбинировать, гамму, профессіональнаго, запротестовалъ, амфитеатромъ»,—въ немъ говорили эти хорошіе уроки дѣтства. Не будь ихъ, Чеховъ не почувствовалъ и не смогъ бы передать того очарованія русской души передъ сплетеніями поэтическихъ словъ въ акаѳистѣ, какое онъ вложилъ въ душу монаха Іеронима въ прекрасномъ, какъ поэма, разсказѣ «Святою ночью». Въ его книгахъ можно найти сотни доказательствъ того, какъ въ ощущеніи простоты, красоты и, скажемъ, родовитости слова, исконной его принадлежности русскому языку, его выручало обращеніе къ корнямъ языка житій, прологовъ и богослуженія, какъ отсюда иногда онъ заимствовалъ благородный и чуждый изысканности паѳосъ.

Какъ ни надоѣдливы были принудительныя насажденія религіозности, какъ ни непріятенъ былъ осадокъ вставаній ребенкомъ въ 5 часовъ утра къ утренямъ и выстаиваній безконечныхъ службъ, — даже это не выгравило въ немъ очарованія дѣтскихъ впечатлѣній отъ церкви. Стройность и ритмъ службы, красота пѣсни или колокольнаго звона производили на него впечатлѣніе и въ зрѣломъ возрастѣ. «Къ звону онъ всегда былъ неравнодушенъ,—пишетъ о немъ его братъ М. П.— Бывало, онъ собиралъ цѣлыя компаніи и отправлялся съ ними пѣшкомъ на Каменный мостъ (въ Москвѣ) слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отправлялся затѣмъ бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь, и съ одеревянѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой Въ это время изъ приходской церкви возвращался любившій достоять всѣ службы до конца отецъ, всѣ братья Чеховы пѣли хоромъ «Христосъ воскресе», при чемъ Антонъ П—чъ пѣлъ басомъ,—и садились разговляться. Антонъ П—чъ ни одной пасхальной ночи не провелъ въ постели».

Въ одномъ письмѣ изъ Москвы, написанномъ въ канунъ дня святого Николая, А. П. самъ пишетъ: «я всталъ рано, зажегъ свѣчи и сѣлъ писать, а на дворѣ звонили,—было пріятно» (1895, Суворину).

Кончая съ вопросомъ объ отношеніи самого А. П. къ своему воспитанію и родителямъ, надо отмѣтить, что тяжелая отцовская ферула не воспрепятствовала ему сохранить къ П. Е-чу любовное сыновнее чувство. «Отецъ и мать—единственные для меня люди на всемъ земномъ шарѣ,—писалъ онъ брату,—для которыхъ я ничего никогда не пожалѣю. Если я буду высоко стоять, то это дѣла ихъ рукъ, славные они люди, и одно безграничное ихъ дѣтолюбіе ставитъ ихъ выше

всякихъ похвалъ. закрываетъ собой всѣ ихъ недостатки, которые могутъ появиться отъ плохой жизни, готовитъ имъ мягкій и короткій путь, въ который они вѣруютъ и надѣются такъ, какъ немногіе». (М. П. Чехову, 1877).

Но неоспоримо и то, что условія своего развитія А. П. считалъ безконечно далекими отъ идеала свободнаго воспитанія личности. Безъ сомнѣнія, много такихъ навыковъ, отъ которыхъ онъ позднѣе долженъ былъ съ усиліями освобождаться, привзошли въ его душу въ этой атмосферѣ тяжелаго труда, упорнаго сколачиванія копейки, подавляемой нѣжности и почти напускной иногда строгости изъ педагогическихъ соображеній. И эта строгость не была настолько мудрой, чтобы охранить чистоту дѣтства и обезпечить ему нормальное и здоровое развитіе. Намъ уже извѣстно показаніе одного изъ писемъ А. П., что тайны любви онъ постигъ, будучи всего 13-ти лѣтъ.

«Что писатели-дворяне брали у природы даромъ, то разночинцы покупаютъ цѣною молодости,—писалъ однажды, много позднѣе, Чеховъ Суворину.—Напишите-ка разсказъ о томъ какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывшій лавочникъ, пѣвчій, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣченный, ходившій по урокамъ безъ калошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственниковъ, лицемѣрившій и Богу и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества,—напишите, какъ этотъ молодой человѣкъ выдавливаетъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ,

что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая» (1889).

Мы можемъ не относить цѣликомъ къ Чехову всѣхъ недостатковъ, какіе онъ намѣчаетъ въ человѣкѣ подобнаго воспитанія,—хотя бѣгло намѣчая не чье-либо чужое, а именно свое curriculum vitae, онъ, повидимому, ничуть не боялся, что дальнѣйшую характеристику примѣнятъ именно къ нему, но должны считать безспорнымъ, что многіе изъ нихъ онъ видѣлъ и въ себѣ. И тѣмъ смѣлѣе онъ могъ раскрываться предъ Сувориными, что тотъ самъ вышелъ изъ такой же, а можетъ-быть, и еще горшей жизненной школы.

Эти ранніе навыки обусловили извѣстную внѣшнюю суровость самого Чехова, боязнь всякой восторженности, сдержанность въ чувствѣ изъ какого-то преувеличеннаго опасенія сентиментальности, значительную замкнутость въ себѣ, съ годами усиливавшуюся. Когда онъ говоритъ въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» отъ лица его о «воспитанномъ въ немъ съ дѣтства страхѣ—показаться чувствительнымъ и смѣшнымъ», о томъ, что онъ «не умѣетъ быть искреннимъ», когда ему «хочется ласкать и говорить нѣжности», онъ говоритъ о знакомомъ ему самому чувствѣ.

Наслѣдіемъ той же школы былъ въ Чеховѣ и явный дѣловой наклонъ, та трезвая разсудочность въ практическихъ дѣлахъ, какая отличала и Некрасова. Некрасовъ подросткомъ далъ себѣ обѣтъ «не умереть на чердакѣ». Чеховъ съ юныхъ дней вѣрилъ въ свой красный день,—безъ нужды и соображеній о завтрашнемъ днѣ. 16-лѣтній онъ писалъ брату: «Разбогатѣю,—а что разбогатѣю, такъ это вѣрно, какъ дважды два четыре» (1877).

Здѣсь мѣсто коснуться одного тяжелаго обвиненія юнаго Чехова, которое, нѣтъ сомнѣнія, было бы съ не-

годованіемъ отвергнуто, если бы не исходило отъ столь дружественнаго и родственнаго ему свидѣтеля. Это—показаніе Ал. Чехова о томъ, что вынужденный торговать въ отцовской лавочкѣ, Чеховъ вынужденъ былъ примѣнять и недобросовѣстные пріемы, почти неизбѣжные въ удачной торговлѣ. Показаніе это дано не между строкъ, не намекомъ, оставляющимъ мѣсто для сомнѣній или возраженій, а въ совершенно категоричной формѣ. «Едва ли кто повѣритъ,—пишетъ онъ,—что этотъ строгій и безусловно честный писатель-идеалистъ былъ знакомъ въ дѣтствѣ со всѣми пріемами обмѣриванія, обвѣшиванія и всяческаго торговаго мелкаго плутовства. Онъ прошелъ изъ-подъ палки эту безпощадную подневольную школу цѣликомъ и вспоминалъ о ней съ горечью всю свою жизнь («В. Е.», 1908. XI, 193)». При желаніи оправдать юнаго Чехова здѣсь съ натяжкою, можетъ-быть, можно было бы увидѣть только внѣшнюю причастность ребенка къ картинамъ совершающагося кругомъ обмана, но другое мѣсто не оставляетъ мѣста ни для какихъ оговорокъ. «Оба торговыя заведенія,—читаемъ тамъ же,—составляли одно цѣлое, и въ обоихъ Антоша торговалъ, отвѣшивая и отмѣривая и даже обвѣшивая и обмѣривая, насколько ему позволяли его дѣтскія силы и смекалка. Потомъ уже, когда онъ подросъ и вошелъ въ разумъ, мелкое плутовство стало ему противнымъ, и онъ началъ съ нимъ энергичную борьбу, но, будучи мальчикомъ-подросткомъ, и онъ подчинялся безсознательному общему ходу торговли, и на немъ лежала печать мелкаго торгаша со всѣми его недостатками» (ibid., 195).

Въ характеристикѣ разночинца, «лицемѣрящаго и Богу и людямъ», нѣтъ этого печальнаго штриха, вводимаго въ біографію Чехова его братомъ. Въ огромномъ автобіографическомъ архивѣ чеховскихъ сочине-

ній и переписки тоже нѣтъ ни малѣйшаго его подтвержденія. Но это не значитъ, что показаніе Ал. П., человѣка, какъ мы видѣли, часто фантастическаго и увлекающагося [1]), на этотъ разъ можно было бы основательно заподозрить. Ал. П. давалъ себѣ отчетъ въ

[1]) Самый безспорный случай «увлеченія» и «фантастики» Ал. П. Чехова, о которомъ уже не можетъ быть двухъ мнѣній, это его апокрифическій разсказъ «Первый паспортъ А. П. Чехова» (въ «Русск. Бог.» 1911, III), гдѣ какой-то маленькій фактъ жизни Антона Павловича обрастаетъ цѣлой толщей событій, неправдоподобныхъ и въ цѣломъ и порознь. Ал. Чеховъ передаетъ здѣсь ни больше, ни меньше исторію формальнаго подлога, учиненнаго имъ якобы съ легкомысленнаго дозволенія начальства и грозившаго участникамъ этой почти преступной авантюры самыми серьезными послѣдствіями, и это въ то время какъ Ан. П. могъ получить законный паспортъ по законнѣйшему праву. А. В. Амфитеатровъ имѣлъ время и терпѣніе подвергнуть этотъ апокрифъ детальному обсужденію, доказывающему полную его непріемлемость. Для біографа, конечно, достаточно отослать читателя къ этой полемической статьѣ (Собр. соч. Амфитеатрова, изд. Просвѣщенія т. XIV, 210—228, «Загадочный документъ»), не перегружая книги о Чеховѣ ненужнымъ и напраснымъ.

Изъ статьи этой любопытно привести только общій абрисъ старшаго брата Чехова, вполнѣ соотвѣтствующій дѣйствительности. «Въ обстоятельствахъ жизни Чехова,—пишетъ Амфитеатровъ,— Александръ Павловичъ, повидимому, не игралъ значительной роли,— по крайней мѣрѣ, не отразилъ ея ни въ творчествѣ, ни въ біографіи, ни въ письмахъ Антона Павловича съ такою яркостью, какъ другіе братья и сестра Марья Павловна. Причиною тому, можетъ-быть, было сравнительно раннее переселеніе Александра Чехова отъ московской чеховской семьи въ Петербургъ и его обращеніе въ петербургскаго литератора. Смолоду весьма способный юмористъ «Будильника» и другихъ подобныхъ же журналовъ, Александръ Чеховъ въ Петербургѣ примкнулъ къ «Новому Времени», какъ постоянный сотрудникъ. Въ промежуткѣ газетныхъ трудовъ онъ—также беллетристъ и написалъ довольно много разсказовъ подъ псевдонимомъ А. Сѣдой, которые и въ «Новомъ Времени», и въ «Петербургской Газетѣ», и въ разныхъ иллюстрированныхъ еженедѣльникахъ хорошо читались. Въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Градоначальства» печатались историческіе романы его, которые остались незамѣченными

томъ, что писалъ и, однако, счелъ должнымъ это написать. Въ смѣшное положеніе поставилъ бы себя біографъ, если бы онъ сталъ оправдывать Чехова за грѣхъ несознательнаго дѣтства, разумѣется, осужденный и отброшенный съ первымъ пробужденіемъ сознательности. Но онъ не можетъ его замалчивать, поскольку, можетъ-быть, именно здѣсь лежатъ причины объясняющія, почему такъ радостно и упорно зрѣющій Чеховъ «выдавливалъ изъ себя по каплѣ раба» и въ устраненіи какихъ именно навыковъ состояла эта его духовная работа.

только по непривычкѣ и предубѣжденію публики къ странному органу, въ которомъ они появились».

Можно возразить только противъ двухъ послѣднихъ строчекъ,—романы Ал. Чехова незначительны и ремесленны. Въ вопросѣ о вліяніи на Антона Павловича брата Александра, какъ старшаго, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній. Вліяніе это не только не было значительнымъ,—вѣроятнѣе было ничтожнымъ. Скорѣе можно говоритъ о созвучности чеховской натуры — натурѣ брата Николая, съ которымъ онъ дружно шелъ рука объ руку, работая въ однихъ журналахъ, и который, можетъ-быть, далъ самый ранній толчокъ писательству Чехова. Во всякомъ случаѣ по всѣмъ оставшимся документамъ,—письмамъ, рисункамъ Н. П. (гдѣ часто фигурируетъ братъ Антонъ)—можно установить гораздо бòлѣе близкое общеніе между братьями Антономъ и Николаемъ. Въ многочисленныхъ письмахъ А. П. къ Ал. Чехову ни разу не прозвучала нота благодарности писателя за какіе либо навыки, внушенные старшимъ братомъ... Тонъ этихъ писемъ въ огромномъ большинствѣ шутливо-фамильярный, гдѣ родственная пріязнь замаскирована намѣренною грубостью, а въ нѣкоторыхъ—прямо странный...

Вообще чувствуется, что жизнь въ значительной мѣрѣ обманула Александра Чехова, давшаго много меньше, чѣмъ онъ обѣщалъ. Небезызвѣстный южный фельетонистъ, «Шиллеръ изъ Таганрога», сохранилъ свидѣтельство, что Ал. П. кончилъ гимназію съ золотой медалью и, какъ проявлявшій большія способности, внушалъ наибольшія надежды изо всей семьи Чеховыхъ (МСК). Убѣжденіе въ неисполнившихся обѣщаніяхъ не могло не сложить въ душѣ его горькаго осадка.

Таганрогскій періодъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ безъ малѣйшей натяжки можно озаглавить періодомъ «Дѣтства и отрочества» Чехова заключается тремя годами его самостоятельнаго одинокаго пребыванія въ покинутомъ семьею городѣ. Эти три года 1876—1879, наиболѣе бѣдные документами — самое темное мѣсто чеховской біографіи.

Единственное освѣщеніе имъ даютъ нѣсколько строкъ семейныхъ воспоминаній М. П. Чехова. «Всѣ эти три года,—пишетъ онъ,—Антонъ Павловичъ жилъ у Селиванова, купившаго съ торговъ чеховскій домъ, и училъ его племянника, казака Кравцова. Несомнѣнно, что онъ совершалъ поѣздки на хуторъ къ этому Кравцову, посѣщалъ шахты, постройки желѣзныхъ дорогъ. Окончивъ курсъ гимназіи въ 1879 году, онъ пріѣхалъ въ Москву, уже умѣя мѣтко стрѣлять изъ ружья и отлично ѣздить на лошади. Ѣздилъ онъ и къ брату Селиванова—Ивану Пароеньевичу, у котораго въ имѣніи познакомился съ степной помѣщичьей жизнью. Ученикомъ VII и VIII классовъ Антонъ Павловичъ очень любилъ ухаживать за гимназистками, и, когда его братъ Михаилъ былъ тоже гимназистомъ VII класса, то онъ разсказывалъ ему, что романы его были всегда жизнерадостны. Онъ часто посѣщалъ въ эти три года театръ, любилъ французскія мелодрамы, напр., «Убійство Коверлей», «Гамлета» и такіе фарсы, какъ «Маменькинъ сынокъ», много читалъ. Особенное впечатлѣніе на него производили тогда романы Георга Борна, Шпильгагена и Виктора Гюго».

И внѣшній, и внутренній колоритъ этой «самостоятельной» жизни Чехова (1876—1879) остается такимъ образомъ въ тѣни. За исключеніемъ этихъ строкъ брата, для заключеній о ней остались только намеки. Безспорно, это было существованіе очень экономное,

жизнь «въ обрѣзъ». Именно къ этой порѣ относится вышеприведенная фраза А. П., выдающая его раннюю мечту не умереть на чердакѣ. Эти раннія мечты о разбогатѣніи не слагаются у тѣхъ, кто не знаетъ, что такое черный день. Больше, чѣмъ къ какому-либо иному моменту чеховской жизни, именно сюда, думается далѣе, надо относить моментъ тягостныхъ хожденій по урокамъ безъ калошъ, обѣдовъ у богатыхъ родственниковъ и т. п., чѣмъ А. П. наполняетъ, какъ кошмарами, жизнь выбирающагося въ люди разночинца въ своей характеристикѣ-намекѣ. Чтобы понять тяжесть всего этого, надо учесть, что такой укладъ жизни, обычно характеризумый словами «бѣдность не порокъ», здѣсь падалъ на моментъ созрѣванія человѣка, на время пробужденія жгучаго пролетарскаго самолюбія, которое тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ сильнѣе и талантливѣе натура. Безспорно, что біографъ А. П. могъ бы имѣть объ этомъ періодѣ жизни «безъ отца» и безъ опоры прямыя показанія его самого. Къ сожалѣнію, драма «Безотцовщина», написанная именно въ бытность въ VII классѣ, была имъ уничтожена,—можетъ-быть, опять-таки именно потому, что здѣсь было много личнаго, и возможно,—укоризненнаго.

Черныхъ и ранящихъ самолюбіе дней у А. П. было, безъ сомнѣнія, много, но представлять весь этотъ трехлѣтній періодъ мрачнымъ и гнетущимъ было бы совершенной ошибкой. Если бъ въ противномъ не увѣряли строки его брата, объ этомъ все-таки можно было бы сдѣлать косвенныя умозаключенія. Похоже даже на то, что избавившійся отъ гнета отца, воспитавшагося въ ветхозавѣтныхъ устояхъ и давившаго ими на всю семью (показаніе Ал. Чехова—«предъ нимъ всѣ трепетали и боялись его пуще огня»)—юноша Чеховъ, наоборотъ, воспрянулъ, освободясь отъ отцовской фе-

рулы, почувствовалъ, какъ съ него спалъ гнетъ, пригибавшій его къ землѣ. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ этого является простое преуспѣяніе Чехова въ гимназическихъ наукахъ, какого вовсе не было при отцѣ. Двойки, отмѣчавшія прежде не только успѣхи, но и прилежаніе гимназиста Чехова, теперь смѣняются лучшими отмѣтками. Сидѣвшій дважды на повторительномъ курсѣ въ III и V классахъ (въ первомъ случаѣ изъ-за двойки по ариѳметикѣ и алгебрѣ, во второмъ изъ-за греческаго языка), Чеховъ теперь проявляетъ недурныя способности. «Помимо обычныхъ успѣховъ по любимымъ предметамъ—закону Божьему, русскому языку и исторіи—онъ сталъ получать пятерки даже по безконечно ненавистному ему греческому языку» (МСК). По сохранившимся журналамъ можно установить, что въ послѣдній годъ пребыванія въ гимназіи онъ пропустилъ всего лишь 13 уроковъ,—меньше всѣхъ остальныхъ товарищей, у которыхъ иногда эта цифра доходитъ до 80-ти. Если и баллы, и ученическая исправность сама по себѣ еще не говорятъ о дѣйствительномъ ростѣ юноши,—во всякомъ случаѣ здѣсь они показатели того, какъ подъ давленіемъ необходимости въ Чеховѣ развивались исполнительность и отвѣтственность. Фактъ изданія Чеховымъ въ VI классѣ рукописнаго юмористическаго журнальца «Заики», конечно, выразительнѣе всякихъ балловъ говоритъ за его умственный ростъ и пробужденіе интереса къ литературѣ тотчасъ по паденіи гнета семейнаго режима.

Такъ въ практически житейскомъ смыслѣ «худо», выпавшее на долю чеховской юности, не обошлось и безъ «добра». Суровая школа, давшаяся ему тяжело, закалила его для жизни, утвердила могучіе трудовые навыки, сложила самостоятельное, своимъ умомъ и опытомъ добытое и никѣмъ не навязанное міровоззрѣніе.

Мы увидимъ впереди, что въ моментъ, когда жизнь позоветъ его къ серьезному отвѣту, когда на его плечи опустится тяжесть цѣлой семьи, онъ подниметъ этотъ грузъ съ спокойнымъ сознаніемъ долга и понесетъ его съ честью.

„АНТОША ЧЕХОНТЕ“.

(Отъ дебюта до признанія).

Москва, 1879—1886.

I

Когда въ 1886 году вышли «Пестрые разсказы» Чехова, а въ слѣдующемъ году «Въ сумеркахъ» и «Невинныя рѣчи»,—читатель и критика сознали, что явился новый и интересный писатель. У Чехова сразу оказалось имя, признанное, любимое, искомое. Удивлялись быстрому восходу этой звѣзды. Говорили, какъ о рѣдкомъ случаѣ, что въ какіе-нибудь два года писатель нашелъ себѣ полное признаніе.

Такъ судили не только въ обществѣ, но и въ печати. Ни читатель, ни рецензенты еще не знали, что этому моменту предшествовали цѣлыя шесть лѣтъ упорнаго и систематическаго труда, что молодой докторъ съ фамиліей Чехова,—какъ это уже тогда разоблачила одна московская газета,—еще съ 19 лѣтъ запрегся въ лямку постояннаго газетнаго сотрудника и исписалъ уже горы бумаги на свои повѣсти, разсказы, юморески, шутки и даже романъ.

Строгій къ себѣ, Чеховъ при жизни старался замалчивать этотъ періодъ своей подготовки къ настоящему писательству. Близкіе ему говорятъ, что онъ не любилъ вспоминать о своихъ первыхъ опытахъ. Отсюда даже для многихъ друзей его было, напримѣръ, большою неожиданностью узнать, что въ свое время Антонъ Павловичъ написалъ и напечаталъ цѣлый романъ «Драма на охотѣ», размѣромъ въ 32 газетныхъ фельетона.

Положительно никто не думалъ, что этотъ періодъ былъ ознаменованъ такимъ большимъ трудомъ. Огромное наслѣдство «начинающаго» Чехова обнаружилось только послѣ его смерти. Спустя два года послѣ ея И. Ф. Масановъ исполнилъ нелегкій трудъ пересмотра всѣхъ юмористическихъ журналовъ и всѣхъ московскихъ иллюстрацій поры чеховской молодости и подвелъ итогъ даже всѣмъ мелочамъ, вышедшимъ изъ-подъ его пера («Библіографія сочиненій А. П. Чехова, «Русск. Архивъ», 1906 годъ»). Это было поистинѣ цѣлое открытіе.

Журналы и газеты по крохамъ перепечатали добрую половину этихъ забытыхъ матеріаловъ. Большую и лучшую часть ихъ русскій читатель получилъ въ дополнительныхъ томахъ сочиненій Чехова, изданія Марксъ.

Чью дѣятельность вызываетъ въ памяти ранняя работа Чехова, — это дѣятельность Некрасова. Въ 19-ть лѣтъ, оказавшійся безъ денегъ и хлѣба въ огромномъ и чужомъ Петербургѣ, Некрасовъ точно такъ же былъ вынужденъ писать безъ конца, чтобы обезпечить себѣ существованіе.

Сходство идетъ и далѣе—до самаго рода этихъ раннихъ произведеній. Совершенно такъ же, какъ Чеховъ, Некрасовъ начиналъ съ юмористики, писалъ комическіе куплеты, сочинялъ самъ и изъ пятаго въ десятое переводилъ съ французскаго водевили, выдумывалъ разсказы, между прочимъ изъ испанской и сардинской жизни, не только не бывъ на мѣстѣ, но и не имѣя въ тогдашней нашей скудной литературѣ сколько-нибудь сносной книги объ Испаніи или Сардиніи!

Между Некрасовымъ и Чеховымъ—полная параллель. Разница только въ томъ, что такой острой, сокрушительной, гнетущей нужды, какая водила перомъ Не-

красова, Чеховъ, къ счастью, не испыталъ. Онъ вовсе не имѣлъ еще недостатка. Для своей семьи онъ долженъ былъ быть кормильцемъ, хотя только что еще вступилъ на первый курсъ московскаго университета (1879). Но если онъ своимъ писательствомъ обезпечивалъ отцу и матери, семьѣ и себѣ воскресный пирогъ, то Некрасову безъ этой работы грозила бы голодная смерть.

Когда идетъ рѣчь о великанахъ искусства такихъ, какъ Лермонтовъ и Гоголь,—всякая строка ихъ, даже набросанная дѣтскою рукой, есть уже сокровище. Если это не геніи, а только таланты, всѣ эти ранніе опыты имѣютъ значеніе лишь для біографа писателя. Тамъ и здѣсь онъ найдетъ блестки дара, намеки на личныя переживанія, подробности личной жизни писателя въ ранней юности. Для этого нѣтъ необходимости все это перепечатывать,—біографу возможно во всякое время стряхнуть пыль со старыхъ изданій и тамъ найти ранніе опыты.

Плохую услугу и Чехову оказалъ бы тотъ, кто перепечаталъ бы *всѣ* его маленькія шутки изъ «Стрекозъ» и «Осколковъ», «Развлеченій» и «Будильника», всѣхъ этихъ, какъ онъ выражался, «комаровъ и мухъ». Въ дополнительныхъ томахъ чеховскаго собранія сочиненій читатель не найдетъ значительнаго числа несомнѣнно принадлежащихъ ему страницъ, разбросанныхъ имъ еще въ бытность студентомъ по разнымъ юмористическимъ изданіямъ начала девятидесятыхъ годовъ,—и это хорошо.

Молодой Чеховъ разбрасывался и дѣлалъ изъ своего пера разнообразнѣйшія примѣненія. Достаточно сказать, что въ матеріалахъ, съ немалымъ трудомъ собранныхъ извѣстнымъ библіографомъ П. В. Быковымъ и бывшимъ въ нашихъ рукахъ,—оказались и подписи Чехова къ рисункамъ разныхъ журналовъ (!), сдѣлан-

ныя по просьбѣ редакторовъ, и злободневные памфлеты съ частымъ упоминаніемъ героевъ того времени,—знаменитаго Лентовскаго, Окрейца, Родона, даже театральныя рецензіи о Сарѣ Бернаръ, посѣтившей Москву, объ Ивановѣ-Козельскомъ, выступившемъ въ «Гамлетѣ» въ московскомъ пушкинскомъ театрѣ и т. д.

Тонкій и острый умъ, мѣткая наблюдательность, искры юмора, еще вовсе молодого и неотравленнаго никакой житейской горечью, конечно, ясно отражены и въ этихъ первыхъ набросках и статейкахъ Чехова. Пройти вовсе мимо этихъ опытовъ расцвѣтающаго писателя біографъ не можетъ.

Въ 1879 году Чеховъ окончилъ курсъ таганрогской гимназіи и въ августѣ этого года поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета.

Въ Москву онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ двумя товарищами по гимназіи, впослѣдствіи врачами — Савельевымъ и Зембулатовымъ (БЧ). Оба стали жильцами семьи Чеховыхъ. Намъ уже извѣстно изъ автобіографіи А. П., что едва ли ясное сознаніе преимуществъ этого факультета или опредѣленное прирожденное влеченіе руководило этимъ выборомъ будущей карьеры. Сохранилось показаніе гимназическаго надзирателя Чехова—Вукова, будто бы на его вопросъ, еще тамъ, въ Таганрогѣ, на какой факультетъ онъ собирается, А. П. отвѣтилъ, «загадочно улыбаясь», что «поступитъ въ духовную академію и непремѣнно станетъ священникомъ» [1]).

Для Вукова осталось навсегда неяснымъ, было ли это обычнымъ проявленіемъ чеховской скрытности, или дѣйствительно въ то время у него было такое намѣреніе. Несомнѣнно только, что онъ искренне интересовался

---

[1]) «На родинѣ Чехова», «Р. Вѣд.», 1914, № 151.

богословскими науками, и мы знаемъ уже, что непонижающійся высокій баллъ былъ у него только по закону Божію.

Какъ бы то ни было, Чеховъ не раскаивался въ этомъ шагѣ молодости, но самъ затруднялся дать позднѣе точную его мотивировку (см. здѣсь стр. 7—10). Во всякомъ случаѣ, это рѣшеніе, повидимому, явилось не случайно, оно было обдуманно: еще въ спискѣ учениковъ, удостоившихся аттестата зрѣлости, въ графѣ—«въ какой университетъ и по какому факультету или въ какое высшее спеціальное училище желаетъ поступить» противъ имени А. П. значится: «въ московскій университетъ по медицинскому факультету»

Медицинскій факультетъ издавна хранитъ репутацію наиболѣе серьезнаго. Медикъ не можетъ числиться студентомъ и не заниматься, какъ это было возможно встарь для юриста или естественника. Сохранились свѣдѣнія, что Чеховъ былъ исправнымъ и работающимъ студентомъ. Товарищескія отношенія его были безоблачны.

Студенческіе годы только еще начинались, а жизнь со своими предъявленіями уже стояла за плечами Чехова. Переселившійся въ Москву отецъ одинъ не могъ бы содержать семью на свое скудное жалованье амбарнаго приказчика въ 30 рублей. И съ самой ранней поры пребыванія въ Москвѣ сынъ Антонъ заводитъ сношенія съ мелкими иллюстрированными журналами той поры и становится въ буквальномъ смыслѣ кормильцемъ семьи. Младшій братъ его усвояетъ ему высокую роль въ судьбѣ семьи въ эту пору.

«Личность отца, — пишетъ онъ, — отошла на задній планъ, и Антонъ Павловичъ замѣнилъ собой и хозяина дома, и отца. Его воля была доминирующей, его мнѣнія стали считаться непогрѣшимыми, и кто знаетъ, что случилось бы со всей семьей, при отсутствіи

Александра и Николая, если бы не пріѣхалъ во-время изъ Таганрога Антонъ. Необходимость добывать деньги во что бы то ни стало заставляла Антона Павловича писать разсказы, Николая — рисовать карикатуры, Иванъ вскорѣ пошелъ въ народные учителя, а маленькій Михаилъ переписывалъ студенческія лекціи и дѣлалъ чертежи. Евгенія Яковлевна и сестра Маша работали, не покладая рукъ. Это было трогательное единеніе всѣхъ членовъ семьи, сплотившихся вокругъ одного центра, Антона, и связанныхъ между собой искренней, чуткой дружбой. «Что скажетъ Антонъ?» «Что подумаетъ Антонъ?» «Какъ къ этому отнесется Антонъ?» стало девизомъ для всей семьи. Его литературные успѣхи и неудачи всегда встрѣчали самое горячее сочувствіе всѣхъ членовъ семьи» (БЧ).

Къ какому собственно моменту слѣдуетъ пріурочить первое литературное выступленіе Чехова?

Литературный талантъ обнаружился у А. П. уже въ дѣтскіе годы. Отъ брата его М. П. намъ извѣстно, что еще въ гимназіи имъ издавался юмористическій журналъ подъ названіемъ «Заика». Товарищъ Чехова А. Дросси прибавляетъ, что въ немъ первое и самое почетное мѣсто занимали А. П. и младшій товарищъ его, Натанъ Богоразъ, нынѣ извѣстный поэтъ-беллетристъ и изслѣдователь якутовъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Танъ». Въ седьмомъ классѣ гимназіи, какъ мы уже знаемъ, Чеховъ написалъ даже цѣлую драму, подъ названіемъ «Безотцовщина» и смѣшной водевиль «Не даромъ курица пѣла».

«Онъ прислалъ ихъ къ намъ въ Москву для прочтенія,—такова запись объ этомъ М. П. Чехова.—Я долго берегъ эти произведенія, но, пріѣхавъ затѣмъ въ Москву поступать въ университетъ, Ант. П. отобралъ ихъ отъ меня и «Безотцовщину» разорвалъ на мелкіе

кусочки, а водевиль спряталъ. Куда дѣвался водевиль,— не знаю. Во второй же годъ по пріѣздѣ въ Москву Ант. Павл. написалъ еще одну большую драму съ конокрадами, стрѣльбой, женщиной, бросающейся подъ поѣздъ, и т. д. Я переписывалъ эту драму, и у меня отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ. Какъ теперь помню, это было что-то громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ, гимназисту, верхомъ совершенства. Драму эту Ант. Павл., тогда студентъ второго курса, лично отнесъ къ М. Н. Ермоловой на прочтеніе и очень желалъ, чтобы она поставила ее въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила брату г-жа Ермолова, только мои старанія четко переписать драму такъ и пропали даромъ: пьеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія «Войницкій», которая воскресла потомъ въ «Дядѣ Ванѣ». Изъ другихъ пьесъ знаю очень трогательную пьесу «Баринъ»[1]), запрещенную цензурой, и нѣсколько нескромный водевиль «Бритый секретарь съ пистолетомъ», о судьбѣ котораго не знаю ничего. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакція журнала съ двуспальной кроватью». Задуманную пьесу-шутку «Сила гипнотизма», о которой А. П. упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Щеглову, онъ не осуществилъ. Приблизительно за годъ до своей смерти Щегловъ, уже усталый и потерявшій искреннюю веселость, написалъ ее по общему сценарію и поставилъ. Успѣха она не имѣла

[1]) Пьесу эту искали подъ такимъ названіемъ среди запрещенныхъ въ 1885 г. пьесъ,—счастливый случай помогъ найти ее подъ другимъ названіемъ «На большой дорогѣ». Полностью она и была напечатана въ 1914 г. въ сборникѣ «Слово» № 2, цѣликомъ посвященномъ памяти А. П. и редактированномъ сестрою писателя, М. П. Чеховой. Объ этомъ драматическомъ этюдѣ рѣчь ниже (стр. 152).

II

Итакъ, когда же послѣдовало первое печатное выступленіе Чехова?

Впервые въ литературѣ имя Чехова біографъ ловитъ не подъ статьей, а... въ почтовомъ ящикѣ юмористическаго журнала «Стрекоза».

Въ номерѣ второмъ за 1880-й годъ, среди другихъ отвѣтовъ, имѣется отвѣтъ—«Москва, Драчевка, г. А. Ч-ву. Совсѣмъ недурно. Присланное помѣстимъ. Благословляемъ и на дальнѣйшее подвижничество».

Тамъ же, въ седьмомъ номерѣ, по тому же адресу новый отвѣтъ, уже менѣе утѣшительный —«Прошеніе длинно и натянуто. Мелочью мы воспользовались».

Въ № 10 «Стрекозы», за подписью «...въ» въ отдѣлѣ «Архивъ Стрекозы» помѣщена первая работа Антона Павловича—«Письмо донского помѣщика Степана Владимировича № къ ученому сосѣду д-ру Фридриху (см. соч. Чехова т. XXII, стр. 5).

Слѣдомъ за этимъ была напечатана «мелочь»,—ниже приводимая здѣсь замѣтка.—«Что чаще всего встрѣчается въ романахъ».

«Письмо донского помѣщика» обычно и считается первымъ литературнымъ произведеніемъ Чехова (подтверждается и БЧ.). Однако, это можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, по указаніямъ самого писателя. Хотя это не имѣетъ существеннаго значенія для біографіи, но и не вовсе въ ней ничтожно.

Сохранившіяся показанія А. П. о своемъ первомъ дебютѣ не единогласны.

— *Уже на первомъ курсѣ* сталъ печататься въ еженедѣльныхъ журналахъ и газетахъ,—таково показаніе

его 1-го автобіографическаго наброска (Россолимо, см. здѣсь, стр. 7).

— *Писать началъ въ 1879 г.* въ «Стрекозѣ»,—таково показаніе 2-го автобіографич. очерка (Тихонову, см. здѣсь стр. 8).

— *Я началъ писать въ 1880 году*,—такова третья дата въ письмѣ къ Грузинскому въ 1888 г. изъ Сумъ.

Академическій годъ перваго курса занялъ зимній сезонъ 1879 г. и весенній 1880,—такимъ образомъ, эти даты почти однородны, но съ ними не согласуется четвертое показаніе Чехова. Въ 1888 г. въ одномъ письмѣ къ Суворину онъ заявляетъ:

— *24 декабря я праздную 10-лѣтній юбилей* своей литературной дѣятельности. Нельзя ли получить камергера?

24 декабря 1888 г. можно было праздновать юбилей событія, бывшаго 24 декабря 1878 г.,—это какъ будто относитъ первый чеховскій дебютъ на годъ раньше, къ предпослѣднему году пребыванія А. П. въ таганрогской гимназіи, оконченной въ 1879.

Наконецъ, даты 1878 и 1879 г. колеблются подъ пятымъ показаніемъ самого А. П., казалось бы, очень отчетливымъ, поскольку именно въ этомъ случаѣ онъ понуждался точно припомнить годъ своего выступленія.

Въ 1904 году Чеховъ писалъ Ѳ. Батюшкову: «увѣряю васъ, юбилей мой (если говорить о 25) еще не наступилъ и будетъ не скоро. Я пріѣхалъ въ Москву, чтобы поступить въ университетъ, во второй половинѣ 1879 года, *первая бездѣлушка въ 10—15 строкъ была напечатана въ мартѣ или апрѣлѣ 1880 г. въ «Стрекозѣ»;* если быть очень снисходительнымъ и считать началомъ именно эту бездѣлушку, то и тогда мой юбилей пришлось бы праздновать не раньше, какъ въ 1905 г.»

Какой выводъ слѣдуетъ изъ этихъ несогласующихся показаній?

Съ одной стороны, какъ будто трудно думать, чтобъ юный, еще хорошо помнящій то, что было 10 лѣтъ назадъ, Чеховъ праздновалъ въ семьѣ девятилѣтіе вмѣсто десятилѣтія. Трудность усиливается еще тѣмъ, что Чеховъ ясно обозначаетъ день (24 декабря),—день при томъ же не соотвѣтствующій ни «марту, ни апрѣлю», какъ ему помнилось позднѣе. Трудно предположить также, что это было торжество, «перенесенное» на другой день съ подлинной даты. Надо прибавить къ этому, что «Письмо донского помѣщика», занимающее въ полномъ собраніи слишкомъ четыре страницы, никоимъ образомъ не есть «бездѣлушка въ 10—15 строкъ», какъ опредѣлялъ свой дебютъ самъ Чеховъ въ письмѣ Батюшкову. Наконецъ, и «Почтовый ящикъ», «Стрекозы» обѣщалъ—«воспользоваться *мелочью*».

Все это, повидимому, оставляетъ возможность думать, что мы не знаемъ перваго дебюта Чехова-юноши. Правдоподобно, что это была дѣйствительно мелочь въ 10—15 строкъ, какъ онъ самъ ясно и помнилъ, напечатанная вѣрнѣе всего въ «рождественскомъ номерѣ, вышедшемъ въ сочельникъ, и, очень возможно, даже неподписанная, какъ это большею частью бываетъ съ начинающими въ мелкихъ журналахъ. Можетъ-быть, это было даже и не въ «Стрекозѣ», а въ такомъ изданіи, какое Чехову просто не хотѣлось назвать [1]).

Повторяемъ всѣ эти соображенія, конечно, не имѣютъ значенія для Чехова-художника, но уваженіе къ вѣр

[1]) Въ интересахъ, конечно, не художественныхъ, а чисто біографическихъ, можетъ - быть, небезынтересно прослѣдить по старымъ мелкимъ журналамъ Москвы эту первую печатную вещь Чехова. Можетъ-быть, руководственное указаніе даетъ романистъ Пазухинъ. Вмѣстѣ съ поэтами Вашковымъ и Иліодоромъ Пальминымъ, по его словамъ,

ности историческаго факта требуетъ отъ біографа заявленія, что «Письмо помѣщика» можетъ быть уже не первымъ чеховскимъ опытомъ.

Какова была внѣшняя сторона жизни начинающаго писателя? Отвѣтъ на это — простой и рѣшительный: въ высшей степени незаманчива и не соблазнительна. Это было то время «уничиженія» и смиренія, которое потомъ не безъ горечи вспоминалъ и характеризировалъ А. П. устами Тригорина въ «Чайкѣ».

— «Въ тѣ годы, молодые лучшіе годы, когда я начиналъ, мое писательство было однимъ сплошнымъ мученьемъ. Маленькій писатель, особенно когда ему не везетъ, кажется себѣ неуклюжимъ, неловкимъ, лишнимъ, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродитъ онъ около людей, причастныхъ къ литературѣ и къ искусству, непризнанный никѣмъ, незамѣченный, боясь прямо и смѣло глядѣть въ глаза, точно страстный игрокъ, у котораго нѣтъ денегъ».

Пересмотрите въ Публичной библіотекѣ старенькіе, подсохшіе и выцвѣтшіе московскіе журналы начала 80-хъ годовъ, когда въ нихъ работалъ Чеховъ, точнѣе сказать—работали Чеховы,—вся эта славная, талантливая семья. Займитесь всѣми этими «Будильниками», «Развлеченіями», «Мірскимъ Толкомъ», «Москвой», «Свѣтомъ и Тѣнями», «Осколками» и т. д.—и вы не пожалѣете о потерянномъ времени.

Весело и привѣтливо глянутъ на васъ оттуда молодые задорные глаза Антоши Чехонте, всѣхъ его това-

---

нѣкто Желтовъ издавалъ сборникъ «Бѣсъ»; здѣсь участвовалъ и Чеховъ, тогда еще «Чехонте». «Свѣдѣній объ этомъ,—сказалъ Пазухинъ интервьюэру,—я нигдѣ не встрѣчалъ въ печати, можетъ-быть, это небезынтересно для будущаго біографа». Ни одной чеховской мелочи, извлеченной изъ «Бѣса», доселѣ въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно.

рищей — Агаѳопода Единицына (Александръ Чеховъ), Эмиля Пупа (П. А. Сергѣенко), Маралы Іерихонскаго и т. д., — всѣхъ его въ разной мѣрѣ талантливыхъ и разнаго возраста собратій — Амфитеатрова, Пальмина, Гиляровскаго, Кичеева, Пушкарева, Левитана, Коровина... Намѣтавшійся карандашъ Николая Чехова, настоящаго, но рано погибшаго таланта въ живописи, разбрасывалъ по этимъ страницамъ рисунки, полные жизни и юмора.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія,—если бы даже этого и не подтверждали голоса многихъ, еще здравствующихъ современниковъ, — что среди этихъ рисунковъ довольно часто фигурируетъ, какъ натура, не кто иной, какъ младшій братъ Николая Чехова — Антонъ.

Возьмите 16-й нумеръ журналъ «Москва», взгляните на иллюстрацію «Гулянье 1-го мая въ Сокольникахъ». При первомъ взглядѣ на эту картину, раскинувшуюся на обѣ страницы листа, вамъ бросится въ глаза лицо молодого Антона Чехова. Юный, съ пухленькимъ, круглымъ лицомъ, съ едва пробившейся бородкой, точь въ точь такой, какимъ мы знаемъ его по сохранившимся отъ этой поры портретамъ, онъ смотритъ на васъ со средины иллюстраціи въ образѣ молодого человѣка, въ рединготѣ съ букетикомъ.

Несомнѣнно здѣсь портретное сходство и другихъ лицъ. Можно, по крайней мѣрѣ, ручаться за портретъ П. М. Невѣжина. Литературные старики - москвичи, вѣроятно, угадали бы и остальныхъ.

Нѣсколько страницъ дальше — новый рисунокъ «художника Н. П. Чехова», — молодой человѣкъ, съ лицомъ, похожимъ до поразительнаго сходства на Антона Чехова въ молодости, въ одномъ жилетѣ и брюкахъ, сидитъ около початой бутылки. Три бутылки уже

стоятъ на полу. Въ подписи подъ рисункомъ значится совершенно откровенно:

«Молодой человѣкъ, студентъ медицинскаго (!) факультета, получилъ деньги за урокъ и устроилъ товарищескую пирушку» и т. д.

Кто скажетъ теперь,—можетъ-быть, это совсѣмъ точная фотографія изъ жизни талантливой семьи. Такъ оно и бывало.

Въ юбилейномъ (по случаю 25-лѣтія) нумерѣ «Будильника», вы найдете картину «День въ редакціи Будильника», гдѣ несомнѣнна среди присутствующихъ фигура молодого А. П—ча, среди другихъ фигуръ — Сергѣенка, Гурлянда и пр. Всѣ эти картинки просятся на переизданіе. Ихъ безспорное мѣсто — въ альбомѣ памяти Чехова.

Отъ здравствующихъ понынѣ сверстниковъ и товарищей А. П. по литературѣ можно бы ждать комментарія къ его юношескимъ вещамъ, ко всѣмъ этимъ разсказамъ «Свѣта и Тѣней», «Москвы», «Развлеченія», «Будильника».

Молодой Чеховъ, повидимому, разсыпалъ въ эту пору автобіографическое повсюду въ своихъ разсказахъ, какъ его братъ Николай въ рисункахъ.

Это вообще было въ духѣ семьи, чуждой больной и ложной обидчивости. Грузинскій сообщаетъ, что Александръ Чеховъ однажды вывелъ въ своемъ разсказѣ всю свою семью цѣликомъ, съ родителями и братьями.

Въ забытомъ до послѣдняго времени разсказѣ А. П. «Зеленая Коса», иллюстрированномъ Николаемъ Чеховымъ, передана, повидимому, одна подлинная романтическая исторія, въ какой приняла вѣроятное участіе вся группа молодежи, группировавшейся около дома Чеховыхъ. Въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ, по крайней мѣрѣ, не одно имя для насъ—несомнѣнное живое имя.

Въ поэтическомъ домѣ княгини Микшадзе, по словамъ разсказчика, собираются — докторъ Яковкинъ, одесскій газетчикъ Мухинъ, магистръ физики, нынѣ доцентъ (какая точность!) Ѳивейскій, три студента, *художникъ Чеховъ*, одинъ харьковскій баронъ-юристъ и разсказчикъ, отъ своего лица ведущій повѣствованіе,— бывшій репетиторъ барышни...

Сюда же ежедневно наѣзжаетъ «студентъ-медикъ *Коробовъ*», — лицо, которому посвящена, какъ настоящему живому человѣку, другая чеховская повѣсть «Цвѣты запоздалые». — Это опять подлинный знакомый, нынѣ здравствующій московскій врачъ, товарищъ А. П. по гимназіи и когда-то его «жилецъ».

III

Итакъ, съ 1879 г. на цѣлыя семь лѣтъ начинается работа Чехова-юмориста въ «Стрекозѣ», (1880 г.) «Будильникѣ» (съ 1881 г. по 1887 г.), «Зрителѣ» (1881—1883 гг.), «Мірскомъ толкѣ» (1882 г.), «Москвѣ» (1882 г.), «Осколкахъ» (съ 1882—1887 гг.), «Свѣтѣ и тѣняхъ» (1882 г.), «Спутникѣ» (1882 г.), «Русскомъ сатирическомъ листкѣ» (1884 г.), «Развлеченіи» (1884—1885 гг.), «Сверчкѣ» (1886 г.) и альманахахъ «Будильника» (1882 г.) и «Стрекозы» (1884 г.).

Всѣ эти вещи подписаны псевдонимами: «Антоша Чехонте» или въ сокращеніи «Чехонте», «Антоша», «Антоша Ч.», «Ан. Ч.», «А-н—Чте», «Ан. Ч-е», «Анче», «Человѣкъ безъ селезенки» [1]), «Врачъ безъ паціентовъ», «Вспыльчивый человѣкъ», «Антонсонъ», «Балдастовъ»,

[1]) Въ статьѣ одного изъ авторовъ, изучавшихъ юношескія работы Чехова, этотъ псевдонимъ, по очевидной ошибкѣ наборщика, былъ означенъ такъ—«человѣкъ безъ слезинки». Характерно, что ошибка

«Руверъ», «Улиссъ», «Братъ моего брата». Послѣдній псевдонимъ находилъ объясненіе, очевидно, въ томъ, что старшій братъ Антона Павловича, Александръ, еще раньше его вышелъ на литературное поприще и подвизался подъ именемъ «Агаѳопода Единицына» въ тѣхъ же журналахъ, въ какіе пришелъ и А. П.

Насколько тернистъ былъ ранній путь Чехова, видно изъ тѣхъ отвѣтовъ почтоваго ящика «Стрекозы», какіе выпали на его долю даже послѣ перваго маленькаго успѣха. Присяжный юмористъ, сидѣвшій въ «Стрекозѣ» на креслѣ высшаго оцѣнщика поставщиковъ юмора, не церемонился съ Чеховымъ совершенно такъ же, какъ не церемонятся въ «Почтовыхъ ящикахъ» съ бездарностями.

Вотъ въ порядкѣ послѣдовательности нѣсколько отвѣтовъ Чехову, ранившихъ самолюбіе молодого автора тѣмъ болѣе, что здѣсь обозначалось попрежнему и мѣсто его жительства, и фамилія съ прозрачнымъ сокращеніемъ,—«Москва, Драчевка (или Срѣтенка), А. Ч—ву».

- «Ужасный сонъ» только тѣмъ и ужасенъ, что невозмутимо повторяетъ всѣмъ надоѣвшія темы (Стрекоза, 1880, № 10).

- «Избитость эпистолярной формы не искупается новизною или юморомъ содержанія. Вторая статья естественно должна подождать лѣта».

— «Опытъ изложенія злоупотребляетъ очень старымъ мотивомъ. Разсказъ пойдетъ. Ничего,—не дуренъ».

— «Нѣсколько строкъ не искупаютъ непроходимо пустого словотолченія (!). Мы говоримъ о «Ничего не

эта, прошедшая черезъ всю статью, была безъ конца повторяема иными авторами, трогавшими ту же тему и по русскому обыкновенію не прикасавшимися къ первоисточникамъ.

начинай». Тоже о «Легендѣ». Кстати, что это за имя такое «Фуня»?.

— «Очеркъ подождетъ до лѣта».

— «Портрета» не помѣстимъ. Онъ до насъ не касается. Вы, очевидно, писали его для другого журнала».

— «Очень длинно и безцвѣтно. Нѣчто въ родѣ бѣлой бумажной ленты, китайцемъ изо рта вытянутой».

— «Не расцвѣвъ, увядаете (!). Очень жаль. Нельзя вѣдь писать безъ критическаго отношенія къ дѣлу».

Послѣдній приговоръ, очевидно, переполнилъ чашу терпѣнія Чехова. Онъ кончилъ со «Стрекозой», и въ слѣдующемъ году въ этомъ журнальчикѣ уже нѣтъ ни одной его вещицы. «Будильникъ», «Зритель» и нѣсколько позднѣе «Осколки» оказываютъ ему гораздо больше гостепріимства.

Чтобы понять и сколько-нибудь оправдать первые литературные опыты Чехова, нужно постоянно имѣть въ виду времена, какія тогда переживалъ юмористическій журналъ. О томъ дерзновенномъ взлетѣ смѣха, какой ознаменовалъ у насъ 1905—1906 годы, когда наша сатира не останавливалась рѣшительно ни передъ чѣмъ,—со временъ возникновенія у насъ юмористическаго листка не смѣлъ мечтать самый необузданный юмористъ въ самой необузданной рождественской или новогодней фантазіи. Нынѣшніе дни, когда юмористъ все-таки можетъ до извѣстной грани подходить къ политическимъ темамъ, и когда явилась самая политическая жизнь, политическія партіи и т. д.,—несравнимое время съ тѣмъ, когда работалъ А. П. Комическій писатель 90-хъ годовъ могъ уже съ великой завистью оглядываться даже на 60-е годы, на время «Искры», «Маляра», «Гудка» и «Свистка».

Во дни, когда начиналъ Чеховъ, русскій юморъ былъ въ совершенномъ загонѣ. Относительная свобода была

только въ области шутки чисто-литературной. Можно было шутить надъ писателемъ, пародировать его произведенія, слегка уходить въ область легкаго скандала, окружающаго его имя. Вся область административныхъ злоупотребленій, не говоря уже о злоупотребленіяхъ бюрократическихъ, была изъята изъ области насмѣшки. Шутить можно было надъ тещами и дачными мужьями, старыми дѣвами и кокотками, рождественскимъ гусемъ и новогодними визитами, пасхальными поцѣлуями и свадьбами на Красную горку, купцами въ великій постъ и масленичнымъ чревоугодіемъ. Шаблонно, вяло, прѣсно располагался годъ по календарю, и въ 1890 году въ масленичномъ номерѣ почти въ тѣхъ же словахъ повторялись шутки, какія можно было найти въ 1880-мъ.

Въ перепискѣ съ Чеховымъ Лейкина, руководившаго «Осколками», можно найти десятки заявленій о тѣхъ невѣроятныхъ стѣсненіяхъ, какія переживали Лейкинъ, какъ типичный того времени редакторъ, и Чеховъ, какъ типичный сотрудникъ по отдѣлу юмористики. То и дѣло вы натыкаетесь тамъ на сообщенія о цензурныхъ циклонахъ, проносившихся надъ журнальными корректурами.

— «Сегодня на «Осколки» обрушился сильный цензорскій погромъ,—пишетъ Лейкинъ.—Погибъ большой мой разсказъ, погибли два стихотворенія Трефолева, половина стихотвореній Пальмина, полъ-обозрѣнія «Петербургской жизни» Билибина и нѣсколько строкъ изъ вашихъ послѣднихъ мелочишекъ,—словно Мамай прошелъ».

— «Сегодня надъ номеромъ 10-мъ опять разразгласъ цензорская гроза. Пострадали Трефолевъ и отчасти Пальминъ. Пропала прелестнѣйшая баллада Трефолева, у меня до неузнаваемости искаженъ разсказецъ...»

— «Вы спрашиваете о судьбѣ вашего «Трагика». Разсказъ набранъ, пропущенъ цензурой и пойдетъ въ № 33, если вы къ тому времени пришлете еще какой-нибудь разсказецъ. Дѣло въ томъ, что при ужасныхъ цензурныхъ условіяхъ я всегда долженъ имѣть у себя запасный наборъ. Вотъ я и берегу «Трагика». Иначе можетъ случиться, что и номеръ не выйдетъ. Бываетъ такъ, что цензоръ херитъ одну треть посылаемаго къ нему (!). Да вотъ какъ хоть бы нынѣшній номеръ «Осколковъ». Захерены статья Пальмина, три стихотворенія Граве, два стихотворенія Гиляровскаго, двѣ статейки Бертрама, двѣ Игрека и маленькая моя статейка. (!) Вѣрите ли, когда получилъ корректурный листъ обратно отъ цензора,—зубами я заскрежеталъ, до того напала на меня безсильная злоба! Постоянный цензоръ, цензирующій «Осколки», уѣхалъ въ отпускъ на 28 дней, и на мѣсто его назначенъ временный цензоръ. Этотъ-то временный цензоръ (Юферовъ) является для меня настоящимъ палачомъ-инквизиторомъ. Что онъ дѣлаетъ, такъ просто уму помраченіе! Съ нетерпѣніемъ жду 15 августа, около котораго долженъ явиться мой цензоръ. Съ тѣмъ я въ пріятельскихъ отношеніяхъ, пріѣзжаю къ нему самъ, пью чай, упрашиваю, уговариваю, бываетъ иногда такъ, что что и нельзя, то можно, кое-что выхеритъ, а кое-что и оставитъ».

— «Случилась бѣда. Цѣлый погромъ! Цензоръ все захерилъ—и вашихъ «Звѣрей», и стихи Трефолева, и стихи Гиляровскаго, и полъ-обозрѣнія Билибина, и мой фельетонный разсказъ, и анекдоты, и «Копилку курьезовъ», и «Московскую жизнь». Послѣднюю, я думаю, просто изъ озорничества...»

Это было поистинѣ существованіе въ какомъ-то подпольѣ! Можно думать, до какой степени невинно и безцвѣтно было все въ тогдашнемъ юмористическомъ

журналѣ (а «Осколки» среди нихъ ничуть не представляли исключенія), когда такіе искусившіеся въ эзоповскомъ языкѣ авторы, какъ Лейкинъ, Трефолевъ, Пальминъ, Гиляровскій уже казались революціонерами и могли составлять буквально цѣлые альбомы изъ своихъ вещей, перечеркнутыхъ краснымъ крестомъ.

И всего нелѣпѣе было то, что такъ оборудованный журналъ все-таки еще казался цензурному комитету какимъ-то жупеломъ, чѣмъ-то необычайно вреднымъ, что еще надо было всѣми силами ограничивать и пресѣкать. Въ этомъ смыслѣ чистый курьезъ слѣдующія строки, писанныя Лейкинымъ Чехову въ октябрѣ 1885 года.

— «Цензору былъ нагоняй за то, что онъ пропускаетъ слишкомъ рѣзкія (!) статьи въ «Осколкахъ», и именно за № 39. Но это еще не все: самъ журналъ едва уцѣлѣлъ. Наутро я былъ вызванъ въ цензурный комитетъ, и предсѣдатель Кожуховъ (онъ изъ Москвы) объявилъ мнѣ, что журналъ будетъ запрещенъ, если я не перемѣню направленіе(!?), что цензоръ вымарываетъ статьи, но противъ общаго направленія, противъ подбора статей онъ ничего не можетъ сдѣлать, и что тутъ виноватъ редакторъ. Объявилъ мнѣ также, что начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати *вообще противъ сатирическихъ журналовъ и не находитъ, чтобы они были необходимы для публики*»(!) [1]).

Изъ примѣра Лейкина, который отразилъ свои мытарства въ цѣломъ рядѣ писемъ Чехову, видно, что это была за эпопея страданій—жизнь тогдашняго редактора юмористическаго листка! То была эпоха безко-

---

[1]) См. «Ник. Ал. Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ». СПБ., 1907.

нечныхъ циркуляровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ безъ передышки и каждый разъ окружавшихъ колючей проволокой все новыя и новыя явленія современности, часто безобидныя и незначительныя. Смѣшно вспомнить,—а для Лейкина это было когда-то совсѣмъ не смѣшно,—«Осколкамъ» хотѣли... запретить розничную продажу! Въ это время чисто-опереточной трусливости «Осколки» могли казаться расшатывающими основы! «Что я безъ розничной продажи!—трагикомически восклицалъ Лейкинъ:—она все! Безъ нея одними подписными деньгами я не могъ бы и половины того платить сотрудникамъ, что теперь плачу!»

Сотрудники изворачивались. Редакторы хитрили. Хорошо вылежавшійся и забытый цензоромъ матеріалъ снова высылался ему же, попадалъ подъ болѣе счастливый часъ и—разрѣшался. Искусство компромисса, мастерство «освѣженія» и «подогрѣванія» давно простывшихъ блюдъ, талантъ намековъ, умолчаній, многоточій—вырабатывался и утончался до геніальности.

Изъ тѣхъ же писемъ Лейкина ясенъ не только общій фактъ огорченій Чехова отъ цензуры, но и отдѣльные случаи запрещеній его вещей, прямо называемыхъ по заголовкамъ. Разыскать теперь эти наброски, разсказцы, «мелочишки», конечно, нѣтъ уже никакой возможности, хотя и можно думать, что эти вещицы, оскорбившія цензора своей остротой, мѣткостью и смѣлостью, были лучше многаго изъ того, что сохранилось съ именемъ Чехова на этихъ страницахъ

Что иногда систематическія наложенія краснаго карандаша на писанія А. П. настраивали его совсѣмъ безнадежно, можно видѣть изъ того, что отдѣлъ «Московскаго обозрѣнія», какой онъ велъ изъ номера въ номеръ, онъ не разъ хотѣлъ бросить. Все острое и колючее отсюда систематически выпадало. «Личности» ссо-

рили Чехова со знакомыми, угадывавшими въ немъ автора. Остающимися сѣренькими безразличными строками самъ авторъ не хотѣлъ удовлетвориться. Лейкинъ долженъ былъ его утѣшать!

— «Вы пишете относительно «Московскаго обозрѣнія»—не похерить ли вамъ Рувера (подъ такимъ псевдонимомъ Чеховъ обозрѣвалъ московскую жизнь). О ерундѣ писать не хочется, да и не слѣдуетъ. Вообще не клеится мой фельетонъ». Съ этимъ я не согласенъ и скажу вамъ прямо: какъ бы ни былъ плохъ Руверъ, онъ все-таки лучше пишетъ, чѣмъ вся московская братія, до сихъ поръ писавшая у меня въ «Осколкахъ». Да я и не нахожу, чтобы ваши фельетоны были плохи. Самъ себѣ никто не судья, а я вашимъ писаньемъ доволенъ. Высказавъ это, я усердно прошу васъ продолжать обозрѣнія московской жизни и въ будущемъ году приготовить обозрѣніе къ № 1... Я не сомнѣваюсь, что вы мнѣ въ этомъ не откажете, и смѣло жду отъ васъ удовлетворительнаго отвѣта...»

IV

Мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе на характеристикѣ нравовъ и положенія юмористическаго журнала того времени, чтобы читатель, привыкшій соединять совершенно опредѣленное и высокое представленіе съ творчествомъ Чехова, нашелъ здѣсь объясненіе, почему огромная часть первыхъ вещей Чехова стоитъ, безъ всякаго сомнѣнія, ниже его дарованія, его ума, его писательской чуткости,—просто, наконецъ, его юмора.

Съ волками жить—по-волчьи выть, и, запрягаясь въ ярмо юмориста-девятидесятника, Чеховъ завѣдомо долженъ былъ принять на себя всѣ тяготы подневольнаго,

почти рабьяго положенія литератора, которому, въ сущности, хочется плакать отъ безконечныхъ стѣсненій, наложенныхъ на его слово.

Бездна молодого веселья чувствуется въ юномъ Антошѣ Чехонте, но можно только приблизительно предполагать, какъ могъ бы забить ключомъ и заиграть всѣми цвѣтами радуги его рѣдкій даръ. Условія русской дѣйствительности ставили талантъ въ рамки, накрывали колпакомъ, ограничивали, сводили юмористическій захватъ къ смѣху подъ сурдинку.

И, какъ всѣ товарищи его по несчастью, только, можетъ-быть, задорнѣе и талантливѣе ихъ, Чеховъ смѣется въ своихъ юморескахъ надъ смѣшными фигурами литературнаго міра, надъ княземъ Мещерскимъ и Окрейцемъ, Викторомъ Крыловымъ и Нотовичемъ, надъ мелкой взяткой, надъ театральнымъ магомъ Лентовскимъ и старѣющими балеринами, надъ хищностью аптекарей, надъ курьезами городской переписи, надъ адвокатомъ, прибѣгнувшимъ къ кулачной расправѣ,—надъ всѣмъ вообще великимъ и пространнымъ моремъ обывательщины, злободневной и незлободневной.

Вмѣсто того, чтобы итти по прямому направленію, дѣлать завоеванія, съ каждымъ шагомъ совершенствоваться больше и больше, Чеховъ вырабатываетъ въ себѣ гибкость приспособленія, искусство острить такъ, чтобы и уколоть врага, и не огорчить цензора,—и поднять розницу, и не возбудить косого взгляда на журналъ.

Молодое чеховское вдохновеніе въ такихъ вещахъ почти замираетъ. Это шалости пера, пустяки, росчерки, отъ которыхъ потомъ чеховскій талантъ отошелъ на семимильное разстояніе. Въ общемъ наслѣдіи Чехова все это должно занять послѣднее мѣсто

Богатую дань отдалъ молодой Чеховъ безпретенціозному анекдоту. Большею частью одухотворенные мыслью

или шуткой, эти анекдоты сжато даютъ сюжетъ, котораго разговорчивому беллетристу, пожалуй, хватило бы на цѣлый разсказецъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

„Надулъ“. (Очень древній анекдотъ). Во время оно въ Англіи преступники, присужденные къ смертной казни, пользовались правомъ при жизни продавать свои трупы анатомамъ и физіологамъ. Вырученныя такимъ образомъ деньги они отдавали своимъ семьямъ или же пропивали. Одинъ изъ нихъ, уличенный въ ужасномъ преступленіи, позвалъ къ себѣ ученаго медика и, вдоволь поторговавшись съ нимъ, продалъ ему собственную особу за двѣ гинеи. Но, получивши деньги, онъ вдругъ принялся хохотать...

— Чего вы смѣетесь?!—удивился медикъ.

— Вы купили меня, какъ человѣка, который долженъ быть повѣшенъ,—сказалъ, хохоча, преступникъ:—но я надулъ васъ! Я буду сожженъ! Ха-ха! („Осколки“, 1885, № 25).

«Rara avis». Сочинитель уголовныхъ романовъ бесѣдуетъ съ полицейскимъ сыщикомъ:

— Вы потрудитесь сводить меня въ притонъ мошенниковъ и бродягъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Познакомите меня съ двумя-тремя типами убійцъ...

— И это можно.

— Необходимо мнѣ побывать въ тайныхъ притонахъ разврата.

Далѣе сочинитель проситъ познакомить его съ фальшивыми монетчиками, шантажистами, шулерами, червонными дамами, альфонсами, и на все сыщикъ отвѣчаетъ:

— И это можно... Сколько хотите.

— Еще одна просьба,—проситъ въ концѣ-концовъ сочинитель.— Такъ какъ въ своемъ романѣ я долженъ для контраста вывести двѣ-три свѣтлыхъ личности, то вы потрудитесь также указать мнѣ двухъ-трехъ идеально честныхъ людей...

Сыщикъ поднимаетъ глаза къ потолку и думаетъ:

— Гм...—мычитъ онъ.—Хорошо, поищемъ! („Осколки“, 1886, № 29).

* * *

Актеръ пристаетъ къ своему антрепренеру, моля о выдачѣ жалованья и грозя въ противномъ случаѣ умереть съ голодухи.

— Полноте, батенька, врать-то...—говоритъ антрепренеръ.—По вашимъ розовымъ пухлымъ щекамъ не видать, чтобъ вы съ голоду дохли.

— Да, что вы на лицо-то глядите! Лицо-то вѣдь не мое, а хозяйкино! Хозяйка кормитъ меня въ кредитъ!

***

Одному офицеру подъ Севастополемъ лопнувшей гранатой оторвало ногу. Онъ не палъ духомъ и сталъ носить искусственную конечность. Въ минувшую русско-турецкую кампанію во время взятія Плевны ему оторвало другую ногу. Бросившіеся къ нему на помощь солдаты и офицеры были крайне озадачены его спокойнымъ видомъ...

— Вотъ дураки-то!—смѣялся онъ.—Только зарядъ потеряли даромъ... Того не знаютъ, что у меня въ обозѣ есть еще пара хорошихъ ногъ!

Разъ или два среди этихъ вещицъ можно уловить и такія, которыя остроумны и находчивы, но право собственности на эти темки едва ли безусловно можетъ быть закрѣплено за Чеховымъ. Изъ переписки А. П. видно, что иногда вдохновеніе для своихъ юмористическихъ набросковъ и мелочей онъ черпалъ изъ старыхъ журналовъ. Съ этою цѣлью французскіе журналы пересматривала для него М. В. Киселева. Можетъ-быть, не одинъ читатель вспомнитъ нѣчто знакомое, правда, въ иномъ варіантѣ, при чтеніи хотя бы, напримѣръ, такого анекдота.

«Угроза». У одного барина украли лошадь. На другой же день во всѣхъ газетахъ было напечатано слѣдующее объявленіе: „Если лошадь не будетъ мнѣ возвращена, то необходимость заставитъ меня прибѣгнуть къ тѣмъ крайнимъ мѣрамъ, къ которымъ когда-то въ подобномъ же случаѣ прибѣгъ мой отецъ...» Угроза подѣйствовала. Воръ, не зная, чего бояться, но предполагая нѣчто необыкновенно страшное, испугался и тайкомъ возвратилъ лошадь. Баринъ, обрадованный такимъ исходомъ дѣла, признавался своимъ пріятелямъ, что онъ очень счастливъ тѣмъ, что ему не понадобилось послѣдовать примѣру своего отца.

— Что же, однако, сдѣлалъ вашъ отецъ?—спросили его.

— Вы спрашиваете, что сдѣлалъ мой отецъ? Извольте, я вамъ скажу... Когда на постояломъ дворѣ у него украли лошадь, онъ надѣлъ сѣдло на спину и вернулся домой пѣшкомъ. Клянусь, я сдѣлалъ бы то же самое себѣ, если бы воръ не былъ такъ добръ и обязателенъ!

А такая, напримѣръ, шутка традиціонно перепечатывается во многихъ «Энциклопедіяхъ остроумія», хотя, конечно, и разсказывается другими словами.

Одинъ помѣщикъ, зазвавъ къ себѣ своего стараго друга, велѣлъ подать себѣ полубутылку стараго цымлянскаго.

— Ну, какъ ты находишь вино?—спросилъ онъ друга, когда вино было выпито.—Каковъ букетъ, какова крѣпость! Сейчасъ видно, что ему пятьдесятъ лѣтъ...

— Да,—согласился пріятель, косясь на полубутылку:—только оно слишкомъ мало для своихъ лѣтъ...

Подчасъ въ качествѣ матеріала для юмористическаго наброска А. П. бралъ ходячій мѣстный анекдотъ, едва ли не записанный въ спеціальныхъ сборникахъ собирателей пѣсенъ, сказаній и присловій. Таковъ разсказъ о «Самомъ большомъ городѣ»—Тимѣ.

Въ памяти обывателей города Тима, Курской губ., хранится слѣдующая, лестная для ихъ самолюбія, легенда. Однажды какими-то судьбами нелегкая занесла въ г. Тимъ англійскаго корреспондента. Попалъ онъ въ него проѣздомъ.

— Это какой городъ? — спросилъ онъ возницу, въѣзжая на улицу.

— Тимъ!—отвѣчалъ возница, старательно лавируя между глубокими лужами и буераками.

Англичанинъ въ ожиданіи, пока возница выберется изъ грязи, прикорнулъ къ облучку и уснулъ. Проснувшись черезъ часъ, онъ увидѣлъ большую, грязную площадь съ лавочками, свиньями и съ пожарной каланчой.

— А это какой городъ?—спросилъ онъ.

— Ти...тимъ. Да ну же, проклятая!—отвѣчалъ возница, соскакивая съ телѣги и помогая лошаденкѣ выбраться изъ ямы.

Корреспондентъ зѣвнулъ, закрылъ глаза и опять уснулъ. Часа черезъ два, разбуженный сильнымъ толчкомъ, онъ протеръ глаза

и увидѣлъ улицу съ бѣлыми домиками. Возница, стоя по колѣни въ грязи, изо всѣхъ силъ тянулъ лошадь за узду и бранился.

— А это какой городъ?—спросилъ англичанинъ, глядя на дома.

— Тимъ!

Остановившись немного погодя въ гостиницѣ, корреспондентъ сѣлъ и написалъ: „Въ Россіи самый большой городъ не Москва и не Петербургъ, а Тимъ".

Совершенно ясно, что часто шелъ въ ходъ и подлинный житейскій анекдотъ, подхваченный Чеховымъ въ самой жизни, преимущественно жизни мелкой литературной богемы, маленькихъ драматурговъ и т. д.—той среды, въ которой вращался и самъ онъ, поставщикъ этой очередной юмористики. Такого рода анекдотъ, пожалуй, болѣе солонъ и красоченъ. Мірокъ хищныхъ репортеровъ, смѣшныхъ неудачниковъ, былъ самъ по себѣ колоритенъ. Вотъ образчики этого жанра.

Петербургскій репортеръ N. Z., обозрѣвая прошлогоднюю мануфактурную выставку, остановилъ, между прочимъ, свое вниманіе на одномъ павильонѣ и началъ что-то записывать.

— Это не вы обронили четвертную?—обратился къ нему хозяинъ павильона, подавая ему бумажку.

— Я уронилъ двѣ четвертныя!—нашелся репортеръ.

Экспонентъ изумился такой находчивости и подалъ ему другую четвертную.

«Это не анекдотъ, а быль»,—ставитъ подъ этимъ курьезомъ послѣднею строкою самъ Чеховъ.

Одна изъ пьесъ московскаго драматурга М-да [1]) потерпѣла фіаско на первомъ же представленіи. Прогуливаясь по театральному фойе и сумрачно поглядывая по сторонамъ, авторъ спросилъ встрѣтившагося ему пріятеля:

— Что вы думаете о моей пьесѣ?

— Я думаю,—отвѣчалъ пріятель:—что вы гораздо лучше чувствовали бы теперь себя, если бы эта пьеса была написана не вами, а мною.

Литературный мірокъ и его интересы вообще вызывали, можетъ-быть, чуть-чуть повышенное вниманіе

---

[1]) Очевидно, Мансфельда.

Чехова, такъ какъ при всемъ умѣніи хватать впечатлѣнія жизни отовсюду, А. П—чу приходилось все-таки наиболѣе вращаться въ этой средѣ. Вотъ страничка, не блещущая исключительнымъ остроуміемъ, но очень характерная для молодого Чехова—это «Правила для начинающихъ авторовъ»—«юбилейный подарокъ, вмѣсто почтоваго ящика».

Страничка эта выразительна въ томъ отношеніи, что Чеховъ здѣсь, подобно Полонію, мѣшаетъ съ шуткой и зубоскальствомъ самыя горькія истины о тяжести писательской судьбы, каковыя при всей своей молодости онъ уже самъ основательно сознаъ, странствуя по нѣскольку разъ за трехрублевкой къ Липскерову и въ «Будильникъ». Въ этомъ смыслѣ эти правила безусловно автобіографичны.

Всякаго только что родившагося младенца слѣдуетъ старательно омыть и, давши ему отдохнуть отъ первыхъ впечатлѣній, сильно высѣчь со словами: „Не пиши! Не пиши! Не будь писателемъ!“ Если же, несмотря на такую экзекуцію, оный младенецъ станетъ проявлять писательскія наклонности, то слѣдуетъ попробовать ласку. Если же и ласка не поможетъ, то махните на младенца рукой и пишите пропало. Писательскій зудъ неизлѣчимъ.

Путь пишущаго отъ начала до конца усыпанъ терніемъ, гвоздями и крапивой, а потому здравомыслящій человѣкъ всячески долженъ отстранять себя отъ писательства. Если же неумолимый рокъ, несмотря на всѣ предостереженія, толкнетъ кого-нибудь на путь авторства, то для смягченія своей участи такой несчастный долженъ руководствоваться слѣдующими правилами.

1) Слѣдуетъ помнить, что случайное авторство и авторство a-propos лучше постояннаго писательства. Кондуктору, пишущему стихи, живется лучше, чѣмъ стихотворцу, неслужащему въ кондукторахъ.

2) Слѣдуетъ также зарубить себѣ на носу, что неудача на литературномъ поприщѣ въ тысячу разъ лучше удачи. Первая наказуется только разочарованіемъ да обидною откровенностью почтоваго ящика, вторая же влечетъ за собою томительное хо-

жденіе за гонораромъ, полученіе гонорара купонами 1899 года, „послѣдствія“ и новыя попытки.

3) Писанье, какъ „искусство для искусства“ выгоднѣе, чѣмъ творчество за презрѣнный металлъ. Пишущіе домовъ не покупаютъ, въ купэ перваго класса не ѣздятъ, въ рулетку не играютъ и стерляжьей ухи не ѣдятъ. Пища ихъ—медъ и акриды приготовленія Саврасенкова, жилища—меблированныя комнаты, способъ передвиженія—пѣшее хожденіе.

4) Слава есть яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца, литературная же извѣстность мыслима только въ тѣхъ странахъ, гдѣ за уразумѣніемъ слова „литераторъ“ не лѣзутъ въ „Словарь 30.000 иностранныхъ словъ“

5) Пытаться писать могутъ всѣ безъ различія званій, вѣроисповѣданій, возрастовъ, половъ, образовательныхъ цензовъ и семейныхъ положеній. Не запрещается писать даже безумнымъ, любителямъ сценическаго искусства и лишенныхъ всѣхъ правъ. Желательно, впрочемъ, чтобы карабкающіеся на Парнасъ были по возможности люди зрѣлые, знающіе, что слова „ѣхать“ и „хлѣбъ“ пишутся черезъ „ять“.

6) Желательно, чтобы они по возможности были не юнкера и не гимназисты.

7) Предполагается, что пишущій, кромѣ обыкновенныхъ умственныхъ способностей, долженъ имѣть за собою опытъ. Самый высшій гонораръ получаютъ люди, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы, самый же низшій—натуры нетронутыя и неиспорченныя. Къ первымъ относятся женившіеся въ третій разъ, неудавшіеся самоубійцы, проигравшіеся въ пухъ и прахъ, дравшіеся на дуэли, бѣжавшіе отъ долговъ и проч. Ко вторымъ: неимѣющіе долговъ, женихи, непьющіе, институтки и проч.

8) Стать писателемъ очень не трудно. Нѣтъ того урода, который не нашелъ бы себѣ пары, и нѣтъ той чепухи, которая не нашла бы себѣ подходящаго читателя. А посему не робѣй... Клади передъ собой бумагу, бери въ руки перо и, раздраживъ плѣнную мысль, строчи. Строчи о чемъ хочешь: о черносливѣ, погодѣ, говоровскомъ квасѣ, Великомъ океанѣ, часовой стрѣлкѣ, прошлогоднемъ снѣгѣ... Настрочивши, бери въ руки рукопись и, чувствуя въ жилахъ священный трепетъ, иди въ редакцію. Снявши въ передней калоши и справившись „тутъ ли г. редакторъ“, входи въ святилище и, полный надеждъ, отдавай свое твореніе. Послѣ этого недѣлю лежи дома на диванѣ, плюй въ потолокъ и услаждай себя мечтами, черезъ недѣлю же иди въ редакцію и получай

свою рукопись обратно. За симъ слѣдуетъ обиваніе пороговъ въ другихъ редакціяхъ... Когда всѣ редакціи обойдены, и нигдѣ рукопись не принята, печатай свое произведеніе отдѣльнымъ изданіемъ. Читатели найдутся

9) Стать же писателемъ, котораго печатаютъ и читаютъ, очень трудно. Для этого будь безусловно грамотенъ и имѣй талантъ, величиною хотя бы съ чечевичное зерно. За отсутствіемъ большихъ талантовъ дороги и маленькіе.

10) Будь порядоченъ. Не выдавай краденаго за свое, не печатай одного и того же въ двухъ изданіяхъ за разъ, не выдавай себя за Курочкина и Курочкина за себя, иностранное не называй оригинальнымъ и т. д. Вообще помни десять заповѣдей.

11) Въ печатномъ мірѣ существуютъ приличія. Здѣсь такъ же, какъ и въ жизни, не рекомендуется наступать на любимыя мозоли, сморкаться въ чужой платокъ, запускать пятерню въ чужую тарелку, и т. д.

12) Если хочешь писать, то поступай такъ. Избери сначала тему. Тутъ дана тебѣ полная свобода. Можешь употребить произволъ и даже самоуправство. Но, дабы не открыть во второй разъ Америки и не изобрѣсти вторичнаго пороха, избѣгай темъ, которыя давнымъ-давно уже заѣзжены

13) Избравъ тему, бери въ руки не заржавленное перо и разборчивымъ, не каракулистымъ почеркомъ пиши желаемое на одной сторонѣ листа, оставляя нетронутой другую. Послѣднее желательно не столько ради увеличенія доходовъ бумажныхъ фабрикантовъ, сколько въ виду иныхъ высшихъ соображеній.

14) Давая волю фантазіи, пріудержи руку. Не давай ей гнаться за количествомъ строкъ. Чѣмъ короче и рѣже ты пишешь, тѣмъ больше и чаще тебя печатаютъ. Краткость вообще не портитъ дѣла. Растянутая резинка стираетъ карандашъ нисколько не лучше нерастянутой.

15) Написавши, подписывайся. Если не гонишься за извѣстностью и боишься, чтобы тебя не побили, употреби псевдонимъ. Но памятуй, что какое бы забрало ни скрывало тебя отъ публики, твоя фамилія и твой адресъ должны быть извѣстны редакціи. Это необходимо на случай, ежели редакторъ захочетъ тебя съ новымъ годомъ поздравить.

16) Гонораръ получай тотчасъ же по напечатаніи. Авансовъ избѣгай. Авансъ—это заѣданіе будущаго

17) Получивши гонораръ, дѣлай съ нимъ, что хочешь: купи себѣ пароходъ, осуши болото, снимись въ фотографіи, закажи

Финляндскому колоколъ, увеличь женинъ турнюръ въ три раза... однимъ словомъ, что хочешь. Редакція, давая гонораръ, даетъ и полную свободу дѣйствій. Впрочемъ, ежели сотрудникъ пожелаетъ доставить редакціи счетъ, изъ котораго будетъ видно, какъ и куда истратилъ онъ свой гонораръ, то редакція ничего не будетъ имѣть противъ.

18) Въ заключеніе прочти еще разъ первыя строки этихъ „Правилъ".

Бытъ мелкой газетной богемы подсказывалъ Антошѣ Чехонте такія шутки, какъ «Письмо къ репортеру».

Милостивый государь, Иванъ Данилычъ!

На этой недѣлѣ, какъ мнѣ извѣстно изъ газеты, было шесть большихъ и четыре маленькихъ пожара. Застрѣлился молодой человѣкъ отъ пламенной любви къ одной дѣвицѣ, эта же дѣвица, узнавъ о его смерти, помѣшалась въ разсудкѣ. Повѣсился дворникъ Гускинъ отъ неумѣреннаго употребленія, потонула вчерашняго числа лодка съ двумя пассажирами и маленькимъ дитемъ; въ „Аркадіи" какому-то купцу прожгли на спинѣ дыру и чуть ему шеи не сломали, поймали четырехъ прилично одѣтыхъ жуликовъ, и произошло кораблекрушеніе товарнаго поѣзда. Все мнѣ извѣстно, милостивый государь! Столько разныхъ благопріятныхъ для васъ случаевъ, столько вы теперь заработали денегъ и мнѣ не платите ни копейки!.. Этакъ хорошіе господа не дѣлаютъ! Вашъ портной Змирловъ. („Осколки", 1884, № 23).

Можетъ-быть, уголокъ личной жизни Чехова выступалъ въ такой, напримѣръ, картинкѣ:

„Крестъ". Въ гостиную, наполненную народомъ, входитъ поэтъ.

— Ну, что, какъ ваша миленькая поэма?—обращается къ нему хозяйка.—Напечатали? Гонораръ получили?

— И не спрашивайте... Крестъ получилъ.

— Вы получили крестъ? Вы, поэтъ?! Развѣ поэты получаютъ кресты?

— Отъ души поздравляю!—жметъ ему руку хозяинъ.—Станиславъ или Анна? Очень радъ... радъ очень... Станиславъ?

— Нѣтъ, красный крестъ...

— Стало-быть, вы гонораръ пожертвовали въ пользу Общества Краснаго Креста?

— Ничего не пожертвовалъ.

— А вамъ къ лицу будетъ орденъ... А ну-ка покажите!

Поэтъ лѣзетъ въ боковой карманъ и достаетъ оттуда рукопись...

— Вотъ онъ...

Публика глядитъ въ рукопись и видитъ красный крестъ... но такой крестъ, который не прицѣпишь къ сюртуку.

Тутъ иногда слышалось и нѣчто очень личное, пожалуй, какой-то памфлетическій намекъ, ключъ къ которому теперь уже потерянъ. Едва ли, напримѣръ, такая шутка не мѣтила кому-то прямо не въ бровь а въ глазъ:

«Сказка».

(Посвящается балбесу, хвастающемуся своимъ сотрудничествомъ въ газетахъ).

Нѣкая муха летала по всѣмъ комнатамъ и громко хвастала тѣмъ, что сотрудничаетъ въ газетахъ.

— Я писательница! Я публицистка!—жужжала она.—Разступитесь, невѣжи!

Слыша это, всѣ комары, тараканы, клопы и блохи прониклись уваженіемъ къ ея особѣ, и многіе даже пригласили ее къ себѣ обѣдать и дали взаймы денегъ, а паукъ, боящійся гласности, забился въ уголъ и рѣшилъ не попадаться на глаза мухѣ...

— А въ какихъ газетахъ вы сотрудничаете, Муха Ивановна?—спросилъ ее комаръ, который посмѣлѣе.

— Почти во всѣхъ! Есть даже газеты, которымъ я своимъ личнымъ участіемъ придаю окраску, тонъ и даже направленіе!.. Безъ меня многія газеты были бы лишены своего характера!

— Что же вы въ газетахъ пишете, Муха Ивановна?

— Я веду тамъ особый отдѣлъ...

— Какой?

— А вотъ какой!

И публицистка-муха указала на безчисленныя точки, которыми былъ покрытъ засиженный мухами газетный листъ. („Осколки“, 1886 г., № 18).

Къ этимъ литературнымъ темкамъ біографу Чехова, можетъ-быть, слѣдуетъ особенно внимательно присмотрѣться. Сквозь шутку и глумленіе здѣсь иногда мож-

но съ несомнѣнностью уловить отраженіе собственныхъ взглядовъ на литературу Чехова того времени.

Такъ едва ли можно сомнѣваться, что въ «Литературной табели о рангахъ» Чеховъ возможно точнѣе старался сгруппировать литературныя имена по степени ихъ дѣйствительной оцѣнки на его тогдашній взглядъ.

Если всѣхъ живыхъ русскихъ литераторовъ, соотвѣтственно ихъ талантамъ и заслугамъ, произвести въ чины, то окажется слѣдующее:

Дѣйствительные тайные совѣтники (вакансія).

Тайные совѣтники: Левъ Толстой, Гончаровъ.

Дѣйствительные статскіе совѣтники: Салтыковъ-Щедринъ, Григоровичъ.

Статскіе совѣтники: Островскій, Лѣсковъ, Полонскій.

Коллежскіе совѣтники: Майковъ, Суворинъ, Гаршинъ, Буренинъ, Сергѣй Максимовъ, Глѣбъ Успенскій, Катковъ, Пыпинъ, Плещеевъ.

Надворные совѣтники: Короленко, Скабичевскій, Аверкіевъ, Боборыкинъ, Горбуновъ, Гр. Саліасъ, Данилевскій, Муравлинъ, Василевскій, Надсонъ, Н. Михайловскій.

Коллежскіе асессоры: Минаевъ, Мордовцевъ, Авсѣенко, Незлобинъ, А. Михайловъ, Пальминъ, Трефолевъ, Петръ Вейбергъ, Саловъ.

Титулярные совѣтники: Альбовъ, Баранцевичъ, Михневичъ, Златовратскій, Шпажинскій, Сергѣй Атава, Чуйко, Мещерскій, Ивановъ-Классикъ, Вас. Немировичъ-Данченко.

Коллежскіе секретари: Фругъ, Апухтинъ, Вс. Соловьевъ, В. Крыловъ, Юрьевъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Эртель, К. Случевскій.

Губернскіе секретари: Нотовичъ, Максимъ Бѣлинскій, Невѣжинъ, Каразинъ, Венгеровъ. Нефедовъ.

Коллежскіе регистраторы: Минскій, Трофимовъ, Ѳ. Бергъ, Мясницкій, Линевъ, Засодимскій, Бажинъ.

Неимѣющій чина: Окрейцъ. („Осколки", 1886 г., № 19).

Въ самомъ дѣлѣ эта лѣстница именъ, за нѣсколькими оговорками, нашла бы одобреніе въ большей своей части у человѣка здоровыхъ и реальныхъ предъявле-

ній къ литературѣ. Личность Окрейца—обычная мишень тогдашнихъ юмористовъ. Чеховъ не оставался при особомъ мнѣніи на этотъ счетъ. Скорѣе смѣшная, чѣмъ вредная инородческая травля, которую Окрейцъ (Юдофобъ Юдофобовичъ Окрейцъ, какъ его въ другомъ мѣстѣ обзываетъ А. П.) велъ точно по обѣту, не могла быть ему симпатичной.

Какъ ясно еще начинающій Чеховъ чувствовалъ ужасъ банальщины, которую впослѣдствіи великолѣпно заклеймилъ въ «Чайкѣ» устами Треплева,—это можно видѣть хотя бы по такой его литературной шалости, напечатанной въ одномъ № «Стрекозы» рядомъ съ такъ называемымъ первымъ его опытомъ, «Письмомъ помѣщика».

«Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п?» Графъ, графиня со слѣдами когда-то бывшей красоты, сосѣдъ-баронъ, литераторъ-либералъ, обѣднѣвшій дворянинъ, музыкантъ-иностранецъ, тупоумные лакеи, няни, гувернантки, нѣмецъ-управляющій, эсквайръ и наслѣдникъ изъ Америки. Лица некрасивыя, но симпатичныя и привлекательныя. Герой—спасающій героиню отъ взбѣшенной лошади, сильный духомъ и могущій при всякомъ удобномъ случаѣ показать силу своихъ кулаковъ.

Высь поднебесная, даль непроглядная, необъятная... непонятная,—однимъ словомъ: природа!!!

Бѣлокурые друзья и рыжіе враги.

Богатый дядя, либералъ или консерваторъ, смотря по обстоятельствамъ. Не такъ полезны для героя его наставленія, какъ смерть.

Тетка въ Тамбовѣ.

Докторъ съ озабоченнымъ лицомъ, подающій надежду на кризисъ; часто имѣетъ палку съ набалдачникомъ и лысину. А гдѣ докторъ, тамъ ревматизмъ отъ трудовъ праведныхъ, мигрень, воспаленіе мозга, уходъ за раненымъ на дуэли и неизбѣжный совѣтъ ѣхать на воды.

Слуга, служившій еще старымъ господамъ, готовый за господъ лѣзть куда угодно, хоть въ огонь. Острякъ замѣчательный

Собака, не умѣющая только говорить, попка и соловей.

Подмосковная дача и заложенное имѣніе на югѣ.

Электричество, въ большинствѣ случаевъ ни къ селу, ни къ городу приплетаемое.

Портфель изъ русской кожи, китайскій фарфоръ, англійское сѣдло, револьверъ, не дающій осѣчки, орденъ въ петличкѣ, ананасы, шампанское, трюфели и устрицы.

Нечаянное подслушиванье, какъ причина великихъ открытій.

Безчисленное множество междометій и попытокъ употребить кстати техническое словцо.

Тонкіе намеки на довольно толстыя обстоятельства.

Очень часто отсутствіе конца.

Семь смертныхъ грѣховъ въ началѣ и свадьба въ концѣ. („Стрекоза", 1880, № 10).

Въ нѣкоторыхъ набroom набросках, вѣроятно, справедливо искать запечатлѣній собственныхъ психологическихъ настроеній и выводовъ Чехова. Едва ли на его настроеніе протеста противъ лѣни, столь естественной въ положеніи человѣка подневольно острящаго, отразилось въ набрoскѣ—Моя «она».

Она, какъ авторитетно утверждаютъ мои родители и начальники, родилась раньше меня. Правы они или нѣтъ, но я знаю только, что я не помню ни одного дня въ моей жизни, когда бы я не принадлежалъ ей и не чувствовалъ надъ собой ея власти. Она не покидаетъ меня день и ночь; я тоже не выказываю поползновенія удрать отъ нея,—связь, стало-быть, крѣпкая, прочная.. Но не завидуйте, юная читательница!.. Это трогательная связь не приноситъ мнѣ ничего, кромѣ несчастій. Во-первыхъ, моя „она", не отступая отъ меня день и ночь, не даетъ мнѣ заниматься дѣломъ. Она мѣшаетъ мнѣ читать, писать, гулять, наслаждаться природой... Я пишу эти строки, а она толкаетъ меня подъ локоть и ежесекундно, какъ древняя Клеопатра не менѣе древняго Антонія, манитъ меня къ ложу. Во-вторыхъ, она разоряетъ меня, какъ французская кокотка. За ея привязанность я пожертвовалъ ей всѣмъ: карьерой, славой, комфортомъ... По ея милости я хожу раздѣтъ, живу въ дешевомъ номерѣ, питаюсь ерундой, пишу блѣдными чернилами. Все, все пожираетъ она, ненасытная! Я ненавижу ее, презираю... Давно бы пора развестись съ ней, но не развелся я до сихъ поръ не потому, что московскіе адвокаты берутъ за разводъ четыре тысячи... Дѣтей у насъ пока нѣтъ... Хотите знать ея имя? Извольте... Оно поэтично и напоминаетъ Лилю, Лелю и Нелли... Ее зовутъ лѣнь. („Будильникъ", 1885 г., № 22).

подальше: въ кондуктора, въ почтальоны, въ литографы! Я видѣлъ третьихъ, которые просто сознавались мнѣ, что они отупѣли... И всѣ эти смерти, дезертирства, отупѣнія и прочія метаморфозы происходятъ въ удивительно короткій срокъ. Право, можно подумать, что судьба принимаетъ толпу пишущихъ за коробку спичекъ! Не стану я объяснять этой недолговѣчности, но ею берусь объяснить многое. Объясняю я ею такое печальное явленіе, какъ отсутствіе окрѣпшихъ, сформировавшихся и опредѣлившихся талантовъ. Объясняю отсутствіе школъ и руководящихъ традицій. Въ ней же вижу причину мрачнаго взгляда, установившагося у нѣкоторыхъ, на журнальныя судьбы. Но что наиболѣе всего смущаетъ меня, такъ это то, что та же самая недолговѣчность является симптомомъ жизни тяжелой, нездоровой.

Если, коллеги, этотъ порядокъ, тянувшійся въ теченіе двадцати лѣтъ, естественenъ и имѣетъ своимъ конечнымъ пунктомъ благо, то пусть онъ и остается. Если же онъ явленіе болѣзненное и указываетъ только на нашу слабость и неумѣнье выходить изъ борьбы цѣлымъ, то пусть онъ уступитъ свое мѣсто другому порядку.

За новый порядокъ, за нашу цѣльность! („Будильникъ", 1885, № 12).

Такую рѣчь, пожалуй, умѣстнѣе было бы выслушать не отъ жизнерадостнаго Антоши Чехонте, а отъ раненаго уже Чехова 90-хъ годовъ, тающаго подъ мыслью о начавшемся разрушеніи.

Нѣсколько мягче и уже дѣйствительно впадаетъ въ юмористическій тонъ другой «Женскій тостъ», произнесенный Чеховымъ въ тотъ же вечеръ.

— Господа! Послѣ тоста иностраннаго не трудно перейти къ тостамъ страннымъ, но я уберегусь отъ этой опасности и провозглашу—ж е н с к і й т о с т ъ!

Жалѣю, что, идя сюда на обѣдъ, я не захватилъ съ собой крупповской пушки, чтобы салютовать въ честь женщинъ. Женщина, по Шекспиру, ничтожество, а по-моему, она—все! (Крики: довольно! садитесь!) Безъ нея міръ былъ бы то же, что скрипачъ безъ скрипки, что безъ пистолета прицѣлъ и безъ кларнета клапанъ (Не остро! Садитесь!) Лично же для насъ женщину не можетъ замѣнить никакой авансъ. Скажите вы мнѣ, поэты, кто вдохновлялъ васъ и вливалъ въ ваши холодныя жилы огонь, когда вы въ прекрасныя лунныя ночи, возвратившись изъ rendez-vous, садились за столъ и писали стихотворенія, которыя частью вамъ воз-

вращались редакціей, частью же, за недостаткомъ матеріала, печатались, претерпѣвъ значительное сокращеніе? А вы, юмористы-прозаики, неужели не согласитесь съ тѣмъ, что ваши разсказы утеряли бы девять десятыхъ своей смѣхотворности, если бы въ нихъ отсутствовала женщина? Не самые ли лучшіе тѣ анекдоты, соль которыхъ прячется въ длинныхъ шлейфахъ и турнюрахъ? Вамъ, художникамъ, нѣтъ надобности напоминать, что многіе изъ васъ сидятъ здѣсь потому, что умѣютъ изображать женщинъ. Научившись рисовать женщину съ ея хаосомъ лифовъ, оборокъ, тюниковъ, фестончиковъ, переживя карандашомъ всѣ капризы ея юродствующей моды, вы прошли такую тяжелую школу, послѣ которой изобразить вамъ какую-нибудь „Вальпургіеву ночь", или „Послѣдній день Помпеи"—разъ плюнуть! Господа, кто разрѣшаетъ отъ бремени наши карманы, кто насъ любитъ, пилитъ, прощаетъ, обираетъ? Кто услаждаетъ и отравляетъ наше существованіе? (Старо! Будетъ!) Кто украшаетъ своимъ присутствіемъ нашу сегодняшнюю трапезу? Ахъ! Немного спустя и выйдя отсюда, мы будемъ слабы, беззащитны... Расшатанные сядемъ мы на извозчиковъ и, клюя носомъ, забывъ адресы нашихъ квартиръ, поѣдемъ странствовать во тьмѣ. И кто же, какая свѣтлая звѣзда встрѣтитъ насъ въ конечномъ пунктѣ нашего странствованія? Все та же женщина! Уррррааа! (Тамъ же).

Сатирическіе выпады противъ современности большей частью расплывались въ общихъ упрекахъ и обличеніяхъ. Вотъ, напримѣръ, слушается «Дѣло о 1884 годѣ».

„Подсудимый плачетъ и то и дѣло шепчется со своимъ защитникомъ. Когда, по требованію прокурора, въ судѣ читается „Гражданинъ" и показывается нумеръ „Луча" съ портретомъ Окрейца, публика выводится изъ залы засѣданія, дабы упомянутые предметы не могли произвести соблазна".

Обвиняемый старый годъ, между прочимъ, оправдывается:

— „Прокуроръ обвиняетъ меня въ томъ, что время мое растрачено на пустяки, на переливаніе изъ пустого въ порожнее... Правда, въ бытность мою на землѣ не было сдѣлано ничего путнаго. Выпускали ярлыки новаго образца для бутылокъ, клали латки на лохмотья, заставляли дураковъ Богу молиться, а они лбы разбивали... Говорятъ, что всѣ журналы были пусты, безсодержательны, что въ печати преобладалъ кукишъ въ карманѣ

что таланты словно въ воду канули... Что же я могъ подѣлать если...

Предсѣдатель велитъ вывести подсудимаго изъ зала. Судъ приговариваетъ: „неимѣющаго чина, 1884 года, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Лету на поселеніе навсегда“.

Въ безобидномъ пустячкѣ иногда сквозила нотка сатиры на русскіе нравы. Въ «Моей бесѣдѣ съ Эдисономъ» «нашъ собственный корреспондентъ» любуется изобрѣтенной геніальнымъ американцемъ пластинкой для чтенія въ умахъ.

— Это что за мантифолія?

— Это пластинка для разслѣдованія мыслей. Стоитъ только приложить ее ко лбу испытуемаго, пустить токъ, и тайны разоблачены...

— Аааа... Впрочемъ, у насъ это проще дѣлается... Залѣзешь въ письменный столъ, распечатаешь письма два-три и—все, какъ на ладони! У насъ бишопизмъ въ сильномъ ходу!

И такимъ образомъ я осмотрѣлъ всѣ новыя изобрѣтенія. Мои похвалы такъ понравились Эдисону, что, прощаясь со мной онъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Ну, такъ и быть ужъ, Богъ съ вами! Нате вамъ взаймы, („Осколки“, 1885 г., № 18).

Остріе этой сатиры иногда мѣтило въ зло протекціи, въ благополучныхъ балбесовъ, которымъ отъ колыбели ворожатъ всякія бабушки и тетушки. Таковъ набросокъ — «Рѣпка», якобы переводъ съ датскаго, гдѣ дѣдъ и баба, породившіе какого-то Сержа съ длинными ушами и рѣпкой-головой, тянутъ его потянутъ, вытянуть въ люди не могутъ. Кликнула бабка тетку-княгиню. Тетка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ. Кликнула княгиня кума-генерала,—та же неудача. Не вытерпѣлъ дѣдъ. Выдалъ дочку за богатаго купца. Кликнулъ купца съ сторублевками. Купецъ за кума, кумъ за тетку, тетка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку, тянутъ-потянутъ и — вытянули голову-рѣпку въ люди, и

Сержъ сталъ статскимъ совѣтникомъ. («Осколки» 1883 г., № 8).

Сквозь беззаботную сатирическую шутку просвѣчивала и грусть за человѣческое достоинство.

„Тяжело и скучно быть человѣкомъ!—думаетъ у него нѣкто въ наброскѣ „Человѣкъ“.—Человѣкъ!—это рабъ не только страстей, но и своихъ ближнихъ. Да, рабъ! Я рабъ этой пестрой, веселящейся толпы, которая платитъ мнѣ тѣмъ, что не замѣчаетъ меня. Ея воля, ея ничтожныя прихоти сковываютъ меня по рукамъ и ногамъ, какъ удавъ своимъ взглядомъ сковываетъ кролика. Труда я не боюсь, служить радъ, но прислуживаться тошно! И, собственно, зачѣмъ я здѣсь? Чему служу? Эта вѣчная возня съ цвѣтами, съ шампанскимъ, которая сбиваетъ меня съ ногъ, съ дамами и ихъ мороженымъ... невыносимо! Нѣтъ, ужасна ты, доля человѣка! О, какъ я буду счастливъ, когда перестану быть человѣкомъ!“

Не знаю, до чего бы еще додумался молодой пессимистъ, если бы къ нему не подошла дѣвушка замѣчательной красоты. Лицо молодой красавицы горѣло румянцемъ и дышало рѣшимостью. Она провела перчаткой по своему мраморному лбу и сказала голосомъ, который прозвучалъ, какъ мелодія:

— Человѣкъ, дайте мнѣ воды!

Человѣкъ сдѣлалъ почтительное лицо, рванулся съ мѣста и побѣжалъ. („Осколки“, 1886 г., № 52).

Вѣчная мишень русской сатиры—взятка, конечно, часто фигурируетъ въ шуткахъ Чехова. Вотъ, напримѣръ, праздничное «Предписаніе» провинціальнаго Держиморды:

Въ виду наступленія высокоторжественнаго праздника Рождества Христова и принимая во вниманіе, что въ праздничные дни въ пріемной бываетъ большое стеченіе поздравителей, вмѣняю вамъ, милостивый государь, въ обязанность строжайше наблюдать, чтобы поздравители, ожидая въ пріемной, не толпились, не курили табаку и не производили шума, каковой могъ бы помѣшать надлежащему ходу порядка, а также чтобы они не разсыпали крупы, гороха, муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ ни на лѣстницѣ, ни въ пріемной, а также вмѣняю вамъ въ обязанность внушать поздравителямъ по возможности вѣжливо и учтиво, чтобы имѣющаяся при нихъ живность имѣла мертвый видъ. Дабы

свиниными, гусиными и прочими животными криками поздравители не нарушали надлежащей тишины и спокойствія. Нарушители же сего будутъ привлекаемы къ строгой отвѣтственности по установленному порядку.

Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ: М. Пауковъ.
Секретарь: Ехидовъ. („Осколки", 1884, № 52).

Не могъ брезговать Чеховъ и всегдашнею пищей юмористическихъ журналовъ—россійскимъ объяденіемъ и пьянствомъ. Масленичное чревоугодіе, ярмарочный купеческій загулъ занимаютъ извѣстное мѣсто и въ его набросках. Онъ подбираетъ смѣшныя записочки и счета отъ адвокатовъ, побитыхъ актеровъ, фельдшеровъ, приводившихъ загулявшаго купца въ чувство, отъ феи Анжелики, Марфы Синягиной тожъ, якобы найденныя въ карманѣ купца, вернувшагося съ нижегородской ярмарки («Ярмарочное итого», — «Развлеченіе», 1884, № 36) и т. д.

Отмѣчаются еще у Чехова желѣзнодорожныя злоупотребленія, безплатный проѣздъ всевозможной родни служащихъ до третьяго колѣна («Списокъ лицъ, имѣющихъ право на безплатный проѣздъ»,—«Осколки», 1886. № 23), безтолковость телефонныхъ барышень, у которыхъ «Славянскій базаръ» можно получить только тогда, когда намѣренно спросятъ что-нибудь другое, въ родѣ «Эрмитажа» («У телефона»,— «Осколки», 1886, № 17).

Задорный Антоша Чехонте охотно вылавливалъ и поддѣвалъ на свою булавку и курьезы провинціальной печати, за которыми всегда—недалеко ходить. «Америка въ Ростовѣ-на-Дону»—озаглавливалъ онъ и далѣе вылавливалъ чудаческое объявленіе изъ «Донской Пчелы».

«Жена моя, Евфросинія Александровна, *сбѣжала*,—«гдѣ ея жизнь и ея счастье!»—съ однимъ прапорщикомъ, а какъ мнѣ и безъ нея хорошо, то прошу, во 1-хъ, никогда ко мнѣ не возвращаться, во 2-хъ, кто разыщетъ

ее—также не доставлять ко мнѣ и въ 3-хъ, дальнѣйшаго прибавленія къ моему роду—не признаю, за исключеніемъ двухъ нашихъ дѣтей: Александра 4-хъ лѣтъ и Евгеніи 4-хъ мѣсяцевъ.

Яковъ Сильверстовичъ Рыбалкинъ.

Иногда онъ запечатлѣвалъ подлинный житейскій курьезъ, выловленный изъ провинціальной газеты или услышанный отъ бывалаго человѣка.

Въ Ростовѣ-на-Дону, на Садовой улицѣ, надъ лавкою одного торговца могильными памятниками виситъ такая вывѣска:

„Памятныхъ дѣлъ мастеръ.

Жанръ мелкихъ блестокъ, требующихъ на прочтеніе минуты и дающихъ мимолетную улыбку,—одинъ изъ тѣхъ, какіе наиболѣе въ ходу въ юмористическихъ журналахъ. Чеховъ долженъ былъ усердствовать и по части сочиненія такихъ мелочей, которыя шли подъ общимъ заголовкомъ «Финтифлюшекъ», «Майонеза», «Мухъ и комаровъ», «О томъ, о семъ«, «Не тлетворныхъ мыслей», «Плодовъ долгаго раздумья», «Моихъ остротъ и изреченій» и т. п. Вотъ нѣкоторые образцы этого жанра:

Одинъ россійскій самодуръ, нѣкій графъ Рубецъ-Откачаловъ, ужасно кичился древностью своего рода и доказывалъ, что родъ его принадлежитъ къ самымъ древнимъ... Не довольствуясь историческими данными и всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ зналъ о своихъ предкахъ, онъ откопалъ гдѣ-то два старыхъ, завалящихъ портрета, изображающихъ мужчину и женщину, и подъ однимъ велѣлъ подписать „Адамъ Рубецъ-Откачаловъ“, подъ другимъ—„Ева Рубецъ-Откачалова“...

* * *

Другого графа, возведеннаго въ графское достоинство за свои личныя заслуги, спросили, почему на его каретѣ нѣтъ герба.

— А потому,—отвѣчалъ онъ:—что моя карета гораздо старѣе моего графства...

* * *

Управляющій имѣніями одного помѣщика доложилъ своему барину, что на его земляхъ охотятся сосѣди и просилъ разрѣшенія не дозволять больше подобнаго своевольства...

— Оставь, братецъ!—махнулъ рукой помѣщикъ.—Мнѣ много пріятнѣе имѣть друзей, нежели зайцевъ.

*

Очень разсѣянный, но любившій давать отеческіе совѣты, мировой судья спросилъ однажды у судившагося у него вора:

— Какъ это вы рѣшились на воровство?

— Съ голода, ваше высокородіе! Голодъ вѣдь и волка изъ лѣсу гонитъ!

— Напрасно, онъ долженъ работать!—строго замѣтилъ судья

* * *

Прокуроръ окружнаго суда, узнавъ въ одномъ изъ подсудимыхъ своего товарища по школѣ, спросилъ его между прочимъ, не знаетъ ли онъ, что̀ сталось и съ остальными его товарищами?

— Исключая васъ и меня, всѣ въ арестантскихъ ротахъ,—отвѣчалъ подсудимый

Или:

Въ кабакъ могутъ ходить взрослые и дѣти, а въ школу только дѣти.

Акцизные дивиденды даетъ отнюдь не школа.

Польза просвѣщенія находится еще подъ сомнѣніемъ, вредъ же, имъ приносимый, очевиденъ.

Для возбужденія аппетита употребляютъ отнюдь не грамоту, а рюмку водки.

Кабакъ вездѣ есть, а школа далеко не вездѣ.

Всей грамоты отрицать нельзя. Отрицаніе это было бы безумствомъ. Ибо полезно, если человѣкъ умѣетъ прочитать: „питейный домъ“. („Что̀ лучше“).

Или еще:

Хотите, чтобы на Сѣверномъ полюсѣ произрастали финики и ананасы? Пошлите туда секретарей духовныхъ консисторій и письмоводителей врачебныхъ управъ. Лучше ихъ никто не сумѣетъ н а г р ѣ т ь м ѣ с т о.

Все въ природѣ цѣлесообразно. Преображая человѣка подъ конецъ его жизни въ песочницу, природа тѣмъ самымъ засыпаетъ чернильныя кляксы, произведенныя имъ въ продолженіе всей его жизни...

И дальніе родственники суть наши ближніе. Люби ихъ.

Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Посему не театръ краситъ городового, стоящаго у театральнаго подъѣзда, а городовой краситъ театръ.

Лучше развратная канарейка, чѣмъ благочестивый волкъ.

Если жена твоя часто плачетъ, то употребляй промокательпую бумагу. Не остроумно, но за то практично.

(„Не тлетворныя мысли")

Старшіе тѣ же мертвецы: „о нихъ „aut bene, aut nihil".

* * *

Мы живемъ не для того, чтобы ѣсть, а для того, чтобы не знать, что̀ намъ ѣсть.

* * *

Женщинѣ легче найти много мужей, чѣмъ одного...

* *

Водка бѣла, но краситъ носъ и чернитъ репутаціи.

* * *

Можно сказать: „я другъ этого дома", но нельзя сказать: „я другъ этого деревяннаго дома". Изъ этого слѣдуетъ, что, говоря о предметахъ, иногда бываетъ нужно скрывать ихъ качества...

* * *

Поостерегись выписывать въ постъ „Иллюстрированный Міръ", иначе рискуешь оскоромиться кукишемъ съ масломъ.

* * *

Если я побилъ, положимъ, живущаго со мной въ одномъ кварталѣ г. Крокодилова въ то время, когда онъ бралъ съ моего домохозяина взятку, то не значитъ ли это, что я побилъ его при исполненіи имъ его служебныхъ обязанностей?

* * *

У мужика Петра было 5 гусей, 6 утокъ и 10 куръ. На свои именины онъ зарѣзалъ одного гуся и двухъ куръ. Спрашивается, что̀ у него осталось, если извѣстно, что во время обѣда заходила къ нему одна личность, и что̀ это за личность? Отвѣтъ: остались одни только перья.

* * *

Принцъ Гамлетъ сказалъ: „Если обращаться съ каждымъ по заслугамъ, кто же избавится отъ пощечины?“ Неужели это можетъ относиться и къ театральнымъ рецензентамъ?

* * *

Превышеніе власти и административный произволъ дантиста заключаются въ вырываніи здороваго зуба рядомъ съ больнымъ. Это сказалъ одинъ околоточный, читая логику Милля.

* * *

Астрономы сильно обрадовались, когда открыли на солнцѣ пятна. Случай безпримѣрнаго злорадства.

* * *

Чиновникъ бралъ взятку. Въ самый моментъ грѣхопаденія вошелъ его начальникъ и подозрительно впился глазами въ его кулакъ, въ которомъ лежала благодарственная кредитка. Чиновникъ ужасно смутился.

— Послушайте!—обратился онъ къ просителю, разжимая кулакъ.—Вы позабыли что-то у меня въ кулакѣ?

* * *

Когда козелъ бываетъ свиньей?

— Повадился къ нашимъ козамъ чей-то козелъ ходить,—разсказывалъ одинъ помѣщикъ.—Мы взяли и побили его. Онъ продолжалъ все-таки ходить. Мы его выпороли и къ хвосту его палку привязали. Но и это не помогло. Подлецъ все еще продолжалъ лазить къ нашимъ козамъ. Хорошо же! Мы его поймали, насыпали ему въ носъ табаку и вымазали скипидаромъ. Послѣ этой экзекуціи онъ не ходилъ три дня, а потомъ опять началъ ходить. Ну, не свинья ли онъ послѣ этого?

Подчасъ эти афоризмы группировались около какой-нибудь одной темки: въ такомъ родѣ «Философскія опредѣленія жизни».

Жизнь нашу можно уподобить лежанію въ банѣ на верхней полочкѣ. Жарко, душно и туманно. Вѣникъ дѣлаетъ свое дѣло, банный листъ липнетъ и глазамъ больно отъ мыла. Отовсюду слышны возгласы: поддай пару! Тебѣ мылятъ голову и перебираютъ всѣ твои косточки. Хорошо! (Сара Бернаръ).

Жизнь нашу можно уподобить князю Мещерскому, который вѣчно толчется, вѣчно снуетъ, восклицаетъ, стонетъ и машетъ руками, вѣчно рождается и умираетъ, но никогда не видитъ плодовъ отъ дѣлъ своихъ. Вѣчно родитъ, но все рождаемое—мертворожденно. (Бокль).

Жизнь нашу можно уподобить безумцу, ведущему самого себя въ кварталъ и пишущему на себя кляузу. (Коклэнъ)

Жизнь наша подобна газетѣ, которой уже объявлено второе предостереженіе. (Кантъ).

Жизнь наша подобна ящику въ наборной, наполненному знаками препинанія. (Конфуцій).

Жизнь наша подобна старой дѣвѣ, не теряющей надежды выйти замужъ, и мордѣ, покрытой прыщами и морщинами: некрасивая морда не обижается, когда бьютъ ее. (Араби-паша).

Жизнь нашу. наконецъ, можно уподобить уху отмороженному, которое не отрѣзываютъ только потому что надѣются на его, уха, выздоровленіе. (Шарко).

Или: «Оберъ-Верхи».

Верхъ легковѣрія.

На-дняхъ въ Т. застрѣлился землевладѣлецъ К., мѣстный воротила, человѣкъ богатый и семейный. Пуля была пущена въ ротъ и засѣла въ мозгу. Въ боковомъ карманѣ несчастнаго было найдено письмо слѣдующаго содержанія:

„Сейчасъ я прочелъ въ календарѣ, что въ этомъ году не будетъ урожая. Неурожай принесъ мнѣ банкротство. Не желая доживать до такого позора, я заранѣе лишаю себя жизни и прошу никого не винить въ моей смерти“.

Верхъ разсѣянности.

Намъ передаютъ за достовѣрное, что на-дняхъ въ одной изъ лѣчебницъ имѣлъ мѣсто слѣдующій прискорбный случай. Извѣстный хирургъ М., ампутируя обѣ ноги у желѣзнодорожнаго стрѣлочника, по разсѣянности одну ногу отрѣзалъ у себя, а другую—у помогавшаго ему фельдшера. Обоимъ подана медицинская помощь

Верхъ гражданственности.

Я сынъ почетнаго потомственнаго гражданина, читаю „Гражданинъ“, хожу въ гражданскомъ платьѣ и пребываю со своею Анютой въ гражданскомъ бракѣ...

Верхъ благонамѣренности.

Намъ пишутъ, что на-дняхъ одинъ изъ сотрудниковъ „Кіевлянина“, нѣкій Т., начитавшись московскихъ газетъ, въ припадкѣ

сомнѣнія, сдѣлалъ у самого себя обыскъ. Не нашедши ничего предосудительнаго, онъ все-таки сводилъ себя въ кварталъ.

Собственно работа юмориста-шутника очень мало способствовала сама по себѣ развитію въ молодомъ писателѣ реальной хватки жизни, мѣткой наблюдательности и тонкой впечатлительности. Нужны были только шаржъ, только карикатура, только смѣшное. Вѣроятно, Чеховъ получалъ извѣстное нравственное удовлетвореніе, когда на долю его выпадало дать просто реальную, безъ обязательнаго юморизированія картинку современныхъ нравовъ. Молодой талантъ могъ тогда спокойно наблюдать дѣйствительность и зарисовывать ее. Характерная въ этомъ смыслѣ картинка—описаніе одного изъ тогдашнихъ злачныхъ мѣстъ — «Салонъ де Варьете», подъ этимъ названіемъ напечатана въ собраніи его сочиненій.

VI

Мимолетныя впечатлѣнія, набросанныя Чеховымъ въ его эскизахъ, закрѣплялись въ его памяти, иногда воскресая въ болѣе позднихъ и совершенныхъ его произведеніяхъ. Въ наброскѣ «Свадебный сезонъ» слышатся первыя нотки будущей «Свадьбы»—и въ обрисовкѣ типовъ, и въ діалогѣ лицъ. Есть здѣсь между прочими—

Женихъ. Телеграфистъ въ отставкѣ. Восхитительно граціозенъ, граціозно восхитителенъ и глупъ какъ пробка. Пахнетъ помадой и фиксатуаромъ. Женится изъ-за приданаго.

Папа невѣсты. Пьетъ запоемъ... Влюбленъ въ сосѣдскую кухарку. Пророчитъ войну съ нѣмцами и взятіе въ плѣнъ генерала. Ужасный политикъ, «чиновникъ».

Шаферъ жениха. Губернскій секретарь, всеобщій шаферъ и сердцеѣдъ. Отлично играетъ на гитарѣ.

А въ такомъ отрывкѣ разговора такъ и слышится рѣчь грека-кондитера Дымбы изъ «Свадьбы» и, пожалуй, философствующаго Жигалова:

Настройщикъ Куртъ. И какъ ми всѣ живемъ въ Россія и ми имѣемъ русски языки, то я желаю выпивать за здоровье дамовъ...

Николай Стамадричъ. Господа! насъ убиваетъ индеферентизмъ! Будемъ же, пока молоды, нашоптывать баллады женскому полонезу и глотать метральезы любви. Поднимаю фіалъ за здоровье молодыхъ.

Женихъ. Я па-ла-гаю, что любовь есть самое чувствительнсе чувство. Я чувствую такія чувства, какихъ Вы никогда не чувствовали.

Всѣ. Урра!!. („Зритель“, 1881, № 18).

Какой-нибудь жизненный намекъ закруглялся подъ привычной мыслью Чехова въ сюжетъ крошечнаго разсказца, порой исключительно причудливаго, но умѣнье создавать *характеръ* по мелочи, выдвигать случайную черту въ типическую, сказывалось здѣсь ясно. Въ «Коллекціи» передъ Чеховымъ чудакъ-мыслитель, хвастающійся составленіемъ вотъ какой коллекціи.

— Видишь эту обгорѣвшую спичку?—спрашиваетъ онъ пріятеля, показывая обыкновенную, слегка обуглившуюся спичку.—Это интересная спичка. Въ прошломъ году я нашелъ ее въ баранкѣ, купленной въ булочной Севастьянова. Чуть было не подавился. Жена, спасибо, была дома и постучала мнѣ по спинѣ, а то бы такъ и осталась въ горлѣ эта спичка. Видишь этотъ ноготь. Три года тому назадъ онъ былъ найденъ въ бисквитѣ, купленномъ въ булочной Филиппова. Бисквитъ, какъ видишь, былъ безъ рукъ, безъ ногъ, но съ ногтями. Игра природы! Эта зеленая тряпочка пять лѣтъ тому назадъ обитала въ колбасѣ, купленной въ одномъ изъ наилучшихъ московскихъ магазиновъ. Сей засушенный таракапъ купался когда-то въ щахъ, которыя я ѣлъ въ буфетѣ одной желѣзнодорожной станціи, а этотъ гвоздь—въ котлетѣ, на той же станціи. Этотъ крысиный хвостикъ и кусочекъ сафьяна были оба найдены въ одномъ и томъ же филипповскомъ хлѣбѣ. Кильку, отъ которой остались теперь однѣ только косточки, жена нашла въ тортѣ, который былъ поднесенъ ей въ день ангела. Этотъ

звѣрь, именуемый сороконожкой, былъ поднесенъ мнѣ въ кружкѣ пива въ одной нѣмецкой биргалкѣ... А вотъ этотъ кусочекъ гуано я чуть было не проглотилъ, уписывая въ одномъ трактирѣ растегай... И такъ далѣе, любезный.

— Дивная коллекція!

— Да. Вѣситъ она полтора фунта, не считая всего того, что я по невниманію успѣлъ проглотить и переварить. А проглотилъ я навѣрное фунтовъ пять-шесть. („Зритель", 1883 г., № 13).

Реальный наклонъ былъ такъ ясенъ въ Чеховѣ, что и въ юмористикѣ онъ иногда умѣлъ блеснуть настоящимъ знаніемъ природы, вынесеннымъ исключительно изъ живого общенія съ ней. Среди шутокъ о «Рыбьемъ дѣлѣ» онъ обнаруживаетъ хорошую наблюдательность рыболова, для котораго каждая мелкая рыбешка живетъ своимъ нравомъ и обычаемъ, вызывающимъ въ умѣ житейскія уподобленія. Отзвуки этихъ знаній чудесно прозвучали потомъ въ одномъ изъ удачнѣйшихъ разсказовъ А. П.—«Злоумышленникъ» («Будильникъ». 1885 г. № 23 и 25).

1) Рыбу ловятъ въ океанахъ, моряхъ, озерахъ, рѣкахъ, прудахъ, а подъ Москвою также въ лужицахъ и канавахъ.

Примѣчаніе. Самая крупная рыба ловится въ живорыбныхъ лавкахъ.

2) Ловить нужно вдали отъ населенныхъ мѣстъ, иначе рискуешь поймать за ногу купающуюся дачницу, или же услышать фразу: „Какую вы имѣете полную праву ловить здѣсь рыбу? Или, можетъ, по шеѣ захотѣлось?"

3) Прежде, чѣмъ закидывать удочку, нужно надѣть на крючокъ приманку, какую угодно, судя по роду рыбы... Можешь ловить и безъ приманки такъ какъ все равно ничего не поймаешь.

Примѣчаніе. Хорошенькія дачницы, сидящія на берегу съ удочкой для того только, чтобы привлечь вниманіе жениховъ, могутъ удить и безъ приманки. Нехорошенькія же дачницы должны пускать въ ходъ приманку, сто-двѣсти тысячъ или что-нибудь въ родѣ.

4) Сидя съ удочкой, не махай руками, не дрыгай ногами и не кричи караулъ, такъ какъ рыба не любитъ шума. Уженье не требуетъ особеннаго искусства: если поплавокъ неподвиженъ, то

это значитъ, что рыба еще не клюетъ; если онъ шевелится, то торжествуй: твою приманку начинаютъ пробовать; если же онъ пошелъ ко дну, то не трудись тащить, такъ какъ все равно ничего не вытащишь.

Эту сторону нашего трактата мы находимъ достаточно вычерпанной (на днѣ ничего не осталось). Въ слѣдующій разъ мы подробно уяснимъ животрепещущій вопросъ о томъ, какія породы рыбъ можно изловить животрепещущими въ мутной московской водѣ.

Выше мы съ непостижимымъ глубокомысліемъ и невѣроятной ученостью „третировали" вопросъ о способахъ ловить рыбу. Переходимъ теперь къ той части нашего трактата, гдѣ говорится о рыбныхъ породахъ.

И дальше такъ, но уже съ наблюдательностью привычнаго рыболова, трактуется о щукахъ налимахъ, окуняхъ, ершахъ и т. д.

«Женскому вопросу»,—темѣ, которой понынѣ посвящается девять десятыхъ юмористическаго журнала, Чеховъ долженъ былъ послужить по мѣрѣ силъ. Среди пустячковъ и шутокъ онъ умѣлъ порой проявить здѣсь и живую наблюдательность, и язвительность, бьющую въ дѣйствительно слабыя стороны «царицы природы». Вотъ его трактатъ—«О женщинахъ».

Женщина съ самаго сотворенія міра считается существомъ вреднымъ и злокачественнымъ. Она стоитъ на такомъ низкомъ уровнѣ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія, что судить объ ея недостаткахъ считаетъ себя въ правѣ всякій, даже лишенный всѣхъ правъ мошенникъ и негодяй.

Анатомическое строеніе ея стоитъ ниже всякой критики. Когда какой-нибудь солидный отецъ семейства видитъ изображеніе женщины „о-натюрель", то всегда брезгливо морщится и сплевываетъ въ сторону. Имѣть подобныя изображенія на виду, а не въ столѣ и не въ карманѣ, считается неприличіемъ. Мужчина гораздо красивѣе женщины. Какъ бы онъ ни былъ жилистъ, волосатъ и угреватъ, какъ бы ни былъ красенъ его носъ и узокъ лобъ, онъ женится не иначе, какъ послѣ строгаго выбора и во всякомъ случаѣ онъ глубоко убѣжденъ, что парой ему можетъ быть только очень красивая женщина.

Одинъ отставной поручикъ, обокравшій тещу и щеголявшій въ женниныхъ полусапожкахъ, увѣрялъ, что если человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, то сначала отъ этого животнаго произошла женщина, а потомъ ужъ мужчина. Титулярный совѣтникъ Слюнкинъ, отъ котораго жена запирала водку, часто говаривалъ: „Самое ехидное насѣкомое въ свѣтѣ есть женскій полъ".

У женщины волосъ дологъ, умъ коротокъ; у мужчины же наоборотъ. Съ женщиной нельзя потолковать ни о политикѣ, ни о состояніи курса, ни о движеніи по службѣ. Въ то время, какъ гимназистъ III-го класса рѣшаетъ уже міровыя задачи, а коллежскіе регистраторы изучаютъ книгу „30.000 иностранныхъ словъ", умныя и взрослыя женщины толкуютъ только о модахъ и военныхъ.

Логика женщины вошла въ поговорку. Когда какой-нибудь надворный совѣтникъ Анаѳемскій, или департаментскій сторожъ Дороѳей заведетъ рѣчь о Бисмаркѣ, или о пользѣ наукъ, то любо послушать ихъ: пріятно и умилительно; когда же чья-нибудь супруга, за неимѣніемъ другихъ темъ, начинаетъ говорить о дѣтяхъ или пьянствѣ мужа, то какой супругъ воздержится, чтобы не воскликнуть: „Ну, да и логика же, Господи, прости ты меня грѣшнаго!" Изучать науки женщина не способна. Это явствуетъ уже изъ одного того, что для нея не заводятъ учебныхъ заведеній. Мужчины, даже неразвитые и недалекіе, изучаютъ науки, по окончаніи курса наукъ получаютъ чинъ, и нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ каѳедры, но женщина—ничтожество ей имя! Она не сочиняетъ для продажи учебниковъ, не читаетъ рефератовъ и длинныхъ академическихъ рѣчей, не ѣздитъ на казенный счетъ въ командировки и не утилизируетъ заграничныхъ диссертацій. Творческихъ талантовъ у нея—ни капли. Ей дана отъ природы только способность заворачивать въ творенія мужчинъ пирожки и дѣлать изъ нихъ папильотки.

Она порочна и безнравственна. Отъ нея идетъ начало всѣхъ золъ. Въ одной старинной книгѣ сказано: „Mulier est malleus, per quem diabolus mollit et malleat universum mundum". Когда дьяволу приходитъ охота учинить какую-нибудь пакость или каверзу, то онъ всегда норовитъ дѣйствовать черезъ женщинъ. Вспомните, что изъ-за Бель Эленъ вспыхнула троянская война, Мессалина совратила съ пути истины не одного паиньку... Гоголь говоритъ, что чиновники берутъ взятки только потому, что на это толкаютъ ихъ жены. Это совершенно вѣрно. Имущества антрепренеровъ, казенныхъ подрядчиковъ и секретарей теплыхъ учре-

жденій всегда записаны на имя жены. Распущена женщина до нельзя. Каждая богатая барыня всегда окружена десятками молодыхъ людей, жаждущихъ попасть къ ней въ альфонсы. Бѣдные молодые люди!

Отечеству женщина не приноситъ никакой пользы. Она не ходитъ на войну, не переписываетъ бумагъ, не строитъ желѣзныхъ дорогъ, а, запирая отъ мужа графинчикъ съ водкой, способствуетъ уменьшенію акцизныхъ сборовъ.

Короче, она лукава, болтлива, суетна, лжива, лицемѣрна, корыстолюбива, бездарна, легкомысленна, зла... Только одно и симпатично въ ней, а именно то, что она производитъ на свѣтъ такихъ милыхъ, граціозныхъ и ужасно умныхъ душекъ, какъ мужчины... За эту добродѣтель простимъ ей всѣ ея грѣхи. Будемъ къ ней великодушны всѣ, даже кокотки въ пиджакахъ и тѣ господа, которыхъ бьютъ въ клубахъ подсвѣчниками по мордасамъ.

По письмамъ Рауля Синей Бороды, вошедшимъ въ «дополнительные томы», читатель могъ видѣть, какъ иногда коротко, но мѣтко Чеховъ могъ зарисовать различные женскіе типы. Нѣсколько блѣднѣе, но тоже не лишено блестокъ слѣдующее его «Руководство для желающихъ жениться , съ припиской—«секретно»

Такъ какъ предметъ этой статьи составляетъ мужскую тайну и требуетъ серьезнаго умственнаго напряженія, на которое весьма многія дамы не способны, то прошу отцовъ, мужей, околоточныхъ надзирателей и пр. наблюдать, чтобы дамы и дѣвицы этой статьи не читали. Это руководство не есть плодъ единичнаго ума, но составляетъ квинтъ-эссенцію изъ всѣхъ существующихъ оракуловъ, физіономикъ, кабалистикъ и долголѣтнихъ бесѣдъ съ опытными мужьями и компетентнѣйшими содержательницами модныхъ мастерскихъ.

Введеніе. Семейная жизнь имѣетъ много хорошихъ сторонъ. Не будь ея, дочери всю жизнь жили бы на шеѣ отцовъ, и многіе музыканты сидѣли бы безъ хлѣба, такъ какъ тогда не было бы свадебъ. Медицина учитъ, что холостяки обыкновенно умираютъ сумасшедшими, женатые же умираютъ, не успѣвъ сойти съ ума Холостому завязываетъ галстукъ горничная, а женатому жена. Бракъ хорошъ также своею доступностью. Жениться можно богатымъ, бѣднымъ, слѣпымъ, юнымъ, старымъ, здоровымъ, больнымъ, русскимъ, китайцамъ... Исключеніе составляютъ только бе-

зумные и сумасшедшіе, дураки же, болваны и скоты могутъ жениться сколько имъ угодно.

Руководство I-е. Ухаживая за дѣвицей, обращай вниманіе прежде всего на наружность, ибо по наружности узнается характеръ особы. Въ наружности различай: цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ, походку и особыя примѣты. По цвѣту волосъ женщины дѣлятся на блондинокъ, брюнетокъ, шатенокъ и проч. Блондинки обыкновенно благонравны, скромны, сентиментальны, любятъ папашу и мамашу, плачутъ надъ романами и жалѣютъ животныхъ. Характеромъ онѣ прямолинейны, въ убѣжденіяхъ строго консервативны, съ буквой „ѣ" не въ ладу. Къ чужимъ любвямъ онѣ относятся чутко, къ своей же собственной любви онѣ холодны, какъ рыбы. Въ самую патетическую минуту блондинка можетъ зѣвнуть и сказать: „Не забыть бы послать завтра за коленкоромъ!" Выйдя замужъ, онѣ скоро киснутъ, толстѣютъ и вянутъ. Плодовиты, чадолюбивы и плаксивы. Мужьямъ невѣрности не прощаютъ, сами же измѣняютъ охотно. Жены-блондинки обыкновенно мистичны, подозрительны и считаютъ себя страдалицами. Брюнетки не такъ разсудительны, какъ блондинки. Онѣ подвижны, непостоянны, капризны, вспыльчивы, часто ссорятся съ мамашами и бьютъ по щекамъ горничныхъ. Начинаютъ „не обращать вниманія" на гадкихъ мужчинъ ужъ съ 12 лѣтъ, учатся плохо, ненавидятъ классныхъ дамъ, любятъ романы, при чемъ пропускаютъ описанія природы и прочитываютъ объясненія въ любви по пяти разъ. Онѣ пылки, страстны и любятъ съ азартомъ, сломя голову, задыхаясь... Жена-брюнетка,—это цѣлая инквизиція. Съ одной стороны, такая страсть, что чертямъ тошно, съ другой—капризы, наряды, безшабашная логика, визгъ, пискъ... Съ измѣною мужей мирятся скоро, платя имъ тою же монетою. Шатенки отъ блондинокъ не ушли и къ брюнеткамъ не пришли. Составляютъ нѣчто среднее между тѣми и другими. Считаютъ себя брюнетками. Рыжія лукавы, лживы, злы, коварны... Любви безъ коварства не понимаютъ. Обыкновенно бываютъ очень хорошо сложены и имѣютъ на всемъ тѣлѣ великолѣпную розовую кожу. Говорятъ, что черти и лѣшіе обязательно женятся на рыжихъ. Гдѣ лживость, тамъ трусость и малодушіе. Достаточно хорошенько прикрикнуть на рыжую („Я тебѣ!"), чтобы она свернулась въ калачикъ и полѣзла цѣловаться. Не забывай, что Мессалина и Нана были рыжія

Такъ трактуется дальше о прическахъ цвѣтѣ глазъ, походкѣ, приданомъ.

VII

Еще очень юный, Чеховъ былъ уже мастеромъ по части уловленія «злобъ» и, напримѣръ, пріѣздъ Сары Бернаръ въ Москву не одну недѣлю кормилъ его. Онъ и писалъ ея біографическіе очерки, и оцѣнивалъ ея игру. Любопытно, что А. П. проявилъ здѣсь самый несомнѣнный художественный вкусъ въ пониманіи элемента выучки во французской актрисѣ, чѣмъ никогда и никакому актеру не замѣнить темперамента и вдохновенія. Подчеркнутыя нами строки были положительно новы для тогдашней нашей театральной критики, и по тонкости пониманія эта рецензія въ болѣе соотвѣтственномъ тонѣ сдѣлала бы честь не «Зрителю», гдѣ была напечатана (1881, № 23—24), а и болѣе серьезному органу. Повидавшій французскую артистку на сценѣ, А. П. писалъ:

„Мы далеки отъ поклоненія Сарѣ Бернаръ, какъ таланту. Въ ней нѣтъ того, за что наша почтеннѣйшая публика любитъ Ѳедотову: въ ней нѣтъ огонька, который одинъ въ состояніи трогать до горючихъ слезъ, до обморока. Каждый вздохъ Сары Бернаръ, ея слезы, ея предсмертныя конвульсіи—вся ея игра есть не что иное, какъ безукоризненно и умно заученный урокъ. Урокъ, читатель, и больше ничего! Будучи дамой очень умной, знающей, что эффектно и что не эффектно, дамой съ грандіознѣйшимъ вкусомъ, сердцевѣдкой и всѣмъ, чѣмъ хотите, она очень вѣрно передаетъ всѣ тѣ фокусы, которые иногда, по волѣ судебъ, совершаются въ душѣ человѣческой. Каждый шагъ ея—глубоко обдуманный, сто разъ подчеркнутый фокусъ... Изъ своихъ героинь она дѣлаетъ такихъ же необыкновенныхъ женщинъ, какъ и она сама... Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью. Цѣль ея—поразить, удивить, ослѣпить... Вы смотрите на Andrienne Lecouvreur, и вы видите въ ней не Andrienne Lecouvreur, а умнѣйшую, эффектнѣйшую Сару Бернаръ... Во всей игрѣ ея просвѣчиваетъ не талантъ, а гигантскій, могучій трудъ... Въ этомъ-то трудѣ и вся раз-

гадка загадочной артистки. Нѣтъ того пустячка въ ея малыхъ и большихъ роляхъ, который не прошелъ бы разъ сто сквозь чистилище этого труда. Трудъ необыкновенный. Будь мы трудолюбивы, какъ она, чего бы мы только ни написали! Мы исписали бы всѣ стѣны и потолки въ нашей редакціи самымъ мелкимъ почеркомъ. Мы завидуемъ и почтительно преклоняемся предъ ея трудолюбіемъ. Мы не прочь посовѣтовать нашимъ перво-и второстепеннымъ господамъ артистамъ поучиться у гостьи работать. Наши артисты, не въ обиду будь имъ сказано, страшные лѣнтяи! Ученье для нихъ хуже горькой рѣдьки. Что они, т.-е. большинство нашихъ артистовъ, мало дѣла дѣлаютъ, мы заключаемъ по одному тому, что они сидятъ на точкѣ замерзанія: ни впередъ, ни... куда! Поработай они такъ, какъ работаетъ Сара Бернаръ, знай столько, сколько она знаетъ, они далеко бы пошли! Къ нашему великому горю, наши великіе и малые служители музъ сильно хромаютъ по части знаній, а знанія даются, если вѣрить старымъ истинамъ, однимъ только трудомъ.

„Мы смотрѣли на Сару Бернаръ и приходили отъ ея трудолюбія въ неописанный восторгъ. Были мѣстечки въ ея игрѣ, которыя трогали насъ почти до слезъ. Слезы не потекли только потому, что вся прелесть стушевывалась искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамѣреннаго фокусничества, подчеркиванія, мы, честное слово заплакали бы, и театръ содрогнулся бы отъ рукоплесканій... О, талантъ! Кювье сказалъ, что ты не въ ладу съ гибкостью! А Сара Бернаръ страсть какъ гибка!“

Чтобы кончить съ дѣятельностью Чехова-рецензента, остановимся еще на одной рецензіи. Въ статьѣ «Гамлетъ на пушкинской сценѣ» чеховскимъ перомъ увѣковѣчено исполненіе Гамлета начинавшимъ тогда Ивановымъ-Козельскимъ.

Ивановъ-Козельскій,—пишетъ А. П.,—не силенъ для Гамлета. Онъ понимаетъ Гамлета по-своему. Понимать по-своему не грѣхъ, но нужно понимать такъ, чтобы авторъ не былъ въ обидѣ. Все первое дѣйствіе г. Ивановъ-Козельскій прохныкалъ. Гамлетъ не умѣлъ хныкать. Слезы мужчины дороги, а Гамлета и подавно: и на сценѣ нужно дорожить ими, не проливать попусту. Г. Ивановъ-Козельскій сильно испугался тѣни, такъ сильно, что даже его жалко стало. Онъ сжевалъ и скомкалъ во рту все обращеніе

къ отцу. Гамлетъ былъ нерѣшительнымъ человѣкомъ, но не былъ трусомъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже готовъ былъ къ встрѣчѣ съ тѣнью. Сцена, гдѣ Гамлетъ приглашаетъ своихъ друзей поклясться на мечѣ, не удалась. Ивановъ-Козельскій не говорилъ, а шипѣлъ, точно гусакъ, за которымъ гонятся мальчишки. Въ бесѣдахъ съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ отсутствовало достоинство. Передъ ними Ивановъ-Козельскій ломался. И т. д. и т. д.

Мы могли бы исписать очень много бумаги, если бы стали изображать всѣ промахи Иванова-Козельскаго. Много чувства, много щемящей за сердце задушевности, но мало самаго главнаго. Это самое главное далеко отстоитъ отъ г. Иванова-Козельскаго. Мало чувствовать и умѣть правильно передавать свое чувство, мало быть художникомъ, надо еще быть всесторонне знающимъ. Образованность необходима для берущагося изображать Гамлета.

Сцена съ матерью проведена прекрасно. Тоже можно сказать и о сценѣ на кладбищѣ. Много было прелести въ игрѣ Иванова-Козельскаго, и всю эту прелесть можно записать насчетъ его умѣнья чувствовать... только! Онъ подчеркивалъ каждое слово, слѣдилъ за каждымъ своимъ движеніемъ, разсчитывалъ шаги... Этотъ недостатокъ есть удѣлъ всѣхъ начинающихъ. Смерть съ ужаснымъ голосомъ и съ судорогами можно было бы замѣнить естественной смертью.

Театральной злобой вообще не приходилось по тѣмъ временамъ пренебрегать, въ виду крайняго ограниченія цензурой круга юмористическихъ сюжетовъ.

Въ «Нечистыхъ трагикахъ и прокаженныхъ драматургахъ», — «ужасно - страшно-возмутительно - отчаянной трагедіи», Чеховъ въ драматической формѣ вышучиваетъ шаблонъ пьесъ съ ужасами и феерическими эффектами, которыми антрепренеры, въ родѣ Лентовскаго, и драматурги, въ родѣ Тарновскаго, занимали почтеннѣйшую публику. Нельзя сказать, чтобы эти пародіи были очень удачны, но тогдашней пародіи было вообще далеко до позднѣйшихъ литературныхъ шалостей Дорошевича или Амфитеатрова.

Въ драматическомъ шаржѣ, набросанномъ рукой Чехова, Тарновскій смущенъ тѣмъ, что не можетъ придумать ничего болѣе потрясающаго, чѣмъ уже придумалъ. Лентовскій его утѣшаетъ.

— Пустяки, чортъ возьми! Побольше пороху, бенгальскаго огня, трескучихъ монологовъ—вотъ и все! Въ интересахъ костюмировки возьмите, чорртъ возьми, высшій кругъ... Измѣна... Тюрьма... Влюбленная въ заключеннаго насиліемъ выдается замужъ за злодѣя... Роль злодѣя дадимъ Писареву... Далѣе, бѣгство изъ тюрьмы... Выстрѣлы... Я не пожалѣю пороху... Далѣе, ребенокъ, знатное происхожденіе котораго открывается только впослѣдствіи... Въ концѣ-концовъ, опять выстрѣлы, опять пожаръ и торжество добродѣтели... Однимъ словомъ, стряпайте по шаблону, какъ стряпаются Рокамболи и графы Монте-Кристо. *(Громъ, молнія, иней, роса. Изверженіе вулкана. Лентовскій выбрасывается наружу).*

«Трагедія», конечно, — намѣренный сумбуръ, гдѣ сплетаются имена Карла XII, Лентовскаго, Тарновскаго, влюбленной Стеллы и т. д. Карлъ заключаетъ Тарновскаго въ тюрьму вмѣстѣ съ отцомъ Стеллы. Вотъ образчикъ этого развеселаго творчества Антоши Чехонте—«дѣйствіе пятое и шестое».

Стелла (знакомится въ тюрьмѣ съ папашей и придумываетъ съ нимъ планъ бѣгства). Я спасу тебя, отецъ... Но какъ бы сдѣлать такъ, чтобы съ нами не бѣжалъ и Тарновскій? Убѣжавъ изъ тюрьмы, онъ напишетъ новую драму!

Генералъ Эренсвердъ (терзаетъ баронессу и заключенныхъ). Такъ какъ я злодѣй, то я не долженъ ничѣмъ походить на человѣка! (Ѣстъ сырое мясо).

Делагарди и Стелла (бѣгутъ изъ тюрьмы).

Всѣ. Держи! Лови!

Делагарди. Какъ бы тамъ ни было, а мы все-таки убѣжимъ и останемся цѣлы! (Выстрѣлъ). Плевать! (Падаетъ мертвый). И на это плевать! Авторъ убиваетъ, онъ же и воскрешаетъ! (Является изъ уборной Карлъ и повелѣваетъ добродѣтели торжествовать надъ порокомъ. Всеобщее ликованіе. Улыбается луна, улыбаются и звѣзды).

Публика (указывая Бурлю на Тарновскаго). Вотъ онъ, Спрутъ! Лови!

Бурль душитъ Тарновскаго. Тарновскій падаетъ мертвый, но тотчасъ же вскакиваетъ. Громъ, молнія, иней, убійство Коверлей, и великое переселеніе народовъ, кораблекрушеніе и сборъ всѣхъ частей.

Лентовскій. А все-таки я неудовлетворенъ! (Проваливается).

(„Будильникъ", 1884, № 4).

Совершенно въ томъ же непринужденномъ жанрѣ другая пародія Чехова на какую-то постановку Лентовскаго—«Кавардакъ въ Римѣ», комическая странность въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и двумя провалами. («Будильникъ», 1884, № 4). А вотъ и шаржъ, внушенный Чехову пріѣздомъ Бернаръ — «Письма и телеграммы».

Телеграмма. Цѣлую недѣлю пью за здоровье Сары. Восхитительно! Стоя умираетъ. Далеко нашимъ до парижанъ. Въ креслѣ сидишь, какъ въ раю. Манькѣ поклонъ. Петровъ.

Телеграмма. Поручику Егорову. Иди, возьми у меня билетъ. Больше не пойду. Чепуха. Ничего особеннаго. Пропали только деньги.

От доктора медицины Клопзона къ доктору медицины Ферфлюхтершвейнъ.

Товарищъ! Вчера я видѣлъ С. Б. Грудь паралитическая, плоская. Костный и мышечный скелеты развиты неудовлетворительно. Шея до того длинна и худа, что видны не только venae judulares, но даже и arteriae carotides. Musculi sternocleido mastoidei едва замѣтны. Сидя во второмъ ряду, я слышалъ анемическіе шумы въ ея венахъ. Кашля нѣтъ. На сценѣ ее кутали, что дало мнѣ поводъ заключить, что у нея лихорадка. Констатирую anaemia и atrophia musculorum. Замѣчательно. Слезныя железы у нея отвѣчаютъ на волевые стимулы. Слезы капали изъ ея глазъ и на ея носу замѣчалась гиперемія, когда ей, согласно театральнымъ законамъ, нужно было плакать.

Отъ Нади N къ Катѣ X.

Милая Катя! Вчера я была въ театрѣ и видела тамъ Сару Бернаръ. Ахъ Катечка сколько у нея брильянтовъ! Я всю ночь проплакала отъ мысли, что у меня никогда не будитъ столько брильянтовъ. О платьи ее передамъ на словахъ... Какъ бы я желала быть Сарой Бернаръ. На сценѣ пили настоящее шампанское! Очень странно, Катя, я говорю отлично по-французски, но ничего не поняла, что говорили на сценѣ актеры, говорили какъ-то иначе. Я сидѣла... въ галеркѣ: мой уродъ не могъ достать другого билета. Уродъ! жалѣю, что я въ понедѣльникъ была холодна съ С., тотъ бы досталъ въ партеръ, С. за поцѣлуй готовъ на все. На зло уроду завтра же у насъ будетъ С., достанетъ билетъ тебѣ и мнѣ.

Твоя Н

Отъ редактора къ сотруднику.

Иванъ Михайловичъ! Вѣдь это свинство! Шляетесь каждый вечеръ въ театръ съ редакціоннымъ билетомъ и въ то же время не несете ни одной строчки. Что же вы ждете? Сегодня Сара Бернаръ злоба дня, сегодня про нее и писать нужно. Поспѣшите. ради Бога!

Отвѣтъ: Я не знаю, что вамъ писать. Хвалить? Подождемъ пока, что другіе напишутъ. Время не уйдетъ.

Вашъ X......

Буду сегодня въ редакціи. Приготовьте денегъ. Если вамъ жалко билета, то пришлите за нимъ.

Письмо г-жи N къ тому же сотруднику.

Вы душка, Иванъ Михайлычъ! Спасибо за билетъ. На Сару насмотрѣлась и приказываю вамъ ее похвалить. Спросите въ редакціи можно ли и моей сестрѣ сходить сегодня въ театръ съ редакціонными билетами?!. Премного обяжете.

Примите и проч. Ваша N.

Отвѣтъ. Можно... за плату, разумѣется. Плата невелика,— позволеніе явиться къ вамъ въ субботу.

Къ редактору отъ жены.

Если ты не пришлешь мнѣ сегодня билета на Сару Бернаръ, то не приходи домой. Для тебя, значитъ, твои сотрудники лучше, чѣмъ жена. Чтобъ я была сегодня въ театрѣ.

От редактора къ женѣ.

Матушка! Хоть ты не лѣзь! У меня и безъ тебя ходоромъ ходитъ голова съ этой Сарой!

Изъ записной книжки капельдинера.

Нонче впустилъ четверыхъ. Читирнадцать руб.

Нонче впустилъ пятерыхъ. Пятнадцать руб.

Нонче впустилъ трехъ и одну мадамъ. Пятнадцать руб.

...Хорошо, что я не пошелъ въ театръ и продалъ свой билетъ. Говорятъ, что Сара Бернаръ играла на французскомъ языкѣ. Все одно—ничего не понялъ бы...

Майоръ Ковалевъ.

Митя! Сдѣлай милость, попроси какъ-нибудь помягче свою жену, чтобы она, сидя съ нами въ ложѣ, потише восхищалась платьями Сары Бернаръ. Въ прошлый спектакль она до того громко шептала, что я не слышалъ, о чемъ говорилось на сценѣ. Попроси ее, но помягче. Премного обяжешь.

Твой У.

От слависта X. къ сыну.

Сынъ мой... Я открылъ свои глаза и увидѣлъ знаменіе разврата... Тысячи людей, русскихъ, православныхъ, толкующихъ о соединеніи съ народомъ, толпами шли къ театру и клали свое золото къ ногамъ еврейки... Либералы, консерваторы...

Душенька! Ты мнѣ лягушку хоть сахаромъ обсыпь, такъ я ее все равно ѣсть не стану...

Собакевичъ

(„Зритель", 1881 г., № 24).

Юмористическій журналъ считаетъ долгомъ жить по календарю. Къ календарю приспособляются рисунки и заготовляется текстъ. Молодой Антоша Чехонте очень часто привлекался къ описанію «Красныхъ горокъ», «Встрѣчъ весны» и т. д.—иногда подъ картинками,—(Москва, 1882, № 12), а однажды въ «Осколкахъ» долженъ былъ дать цѣлый рядъ «филологическихъ замѣтокъ» о мѣсяцахъ, начиная съ марта по августъ.

Что единственно любопытно въ этихъ описательныхъ упражненіяхъ,—это развѣ прослѣдить, какъ молодой Чеховъ уже здѣсь нащупывалъ пріемъ описаній, позд-

нѣе властно имъ примѣненный и увлекшій другихъ въ подражаніе. Привычный для него пріемъ импрессіонизма, олицетвореній природы, проведенія пейзажа черезъ свое настроеніе—можно уловить уже здѣсь.

— Деревья,—пишетъ онъ во «Встрѣчѣ весны»—еще совершенно голы, но выглядываютъ (sic) [1]) какъ-то бодрѣе... Солнце свѣтитъ такъ хорошо, такъ тепло и ласково, будто славно выпило, сытно закусило и стариннаго друга увидѣло... Пахнетъ молодой травкой, навозомъ, дымомъ, плѣсенью, всевозможной дрянью, степью и чѣмъ-то этакимъ особеннымъ... Въ природѣ, куда ни взглянешь, приготовленія, хлопоты, безконечная стряпня... Суть въ томъ, что весна летитъ».

Въ своихъ описаніяхъ мѣсяцевъ А. П. дѣлалъ иногда и легонькія научныя экскурсіи. Вотъ, напр., объясненіе имъ первоапрѣльскаго обычая обманывать,

Обычай надувать ближнихъ въ первый день апрѣля существуетъ всюду, даже на берегу Маклая. О происхожденіи этого обычая толкуютъ различно. Одни говорятъ, что онъ получилъ свое начало въ Остъ-Индіи, гдѣ индусы въ этотъ день занимаются невиннымъ надувательствомъ: посылаютъ другъ друга въ разныя мѣста подъ вымышленными предлогами и потомъ хохочутъ надъ обманутыми. Другіе же ставятъ этотъ обычай въ связь съ отчетами, которые въ древности изготовляли чиновники консисторіи къ первому апрѣля. Въ виду того, что взаимное надувательство

---

[1]) Не только въ этотъ періодъ мало отчетливаго литературнаго труда, но иногда и позднѣе Чеховъ, умѣвшій возвышаться до истинныхъ красотъ слова, былъ не вполнѣ безупреченъ въ отношеніи формъ языка. Если въ болѣе раннюю пору на его языкѣ сказываются южныя вліянія «тоскую *за* таганрогскими барышнями», «пришелъ *изъ* обѣдни» («Степь, II г., 179), «получилъ телеграмму *изъ* фабрики» въ «Случаѣ изъ практики» (XII, 3),—то позднѣе онъ принялъ нѣкоторые нечистые обороты петербургскаго происхожденія. Довольно часто у него можно встрѣтить глаголъ «выглядѣть» въ значеніи «имѣть видъ». Небрежно онъ пользуется глаголомъ «представлять *изъ* себя» («Голтва представляетъ изъ себя рѣчонку»... «Святою почью», т. V, 31).

стало въ наше время явленіемъ обыденнымъ, обычай этотъ утерялъ свою соль и сталъ постепенно стушевываться; въ старину же, когда меньше врали, онъ былъ въ большой модѣ. Разсказываютъ, что въ одинъ изъ первыхъ апрѣлей труппа нѣмецкихъ актеровъ, дававшихъ представленія въ Петербургѣ во времена Петра, пообѣщала „блистательное представленіе", и когда въ театръ припожаловала публика, вывѣсила на занавѣсѣ транспарантъ съ надписью „Первое Апрѣля". Спектакля не было. Петръ не разсердился на эту шутку, и только, выходя изъ театра, проговорилъ: „вольность комедьянтовъ!" Если эта группа не забыла собрать передъ спектаклемъ съ публики деньги, то нужно пожалѣть, что не всѣ наши актеры-современники знакомы съ этимъ историческимъ анекдотомъ.

Но и здѣсь чаще преобладала просто веселая шутка, въ родѣ, напримѣръ, такой справки о Венерѣ, чествуемой въ мартѣ.

Въ этомъ мѣсяцѣ римляне праздновали и именины Венеры, богини любви, брака (законнаго и незаконнаго), красоты, турнюровъ и ртутныхъ мазей. Родилась эта Венера изъ пѣны морской такимъ же образомъ, какъ наши барышни родятся изъ кисеи. Была женою хромого Вулкана, чеканившаго для боговъ фальшивую монету и дѣлавшаго тонкія сѣти для ловли храбрыхъ любовниковъ. Состояла на содержаніи у всѣхъ боговъ и безкорыстно любила одного только Марса. Когда ей надоѣдали боги, она сходила на землю и заводила здѣсь интрижки съ чиновниками гражданскаго вѣдомства: Энеемъ, Адонисомъ и другими. Покровительствуетъ дамскимъ парикмахерамъ, учителямъ словесности и доктору Тарновскому. Въ мартовскій праздникъ ей приносили въ жертву котовъ и гимназистовъ, начинающихъ влюбляться обыкновенно съ марта („Осколки", 1885 г., № 11).

Или вотъ въ томъ же родѣ (полностью) замѣтка А. П. «Объ іюнѣ и іюлѣ».

Въ маѣ и въ августѣ русскіе люди ходятъ въ шубахъ и щелкаютъ зубами, слѣдовательно, русское лѣто состоитъ только изъ іюня и іюля. Среди дачныхъ бурь и штилей, въ вихрѣ Цуккъ и Монбазоншъ, эти два мѣсяца проходятъ такъ быстро, что пора уже считать ихъ за одинъ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, что оба они начинаются съ *ію*, стоятъ въ календарѣ рядышкомъ и оба потогонны... Соединеніе двухъ мѣсяцевъ въ одинъ повело бы за собой

уменьшеніе расходовъ: 20-е число случилось бы однажды, а не дважды. Іюнь получилъ свое названіе отъ слова junior, что значитъ юноша, гимназистъ, ибо въ этомъ мѣсяцѣ гимназисты созрѣваютъ и хотя, созрѣвши, плода не даютъ, но тѣмъ не менѣе получаютъ аттестаты зрѣлости.

У Римлянъ іюнь былъ посвященъ Меркурію, богу второй гильдіи, занимавшемуся коммерціей. Сей Меркурій считается покровителемъ содержателей ссудныхъ кассъ, шулеровъ и купеческихъ саврасовъ. Давалъ богамъ деньги подъ проценты, плясалъ въ салонахъ „кадриль“ и пилъ по девяти самоваровъ въ день; имѣлъ медаль за службу въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, куда поставлялъ безплатно дрова, наживая при этомъ „рупь на рупь“; любилъ Москву, гдѣ держалъ кабакъ, ѣлъ въ балаганахъ голубей и издавалъ благонамѣренно-ерническую газету. Въ іюнѣ произошли слѣдующія событія: изданъ указъ, воспрещавшій продавать на базарахъ живыхъ людей, и основано училище правовѣдѣнія для разведенія на Руси товарищей прокурора... Въ этомъ же мѣсяцѣ, по свидѣтельству Иловайскаго, въ Парижѣ происходили кровавыя событія (вѣроятно, дизентерія). Іюль же, по протекціи Марка Антонія, получилъ свое названіе отъ Юлія Цезаря, малаго перешедшаго Рубиконъ и написавшаго „De bello Gallico“ — произведеніе, по мнѣнію учителей латинскаго языка, достойное 12 уроковъ въ недѣлю. Былъ посвященъ его превосходительству, г. директору небесной канцеляріи, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Юпитеру. Будучи происхожденія божескаго, г. Юпитеръ тѣмъ не менѣе занимался одними только человѣческими дѣлами, игралъ въ винтъ, пилъ горькую и прохаживался по части клубнички. Юнымъ классикамъ не безызвѣстны его ухаживанія за коровой Іо. Солнце въ іюлѣ вступаетъ въ знакъ Льва, чего ради всѣ кавалеры „Льва и Солнца“ въ іюлѣ именники. Для писателей іюль несчастный мѣсяцъ. Смерть своимъ неумолимымъ краснымъ карандашомъ зачеркнула въ іюлѣ шестерыхъ русскихъ поэтовъ и одного Памву Берынду. У насъ въ Россіи, вслѣдствіе сильныхъ іюльскихъ жаровъ, князь Мещерскій пишетъ записки, читаемыя на провинціальныхъ сценахъ Андреевымъ-Бурлакомъ. За іюлемъ слѣдуетъ осень.

Израсходовавъ юмористическія темы стройнаго разсказа, Чеховъ иногда уходилъ въ область комическихъ мелочей, испоконъ вѣковъ обслуживавшихъ юмористи-

ческіе журналы. Такова, напримѣръ, «Контора объявленій Антоши Ч.» («Зритель», 1881 г., №№ 15, 19, 20),

Въ обычной манерѣ юмористовъ «Шута» или «Осколковъ» Чеховъ сатирически проходится здѣсь по адресу гробовыхъ дѣлъ мастеровъ, дерущихъ съ живого и мертваго и дѣлающихъ «для умирающихъ оптомъ» уступку; по адресу докторовъ, пользующихъ «бѣдныхъ безплатно 30-го февраля, 31 апрѣля и 31 іюня, а 29 февраля съ большою уступкой»; смѣется надъ колбасными магазинами, продающими «трихины безъ колбасъ» и т. д.

Шутка эта скользитъ по явленіямъ и рѣдко по лицамъ, но иногда не лишена злости и ранитъ опредѣленное лицо. Въ «Публикаціяхъ» онъ мечетъ, напримѣръ, въ драматурга Виктора Крылова такую стрѣлу: «Душеприказчики купца Висляева» имѣютъ честь увѣдомить, что 10 рублей, оставленные покойнымъ для выдачи тому, кто напишетъ невозможно глупую комедію, выданы 15-го ноября автору комедіи «Городъ упраздняется».

Въ объявленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времемени» Чеховъ шутитъ надъ извѣстнымъ романистомъ того времени Морскимъ, часто слышавшимъ упрекъ въ нескромности своихъ сюжетовъ. А. П. объявляетъ отъ его имени новый пикатный романъ—«Въ интересномъ положеніи».

Безконечный романъ-эпопея Мельникова - Печерскаго двигаетъ его на шутку:

«*Въ облакахъ*», романъ Андрея Печерскаго въ 14 ч. (Продолженіе «На горахъ» и «Въ лѣсахъ»)

Болѣе другихъ удачной и злой представляется шутка надъ газетой Нотовича, надъ ея языкомъ, который въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, явилъ первые образцы типично-газетнаго жаргона, оскорбляющаго ухо корен-

ного русскаго человѣка. («Будильникъ». 1882. № 7). Вотъ все это объявленіе:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1882 годъ
на большую ежедневную политическую, литературную, коммерческую и удивительную газету

„НОВОСТИ“
и Биржевая газета,

издаваемую акціонернымъ товариществомъ съ основнымъ капиталомъ 3,000,000 финск. мар., или около 1,200,000 р., раздѣленныхъ на 30000 акцій по 1,000 ф. м. каждая.

Газета „НОВОСТИ“ имѣетъ:

собственныя двѣ писчебумажныя фабрики, собственнаго очень остроумнаго редактора, собственную типографію, собственный книжный магазинъ
и, съ 1882 года, будетъ имѣть:
собственный домъ,
собственную конюшню для собственныхъословъ, собственный домъ для умалишенныхъ, собственное долговое отдѣленіе и собственную портерную.

VIII

Не пренебрегалъ А. П. и шуткой надъ злободневными явленіями хроники происшествій. Эти строчки теперь требовали бы уже историческаго комментарія. Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ же публикаціяхъ, объявляются мнимыя книги адвоката Смирнова. Соль объявленія становится понятной, если знать, что Смирновъ только что заявилъ себя кулачной расправой, о которой наперерывъ трещали уличныя газеты.

Поступили въ продажу
слѣдующія сочиненія присяжнаго повѣреннаго Смирнова:

Кулачное право. Переводъ съ татарскаго. Для студентовъ-юристовъ. Ц. 1 р.

Битъ или не битъ? Ц. 3 р,

Физiологiя кулака. Ц. 1 р.

«Книгопродавцамъ и присяжнымъ повѣреннымъ — уступка».

Къ тому же жанру юмора нужно отнести «Календарь Будильника на 1882 годъ» («Будильникъ» № 10, 11, 12 и 14). Вольно и размашисто, не зная удержу своему почти мальчишескому задору, Чеховъ пародируетъ здѣсь обычный календарный шаблонъ, бьющее въ носъ невѣжество составителей, ихъ мелочность, ихъ педантизмъ, ихъ готовность съ серьезнымъ видомъ преподносить глупости или сообщать читателю рядомъ съ меню обѣда никому ненужную хронологiю событiй древней исторiи, поросшихъ мохомъ и покрытыхъ пылью вѣковъ.

Въ отдѣлѣ «выдающихся событiй, метереологiи, пропрочествъ и исторiи» Чеховъ подбираетъ чепуху, впрочемъ, не очень далеко ушедшую отъ подлиннаго текста календарей.

— 8 марта. Въ сей день Автолимедъ II былъ побѣжденъ персидскимъ царемъ Додономъ IV (342), и произошелъ судъ Париса.

— 9 марта. Затменiя солнца не будетъ. Оттепель и снѣгъ. Въ Испанiи родится великiй писатель, который умретъ на 7-й день послѣ рожденiя.

— 10-го. Въ сей день произошла смерть пана Твардовскаго въ трактирѣ Римъ, а Цезарь перешелъ Рубиконъ.

— 11-го. Въ сей день въ Клеопатру влюбился Антонiй, и Александръ Филиппповичъ Македонскiй ѣздилъ на Буцефалѣ на богомолье.

- 12-го. Въ сей день Муцiй Сцевола проигралъ въ стуколку свое имущество.

— 13-го. Родится великiй человѣкъ. Въ Бухарѣ потонетъ 25 кораблей. Въ Карѳагенѣ всеобщее недоумѣнiе. Всѣ Африканы име-

нинники. По мнѣнію артистовъ Малаго театра, въ сей день въ Полтавѣ произойдетъ сѣверное сіяніе.

— 14-го. Родится великая женщина. Въ редакціи „Гражданина“ затменіе солнца и засуха.

— 15-го. На островѣ Мадагаскарѣ родится великій акушеръ. Въ сей день Менелай познакомился въ аѳинскомъ клубѣ съ Аяксами, а нѣмцы выдумали обезьяну.

— 16-го. Сегодня на А.-Б.-В. жел. дорогѣ всѣ кондуктора и стрѣлочники почему-то будутъ трезвы. День рожденія Петра Боборыкина. Въ Тамбовѣ изверженіе вулкана. Столкновеніе кометы съ Лентовскимъ. Снѣжище. Въ сей день Архимедъ перевернулъ бы землю, если бы ему дали точку опоры.

— 17-го. Именинники Потѣхинъ, Суворинъ и богатырь Алеша Поповичъ.

— 18-го. Въ „Донской Пчелѣ“ горячая передовая статья по поводу перехода израильтянъ черезъ Черное море. Въ Тирасполҍ борьба стихій. Именинникъ нашъ подписчикъ № 18007.

— 20-го. Выйдетъ въ тиражъ директоръ нѣкоего банка. Въ сей день китайцы разбили шведовъ на о-вѣ Исландіи.

— 21-го. Въ сей день Савонаролла предсказалъ московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ рожденіе д-ра Лохвицкаго

— 23-го. Пахнетъ весной и чортъ знаетъ чѣмъ. Въ сей день Діогенъ въ присутствіи китайскаго посланника учинилъ неблагопристойность.

— 24-го. Родится 121 великій человѣкъ. Зола, Щедринъ и Боборыкинъ, разбитые архи-чудакомъ И. Н. Павловымъ, бросятъ писательство и займутся бакалейной торговлей. Въ сей день россіяне на удивленіе всѣхъ иностранцевъ выдумали самоваръ.

— 25-го. Всѣ будутъ счастливы, кромѣ князя Мещерскаго и Баталина, которые всегда несчастны. Въ сей день въ 132 году, въ Португаліи, ничего особеннаго не произошло.

— 26-го. Именинники поэтъ Хрущовъ-Сокольниковъ, нашъ подписчикъ № 17037 и покойникъ Державинъ. Въ сей день Александръ Пушкинъ и Виссаріонъ Бѣлинскій за неспособность къ изученію россійской словесности получили по единицѣ.

Десять убористыхъ страницъ можетъ занять этотъ календарь «Будильника», откуда мы взяли эти блестки. Онъ весь полонъ такого развеселаго балагурства и буйнаго смѣха, хотя, конечно, въ цѣломъ и далеко не

такъ забавенъ, какъ страничка избранныхъ цитатъ Противъ каждаго дня, по обычаю календарей, указаны обѣды. Здѣсь уже Чеховъ хохочетъ положительно, какъ расшалившійся гимназистъ, не знающій удержу. Тутъ и супы съ апельсинами, и каша съ репейнымъ масломъ, и жареный гусь а-ля-князь Мещерскій, и супъ съ мокрой курицей, и каракатица съ начинкой, и снитки съ ванилью, и канифолевое мороженое, и вареная свинья съ рахатъ-лукумомъ, и мороженое изъ снигирей, и консоме съ подливкой, и уксусъ-фри.

Такими же легкомысленными шалостями полны примѣчанія Чехова къ этому календарю. Вотъ строчки отсюда:

„Всѣ врутъ календари, за исключеніемъ нашего.

„Желательно было бы по возможности скорѣй собрать въ какомъ-нибудь городѣ календарный конгрессъ, чтобы наономъ присутствовалъ со стороны Россіи г. Сталинскій. Сей послѣдній укажетъ конгрессу мотивы, по которымъ онъ, Сталинскій, одинъ изъ нумеровъ покойнаго „Харькова“, въ 1880 г., помѣтилъ 30 февралемъ.

„Сотрудники „Будильника“, въ предупрежденіе могущихъ произойти недоразумѣній, симъ имѣютъ честь увѣдомить, что они будутъ христосоваться только съ хорошенькими, а завѣдующій календаремъ исключительно съ однѣми блондинками.

„Г-жѣ Ольгѣ Молоховецъ. Вы пишете намъ, что наши обѣды просто объяденье, и просите у насъ, чтобы мы позволили вамъ перепечатать эти обѣды въ свой „Подарокъ молодымъ хозяйкамъ“. Сдѣлайте одолженіе!“

Къ этому же легкомысленному жанру надо отнести «Перепутанныя объявленія»—обычную безобидную шалость юмористическихъ листковъ, лишенныхъ права какой бы то ни было сатиры. По обыкновенію, здѣсь—«по случаю ненастной погоды, зубной врачъ Крахтеръ вставляетъ зубы. Панихиды ежедневно». Какое-то «конкурсное управленіе продаетъ за ненадобностью ракъ желудка и костоѣду». «Съ дозволенія начальства сбѣ

жалъ пудель». «Дворникъ ищетъ мѣста гувернантки». «Жеребецъ вороной масти, специалистъ, по нервнымъ и женскимъ болѣзнямъ, даетъ уроки фехтованія» и т. д.

Таковы же «Врачебные совѣты» гдѣ, напримѣръ, отравившемуся мышьякомъ рекомендуется для вызова рвоты «нюхать провизію, купленную въ охотномъ ряду», таковъ «Словотолкователь для барышень», гдѣ изъясняются разные виды любви, при чемъ «плотскою» называется та, когда молодые люди объясняются въ любви «на плоту», а животною, когда старая дѣва любитъ собакъ и кошекъ; «Новѣйшій письмовникъ», предлагающій образцы писемъ къ начальнику, подчиненному, любовницѣ, другу и т. д. Все это—совершенные пустяки, которые, вѣроятно, не могъ безъ нѣкотораго конфуза вспоминать созрѣвшій Чеховъ.

На смѣхъ ради чистаго смѣха разсчитаны и «Задачи сумасшедшаго математика»,—жанръ, посейчасъ не умершій въ юмористикѣ дешевыхъ листковъ, но смертельно надоѣвшій. Чехонте шутитъ такъ:

1) За мной гнались 30 собакъ, изъ которыхъ 7 были бѣлыя, 8 сѣрыя, а остальныя 5 черныя, Спрашивается, за какую ногу укусили меня собаки, за правую или лѣвую?

2) Автолимедъ родился въ 223 году, а умеръ послѣ того, какъ прожилъ 84 года. Половину жизни провелъ онъ въ путешествіяхъ, треть жизни потратилъ на удовольствія. Сколько стоитъ фунтъ гвоздей, и былъ ли женатъ Автолимедъ?

3) Подъ новый годъ изъ маскарада Большого театра выведено 200 человѣкъ за драку. Если дравшихся было двѣсти, то сколько было бранившихся, пьяныхъ, слегка пьяныхъ и желавшихъ, но не находившихъ случая подраться?

4) Что получается по сложеніи сихъ чиселъ?

5) Куплено было 20 цыбиковъ чая. Въ каждомъ цыбикѣ было по 5 пудовъ, каждый пудъ имѣлъ 40 фунтовъ. Изъ лошадей, везшихъ чай, двѣ пали въ дорогѣ, одинъ изъ возчиковъ заболѣлъ и 18 фунтовъ разсыпалось. Фунтъ имѣетъ 96 золотниковъ чая.

Спрашивается, какая разница между огуречнымъ разсоломъ и недоумѣніемъ?

8. Моей тещѣ 75 лѣтъ, а женѣ 42. Который часъ?

Въ такомъ же духѣ А. П-чъ смѣялся надъ «Каникулярными работами институтки», описавшей свои каникулы:

Я прочла много книгъ и между прочимъ Мещерскаго, Майкова, Дюму, Ливанова, Тургенева и Ломоносова. Природа была въ великолѣпіи. Молодыя деревья росли очень тѣсно, ничей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ. Не густая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики (похищено изъ „Затишья" Тургенева). Солнце то восходило, то заходило. На томъ мѣстѣ, гдѣ была заря, летѣла стая птицъ. Гдѣ-то пастухъ пасъ свои стада, и какія то облака носились немножко ниже неба. Я ужасно люблю природу. Мой папа все лѣто былъ озабоченъ: негодный банкъ ни съ того, ни съ сего хотѣлъ продать нашъ домъ, а мама все ходила за папой и боялась, чтобъ онъ на себя рукъ не наложилъ. А если же я и провела хорошо каникулы, такъ это потому, что занималась наукой, и вела себя хорошо. Конецъ".

Такъ шутилъ онъ надъ манерой рѣчи и письма адвоката или донесенія урядника. Вотъ его «Романъ адвоката».

Тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмого года, февраля десятаго дня, въ городѣ С.-Петербургѣ, Московской части, 2 участка, въ домѣ второй гильдіи купца Животова, что на Лиговкѣ, я, нижеподписавшійся, встрѣтилъ дочь титулярнаго совѣтника, Марью Алексѣеву Барабанову, 18 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго грамотную. Встрѣтивъ оную Барабанову, я почувствовалъ къ ней влеченіе. Такъ какъ на основаніи 994 ст. Улож. о наказ. незаконное сожительство влечетъ за собой, помимо церковнаго покаянія, издержки, статьею оною предусмотрѣнныя (смотри: дѣло купца Солодовникова 1881 г. Сб. рѣш. Касс. депар.), то я и предложилъ ей руку и сердце. Я женился, но недолго жилъ съ нею. Я разлюбилъ ее. Записавъ на свое имя все ея приданое, я началъ шататься по трактирамъ, Ливадіямъ, Эльдорадамъ и шатался

въ продолженіе пяти лѣтъ. А такъ какъ на основаніи 54 ст. Х. т. Гражд. Суд. пятилѣтняя безвѣстная отлучка даетъ право на разводъ, то и имѣю честь покорнѣйше просить, ваше п-во о разведеніи меня съ женою.

Во времена «безтемья» Чехову приходилось отыгрываться на «хріяхъ» по извѣстному вопросу. Такъ онъ начиналъ юморизировать на тему о человѣческихъ характерахъ и рисовалъ карикатуры на сангвиниковъ, холериковъ, флегматиковъ и меланхоликовъ. Эти упражненія молодого писателя сдѣланы безъ блеска и захвата. Вотъ болѣе или менѣе удачныя строки изъ этихъ «Темпераментовъ».

Сангвиникъ. Всѣ впечатлѣнія дѣйствуютъ на него легко и быстро; отсюда, говоритъ Гуфеландъ, происходитъ легкомысліе... Въ молодости онъ bébé и Spitzbube. Грубитъ учителямъ, не стрижется, не бреется, носитъ очки и пачкаетъ стѣны... Когда богатъ, франтитъ; будучи же убогимъ, живетъ по-свински... Для любви одной природа его на свѣтъ произвела: только тѣмъ и занимается, что любитъ. Всегда не прочь нализаться до положенія ризъ. Напившись вечеромъ до зеленыхъ чортиковъ, утромъ встаетъ встрепанный, съ чуть замѣтной тяжестью въ головѣ, не нуждаясь въ „similia similibus curantur“. Женится нечаянно... Газеты любитъ и самъ не прочь погазетничать. Почтовый ящикъ юмористическихъ журналовъ выдуманъ исключительно для однихъ только сангвиниковъ... Спать въ одной комнатѣ съ сангвиникомъ не рекомендуется: всю ночь анекдоты разсказываетъ, а за неимѣніемъ анекдотовъ, ближнихъ осуждаетъ или вретъ.

Холерикъ. Желченъ и лицомъ желто-сѣръ... Глубоко убѣжденъ, что зимой „чортъ знаетъ,—какъ холодно“, а лѣтомъ „чортъ знаетъ, какъ жарко...“ Еженедѣльно мѣняетъ кухарокъ. Ревнивъ до чортиковъ. Шутокъ не понимаетъ. Все терпѣть не можетъ.... Газеты читаетъ только для того, чтобы ругнуть газетчиковъ... Женщина холерикъ—чортъ въ юбкѣ, крокодилъ.

Флегматикъ. Милый человѣкъ. Наружность самая обыкновенная, топорная. Вѣчно серьезенъ, потому-что лѣнь смѣяться. Ѣстъ, когда и что угодно; не пьетъ, потому-что боится кондрашки, спитъ 20 часовъ въ сутки... Самый удобный для женитьбы человѣкъ: на все согласенъ, не ропщетъ и покладистъ. Жену величаетъ душенькой. Любитъ поросеночка съ хрѣномъ и т. д.

Совершенно въ такомъ же родѣ хрія—«Къ характеристикѣ народовъ»,—«Изъ записокъ одного наивнаго члена русскаго географическаго общества»—

Французы замѣчательны своимъ легкомысліемъ. Они читаютъ нескромные романы, женятся безъ позволенія родителей не слушаются дворниковъ, не уважаютъ старшихъ и даже не читаютъ „Московскихъ Вѣдомостей"... Женщины поступаютъ въ опереточныя актрисы и гуляютъ по Невскому, а мужчины пекутъ французскія булки и поютъ марсельезу. Много альфонсовъ: Альфонсъ Додэ, Альфонсъ Ралле и другіе...

Такъ дальше идетъ о шведахъ, грекахъ, испанцахъ (между прочимъ, занимающихся «приготовленіемъ испанскихъ мушекъ»), черкесахъ, персахъ и т. д.

...Богатые персы сидятъ на персидскихъ коврахъ, а бѣдные—на колахъ, при чемъ первые испытываютъ гораздо больше удовольствія, чѣмъ вторые. Носятъ орденъ „Льва и Солнца", каковой орденъ имѣютъ нашъ Юлій Шрейеръ, завоевавшій себѣ персидскія симпатіи, Рыковъ, оказавшій Россіи персидскія услуги, и многіе московскіе купцы за неослабную поддержку причинъ упомянутой войны съ насѣкомыми.

Англичане очень дорого цѣнятъ время. „Время — деньги", говорятъ они, и потому своимъ портнымъ вмѣсто денегъ платятъ временемъ. Они постоянно заняты: говорятъ рѣчи на митингахъ, ѣздятъ на корабляхъ и отравляютъ китайцевъ опіумомъ. У нихъ нѣтъ досуга... Имъ некогда обѣдать, бывать на балахъ, ходить на рандеву, париться въ банѣ. На рандеву вмѣсто себя посылаютъ они комиссіонеровъ, которымъ даютъ неограниченныя полномочія. Дѣти, рожденныя отъ комиссіонеровъ, признаются законными. Живетъ этотъ дѣловой народъ въ англійскихъ клубахъ, на англійской набережной и въ англійскомъ магазинѣ. Питается англійской солью и умираетъ отъ англійской болѣзни.

Юмористической литературѣ чужда консервативность формы. Здѣсь все хорошо, кромѣ того, что не смѣшно. И Чеховъ сочинялъ даже задачки, въ родѣ того, какимъ образомъ троимъ умѣститься на одной узкой пролеткѣ. На загадки подписчики журналовъ должны были давать отвѣты, и разгадка помѣщалась въ слѣдующемъ номерѣ.

Въ эту пору игры чеховского воображенія иногда случайный поводъ вдохновлялъ его на литературные опыты и шалости, въ которыхъ уже не все было одною шалостью.

Такою мимолетною случайностью Амфитеатровъ объясняетъ рожденіе на свѣтъ повѣсти «изъ венгерской жизни» «Ненужная побѣда», печатавшейся на обложкѣ «Будильника».

Въ 1882 или 1883 г. редакторомъ «Будильника» былъ А. Д. Курепинъ. Тогда былъ въ модѣ одинъ романъ Мавра Іокая. Въ одномъ разговорѣ Чеховъ высказался о немъ отрицательно. Курепинъ посовѣтовалъ ему, если это худо,—написать что-нибудь подобное. Чеховъ объяснилъ, что, можетъ-быть, и не какъ Мавръ Іокай, но онъ берется написать повѣсть, которую публика будетъ читать нарасхватъ и единодушно приметъ за переводную съ венгерскаго. Плодомъ пари явилась «Ненужная побѣда». Чеховъ пари выигралъ. Покуда повѣсть печаталась, редакція была засыпана восторженными читательскими письмами [1]).

Приходилось порой Чехову искать и книжныхъ вдохновеній, чѣмъ, впрочемъ, онъ не злоупотреблялъ никогда, ни теперь, ни послѣ. Такъ, можно съ несомнѣнностью прослѣдить связь между появившимся въ «Рус. Старинѣ» въ 1887 году анекдотомъ о персидскомъ послѣ, проѣзжавшемъ чрезъ Ставрополь-Кавказскій, и разсказомъ Чехова «Левъ и Солнце», появившимся въ томъ же году въ «Осколкахъ». Анекдотъ этотъ, заключающійся извѣстнымъ четверостишіемъ, приписываемымъ Пушкину, но на самомъ дѣлѣ принадлежащимъ капитану М. Ѳедорову (Р. Ст., 1887 г., IV, 164 и IX, 640),

---

[1]) См. соч. Амфитеатрова, т. XIV, 229.

Въ знакъ дружбы двухъ державъ,—Россіи и Ирана,
И изъ почтенья къ вамъ, степеннѣйшій посолъ,
Я бъ самого себя зарѣзалъ, какъ барана,
Но что жъ мнѣ дѣлать?—я оселъ! [1])

любопытенъ тѣмъ, что позволяетъ на минуту заглянуть въ творческую лабораторію А. П. и увидѣть, какъ изъ зерна современности или исторіи выросталъ его разсказъ. Совершенно напрасно нѣкоторые видятъ въ этомъ разсказѣ «таганрогскій эпизодъ».

IX

Въ матеріальномъ отношеніи хлѣбъ добывался молодымъ Чеховымъ съ великимъ усиліемъ.

Свидѣтель первыхъ дней Чехова въ литературѣ даже «товарищъ по несчастью», А. С. Грузинскій разсказываетъ, со словъ Чехова, о томъ, какъ туго доставалъ онъ первые рубли.

«Бывало, придемъ къ Курепину получать гонораръ я, Пальминъ, Кичеевъ, всей компаніей, чтобы было нескучно. «Дома?» — «Дома. Просятъ васъ подождать». Сидимъ. Ждемъ часъ и два, затѣмъ выйдемъ изъ терпѣнія и начнемъ стучать въ стѣнки, въ двери. Появится какой-нибудь заспанный малый, съ пухомъ въ волосахъ, и съ удивленіемъ спроситъ: «вамъ кого?» — «К—а!»—«Вотъ хватились! Да ужъ онъ уѣхалъ давно».— «Какъ уѣхалъ?» — «Да такъ: вышелъ съ черного хода, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ». — «А про насъ ничего не говорилъ?» — «Говорилъ: пусть зайдутъ какъ-нибудь послѣ; нынче мнѣ некогда». Плюнемъ да всей компаніей и пойдемъ. И такимъ образомъ сколько сапогъ,

[1]) Эпиграмма приводится у Чехова съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

бывало, истреплешь прежде, чѣмъ удастся получить грошовый гонораръ! А Липскеровъ? — и Чеховъ начиналъ подобные же разсказы о бывшемъ издателѣ «Новостей Дня».

Такой же разсказъ сохранилъ и братъ Антона Павловича—Михаилъ Павловичъ.

«Бывало, — пишетъ онъ: — придешь съ документомъ брата за полученіемъ трехъ рублей и ждешь-ждешь, когда газетчики принесутъ выручку... Сидятъ сотрудники... Тутъ же дѣвочка разучиваетъ гаммы на рояли. И почему-то ужасно хочется чаю.

— «Чего вы ждете?—спроситъ,—наконецъ, издатель, которому ставетъ жалко ожидающихъ.

«— Да вотъ получить три рубля...

«— У меня ихъ нѣтъ... Гдѣ жъ я ихъ возьму? Можетъ-быть, вы билетъ въ театръ хотите? Или брюки новыя? Такъ сходите къ портному такому-то и возьмите у него брюки за мой счетъ».

Тогда газетное дѣло далеко не было въ современномъ развитіи, и нравы въ редакціяхъ царили патріархальные. И Чехову, и его товарищамъ по небогатому юмористическому журналу жилось въ матеріальномъ отношеніи не весьма привольно, но нравственная атмосфера этой молодой жизни не оставляла желать ничего лучшаго. Субботнія собранія были веселы и оживленны. Въ безусой по преимуществу компаніи предсѣдательствовалъ, — разсказываетъ Гиляровскій («Гол. Москвы», 1914 № 151),—Н. П. Кичеевъ, редакторъ «Будильника», и присутствовала издательница, Л. Н. Уткина.

Шутки и остроты сыпались въ этихъ засѣданіяхъ, записывались и печатались. Антоша Чеховъ былъ молчаливѣе другихъ, но вставленное имъ словечко бывало всегда очень удачно. Изъ-за бесѣды вставали и шли

получать гонораръ въ контору—гривенникъ за стихи и пятачекъ за прозу. Рѣдкіе счастливцы получали больше, но въ тѣ времена и жизнь въ Москвѣ была дешевле втрое.

Свою работу въ «Будильникѣ», А. П. началъ шуткой «Двадцать девятое іюня», подписанной «Антоша Чехонте», въ 1881 г., и работалъ въ качествѣ постояннаго сотрудника по 1887 г. включительно.

Въ 1883 году «Будильникъ» перешелъ къ В. Д. Левинскому, который засталъ здѣсь А. П-ча въ числѣ главныхъ сотрудниковъ.

«Милый, скромный, всегда обязательный,—разсказываетъ о немъ Левинскій,—онъ былъ теплымъ лучомъ, ласково согрѣвающимъ каждаго, кому приходилось съ нимъ сталкиваться. Вступивъ въ дѣло, я поручилъ А. П., кромѣ разсказовъ, писать и передовыя «Будильника»—«О томъ, о семъ». Работалъ А. П. не изъ-за гонорара только, не какъ обычный рядовой сотрудникъ, но жилъ жизнью журнала».

Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ 1882г. Лейкина въ Москву состоялось личное знакомство съ нимъ Чехова. Познакомилъ ихъ Пальминъ, къ которому Лейкинъ по старому знакомству нерѣдко обращался съ просьбою рекомендовать ему для журнала даровитыхъ москвичей. Мѣстомъ знакомства явилась «ближайшая портерная», куда были вызваны оба Чеховы, Антонъ и Николай.

Мечта каждаго начинающаго автора—изданіе перваго сборника. Такая попытка Чехова относится еще ко второй половинѣ 1883-го года, т.-е. къ послѣднему году пребыванія его въ университетѣ. В. Каллашъ первый установилъ этотъ фактъ, на основаніи сохранившихся въ семьѣ Чехова первыхъ листовъ предположенной книжки. Цѣликомъ она не сохранилась,—

нѣтъ ни заглавнаго листа, ни конца. Сохранились только семь печатныхъ листовъ (112 страницъ) талантливо иллюстрированныхъ Николаемъ Чеховымъ и вмѣстившихъ двѣнадцать далеко не лучшихъ изъ первыхъ вещей А. П—ча. Наиболѣе правдоподобно, что, кромѣ этихъ семи листовъ, и не было болѣе набора. Сюда вошли разсказы и наброски перепечатанные въ XXII и XVII тт. «Сочиненій»,—Жены артистовъ», «Папаша», «За двумя зайцами погонишься», «Въ вагонѣ», «Письмо къ ученому сосѣду» и др. и пародіи на разсказы Гюго, (Тысяча одна страсть», т. XXII), Жюль Верна (Летающіе острова», ibid) на испанскихъ авторовъ («Грѣшникъ изъ Толедо, т. XXII) Сохранившіеся листы обрываются на полуфразѣ.

Вѣроятно, вполнѣ согласно съ истиной предположеніе Каллаша о причинахъ невыхода сборн к ι изъ тисковъ. У юнаго Чехова не хватило денегъ на расплату съ типографіей. Изданіе было прервано по отпечатаніи всего лишь семи первыхъ листовъ.

Слѣдующій годъ былъ для Чехова счастливѣе. «Сказки Мельпомены» А. Чехонте въ этомъ году увидѣли свѣтъ (тип. Левенсонъ, 1884, 96 стр., ц. 60 к.). Показателемъ литературнаго роста Чехова явилось то, что изъ перваго предположеннаго сборника онъ ввелъ сюда всего лишь одинъ разсказъ—«Жены артистовъ», оче видно, осудивъ всѣ остальные, какъ слишкомъ слабые Всѣхъ разсказовъ въ сборникѣ было шесть—«Онъ и она» (см. т. XVII), «Трагикъ» (т. III), «Баронъ», «Месть», «Два скандала» (т. XVIII) и «Жены артистовъ» (т. XVII). Книжка печаталась въ кредитъ съ разсрочкою уплаты на четыре мѣсяца (П. Лейкину, 1886).

Первый и сочувственный отзывъ о книгѣ, вообще незамѣченной критикой, далъ старый товарищъ А. П. П. А. Сергѣенко въ какой-то провинціальной газетѣ.

Съ него-то начинается огромная критическая литература о Чеховѣ, которая теперь уже составляетъ цѣлую библіотеку.

Въ годъ окончанія университета Чеховъ сдѣлалъ первый дебютъ въ области театральной литературы и впервые воспринялъ огненное крещеніе драматической цензуры. 1884-мъ годомъ помѣчена его пьеска «На большой дорогѣ», подвергшаяся категорическому цензурному запрету.

Пьеска эта явившаяся для всѣхъ большой неожиданностью, когда впервые появилась совсѣмъ недавно въ 1914 г. вмѣстѣ съ «Записной Книжкой» Чехова, на самомъ дѣлѣ только передѣлка разсказа «Осенью» (Собр. соч. т. XVIII, 238).

Разсказъ написанъ еще въ 1883 г. («Будильникъ», 1883, № 37) и сюжетъ его одинаковъ съ сюжетомъ пьески. Внѣшняя обстановка и дѣйствующія лица разсказа почти всѣ сохранены. Дѣйствіе и тамъ, и здѣсь въ кабакѣ, ночью, поздней осенью. Въ пьесѣ мѣстомъ дѣйствія названа «одна изъ южно-русскихъ губерній». Вполнѣ допустимо, что судьба какого-то опустившагося барина, долго занимала Чехова. Быть-можетъ, нѣчто подобное было въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ зерно происшествія остается нетронутымъ и въ позднѣйшей переработкѣ. Женщина, погубившая хорошую мужскую душу, и тамъ и тутъ одинаково зовется Маріей Егоровной. Въ пьесу Чеховъ внесъ много новыхъ и интересныхъ типовъ, въ родѣ характернаго благороднаго бродяги Мерика, сохранившаго подъ сермягой душу живу. Индивидуализирована безличная компанія посѣтителей кабака и придѣлалъ совсѣмъ другой конецъ. Появленіе дамы, оказавшейся женой несчастнаго, неожиданный надрывъ Мерика, потребовавшаго отъ погубительницы участія къ пропащему мужу, вообще весь мелодрама-

тическій конецъ,—все это прибавлено позднѣе. Разсказъ оканчивался тѣмъ, что пожалѣвшій бѣднягу цѣловальникъ подносилъ ему безмездную рюмку. «Дождь лилъ и лилъ, и казалось, конца не будетъ этой подлой, темной осени».

Изъ внѣшнихъ фактовъ той же эпохи жизни Чехова выдѣляются еще два—вступленіе его въ 1885 году въ «Петербургскую Газету», бросившую имя Чехонте въ широкія петербургскія читающія массы, далекія отъ юмористическихъ журналовъ, и въ 1886 году приближеніе къ редакціи «Новаго Времени», возведшей его еще на одну ступень выше.

Ввелъ Чехова въ «Петербургскую Газету» Лейкинъ въ тѣ дни, когда всякому новому заработку Чеховъ былъ радъ, какъ маннѣ небесной. А. П—чъ былъ ему глубоко благодаренъ. «Насчетъ «Петербургской Газеты»,—писалъ онъ ему (28 апрѣля 1885 г.):—отвѣчаю согласіемъ и благодарственнымъ молебномъ по вашему адресу. Буду доставлять туда разсказы аккуратнѣе аккуратнаго».

Нужда въ деньгахъ была такая, что Чехову не приходилось отказываться даже отъ чистаго репортерства. Кажется, единственный разъ въ жизни, всецѣло уже ради заработка, онъ, сидѣвшій на пресловутомъ рыковскомъ процессѣ въ московскомъ окружномъ судѣ, предложилъ черезъ Лейкина свои услуги «Петерб. Газетѣ». Отчетъ устроился и читался съ интересомъ, давъ Чехову нѣсколько десятковъ лишнихъ рублей и нѣсколько минутъ досады на редакторскую безцеремонность.

«О Рыковѣ строчу въ «Петерб. Газету» ежедневно, писалъ онъ Лейкину, и, вѣроятно, на Худякова не потрафляю. Дѣло непривычное и сверхъ ожиданія тяжелое. Сидишь цѣлый день въ судѣ, а потомъ, какъ угорѣлый пишешь... Не привыкъ я къ такому оглашенному письму... Пишу скверно, а тутъ еще гг. кор-

ректоры стараются и починяютъ мое писанье. Пишу, напримѣръ: «Палата идетъ!», какъ и подобаетъ, а они, милые люди, исправляютъ: «Судъ идетъ!» Ужъ ежели они мнѣ не вѣрятъ, такъ нечего имъ было со мною и связываться... Противъ сокращеній я ничего не имѣю, ибо я новичокъ въ дѣлѣ судебной хроники, измѣнять же смыслъ не уполномачивалъ.» (1884).

До чего скроменъ былъ молодой Чеховъ въ гонорарномъ вопросѣ, показываютъ его письма къ Н. А. Лейкину, съ «Осколками» котораго А. П. установилъ отношенія съ ноября 1882 года. Его удивляетъ, что «Осколки» высылаютъ ему гонораръ правильно. Въ «Будильникъ» онъ привыкъ «ходить за трехрублевкой разъ по десяти». И это довольство малымъ — всего менѣе результатъ его матеріальнаго достатка. «Человѣкъ я семейный, неимущій... Деньги надобны... Мнѣ нельзя зарабатывать менѣе 150—180 р. въ мѣсяцъ, — иначе я банкротъ».

«Благодаря тому, что я живу большой семьей, — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ Лейкину: — у меня никогда не бываетъ на рукахъ свободной десятирублевки, а на поѣздку въ Питеръ, самую некомфортабельную и нищенскую, потребно minimum 50 руб. Гдѣ же мнѣ взять эти деньги? Выжимать изъ семьи я не умѣю, да и не нахожу это возможнымъ... Если я два блюда сокращу на одно, то я стану чахнуть отъ угрызеній совѣсти. Аллаху только извѣстно, какъ трудно мнѣ балансировать и какъ легко мнѣ сорваться и потерять равновѣсіе. Заработай я въ будущемъ мѣсяцѣ 20—30-ю рублями меньше, и, мнѣ кажется, балансъ пойдетъ къ чорту, я запутаюсь... Денежно я ужасно напуганъ и, вѣроятно, въ силу этой денежной, совсѣмъ не коммерческой трусости, я избѣгаю займовъ и авансовъ» (1885).

Въ ту пору молодому Чехову приходилось такъ мало роскошествовать, что пріобрѣтеніе новаго пальто онъ считалъ уже событіемъ, съ которымъ надо было поздравлять своего покровителя-редактора. «Поздравляю,— не всѣ ваши сотрудники ходятъ въ старыхъ пальто...

Здѣсь кстати сказать, что положеніе подневольнаго работника пера и человѣка, постоянно нуждающагося, ничѣмъ необезпеченнаго въ будущемъ еще очень долго было привычнымъ положеніемъ А. П—ча.

Уже въ 1887 г., обласканный судьбой, сдѣлавшій огромный шагъ впередъ, приглашенный въ серьезный журналъ, Чеховъ все еще бѣдствуетъ и въ перепискѣ изливаетъ свою «копѣечную скорбь».

«Ужасно,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ его къ Лейкину:—у меня 53 рубля—только! Приходится обрѣзывать себѣ крылья и облизываться тамъ, гдѣ слѣдовало ѣсть. Ѣзжу теперь въ III классѣ, и какъ только у меня останется въ карманѣ 20 рублей, тотчасъ же попру обратно въ Москву, чтобы не пойти по міру. Ахъ, будь у меня лишнихъ 200—300 рублей, показалъ бы я кузькину мать! Я бы весъ міръ изъѣздилъ! Гонораръ изъ «Петербургской Газеты» идетъ» въ Москву семьѣ. Возлагаю большія надежды на осколочный гонораръ».

Подобно письмамъ Достоевскаго, письма Чехова часто— сплошной вопль на безденежье.

«Вѣрите ли, заложилъ часы и золотую монету. Ужасно глупое положеніе!..»

Онъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои таланты и знанія, чтобы добыть денегъ,—и писательствуетъ, и лѣчитъ. Ему постоянно мѣшаютъ то семейныя заботы, то родня, то паціенты.

«Такъ я утомленъ, очумѣлъ и обалдѣлъ, что голова

кругомъ ходитъ. Въ квартирѣ у меня вѣчная толкотня, гамъ, музыка... Въ кабинетѣ холодно, паціенты»...

«Не знаю, какъ у Зола и Щедрина, но у меня угарно и холодно...» (Киселевой, 1886 г).

Всюду меня встрѣчаютъ съ почетомъ, но никто не догадается дать рублей 1000—2000...» (Шехтелю, 1887).

Крутыя минуты случаются у А. П., перевалившаго и за 30 лѣтъ.

«Я яко нагъ, яко благъ и зубы положилъ на полку. Если вы въ самомъ скоромъ времени пришлете мнѣ деньжонокъ, то уподобитесь водоносу, встрѣчающемуся путнику въ пустынѣ». (Тихонову, 1891).

Матеріальный вопросъ для А. П. всегда столь существенный вопросъ, что подъ угломъ его онъ оцѣниваетъ и такія явленія, какія, казалось, бы стоили и болѣе высокихъ идейныхъ оцѣнокъ и сожалѣній.

«Получилъ отъ Плещеева траурное письмо: «Сѣверный Вѣстникъ» приказалъ долго жить. Старикъ лишился заработка и ругаетъ Евреинову съ пыломъ молодого поэта. Но я-то влопался! Во-первыхъ, *за какимъ же чертомъ я обкрадывалъ себя*, за какимъ дьяволомъ я «поддерживалъ» изданіе, которое околѣло? Если бъ я могъ знать, что это случится, то работалъ бы въ «Вѣстникѣ Европы» гдѣ *мнѣ платили бы не 150 руб.* за листъ и не въ разсрочку. Во-вторыхъ, я разсчитывалъ, что покойный журналъ дастъ мнѣ на дорогу 200—300 рублей и потомъ все лѣто будетъ высылать моему бѣдному благородному семейству по 50 р. въ мѣсяцъ—и вдругъ трахъ! Никакія акціи никогда такъ низко не падали, какъ мои сахалинскія!» (1890).

Чеховымъ, уже признаннымъ, уже читаемымъ всей Россіей въ «Новомъ Времени», иногда овладѣваетъ просто безнадежность, отчаяніе, сознаніе невозможности

исправить свое положенiе никакими временными поправками и получками.

«Спасибо за пятачковую прибавку, благодарить онъ Суворина. — Увы!—ей не поправить моихъ дѣлъ! Чтобы нажить капиталы, какъ Вы пишете, и вынырнуть изъ пучины грошовыхъ заботъ и мелкихъ страховъ, для меня остался только одинъ способъ — безнравственный. Жениться на богатой или выдать «Анну Каренину» за свое произведенiе. А такъ какъ это невозможно, то я махнулъ на свои дѣла рукой и предоставилъ имъ течь, какъ имъ угодно» (1891).

А. П. не разъ признается, что напрягаетъ свои силы елико возможно.

— «Изъ того, что я пишу мало, нельзя заключать, что я лѣнтяй. Я занятъ цѣлый день до того, что въ театрѣ еще ни разу не былъ за всю осень. Слѣдить за наукой и работать—большая разница. Рукописей я не перебѣляю. Чаще всего я отсылаю черновики, перебѣляю только для «Осколковъ» (Лейкину).

X

Самая обстановка, въ которой шла иногда работа юнаго Чехова, была поистинѣ трагикомической. Всего лучше эта пора освѣщена А. П-чемъ въ письмахъ его къ Лейкину. Этого писателя Чеховъ считалъ своимъ воспреемникомъ. Онъ писалъ ему: «вы — мой крестный батька». Это было не совсѣмъ точно Еще до «Осколковъ» Чеховъ уже печатался въ «Стрекозѣ», «Будильникѣ», «Зрителѣ». Но Лейкинъ былъ дѣйствительно первымъ писателемъ съ именемъ, который пригрѣлъ начинающаго юмориста.

Вотъ что писалъ ему А. П. о внѣшнихъ условiяхъ своей работы:

«...Пишу при самыхъ гнусныхъ условiяхъ. Передо

мной моя литературная работа, хлопающая немилосердно по совѣсти; въ сосѣдней комнатѣ кричитъ дѣтенышъ пріѣхавшаго погостить родича, въ другой комнатѣ отецъ читаетъ матери вслухъ «Запечатлѣннаго Ангела». Кто-то завелъ шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную». Для пишущаго человѣка гнуснѣй этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята пріѣхавшимъ сродственникомъ, который то и дѣло подходитъ ко мнѣ и заводитъ рѣчь о медицинѣ. Обстановка безподобная!»...

Молодость и здоровье, впрочемъ, позволяютъ А. П-чу переносить тяготы первыхъ шаговъ безъ особенной горечи. Въ шуткѣ и весельѣ распылялись и самыя неудачи. Вотъ, напримѣръ, «свидѣтельство», выданное А. П. его брату Михаилу, на случай полученія гонорара.

«Дано сіе студенту императорскаго московскаго университета Михаилу Павловичу Чехову, православнаго вѣроисповѣданія, въ удостовѣреніе, что онъ состоитъ съ 1865 года моимъ роднымъ братомъ и уполномоченъ мною брать въ редакціяхъ, въ коихъ я работаю, денегъ, сколько ему потребно, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣряю. Врачъ А. П. Чеховъ.— Москва, 1886 года, января 15 дня».

На «свидѣтельствѣ», дѣйствительно, была наварена сургучная печать. И М. П. Чеховъ, дѣйствительно, получалъ по этому «свидѣтельству» гонораръ по московскимъ редакціямъ.

Чеховъ молодъ, веселъ, жизнерадостенъ, хотя ему и возвращаютъ кое-что изъ рукописей обратно, и писать ему приходится подъ чтеніе вслухъ и визгъ домашней шарманки. Онъ еще совершенно здоровъ, а нетребователенъ настолько, что «Осколки» могутъ привести его въ восторгъ. «Не подгуливай ваши передовицы,— прелесть былъ бы журналъ!».

Общительный нравъ требуетъ гостей и пріемовъ, А. П. не можетъ обойтись безъ людей и устраиваетъ у себя на Якиманкѣ «журфиксы», посѣщаемые бѣдной молодежью изъ студентовъ и консерваторцевъ. (БЧ.).

Литературныя знакомства его еще крайне ограничены. Все это московскіе начинающіе маленькіе поэты и прозаики. Уже крупнѣйшіе изъ нихъ—Пушкаревъ и Пальминъ.

Скромность его прямо невѣроятна по нынѣшнимъ временамъ. Онъ посылаетъ Лейкину свои мелочи, и самъ проситъ о строгости къ нимъ

«Выбирайте и, ради Бога, не церемоньтесь. Данною вамъ отъ Бога властью херьте все неудобное и подозрѣваемое въ негодности.,. Если вы даже вовсе похерите мои замѣтки и скажете мнѣ: «пасъ!»—то и это я приму съ легкою душою. Мнѣ дороги не мои интересы, а интересы Осколковъ. Къ Стрекозамъ и Будильникамъ я отношусь индиферентно, но печалюсь, если вижу въ Осколкахъ что-либо не вытанцовавшееся, мое или чужое—признакъ, что мнѣ близко къ сердцу ваше дѣло». (1883).

Матеріалы поплоше онъ сбываетъ въ Москвѣ,—въ «Будильникѣ», «Зрителѣ» и т. п. «органчикахъ».

«Въ матушкѣ-Москвѣ все сойдетъ. Сходили мои иностранные романы, сойдутъ и рисунки брата».

Тою же необычайною скромностью диктована боязнь А. П-ча баллотироваться въ Пушкинскій кружокъ. «Я счелъ бы, какъ и каждый простой смертный, за великую честь для себя быть членомъ литературнаго кружка, писалъ онъ Лейкину.—Я честолюбивъ. Но я боюсь, грѣшный человѣкъ, чтобы меня не прокатили на вороныхъ. Работаю я недавно (5 лѣтъ), неизвѣстенъ, а потому нельзя будетъ упрекнуть оныхъ вороныхъ въ отсутствіи логики...» И онъ отклонилъ соблазнительное предложеніе пріятелей.

Письма Чехова къ Лейкину рѣдѣютъ къ концу 80-хъ годовъ. Вошедшій въ настоящую литературу, обратившійся къ глубокому психологическому творчеству, Чеховъ, очевидно, и не хотѣлъ, и органически не могъ оставаться прежнимъ вкладчикомъ «Осколковъ». Письма стали рѣже и вовсе оборвались на 1892 году. Отъ 1900 г. въ книжкѣ есть только одно письмо Лейкину—краткій, въ нѣсколько строкъ, привѣтъ ему къ 40-лѣтнему юбилею.

По счастью, въ полную противоположность работѣ зрѣлыхъ годовъ, литературный трудъ давался А. П—чу большею частью необычайно, иногда фантастически легко.

«Онъ писалъ быстро, какъ бы мимоходомъ, какъ пишетъ журналистъ,—записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. С. Суворинъ [1]).—Онъ мнѣ говорилъ, что одинъ изъ своихъ разсказовъ написалъ въ купальнѣ, лежа на полу, карандашомъ, положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ. Такіе разсказы его походили на анекдоты и вращались въ публикѣ. Разъ на Волгѣ, на пароходѣ, одинъ офицеръ сталъ ему разсказывать его же разсказы, увѣряя, что это случилось съ его знакомыми и съ нимъ, офицеромъ».

«—Знаете, какъ я пишу свои маленькіе разсказы?—спросилъ однажды А. П. Короленко».

«И онъ,—пишетъ Вл. Г. въ своихъ воспоминаніяхъ:—оглянулъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь,—это оказалась пепельница,—поставилъ ее передо мною и сказалъ:

«— Хотите,—завтра будетъ разсказъ, заглавіе «Пепельница»?

---

[1]) А. Суворинъ, Маленькое письмо о Чеховѣ, «Н. Вр.», 1904, 4 іюля.

«И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшіе своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ...»

«Помнится,—разсказываетъ Баранцевичъ,—что въ теченіе недѣльнаго пребыванія моего у А. П. (въ Сумахъ) онъ всего одинъ или два раза дѣлалъ попытки писать, чуть ли не тутъ же у всѣхъ на глазахъ. Такъ называемая «комната А. П.» всегда была занята людьми, всегда въ ней кто-нибудь да находился. Съ перваго же дня моего пріѣзда въ этой комнатѣ, на письменномъ столѣ, я увидѣлъ нѣсколько четвертушекъ бумаги, и на одной изъ нихъ что-то набросанное характернымъ почеркомъ А. П. Въ день моего отъѣзда четвертушки бумаги лежали на прежнемъ мѣстѣ и издали, наглазъ, можно было видѣть, что къ начатому не прибавлено ничего. Всѣ, кто ни бывали въ этой комнатѣ,— а бывали въ ней многіе, разъ даже я увидѣлъ какого-то сельскаго учителя съ гитарой, по справкѣ у А. П. оказавшагося ему почти незнакомымъ,—всѣ бывшіе здѣсь могли свободно читать, что началъ писать А. П.—Чеховъ не скрывалъ своихъ произведеній.

«Создавалъ онъ ихъ втихомолку, занося въ записную книжку образы и мысли, занося, гдѣ придется дома, за обѣдомъ, ночью, на ступенькахъ крыльца (онъ особенно любилъ сидѣть за полночь на ступенькахъ крыльца), на лодкѣ, въ полѣ, гуляя,—и эту свою записную книжку, должно-быть, берегъ и пряталъ, потому что я никогда нигдѣ ее не видѣлъ,—но разъ образы нашли свое мѣсто, а мысли надлежащее выраженіе,—А. П. не считалъ нужнымъ таиться и бросалъ свою рукопись открытой на столѣ».

Не только свои шаржи въ «Осколки», но даже плѣнительные изъ своихъ «субботниковъ» въ то время онъ писалъ набѣло, порою буквально безъ единой помарки. Но передъ тѣмъ, какъ перенести двѣ-три фразы на бумагу, Чеховъ долго и тщательно обдумывалъ ихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ писалъ Грузинскому:

«Надо, чтобы каждая фраза, прежде чѣмъ лечь на бумагу, пролежала въ мозгу дня два и обмаслилась».

«Прежде бывало я писалъ, какъ птица поетъ,—говорилъ онъ Г. С. Петрову.—Сяду и пишу. Не думаю, какъ и о чемъ. Само писалось. Я могъ писать когда угодно. Написать очеркъ, разсказъ, сценку мнѣ не стоило никакого труда. Я, какъ молодой теленокъ или жеребенокъ, выпущенный на вольный и свѣтлый просторъ, прыгалъ, скакалъ, брыкался, махалъ хвостомъ, моталъ смѣшно головою. Было самому весело, и, со стороны, должно-быть, выходило очень смѣшно. Я самъ иногда беру теперь прежніе разсказы, читаю и смѣюсь. Думаю: «вотъ, какъ писалъ».

Въ этой легкости работы до извѣстной степени лежало объясненіе и того несерьезнаго взгляда Чехова на свое писательство, какое долго держалось въ немъ, и многочисленныя свидѣтельства какого оставлены самимъ А. П., начиная съ знаменитаго письма-исповѣди Д. В. Григоровичу. Уже извѣстный, уже увѣнчанный пушкинской преміей, Чеховъ еще поддерживаетъ этотъ реально-циническій взглядъ на свою профессію въ письмѣ къ брату Ал. П., когда Суворинъ поставилъ на очередь вопросъ, удачна ли для Александра Павловича подпись «Ал. Чеховъ» въ газетѣ, гдѣ знаютъ и любятъ Антона Чехова. Какъ извѣстно, Антонъ Павловичъ отвѣтилъ полнымъ безразличіемъ на это якобы посягательство на его фирму, а попутно уронилъ мысли въ духѣ мудраго Екклезіаста:

«Смертнаго часа намъ не миновать, жить еще придется недолго, а потому я не придаю серьезнаго значенія ни своей литературѣ, ни своему имени, ни своимъ литературнымъ ошибкамъ. Это совѣтую и тебѣ. Чѣмъ проще мы будемъ смотрѣть на щекотливые вопросы въ родѣ затронутаго С., тѣмъ ровнѣе будутъ и наша жизнь, и наши отношенія» (1888).

Достаточно безразличенъ былъ въ эту пору Чеховъ и ко всякимъ лагерямъ и направленіямъ. «Я буду печататься хоть на подоконникѣ,—сказалъ онъ одному знакомому,—лишь бы знать, что меня читаютъ». «Изъ всѣхъ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный и несерьезный,—признавался онъ Короленко,—я на замѣчаніи,—выражаясь языкомъ поэтовъ,—свою чистую музу я любилъ, но не уважалъ, измѣнялъ ей и не разъ водилъ ее туда, гдѣ ей не подобаетъ быть»

Даже тогда, когда А. П. сознавалъ дѣйствительную цѣну своего писательства, онъ готовъ былъ умалять его значеніе, а самъ лично получалъ мало удовлетворенія отъ труда.

«Пріятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики?—спрашивалъ онъ Суворина.—Самъ я отъ своей работы, благодаря ея мизерности и кое-чему другому, удовлетворенія не чувствую, публика же недобросовѣстна и неискренна, никогда отъ нея правды не услышишь, и потому не разберешь, нуженъ я ей или нѣтъ. Рано мнѣ жаловаться, но никогда не рано спросить себя: дѣломъ я занимаюсь, или пустяками? Критика молчитъ, публика вретъ, а чувство мое мнѣ говоритъ, что я занимаюсь вздоромъ». (1888).

Характерно отмѣтить, что съ годами необычайная легкость писанія отлетѣла отъ Чехова. Еще вовсе

не позднія, еще относящіяся къ порѣ полнаго расцвѣта таланта вещи его, какъ даже поистинѣ блестящая «Палата № 6», давались ему уже съ большимъ усиліемъ, и—что особенно характерно—самая работа не только не увлекала его, но казалась скучною. Въ 1893 г. Л. Гуревичъ онъ писалъ:

«Давать опредѣленныя обѣщанія и держать ихъ я не могу, такъ какъ пишу вообще медленно, вяло, съ длинными антрактами, пишу и передѣлываю и часто, не окончивъ, бросаю. Работа скучная, и потому я работаю всякій разъ со скукой. Сказать, когда я кончу и пришлю разсказъ или повѣсть, для меня такъ же нелегко, какъ предсказать затменіе солнца».

Въ послѣдніе годы творчество А. П. стало для него уже прямо тяжелымъ трудомъ. «Пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю», — такъ опредѣляетъ онъ свою работу въ 1897 г. въ письмѣ къ одной литературной знакомой (П. V, I). Въ послѣдній періодъ онъ не писалъ, а какъ самъ шутя говорилъ про себя: «рисовалъ». Одно время, уже въ Крыму, Чеховъ поправлялъ написанный новый разсказъ черными чернилами въ первый разъ, потомъ по поправленному шелъ какими-нибудь цвѣтными чернилами—второй разъ, другими цвѣтными чернилами—третій разъ,—это онъ и называлъ «рисую». Затѣмъ уже разсказъ переписывался набѣло опять черными чернилами, всегда на четвертушкѣ писчей бумаги мелкимъ, угловатымъ почеркомъ, всегда самимъ авторомъ, и если не подвергался еще разъ обработкѣ, то въ такомъ видѣ «безъ помарки» поступалъ обыкновенно въ редакцію (М. Л. въ «Туркест. Вѣд.», № отъ 26 февр., 1910).

«Я пишу разсказъ для Cosmopolis'a,—пишетъ онъ въ 1897 г.:—пишу туго, урывками. Обыкновенно я пишу медленно, съ напряженіемъ, здѣсь же въ номерѣ, за

чужимъ столомъ, въ хорошую погоду, когда тянетъ наружу, пишется еще хуже».

«Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внѣшность разсказа,—объясняетъ онъ другому лицу:—обыкновенно въ ней я заканчиваю разсказъ и исправляю его, такъ сказать, съ музыкальной стороны»

XI

Но уже и въ молодости, конечно, бывало такъ, что подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій самый трудъ давался Чехову далеко не съ прославившей его легкостью.

«Въ настоящее время,—пишетъ онъ Лейкину въ 1886 г.:—я изображаю изъ себя человѣка обалдѣлаго и замученнаго. Три недѣли выжималъ изъ себя святочный разсказъ для «Новаго Времени», пять разъ начиналъ, столько же разъ зачеркивалъ, плевалъ, рвалъ, металъ, бранился и кончилъ тѣмъ, что опоздалъ и послалъ Суворину плохую тянучку, которая, вѣроятно, полетитъ въ трубу. Такъ мучился, что тысячи цѣлковыхъ гонорара мало... Сегодня у меня мать именинница, я отдыхаю и не вѣрю своимъ глазамъ, что я отдыхаю.

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ тому же лицу:

— «Опять я не шлю разсказа... Что сей сонъ значитъ, я и самъ не знаю... Моя голова совсѣмъ отбилась отъ рукъ и отказывается сочинительствовать... Всѣ праздники я жилился, напрягалъ мозги, пыхтѣлъ, сопѣлъ, разъ сто садился писать, но все время изъ-подъ моего «бойкаго» пера выливались или длинноты, или кислоты, или тошноты, которыя не годятся для «Осколковъ» и такъ плохи, что я не рѣшался посылать ихъ, дабы не конфузить своей фамиліи».

«Въ «Новое Время» я не посылалъ ни одного разсказа, въ «Газету» кое-какъ смерекалъ два разсказа, и на какіе шиши я буду жить въ февралѣ, Богъ вѣсть. Вы вообще скептикъ и не вѣрите въ немощи человѣческія, но увѣряю васъ честнѣйшимъ словомъ: вчера, отъ утра до ночи, весь день я промаялся надъ разсказомъ для «Осколковъ», потерялъ время и легъ спать, не написавъ странички... О лѣности или нежеланіи не можетъ быть и рѣчи... Если вы будете негодовать и браниться, то будете неправы. Виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія»!

Скромность и неувѣренность А. П. въ своихъ силахъ были настолько велики, что уже тогда, когда онъ успѣлъ напечатать сотни разсказовъ, подъ псевдонимомъ никто изъ его товарищей по университету, какъ мы уже видѣли, не зналъ, что «А. Чехонте»—онъ. «Знали, что я пишу гдѣ-то, что-то и—баста». Не носился онъ со своимъ писательствомъ и въ семьѣ. О своей матери, которую онъ очень любилъ, Чеховъ какъ-то сказалъ: «Мамаша до сихъ поръ думаетъ, что я пишу стихи».

Юмористическій жанръ требовалъ такихъ жертвъ себѣ, что А. П. иногда считалъ нужнымъ даже скрывать свое новое «произведеніе» отъ домашнихъ. Въ однихъ изъ воспоминаній о немъ (А. Грузинскаго) разсказанъ комическій случай, какъ А. П., самъ спрятавшій вкладной листъ «Осколковъ», съ какимъ-то скабрезнымъ рисункомъ, притворно «помогалъ» сестрѣ, заинтересовавшейся нумеромъ, найти его.

Были и нѣкоторыя «политическія» соображенія, заставлявшія Чехова умалчивать о своемъ писательствѣ. Въ своихъ обзорахъ московской жизни онъ трогалъ не только явленія, но и лицъ. Въ 1883 г. онъ писалъ Лейкину,—«я уже два раза съѣлъ за свои замѣтки «под-

леца» отъ самыхъ искреннихъ моихъ, а А. М. Д. разсказывалъ мнѣ, что онъ знаетъ, кто этотъ Руверъ(псевдонимъ, которымъ подписывался А. П.). Онъ въ Петроградѣ живетъ... Ему отсюда посылается матеріалъ... Талантливъ, бестія!..»

Скоро тайну и совсѣмъ не удалось сохранить, и Чеховъ просилъ Лейкина перемѣнить подпись. «Теперь уже всѣ знаютъ, что я—Руверъ, Пушкаревъ совсѣмъ разобидѣлся, Мясницкій обидится. Всѣ знакомы,—хоть перо бросай. Пускайте безъ подписи, а я буду говорить, что я уже бросилъ фельетоны писать. Если же безъ подписи нельзя, то подпишите какую-нибудь букву (И. В., напримѣръ).»

Не былъ свободенъ уже и этотъ ранній періодъ дѣятельности Чехова отъ неизбѣжныхъ тучекъ зависти и недоброжелательства. Зависть—родная сестра удачи и извѣстности. По словамъ Амфитеатрова, Чеховъ очень рано познакомился съ товарищескою завистью.—«Редакторъ «Будильника», А. Д. Курепинъ дважды показывалъ мнѣ анонимныя письма, якобы читательскія, которыя получалъ онъ—съ упреками, зачѣмъ «Будильникъ» помѣщаетъ такъ много «бездарной» прозы «скучнаго» Антоши Чехонте и мало удѣляетъ мѣста высокоталантливымъ произведеніямъ нѣкотораго псевдонима, захватывающимъ читателя, привлекающимъ публику и дѣлающимъ честь журналу». Подобныхъ писемъ, по словамъ Курепина, онъ получалъ много. Амфитеатровъ утверждаетъ, что, по сличеніи почерковъ, авторомъ продѣлокъ оказался самъ высокоталантливый псевдонимъ. И это былъ не только не чужой, но даже довольно близкій Чехову человѣкъ.

Съ момента вступленія Чехова въ «Новое Время» начинается въ его жизни новая эра. Не столько фактъ перехода въ большую и литературную газету, не столько

улучшеніе его матеріальнаго положенія, сколько самое знакомство его съ А. С. Суворинымъ играло здѣсь роль.

Исторію вступленія А. П. въ 1886 г. въ «Новое Время» одинъ изъ его пріятелей передаетъ съ его словъ такимъ образомъ.

— «Кое-какіе изъ моихъ «понедѣльниковъ» «Петербургской Газеты» обращали на себя вниманіе въ Петербургѣ. Когда въ «Петербургской Газетѣ» появился мой «Егерь», разсказываютъ, что Григоровичъ поѣхалъ къ Суворину и началъ говорить: «Алексѣй Сергѣевичъ, пригласите же Чехова! Прочтите его «Егеря»! Грѣхъ его не пригласить!» Суворинъ написалъ Курепину (А. Д. Курепинъ велъ тогда московскій фельетонъ въ «Новомъ Времени» и отлично зналъ Чехова по «Будильнику»), а Курепинъ пригласилъ меня и торжественно, важно объявилъ мнѣ, что меня зовутъ въ «Новое Время»! И даже далъ пару совѣтовъ, что и какъ написать!» Первый разсказъ, который я напечаталъ въ «Новомъ Времени», былъ—«Панихида». Онъ шелъ не въ фельетонѣ, а выше, надъ фельетономъ. Кажется, имъ открылся рядъ «субботниковъ» въ «Новомъ Времени», беллетристическихъ вещей, печатавшихся въ газетѣ подъ такимъ заголовкомъ по субботамъ. И «Панихиду» я подписалъ псевдонимомъ «Чехонте», но редакція «Новаго Времени» телеграммой просила у меня разрѣшенія поставить подъ разсказомъ фамилію. Я разрѣшилъ. Позже Суворинъ писалъ мнѣ о томъ же. Сказать по правдѣ, тогда я жалѣлъ, что такъ вышло. Я подумывалъ кое-что напечатать въ медицинскихъ журналахъ и хотѣлъ оставить фамилію для серьезныхъ статей». (А. Грузинскій, «Рус. Правда», 1904 г.)

Сохранилось первое письмо Чехова къ Суворину, послѣ его предложенія, сдержанное, полное такта,

именующее Суворина еще «милостивымъ государемъ». «Благодарю васъ,—пишетъ здѣсь А. П.,—за лестный отзывъ о моихъ работахъ и за скорое напечатаніе разсказа. Какъ освѣжающе и даже вдохновляюще подѣйствовало на мое авторство любезное вниманіе такого опытнаго и талантливаго человѣка, какъ вы, можете судить сами». (1886 г. 21 февр.).

Вступленіе въ «Н. В.» имѣло для А. П. огромное матеріальное значеніе. Позднѣе онъ признавался Суворину, что, начавъ работать здѣсь, онъ «почувствовалъ себя въ Калифорніи». Полученіе какихъ-то 232 рублей отъ Суворина въ одинъ пріемъ повергло его просто въ недоумѣніе. «Чудеса! Я просто глазамъ своимъ не вѣрю» (М. Г. Чехову, 1886). Правда, это впечатлѣніе было бѣглымъ и не удержалось долго.

Моральное же вліяніе перехода въ «Н. В.» было огромно. Съ этой минуты Чехова начала узнавать читающая Россія, а не одинъ скромный читатель «Петерб. Газеты». Доказательства этого посыпались на молодого Чехова отовсюду. «Въ «Новомъ Времени» я описалъ Святыя Горы, писалъ онъ Г. М. Чехову. Одинъ молодой человѣкъ, архіерейскій племянникъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ три архіерея читали это описаніе: одинъ читалъ, а двое слушали. Понравилось. Значитъ и въ Св. Горахъ понравилось» (1887).

Смѣло вступая въ газету Суворина, А. П., впрочемъ достаточно ясно видѣлъ, что это учтетъ ему, какъ вину либеральный лагерь. Можетъ-быть, даже печальная мысль о загражденіи отнынѣ путей въ толстый журналъ предносилась ему.

«Крупное напишу,—писалъ онъ Билибину, но съ условіемъ, что вы найдете этому крупному мѣсто среди избранныхъ толстой журналистики... Надо полагать, послѣ дебюта въ «Нов. Времени» меня едва ли пустятъ

теперь во что-нибудь толстое... Какъ Вы думаете? Или я ошибаюсь?» (1886)

Онъ ошибался, потому что исключительный талантъ ставилъ его въ исключительное положеніе, недопустимое для другихъ.

XII

Отъ начала литературнаго пути до сотрудничества въ «Новомъ Времени», откуда уже видна настоящая большая дорога Чехова, проходитъ цѣлое пятилѣтіе слишкомъ. Какова можетъ быть идейная оцѣнка этихъ лѣтъ въ чеховской біографіи? Два мнѣнія о нихъ едва ли возможны. Очень жалко, что Чеховъ не сразу вышелъ на истинный путь беллетриста художника. Очень печально, что онъ безпощадно размѣнивался на мелочи. Очень досадно, что въ руководители и крестные отцы судьба послала ему Лейкина, а не идейнаго и глубокаго писателя.

Насколько были благотворны уроки Лейкина юному Чехову, это даже не вопросъ. Иногда они были несомнѣнно вредны ему, порою гибельны, когда, напримѣръ, Лейкинъ, знакомство съ которымъ символически началось въ портерной, требовалъ отъ А. П. многописанія, подкрѣпляя, очевидно, совѣтъ ссылкою на самого себя. Со скромностью, которая была безъ сомнѣнія искреннею, Чеховъ считалъ, что между нимъ и Лейкинымъ еще непомѣрное разстояніе. «Зачѣмъ вы въ дѣлѣ скоро и многописанія меня сравниваете съ собой? Литература ваша спеціальность... На вашей сторонѣ опытъ, увѣренность въ самого себя, (sic) министерское содержаніе... А я, пишущій безъ году недѣлю, знающій иную спеціальность, неувѣренный въ доброкачественности своихъ изверженій, не имѣющій отдѣльной комнаты для письма и волнуемый страстями... могу ли я поспѣть за вами? Если буду писать двадцатую часть того, что вы пишете, то и за это слава Богу...»

Лейкинъ требовалъ смѣха и смѣха, и этимъ въ значительной мѣрѣ надо объяснять производство Чеховымъ тѣхъ, иногда и неостроумныхъ пустячковъ, которые не стоитъ перепечатывать въ его «полномъ собраніи». Безспорно, что иногда самому Чехову становилось нудно отъ этихъ потугъ вѣчнаго остроумничанья:

«Правду сказать, трудно за юморомъ угоняться! Иной разъ погонишься за юморомъ, да такую штуку сморозишь, что самому тошно станетъ. Поневолѣ въ область серьеза лѣзешь».

Въ погонѣ за краткостью, которой долженъ былъ требовать Лейкинъ по характеру своего изданьица, Чехову иногда приходилось черкать и обезкровливать, можетъ - быть, лучшія вещицы. Иногда, по собственному признанію, онъ уничтожалъ «самую суть» пьески. «Я писалъ и то и дѣло херилъ, боясь пространства. Вычеркнулъ вопросы экзаменаторовъ-уѣздниковъ и отвѣты почтоваго пріемщика—самую суть экзамена». (!) (Лейкину, 1884).

Эти внѣшнія условія работы, въ какія Лейкинъ нѣсколько лѣтъ ставилъ Чехова, практически видя въ немъ полезную силу и не имѣя высокаго благородства—отказаться отъ своей личной выгоды ради выгодъ будущаго таланта,—порою переходили въ чистое издѣвательство, въ угашеніе духа и надо было быть толстокожимъ, чтобы не внимать истиннымъ воплямъ хрупкаго таланта, впряженнаго въ телѣгу, таскающую грузъ. Подыскивая возможно легкія выраженія, Чеховъ стоналъ передъ Лейкинымъ (1883). «Сознаюсь, рамки «отъ сихъ» и «до сихъ» приносятъ мнѣ не мало печали. Мириться съ этими ограниченіями бываетъ иногда очень нелегко. Напримѣръ, вы не признаете статей выше ста строкъ, что имѣетъ свой резонъ. У меня есть тема. Я сажусь писать. Мысль о «100 и не больше» толкаетъ

меня подъ руку съ первой же строчки. Я сжимаю, елико возможно, процѣживаю, х е р ю и и н о г д а (какъ подсказываетъ мнѣ авторское чутье) в ъ у щ е р б ъ и т е м ѣ и г л а в н о е ф о р м ѣ. Сжавъ и процѣдивъ, я начинаю считать. Насчитавъ сто, сто двадцать, сто сорокъ,—больше я не писалъ въ «Осколки»—я пугаюсь и... не посылаю. Чуть только я начинаю переваливаться на четвертую страницу почтоваго листа малаго формата,—меня начинаютъ ѣсть сомнѣнія и я... не посылаю. Чаще всего приходится наскоро пережевывать конецъ и посылать не то, что хотѣлось бы». Лейкинъ готовилъ изъ Чехова сотрудника «Осколковъ», и съ этой точки зрѣнія поощрялъ его. Но это было слишкомъ ничтожное предъявленіе. Поэтому первыя похвалы сколько-нибудь серьезнымъ работамъ А. П., хотя бы его разсказамъ въ «Пет. Газетѣ», напримѣръ, Билибина,—заставили А. П. просто растеряться.

«Радуюсь, что мои «штуки» въ «Пет. Газ.» нравятся вамъ, но Аллахъ керимъ!—своими акаѳистами вы всѣ окончательно испортили мою механику. Прежде, когда я не зналъ, что меня читаютъ и судятъ, я писалъ безмятежно, словно блины ѣлъ, теперь же пишу и боюсь...» (1886).

Для Лейкина—все было хорошо и все подъ стать его сѣрому читателю. Строгаго суда художника Чеховъ долго не слышалъ надъ собою и услышалъ его впервые чуть ли не отъ Григоровича. Писатель-обыватель, Лейкинъ едва ли когда-нибудь могъ навести юнаго собрата на мысль о томъ, что помимо практикуемаго ими зубоскальства, есть писательство, какъ священство, какъ самоотреченіе, какъ борьба, что и сейчасъ еще есть писатели съ завѣтами Гоголя и Бѣлинскаго, что писатель долженъ итти и вести къ опредѣленнымъ задачамъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что Чеховъ скоро со-

зналъ ту невысокую роль, какую въ его жизни игралъ Лейкинъ. Старый писатель, опытъ котораго, конечно, сразу могъ подсказать ему, съ кѣмъ онъ столкнулся, предпочелъ широко использовать талантливаго юношу для цѣлей своего изданія вмѣсто того, чтобы сразу и рѣшительно указать ему настоящій его путь, предостеречь отъ долгихъ годовъ мелочного размѣна, «прогнать» изъ того мало пристойнаго мѣста, куда онъ попалъ по недоразумѣнію или неблагосклонности судьбы.

Попади Чеховъ сразу въ руки большого писателя, въ родѣ Некрасова или Салтыкова, ему не пришлось бы проходить задворками, которые онъ позднѣе стыдился называть, работать въ такихъ изданіяхъ и въ такомъ жанрѣ, какіе потомъ надо было заставить публику и критику забыть. Только огромный, ничѣмъ неугасимый талантъ помогъ ему спастись отъ гибели, преодолѣть колоды, которые ставили ему на пути къ звѣздамъ всевозможныя «Развлеченія» и «Осколки».

Неудивительно, что «прозрѣвъ» и увидѣвъ въ настоящемъ свѣтѣ и свою раннюю дѣятельность, и лейкинскія «поощренія» его таланта во имя сотни лишнихъ подписчиковъ для юмористическаго курятника,—А. П. и самую личность Лейкина оцѣнилъ немножко по иному, чѣмъ оцѣнивалъ въ двадцать четыре года.

«Это добродушный и безвредный человѣкъ,—характеризуетъ онъ его въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ,—но буржуа до мозга костей. Онъ, если приходитъ куда или говоритъ что-нибудь, то непремѣнно съ задней мыслью. Каждое свое слово онъ говоритъ строго обдуманно, и каждое ваше слово, какъ бы оно ни было случайно сказано, мотаетъ себѣ на усъ въ полной увѣренности, что ему, Л., это такъ нужно, иначе книги его не пойдутъ, враги восторжествуютъ, друзья покинутъ, кредитка прогонитъ... Лисица каждую минуту бо-

ится за свою шкуру, такъ и онъ. Тонкій дипломатъ! Если говоритъ обо мнѣ, то это значитъ, что онъ хочетъ бросить камешекъ въ огородъ «нигилистовъ», которые меня испортили (Михайловскій), и брата Александра, котораго онъ ненавидитъ. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ меня предостерегаетъ, пугаетъ, совѣтуетъ, открываетъ мнѣ тайны... Несчастный хромой мученикъ! Могъ бы покойно прожить до самой смерти, но какой-то бѣсъ мѣшаетъ!» (Суворину, 1888). Одному изъ своихъ литературныхъ товарищей А. П. разсказывалъ, что знакомство его съ Билибинымъ началось съ того, что «оба сразу какъ бы сговорившись начали ругательски ругать Лейкина» [1]).

Только закаляющее значеніе могъ придавать А. П. этому періоду «лицейской литературы», когда оглядывался на нее въ минуту благодушія впослѣдствіи. Онъ дѣйствительно могъ чувствовать свою высокую авторскую гибкость и видѣть свою закаленность для будущихъ литературныхъ боевъ. «Я тоже не дамся фортунѣ живой въ руки,—писалъ онъ Плещееву.—Хотя у меня и нѣтъ того, что есть у Короленко, зато у меня есть кое-что другое. У меня въ прошломъ масса ошибокъ, какихъ не зналъ Короленко, а гдѣ ошибки, тамъ и опытъ. У меня, кромѣ того, шире поля брани и богаче выборъ: *кромѣ романа* [2]), *стиховъ и доносовъ, я все перепробовалъ*. Писалъ и повѣсти, и разсказы, и воде-

---

[1]) Н. Ежовъ. «А. С. Суворинъ», Ист. Вѣстн., 1915, № 2, 857.

[2]) Когда Чеховъ писалъ эти строки, у него уже былъ большой романъ «Драма на охотѣ», напечатанный еще въ 1884—5 гг.—и, разумѣется, онъ не могъ еще этого запамятовать. Вотъ одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ того, что 1, біографъ иногда не только можетъ, но и долженъ не довѣрять показаніямъ собственныхъ писемъ автора, и что 2, Чеховъ положительно замалчивалъ свой романъ, даже шелъ на прямую неточность, лишь бы не вызвать со стороны и близкаго и дружественнаго человѣка, какимъ для него былъ Плещеевъ —разспросовъ о своемъ тяжеломъ литературномъ прошломъ.

вили, и передовыя, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда комаровъ и мухъ для «Стрекозы». Оборвавшись на повѣсти, я могу приняться за разсказы; если послѣдніе плохи, могу ухватиться за водевиль— и этакъ безъ конца, до самой дохлой смерти».

Одинъ изъ бѣглыхъ обозрѣвателей жизни А. П. назвалъ эту первую пору литературной работы «злосчастьемъ для Чехова», «издѣвательствомъ надъ его творчествомъ», дѣломъ, «подавляюще дѣйствовавшимъ на духовную организацію писателя». (Звенигородцевъ, біографическій очеркъ въ книгѣ В. И. Покровскаго). Какъ ни рѣзки эти выраженія, они недалеки отъ истины, хотя и требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ.

Диккенсъ и Зола, наши Л. Андреевъ или Маминъ-Сибирякъ начинали съ судебной хроники и чистаго репортажа. Чеховъ, едва 19-лѣтній, писалъ то, къ чему болѣе или менѣе лежало его сердце. Будь передъ нимъ совершенно свободный выборъ,—нѣтъ сомнѣнія, онъ не миновалъ бы юмористическаго журнала, хотя, разумѣется, не отдался бы ему въ такой мѣрѣ. Онъ учился на мелкомъ наброскѣ, «набивалъ на немъ руку» и, разумѣется, не могъ сразу начать тѣмъ совершеннымъ разсказомъ, какіе писалъ впослѣдствіи. Нельзя не пожалѣть, конечно, что онъ долженъ былъ притти въ *тогдашній* юмористическій журналъ, забитый цензурою, безжизненный и худосочный. Обязательство же писать коротко, прямо хватать быка за рога, давать квинтъ-эссенцію факта, подлежащаго изображенію—сказалось высоко благопріятнымъ результатомъ. Именно въ эту пору Чеховъ уже нащупываетъ формы разсказа-миніатюры, который позднѣе довелъ до такой рѣдкой красоты и силы. Чеховъ не очень любилъ вспоминать эти годы,—это былъ уже его отвѣтъ на вопросъ объ ихъ оцѣнкѣ. Но онъ никогда не высказался о нихъ, какъ о вычеркнутыхъ и выморочныхъ.

Наоборотъ, въ минуты благодушія, помимо довольства «закаломъ», онъ могъ не безъ удовлетворенія засвидѣтельствовать, что и здѣсь, въ этой мелкой работѣ, сказалась своя мѣра таланта, что это было не плохо и, можетъ-быть, не по плечу другому. «Почитываю васъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ Билибину (въ 1895 году)—и вспоминаю былое, и когда на пути своемъ встрѣчаю какого-нибудь юнаго юмориста, то читаю ему «Бородино» и говорю «Богатыри не вы»!.. Мы съ вами когда-то были очень либеральны, но меня почему-то считали консерваторомъ. Недавно я взглянулъ въ старые «Осколки», уже наполовину забытые, и удивился задору, какой сидѣлъ тогда въ васъ и во мнѣ, и какого нѣтъ теперь ни у одного изъ новѣйшихъ геніевъ». Благосклонность этого отзыва могла усиливаться пріятностью воспоминаній о прошломъ передъ старымъ пріятелемъ, но во всякомъ случаѣ А. П. не написалъ бы этого, если бы видѣлъ въ трудахъ тѣхъ лѣтъ одни требующіе забвенія грѣхи молодости.

Оплакивать Чехова за то, что ему пришлось прежде выхода на настоящую дорогу написать чуть не десять томиковъ несерьезной и часто пустяковой литературы, «пять пудовъ разсказовъ», какъ писалъ онъ разъ Плещееву, конечно, не приходится, но и поздравлять его не съ чѣмъ. Судьба, безъ всякаго сомнѣнія, могла бы быть безконечно внимательнѣе и добрѣе къ этому прекрасному и хрупкому таланту. Она могла бы избавить его отъ необходимости сочинять этотъ низкопробный матеріалъ. Надо помнить, что въ «Полное Собраніе» и въ нашу тамъ статью объ его первыхъ шагахъ не вошло, можетъ-быть, и пятой доли того, что имъ было когда-либо написано. Все это воистину стоитъ забвенія

Судьба была благосклоннѣе ко многимъ писателямъ и не оставляла имъ на всю жизнь такихъ отравлен-

ныхъ воспоминаній. Несравнима съ чеховской, напр., литературная судьба М. Горькаго, для котораго искусъ начинающаго не длился и нѣсколькихъ лѣтъ, и — съ перваго же разсказа поэтъ пролетаріата писалъ то, что хотѣлъ, не приспособляя своего творчества къ рамкамъ дешеваго органа. «Осколки—моя купель, а вы—мой крестный батька», это можно было написать въ частномъ письмѣ, но это было жутко Чехову повторить потомъ предъ лицомъ настоящихъ писателей, и извѣстно, что онъ не любилъ воспоминаній своей ранней литературной молодости [1]).

Попади Чеховъ сразу подъ вліяніе не Лейкиныхъ, Пушкаревыхъ или Куреппныхъ, а настоящаго писателя съ убѣжденіями и чуткостью, съ пониманіемъ того, что какъ бы ни былъ выгоденъ молодой талантъ,—ему надо предоставить большое плаваніе, а не приспособлять его корыстно къ своему убогому челну,—Чеховъ на нѣсколько лѣтъ раньше вышелъ бы на путь серьезнаго писательства, не задерживаясь на литературныхъ задворкахъ. У Чехова не было того, кто сыгралъ бы для него роль Короленка для Горькаго. За равнодушіе Чехова къ идейности, не къ той предвзятой и каррикатурной, какая

[1]) Искупался ли, по крайней мѣрѣ, матеріальною цѣною раннiй размѣнъ Чехова? До самаго послѣдняго времени не появлялось никакихъ цифръ, сколько-нибудь точно опредѣляющихъ его заработокъ ранней поры. Любезность извѣстнаго Ѳ. Ѳ. Фидлера, предоставившаго въ наше распоряженіе изъ своего музея подлинный листъ конторской книги «Осколковъ», даетъ намъ возможность какъ опредѣлить нѣкоторыя новыя неподписанныя и доселѣ неизвѣстныя «мелочи» Чехова, такъ и *впервые назвать совершенно точную цифру его годичнаго заработка* за цѣлый 1886 годъ, одинъ изъ самыхъ продуктивныхъ и дававшихъ ему еще ежемѣсячно 15 р. «добавочныхъ». И за весь годъ, гдѣ участія Чехова нѣтъ только въ 12-ти номерахъ, имъ вмѣстѣ съ «добавочными» было получено *всего — 642 р. 48 копеекъ*. А «Осколки», вмѣстѣ съ «Петерб. Газетой», были тогда основнымъ его фондомъ!

превращаетъ живого писателя въ Мачтета, а къ идейности въ высокомъ смыслѣ серьезнаго служенія писательства, — можетъ - быть, больше были виноваты первые руководители Чехова, чѣмъ онъ самъ. Нужны были годы, чтобы Чеховъ самъ понялъ отвѣтственность и смыслъ писательства, самъ съ уваженіемъ взглянулъ на свой талантъ, въ которомъ видѣлъ только счастливый залогъ добраго настроенія и заработка. Ему надо было долго выпрямлять себя собственными усиліями, чтобы понять секретъ своего влеченія, напр., къ Суворину, помимо его таланта, и потомъ дѣлать небезболѣзненныя операціи. Половину своей писательской энергіи, растраченной на литературу «Будильниковъ» и «Осколковъ», Чеховъ послѣ первыхъ необходимыхъ опытовъ могъ бы уже отдать литературѣ настоящей. Вышло такъ, что на Чехова можно указать, какъ на одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ примѣровъ того, въ какихъ иногда ужасающихъ условіяхъ совершается развитіе русскаго таланта.

Такова одна сторона ранней дѣятельности Чехова. Есть въ ней и другая, не столь безотрадная. Какъ ни насильственны и ни тяжки были условія, въ какихъ приходилось писать юному Антошѣ Чехонте, они не насиловали его природныхъ влеченій. Если отъ него требовали лишь смѣха и смѣха, то это было только суженіемъ его дѣйствительнаго писательскаго горизонта, чрезмѣрной спеціализаціей таланта, по существу широкаго и въ такой же мѣрѣ драматическаго. Но насиліемъ это не было, ибо Чехову дѣйствительно была родственна подлинная стихія смѣха. Беллетристъ по существу, Чеховъ не вынуждался на писаніе научныхъ статей, заказныхъ передовицъ или дѣловыхъ судебныхъ отчетовъ, какъ было и бываетъ со многими и многими.

ЧЕХОВЪ—РОМАНИСТЪ.

I

Въ литературной жизни Чехова перваго пятилѣтія есть одно крупное явленіе, пожалуй, событіе, которое странно затѣнено въ его біографіи, *совершенно* не отражено въ перепискѣ, въ одномъ мѣстѣ намѣренно затушевано [1]), а между тѣмъ, казалось бы, должно было имѣть большое значеніе для психики писателя и явиться въ его опытахъ своего рода рубежной чертой. Это написаніе и напечатаніе имъ перваго и за всю жизнь единственнаго романа «Драма на охотѣ», съ которымъ русское общество познакомилось только съ выходомъ дополнительныхъ томовъ Чехова. Самъ онъ никогда не переиздалъ его и никогда, по крайней мѣрѣ, въ опубликованной перепискѣ своей, не сдѣлалъ на него ни одного указанія.

Какъ писался романъ, какъ его устраивалъ Чеховъ,— объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Но подъ послѣднимъ фельетономъ какого-то переводнаго романа въ газетѣ Липскерова «Новости Дня» за 1884 годъ отъ 28 іюля появились напечатанныя болѣе замѣтнымъ шрифтомъ строки:

---

[1]) См. здѣсь стр. 174, прим.

«Съ будущей субботы въ фельетонѣ «Новостей Дня» начнется печатаніе романа «Драма на охотѣ», соч. Антоши Чехонте».

Вотъ гдѣ,—въ ходкой и бойкой, но имѣющей слишкомъ мало общаго съ литературой, газетѣ мелкой прессы, въ сосѣдствѣ съ «Царицей ночи», «Женщиной-вампиромъ», «Отцеубійцей» и «Тайной силой или Принцемъ и воромъ», конкурируя съ «Синимъ домино»,—на дешевой, тонкой бумагѣ выступилъ со своимъ большимъ романомъ начинавшій писатель, которому потомъ суждено было стать красой русской беллетристики.

Съ № 212, отъ 4 августа, начинается въ самомъ дѣлѣ романъ Чехова. Подъ первыми четырьмя фельетонами стоитъ полная подпись «Антоша Чехонте», остальные подписаны «А. Чехонте». Всѣхъ ихъ тридцать три. За двумя-тремя исключеніями, они идутъ не подъ рядъ, но большею частью на недѣльномъ разстояніи, иногда черезъ двѣ недѣли, черезъ двадцать дней. 23 декабря романъ обрывается на серединѣ и возстановляется лишь 27 января (!) новаго 1885 года, передъ новымъ наполовину читателемъ, когда прежній,—вполнѣ возможно,—или совсѣмъ забылъ о «Драмѣ на охотѣ», или потерялъ всякую надежду дочитать ее до конца.

Романъ такимъ образомъ растянулся съ августа одного по апрѣль другого года. Въ изданіи, гдѣ предѣлъ писательской мечты—десятирублевый авансъ, а высшій идеалъ издателя—лишній пятакъ въ розницѣ, одинаково мало церемонились и съ читателемъ, и съ авторомъ.

Узнаваемъ ли Чеховъ, *нашъ Чеховъ*, въ этомъ раннемъ опытѣ?

Двадцать четыре года—уже не такой ранній возрастъ для настоящаго таланта, чтобы работы этого періода были ничтожны. Въ 24 года Лермонтовъ уже пѣлъ свои лучшія пѣсни, а Добролюбовъ и Писаревъ зажигали умы.

Романъ Чехова въ первой, лучшей половинѣ—серьезное литературное произведеніе, нѣкоторыя мѣста котораго ничуть не звучали бы диссонансомъ рядомъ съ его позднѣйшими работами. Романъ катится по наклонной плоскости къ концу, и здѣсь не безъ основаній можно угадывать слѣды просвѣщеннаго воздѣйствія редактора изданія, можетъ-быть, нашедшаго реальный, съ явнымъ художественнымъ взмахомъ романъ молодого писателя недостаточно «эффектнымъ» для той публики, которая воспитывалась на «Женщинахъ-вампирахъ». Можетъ-быть, онъ и далъ соотвѣтственный «совѣтъ» автору или самъ подвергъ его трудъ ломкѣ.

На первой же половинѣ «Драмы на охотѣ» лежитъ такой отпечатокъ чуткой, вдумчивой чеховской души, такъ явны черты, составившія впослѣдствіи типическую особенность его писательства, такъ очевидны его первыя, еще робкія и подчасъ не совсѣмъ выработавшіяся нащупыванія самобытной манеры,—что пройти мимо этого романа, какъ первой чеховской фазы, въ его біографіи нельзя.

Нужно было быть Липскеровымъ, чтобы не почуять чего-то необычнаго въ этой кучѣ дешевой бумаги, написанныя на которой слова были такъ мало похожи на слова, обыкновенно печатавшіяся въ нижнемъ этажѣ этой газеты. Кто сейчасъ, по такимъ хотя бы отрывкамъ, не угадалъ бы въ этой нѣжной акварели, въ этомъ чуткомъ олицетвореніи природы благоуханнаго таланта Чехова?

Приближается гроза, но компанія мужчинъ ведетъ плоскій, прозаическій разговоръ о предстоящей закускѣ, ершахъ, осетринѣ... «*Словно разсердясь* на эту прозу, поэтическія сосны вдругъ зашевелили своими верхушками, и по лѣсу понесся тихій ропотъ. Свѣжій вѣтерокъ пробѣжалъ по просѣкѣ и *поигралъ травой*... По лѣсу

еще разъ пробѣжалъ вѣтерокъ, но на этотъ разъ болѣе рѣзкій. Сосны и трава *зароптали* громче... Послышался грохотъ *не то далекаго экипажа, не то игры въ кегли.* Прогремѣлъ гдѣ-то вдали, за лѣсомъ громъ! Митька, все время слѣдившій за нами, вздрогнулъ и быстро закрестился»...

«...Озеро тихо катило свои пѣнящіяся волны и, отражая въ себя поднимающееся солнце, *готовилось къ дневчому сну.* Лѣса и прибрежныя ивы стояли недвижимы, *словно на утренней молитвѣ*»

«...Утро было прелестное. Само счастье, казалось, висѣло надъ землею и, отражаясь въ брильянтовыхъ росинкахъ, манило къ себѣ душу прохожаго. Лѣсъ, окутанный утреннимъ свѣтомъ, былъ тихъ и неподвиженъ, *словно прислушивался*... И, окидывая восторженными глазами просторъ, я чувствовалъ весну, молодость, и мнѣ казалось, *что молодыя березки, придорожная травка и гудѣвшіе безъ умолку майскіе жуки раздѣляли мое чувство*».

Нѣкоторыя изъ этихъ блестокъ вы даже найдете въ позднѣйшихъ чеховскихъ разсказахъ.

Кто далѣе не угадалъ бы чеховскую манеру «характеристики по идіосинкразіи» въ такомъ, напримѣръ, описаніи эпизодической фигуры уѣзднаго врача:

«Двѣ страсти обираютъ его—страсть давать взаймы и страсть *выписывать по газетнымъ объявленіямъ.* Взаймы даетъ онъ всякому просящему, не говоря ни слова и не заикаясь объ обратной получкѣ. Никакимъ гвоздемъ не выковыряешь изъ него безшабашной вѣры въ людскую добросовѣстность, и эта вѣра еще рельефнѣе сказывается въ его постоянныхъ выписываніяхъ вещей, воспѣваемыхъ въ газетныхъ объявленіяхъ. *Онъ выписываетъ все, нужное и ненужное, выписываетъ книги, зрительныя трубки, юмористическіе журналы, столовые*

приборы, «состоящіе изъ ста вещей», хронометры... И немудрено, если больные, приходящіе къ нему, принимаютъ его комнату за арсеналъ или музей. Его надували и надуваютъ, но вѣра его попрежнему сильна и безшабашна».

Ѳедотикъ, одолѣваемый страстью всѣмъ что-нибудь дарить, Кулыгинъ, который всегда и всѣмъ «доволенъ», монашекъ изъ «Архіерея», которому все и всегда «не ндравится», Туркинъ изъ «Іоныча», всегда коверкающій русскую рѣчь,—все это фигуры, очерченныя тѣмъ поворотомъ карандаша, какой предносился уже 24-лѣтнему художнику Чехову.

I.

Въ своемъ первомъ романѣ Чеховъ былъ еще очень далекъ отъ задачъ лѣтописца. Стремленія схватить «героя нашего времени», запечатлѣть типъ «человѣка 80-хъ годовъ»—здѣсь нѣтъ. Его герой, провинціальный Донъ-Жуанъ—излюбленный типъ стараго романа, и въ его самоанализѣ своихъ ощущеній, въ угадываніи настроеній интересующихъ его женщинъ есть нѣчто— и многое—отъ лермонтовскаго Печорина и авдѣевскаго Тамарина.

Другой герой—титулованный прожигатель жизни, представитель оскудѣвающаго дворянства, добирающій послѣднія крохи на жизненномъ пиру, наканунѣ матеріальнаго краха и физическаго разложенія—еще не являетъ на себѣ никакихъ чертъ будущаго «хмураго» человѣка. Чеховъ, очевидно, былъ еще слишкомъ молодъ, и невеселая психологія современнаго ему банкротскаго поколѣнія не приковывала его вниманія.

Романъ окаймленъ рамкой. Молодой авторъ беретъ старый пріемъ, прикрываясь только ролью человѣка,

оглашающаго чужія записки. Личную форму носятъ лишь предисловія къ роману и заключительныя страницы къ нему.

Этому послѣсловію съ совершенной очевидностью должно быть приписано значеніе чисто-библіографическаго примѣчанія. Очень похоже, что Чеховъ шелъ на сокращенія, мирился съ редакторскимъ произволомъ, выговоривъ себѣ возможность только заключительнаго извиненія передъ читателемъ.

Внимательный читатель «Драмы на охотѣ» замѣтитъ въ ней зачатки того, что впослѣдствіи сдѣлало автора однимъ изъ наиболѣе глубокихъ и нѣжныхъ нашихъ лириковъ въ прозѣ. Позднѣе лирика Чехова приняла болѣе отвлеченный, пантеистическій характеръ. Она разлита въ его описаніяхъ природы,въ авторскихъ ремаркахъ. Очень рѣдко это лиризмъ личный, субъективный, какъ у Гоголя. Въ пору писанія «Драмы» Чеховъ не сторонился и такой, гоголевской манеры. Вотъ, напримѣръ, страничка раздумья героя романа по адресу «дѣвушки въ красномъ».

«Бѣдная бѣлокурая головка! Думалъ ли я въ этотъ тихій, полный покоя майскій вечеръ, что она впослѣдствіи будетъ героиней моего безпокойнаго романа!

«Теперь, когда я пишу эти строки, въ мои окна злобно стучитъ осенній дождь, и гдѣ-то надо мной воетъ вѣтеръ. Я гляжу на темное окно и на фонѣ ночного мрака силюсь создать силою воображенія мою милую героиню... И я вижу ее съ ея невинно-дѣтскимъ, наивнымъ, добрымъ личикомъ и любящими глазами. Мнѣ хочется бросить перо и разорвать, сжечь все то, что уже записано. Къ чему трогать память этого молодого, безгрѣшнаго существа?

«Но тутъ же, около моей чернильницы, стоитъ ея фотографическій портретъ. Здѣсь бѣлокурая головка

предстоитъ во всемъ суетномъ величіи глубоко павшей, красивой женщины. Глаза утомленные, но гордые развратомъ неподвижны

«Она дала бурѣ поцѣлуй, и буря сломала цвѣтокъ у самаго корня. Много взято, но зато слишкомъ дорого и заплачено»...

Въ описаніи чувствъ, вызываемыхъ въ героѣ романа созерцаніемъ женской красоты, Чеховъ еще далекъ отъ той чарующей задушевности, какою овѣяны его позднѣйшіе разсказы, хотя бы «Красавицы». Но картина грозы и сцена перваго знакомства героя съ героиней такъ живы, реальны и красивы, что не испортили бы позднѣйшаго чеховскаго разсказа, хотя бы плѣнительнаго описанія грозы въ «Степи».

«Первыя капли застучали по стекламъ. Я подошелъ къ окну. Было уже совсѣмъ темно, и сквозь стекло я не увидѣлъ ничего, кромѣ ползущихъ внизъ дождевыхъ капель и отраженій собственнаго носа. Блеснулъ свѣтъ отъ молніи и освѣтилъ нѣсколько ближайшихъ сосенъ.

«...Баба съ двойнымъ перетянутымъ животомъ и съ глупымъ, озабоченнымъ лицомъ вошла въ залъ, низко поклонилась графу и покрыла столъ бѣлой скатертью. За ней осторожно двинулся Митька, неся закуски. Черезъ минуту на столѣ стояла водка, ромъ, сыръ и тарелка съ какой-то жареной птицей. .

«—Уже начался дождь. Поглядите!—сказалъ я вошедшей Оленькѣ.

«Дѣвушка въ красномъ подошла къ моему окну, и въ это самое время насъ освѣтило на мгновеніе бѣлымъ сіяніемъ. Раздался наверху трескъ, и мнѣ показалось, что что-то большое, тяжелое сорвалось на небѣ съ мѣста и съ грохотомъ покатилось на землю. Оконныя стекла и рюмки, стоявшіе передъ графомъ, содрогнулись и издали свой стеклянный звукъ. Ударъ былъ сильный.

«—Вы боитесь грозы?—спросилъ я Оленьку.

«Она прижала щеку къ круглому плечу и поглядѣла на меня дѣтски-довѣрчиво.

«—Боюсь,—прошептала она, немного подумавъ.—Гроза убила у меня мою мать. Въ газетахъ даже писали объ этомъ. Моя мать шла по полю и плакала. Ей очень горько жилось на этомъ свѣтѣ. Богъ сжалился надъ ней и убилъ ее своимъ небеснымъ электричествомъ.

«—Откуда вы знаете, что тамъ электричество?

«—Я училась. Вы знаете? Убитые грозой и на войнѣ и умершіе отъ тяжелыхъ родовъ попадаютъ въ рай. Этого нигдѣ не написано въ книгахъ, но это вѣрно. Мать моя теперь въ раю. Мнѣ кажется, что и меня убьетъ гроза когда-нибудь, и что и я буду въ раю. Вы образованный человѣкъ? Да? Стало-быть, вы не будете смѣяться. Мнѣ вотъ какъ хотѣлось бы умереть. Одѣться въ самое дорогое модное платье, какое я на-дняхъ видѣла на здѣшней богачкѣ-помѣщицѣ, надѣть на руки браслеты, потомъ стать на самый верхъ Каменной Могилы и дать себя убить молніи, такъ, чтобы всѣ люди видѣли. Страшный громъ, знаете, и конецъ...»

Гроза кончается. «Громовая туча, сверкая молніями и издавая сердитый ропотъ, спѣшила на сѣверо-востокъ, все болѣе и болѣе открывая глубокое, звѣздное небо. Казалось, тяжело-вооруженная сила, произведя опустошеніе и взявъ страшную дань, стремилась къ новымъ побѣдамъ. Оставшіяся тучки гнались за ней и спѣшили, *словно боялись не догнать*».

Моментами со страницъ этого перваго, юношескаго романа на васъ вѣетъ чеховскимъ настроеніемъ. Въ замѣчаніяхъ героя романа о деревенскомъ храмѣ и молящихся безусловно надо читать мысли самого Чехова,—такъ явственно слышится здѣсь его чуткая, мягкая душа, исполненная какого-то прирожденнаго высокаго такта,

и уваженія къ чужой вѣрѣ, прелестной совѣстливости и скромности.

Народъ стоялъ тихо, неподвижно,—описываетъ Чеховъ:—съ благоговѣніемъ всматриваясь въ открытыя царскія врата и прислушиваясь къ протяжному чтенію. Деревенскія приличія, или, вѣрнѣе, деревенская порядочность строго преслѣдуетъ всякое поползновеніе къ нарушенію въ церкви благоговѣйной тишины. Мнѣ всегда становилось совѣстно, когда меня вынуждало что-нибудь улыбаться въ церкви или разговаривать. Къ несчастью, въ рѣдкихъ только случаяхъ я не встрѣчалъ въ церкви своихъ знакомыхъ, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, было очень много. Обыкновенно же чуть только, бывало, входилъ я въ церковь, какъ ко мнѣ тотчасъ же подходилъ кто-нибудь «интеллигентный» и послѣ длинныхъ предисловій о погодѣ начиналъ разговоръ о своихъ грошовыхъ дѣлахъ. Я отвѣчалъ да и нѣтъ, но былъ такъ щепетиленъ, что былъ не въ силахъ совсѣмъ отказать своему собесѣднику во вниманіи. И моя щепетильность недешево мнѣ стоила: я бесѣдовалъ и конфузливо косился на молящихся сосѣдей, боясь, что оскорбляю ихъ своей праздной болтовней».

Если хотите, эти чуткія строки, такія характерныя для Чехова, можетъ-быть, даже звучатъ слегка дисгармонично въ устахъ уѣзднаго Донъ-Жуана не изъ исключительныхъ, избранныхъ натуръ...

III

Художественное достоинство романа рѣзко падаетъ съ момента убійства героини романа.

Обычный вкусъ, обычная бытовая мѣткость какъ бы измѣняютъ Чехову, и весь конецъ «Драмы на охотѣ»

несравнимо ниже его дарованія. Его впору было написать заправскому уголовному романисту. Даже блестки чеховской мѣткости и наблюдательности вовсе исчезаютъ.

Романъ уже не представляетъ ничего, чѣмъ бы можно было заинтересоваться. Ни производство дознанія, ни даже сцена допроса умирающей, но пришедшей въ сознаніе героини не замѣчательны. Видно бѣглое, торопливое письмо, безъ глубокой продуманности. Въ сценѣ предсмертнаго допроса нѣтъ ни трогательности, ни силы, ни даже эффектности.

Романъ заканчивается красивыми лирическими строками, въ которыхъ звучатъ характерныя для позднѣйшаго Чехова нотки грусти о невозвратномъ, жалоба на сѣрость, сумеречность, безцвѣтность настоящаго дня. Авторъ записокъ говоритъ, что при оглядкѣ на прошлое герои романа ему или гадки, или отвратительны, или смѣшны.

«Но,—пишетъ онъ,—бываютъ нерѣдко минуты, когда я, вглядываясь въ стоящій на моемъ столѣ портретъ, чувствую непреодолимое желаніе пройтись съ дѣвушкой въ красномъ по лѣсу подъ шумъ высокихъ сосенъ и прижать ее къ груди, несмотря ни на что. Въ эти минуты прощаю я ей и ложь, и паденіе въ грязную пропасть, готовъ простить все для того, чтобы повторилась еще разъ хотя бы частица прошлаго. Утомленный городской скукой, я хотѣлъ бы еще разъ послушать ревъ великана-озера и промчаться по его берегу на моей Зорькѣ.

«Я простилъ и забылъ бы все, чтобы еще разъ пройтись по Тѣневской дорогѣ и встрѣтить садовника съ водочнымъ боченкомъ и жокейскимъ картузикомъ. Бываютъ минуты, когда я готовъ уже пожать руку, обагренную кровью, и потолковать съ благодушнымъ Урбенинымъ о религіи, урожаѣ, народномъ образованіи. Я хотѣлъ бы повидаться съ Щуромъ, съ Наденькой.

«Жизнь бѣшеная, безпутная и безпокойная, какъ озеро въ августовскую ночь!.. Много жертвъ скрылось навсегда подъ ея темными волнами. На днѣ лежитъ тяжелый осадокъ...

«Но за что я люблю ее въ иныя минуты? За что я прощаю ее и мчусь къ ней душой, какъ нѣжный сынъ, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки?

«Жизнь, которую я вижу сейчасъ сквозь номерное окно, напоминаетъ мнѣ сѣрый кругъ. *Сѣрый цвѣтъ и никакихъ оттѣнковъ, никакихъ свѣтлыхъ проблесковъ* Но, закрывъ глаза и припоминая прошлое, я вижу радугу, какую даетъ солнечный спектръ. Да, тамъ бурно, но тамъ свѣтлѣе...»

Эта замѣтка о «сѣромъ цвѣтѣ» жизни не отсылаетъ ли къ Чехову послѣдующихъ лѣтъ?

Записки Камышева кончены. Но Чеховъ хочетъ использовать еще одинъ эффектъ и въ эпилогѣ сталкиваетъ читателя лицомъ къ лицу съ убійцею, приносящимъ рукопись своего разсказа въ редакцію. Увы!— и эта глава сдѣлана безъ блеска и яркости.

Какія біографическія данныя можно извлечь изъ самаго романа Чехова?

Одно изъ нихъ несомнѣнно: «Драма на охотѣ» увидѣла свѣтъ *не въ томъ видѣ*, въ какомъ она была въ рукописи у автора. Въ послѣсловіи къ роману Чеховъ дѣлаетъ оговорку, которая имѣетъ смыслъ только при болѣе или менѣе буквальномъ пониманіи, какъ ремарка, выговоренная у редактора писателемъ, согласившимся на нѣкоторые компромиссы при печатаніи вещи.

«Я долженъ предупредить,—пишетъ Чеховъ,—что обѣщаніе, данное мною читателю въ началѣ повѣсти, не сдержано. Романъ Камышева напечатанъ не безъ пропусковъ, не in toto, какъ я обѣщалъ, а по значительномъ сокращеніи... *Редакція, давая пріютъ роману*,

нашла невозможнымъ печатать его безъ урѣзокъ. Всякій разъ, во все время печатанія, она присылала мнѣ корректуры отдѣльныхъ главъ съ просьбой измѣнить. Я же не хотѣлъ брать грѣха на душу, измѣнить чужое, и находилъ лучшимъ и полезнымъ *совсѣмъ выпускать, чѣмъ измѣнять неудобное мѣсто.* По соглашенію со мной редакція выпустила много мѣстъ, поражавшихъ своимъ цинизмомъ, длиннотами и небрежностью... Эти выпуски и урѣзки требовали осторожности и времени,—причина, отчего многія главы запаздывали»

Дальше Чеховъ детально указываетъ, что именно вычеркнуто въ романѣ: нѣсколько свиданій Ольги съ Камышевымъ, одно объясненіе съ Наденькой, описаніе ночныхъ оргій графа, описаніе библіотеки слуги Поликарпа и его манеры читать и т. п.

Совершенно очевидно, что сочинять такія строки не имѣло никакого смысла, еслибы этого не было въ дѣйствительности. Онѣ были бы безцѣльнымъ балластомъ. Представляется почти безспорнымъ, что редакція, дѣйствительно, требовала отъ 24-лѣтняго писателя, съ которымъ можно было не церемониться, измѣненій въ сторону большей протокольной занимательности. Почти безспорно, что Чеховъ, дѣйствительно, изъ уваженія къ себѣ предпочиталъ безжалостно кромсать романъ, сокращать и сокращать его, избѣгая передѣлокъ. Что-то насильственное, диссонирующее, лубочное, привносное чувствуется только въ главѣ, разсказывающей объ убійствѣ одноглазаго мужика Козьмы.

Такъ и хочется думать, что въ уши молодого Чехова кто-то напѣвалъ, что бульварной газетѣ нужно больше таинственныхъ убійствъ, нарастающихъ одно на другое, больше внѣшней эффектности. И, противъ своего вкуса, противъ своего пониманія литературы и литературности, Чеховъ это сдѣлалъ.

Что онъ долженъ былъ выпускать?

Можетъ-быть, то, что было ему всего дороже,— психологію, описанія природы, описанія характеровъ. Все это нужно читателю мелкой газеты. По тому, что̀ несомнѣнно выпущено, ясно, что такъ именно и было. Свиданія Ольги съ Камышевымъ, Камышева съ Наденькой—это, конечно, могло быть красиво той тихой, поэтической, психологической красотой, за которой не гонятся Пастуховы и Липскеровы. Оргія у графа, что-то колоритно-бытовое, юмористическое описаніе слуги Поликарпа, второго Петрушки,—все это было не на читателя, увлекающагося «Женщинами-вампирами» и «Принцемъ-воромъ».

Почему никогда впослѣдствіи Чеховъ не вспомнилъ о своемъ романѣ, не любилъ о немъ говорить (изъ десятковъ воспоминавшихъ о немъ никто не записалъ этой подробности), не только не подумалъ объ его переизданіи, но буквально ни разу не сдѣлалъ на него ссылки въ своей обширнѣйшей перепискѣ, а одинъ разъ намѣренно утаилъ истину?

Отвѣтъ налицо въ только что написанномъ. Одно изъ первыхъ, раннихъ созданій, куда ушло, вѣроятно, много и личнаго чувства и первыхъ впечатлѣній бытія романъ не могъ не быть ему дорогъ, но оказался настолько искалѣченнымъ, что горькое чувство могло побѣдить въ душѣ Чехова всѣ остальныя чувства. Ужъ чего стоило одно то, что романъ былъ разбитъ на два года (!), и фельетоны выходили въ лучшемъ случаѣ разъ въ недѣлю, въ худшемъ—черезъ 35 дней! Не лучшій ли это способъ похоронить, погасить, обезмыслить, заставить не считать самое выдающееся литературное произведеніе!

Слава Богу уже за то, что, натолкнувшись въ самомъ началѣ карьеры на такое медвѣжье отношеніе къ сво-

ему таланту. Чеховъ не получилъ на всю жизнь отвращенія отъ редакторскихъ кабинетовъ и отъ литературы!..

Впослѣдствіи, созрѣвшій и признанный, Чеховъ, конечно, не могъ желать переизданія романа. Онъ слишкомъ хорошо видѣлъ слабость его второй половины, чтобы даже мечтать о спасеніи первой и лучшей. Мы знаемъ, что онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ. Снова начинать работу и написать заново вещь, отъ которой онъ уже отошелъ,—было бы непосильнымъ трудомъ.

Но біографъ и критикъ Чехова не можетъ пройти мимо этой ранней большой его работы, даже въ искаженномъ видѣ характерной для того «пути исканій», какимъ шелъ онъ, 24-лѣтній. Этотъ романъ покажетъ изслѣдователю, что уже тогда, въ ранней молодости, будущій большой художникъ задумывался съ мягкой и щемящей грустью надъ странной нескладицей жизни, надъ отживающими стариками Урбениными, берущими въ жены чуть не дѣвочекъ, надъ прекрасными Оленьками, такими неприспособленными къ жизни, надъ Щурами, кроткими и любящими, но обреченными на то, что любимыя женщины проходятъ мимо нихъ, не замѣчая ихъ любви и страданія, надъ богато одаренными Камышевыми, изъ которыхъ, какъ изъ Ивановыхъ, изъ Астровыхъ, изъ Войницкихъ, выходитъ только семипудовый пшикъ.

Въ прекрасно обрисованной фигурѣ прожегшаго жизнь графа вы видите уже ясный прототипъ будущихъ Гаевыхъ и Шабельскихъ. Со стороны исканія художественной красоты «Драма на охотѣ» своею первой половиной покажетъ біографу Чехова, что маленькій орленокъ, выпущенный на куриный дворъ со связанными крыльями, уже тогда мѣткостью глаза и силою крика давалъ почувствовать имѣющимъ очи и уши царственность своего происхожденія.

Въ смыслѣ трудности и серьезности работы романъ Чехова былъ значительнѣе всего, что вышло изъ-подъ пера Чехова поры начала,—Чехова, сотрудника мелкихъ журналовъ мутной поры россійскаго подневолья! Въ узенькую подворотню, на жалкій обывательскій дворикъ была загнана тогдашняя литература «семейнаго» журнала. И проявить себя здѣсь, въ отрывочныхъ сценкахъ, въ маленькихъ разсказцахъ, которые не должны были обидѣть никого,—ни цензора, ни читателя, ни редактора, ни обывателя,—какое для этого нужно было еще особенное умѣніе, кромѣ таланта!

IV

Однимъ изъ темныхъ мѣстъ біографіи Чехова является легенда о его второмъ романѣ, который неизвѣстенъ, но на который имѣются указанія его самого.

Этотъ миѳическій романъ никоимъ образомъ не можетъ быть отожествленъ съ «Драмой на охотѣ». Та, какъ мы знаемъ,появилась въ 1884 и 1885 гг. Этотъ второй, если онъ дѣйствительно писался, — занималъ Чехова въ 1889 г. и далѣе.

Въ давно опубликованныхъ письмахъ Чехова къ поэту А. Н. Плещееву находимъ рядъ такихъ признаній:

«*Пишу понемножку свой романъ.* Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но когда я пишу его, мнѣ кажется, что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ!».

«Ахъ, если бы вы знали, что сидитъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины, какія похороны, какія свадьбы. Если бы деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ

подъ кипарисомъ и написалъ бы романъ въ одинъ-два мѣсяца. *У меня ужъ готовы три листа*,—можете себѣ представить!»

«*Романъ мой на точкѣ замерзанія.* Онъ не сталъ длиннѣе. Чтобы не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху. Для «Сѣвернаго Вѣстника» дамъ повѣстушку, но *романъ едва ли попадетъ на его страницы.* Я такъ ужъ и порѣшилъ, что *романъ будетъ конченъ года черезъ три-четыре*».

«*Лѣтомъ буду коптѣть надъ романомъ.* Свой романъ посвящу я вамъ, — это завѣщала мнѣ моя душа... Въ мечтахъ и планахъ моихъ вамъ посвящена *моя самая лучшая вещь*».

«*Романъ значительно продвинулся впередъ* и сѣлъ на мель въ ожиданіи прилива. Посвящаю его вамъ — объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя — убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь — мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людями посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта — абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.» (1889 г.)

«*Писать большое очень скучно* и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу»...

«Въ истекшій сезонъ я написалъ «Степь», «Огни» (1888), пьесу, два водевиля, массу мелкихъ разсказовъ, *началъ романъ*»...

«Въ ноябрѣ пріѣду въ Питеръ *продавать свой романъ.* Дешевле, какъ по 250 за листъ, не уступлю. Продамъ и уѣду за границу». Въ отвѣтныхъ письмахъ Плещеева есть строки, гдѣ поэтъ «ради всего святого» проситъ Чехова не забрасывать романа и благодаритъ за обѣщаніе посвятить его ему. (СЛ2, 253, 261).

Въ изданной перепискѣ Чехова еще къ двумъ лицамъ, кромѣ Плещеева, имѣются подобныя сообщенія. Это В. Тихоновъ и Суворинъ. Первому Чеховъ пишетъ отъ того же 1889 года: «Работаю, хотя и не усердно. Потягиваетъ меня къ работѣ, но только не къ литературной, которая пріѣлась мнѣ. *Пишу романъ.* Кое-что какъ будто выходитъ; быстро писать не умѣю, тяну черезъ часъ по столовой ложкѣ, и оттого не знаю, когда вы будете имѣть удовольствіе въ сотый разъ убѣдиться, что я не такой великій человѣкъ, какъ вѣщалъ за обѣдомъ Соковнинъ. *Кончу я романъ черезъ 2—3 года».*

Наибольшій свѣтъ на вопросъ проливаютъ,—едва ли даже не разрѣшая его,—письма къ Суворину. *«Я пишу романъ!!* Пишу, пишу, и конца не видать моему писанью. Началъ его, т.-е. романъ, сначала, сильно исправивъ и сокративъ то что уже было написано. Очертилъ уже ясно девять физіономій. Какая интрига! Назвалъ я его такъ: «Разсказы изъ жизни моихъ друзей» и пишу его въ формѣ отдѣльныхъ, законченныхъ разсказовъ, тѣсно связанныхъ между собой общностью интриги, идеи и дѣйствующихъ лицъ. У каждаго разсказа особое заглавіе. Не думайте, что романъ будетъ состоять изъ клочьевъ. Нѣтъ, онъ будетъ настоящій романъ, цѣлое тѣло, гдѣ каждое лицо будетъ органически необходимо. Григоровичъ, которому Вы передали содержаніе первой главы, испугался, что у меня взятъ студентъ, который умретъ и такимъ образомъ не пройдетъ сквозь весь ро-

манъ, т.-е. будетъ лишнимъ. Но у меня этотъ студентъ гвоздь изъ большого сапога. Онъ деталь». (1889).

Суворинъ уже практически приглядывался къ будущей интересной вещи, и Чеховъ долженъ былъ удерживать его отъ чрезмѣрной торопливости. «Насчетъ того, гдѣ будетъ напечатанъ мой великолѣпный романъ, я полагаю, разсуждать еще рано. То-есть, рано еще обѣщать. Когда кончу, пришлю вамъ на прочтенiе, и оба мы рѣшимъ, какъ лучше. Если найдете, что его удобно печатать въ газетѣ, то сдѣлайте милость, валяйте въ газетѣ. Сегодня я напишу одну главу. Чувствую сильное желанiе писать». (1889).

Послѣднее упоминанiе о романѣ относится къ маю 1891 г., когда Чеховъ сообщилъ Суворину о томъ, что писанiе его занимаетъ опредѣленное мѣсто въ его недѣлѣ: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду онъ пишетъ сахалинскую книгу, въ остальные дни, кромѣ воскресенiй, романъ.

Чтобы покончить съ собственными хотя бы самыми отдаленными ссылками А. П. на свой романъ, надо привести два его заявленiя, — оба Суворину,—относящiяся къ датѣ много позднѣйшей. Они не даютъ ничего фактически новаго, кромѣ подтвержденiя все той же мысли, что и 33-лѣтнiй Чеховъ все еще не разставался съ мечтою рано или поздно написать романъ. Въ 1893 г. изъ Мелихова онъ освѣдомляется у Суворина: «Про какой романъ вы спрашиваете? Про тотъ, который еще не написанъ, или про романъ вообще съ женщиной? И почему вы думаете, что я не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ? На какiе вопросы я не отвѣчалъ?»

Наконецъ отъ января 1894 г. имѣется послѣднее упоминанiе о романѣ. «Осенью засяду писать романъ тысячъ на пять, какъ Маша Крестовская». Отказался ли далѣе Чеховъ отъ своего намѣренiя, сознавъ его несбы-

точность или онъ только созналъ ненужнымъ говорить объ этомъ, — но болѣе ни разу объ этомъ уже не заходитъ рѣчь въ его письмахъ.

Этими данными исчерпываются личныя показанія Чехова о романѣ, уступая мѣсто единодушному, хотя и совершенно глухому и неясному свидѣтельству его литературныхъ пріятелей о томъ, что онъ собирался писать романъ и иногда говорилъ о немъ, какъ трудѣ, уже находящемся въ процессѣ работы

«Его долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа, — записалъ Амфитеатровъ: — и, сколько разъ ни видалъ я его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекалъ на начатый или задуманный планъ романа».

Суворинъ написалъ:

«Однимъ онъ мучился, — ему не давался романъ, а онъ мечталъ о немъ и *много разъ за него принимался.* Широкая рама какъ будто ему не давалась, и *онъ бросалъ начатыя главы.* Одно время онъ все хотѣлъ взять форму «Мертвыхъ душъ», то-есть, поставить своего героя въ положеніе Чичикова, который разъѣзжаетъ по Россіи и знакомится съ ея представителями. Нѣсколько разъ онъ развивалъ предо мною широкую тему романа съ полуфантастическимъ героемъ, который живетъ цѣлый вѣкъ и участвуетъ во всѣхъ событіяхъ XIX столѣтія... Я думаю, что вѣчная забота о насущномъ хлѣбѣ и затѣмъ приступы болѣзни не давали ему свободы для большого произведенія».

Хорошо знавшій Чехова беллетристъ А. Грузинскій разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ А. П. однажды, по дорогѣ на его дачу, близъ Воскресенска, передалъ ему сюжетъ своего романа. Вотъ его начало въ этомъ пересказѣ:

— Представьте тихую желѣзнодорожную станцію въ степи, — разсказывалъ онъ. — Недалеко имѣніе вдо-

вы-генеральши. Ясный вечеръ. Къ платформѣ подходитъ поѣздъ съ двумя паровозами. Затѣмъ, постоявъ на станціи минутъ пять, поѣздъ уходитъ дальше съ од нимъ паровозомъ, а другой паровозъ трогается, и тихо-тихо подкатываетъ къ платформѣ одинъ товарный вагонъ. Вагонъ останавливается. Его открываютъ. Въ вагонѣ гробъ съ тѣломъ единственнаго сына вдовы-генеральши»... Грузинскій вспомнилъ эту сцену, когда вагонъ съ тѣломъ Чехова только не въ ясный вечеръ, а въ хмурое утро, подошелъ къ платформѣ Николаевскаго вокзала.

Гоголь нѣкогда затѣвалъ «Исторію Малороссіи» въ четырехъ томахъ, «Исторію среднихъ вѣковъ»—въ девяти и «Всеобщую географію»—въ трехъ. Воображеніе увлекало его такъ далеко, что онъ дѣлалъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ рѣшительныя заявленія объ этихъ трудахъ, какъ уже законченныхъ. На самомъ дѣлѣ, Гоголь не шелъ далѣе нѣсколькихъ черновыхъ страницъ. На Чехова это непохоже, ни въ чемъ у него не находитъ подтвержденія или аналогіи. Такой «гиперболизмъ» былъ вовсе чуждъ его реальной натурѣ. И съ Плещеевымъ и съ Суворинымъ его отношенія были пріязненны настолько, что едва ли ему было необходимо набивать себѣ цѣну въ ихъ глазахъ увѣреніями въ какой-то грандіозной, на дѣлѣ не существующей работѣ.

Правда, не лишено нѣкоторой выразительности явное желаніе Чехова никакъ не связать себя фактическимъ обѣщаніемъ,—«едва ли попадетъ въ «Сѣверный Вѣстникъ», «гдѣ будетъ напечатанъ, разсуждать рано». Есть спасительное отдаленіе конца на такой срокъ, въ какой самый журналъ въ Россіи трижды можетъ умереть,—«года черезъ три-четыре».

Мотивъ для сомнѣнія можетъ быть уловленъ еще и въ томъ, что указанія на романъ находятся исключи-

тельно въ письмахъ къ литературнымъ знакомымъ и совершенно отсутствуютъ въ письмахъ къ роднымъ. Въ письмахъ къ первымъ это могло быть предупредительнымъ отвѣтомъ на повсюдныя ожиданія «крупной» вещи отъ блистательно двигающагося таланта. Но такъ можно было бы подумать лишь въ томъ случаѣ, если бы передъ нами не было вполнѣ конкретныхъ подтвержденій того, что Чеховъ писалъ правду. Опредѣленныя указанія на содержаніе вещи, на характеръ работы надъ ней, на наслажденіе работой или трудность ея—не оставляютъ мѣста для шутки или преувеличенія при всей шаловливости натуры молодого Чехова.

Мечта написать романъ была всегда ярка и заманчива для Чехова. Начиная съ Михайловскаго, продолжая Скабичевскимъ, кончая обозрѣвателями серпуховскихъ и иныхъ «Вѣдомостей», — все въ критикѣ у насъ совѣтовало Чехову перейти отъ «пустячковъ» къ дѣлу. Именно около того времени Михайловскій прислалъ ему извѣстное письмо съ совѣтомъ не разрываться на клочки, а начать серьезный трудъ съ готовностью положить душу за литературу (СЛ 2, 217). Было мнѣніе,—и въ главѣ о Сахалинѣ мы не будемъ его совершенно отрицать,—будто Чеховъ поѣхалъ на Сахалинъ главнымъ образомъ для того, чтобы создать себѣ наконецъ репутацію «серьезнаго» писателя. Есть свидѣтельство, что первое время онъ «берегъ» свою настоящую фамилію, пряча ее за «Чехонте», потому что «подумывалъ кое-что напечатать въ медицинскихъ журналахъ». Для пріобрѣтенія все той же «солидности» онъ готовъ былъ взяться за «тюремный вопросъ» и посѣтить петербургскія и московскія тюрьмы, «съ разрѣшенія министра юстиціи».—«Я въ прошломъ году встрѣтилъ Н. В. Муравьева на набережной. Онъ шелъ и несъ въ рукѣ моихъ «Мужиковъ». Авось, «Мужики» составятъ мнѣ протекцію...»

Подъ этой постоянной думой о «серьезномъ» трудѣ, разумѣется, не могло быть ничего естественнѣе для А. П., какъ сѣсть за романъ. Однако, *никакого романа Чехова, появившагося послѣ 1889 г., мы не знаемъ*. Написалъ ли онъ то, что задумалъ, только намъ объ этомъ неизвѣстно? Сжегъ ли онъ то, что написалъ, какъ несовершенное? Перелились ли просто его широкіе замыслы въ отдѣльныя позднѣйшія повѣсти, напечатанныя въ 1891 г., вродѣ «Дуэли»?

Ни одной изъ этихъ повѣстей ни въ какомъ случаѣ не идетъ имя романа. Самая крупная по размѣрамъ вещь—«Три года», занявшая въ «Собраніи сочиненій» пять печатныхъ листовъ и, если ужъ на то пошло, могущая хотя бы поэтому съ натяжкою назваться романомъ,— появилась въ январской и февральской книжкахъ «Русской Мысли» — только еще въ 1895 году!

Это никоимъ образомъ не то, о чемъ пишетъ Чеховъ пріятелямъ, ни по времени, ни по внутреннему содержанію, ни по тому наконецъ захвату, какой, очевидно, былъ въ «романѣ». То казалось лучшей, наиболѣе глубокой вещью, хотя и тамъ были періоды творческаго утомленія («писать большое очень скучно»). «Три года»— одна изъ наиболѣе вялыхъ, неяркихъ, нехарактерныхъ повѣстей Чехова. *Это* — не «Три года».

Что же сдѣлалъ Чеховъ съ этой работой, несомнѣнно существовавшей, доведенной, самое меньшее, до трехъ печатныхъ листовъ? Не въ правѣ ли мы ждать гдѣ-то въ загадочной дали великолѣпной находки неизвѣстнаго труда любимаго автора?

V

Здѣсь умѣстно, хотя бы ради отрицательнаго вывода коснуться одной легенды, уже ставшей достояніемъ печати. Послѣ смерти Чехова въ московскихъ «Новостяхъ

Дня» появилось письмо въ редакцію, подписанное иниціаломъ К.:

«Отъ Чехова еще при жизни ждали обширнаго романа изъ современной жизни. Оказывается, такой романъ А. П. Чеховымъ *былъ написанъ* въ самомъ началѣ его литературной карьеры, *но это произведеніе такъ и не увидѣло свѣта*. Мы узнали объ этомъ неизданномъ романѣ Чехова отъ бывшаго редактора журналовъ «Эпоха» и «Радуга», Д. А . Мансфельда.

«— Мнѣ помнится, — разсказывалъ Д. А. Мансфельдъ: — въ 1885 или 1886 году ко мнѣ въ редакцію, помѣщавшуюся тогда въ Столешниковомъ пер., въ домѣ Карзинкина, зашелъ худощавый молодой человѣкъ съ небольшой бородкой и въ пенсне. Онъ отрекомендовался Чеховымъ и предложилъ мнѣ просмотрѣть написанный имъ романъ, который принесъ съ собой. Это былъ громадный фоліантъ, толщиной почти въ полторы стопы бумаги. Взглянувъ на эту рукопись и даже не просматривая ее, я категорически отказалъ автору въ ея напечатаніи, потому что такой романъ долженъ былъ занять въ теченіе цѣлаго года большую часть каждаго номера журнала.

«— Если это длинно, то я могу сократить, — возразилъ мнѣ А. П. Чеховъ.

«— Помилуйте, это какъ ни сокращай, хоть даже наполовину, такъ и то растянешь на цѣлый годъ, а это положительно невозможно.

«Авторъ, повидимому, былъ смущенъ такимъ недружелюбнымъ пріемомъ, и наша бесѣда по поводу романа велась крайне медленно. А. П. Чеховъ между прочимъ сообщилъ, что романъ этотъ написанъ подъ впечатлѣніемъ крупнаго процесса Вальяно, обвинявшагося въ торговлѣ контрабанднымъ товаромъ. Процессъ этотъ въ свое время на югѣ возбуждалъ безконечные толки.

Въ дѣлѣ былъ замѣшанъ не одинъ Вальяно, а цѣлый десятокъ торговцевъ и дамъ, способствовавшихъ провозу контрабанды. Гражданскій искъ по этому дѣлу былъ опредѣленъ въ нѣсколько милліоновъ. А. П. Чеховъ объяснилъ тогда же, что онъ готовъ продать свой романъ за какую угодно сумму, такъ какъ чрезвычайно нуждается въ деньгахъ, но мнѣ для своихъ журналовъ такой романъ рѣшительно не подходилъ по объему, и я даже уклонился отъ его прочтенія. *Куда дѣвалась эта рукопись и была ли она кому-нибудь извѣстна еще, — я не знаю*, и этотъ вопросъ было бы чрезвычайно любопытно выяснить».

Извѣстіе Мансфельда въ свое время обошло всѣ газеты. Родными оно не было опровергнуто, но не было и подтверждено. Беллетристъ А. С. Грузинскій высказалъ увѣренность, что Чеховъ никогда не ходилъ къ Мансфельду, издателю «Радуги», и никакого романа, написаннаго подъ впечатлѣніемъ процесса Вальяно и др. контрабандистовъ, ему не предлагалъ. Разсказъ Мансфельда ему представляется вздорнымъ и съ фактической и съ «психологической» стороны.

Мансфельдъ сообщаетъ, что это было въ 1885—1886 гг. Посѣщеніе нельзя отнести къ 1886 году, такъ какъ въ 1886 г. Чеховъ уже работалъ въ «Новомъ Времени», получая по 12 к. за строчку. Время, когда Чехову, по его собственному признанію, по десяти разъ приходилось ходить въ «Будильникъ» за трехрублевкой — самое начало 80-хъ годовъ.

Но и тогда, въ началѣ 80-хъ гг., Чеховъ былъ близокъ къ редакціямъ московскихъ журналовъ: «Будильника», «Свѣта и Тѣней», «Зрителя» и другихъ, а въ редакціи «Будильника» былъ своимъ человѣкомъ. Вѣроятно ли послѣ этого, чтобы онъ засѣлъ за громадный романъ («стопы полторы писаныхъ»), а написавъ романъ, ходилъ по редакціямъ, выкланивая пріемъ, и въ

скитаніяхъ своихъ забрелъ даже къ Мансфельду, надъ которымъ немало потѣшались въ тѣ дни въ литературныхъ кружкахъ. Что такое былъ Мансфельдъ — достаточно краснорѣчиво скажетъ такой случай. Во время редактированія имъ «Радуги» его постигло какое-то семейное горе: у него умерла дочь или жена. Онъ напечаталъ объ этомъ въ журналѣ, подписчики прислали ему груду писемъ, выражая соболѣзнованіе, и всѣ эти письма онъ печаталъ на страницахъ «Радуги»!

Престижъ пишущаго человѣка стоялъ въ тѣ дни не ниже, чѣмъ теперь. Даже молодой авторъ зналъ себѣ цѣну и умѣлъ держать себя передъ издателемъ съ достоинствомъ. Однажды Ник. Чеховъ запоздалъ принести рисунокъ въ редакцію, и, когда потомъ редакторъ въ грубоватой формѣ началъ выговаривать ему, Чеховъ разорвалъ рисунокъ въ клочки, бросилъ ихъ въ уголъ и отрясъ прахъ отъ ногъ редакціи.

Растерянное поведеніе мнимаго А. П. Чехова у Мансфельда съ жалкими предложеніями «сократить романъ» не вяжется съ духомъ тогдашняго Чехова. Тонъ первыхъ писемъ его къ Лейкину, если можно такъ выразиться, «излишне вѣжливъ». Но во всякомъ случаѣ независимо и безъ заискиванья держится онъ передъ редакторомъ.

Еще болѣе невѣроятнымъ представляется и сюжетъ мнимо-чеховскаго романа,—злободневный и предположительно имѣвшій обличительныя цѣли. Если въ мелкихъ разсказцахъ ранней поры Чеховъ касается злобъ дня, то въ большихъ вещахъ у него и тогда были уже совсѣмъ другія задачи. Какъ художникъ, не могъ онъ писать романы подъ впечатлѣніемъ процессовъ Вальяно.

«Лично мнѣ, — пишетъ А. С. Грузинскій: — Чеховъ никогда не напоминалъ объ этомъ миѳическомъ романѣ. Это, конечно, не доказательство. Но вообще онъ очень

много разсказывалъ мнѣ о своихъ первыхъ литературныхъ шагахъ. Онъ былъ со мною совершенно откровененъ. Въ исторіи съ Мансфельдомъ ему, конечно, нечего было скрывать. Но, съ другой стороны, какой резонъ былъ и Мансфельду сочинять эту исторію».

Исторія съ миѳическимъ романомъ Чехсва такъ и осталась неразъясненною. Предположеніе, что авторомъ этого романа былъ не Антонъ Чеховъ, а его родной братъ Александръ, авторъ нѣсколькихъ романовъ, нѣкоторое время въ самомъ дѣлѣ служившій въ таганрогской таможнѣ, не окончательно отпадаетъ, и послѣ того, какъ оно, печатно высказанное, было рѣшительно отвергнуто самимъ Ал. Чеховымъ [1]).

---

[1]) «Сколько мнѣ извѣстно,—писалъ буквально Ал. Чеховъ послѣ того, какъ мною, со словъ А. С. Грузинскаго, было высказано предположеніе о его визитѣ къ Мансфельду, — братъ мой Антонъ Павловичъ никогда романа на эту тему не писалъ—ни большого, ни маленькаго. Я, Александръ Павловичъ Чеховъ, тоже подобнаго ро мана никогда не писалъ. Возникновеніе слуховъ объ этомъ романѣ кѣмъ бы эти слухи ни были пущены, нужно отнести къ области фантазіи».

Этотъ категорическій отказъ Ал. П. Чехова не кладетъ, однако, конца догадкѣ. Конечно, довольно трудно согласиться съ А. В. Амфитеатровымъ, будто А-ндръ П. могъ «просто забыть все это про исшествіе».—«Какъ?—удивится кто-нибудь,—забыть о цѣломъ написанномъ романѣ?.. Да, какъ это ни странно, могъ. Психическій міръ Александра Чехова—любопытнѣйшая загадка. Этотъ человѣкъ весьма часто переживалъ какое-то раздвоеніе личности, когда воображаемое казалось ему дѣйствительнымъ, а въ дѣйствительности онъ бродилъ, какъ въ смутномъ снѣ. Въ воспоминаніяхъ его о братѣ много такого, чего никакъ не могло быть ни по времени, ни по мѣсту, и въ чемъ, однако, онъ, повидимому, былъ вполнѣ добросовѣстно увѣренъ, ибо, въ противномъ случаѣ, не выносилъ бы такихъ легко опровержимыхъ разсказовъ въ печать». (Сборникъ «Энергія», III).

Легче согласиться съ Грузинскимъ, который въ статьѣ своей «Пропавшіе романы и пьесы Чехова» (сборникъ «Энергія», III) не довѣряетъ отреченію брата Чехова. «Я не сталъ спорить, чтобы не

Какъ же рѣшить, не прибѣгая къ фантазіямъ, вродѣ мансфельдовской, спорный вопросъ?

Разрѣшеніе это просто и, думается, безусловно. Романъ — не фикція Чехова и не простая похвальба его передъ людьми, возлагавшими на него большія надежды и требовавшими отъ молодого самолюбиваго таланта скорѣйшаго выполненія яркихъ ожиданій. Онъ на самомъ дѣлѣ писалъ романъ, временами увлекаясь и чувствуя большое удовлетвореніе, временами тяготясь громоздкой формой, непривычной для него, въ такомъ совершенствѣ усвоившаго сжатую и изящную форму новеллы. Въ романѣ неизбѣжны балластныя, затяжныя страницы. Чеховъ скоро понялъ, что можно быть чу-

---

задѣть самолюбія писателя, но и теперь, послѣ смерти Ал. Чехова (онъ умеръ весной 1913 года), продолжаю думать, что если кто-либо былъ у Мансфельда, то только онъ. Александръ Чеховъ какъ разъ служилъ въ таганрогской таможнѣ вскорѣ послѣ знаменитыхъ хищеній и знаменитаго процесса, возбудившаго на югѣ безконечные толки. Александръ Чеховъ писалъ газетные романы, толщиною, можетъ-быть, не только въ полторы, но и въ двѣ, въ три стопы бумаги. Въ одесскомъ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» у него печаталось нѣсколько романовъ («Перелетныя птицы» и др.). Кончилъ онъ историческими романами въ «Вѣдомостяхъ Спб. Градоначальства». Почему онъ отрекся отъ «фоліанта»? Вѣроятно, потому, что въ описаніи Мансфельда авторъ романа игралъ довольно жалкую роль. И никого не обижая, не дѣлая никакихъ указаній, онъ счелъ за лучшее откреститься отъ этой роли».

Психологическое правдоподобіе, въ самомъ дѣлѣ, на сторонѣ Грузинскаго. А-дръ Чеховъ долженъ былъ бы публично расписаться въ своей неудачѣ, снявъ ее съ брата. Надо вообще учесть, что быть Чеховымъ «да не тѣмъ» и притомъ всю жизнь работать въ той же области, гдѣ работалъ «большой» Чеховъ, постоянно слышать восторженный вопросъ при рекомендаціи и видѣть слѣдомъ за тѣмъ разочарованіе,—было въ самомъ дѣлѣ испытаніемъ свыше силы. На нашихъ глазахъ такое соперничество братьевъ, въ особенности въ тщеславной сферѣ искусства, дѣлало изъ нихъ враговъ, избѣгающихъ встрѣчъ въ жизни.

деснымъ скрипачемъ и не умѣть играть на роялѣ, и отъ недоступной формы онъ отказался, поскольку она была чужда ему, какъ художнику. Въ немъ сказался тотъ человѣкъ, который однажды написалъ: «Волга очень красива и оригинальна, но, къ сожалѣнію, природа переборщила и хорошую пьесу растянула на двѣнадцать дѣйствій». (П. IV. 388).

Романа онъ не напечаталъ, потому что и не написалъ а готовыя части раздробилъ и округлилъ въ отдѣльныя повѣсти. Письмо Суворину едва ли оставляетъ въ этомъ какія-либо сомнѣнія. Обдумывая романъ, Чеховъ держался именно формы «отдѣльныхъ законченныхъ разсказовъ». Перелить отдѣльныя главы въ самостоятельныя повѣсти и разсказы было и нетрудно при этой благоразумной предусмотрительности. Можно не сомнѣваться, что ближайшая къ 1889-му году большая повѣсть «Дуэль» — была, если не всецѣлымъ, то однимъ изъ наиболѣе явныхъ осуществленій мысли о романѣ. Пожалуй, можно допустить, что герой «Дуэли» бывшій студентъ Лаевскій, именно тотъ «студентъ, который умретъ», о какомъ читаемъ въ письмѣ къ Суворину. Онъ не падаетъ на дуэли съ фонъ-Кореномъ, но возможно, что по первоначальному плану и долженъ былъ стать жертвою поединка.

Что еще болѣе приближаетъ къ этому заключенію о загадочномъ романѣ Чехова, это, съ одной стороны, его свободное обращеніе съ терминомъ «романъ» (такъ онъ говорилъ о «Трехъ годахъ», какъ о романѣ, П. IV. 329; въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ И. Н. Потапенкѣ, отъ 1896-го г., такъ говоритъ и о «Моей жизни»,—«пишу романъ для «Нивы») и съ другой, особенность его творчества, иногда очень далеко отходившаго отъ первоначальнаго замысла. О тѣхъ же «Трехъ годахъ» онъ писалъ одной

литературной знакомой: «*Замыселъ былъ одинъ, а вышло что-то другое*, довольно вялое и не шелковое, какъ я хотѣлъ, а батистовое». (Е. М. Ш., 1894 г.). Отказавшись отъ формъ романа въ пользу формъ разсказа, Чеховъ могъ такъ отступить отъ ранняго замысла, что посвященные въ планъ его романа могли въ новой повѣсти и не узнать перваго замысла.

Всѣмъ этимъ соображеніямъ не противорѣчитъ и мнѣніе М. П. Чехова. «Одновременно (съ Лѣшимъ), читаемъ у него, Чеховъ писалъ какой-то большой романъ, о которомъ часто мечталъ вслухъ и любилъ говорить, но романъ этотъ такъ и не увидѣлъ свѣта и не былъ найденъ въ его бумагахъ. Вѣроятно, требовательный къ себѣ, онъ остался имъ недоволенъ, уничтожилъ его или воспользовался имъ для разсказа. Писалъ онъ его нѣсколько лѣтъ».

МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ и МЕДИЦИНОЙ.

I

Вмѣстѣ съ тремя послѣдними годами пребыванія въ таганрогской гимназіи, студенческіе годы Чехова—наименѣе освѣщенный періодъ его жизни. Это было время упорнаго двойного труда по завоеванію докторскаго диплома и добыванію насущнаго хлѣба въ той отрасти литературы, которая всего менѣе могла нести художественныхъ удовлетвореній. Правдоподобно, что Чехову въ это время было просто не до писемъ, и онъ свелъ свою корреспонденцію до минимума. Можетъ-быть, просто отъ этой поры его безвѣстности они не сохранились.

По переѣздѣ изъ Таганрога Чеховы поселились въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ московскихъ районовъ, на Драчевкѣ (нынѣшней Трубной), снявъ полуподвальную квартиру въ четыре комнаты. Здѣсь, съ отцомъ и матерью, размѣстились семь душъ. Отецъ, поступившій на службу въ амбаръ Гаврилова въ Теплыхъ рядахъ на 600 р. годового содержанія, ночевалъ на мѣстѣ службы и приходилъ домой только по воскресеньямъ и праздникамъ. Чтобы облегчить бремя уплаты за квартиру въ семью были приняты «нахлѣбники» (жильцы).

(МСК, 43). При всей тѣснотѣ въ домѣ Чеховыхъ было весело. Постоянное общество семьи составляли будущіе художники Левитанъ, Коровинъ и Яновъ. Устраивались маскарады, вечеринки, импровизаціи, душой которыхъ былъ Антонъ. Въ квартирѣ Чеховыхъ порой бывало настолько шумно, что владѣлецъ дома, причтъ церкви Николы Драчи, не выдержалъ и выселилъ семью. (МСК, 54).

Впечатлѣнія молодости, типы и характеры студентовъ, наблюденные Чеховымъ за это время, нашли богатѣйшее отраженіе въ его послѣдующихъ разсказахъ. Молодой писатель жадно ловилъ всѣ впечатлѣнія жизни. Все это были—темы и «хлѣбъ». Кто хочетъ знать, подъ какими вліяніями и подсказами дѣйствительности сложились многіе изъ его разсказовъ, найдетъ эти указанія въ воспоминаніяхъ его брата М. П. [1]).

Уходившій на упорный трудъ академическій сезонъ смѣнялся болѣе спокойнымъ лѣтнимъ времяпровожденіемъ. Оно всегда проходило на лонѣ природы. Такъ, каникулы по переходѣ на второй курсъ Чеховъ провелъ въ имѣніи своего земляка Зембулатова, въ 35 верстахъ отъ Таганрога, въ имѣніи его отца. Молодежь жила шумно и весело, ѣздила по сосѣдству въ гости, ловила рыбу, охотилась на воробьевъ. Подружившись со священникомъ, Чеховъ по праздникамъ ходилъ въ ефремовскую церковь читать на клиросѣ. (МСК, 55). Лѣтомъ 1884 г. онъ наѣзжалъ къ своему брату Ивану въ заштатный г. Воскресенскъ (Моск. г.), гдѣ тотъ несъ должность учителя приходскаго училища. Общеніе А. П. съ дѣтьми одной семьи и знакомство съ военною жизнью дали толчекъ къ созданію «Дѣтворы» и пригодилось для «Трехъ сестеръ» (БЧ.). Въ близкой къ Воскресенску

---

[1]) «Памяти Чехова», изд. «Общ. любит. рус. словесности», 1906.

Чикинской земской больницѣ у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго Чеховъ имѣлъ первую медицинскую практику.

Отъ нѣкоторыхъ товарищей Чехова, у которыхъ онъ гостилъ, сохранились странички воспоминаній объ этой порѣ его жизни, не вносящія, впрочемъ, чего-либо новаго въ знакомый намъ юношескій образъ его. Нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ онъ провелъ въ Бабкинѣ, имѣніи своего знакомаго, г. Киселева, въ чрезвычайно культурной и литературной средѣ, въ обществѣ между прочимъ В. П. Бегичева, бывшаго директора московскихъ императорскихъ театровъ. Картины Бабкина отражены во многихъ разсказахъ этой поры, а «Смертью чиновника» и «Володей» А. П. непосредственно обязанъ Бегичеву (БЧ.). Домъ Киселевыхъ, къ которому въ свое время были близки Даргомыжскій, Чайковскій, а въ бытность тамъ Чехова — художникъ Левитанъ и теноръ Владиславлевъ, гдѣ любили музыку и литературу, выписывали журналы, говорили объ искусствѣ, —способствовалъ развитію въ немъ любви къ музыкѣ. Часто ѣздилъ онъ въ Звенигородъ и одно время, по просьбѣ мѣстнаго врача, несъ здѣсь завѣдываніе лѣчебницей, исполнялъ порученія администраціи, ѣздилъ на вскрытія и былъ экспертомъ въ судѣ. Воскресенскъ и Звенигородъ, по мнѣнію М. П. Чехова, сыграли въ литературной жизни его немаловажную роль. На этихъ впечатлѣніяхъ, на добытомъ здѣсь знаніи мужика и чиновника основанъ рядъ его разсказовъ. (Бѣглецъ, Токарь, Мертвое тѣло, На вскрытіи, Экзаменъ на чинъ). Въ Новомъ Іерусалимѣ онъ полно наслаждался природою и всѣми ея благами— рыбной ловлей, походами за грибами и т. д. Съ похвальбой онъ пишетъ Лейкину о монастырѣ, гдѣ, по особенностямъ его, каждое воскресенье понынѣ поется пасхальная служба.

~~Зимою~~ Лѣтомъ немногочисленные часы отдыха и развлеченія отдавались Сокольникамъ, селу Богородску и тѣмъ дачнымъ выселкамъ, которые Чеховъ описывалъ въ «Дачникахъ», «Лишнихъ людяхъ» и т. д., а братъ Николай зарисовывалъ въ каррикатурахъ.

Въ Москвѣ Чехову во всякомъ случаѣ жилось, что называется, въ тѣснотѣ, но не въ обидѣ. Въ домѣ постоянно былъ народъ, молодежь. «Я положительно не могу жить безъ гостей,—много позднѣе (1889 г.) писалъ А. П.—Когда я одинъ, мнѣ почему-то становится страшно, точно я среди великаго океана солистомъ плыву на утлой ладьѣ». Семейные праздники свято чтились. Отъ этого веселаго, но немножко не по средствамъ житья Чехову иногда приходилось спасаться искусственно. «Путешествовалъ я съ корыстною цѣлью,—признается онъ Лейкину (1884, январь):—удралъ отъ именинъ, которыя обходятся мнѣ обыкновенно дороже всякихъ поѣздокъ».

Въ сохранившемся въ канцеляріи проректора «Дѣлѣ № 548—о принятіи въ студенты Антона Чехова» имѣются пожелтѣвшія копіи съ аттестата и свидѣтельства объ утвержденіи его въ степени лѣкаря и званіи уѣзднаго врача. Чеховъ кончилъ курсъ «при *очень хорошемъ* поведеніи» и съ *удовлетворительными* успѣхами. Подъ документомъ подписи ректора Боголѣпова, декана Склифасовскаго и секретаря Облеухова. Документъ этотъ помѣченъ 15 ноября 1884 г., съ какого дня и слѣдуетъ собственно считать выходъ Чехова въ жизнь. На дверяхъ его появилась карточка — «Антонъ Павловичъ Чеховъ, врачъ». Извѣстно. что въ этомъ году онъ подавалъ прошеніе въ московскую дѣтскую больницу.

Встрѣтившійся съ нимъ въ Москвѣ его товарищъ по гимназіи такъ описываетъ Чехова этой поры.

«Антонъ Чеховъ былъ неузнаваемъ. Вмѣсто вялаго, рыхлаго увальня, съ пухлымъ, какъ булка, лицомъ, предо мною стоялъ высокій, стройный юноша съ веселымъ, открытымъ и необыкновенно симпатичнымъ лицомъ. Легкій пушокъ темнѣлъ на его верхней губѣ. Цѣлая волна шелковистыхъ волосъ, поднявшись у лба, закругленнымъ изгибомъ уходила назадъ, съ слегка раздвинутымъ проборомъ почти на серединѣ головы, что придавало Чехову характеръ русскаго миловиднаго парня, какіе встрѣчаются въ зажиточныхъ крестьянскихъ семьяхъ. Меня поразили въ Чеховѣ его внушительная степенность, хорошій, спокойный тонъ и ровное, привѣтливое обращеніе. Онъ не суетился, не радушничалъ и не старался во что бы то ни стало быть остроумнымъ и интереснымъ. Но отъ него такъ и вѣяло самоцвѣтностью, умомъ, привлекательностью. Особенно понравился мнѣ его голосъ—звучный, съ басовыми нотками, какимъ говорятъ юноши, когда у нихъ начинаютъ прорастать усы. Басовый тембръ голоса, слегка только потускнѣвшій въ послѣдніе годы, и студенческое словцо «понимаешь»—остались у Чехова до послѣднихъ дней» [1]).

У біографа нѣтъ достаточныхъ данныхъ утверждать, что въ это время литературная карьера была уже опредѣленно намѣчена Чеховымъ. Напротивъ, его готовность послужить на поприщѣ медицинскомъ совершенно безспорна. Полученіе диплома не могло не дать ему извѣстнаго удовлетворенія. «Живу съ апломбомъ,—писалъ онъ въ 1884 г. Лейкину,—такъ какъ ощущаю въ своемъ карманѣ лѣкарскій паспортъ». Маленькая карточка на его дверяхъ была не формальнымъ только выраженіемъ его намѣреній заняться медицинской практикой.

---

[1]) Воспом. П. А. Сергѣенко.

И онъ дѣйствительно лѣчитъ, какъ можетъ и кого можетъ, и притомъ добрую половину даромъ. Уже въ 1885 году онъ отмѣчаетъ въ письмѣ къ брату, что пора матеріальной нужды для него миновала, и положеніе семьи, если онъ будетъ живъ и здоровъ, обезпечено. У него нѣтъ долговъ и не предвидится. Нѣтъ роскоши, но нѣтъ и недостатка. Въ его пріемной новая мебель и піанино.

Профессія Чехова очень замѣтно отразилась въ его книгахъ. Молоствовъ, взявшій на себя едва ли нужный трудъ подсчета, сколько типовъ аристократіи, дворянства, чиновничества, духовенства, крестьянства и т. д. вывелъ Чеховъ въ своихъ разсказахъ,—съ цифрами въ рукахъ засвидѣтельствовалъ усиленную повторяемость среди его героевъ—докторовъ, фельдшеровъ, сидѣлокъ и т. д. [1]).

Нѣкоторыя раннія впечатлѣнія практики должны были особенно врѣзаться въ память его на всю жизнь. Такъ запомнились ему первыя поѣздки на судебно-медицинскія вскрытія. Съ захватомъ и очевиднымъ писательскимъ удовлетвореніемъ онъ описываетъ въ подробномъ письмѣ Лейкину (1884 г.) одну изъ такихъ поѣздокъ на тройкѣ, съ добродушнымъ старикомъ-слѣдователемъ и уѣзднымъ врачомъ. Чеховъ даетъ здѣсь художественно выписанную картину вскрытія трупа, которую потомъ не разъ отражалъ въ своихъ разсказахъ. Вы видите всю печальную процедуру медицинскаго изслѣдованія тѣла на полѣ подъ зеленью молодого дуба, на проселочной

[1]) Въ критической литературѣ есть не одна попытка систематизировать типы медиковъ въ освѣщеніи Чехова. Назовемъ д-ра М. А. Штерна, «Типы врачей, ихъ общественное и матеріальное положеніе въ произв. А. Чехова» («Врачебная Газета» съ іюля 1904 г.) и брошюру по поводу этихъ статей: Г. П. Задера, «Медицинскіе дѣятели А. П. Чехова въ оцѣнкѣ д-ра Штерна», Спб. 1905.

дорогѣ, встревоженную деревушку, понятыхъ, десятскаго съ бляшкой, бабу-вдову, голосящую вблизи, гаснущій маленькій костеръ и т. д.

Характерный разсказъ изъ ранней практики Чехова сохранилъ въ своихъ страничкахъ воспоминаній о немъ знаменитый И. Е. Рѣпинъ. «Разъ, сидя у меня,—пишетъ онъ,—А. П. увлекся воспоминаніемъ своей практики, земскаго врача. Нарисовалъ нѣсколько живѣйшихъ картинъ—въ деревняхъ, когда онъ являлся туда на вскрытія труповъ скоропостижно умершихъ. Дѣло происходило большей частью на открытомъ воздухѣ. Зрители выползали со всѣхъ угловъ и переулковъ, и все смѣлѣе и смѣлѣе обступали доктора, раскладывавшаго хирургическіе инструменты вблизи покойника, торжественно лежащаго на столѣ, посреди широкой улицы. Увлеченный своимъ непріятнымъ дѣломъ по обязанности, Чеховъ не замѣчалъ, какъ любознательные мальчишки, все болѣе и болѣе подвигаясь ближе къ умершему, наконецъ, даже мѣшали доктору... При этомъ духъ! Хотя и на открытомъ воздухѣ... И вдругъ, при поворотѣ раздутаго мертвеца, полнаго газовъ, покойникъ сдѣлалъ губами бр-р-р. Публикѣ показалось, что онъ оживаетъ... съ визгомъ бросились вразсыпную, кувыркаясь другъ черезъ друга во всѣ стороны, испуганные мальчишки...»

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ Чеховъ передавалъ А. Грузинскому нѣсколько особенно характерныхъ случаевъ изъ его медицинской практики въ Москвѣ. Больше всего и чаще всего онъ лѣчилъ бѣдныхъ и бѣдствующихъ изъ литературной братіи, различныхъ газетныхъ поэтовъ и романистовъ, которые шли къ нему такъ же просто, какъ ходятъ въ безплатную лѣчебницу для приходящихъ больныхъ. Зная его доброту, съ нимъ не стѣснялись. Одинъ изъ газетныхъ романистовъ, уже

умершій Р—ль, однажды протащилъ его чуть не черезъ половину Москвы лѣчить горничную меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ онъ обиталъ. Приходилось ему ѣздить и къ незнакомымъ людямъ.

Конечно, было бы невѣрно заключать, что въ медицинѣ А. П. нашелъ только содѣйствіе литературѣ, только новыя благопріятныя позиціи для своей писательской наблюдательности. Помимо прямой внѣшней помѣхи въ работѣ, о которой рѣчь ниже, самая психологія молодого врача содержала много тревожнаго и отвлекающаго. Правда, натура реальная и въ высшей степени самообладающая, Чеховъ, повидимому, вовсе не переживалъ того повышеннаго нервнаго волненія, той мучительной неувѣренности въ себѣ, о какихъ мы читаемъ въ популярной книгѣ В. Вересаева о молодыхъ врачахъ. Чеховъ вѣрилъ въ себя, а неизбѣжное считалъ неизбѣжнымъ и даже за невольную ошибку, сдѣланную при добромъ желаніи, едва ли сталъ бы себя казнить. Однако, нѣчто изъ такихъ настроеній было и ему знакомо.

Въ «Дядѣ Ванѣ» докторъ Астровъ, среди безобиднаго разговора съ старой нянькой, вдругъ вспоминаетъ объ умершемъ на его глазахъ подъ хлороформомъ стрѣлочникѣ. «И когда вотъ не нужно, чувства проснулись во мнѣ, и защемило мою совѣсть, точно это я умышленно убилъ его». Въ этомъ мелкомъ бликѣ можно чувствовать отраженіе подлинныхъ настроеній впечатлительной чеховской души, иногда, можетъ-быть, точно такъ же сжимавшейся подъ впечатлѣніемъ какой-нибудь неудачи или сознанія своего безсилья.

Самъ Чеховъ разсказывалъ, какъ однажды пережилъ мучительныя минуты изъ-за того, что на рецептѣ по разсѣянности неправильно поставилъ запятую въ дробномъ обозначеніи аптекарской мѣры, такъ что лѣкарство

въ такомъ видѣ пріобрѣтало характеръ яда [1]). Сохраненъ въ воспоминаніяхъ другой случай, когда умирающая женщина въ самый моментъ агоніи схватила его руку и такъ и умерла, не выпуская ея. Этотъ случай произвелъ на него сильное впечатлѣніе

Есть спеціальная «докторская психологія», которую едва ли даже можетъ въ полную мѣру почувствовать непрофессіоналъ, и при своей впечатлительности Чеховъ, конечно, не ушелъ отъ нея. «Когда домашніе, родные и прислуга принимаютъ «всѣ мѣры» и изъ кожи лѣзутъ вонъ, докторъ сидитъ и глядитъ дуракомъ, опустивъ руки, уныло стыдясь за себя и за свою науку и стараясь сохранить наружное спокойствіе... У врачей бываютъ отвратительные дни и часы, не дай Богъ никому этого. Среди врачей, правда, нерѣдкость невѣжды и хамы, какъ и среди писателей, инженеровъ, вообще людей, но тѣ отвратительные часы и дни, о которыхъ я говорю, бываютъ только у врачей, и за сіе, говоря по совѣсти, многое простить должно».

Мало всего этого, хотя и чуждый всякой неврастенической податливости страху, хотя и свободный отъ всякой мистики, Чеховъ не избѣжалъ власти иногда необъяснимыхъ, часто нелогичныхъ, но навязчивыхъ умственныхъ внушеній. Такою идеею для первой поры была мысль

---

[1]) Вотъ какъ рисуетъ этотъ случай М. П. Чеховъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Практика его началась за тридевять земель отъ его квартиры въ Лефортовѣ, у учителя кадетскаго корпуса и здѣсь на первыхъ же порахъ братъ написалъ невѣрный рецептъ. Возвратившись домой, онъ провѣрилъ себя, убѣдился въ своей ошибкѣ и мучился ужасно. Кончилъ онъ тѣмъ, что въ полночь, захвативъ меня съ собою, на послѣднія деньги нанялъ у гостиницы «Саратовъ» лихача и помчался снова въ кадетскій корпусъ, чтобы взять обратно несчастный рецептъ. Къ его удивленію, въ аптеку еще не посылали.— «Ты знаешь,—показывалъ онъ мнѣ этотъ рецептъ,—запятую въ граммахъ не тамъ поставилъ. Вотъ вышла бы катавасія»,

объ опасности для него тифа. При всемъ своемъ самообладаніи А. П. не могъ побѣдить разсудкомъ какъ бы какого-то предчувствія бѣды отъ этой болѣзни. «Въ Москвѣ свирѣпствуетъ сыпной тифъ,—писалъ онъ въ 1886 г. Билибину.—Я этого тифа особенно боюсь. Мнѣ кажется, что разъ заболѣвъ этой дрянью, я не уцѣлѣю, а предлоги для зараженія на каждомъ шагу... Зачѣмъ я не адвокатъ, а лѣкарь».

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу А. П. отчасти поясняетъ, почему это, къ счастью неоправдавшееся, предчувствіе было такъ непобѣдимо. «Въ Москвѣ свирѣпствуетъ тифъ (сыпной), унесшій въ самое короткое время *шесть* человѣкъ изъ моего выпуска. Боюсь! Ничего не боюсь, а этого тифа боюсь... Словно какъ будто что-то мистическое»...

II

Поначалу, пока Чеховъ былъ молодъ, и профессія занимала его, онъ не замѣчалъ ея терній и радовался своей практикѣ. «Лѣчу и лѣчу,—писалъ онъ дядѣ (1885 г.)— Каждый день приходится тратить на извозчика болѣе рубля. Знакомыхъ у меня очень много, а, стало-быть, не мало и больныхъ. Половину приходится лѣчить даромъ, другая же половина платитъ мнѣ пяти-и трехрублевики. (Въ Москвѣ врачамъ не платятъ менѣе 3-хъ рублей за визитъ. Здѣсь всякій трудъ дороже цѣнится, чѣмъ въ Таганрогѣ). Капитала, конечно, еще не нажилъ и не скоро наживу, но живу сносно и ни въ чемъ не нуждаюсь. Если буду живъ и здоровъ, то положеніе семьи *обезпечено*. Купилъ я новую мебель, завелъ хорошее піанино, держу двухъ прислугъ, даю маленькіе музыкальные вечерки, на которыхъ поютъ и играютъ... Долговъ нѣтъ и не чувствуется въ нихъ надобности...

Недавно забирали провизію (мясо и бакалею) по книжкѣ, теперь же я и это вывелъ и все беремъ за деньги. Что будетъ дальше, невѣдомо, теперь же грѣшно жаловаться».

Изъ многочисленныхъ воспоминаній людей, знавшихъ Чехова, извѣстно, что онъ не только не раскаивался въ выбранной спеціальности, но и имѣлъ довольно высокое самолюбіе медика, пробуждавшееся въ немъ всякій разъ, какъ кто-либо изъ окружающихъ готовъ былъ умалить эту его спеціальность за счетъ его блестящихъ успѣховъ въ спеціальности писательской. Правда, въ этомъ вопросѣ точка зрѣнія неспеціалиста можетъ расходиться съ взглядами человѣка врачебной профессіи. Вотъ что пишетъ между прочимъ хорошо знавшій Чехова врачъ Альтшулеръ:

«Въ однихъ воспоминаніяхъ я прочиталъ, что А. П. любилъ медицину, продолжалъ слѣдить за ея успѣхами по спеціальной литературѣ и еслибы не сталъ писателемъ, то несомнѣнно былъ бы выдающимся врачемъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Конечно, трудно сказать, что было бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но фактически по окончаніи очень непродолжительнаго участія своего въ московской земской медицинской организаціи онъ, кажется, медициной больше не занимался. Въ Ялтѣ онъ никогда никакихъ медицинскихъ книгъ не читалъ. Редакція «Русской Мысли» аккуратно пересылала ему газету «Русскій Врачъ», но онъ тамъ прочитывалъ только отдѣлъ хроники» [1]). Альтшулеръ отрицаетъ далѣе и серьезную практику Чехова въ Ялтѣ. Если это безусловно не точно, то и къ первому его утвержденію надо отнестись критически. Можетъ-быть, вниманіе А. П. къ медицинѣ было не то, какое у врачей считается идеаломъ научнаго

---

[1]) «Рус. Вѣд.», 1914, № 151.

отношенія къ профессіи, но это было серьезное и уважительное вниманіе, съ вѣрой въ дѣло, съ сознаніемъ обязанности. У него никогда не было досуга, но можно видѣть, что онъ не разставался съ мыслью сдѣлать что-то, и, можетъ-быть, не менѣе удачное, чѣмъ въ литературѣ,— и въ области медицинскаго изслѣдованія. Однажды онъ ставитъ себѣ въ честь примѣненіе при холерѣ одного соединенія, не пользующагося широкимъ распространеніемъ, и хвалитъ свой рецептъ; въ другомъ мѣстѣ онъ похваляется какимъ-то, именно ему принадлежащимъ рецептомъ пилюль противъ запора. Въ 1892 г. онъ писалъ Суворину: «Я купилъ цѣлый возъ лѣкарствъ. Хочу купить микроскопъ и займусь медицинской микроскопіей. Вообще займусь медициной самымъ основательнымъ образомъ».

Въ Вѣнѣ сохранилось воспоминаніе о томъ, что въ бытность здѣсь въ первый разъ въ началѣ 90-хъ годовъ А. П. работалъ здѣсь въ клиникахъ Бильрота и Капози,— сообщеніе, неизвѣстное изъ русскихъ источниковъ и нуждающееся въ подтвержденіяхъ [1]). Извѣстный д-ръ Членовъ сохранилъ показаніе, что Чеховъ выражалъ желаніе получить каѳедру частной патологіи и терапіи, чтобы развернуть свой курсъ по оригинальнѣйшей программѣ, гдѣ весь центръ тяжести лежалъ бы въ тщательномъ изученіи и освѣщеніи субъективной стороны болѣзненныхъ явленій при различныхъ страданіяхъ. (МСК, 64).

Въ бумагахъ А. П. остались матеріалы по исторіи медицины въ Россіи (Альтшулеръ, l. c.). Понятно, что при такомъ взглядѣ на профессію всѣ совѣты знакомыхъ отстраниться отъ медицины онъ энергично отталкивалъ, даже тогда, когда они шли, казалось бы,

---

[1]) Сообщено вѣнскимъ корреспондентомъ «Одесскихъ Новостей» въ годъ смерти А. П.

отъ людей и умудренныхъ житейскимъ опытомъ, и завѣдомо благожелательныхъ.

«Вы совѣтуете мнѣ не гоняться за двумя зайцами и не помышлять о занятіяхъ медициной,—пишетъ онъ Суворину въ годъ рѣшительныхъ завоеваній въ литературѣ.—Я не знаю, почему нельзя гнаться за двумя зайцами даже въ буквальномъ значеніи этихъ словъ,—были бы гончія, а гнаться можно. Гончихъ у меня, по всей вѣроятности, нѣтъ (теперь въ переносномъ смыслѣ), но я чувствую себя бодрѣе и довольнѣе собой, когда сознаю, что у меня два дѣла, а не одно... Медицина—моя законная жена, а литература—любовница. Когда надоѣдаетъ одна, я ночую у другой. Это хотя и безпорядочно, но зато не такъ скучно, да и къ тому же отъ моего вѣроломства обѣ рѣшительно ничего не теряютъ. Не будь у меня медицины, то я свой досугъ и свои мысли едва ли отдавалъ бы литературѣ. Во мнѣ нѣтъ дисциплины». (1888).

Сколько-нибудь замѣтнаго идейнаго разочарованія областью медицинской науки, какое пришло къ болѣе молодому поколѣнію и выразителемъ котораго явился Вересаевъ, въ Чеховѣ не было въ началѣ карьеры медика и не сложилось въ концѣ, какъ бываетъ со многими врачами. Напротивъ, въ немъ всегда чувствовалась благодарность своему образованію, пріучившему его мысль къ реальному здоровому мышленію и простому, трезвому взгляду на вещи безъ фантазій, суевѣрій и непобѣдимой мистики. Сохранились показанія не одного изъ знавшихъ его о томъ, что иногда онъ не безъ гордости подчеркивалъ, что онъ по образованію врачъ, цѣнилъ въ себѣ эти медицинскія знанія, и это полностью занесено имъ самимъ въ свой автобіографическій набросокъ. Когда въ Москвѣ возникла мысль объ основаніи спеціальнаго журнала «Хирургія»,—Чеховъ оказался въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ предпріятію. Въ 1895 г., когда ре-

дакція «Хирургической Лѣтописи» обратилась къ нему за содѣйствіемъ этому полезному журналу, почти обреченному на гибель за отсутствіемъ поддержки, Чеховъ принялъ близко къ сердцу это горе коллегъ, какъ свое собственное, и въ рядѣ писемъ (IV. 407 и д.) отражена его искренняя радость, когда ему удалось добиться благопріятнаго исхода.

Общероссійское равнодушіе къ литературѣ и искусству и скромность самого А. П. были причиною того, что многіе среди врачей даже не знали, что Антонъ Чеховъ —ихъ коллега, и узнали объ этомъ только на VIII Пироговскомъ съѣздѣ въ 1902 году. Художественный театръ—спеціально для съѣхавшихся—поставилъ «Дядю Ваню», и со спектакля Чехову была отправлена въ Ялту покрытая массой подписей привѣтственная телеграмма.

Тяжко больной, онъ былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ: «Большое, сердечное вамъ спасибо за письмо и хлопоты на съѣздѣ,—писалъ онъ извѣстному д-ру Членову.— Во время съѣзда я чувствовалъ себя принцемъ, телеграммы поднимали меня на высоту, о которой я никогда не мечталъ». Цѣня товарищество по образованію, онъ и самъ умѣлъ быть хорошимъ товарищемъ, и, повидимому, ему было лестно оказать коллегамъ услугу въ ихъ спеціальности.

Медицинскихъ познаній своихъ, во всякомъ случаѣ, Чеховъ не забывалъ никогда и никогда не отдалялся совсѣмъ отъ практики, ни въ Мелиховѣ, ни въ Ялтѣ.

Лѣчилъ онъ бѣдныхъ и учащихся безплатно, а деликатность его не позволяла брать за свой трудъ врача и во многихъ иныхъ случаяхъ, въ особенности, когда къ нему уже стала приходить и пришла писательская извѣстность.

Надо думать, что не весьма часто паціенты проявляли ту деликатную настойчивость, о которой А. П. разсказы-

ваетъ сестрѣ въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ путешествію на Сахалинъ. Однажды въ мѣстечкѣ Рейновѣ его пригласилъ къ больной женѣ нѣкій золотопромышленникъ. Когда Чеховъ уходилъ отъ него, онъ сунулъ ему въ руку пачку ассигнацій. «Мнѣ стало стыдно, я началъ отказываться и сунулъ деньги назадъ, говоря, что я самъ очень богатъ; разговаривали долго, убѣждая другъ друга, и все-таки въ концѣ у меня въ рукѣ осталось 15 рублей».

Гораздо чаще писателю-врачу приходилось наталкиваться на проявленія некультурности, на неумѣніе цѣнить чужой трудъ. Однажды Чеховъ прямо жаловался Суворину (изъ Мелихова, въ 1892 г.) на россійскіе нравы. «Русскій человѣкъ не понимаетъ деликатныхъ чувствъ. Сегодня пріѣзжалъ ко мнѣ сосѣдъ, богатый фабрикантъ съ сынишкомъ лѣчить горло и, прощаясь, протянулъ ко мнѣ три рубля. Я сказалъ: «зачѣмъ? полноте!» Онъ поблагодарилъ и положилъ деньги себѣ въ карманъ».

Работавшій сначала въ чикинской земской больницѣ, А. П. нѣкоторое время замѣнялъ потомъ врача звенигородской земской больницы. На время относительной молодости его, на 1892-й годъ, падаетъ случай, когда медицина потребовала отъ Чехова большой жертвы и своего рода экзамена, который онъ выдержалъ съ честью.

Въ 1892 году, на довольно долгій срокъ онъ превращается изъ писателя въ дѣятельнаго врача. Всегда чуткій къ своей спеціальности и носившій въ душѣ сознаніе какой-то обязанности «отплаты» медицинѣ онъ покорно подчинился необходимости поработать въ этой области и принялъ на себя обязанности санитарнаго врача серпуховского уѣзда въ холерный годъ. Трудъ былъ совершенно безмезднымъ, такъ какъ ради сохраненія свободы Чеховъ, вступая въ обязанности участковаго врача, отказался отъ всякаго вознагражденія. Со

вступленія въ эту должность Чеховъ - писатель замираетъ. Писать ему не остается никакого времени, онъ живетъ въ Мелиховѣ, и врачебное дѣло беретъ его полностью. Нѣсколько мѣсяцевъ, по замѣчанію М. П. Чехова, онъ почти не вылѣзаетъ изъ тарантаса, объѣзжая мѣстныхъ фабрикантовъ и убѣждая ихъ принять участіе въ борьбѣ съ эпидеміей.

Участокъ, въ который онъ былъ назначенъ, заключалъ въ себѣ 25 деревень, 4 фабрики и одинъ монастырь. Чеховъ же долженъ былъ взять на себя организацію устройства бараковъ и проч. «Я одинокъ, ибо все холерное чуждо душѣ моей,—писалъ онъ Суворину,—а работа, требующая постоянныхъ разъѣздовъ, разговоровъ и мелочныхъ хлопотъ, утомительна для меня. Писать некогда. Литература давно уже заброшена, и я нищъ и убогъ, такъ какъ нашелъ удобнымъ для себя и для своей самостоятельности отказаться отъ вознагражденія, какое получаютъ участковые врачи».

Обстановка, въ какой приходилось работать Чехову, оставляла желать многаго. «Помощниковъ у насъ нѣтъ, придется быть и врачемъ, и санитарнымъ служителемъ въ одно и то же время; мужики грубы, нечистоплотны, недовѣрчивы; но мысль, что наши труды не пропадутъ даромъ, дѣлаетъ все это почти незамѣтнымъ. Изъ всѣхъ серпуховскихъ докторовъ я—самый жалкій; лошади и экипажъ у меня паршивые, дорогъ я не знаю, по вечерамъ ничего не вижу, денегъ у меня нѣтъ, утомляюсь я очень скоро, а главное—никакъ не могу забыть, что надо писать, и мнѣ очень хочется наплевать на холеру и сѣсть писать. Одиночество круглое».

О писательствѣ въ эти дни надо было такъ рѣшительно забыть, что А. П. предупреждалъ редактора «Новаго Времени»: «Пока я служу въ земствѣ, не считайте меня литераторомъ. Ловить заразъ двухъ зайцевъ нельзя».

И онъ не преувеличивалъ,—такъ дѣйствительно и оказалось. Даже тогда, когда холеры не было, ожиданіе ея, устройство пункта, амбулаторія и разъѣзды отнимали «и время и желаніе писать» [1]).

Непривычный строй жизни, переходъ всецѣло къ интересамъ, какіе обычно играли только второстепенную роль, сразу утомляютъ Чехова. «Душа моя утомлена,—писалъ онъ уже черезъ полмѣсяца.—Скучно не принадлежать себѣ, думать только о поносахъ, вздрагивать по ночамъ отъ собачьяго лая и стука въ ворота (не за мной ли пріѣхали?), ѣздить на отвратительныхъ лошадяхъ по невѣдомымъ дорогамъ и читать только про холеру и ждать только холеры и въ то же время быть совершенно равнодушнымъ къ сей болѣзни и къ тѣмъ людямъ, которымъ служишь,—это, сударь мой, такая окрошка, отъ которой не поздоровится» (Суворину).

Окончанія холеры Чеховъ ждалъ въ сентябрѣ,—оказалось, что работы нашлось по 15 октября. Но и дальше слѣдовали санитарный съѣздъ, сдача холернаго инвентаря и т. п., такъ что писатель и въ концѣ октября, еще не принадлежалъ себѣ. «Занятъ я теперь по горло,—писалъ онъ,—потому до октября не заработаю ни одной копейки и буду яко нагъ, яко благъ; значитъ, послѣ холеры придется сидѣть дома и скавчать на бумагѣ и стараться снять съ каждаго издателя по двѣ шкуры» [2]).

Насколько напряженна была работа А. П., можно видѣть хотя бы изъ простого статистическаго показанія. Съ августа по 15 октября, по его словамъ, онъ записалъ на карточкахъ 500 больныхъ, въ общемъ же принялъ не менѣе тысячи. Участокъ ему казался удачнымъ: на немъ работали докторъ, фельдшеръ, было два отличныхъ

---

[1]) Л. Гуревичъ, отъ 10 сент. 1892 г.

[2]) Линтваревой, 1892.

барака, производились всѣ обязательные разъѣзды, посылались въ санитарное бюро отчеты, а расходъ оказался ничтоженъ, благодаря сосѣдямъ-фабрикантамъ, «отдувавшимся за земство» (П, IV. 138)

Новыя обязанности поставили Чехова и въ нѣкоторыя новыя положенія, чаще непріятныя, чѣмъ пріятныя. Онъ долженъ былъ хлопотать, склонять мѣстныхъ капиталистовъ на дѣло помощи, выигрывать благотворительныя ставки у лицъ и учрежденій. И когда дѣло заходило о рубляхъ, ассигнуемыхъ на дѣло помощи, значительность Чехова, какъ извѣстнаго писателя, иногда вовсе шла на смарку. Въ одномъ письмѣ онъ сохранилъ подробности двухъ такихъ, непріятныхъ для него эпизодовъ

Одно изъ такихъ впечатлѣній далъ Чехову его мелиховскій сосѣдъ, обладатель огромнаго, пользующагося россійской извѣстностью имѣнія и графъ. Онъ выдалъ своему доктору на борьбу съ холерой всего 500 руб. Его сестра, графиня, жившая въ участкѣ Чехова, когда онъ пріѣхалъ къ ней, чтобы поговорить о баракѣ для рабочихъ, держала себя съ нимъ такъ, какъ будто онъ «пришелъ къ ней наниматься». «Мнѣ стало больно, — пишетъ Чеховъ,— и я солгалъ ей, что я богатый человѣкъ. То же самое солгалъ я и архимандриту, который отказался дать помѣщеніе для больныхъ, которые, вѣроятно, случатся въ монастырѣ. На мой вопросъ, что онъ будетъ дѣлать съ тѣми, которые заболѣютъ въ его гостиницѣ, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Они люди состоятельные, и сами вамъ заплатятъ»... Понимаете ли? А я вспылилъ и сказалъ, что нуждаюсь не въ платѣ, ибо я богатъ, а въ охранѣ монастыря... Бываютъ глупѣйшія и обиднѣйшія положенія... Передъ отъѣздомъ графа я видѣлся съ его женой. Громадные бриллiанты въ ушахъ, турнюръ и неумѣнье держать себя. Милліонерша. Съ такими особами испытываешь

глупое семинарское чувство, когда хочется сгрубить зря». (Суворину, 1892, изъ Мелихова).

Единственными реваншами для А. П. были—личное нравственное удовлетвореніе при сознаніи добросовѣстно исполненнаго дѣла и довольство дружными усиліями мѣстной интеллигенціи. «Кстати о моемъ геніи,—пишетъ онъ Суворину,—за это лѣто я такъ насобачился лѣчить поносы, рвоты и всякія холерины, что даже самъ прихожу въ восторгъ: утромъ начну, а къ вечеру ужъ готово—больной жрать проситъ. Толстой вотъ величаетъ насъ мерзавцами, а я положительно убѣжденъ, что безъ нашего брата пришлось бы круто. Въ 30 верстахъ отъ меня заболѣло холерой 16 человѣкъ и умерло только 4, т.-е. 25%» (1892, октябрь).

Не менѣе категорическое заявленіе сохранено имъ и о дѣятельности мѣстныхъ культурныхъ силъ. «Интеллигенція работаетъ шибко, не щадя ни живота, ни денегъ; я вижу ее каждый день и умиляюсь и, когда при этомъ вспоминаю, какъ Житель и Буренинъ выливали свои желчныя кислоты на эту интеллигенцію, мнѣ дѣлается немножко душно. Въ Нижнемъ врачи и вообще культурные люди дѣлали чудеса. Я ужасался отъ восторга, читая про холеру. Въ доброе старое время, когда заболѣвали и умирали тысячами, не могли и мечтать о тѣхъ поразительныхъ побѣдахъ, какія совершаются теперь на нашихъ глазахъ. Жаль, что вы не врачъ и не можете раздѣлить со мной удовольствія, т.-е. достаточно прочувствовать и сознать и оцѣнить все, что дѣлается» (ib.).

III

Повторяемъ, идейнаго разочарованія въ медицинѣ Чеховъ никогда не испыталъ,—иное дѣло разочарованіе практическое. Тяжесть профессіи, какъ средства для

существованія, онъ почувствовалъ очень рано. Съ годами, когда трудности ея перестали искупаться новизною положенія и благодарной для писателя наблюдательной позиціей, предъ Чеховымъ выступили по преимуществу отрицательныя стороны докторства.

Самымъ досаднымъ образомъ медицина иногда снимала его съ настоящаго дѣла, портила настроеніе, обязывала на надоѣдливыя, мелкія, но чувствительныя траты. «Вчера я сѣлъ вечеромъ, чтобы писать въ «Новое Время» сказку,—пишетъ онъ Суворину (1888),—но явилась баба и потащила меня на Плющиху къ поэту Пальмину, который въ пьяномъ образѣ упалъ и расшибъ себѣ лобъ до кости. Возился я съ нимъ, съ пьянымъ, часа полтора-два, утомился, провонялъ іодоформомъ, озлился и вернулся домой утомленнымъ. Сегодня писать было бы уже поздно. Вообще живется мнѣ скучно и начинаю я временами ненавидѣть, чего раньше со мной никогда не бывало. Длинные, глупые разговоры, гости, просители, рублевыя, двухъ и трехрублевыя подачки, траты на извозчиковъ ради больныхъ, не дающихъ мнѣ ни гроша—однимъ словомъ, такой кавардакъ, что хоть изъ дому бѣги. Берутъ у меня взаймы и не отдаютъ, книги тащутъ, временемъ моимъ не дорожатъ... Не хватаетъ только несчастной любви!»

«Ахъ, какъ мнѣ надоѣли больные! Сосѣдняго помѣщика трахнулъ нервный ударъ, и меня таскаютъ къ нему на паршивой бричкѣ-трясучкѣ. Больше всего надоѣли бабы съ младенцами и порошки, которые скучно развѣшивать». (Суворину изъ Богимова, 1891).

«Порой до пошлости медицина утомительна и мелочна,—жаловался А. П. Суворину изъ Мелихова.—Бываютъ дни, когда мнѣ приходится выѣзжать изъ дому раза четыре или пять. Вернешься изъ Крюкова, а во дворѣ уже дожидается посланный изъ Васькина. И бабы съ

младенцами одолѣли. Въ сентябрѣ бросаю медицинскую практику окончательно». (1893).

Описывая мелиховскую идиллію, когда А. П. впервые могъ почувствовать себя независимымъ, его братъ отмѣчаетъ, какъ она была нарушена медицинскими обязанностями. Узнавъ, что новый хозяинъ имѣнія—врачъ, къ нему стали стекаться больные за 20 — 25 верстъ. «Приходили, привозили больныхъ на телѣгахъ и далеко увозили его самого. Съ самого ранняго утра передъ его домомъ уже стояли бабы и дѣти и ждали отъ него медицинской помощи. Онъ выходилъ, выстукивалъ, выслушивалъ и никого не отпускалъ безъ совѣта и безъ лѣкарства; его постоянной помощницей-«ассистентомъ» была сестра Марія Павловна. Расходъ на лѣкарства былъ довольно порядочный, такъ какъ пришлось держать цѣлую аптеку. Будили и по ночамъ... Что было тяжелѣе всего — это посѣщать больныхъ у нихъ на дому: на поѣздки тратилось иногда по нѣскольку часовъ» (БЧ).

Неудивительно, что подъ этими впечатлѣніями у Чехова, по крайней мѣрѣ, временами, являлась, повидимому, крѣпкая рѣшимость измѣнить второй привязанности и остаться при одной первой. Съ освобожденіемъ отъ обязанностей доктора ему мерещилось совсѣмъ заманчивое положеніе чистаго беллетриста. Еще работая надъ корректурами «Сахалина» въ 1893 г., онъ писалъ Суворину: «Осенью бросаю медицину, къ январю кончаю съ «Сахалиномъ» и тогда весь по уши отдаюсь беллетристикѣ. Съ новаго года начну сотрудничать у васъ по воскресеньямъ, но не каждую недѣлю, а въ двѣ недѣли разъ. Буду давать разсказы въ 600—700 строкъ каждый. Но 150 р.—это мало. Не угодно ли 200? На другія два воскресенья пригласите Ясинскаго, или Потапенку, или Вас. Немировича-Данченко. Я теперь пишу много и быстрѣе

чѣмъ раньше. Сюжетовъ скопилось пропасть—сплошь жизнерадостные».

Значенія естественно-научнаго медицинскаго образованія и дѣятельности Чехова въ той же области надо искать не въ томъ, что онъ оставилъ въ своихъ книгахъ нѣсколько десятковъ типовъ дѣятелей врачебнаго персонала, докторовъ, фельдшеровъ и т. д. И тѣмъ менѣе, что собственно профессіональной психологіи онъ касался не часто, вѣроятно, находя это слишкомъ спеціальнымъ и «не для широкой публики». Такихъ разсказовъ, какъ «Враги», гдѣ вскрыты исключительныя переживанія врача, къ какимъ бы и не сумѣлъ подойти не врачъ,—у него немного.

Явственнѣе это значеніе сказалось тамъ, гдѣ въ своихъ книгахъ Чеховъ подошелъ къ міру болѣзненныхъ душевныхъ явленій, къ психіатріи, къ тѣмъ психическимъ взрывамъ, какіе онъ описывалъ въ «Припадкѣ», или къ хроническимъ недугамъ, какіе изображены въ чисто патологическихъ «Черномъ монахѣ» и «Палатѣ № 6-й». Настоящая наука въ лицѣ своихъ экспертовъ признала за послѣдними произведеніями значеніе мѣткихъ клиническихъ изслѣдованій, возстановляющихъ картину извѣстнаго душевнаго заболѣванія съ поразительною научною вѣрностью и точностью, доступными только врачу.

Значенія естественнаго образованія для Чехова надо искать глубже, и оно окажется огромнымъ, когда мы, отталкиваясь отсюда, обратимся къ реальному міросозерцанію Чехова, къ его пониманію вещей, къ его предпочтеніямъ въ области темъ, къ его писательскимъ методамъ, даже, наконецъ, къ формамъ. Безъ настоящей главы о Чеховѣ-медикѣ непонятенъ былъ бы весь обликъ его, какъ писателя реалиста. Естественно-научное образованіе, взявшее Чехова во власть, когда онъ былъ еще юношей, только слагающимъ убѣжденія, ска-

залось на немъ владычественно. Отсюда его реальные устои, поклоненіе жизни, какъ единому великому, признаніе, подобно Толстому, права исключительно за литературой, описывающей жизнь, отчужденіе его отъ всякихъ утопій и фантазерства. Отсюда въ Чеховѣ такъ много земной мудрости, которая иногда близится къ мудрости опыта и практическаго смысла. Исторія знаетъ мудрецовъ, въ родѣ Савонароллы и Толстого, и мудрецовъ, въ родѣ Пастера и Мечникова. Чеховъ былъ съ послѣдними, и писательство его никогда не было пророчествомъ, порывомъ или умиленною проповѣдью какого-то будущаго царства Божія на землѣ. Его мечта стлалась по землѣ, онъ не проповѣдывалъ экстазовъ, не благословлялъ благородныхъ фанатиковъ. Это совсѣмъ другая категорія—писатели-учители, проповѣдь которыхъ иногда—соблазнъ и безуміе міру, но которые не стыдятся упрека въ идеализмѣ. Примѣненіе къ себѣ слова «учитель» Чеховъ считалъ бы кощунственнымъ.

Писательскій совѣтъ Чехова всегда былъ полонъ величайшаго здраваго смысла; съ точки зрѣнія земной, представлялъ то «самое мудрое», чѣмъ можно было сейчасъ обезпечить возможное на землѣ счастье. Противъ повышеннаго—и потому вреднаго—біенія сердца медицина предлагала ему соотвѣтственныя тоническія средства, и онъ слишкомъ хорошо зналъ, что взвинченные нервы и благородное безуміе смѣняются нормальностью послѣ опредѣленныхъ, тоже точно предписанныхъ наукой дозъ успокаивающаго брома. Не таковъ ли печально-прозаическій, обвѣвающій холодомъ снѣга выводъ «Припадка», самое названіе котораго опредѣляетъ цѣну прекраснодушнаго студенческаго порыва?

Не жалѣлъ ли, однако, иногда самъ Чеховъ о такой своей настроенности? Мы знаемъ, онъ опредѣленно досадовалъ, что въ его талантѣ нѣтъ хмеля, экстаза, что въ немъ

много ума и труда и мало игры шампанскаго,—объ этомъ сохранились его собственныя строки. Можетъ-быть, онъ жалѣлъ и о томъ, что жизнь слишкомъ рано повернулась къ нему своею дѣловою, ясною, естественною стороною, сдѣлала для него всякое мечтательство и идеализмъ—вещью, если не смѣшною, то во всякомъ случаѣ безцѣльною, что царство его цѣликомъ отъ міра сего, и ни о какомъ иномъ царствѣ Божіемъ мечтать, не лицемѣря, онъ не можетъ. «Какъ счастливы Будда и Магометъ или Шекспиръ,—говоритъ герой его «Чернаго монаха»,—что добрые родственники и доктора не лѣчили ихъ отъ экстазовъ и вдохновенія!.. Если бы Магометъ принималъ отъ нервовъ бромистый калій, работалъ только два часа въ сутки и пилъ молоко, то послѣ этого замѣчательнаго человѣка осталось бы такъ же мало, какъ послѣ его собаки. Доктора и добрые родственники, въ концѣ-концовъ, сдѣлаютъ то, что человѣчество отупѣетъ, посредственность будетъ считаться геніемъ, и цивилизація погибнетъ».

Правда, это говоритъ Ковринъ, жертва уже психическаго недуга, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ обоихъ своихъ сказаніяхъ о душевно-больныхъ мечтателяхъ, въ «Черномъ монахѣ» и «Палатѣ № 6-й», Чеховъ былъ на сторонѣ не трезвыхъ, а пьяныхъ.

Оба эти разсказа—какъ бы протестъ самого автора противъ впитаннаго имъ отъ юности реальнаго міровоззрѣнія, подсѣкавшаго полетъ мечты. Нигдѣ болѣе въ такой мѣрѣ, какъ здѣсь, Чеховъ не является поэтомъ тоски по уходящемъ и ушедшемъ идеализмѣ, по радостной довѣрчивости къ небесамъ, немыслимой въ вѣкѣ, распростершемся ницъ по землѣ и отвергшемъ золотую мечту о царствѣ Божіемъ.

ПЕРВЫЕ ЛАВРЫ.

(1886—1889).

I

Біографу Чехова нѣтъ надобности искать факта, отъ котораго можно было бы начинать новый періодъ его жизни, — того факта, какой иногда біографы создаютъ почти искусственно. Въ жизни его такой моментъ налицо, и онъ приходитъ съ эффектной внезапностью, съ какой обычно совершаются всѣ превращенія вчерашнихъ Савловъ въ Павла. Гранью, отдѣляющею перваго, юнаго, почти не сознательнаго въ литературѣ Чехова отъ Чехова новаго и прозрѣвшаго, является письмо къ нему маститаго Григоровича, оказавшее на него впечатлѣніе грянувшаго надъ головой внезапнаго благодатнаго грома. Мудрое слово талантливаго и искушеннаго жизнью старика пало на готовую почву смутныхъ подсказовъ собственной чеховской души, не мирившейся съ положеніемъ подневольнаго литературщика и несмѣло чаявшей другихъ назначеній и иныхъ признаній. Старый талантъ со всею рѣшительностью и смѣлостью заявилъ молодому, что его одареніе превосходитъ самую смѣлую его мечту. Не вѣрить этому голосу эксперта Чеховъ не могъ, и можно думать, что въ эту ночь онъ пережилъ душевный переворотъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, а на утро «благой вѣсти» (письмо въ самомъ дѣлѣ датировано 25 марта, днемъ Благовѣщенія)

проснулся уже другимъ человѣкомъ. *Этотъ день ставитъ крестъ надъ Чеховымъ, писателемъ безъ догмата.*

Составившее настоящую эпоху въ жизни Чехова письмо Григоровича, конечно, нашлось въ его архивѣ [1]).

Еще чужой и невѣдомый Чехову, Григоровичъ начинаетъ посланіе учтиво-холоднымъ «милостивый государь», но настоящая нѣжная ласка насильственно прорывается сквозь строки идущаго отъ души письма, представляющаго и въ біографіи автора «Антона Горемыки» одну изъ прекрасныхъ страницъ.

Григоровичъ начинаетъ съ заявленія, что еще годъ назадъ его поразили въ одномъ изъ чеховскихъ разсказовъ черты особеннаго своеобразія. «Съ тѣхъ поръ я читалъ все, что было подписано *Чехонте*, хотя внутренно сердился за человѣка, который такъ еще мало себя цѣнитъ, что считаетъ нужнымъ прибѣгать къ псевдониму. Читая васъ, я постоянно совѣтовалъ Суворину и Буренину слѣдовать моему примѣру. Они меня послушали и теперь вмѣстѣ со мною не сомнѣваются, что у васъ *настоящій* талантъ,—талантъ выдвигающій васъ далеко изъ круга литераторовъ новаго поколѣнія. Я не журналистъ, не издатель; пользоваться вами я могу только читая васъ; если я говорю о вашемъ талантѣ, говорю по убѣжденію. Мнѣ минуло уже 65 лѣтъ; но я сохранилъ еще столько любви къ литературѣ, съ такою горячностью слѣжу за ея успѣхомъ, такъ радуюсь всегда, когда встрѣчаю въ ней что-нибудь живое, даровитое, что не могъ—какъ видите,—утерпѣть и протягиваю вамъ обѣ руки». Ласка стараго корифея переходитъ дальше въ дружеское предупрежденіе не размѣнять и не расплескать этотъ настоящій талантъ. «Вы, я увѣренъ, призваны къ тому, чтобы написать нѣсколько прево-

---

[1]) Полностью приведено СЛ 2, 200.

сходныхъ, истинно художественныхъ произведеній. Вы совершите великій нравственный грѣхъ, если не оправдаете такихъ ожиданій. Для этого вотъ что нужно: уваженіе къ таланту, который дается такъ рѣдко. Бросьте срочную работу. Я не знаю вашихъ средствъ; если у васъ ихъ мало, голодайте лучше, какъ мы въ свое время голодали, поберегите ваши впечатлѣнія для труда обдуманнаго, обдѣланнаго, писаннаго не въ одинъ присѣстъ, но писаннаго въ счастливые часы внутренняго настроенія. Одинъ такой трудъ будетъ во сто разъ выше оцѣненъ сотни прекрасныхъ разсказовъ, разбросанныхъ въ разное время по газетамъ; вы сразу возьмете призъ и станете на видную точку въ глазахъ чуткихъ людей и затѣмъ всей читающей публики».

Послѣдователь того аристократическаго реализма въ литературѣ, какой боится крайностей натурализма, Григоровичъ заключалъ письмо нѣкоторыми указаніями на ненужность «золаизмовъ» въ искусствѣ, совѣтомъ поставить на сборникѣ свое настоящее имя и извиненіемъ за свой порывъ.

Отвѣтное письмо Григоровичу неоцѣнимо важно, какъ для постиженія психики Чехова того времени, его взглядовъ на себя, на свое творчество, такъ и для уясненія перелома, происшедшаго въ немъ съ переходомъ изъ «Осколковъ» и «Петербургской Газеты» въ «большой свѣтъ» литературы.

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовѣститель,—писалъ Чеховъ,—поразило меня, какъ молнія. Я едва не заплакалъ, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокій слѣдъ въ моей душѣ. Какъ вы приласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ вашу старость, я же не найду ни словъ, ни дѣлъ, чтобы благодарить васъ! Вы знаете, какими глазами обыкновенно люди глядятъ на такихъ избранниковъ,

какъ вы; можете поэтому судить, что составляетъ для моего самолюбія ваше письмо. Оно выше всякаго диплома, а для начинающаго писателя оно—гонораръ за настоящее и будущее. Я—какъ въ чаду. Нѣтъ у меня силъ судить, заслужена мной эта высокая награда, или нѣтъ. Повторяю только, что она меня поразила. Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то, каюсь передъ чистотою вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его.

«Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ. Чтобы быть къ себѣ несправедливымъ, крайне мнительнымъ и подозрительнымъ, для организма достаточно причинъ чисто-внѣшняго свойства. А такихъ причинъ, какъ теперь припоминаю, у меня достаточно. Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно къ моему авторству и не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомараніе. У меня въ Москвѣ сотни знакомыхъ, между ними десятка два пишущихъ, и я не могу припомнить ни одного, который читалъ бы меня, или видѣлъ во мнѣ *художника*. Въ Москвѣ есть такъ называемый «литературный кружокъ», таланты и посредственности всякихъ возрастовъ и мастей собираются разъ въ недѣлю въ кабинетѣ ресторана и прогуливаютъ здѣсь свои языки. Если пойти мнѣ туда и прочесть хотя кусочекъ изъ вашего письма, то мнѣ засмѣются въ лицо. За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться этимъ общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость, скоро привыкъ снисходительно смотрѣть на свои работы и—пошла писать! Это первая причина. Вторая—я врачъ, и по уши втянулся въ свою медицину, такъ что поговорка о двухъ зайцахъ никому другому не мѣшала такъ спать, какъ мнѣ. Доселѣ относился я къ своей литературной работѣ крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего разсказа, надъ которымъ я рабо-

талъ бы болѣе сутокъ, а «Егеря», который вамъ понравился, я писалъ въ купальнѣ. Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои разсказы: машинально, полубезсознательно, нимало не заботясь ни о читателѣ, ни о себѣ самомъ. Писалъ я и всячески старался не потратить на разсказъ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему, берегъ и тщательно пряталъ.

«Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я началъ собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки вѣры въ собственную литературную путевость у меня не было. Но вотъ нежданно-негаданно явилось ко мнѣ ваше письмо. Простите за сравненіе, оно подѣйствовало на меня, какъ губернаторскій приказъ «выѣхать изъ города въ 24 часа», т.-е. я вдругъ почувствовалъ обязательную потребность спѣшить скорѣе выбраться оттуда, куда завязъ».

Письмо Григоровича пришло Чехову, какъ вѣсть ангела съ неба. Онъ былъ имъ поднятъ, воскрешонъ, обновленъ для иной жизни. Подъ могучимъ его впечатлѣніемъ, чувствуя потребность съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своею радостью, А. П. на другой день по полученіи письма пишетъ В. Г. Короленко, что цѣнитъ этотъ аттестатъ извѣстнаго писателя «на вѣсъ золота» и боится «прочесть во второй разъ, чтобы не потерять перваго впечатлѣнія». «Изъ письма вамъ станетъ также извѣстно, что не вы одинъ отъ чистаго сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете, какъ мнѣ стыдно».

Искренній и душевный отвѣтъ Чехова растрогалъ Григоровича. «Вы только подтвердили мою вѣру въ ваше дарованіе,—писалъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ (2-го апрѣля):—впечатлительность и сердечность въ тѣсной связи

съ творческой способностью. Повѣрьте, я счелъ бы за большой грѣхъ тревожить вашу душу обольщеніемъ, если бы то, что писалъ вамъ, не выходило изъ твердаго убѣжденья человѣка опытнаго, прожившаго 40 лѣтъ въ кругу лучшихъ нашихъ и иностранныхъ писателей, человѣка сохранившаго горячую любовь къ литературѣ, много читавшаго и теперь еще много читающаго». И старикъ снова возвращался къ своимъ похваламъ, совѣтамъ и предостереженіямъ. «Читая ваши разсказы, я не сразу себѣ повѣрилъ. Какъ опытная гончая собака, почуявъ за кустами дупеля, я на него не бросился, подобрался тихонько ближе, прочелъ еще разъ, подчеркивая то, что остановило мое вниманіе, и тогда уже, сдѣлавъ конечное заключенье, отправился къ Суворину, къ Полонскому, Потѣхину и Буренину—которые вполнѣ согласились со мною. Вотъ вамъ мой дружескій совѣтъ: первымъ дѣломъ, необходимо покончить съ работой срочной, спѣшной и по мелочамъ. Вы прекрасно сдѣлали, что берегли и не тратились образами и картинами, которые вамъ особенно дороги. Выберите изъ этого запаса то, что вамъ ближе къ сердцу, обдумайте хорошенько планъ (архитектурная постройка, повѣрьте, важная вещь) —и лѣтомъ приступайте съ Богомъ къ работѣ. Если къ свойствамъ вашего таланта не подходятъ повѣсть или романъ,—пишите мелкіе разсказы,—но обдѣлывайте ихъ до тонкости. Тургеневъ одними «Записками Охотника» сдѣлалъ бы себѣ громкое имя. Когда кончите вашу работу, пришлите ее мнѣ,—не для замѣчаній, Боже упаси,— но для того только, чтобы я могъ опредѣлить ее въ хорошее мѣсто и за гонораръ, который я устрою, конечно, выгоднѣе, чѣмъ вы это сдѣлаете. Успѣхъ будетъ— я увѣренъ; вы прямо займете то мѣсто, которое вамъ слѣдуетъ. Тогда вы смѣло можете отымать время у медицины въ пользу литературы» (СЛ 2, 203).

Обмѣнъ дружескими письмами между писателями завершился обмѣномъ фотографическими портретами. Вскорѣ произошло личное свиданіе молодого таланта съ старымъ. Увы, встрѣча должна была оставить трагическое впечатлѣніе въ А. П. съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ и комизма, по несоотвѣтствію того, что ожидалось Чеховымъ и что оказалось въ дѣйствительности,—какъ это было когда-то и съ Пушкинымъ при первой его встрѣчѣ съ Державинымъ. «Пріѣзжаю я къ Григоровичу,— такъ разсказывалъ объ этомъ онъ самъ, — старичина поцѣловалъ меня въ лобъ, обнялъ, заплакалъ отъ умиленія, и... отъ волненія у него приключился жесточайшій припадокъ грудной жабы. Онъ невыносимо страдалъ, метался, стоналъ, а я $2^1/_2$ часа сидѣлъ возлѣ него, браня во всѣ лопатки свою безсильную медицину. Къ счастью, пріѣхалъ Бертенсонъ, и я могъ бѣжать. Старикъ серьезно боленъ и, вѣроятно, скоро умретъ. Для меня это незамѣнимая потеря». (Киселевой, 1887).

Чтобы оцѣнить всю значительность событія, пережитаго Чеховымъ 26 марта 1886 г., надо учесть прежній взглядъ его на свой трудъ и еще болѣе тотъ литературный антуражъ, въ какомъ онъ жилъ и отъ какого поучался.

Изъ людей литературы, такъ или иначе вліявшихъ на молодого Чехова, мы успѣли прослѣдить только вліяніе Лейкина. Едва ли не первымъ присяжнымъ литераторомъ, съ которымъ еще въ Москвѣ соприкоснулся онъ, былъ Иліодоръ Ивановичъ Пальминъ (1841—1891).

Бывшій дѣятельный сотрудникъ «Искры», юмористъ по спеціальности, Пальминъ не обрѣлъ себѣ другой карьеры и, достигнувъ даже преклонныхъ лѣтъ, не вылился въ видную литературную фигуру. Дарованіе неглубокое, хоть и безспорное, послѣ «Искры» онъ ушелъ

въ сильно упавшіе юмористическіе журналы, отводя душу въ печатавшей его «Русской Мысли». Это было истинное дитя московской писательской богемы, и по духовному строенію—одинъ изъ тѣхъ послѣдышей 60—70 годовъ, психика которыхъ оказывалась подъ непреодолимымъ давленіемъ тогдашней литературной и общественной неурядицы.

На свѣжаго человѣка Пальминъ производилъ впечатлѣніе неожиданное и смутное. Одинъ изъ раннихъ товарищей Чехова описываетъ его «худощавымъ старикомъ, до нельзя неряшливо одѣтымъ, съ растрепанными сѣдыми волосами и бородой, съ лицомъ испещреннымъ багровыми пятнами, какія бываютъ у всѣхъ любителей крѣпко выпить, съ воспаленными глазами, смотрѣвшими куда-то вверхъ, трясущимся, но чрезвычайно подвижнымъ[1]). По существу, впрочемъ, это былъ хорошій человѣкъ, и, характеризуя ментора своей ранней молодости позднѣе (Пальминъ былъ безъ малаго на 20 лѣтъ старше его), Чеховъ не закрывалъ глазъ на то доброе, что было въ этой натурѣ при всей ея хаотичности. «Пальминъ—это типъ поэта, если вы допускаете существованіе такого типа. Личность поэтическая, вѣчно восторженная, набитая по горло темами и идеями... Бесѣда съ нимъ не утомляетъ. Правда, бесѣдуя съ нимъ, приходится пить много, но за то можете быть увѣрены, что за всѣ 3—4 часа бесѣды вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоитъ трезвости». (Билибину, 1886).

Бѣда была не въ томъ, что привязанность Пальмина къ молодому таланту не была искренна: она была въ высшей степени чистосердечна, но она не могла ему многаго дать ни духовно, ни практически. Самое большее,

---

[1]) Н. Ежовъ, «Н. Вр.», 1904, № 10185.

что въ послѣднемъ смыслѣ сдѣлалъ Пальминъ,—это было знакомство Чехова съ Лейкинымъ.

Въ тѣни, которую едва ли уже удастся разсѣять, остается для біографа Чехова его знакомство и степень вліянія на него извѣстнаго беллетриста-консерватора Болеслава Маркевича. Безспоренъ лишь фактъ знакомства съ нимъ Чехова, притомъ въ самую раннюю пору—въ 1884 г., когда онъ былъ еще только сотрудникомъ юмористическихъ журналовъ, а Маркевичъ, осужденный критикой и забракованный жизнью, тяжело и жалко догоралъ въ Москвѣ.

Только нѣсколько случайныхъ бликовъ сохранилъ юный А. П. объ этомъ знакомствѣ. Надъ его сообщеніями о визитахъ къ старому писателю въ письмахъ къ Лейкину вѣетъ иронія, какой, разумѣется, не могло быть въ личныхъ отношеніяхъ. Угадывалъ ли Маркевичъ въ Чеховѣ интереснаго человѣка и будущаго настоящаго писателя, остается вопросомъ, но онъ бесѣдовалъ съ нимъ, подпускалъ его близко къ своей работѣ, давалъ читать свои сочиненія. «Б. М. далъ мнѣ почитать собраніе своихъ мелкихъ разсказовъ,—сообщаетъ А. П. Лейкину.—Давая мнѣ это собраніе, онъ имѣлъ въ виду благую цѣль: пусть поучится молодой человѣкъ. Спрашивалъ о васъ, снисходительно покритиковалъ Лѣскова, пожалѣлъ, что нынѣшняя юмористика въ упадкѣ... Этотъ камеръ-юнкеръ боленъ грудной жабой и, вѣроятно, скоро дастъ матеріалъ для некролога» (1884).

Нѣкоторыя подробности выдаютъ, что знакомство это не было вовсе мимолетнымъ, что Чеховъ былъ вхожъ въ домъ стараго, пошатнувшагося писателя и барина, когда-то друга Алексѣя Толстого, человѣка, работавшаго рядомъ съ Достоевскимъ, Лѣсковымъ, Катковымъ. Когда готовилась къ постановкѣ пьеса Маркевича «Чадъ жизни», Чеховъ въ письмѣ къ Лейкину предви-

дѣлъ любопытный матеріалъ для фельетона. «Чадъ жизни» писанъ въ градѣ Воскресенскѣ въ минувшее лѣто, почти на моихъ глазахъ. Знаю я и автора, и его друзей, которыхъ онъ нещадно третируетъ своей сплетней въ «Безднахъ» и «Переломахъ»... Ашанинъ (бывшій директоръ театра, Бѣгичевъ), Вячеславцевъ (бывшій пѣвецъ Владиславлевъ) и многіе другіе знакомы со мной семейно... Можно будетъ посплетничать, скрывшись подъ псевдонимомъ.»

Юмористъ по натурѣ, для краснаго словца не жалѣющій и отца, Чеховъ не церемонился съ своимъ почтеннымъ знакомымъ и послалъ въ «Осколки» пародію на его пьесу, въ чемъ, однако, раскаялся. «Если вы оставили «Чадъ жизни» къ слѣдующему нумеру, то бросьте его. Пародія не удалась да и раздумалъ я. Б. Маркевичъ обыкновенно плачетъ, когда читаетъ непріятныя для своей особы вещи, плачетъ и жалуется... Придется поссориться съ нѣкоторыми его почитателями и друзьями, какъ ни скрывайся за псевдонимомъ. А стоитъ ли изъ-за этакого пустяка заводить канитель! Вмѣсто пародіи, я дамъ фельетонъ-куплетецъ—это короче» (Лейкину, 1884). И по этой детали, что Чеховъ избѣгаетъ порвать отношенія съ Маркевичемъ, можно догадаться, что трактовка имъ старика не была только иронической. Человѣкъ совсѣмъ иного происхожденія, поколѣнія, склада и воспитанія, чѣмъ салонный и свѣтскій авторъ «Бездны», Чеховъ не могъ презирать въ немъ званія писателя. Надо прибавить, что это былъ первый писатель «съ полнымъ собраніемъ сочиненій», съ какимъ жизнь сталкивала Чехова,—писатель не его лагеря и не его симпатій, но такой, въ которомъ было многое, чего не было въ немудрящей московской богемѣ. Гадать о томъ, что̀ могъ взять Чеховъ отъ этого знакомства, помимо наблюденія колоритной и выпуклой фигуры

реакціонера-старика, было бы безцѣльно, но, если бы когда-нибудь пришлось узнать, что это знакомство не было для А. П. безполезно, что соприкосновеніе могло итти вовсе не по линіи общественно-политическихъ убѣжденій,—этому можно было бы не удивиться. У Маркевича было, что вспомнить и о чемъ разсказать.

II

Въ 1886 г. появился сборникъ разсказовъ Чехова «Пестрые разсказы», съ котораго собственно начинается его признаніе и извѣстность

Въ канунъ выхода книжки Чеховъ далеко не чувствовалъ себя торжествующимъ. Онъ видѣлъ, что въ этихъ, правда, часто изящныхъ, смѣшныхъ, содержательныхъ разсказцахъ,—вылилась только незначительная часть его, проявились только наиболѣе внѣшнія, поверхностныя черты его таланта. Григоровичу онъ писалъ: «Поставить на книжкѣ мое настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: виньетка готова, и книга напечатана. Мнѣ многіе петербуржцы еще до васъ совѣтовали не портить книги псевдонимомъ, но я не послушалъ, вѣроятно, изъ самолюбія. Книжка моя мнѣ очень не нравится. Это винегретъ, безпорядочный сбродъ студенческихъ работишекъ, ощипанныхъ цензурой и редакторами юмористическихъ изданій. Я вѣрю, что, прочитавъ ее, многіе разочаруются. Знай я, что меня читаютъ, и что за мной слѣдите вы, я не сталъ бы печатать этой книги. Вся надежда на будущее. Мнѣ еще только 26 лѣтъ. Можетъ-быть, успѣю что-нибудь сдѣлать, хотя время бѣжить быстро».

По выходѣ въ свѣтъ «Пестрыхъ разсказовъ», А. П. впервые услышалъ голосъ сколько-нибудь серьезной критики.

«Русская Мысль» писала, что во всѣхъ разсказахъ молодого писателя «есть два превосходныхъ качества, дѣлающихъ Чехова особенно симпатичнымъ писателемъ,—это честность мысли, вложенная въ основу его разсказовъ, и полная пристойность изложенія,—пристойность во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ легкаго, правильнаго языка. Авторъ затрогиваетъ иногда весьма щекотливые вопросы, самыя грязныя стороны человѣческихъ отношеній, и при этомъ умѣетъ коснуться ихъ какъ разъ настолько, насколько это необходимо для осмѣянія того, что въ нихъ достойно осмѣянія и осужденія».

«Русскія Вѣдомости» говорили: «Это по большей части умные, бойкіе и глубоко-честные очерки, которые читаются дѣйствительно легко, съ живымъ интересомъ и съ большою пользою. Они не только веселятъ, но и гуманизируютъ. Отъ времени до времени въ «Пестрыхъ разсказахъ» слышится нотка заразительнаго смѣха, а то промелькнетъ и серьезная дума. Мы съ предубѣжденіемъ (Почему? *А. И.*) начали читать книгу г. Чехова, а по окончаніи этого чтенія рекомендуемъ ее, какъ одинъ изъ лучшихъ сборниковъ разсказовъ для легкаго чтенія...»

Въ «Вѣстникѣ Европы» К. К. Арсеньевъ высказался о Чеховѣ много сдержаннѣе. Здѣсь была отмѣчена и «анекдотичность разсказовъ, и заурядность темъ, и неправдоподобіе ихъ, и претенціозность, и элементарная психологія». Благосклоннѣе были выдѣлены лишь тѣ разсказы, гдѣ анекдотъ переплетается съ картинкой нравовъ, и «дѣйствующія лица перестаютъ быть только маріонетками». Сдержанный критикъ возлагалъ надежду только на способность «рисовать душевныя состоянія».

Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Ладожскій отмѣчалъ даже «въ самыхъ пустенькихъ очеркахъ искреннія слезы подъ внѣшнимъ смѣхомъ автора», «Другая особенность дарованія молодого автора—прирожденный здо-

ровый юморъ... У г. Чехова будетъ своя и, видимо, хорошая дорога,—будетъ, если газетная поденщина не доведетъ его до размѣна его крупнаго таланта на мелочь»...

Характерный по верхоглядству и развязности «судъ глупца» А. П. услышалъ изъ «Нови» отъ какого-то Ф. Змiева, несомнѣнно, псевдонима. Бѣгло намѣтивъ содержанiе нѣсколькихъ разсказовъ и широкiй разбросъ темъ, рецензентъ заявлялъ: «Уже одинъ этотъ перечень сюжетовъ и мотивовъ служитъ недобрымъ предвѣстiемъ насчетъ литературной и художественной качественности «Пестрыхъ разсказовъ». И дѣйствительно, въ общемъ итогѣ это—не что иное, какъ *винегретъ изъ залежавшихся (!?) порядкомъ и недозрѣлыхъ продуктовъ* наблюдательности автора, сваленныхъ въ одну кучу безъ разбора, въ расчетѣ на полное снисхожденiе читателей. Для пикантности такого кушанья прибавлена довольно дешевая приправа, долженствующая возмѣстить недостатокъ юмора и типичности дѣйствующихъ лицъ. Роль подобной приправы играютъ придуманыя авторомъ фамилiи: экзекуторъ Червяковъ, профессоръ Кнопка, учитель Пустяковъ, подсудимый Шельмецовъ, статскiй совѣтникъ Шарамыкинъ, Ахинеевъ, Докукинъ, и т. д., и т. д. При такой нетребовательности автора къ своему творчеству, нисколько не удивительна *крайняя небрежность*, съ какою написано большинство «Пестрыхъ разсказовъ». Но за то просто *изумительно, до какой степени мало уважаютъ* читающую публику нынѣшнiе разсказчики, полагая, что она «все съѣстъ»! Такiе разсказы, напримѣръ, какъ «Разговоръ съ собакой», «Егерь», «Сонная одурь», «Кухарка женится», «Репетиторъ», «Надлежащiя мѣры» и многiе другiе—похожи скорѣе на *полубредъ какой-то или болтовню ради болтовни* объ ужаснѣйшемъ вздорѣ, нежели на мало-мальски отчетливое изложенiе осмысленной фабулы. Конечно, подобнаго сорта творчество дается легко, но и вѣкъ его не простирается дольше однодневной жизни на газетныхъ столбцахъ».

Въ заключенiе, конечно, стояло шаблонное—«нельзя не пожалѣть, что Чеховъ увлекается такимъ кратковременнымъ успѣхомъ, ибо у него проглядываетъ несомнѣнное дарованiе въ 7—8 разсказахъ» [1]).

---

[1]) Новь, 1886, №№ 17, 62, «Критика и Библiографiя».

Чеховъ радовался, но былъ немного сбитъ съ толку. «Про мою книгу заговорили толстые журналы,—писалъ онъ Лейкину.—«Новь» выругала и мои разсказы назвала бредомъ сумасшедшаго, «Русская Мысль» похвалила, «Сѣв. Вѣстникъ» изобразилъ мою будущую плачевную судьбу на 2-хъ страницахъ, впрочемъ похвалилъ». (1886). Ему не могло не нравиться новое отношеніе къ нему, какъ къ восходящей звѣздѣ, собратьевъ и публики, но при строгости къ себѣ онъ боялся повѣрить въ этотъ успѣхъ. «Въ Питерѣ,—писалъ онъ доброй знакомой,—я становлюсь моднымъ, какъ Нана. Въ то время, когда серьезнаго Короленко едва знаютъ редакторы, мою дребедень читаетъ весь Питеръ. Даже сенаторъ Г. читаетъ.. Для меня это лестно, но мое литературное чувство оскорблено... Мнѣ дѣлается неловко за публику, которая ухаживаетъ за литературными болонками только потому, что не умѣетъ замѣчать слоновъ, и я глубоко вѣрую, что меня ни одна собака знать не будетъ, когда я стану работать серьезно»... (Киселевой, 1886).

Проходитъ еще нѣсколько времени, а онъ не можетъ отдѣлаться отъ нѣсколько недоумѣнныхъ чувствъ. «Читаю и никакъ не могу понять, хвалятъ меня или же плачутъ о моей погибшей душѣ? «Талантъ! талантъ! но тѣмъ не менѣе упокой Господи его душу!»—таковъ смыслъ рецензій». (Киселевой, 1887).

Болѣе спокойное и увѣренное чувство онъ не считаетъ нужнымъ скрывать по мѣрѣ роста начавшагося въ обществѣ признанія. Тому же лицу въ январѣ 1887 г. онъ сообщаетъ. «Въ новогоднихъ нумерахъ всѣ газеты поднесли мнѣ комплиментъ, а въ декабрьской книгѣ «Русскаго Богатства», гдѣ печатается Левъ Толстой, есть статья Оболенскаго (два печатныхъ листа), подъ заглавіемъ «Чеховъ и Короленко». Малый восторгается мной и доказываетъ, что я больше художникъ, чѣмъ Короленко..

Вѣроятно, онъ вретъ, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, непечатавшійся въ толстыхъ журналахъ, писавшій газетную дрянь, завоевалъ вниманіе вислоухихъ критиковъ—такого примѣра еще не было... «Наблюдатель» выругалъ меня—и досталось же ему за это! Въ концѣ 86-го года я чувствовалъ себя костью, которую бросили собакамъ».

Предъ знакомыми онъ хочетъ установить спокойно-объективное отношеніе свое къ похваламъ. Посылая знакомой одну изъ рецензій, онъ шутитъ,—«въ ней вы прочтете, что всякій, не признающій меня геніемъ,—психопатъ. Вырѣзана она изъ «Новаго Времени», и вы временно меня обяжете, если сохраните ее. Рецензіи о себѣ читаю почти ежедневно и привыкъ къ нимъ, какъ вы, должно-быть, уже привыкли къ шуму дождя. Была между прочимъ рецензія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» весьма хвалебная. Стало-быть, моя литература имѣетъ теперь нѣкоторымъ образомъ правительственную санкцію». (1887).

Но Чехову было всего 26 лѣтъ. Было бы мало правдоподобно, еслибы онъ вовсе не поддался чарамъ общей похвалы. Надо вспомнить, какимъ тріумфаторомъ почувствовалъ себя хотя бы Достоевскій послѣ перваго успѣха. И можно думать, что болѣе истинныя свои настроенія,—настроенія полной вѣры въ успѣхъ,—онъ передаетъ въ письмѣ своему дядѣ, родному человѣку, передъ которымъ не нужно было дипломатически сдерживать свою радость. «Въ сумеркахъ» еще не вышло въ свѣтъ, когда онъ такъ разсказываетъ ему о своемъ тріумфѣ. «Въ Петербургѣ я теперь самый модный писатель. Это видно изъ газетъ и журналовъ, которые въ концѣ 1886 года занимались мной, трепали на всѣ лады мое имя и превозносили меня паче заслугъ. Слѣдствіемъ такого роста моей литературной репутаціи является изобиліе

заказовъ и приглашеній, а вслѣдъ за оными—усиленный трудъ и утомленіе. Работа у меня нервная, волнующая, требующая напряженія. Каждый газетный отзывъ обо мнѣ волнуетъ и меня, и мою семью». И онъ снова упоминаетъ о статьѣ Оболенскаго и его похвалахъ «до небесъ». «Разсказы мои читаются публично на вечерахъ, всюду, куда я ни явлюсь, на меня тычутъ пальцами, знакомства одолѣли меня своимъ изобиліемъ и т. д., и т. д... Нѣтъ дня покойнаго, и каждую минуту чувствуешь себя, какъ на иголкахъ». (М. Г. Чехову, 1887, январь).

Такъ послѣ многихъ испытаній судьба повертывала къ Чехову лицо съ привѣтливой улыбкой. Изъ беззаботнаго юноши, сотрудника юмористическихъ листковъ, формировался художникъ писатель. «Въ его беззаботномъ настроеніи,—записалъ Короленко,—происходила замѣтная перемѣна: и самъ онъ, и его семья не могли не замѣтить, что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка,—но великая драгоцѣнность, обладаніе которой можетъ сказаться очень отвѣтственно. И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника «Осколковъ», проступало какое-то особенное выраженіе, которое въ старину назвали бы «первыми отблесками славы»... Я помню, что въ словахъ матери, видимо, счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ А. П. о поѣздкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ мы встрѣтимся, и она сказала со вздохомъ: «Да, мнѣ кажется, что Антоша теперь уже не мой».

Въ слѣдующемъ году Суворинъ издалъ сборникъ Въ сумеркахъ», встрѣтившій почти уже безоблачный успѣхъ, а московскій журналъ «Сверчокъ»—«Невинныя рѣчи». Успѣхъ книгъ двинулъ и «Пестрые разсказы», остатки которыхъ вдругъ, недѣли въ три-четыре разошлись до послѣдняго экземпляра, заставивъ А. П.

по этому случаю замѣтить—«чего они (т.-е. покупатели) раньше-то смотрѣли» [1]).

И опять едва ли не высшимъ удовлетворенiемъ, какое на этотъ разъ получилъ Чеховъ, было новое, полное похвалъ, письмо Григоровича изъ Ниццы. Старый писатель писалъ, что разсказы, вошедшiе въ книгу, ему уже давно знакомы, но онъ снова прочелъ ихъ, подчеркивая карандашемъ блестки несомнѣнно оригинальнаго таланта. «Помнится, разъ въ Кадиксѣ, въ Духовъ день, когда все населенiе отправляется за городъ, я принялся сводить счетъ красивымъ женщинамъ; черезъ десять минутъ я бросилъ милое занятiе, потому что хорошенькiя женщины шли не въ одиночку, а цѣлыми толпами». То же самое по его словамъ произошло при чтенiи «Въ сумеркахъ». Разсказы «*Мечты*» и «*Агаѳья*» казались ему работой истиннаго художника. «Лица едва тронуты, а между тѣмъ нечего ужъ больше прибавить, чтобы сдѣлать ихъ болѣе живыми, обозначить рельефнѣе физiономiю и характеръ каждаго; ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ движенiи не чувствуется сочиненность,—все правда,—все какъ должно быть на самомъ дѣлѣ». Григоровичъ приравнивалъ чеховское мастерство писать природу къ тургеневскому и толстовскому. И снова онъ заключалъ письмо настоятельнымъ требованьемъ «бросить писанье наскоро и исключительно мелкихъ разсказовъ и особенно въ газеты. Въ массѣ публики, не столько читающей, сколько пробѣгающей строки,—изъ 500 читателей едва ли одинъ найдется, способный отличить жемчужное зерно въ общемъ хламѣ».

III

Начало большой извѣстности Чехова совпадаетъ съ выступленiемъ его въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Исполня-

[1]) Воспом. Н. Ежова, «Н. Вр.», № 10185.

лось то, на что онъ только слабо надѣялся изъ-за предубѣжденій «толстыхъ» журналовъ противъ «нововременца» (см. здѣсь стр. 169). Кажется, скорѣе случайность чѣмъ какія-либо соображенія особенной идейной близости ввела его въ органъ разоренныхъ «Отеч. Записокъ» съ общественно-экономической подоплекой, съ Михайловскимъ, Южаковымъ, Скабичевскимъ и Абрамовымъ. Сохранившаяся переписка А. П. и Плещеева возстановляетъ детальную картину входа молодого беллетриста въ эту среду.

Первая вещь «Степь» появляется въ мартовской книжкѣ журнала за 1888 г., первое письмо Плещеева помѣчено 21 января этого года. Если мы не знаемъ, какъ первый разъ Чеховъ вошелъ къ маститому поэту и редактору литературнаго отдѣла, онъ ли искалъ или его искали, то со «Степи» отношенія его къ журналу ясны.

Плещеевъ «ждетъ съ великимъ нетерпѣніемъ» разсказа А. П., едва услышавъ, что имъ написана «большая вещь» (СЛ2. 235), ему такъ хочется прочитать ее, и онъ «съ удовольствіемъ» обѣщаетъ авансъ. Онъ былъ бы радъ даже его мелкимъ вещамъ, которыя можно было бы печатать по двѣ, по три въ книжкѣ, «какъ дѣлалъ Тургеневъ со своими «Записками Охотника». Ему больно, что Чеховъ авторъ столькихъ «прелестныхъ. истинно художественныхъ вещей» пользуется «меньшей извѣстностью, чѣмъ писатели, недостойные развязать ремня» у его ногъ.

А. П. едва ли видѣлъ и размѣръ повѣсти, и ея значеніе. Онъ не думалъ, что напишетъ своего рода шедевръ описательной прозы, близящійся къ толстовской «Метели» или тургеневскому «Бирюку», — ему казалось, что результатомъ труда выйдетъ просто небольшая повѣстушка, про «степь, степныхъ людей и то, что онъ пережилъ въ степи». «Тема хорошая, пишется весело, — писалъ онъ Короленкѣ, — но, къ несчастью, отъ непривычки писать длинно, отъ стра-

ха написать лишнее, я впадаю въ крайность: каждая страница выходитъ компактной, какъ маленькій разсказъ, картины громоздятся, тѣснятся и, заслоняя другъ друга, губятъ общее впечатлѣніе. Въ результатѣ получается не картина, въ которой всѣ частности, какъ звѣзды на небѣ, слились въ одно общее, а конспектъ, сухой перечень впечатлѣній. Пишущій, напримѣръ, вы, пойметъ меня, читатель же соскучится и плюнетъ» (1888). «Вчера далъ прочесть одной дѣвицѣ... Она прочла и сказала «Ахъ, какъ скучно!» «Вы ждете отъ меня чего-то особенно хорошаго, — писалъ онъ Плещееву, — какое поле для разочарованій! Робѣю и боюсь, что моя «Степь» выйдетъ незначительной. Пишу я ее не спѣша, какъ гастрономы ѣдятъ дупелей: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, выжимаю изъ себя, тужусь и надѣюсь, но все-таки въ общемъ она меня не удовлетворяетъ, хотя мѣстами и попадаются въ ней «стихи въ прозѣ». Я еще не привыкъ писать длинно, да и лѣнивъ. Мелкая работа меня избаловала»

Угадывается, что самъ авторъ минутами чувствовалъ себя точно озадаченнымъ и едва ли отдавалъ себѣ точный отчетъ, хорошо это или слабо. Повѣсть казалась ему какою-то «степною энциклопедіей». «Бѣсило» его и то, что въ ней не было романа. «Безъ женщины повѣсть— что безъ паровъ машина. Впрочемъ, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы».—Уже первая чеховская повѣсть совершенно налаживаетъ его отношенія къ журналу. Плещеевъ въ восторгѣ отъ «Степи», высылаетъ ему авансъ въ 300 р., обѣщаетъ, не въ примѣръ другимъ вещамъ, печатаніе ея цѣликомъ въ одномъ номерѣ. «Прочиталъ я ее съ жадностью. Не могъ оторваться, начавши читать. Это такая прелесть, такая бездна поэзіи, что я ничего другого сказать вамъ не могу и никакихъ замѣчаній не могу сдѣлать, кромѣ того, что я въ безум-

номъ восторгѣ. Это вещь захватывающая, и я предсказываю вамъ большую, большую будущность ... Поэты, художники съ поэтическимъ чутьемъ должны просто съ ума сойти». (СЛ2, 238). Старому поэту-читателю даже жалко разставаться съ образами «Степи», и онъ заклинаетъ А. П. продолжать исторію Егорушки. Послѣ полученія первой же повѣсти старикъ сообщаетъ молодому таланту о «чрезвычайной радости редакторши» (А. М. Евреиновой), и о томъ, что она проситъ его «не стѣсняться денежнымъ вопросомъ». Въ редакціи «только и толкуютъ», что о Чеховѣ. «Редакція—онъ подчеркиваетъ *вся*—къ вамъ относится наилучшимъ образомъ и проситъ васъ безъ церемоній заявлять ваше желаніе насчетъ гонорара». (СЛ2, 239).

Такова ли была дѣйствительная внутренняя настроенность собраній по журналу, — это едва ли можно утверждать съ безусловностью. Тенденціозныхъ критиковъ, публицистовъ и беллетристовъ «Отеч. Зап.» немногое идейно роднило съ свѣтлымъ художникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Плещеевъ въ этомъ кружкѣ радикаловъ чувствовалъ себя не всегда въ своей тарелкѣ. «Михайловскій, — жаловался онъ Чехову,—вноситъ въ журналъ ужасно «кружечный» исключительный характеръ, что мнѣ до крайности противно» (СЛ2, 237). Въ другихъ его письмахъ звучитъ нота разочарованія въ надеждахъ на «Сѣв. Вѣстникъ», жалоба на то, что изъ него въ концѣ-концовъ получились «тѣ же Отечественныя Записки», гдѣ уже не могло быть мѣста внѣпартійному мнѣнію, напр., критическимъ взглядамъ П. Островскаго. Повидимому, свою несамостоятельность въ редакціи Плещеевъ временами чувствовалъ настолько остро, что людей со стороны онъ даже готовъ былъ подозрѣвать во взглядѣ на себя, «какъ на инвалида, котораго держатъ въ редакціи на пансіонѣ за его долгую вѣрность

извѣстному направленію, но котораго бы въ сущности давно можно было за бортъ вышвырнуть» (СЛ2, 244). Когда Чеховъ читалъ въ письмѣ Плещеева строки: «васъ обвиняютъ въ томъ, что въ вашихъ произведеніяхъ не видно вашихъ симпатій и антипатій» (СЛ2, 245), ему не надо было спрашивать, кто и гдѣ обвиняетъ. И едва ли можно сомнѣваться, что довольно докучныя рѣчи о необходимости «направленія» въ разсказахъ Чехова и всѣ поученія Плещеева, шедшія у старика отъ чистаго сердца, подсказывались Скабичевскими, Южаковыми и К-о. Боясь ссоры Чехова именно съ ними, Плещеевъ поучалъ юнаго собрата (послѣ «Именинъ»):

«Я не вижу въ вашемъ разсказѣ никакого направленія. Въ принципіальномъ отношеніи тутъ нѣтъ ничего ни противъ либерализма, ни противъ консерватизма, и я рѣшительно не понимаю почему — еслибъ выкинуть изъ повѣсти одну или двѣ фразы — она бы пріобрѣла тенденціозный характеръ? Ни либеральной, ни консервативной она бы не сдѣлалась. Никто въ васъ не усмотрѣлъ бы желанія осмѣивать консерватизмъ и консерваторовъ.— Вы очень энергично отстаиваете вашу душевную независимость и справедливо порицаете доходящую до мелочности боязнь людей либеральнаго направленія, чтобъ ихъ не заподозрили въ консерватизмѣ; но — простите меня, нѣтъ ли у васъ тоже нѣкоторой боязни — чтобъ васъ не сочли за либерала? Вамъ прежде всего ненавистна фальшь—какъ въ либералахъ, такъ и въ консерваторахъ. Это прекрасно, и каждый честный и искренній человѣкъ можетъ только сочувствовать вамъ въ этомъ. Но въ вашемъ разсказѣ вы смѣетесь надъ украинофиломъ, «желающимъ освободить Малороссію отъ русскаго ига», и надъ человѣкомъ 60-хъ годовъ, застывшимъ въ идеяхъ этой эпохи — за что собственно? Вы сами прибавляете, что онъ искрененъ, и что дурного онъ ничего

не говоритъ. Украйнофила въ особенности я бы выкинулъ» и т. д. (СЛ2, 258).

Къ счастью, у насъ сохранился и чеховскій отвѣтъ на этотъ упрекъ,—отвѣтъ, представляющій попытку поколебать въ старикѣ шаблонъ традиціоннаго либерализма и отучить его отъ исканій въ писательскихъ образахъ непремѣнно портретовъ или того, чего въ нихъ нѣтъ. Плещеевъ узнавалъ въ «Именинахъ» Линтварева, въ «проф. Серебряковѣ» Суворина, «Катю» изъ «Скучной исторіи» готовъ былъ заподозрить въ связи съ старикомъ профессоромъ. Чеховъ отвѣчаетъ по всѣмъ статьямъ обвиненія и отвѣчаетъ, повидимому, не вполнѣ равнодушно. «Я уравновѣшиваю не консерватизмъ и либерализмъ, которые не представляютъ для меня главной сути, а ложь героевъ съ ихъ правдой. Н. лжетъ и буффонитъ въ судѣ, онъ тяжелъ и безнадеженъ, но я не могу скрыть, что по природѣ своей онъ милый и мягкій человѣкъ. N. N. лжетъ на каждомъ шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняетъ ей боль. Украйнофилъ не можетъ служить уликой. Я не имѣлъ въ виду Линтварева... Я имѣлъ въ виду тѣхъ глубокомысленныхъ идіотовъ, которые бранятъ Гоголя за то, что онъ писалъ не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и блѣдными бездѣльниками, ничего не имѣя ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, тѣмъ не менѣе стараются казаться выше средняго уровня и играть роль, для чего и нацѣпляютъ на свои лбы ярлыки»

Съ особенной страстностью и почти рѣзкостью отстраняетъ отъ себя Чеховъ шаблонный упрекъ въ неуваженіи къ человѣку 60-хъ годовъ. Онъ и такъ старался быть остороженъ и «щадилъ» его. «Это полинявшая недѣятельная бездарность, узурпирующая 60-е годы; въ 5 классѣ гимназіи она поймала 5—6 чужихъ мыслей, застыла на нихъ и будетъ упрямо бормотать ихъ до самой смерти.

Это не шарлатанъ, а дурачокъ, который вѣруетъ въ то, что бормочетъ, но мало или совсѣмъ не понимаетъ того, о чемъ бормочетъ. Онъ глупъ, глухъ, безсердеченъ. Вы бы послушали, какъ онъ во имя 60-хъ годовъ, которыхъ не понимаетъ, брюзжитъ на настоящее, котораго не видитъ; онъ клевещетъ на студентовъ, на гимназистокъ, на женщинъ, на писателей и на все современное и въ этомъ видитъ главную суть человѣка 60-хъ годовъ. Онъ скученъ, какъ яма, и вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ, какъ сусликъ. Шестидесятые годы—это святое время, и позволять глупымъ сусликамъ узурпировать его значитъ опошлять его. Нѣтъ, не вычеркну я ни украйнофила, ни этого гуся, который мнѣ надоѣлъ! Онъ надоѣлъ мнѣ еще въ гимназіи, надоѣдаетъ и теперь».

«Степь» была понята и почувствована не однимъ Плещеевымъ, а и многими чуткими людьми. Только критика, привыкшая ждать отъ повѣстей опредѣленной тенденціи, поученія, морали, казалась озадаченной, не видя ясно, что собственно хотѣлъ сказать авторъ этой явно талантливой, но безпретенціозной вещи. Уже лучше другихъ разбирался здѣсь Л. Е. Оболенскій, все же улавливавшій надъ повѣстью вѣяніе философской мысли. Правда, ощущеніе художественной красоты рисунка Чехова, его новый пріемъ писательства совершенно не былъ понятъ этимъ сторонникомъ публицистической критики.

Ему казалось, что читатель «Степи» «нигдѣ (!) не живетъ поэтическою жизнью степи, не любуется ею, не одухотворяетъ ее», что писатель «не прочувствовалъ, повидимому, (поэтической) стороны степи», и самыя одухотворенія «выходятъ у него блѣдно». Почти забавны предъявленія Оболенскаго «по старинкѣ» къ полнотѣ описаній.

„Въ описаніи восхода солнца нѣтъ красокъ, т.-е. цвѣтовъ, исключая того мѣста, гдѣ говорится о дали, что она лиловая и что въ ней теряются холмы; но какого цвѣта сами эти холмы и степь, авторъ не сказалъ, и отъ этого увѣреніе его, что холмы теряются именно въ лиловой дали, рѣжетъ ваше воображеніе, ваше поэтическое чувство тѣмъ, что разъ упомянуто о краскѣ—вы уже хотите знать, какой же цвѣтъ переходитъ въ лиловый (!?) Авторъ самъ этимъ, такъ-сказать, лиловымъ карандашомъ подчеркнулъ недостатокъ описанія. Въ дальнѣйшемъ описаніи, когда онъ говоритъ, что по степи побѣжали „желто - золотыя“ полоски, подробно разсказываетъ движенія этихъ полосъ,—это васъ только больше и больше раздражаетъ, ибо вы не знаете, по какому фону помѣстить эти желтыя полоски въ воображаемой вами степи».

Точно такъ же Оболенскій не улавливалъ въ «Степи» никакихъ запаховъ,

«исключая самыхъ рѣзкихъ, когда, напримѣръ, Егорушка, пившій воду черезъ трубочку болиголова, чувствуетъ во рту его запахъ (или вкусъ). «Такимъ образомъ степь возникаетъ передъ нами лишь почти одною своею стороною вліяній на человѣка, а именно, стороной исключительно физіологическихъ вліяній, да и то не всѣхъ, а преимущественно зрительно, да и тутъ въ значительной степени лишенной цвѣтовыхъ впечатлѣній, т.-е. набросанной какъ бы карандашомъ да двумя красками»

Но философскій синтезъ «Степи» Оболенскій почувствовалъ довольно вѣрно.

„Многіе спрашиваютъ и недоумѣваютъ, что̀ же Чеховъ хотѣлъ сказать „цѣлымъ“ своимъ этюдомъ? А между тѣмъ такая идея, мнѣ кажется, была несомнѣнно: Чеховъ, повидимому, хотѣлъ изобразить величественное, покойно-безпредѣльное лоно степи, изрѣдка пробуждающееся могучей грозой, а на этомъ лонѣ мелкія, крохотныя человѣческія поползновеньица, страсть наживы, взаимное холопство и заискиваніе, мелкую борьбу хищника-человѣка, разныхъ ступеней человѣческой муравьиной кучи, начиная отъ безголосаго пѣвчаго и подводчиковъ, этихъ безсознательныхъ рабочихъ муравьевъ, и кончая іерархіей паразитовъ степи. Если такова была идея автора, то задумана она была великолѣпно: трудно придумать лучшую комбинацію для сопоставленія крохотнаго суетящагося человѣка-муравья съ могучею, широкою, какъ

море, недвижною степью. Тутъ была масса элементовъ для самаго глубокаго изображенія поэтическихъ контрастовъ, для оттѣненія ничтожества этого хищничества, хотя и въ орлиныхъ варламовскихъ размѣрахъ. Но это удалось бы автору лишь тогда, если бы онъ болѣе „прочувствовалъ“ степь; если бы глубокія, потрясающія эмоціи онъ противопоставилъ ничтожному коммерческому божку ея муравьинаго населенія“.

До извѣстной степени знавшій уже цѣну критическимъ отзывамъ, Чеховъ едва ли былъ смущенъ уроками семи нянекъ, какъ едва ли былъ въ большомъ восторгѣ и отъ похвалъ. Именно къ этому времени относится его характерно-неуважительный отзывъ объ Арс. Введенскомъ, типичномъ представителѣ односторонне-партійной, вялой и неглубокой критики. «Читалъ сегодня Аристархова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Какое лакейство передъ именами и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дѣло касается начинающихъ! Всѣ эти критики и подхалимы и трусы: они боятся и хвалить, и бранить, а кружатся въ какой-то жалкой, сѣрой серединѣ. А главное не вѣрятъ себѣ... «Живыя цифры» — вздоръ, который трудно читать и понимать. Аристарховъ съ трудомъ читалъ и не понималъ, но развѣ у него хватитъ мужества признаться въ этомъ! Моя «Степь» утомила его, но развѣ онъ сознается въ этомъ, если другіе кричатъ: «талантъ! талантъ!» (1888).

Свѣтлыя впечатлѣнія, однако, радостно преобладали, и самая память о недавней работѣ была еще такъ мила Чехову, что онъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ лелѣялъ мысль впереди снова вернуться къ законченной повѣсти. «Что касается Егорушки,—писалъ онъ старику Плещееву, — то продолжать его я буду, но не теперь. Глупенькій о. Христофоръ уже померъ. Гр. Драницкая (Браницкая) живетъ прескверно. Варламовъ продолжаетъ кружиться. Такія натуры, какъ озорникъ Дымовъ, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжни-

чества, не для осѣдлаго житья, а прямехонько для революціи... Революціи въ Россіи никогда не будетъ, и Дымовъ кончитъ тѣмъ, что сопьется или попадетъ въ острогъ. Это лишній человѣкъ. Въ 1877 году я въ дорогѣ однажды заболѣлъ перитонитомъ (воспаленіемъ брюшины) и провелъ страдальческую ночь на постояломъ дворѣ Моисей Моисеича. Жидокъ всю ночь напролетъ ставилъ мнѣ горчишники и компрессы».

IV

Итакъ, редакція «Сѣвернаго Вѣстника» уже чуяла въ Чеховѣ большую силу, и, едва покончившій со «Степью», онъ связываетъ себя обѣщаніемъ новыхъ и новыхъ вкладовъ въ журналъ.

Въ іюньской книжкѣ того же 1888-го года прошли его «Огни». Въ ноябрьской появились «Именины», глубокая и чуткая вещь, едва ли не самый яркій образчикъ мастерства чеховскаго перевоплощенія въ женскую душу. Цѣлый сложный міръ впечатлѣній женщины, готовящейся стать матерью, проходитъ здѣсь въ изумительно-тонкомъ освѣщеніи, почти невѣроятномъ для мужчины. «Огнями», однако, авторъ былъ недоволенъ («мнѣ немножко стыдно за него. Скучища и такъ много философом... что приторно»). (Щеглову). Ко всему эта философія разсказа могла оставлять читателя въ недоумѣніи. Щеглову, очевидно, жаловавшемуся на неясность морали «Огней», на ту читательскую растерянность, какую онъ почувствовалъ, закрывъ послѣднюю страницу разсказа, Чеховъ отвѣтилъ отказомъ уяснить эту философію и искреннимъ признаніемъ, что авторъ не долженъ стремиться уяснить то, что для него самого загадочно. «Относительно конца моихъ «Огней» я позволю себѣ не согласиться съ вами. Не дѣло психолога понимать то, чего онъ не понимаетъ. Паче сего не

дѣло психолога дѣлать видъ, что онъ понимаетъ то, чего не понимаетъ никто. Мы не будемъ шарлатанить и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны».

Зато «Именины» дали ему почти вещественное удовлетвореніе. «Актеры Малаго театра нарасхватъ читаютъ мои «Именины»,—имъ нравится. Особенно женскому полу пришлось по вкусу» (Плещееву)... «Своими «Именинами» я угодилъ дамамъ. Куда ни приду, вездѣ славославятъ. Право, не дурно быть врачемъ и понимать то, о чемъ пишешь. Дамы говорятъ, что роды описаны вѣрно». (Суворину.)

И «Степь», и «Огни», и «Именины»—это была уже «настоящая литература», которая не сдѣлала бы безчестья и большому писателю. Но слыша комплименты и самъ чувствуя удачныя страницы, Чеховъ, кажется ярче чувствовалъ несовершенства своихъ разсказовъ То гордое предъявленіе къ себѣ, какое отличаетъ подлинного художника, позволяло ему явно видѣть, насколько въ творческомъ воображеніи образы строились ярче, характеры обрисовывались полнѣе, никакія недоумѣнія, какія возникали даже въ такихъ незаурядныхъ читателяхъ, какъ Плещеевъ, Щегловъ, не существовали. Спѣшно работая и торопливо выпуская работу, Чеховъ переживалъ драму мастера, которую могъ угадать тоже только мастеръ или тонкій критикъ.

Не чувствуя, какъ больно онъ ранитъ молодого беллетриста, Суворинъ укололъ Чехова какою-то фразой о томъ, что герой «Именинъ» стоилъ бы, пожалуй, болѣе серьезной и всесторонней трактовки.

«Вы пишете, что герой моихъ «Именинъ»—фигура, которою слѣдовало бы заняться,—пишетъ Чеховъ въ 1888 г.— Я понимаю это. Я понимаю, что рѣжу своихъ героевъ

и порчу, что хорошій матеріалъ пропадаетъ у меня зря... Говоря по совѣсти, я охотно просидѣлъ бы надъ «Именинами» полгода. Я... не вижу никакой прелести въ скоропалительномъ печатаніи. Я охотно, съ удовольствіемъ, съ чувствомъ и съ разстановкой описалъ бы всего моего героя, описалъ бы его душу во время родовъ жены, судъ надъ нимъ, его пакостное чувство послѣ оправдательнаго приговора, описалъ бы, какъ акушерка и доктора ночью пьютъ чай, описалъ бы дождь... Это доставило бы мнѣ одно только удовольствіе, потому что я люблю рыться и возиться. Но что мнѣ дѣлать? Начинаю я разсказъ 10 сент. съ мыслью, что обязанъ кончить его къ 5 октября—крайній срокъ; если просрочу, то обману и останусь безъ денегъ. Начало пишу покойно, не стѣсняя себя, но въ серединѣ я ужъ начинаю робѣть и бояться, чтобы разсказъ мой не вышелъ длиненъ: я долженъ помнить, что у «С. В.» мало денегъ, и что я одинъ изъ дорогихъ сотрудниковъ. Потому-то начало выходитъ у меня всегда многообѣщающее, точно я романъ началъ; середина скомканная, робкая, а конецъ какъ въ маленькомъ разсказѣ, фейерверочный. Поневолѣ, дѣлая разсказъ, хлопочешь прежде всего о его рамкахъ: изъ массы героевъ и полугероевъ берешь только одно лицо—жену или мужа,—кладешь это лицо на фонъ и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальныхъ разбрасываешь по фону, какъ мелкую монету, и получается нѣчто въ родѣ небеснаго свода: одна большая луна и вокругъ нея масса очень маленькихъ звѣздъ. Луна же не удается, потому что ее можно понять только тогда, если понятны и другія звѣзды, а звѣзды не отдѣланы. И выходитъ у меня не литература, а нѣчто въ родѣ шитья Тришкина кафтана».

Суворинъ коснулся самаго больного мѣста Чехова и вынудилъ его въ томъ же письмѣ на необычайно цѣнное

признаніе, дающее своего рода ключъ къ его творчеству, указывающее дѣйствительно большой органическій дефектъ таланта,—отсутствіе въ немъ трепетнаго горѣнія и захвата вдохновеніемъ. «Если говорить по совѣсти,—исповѣдуется онъ,—то я еще не начиналъ своей литерат. дѣятельности, хотя и получилъ премію. У меня въ головѣ томятся сюжеты для пяти повѣстей и двухъ романовъ. Одинъ изъ романовъ задуманъ уже давно, такъ что нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ уже устарѣли, не успѣвъ быть написаны. Въ головѣ у меня цѣлая армія людей, просящихся наружу и ждущихъ команды. *Все, что я писалъ до сихъ поръ, ерунда въ сравненіи съ тѣмъ, что я хотѣлъ бы написать и* что писалъ бы съ восторгомъ. *Для меня безразлично*—писать ли «Именины», или «Огни», или водевиль, или письмо къ пріятелю—*все это скучно, машинально, вяло*, и мнѣ бываетъ досадно за того критика, который придаетъ значеніе, напр., «Огнямъ», мнѣ кажется, что я его обманываю своими произведеніями, какъ обманываю многихъ своимъ серьезнымъ или веселымъ не въ мѣру лицомъ. Мнѣ не нравится, что я имѣю успѣхъ; тѣ сюжеты, которые сидятъ въ головѣ, досадливо ревнуютъ къ уже написанному; обидно, что чепуха уже сдѣлана, а хорошее валяется въ складѣ, какъ книжный хламъ...»

Движеніемъ молодого таланта къ славѣ, исключительнымъ повсюду его успѣхомъ объясняется одинъ шагъ въ отношеніи его, сдѣланный въ этомъ (1888) году Суворинымъ. Едва ли кто-либо сможетъ точно освѣтить эту интересную страницу біографіи А. П., документы которой едва ли были. При постоянныхъ личныхъ встрѣчахъ Суворинъ, конечно, располагалъ всею возможностью личныхъ переговоровъ, да такія дѣла и не укладываются въ десятокъ строкъ письма. Единственнымъ документомъ осталось письмо Чехова, гдѣ онъ отказывается

войти въ качествѣ опредѣленнаго работника въ «Новое Время» и даетъ этому мотивировку.

Неизвѣстно, какъ и при какихъ обстоятельствахъ предложеніе войти ближе въ редакцію «Новаго Времени» было сдѣлано опытнымъ издателемъ, съ самаго начала ясно видѣвшимъ, какимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ былъ бы Чеховъ. Пославъ ему разъ нѣсколько разсказовъ на правку, Суворинъ потомъ отзывался о немъ, какъ о превосходномъ редакторѣ[1]). Самъ Чеховъ иногда точно поддразнивалъ старика готовностью «напроситься въ редакторы беллетристическаго отдѣла». «Я бы чистилъ и шлифовалъ всѣ одобренные вами и Буренинымъ разсказы и протежировалъ бы тѣмъ, повидимому, никуда негоднымъ вещамъ, изъ которыхъ путемъ сокращенія наполовину и путемъ корректуры можно сдѣлать сносные разсказы. А я наловчился корректировать и марать рукописи. Помнится, зимою ночью сидя у васъ, я изъ плохого брошеннаго разсказа К. сдѣлалъ субботникъ, который на другой день многимъ понравился».

Похоже, что со стороны Суворина были неоднократные подходы къ дѣлу, гдѣ, можетъ-быть, шутку не совсѣмъ легко было отличить отъ серьезнаго. Фактъ несомнѣнный, что наконецъ А. П. не счелъ далѣе возможнымъ отшучиваться или отыгрываться отъ прямого объясненія и, во избѣжаніе всяческихъ недоразумѣній, самъ прямо и открыто поставилъ ребромъ и разрѣшилъ вопросъ.

Указавъ Суворину, какъ мнительность плебея, боящагося стать тяжелымъ для издателя, всегда подсѣкала въ немъ охоту много писать въ «Н. Вр.», Чеховъ кате-

---

[1]) Даже Плещееву онъ хвалилъ его, какъ «отличнаго редактора беллетристики» (СЛ2, 278).

горически заявляетъ: «Занять въ газетѣ опредѣленное рабочее и денежное положеніе я рѣшусь развѣ только тогда, когда мы охладѣемъ другъ къ другу, а пока останусь для васъ безполезнымъ человѣкомъ. Въ качествѣ хорошаго знакомаго я буду вертѣться при газетѣ и энциклопедическомъ словарѣ, возьму pour plaisir какой-нибудь отдѣлъ въ послѣднемъ, буду изрѣдка, разъ въ мѣсяцъ, писать субботники, но стать въ газетѣ прочно не рѣшусь *ни за какія тысячи*, хоть вы меня зарѣжьте. Это не значитъ, что я отношусь къ вамъ душевнѣе и искреннѣе, чѣмъ другіе; это значитъ, что я страшно испорченъ тѣмъ, что родился, выросъ, учился и началъ писать въ средѣ, въ которой деньги играютъ безобразно большую роль. Простите за эту непріятную откровенность; *надо разъ навсегда объяснить* то, что можетъ показаться непонятнымъ» (1888)

Можно не сомнѣваться, что Суворинъ вовсе не съ легкимъ сердцемъ примирился съ такимъ рѣшеніемъ Чехова. Возможно, что въ такомъ отвѣтѣ онъ почувствовалъ и извѣстную долю дипломатіи. Что до Чехова, то ему уже былъ опредѣленно непріятенъ разговоръ, какой пошелъ по этому поводу въ литературныхъ кругахъ. Онъ просилъ товарищей гасить ложный слухъ (П, IV, 250), говорилъ раздраженно о Щегловѣ, котораго «нечистая сила дергаетъ за языкъ», и старался повернуть дѣло въ шутку. «О шести тысячахъ разговоръ былъ въ шутливомъ тонѣ, иначе бы я держалъ его въ секретѣ. Суворинъ шутя мнѣ предложилъ, я шутя поддержалъ эту мысль». (Плещееву, 1889).

Годъ многообѣщающихъ дебютовъ Чехова въ толстомъ журналѣ принесъ ему и другое большое удовлетвореніе. По отзыву акад. Бычкова, за сборникъ «Въ сумеркахъ» ему была выдана половинная пушкинская премія Академіи наукъ 1888 г. Чеховъ былъ польщенъ и не низко

ставилъ эти лавры. Въ своихъ маленькихъ автобіографіяхъ онъ упоминаетъ объ этомъ фактѣ.

Книга подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ»—таковъ былъ окончательный выводъ ученаго, далеко не почувствовавшаго всей прелести пышнаго таланта Чехова—свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ молодого писателя.

„Въ разсказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между разсказами художественно исполненные, но также дѣланные и придуманные („Вѣдьма“), растянутые („Пустой случай“) и безсодержательные („Событіе“). Языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ, напримѣръ: „на травѣ висятъ тусклыя, недобрыя слезы“ (!?), „прекрасно симулировалъ влюбленнаго“, „гдѣ бы я могъ сгодиться“, „утеряетъ для него навсегда свое реальное значеніе“, „внутри все сарайно“, „такова ужъ планида русскаго лица“, „когда я подъ столъ пѣшкомъ ходилъ“, „большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей“ и др.

«Принимая во вниманіе достоинства сборника», Бычковъ, однако, считалъ его «заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи».

„Комиссія, усматривая изъ этой рецензіи, что разсказы г. Чехова хотя и не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ, однакоже, выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, нашла возможнымъ присудить ему половинную пушкинскую премію“.

Фактъ увѣнчанія академическими лаврами, помимо полученія 500 р., чрезвычайно не лишнихъ въ скудномъ еще бюджетѣ Чехова, имѣлъ для него исключительное нравственное воздѣйствіе. Съ высокою радостью его приняла семья Чехова, и самъ онъ на этотъ разъ нѣсколько измѣнилъ своему равнодушію реалиста.

«Извѣстіе о преміи,—пишетъ онъ Суворину 10 окт. 1888 г., — имѣло ошеломляющее дѣйствіе. — Оно пронеслось по моей квартирѣ и по Москвѣ, какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса. Я всѣ эти дни хожу, какъ влюбленный; мать и отецъ несутъ ужасную чепуху и несказанно рады, сестра, стерегущая нашу репутацію со строгостью и мелочностью придворной дамы, честолюбивая и нервная, ходитъ къ подругамъ и всюду трезвонитъ. Жанъ Щегловъ толкуетъ о литературныхъ Яго и о пятистахъ врагахъ, какихъ я пріобрѣту за 500 руб. Встрѣтились мнѣ супруги Ленскіе и взяли слово, что я пріѣду къ нимъ обѣдать; встрѣтилась одна дама, любительница талантовъ, и тоже пригласила обѣдать; пріѣзжалъ ко мнѣ съ проздравленіемъ инспекторъ Мѣщанскаго училища. Иксы, Зеты и Эны, работающіе въ «Будильникахъ», «Стрекозахъ» и «Листкахъ», переполошились и съ надеждою взираютъ на свое будущее. Газетные беллетристы второго и третьяго сорта должны воздвигнуть мнѣ памятникъ или, по крайней мѣрѣ, поднести серебряный портсигаръ: я проложилъ для нихъ дорогу въ толстые журналы, къ лаврамъ и къ сердцамъ порядочныхъ людей. Пока это моя единственная заслуга, все же, что я написалъ и за что мнѣ дали премію, не проживетъ въ памяти людей и десяти лѣтъ».

Но Щегловъ зналъ среду, когда пророчилъ Чехову враговъ, и молодому лауреату, еще такъ недавно проходившему по заднему двору литературы среди ничтожествъ и неудачниковъ, пришлось скоро испытать шипы удачи и признанія. Онъ не успѣлъ оглянуться, какъ до него скоро дошелъ ревнивый шопотъ. Возмущенно Чеховъ говоритъ объ этихъ завистникахъ въ письмѣ къ Плещееву.

«Теперь о зависти. Если премію мнѣ дали въ самомъ дѣлѣ не по заслугамъ, то и зависть, которую она возбуждаетъ, свободна отъ правды. Завидовать и досадовать

имѣютъ нравственное право тѣ, кто лучше меня, или идетъ рядомъ со мной, но отнюдь не тѣ господа NN и комп., для которыхъ я собственнымъ лбомъ пробилъ дорогу къ толстымъ журналамъ и къ этой же преміи. Эти с. с. должны радоваться, а не завидовать. У нихъ ни патріотизма, ни любви къ литературѣ, а одно самолюбьишко. Они готовы повѣсить меня и Короленко за успѣхъ. Будь я и Короленко—геніи, спаси мы съ нимъ отечество, создай мы храмъ Соломоновъ, то насъ возненавидѣли бы еще больше, потому что гг. NN не видятъ ни отечества, ни литературы—все это для нихъ вздоръ; они замѣчаютъ только чужой успѣхъ и свой неуспѣхъ, а остальное хоть травой порасти. Кто не умѣетъ быть слугою, тому нельзя позволять быть господиномъ» (1888).

V

Проводя черту подъ періодомъ первыхъ выступленій въ «Сѣв. Вѣстникѣ», біографъ не можетъ не видѣть огромнаго завоеванія Чехова. Изъ среды мелкихъ сотрудниковъ «Будильниковъ» и «Осколковъ», изъ условной литературы, гдѣ уже первыми были Лейкины и Пальмины, онъ выходитъ въ большую литературу. Онъ знакомится со всѣмъ, что есть наиболѣе замѣтнаго и обѣщающаго въ его цехѣ. Первый пріѣздъ его въ Петербургъ окрашивается для него въ какіе-то фантастическіе тона. Онъ чувствуетъ себя «на седьмомъ небѣ», его очаровываетъ все, даже извозчики и провизія. «Умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай

Всѣ наперерывъ приглашаютъ его и курятъ ему ѳиміамъ. Ему жаль, что онъ не можетъ всегда жить здѣсь, и мысль о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишащую NN и ZZ, портитъ ему кровь. Въ хвалебныхъ рѣчахъ дамъ ему «слышится психопатія», тѣмъ не менѣе онъ не бѣжитъ ихъ. (М. П. Чехову). Онъ уже зна-

комъ съ Григоровичемъ, Плещеевымъ, Суворинымъ, Короленко. Однажды авторъ «Сна Макара» ведетъ его въ назначенный часъ въ Пале-Рояль, къ «самому» Михайловскому, гдѣ они застаютъ и Глѣба Успенскаго. Правда, изъ знакомства съ Глѣбомъ Ив., по разсказу Короленка, ничего не вышло. Онъ сдержанно молчалъ (у него начинали уже появляться предвѣстники болѣзни). Михайловскій одинъ поддерживалъ разговоръ. Когда Чеховъ ушелъ, Короленко почувствовалъ, что попытка не удалась. Успенскій, съ которымъ онъ вмѣстѣ вышелъ отъ Михайловскаго, замѣтилъ это огорченіе собрата и спросилъ: — Вы любите Чехова? «Я,— разсказываетъ Короленко,—попытался изобразить то чувство, которое у меня было къ Чехову, и то впечатлѣніе, какое онъ на меня производитъ. Онъ слушалъ съ обычнымъ своимъ задумчивымъ вниманіемъ и сказалъ: — «Это хорошо» .. Но самъ остался сдержаннымъ». Короленко позднѣе понялъ, что веселость Чехова «Пестрыхъ разсказовъ» должна была быть чужда и непріятна Успенскому [1]).

Въ 1887 г. завязалась у Чехова пріязнь съ И. Л. Щегловымъ-Леонтьевымъ, который до гроба боготворилъ его, состоялись знакомства съ К. С. Баранцевичемъ, Потапенко, Немировичемъ-Данченко, А. С. Грузинскимъ и всею литературною молодежью того времени. Чрезвычайно высоко оцѣнилъ его талантъ Лѣсковъ. Изъ старшихъ обласкалъ его маститый Полонскій. Въ его письмахъ къ Чехову, въ общемъ мало интересныхъ (СЛ2, 223—234), есть заявленіе о «нѣжной любви» поэта къ молодому таланту. Не противорѣчитъ характеру Полонскаго и комическій разсказъ о томъ, будто бы въ первый визитъ Чеховъ просидѣлъ у него весь вечеръ неузнанный и лишь при разставаньи поэтъ съ великой досадой

[1]) Воспом. Короленка о Чеховѣ, Сочин. т. I, 397.

узналъ, что у него былъ Чеховъ [1]). Полонскій посвятилъ ему стихи, Чеховъ посвятилъ ему «Счастье», но болѣе близкихъ отношеній между ними не наладилось.

Какіе оттѣнки отличали знакомство Чехова съ Гаршинымъ,—детальныхъ свѣдѣній не сохранилось. Едва ли это общеніе рождало полное созвучіе,—Чеховъ и Гаршинъ по духовному строенію своему были почти антиподами. Уравновѣшенность перваго едва ли могла гармонировать съ полною неуравновѣшенностью второго. Мы знаемъ, что до поры до времени такія общенія съ людьми неодинаковой психики для Чехова были возможны. Въ этомъ родѣ была его дружба со Щегловымъ, перелившаяся въ болѣе холодные тона только позднѣе. Во всякомъ случаѣ, Чеховъ ласково поминалъ Гаршина и какъ будто считалъ себя въ долгу за его ласку. «Гаршинъ въ послѣдніе дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу» (Плещееву). Намъ извѣстно еще, что Гаршинъ былъ «безъ ума» отъ «Степи» (СЛ2, 241). Біографъ долженъ подсказать критику, что въ «Припадкѣ» въ лицѣ впечатлительнаго студента Васильева Чеховъ пытался, повидимому, воплотить именно гаршинскій типъ, типъ ужаленнаго человѣка. «Я сказалъ свое, никому не нужное мнѣніе о такихъ рѣдкихъ людяхъ, какъ Гаршинъ» (Суворину, П, II, 221).

Молодой писатель принималъ всѣ эти летѣвшія ему навстрѣчу дружбы и пріязни далеко не безъ критики. Свойство художника-реалиста—очень мѣтко оцѣнивать людей, и этимъ, можетъ-быть, печальнымъ свойствомъ въ высокой мѣрѣ обладалъ Чеховъ. Въ этомъ смыслѣ очень характерно отношеніе его къ Плещееву. Человѣкъ изъ большой литературы, съ ореоломъ страданія въ про-

---

[1]) См. объ этомъ въ Воспом. Ладыженскаго и М. П. Чехова (сборникъ Брендера, 276.)

шломъ, поэтъ неяркаго таланта, но спутникъ первоклассныхъ фигуръ 60-хъ годовъ, Плещеевъ былъ какъ бы совсѣмъ съ другой планеты, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ дотолѣ онъ дѣлилъ свое время и чувства. Это былъ ходячій архивъ прекрасныхъ воспоминаній, литераторъ чистой крови, въ лицѣ котораго, м.-б., въ первый разъ Чеховъ могъ наблюдать трепетную любовь къ литературѣ. Симпатичный всей молодежи, Плещеевъ былъ безспорно глубоко симпатиченъ и Чехову, и ласка старика окрыляла его. Онъ былъ гордъ перепиской съ поэтомъ и не скрывалъ этого. «Я люблю вашъ почеркъ, когда я вижу его на бумагѣ, мнѣ становится весело. Не скрою отъ васъ, мнѣ льститъ, что я переписываюсь съ вами». И намъ уже извѣстна чеховская шутка о томъ, какъ онъ собирался издать эту переписку въ поученіе внукамъ.

При всемъ этомъ чеховское стремленіе къ новому содержанію и новымъ формамъ въ литературѣ и его широта не могли находить полной оцѣнки и сочувствія въ старомъ писателѣ, сторонникѣ старыхъ формъ и адептѣ лагерныхъ традицій. Мы уже видѣли, какъ нерѣдко между учителемъ и ученикомъ возникало несходство пониманія, какъ часто Чехову приходилось дѣлать Плещееву комментаріи къ своимъ разсказамъ, въ полной почтительности, но едва ли доставлявшіе удовольствіе обоимъ. Характерно, что уже въ очень раннюю пору знакомства личная симпатичность поэта не препятствовала трезвому Чехову видѣть подлинный размѣръ писательскаго и человѣческаго образа старѣйшаго друга. «У меня гоститъ Плещеевъ,—пишетъ онъ Суворину.—На него глядятъ всѣ, какъ на полубога, считаютъ за счастье, если онъ удостоитъ своимъ вниманіемъ чью-нибудь простоквашу, подносятъ ему букеты, приглашаютъ всюду и проч. А онъ «слушаетъ да ѣстъ» и куритъ свои сигары, отъ которыхъ у его поклонницъ разбаливаются головы. Онъ туго

подвиженъ и старчески лѣнивъ, но это не мѣшаетъ прекрасному полу катать его на лодкахъ, возить въ сосѣднія имѣнія и пѣть ему романсы. Здѣсь онъ изображаетъ изъ себя то же, что и въ Петербургѣ, т.-е. икону, которой молятся за то, что она стара и висѣла когда-то рядомъ съ чудотворными иконами. Я же лично, помимо того, что онъ очень хорошій, теплый и искренній человѣкъ, вижу въ немъ сосудъ, полный традицій, интересныхъ воспоминаній и хорошихъ общихъ мѣстъ»(1888). Это такъ трезво и четко, что въ пору не младшему собрату, а хотя бы и объективному историку.

Въ полный противовѣсъ Лейкину, съ которымъ трудно представить Чехова въ бесѣдѣ объ идейности, Плещеевъ могъ докучно дѣйствовать на него постояннымъ пристрастіемъ къ тенденціи и наставленіями о «направленіи». «Неужели,—вырывается у Чехова по поводу «Скучной исторіи»,—въ послѣднемъ разсказѣ не видно «направленія»? Вы какъ-то говорили мнѣ, что въ моихъ разсказахъ отсутствуетъ протестующій элементъ, что въ нихъ нѣтъ симпатій и антипатій... Но развѣ въ разсказѣ отъ начала и до конца я не протестую противъ лжи? Развѣ это не направленіе? Нѣтъ? Ну, такъ значитъ, я не умѣю кусаться, или я блоха». (Плещееву, 1889).

Трудно надѣяться на то, что дальнѣйшія соприкосновенія уменьшали рознь взглядовъ Чехова и Плещеева; — наоборотъ, время ее увеличивало. Все больше и больше получалось расхожденія въ вопросахъ художества. Едва ли могло служить сближенію хроническое недовольство Плещеева новыми произведеніями молодого таланта. «Скажу вамъ прямо и откровенно, «Лѣшій» меня не удовлетворилъ, и что это— первая ваша вещь, которая меня не удовлетворила и не оставила во мнѣ никакого впечатлѣнія». «Дуэль»

вашу читалъ и простите, если скажу, что она меня не удовлетворила... Мнѣ совершенно неясенъ конецъ ея, и я былъ бы вамъ очень благодаренъ, еслибъ вы объяснили мнѣ, чѣмъ мотивируется» и т. д. (СЛ2, 279, 283). Люди цѣнятъ откровенность, но постоянная откровенность неудовлетворенности создаетъ брешь въ дружбѣ художника.

Нужно думать, что въ этотъ же годъ удачъ и многообѣщающихъ знакомствъ Чеховъ хорошо познакомился вообще съ непріятными сторонами писательскаго быта и психики. Отъ лагерей и кружковъ на него пахнуло духотой, органически ему противной; въ людяхъ, хотя бы и не кружковыхъ, онъ уловилъ, если не подыгрыванье, то постоянную трусливую оглядку на «направленіе». Надо всѣмъ этимъ вообще царилъ духъ разъединенія и иногда зложелательства. Въ нѣсколькихъ письмахъ этой поры Чеховъ открыто становится въ оппозицію этой струѣ, господствующей среди петербургской литературной братіи. Одно требованіе свободы слышится во всѣхъ его поученіяхъ пріятелямъ: «и цари, и рабы, и умные, и глупые, и мытари, и фарисеи,—пишетъ онъ по поводу гаршинскаго сборника,—имѣютъ одинаковое юридическое и нравственное право чтить память покойниковъ, какъ имъ угодно, не интересуясь ничьимъ мнѣніемъ и не боясь помѣшать другъ другу... Гекуба не составляетъ ничьей привилегіи. Она для всѣхъ. Теперь о Короленко. Почему вы думаете, что онъ долженъ быть непремѣнно «нашъ»? Откуда у васъ эти исключительныя права на симпатіи человѣка? Какъ очень хорошій человѣкъ и талантливый писатель онъ изображаетъ ту же Гекубу, которая не можетъ быть ни вашей, ни нашей. Пусть сидитъ тамъ, гдѣ ему угодно». Или еще: «объединеніе молодыхъ писателей не можетъ произойти только оттого, что фамиліи ихъ будутъ напечатаны въ одномъ оглавленіи. Для

объединенія нужно кое-что другое, нужна если не любовь, то хоть уваженіе другъ къ другу, взаимное довѣріе и абсолютная честность въ отношеніяхъ, т.-е. нужно, чтобы я, умирая, былъ увѣренъ въ томъ, что послѣ моей смерти г. Бибиковъ не будетъ печатать во «Всемірной Иллюстраціи» нелѣпыхъ воспоминаній обо мнѣ, что товарищи не позволятъ г. Леману читать на могилѣ моей рѣчи отъ имени молодыхъ писателей, къ которымъ г. Леманъ принадлежать не имѣетъ права, ибо онъ не писатель, а только прекрасный игрокъ на билліардѣ; что при жизни я не буду завистничать, ни ненавистничать и сплетничать и быть увѣреннымъ, что товарищи будутъ платить мнѣ тѣмъ же, что мы будемъ прощать недостатки другъ другу и т. д.» [1]) Именно около этого времени въ письмахъ Чехова усиливается тонъ поучительства и иногда почти резонерства. Онъ очень часто пользуется случаемъ упрекнуть собратій за любовь къ «духотѣ», за кастовую замкнутость, съуженность горизонта въ писательскихъ наблюденіяхъ, и всячески отвоевываетъ свое право быть цѣльнымъ, безпартійнымъ, независимымъ человѣкомъ и художникомъ, презирающимъ шоры и всякую указку извнѣ. Именно теперь къ нему приходитъ «чувство личной свободы». «Оно стало разгораться во мнѣ только недавно,—поясняетъ онъ Суворину.—Раньше его у меня не было; его замѣняли съ успѣхомъ мое легкомысліе, небрежность и неуваженіе къ дѣлу» (1889).

Необычайной силы и красоты письмо, доказывающее, что у Чехова былъ темпераментъ, вырвалось у него къ Плещееву по поводу повѣсти «Жена». Въ спокойныхъ, безъ восклицательныхъ знаковъ строкахъ онъ вылилъ свой страстный символъ вѣры истиннаго художника,

---

[1]) Изъ неизданнаго письма къ К. С. Баранцевичу.

говорящаго «руки прочь»—всѣмъ, навязывающимъ ему рамки своихъ душныхъ катехизисовъ. «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. *Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ* и только и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ... Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ: я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи... Потому я одинаково и не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Моя святая святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода—свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ не выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ». (4 окт., 1891).

Огненное credo это, отвоевывающее Чехову дерзкую свободу личности и дѣйствительно заставляющее опуститься руки всѣхъ притязавшихъ на него ярлыковыхъ людей одинаково справа и слѣва,—надо запомнить если не заучить наизусть тому, кто хочетъ дѣйствительно разобраться въ творческой и общественной личности Чехова.

VI.

Къ моменту печатанія «Степи» относится весьма характерный, хотя, повидимому, и не имѣвшій большого значенія для Чехова эпизодъ—его обмѣнъ письмами съ знаменитымъ Н. К. Михайловскимъ. По значенію для литературы конца вѣка этого имени, по тому общественному ореолу, какимъ оно было окружено, казалось бы, этотъ случай могъ быть еще болѣе значительнымъ въ чеховской біографіи, чѣмъ знаменитое обращеніе къ нему Григоровича. Справедливость требуетъ сказать, что это было не такъ.

Письмо старика Григоровича къ молодому таланту было дѣйствительно благодатной грозой, обновившей Чехова, воззвавшей его отъ писательства «безъ догмата», отъ литературнаго обывательства къ высокому самоощущенію художника. Окрылившее его письмо оставило въ его душѣ слѣдъ на всю жизнь. Письмо Михайловскаго несомнѣнно заставило его задуматься. Возможно, что въ ряду другихъ факторовъ, обусловливавшихъ дальнѣйшее созрѣваніе Чехова, строки сѣдого, маститаго публициста-критика сыграли свою роль.

Но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ заключать, что они были основою глубокаго душевнаго переворота или сложили какія-либо важныя житейскія рѣшенія. Наоборотъ, ничто не доказываетъ, что именно эти совѣты обусловливали дальнѣйшую эволюцію Чехова (теперь-то ужъ рѣчи объ уваженіи къ своему большому таланту ему не говорилъ только лѣнивый), а образъ дѣйствій Чехова сразу по полученіи письма, напротивъ, показываетъ, что онъ не послѣдовалъ практической сторонѣ внушеній. Письмо Чехова къ Михайловскому, въ отвѣтъ на первое посланіе, не опубликовано. Пока

оно не будетъ извлечено изъ архива критика, мы можемъ догадываться о его содержанін только по второму письму Михайловскаго, нашедшемуся въ бумагахъ Чехова. Но изъ него мы опредѣленно видимъ, что по характеру чеховскій отвѣтъ былъ далекъ отъ его благодарнаго растроганнаго письма Григоровичу. Едва ли даже онъ носилъ оттѣнокъ большой интимности или лиризма,—по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго повода такъ думать не даетъ второе письмо Михайловскаго.

Михайловскій не принадлежалъ къ людямъ, созданнымъ для страстныхъ личныхъ соприкосновеній, для интимной переписки или изліяній. Но первое письмо его къ Чехову—почти изъятіе изъ этого правила. Едва ли часто такъ писалъ онъ даже друзьямъ. Знаменитый критикъ не скрываетъ, что пишетъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что прочитанной корректуры «Степи», и въ немъ чувствуется читатель, размягченный поэтической прелестью творчества человѣка, лично незнаемаго, но прекраснаго. Не говоря о чудесномъ стилѣ, который Н. К. къ концу жизни отточилъ до острія бритвы, письмо не оставляетъ сомнѣнія и въ совершенной искренности благородныхъ побужденій.

„Хотите обижайтесь, хотите сердитесь за это непрошенное письмо,—мнѣ все равно, потому что слишкомъ я далекъ отъ мысли сдѣлать вамъ обиду. Читая «Степь», я все время думалъ, какой грѣхъ вы совершили, разрываясь на клочки, и какой это будетъ ужъ совсѣмъ страшный, незамолимый грѣхъ, если вы и теперь будете себя рвать. Читая, я точно видѣлъ силача, который идетъ по дорогѣ, самъ не зная, куда и зачѣмъ, такъ, кости разминаетъ, не сознавая своей огромной силы, просто не думая объ ней, то росточекъ сорветъ, то дерево съ корнемъ вырветъ, все съ одинаковой легкостью и даже разницы между этими дѣйствіями не чувствуетъ. Много вамъ отъ Бога дано, А. П., много и спросится! Сила—это само собой. Но сила бываетъ мрачная (Достоевскій) и ясная (Толстой до своего поврежденія). Ваша сила

ясная, и въ этой ясности ручательство, что злу она не послужитъ, не можетъ послужить, за что бы вы ни взялись, что бы ни задумали".

И съ великимъ тактомъ который всегда отличалъ критика въ высочайшей степени, Н. К. даетъ Чехову между строкъ совершенно опредѣленный совѣтъ, не произнося, впрочемъ, вслухъ своей прямой мысли— «оставьте Суворина».

„Я былъ сначала пораженъ вашей неиспорченностью, пишетъ онъ, потому что не зналъ школы хуже той, которую вы проходили въ „Новомъ Вермени", „Осколкахъ" и проч. Потомъ понялъ, что иначе и не могло быть, — эта грязь не могла къ вамъ пристать Школа, однако, сдѣлала что могла, — пріучила васъ къ обрывочности и къ прогулкѣ по дорогѣ, незнамо куда и незнамо зачѣмъ. Это пройдетъ, должно пройти, вы будете не только не служить злу, а прямо служить добру. Само собой это выйдетъ, и тогда берусь вамъ предсказать блестящую будущность. Но примите хоть къ свѣдѣнію совѣты человѣка, посѣдѣвшаго на литературѣ,—не возвращайтесь ни на минуту на тотъ путь, съ котораго сошли,—погибнете тамъ. Не то, чтобы вы непремѣнно писали большія вещи, пишите, что хотите, пишите мелкіе разсказы, но вы не должны, не смѣете быть диллетантомъ въ литературѣ, вы въ нее должны душу положить".

Мы знаемъ, что фактически Чеховъ не только не отстранился отъ Суворина послѣ этого письма, но наоборотъ слѣдующій за письмомъ періодъ является временемъ наиболѣе опредѣленнаго ихъ сближенія. Скоро Чеховъ охотно и благодарно устраивается въ самой семьѣ Суворина, чувствуетъ себя въ ней, какъ дома, и этотъ порядокъ длится такъ долго, что еще послѣ «Чайки», вырвавшись изъ стѣнъ театра, гдѣ онъ получилъ незабываемое оскорбленіе, — онъ ищетъ утѣшенія въ стѣнахъ дома Суворина и въ бесѣдѣ съ нимъ. Размолвка приходитъ гораздо позднѣе. Тогда, отходя отъ Суворина, Чеховъ могъ вспомнить старый урокъ Михайловскаго, но едва ли кто-либо рѣшится

признать урокъ дѣйственнымъ, если его исполняютъ черезъ десять лѣтъ.

Изъ второго письма Михайловскаго, значительно болѣе холоднаго, кончающагося острой и осудительной фразой и подписаннаго такъ, какъ подписываютъ письмо, не предполагая ни сближенія впереди, ни простой переписки,—мы можемъ видѣть, что отвѣтилъ, а, можетъ быть, точнѣе что возразилъ Чеховъ своему совѣтчику. Михайловскій открыто сознаетъ, что это отвѣтное письмо его огорчило.

„Я ничего не могу возразить противъ отсутствія въ васъ опредѣленной вѣры,—на нѣтъ и суда нѣтъ, пишетъ онъ.—Не считаю себя, разумѣется, въ правѣ касаться вашихъ личныхъ чувствъ къ Суворину. Но позволю себѣ не согласиться съ однимъ вашимъ аргументомъ. Вы пишете, что лучше ужъ пусть читатели „Новаго Времени“ получатъ вашъ индиферентный разсказъ, чѣмъ какой-нибудь „недостойный, ругательный фельетонъ“. Безъ сомнѣнія это было бы лучше, еслибы вы въ самомъ дѣлѣ могли замѣнить собой что-нибудь дрянное. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ. Ради вашего разсказа не изгонится ни злобная клевета Буренина, ни каторжныя писанія „Жителя“, ни „патріотическая“ наука Эльпе. Я думаю, вы сами съ этимъ согласитесь. Вашъ разсказъ поступитъ въ общей котелъ, ничего собой не замѣнивъ и не измѣнивъ. Вы своимъ талантомъ можете только дать лишнихъ подписчиковъ и, стало-быть, читателей Буренину, жителю Эльпе, которыхъ вы не замѣните, и разнымъ гнуснымъ передовицамъ, которыхъ вы замѣнить и не пожелаете. Колеблющіеся умы, частью благодаря вамъ, въѣдятся въ эту кашу и, привыкнувъ, найдутъ, что она не такъ ужъ дрянна, а ужъ чего дряннѣй! Вы говорите объ аристократической брезгливости ясной силы, не дѣлающей чести ея сердцу. Здѣсь нѣтъ аристократизма, Антонъ Павловичъ, а сердце есть,—сердце и участіе къ тѣмъ, кто по тяжелымъ обстоятельствамъ времени вынужденъ ежедневно питаться гнусностями. Не индиферентны ваши разсказы въ „Н. В.,“—они прямо служатъ злу. Простите, пожалуйста. *Ник. Михайловскій* [1]).

---

[1]) Оба письма полностью см. СЛ2, 216—218. Только дата перваго очевидно, 1888, II (февраль), 15, а не 11 (т.-е. ноябрь), какъ по недосмотру напечатано.

Въ послѣднихъ строкахъ—какъ будто даже неокавыченная цитата изъ Чехова, которому очень умѣстно было говорить и объ «аристократической брезгливости» и о «ясной» самосознанной «силѣ» человѣка, шедшаго объ руку съ Некрасовымъ и Салтыковымъ и имѣвшаго всѣ возможности обходиться безъ компромиссовъ. Изъ всѣхъ возможныхъ аргументовъ этотъ, конечно, былъ наиболѣе серьезнымъ въ глазахъ Чехова.

Не знаемъ, часто ли позднѣе мысль Чехова возвращалась къ этому уроку человѣка, котораго, какъ общественнаго дѣятеля, Чеховъ не могъ не уважать глубоко. Не можемъ знать и того, насколько этотъ урокъ приблизилъ зрѣлость Чехова, которая сказалась съ годами переходомъ его начистоту въ лагерь Михайловскаго. Нужно думать, что обращенія эти были часты, а вліяніе безусловно. И все-таки біографъ долженъ сказать, что въ свой часъ это письмо не произвело могучаго дѣйствія на писателя, что исторія съ Григоровичемъ не повторилась. Нѣкоторая сухость и жесткость второго и послѣдняго письма Михайловскаго, можетъ быть, ослабили силу и вырвавшагося изъ его сердца мудраго совѣта, который Чеховъ смогъ оцѣнить только много позднѣе.

VII.

Въ 11-ой книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1889-й годъ появилась «Скучная исторія».

Обычнымъ художническимъ неудовлетвореніемъ вѣетъ отъ препроводительнаго письма Чехова къ Плещееву. На разсказъ онъ «наконецъ махнулъ рукой и сказалъ ему: изыди отъ меня, окаянный, въ огнь скучной критики и читательскаго равнодушія». Возиться съ нимъ

ему надоѣло. «Самое скучное въ немъ—длинныя разсужденія, которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя выбросить, такъ какъ безъ нихъ не можетъ обойтись герой. Они характеризуютъ и героя, и его настроеніе, и его виляньe передъ самимъ собой». Самому автору «разсказъ надоѣлъ и намозолилъ глаза». «Мнѣ немножко стыдно за него, писалъ онъ и Щеглову.—Скучища и такъ много филосом—ія, что приторно».

Основное недовольство шло изъ того, что авторъ самъ чувствовалъ въ повѣсти отсутствіе единства настроенія. Ему казалось, что здѣсь «не два настроенія, а цѣлыхъ пятнадцать», онъ боялся, что Плещеевъ «назоветъ ее дерьмомъ». Въ его глазахъ вещь спасало только то, что въ ней были «два-три новыхъ лица, интересныхъ для всякаго интеллигентнаго читателя, одно-два новыхъ положенія». И отсюда онъ надѣялся, что повѣсть «произведетъ нѣкоторый гулъ и вызоветъ ругань во вражескомъ станѣ».

Всѣ крупныя вещи давались Чехову совсѣмъ безъ той легкости, съ какою онъ писалъ свои первые мелкіе разсказы. И надъ «Скучной исторіей», какъ надъ «Ивановымъ», какъ надъ «Лѣшимъ», какъ надъ «Дуэлью» онъ сидѣлъ упрямо и долго. Плещееву онъ предлагалъ «вообразить Чехова, пишущаго, потѣющаго, исправляющаго и видящаго, что отъ тѣхъ революціонныхъ переворотовъ и ужасовъ, какіе терпитъ подъ его перомъ повѣсть, она не становится лучше ни на единый су». «Я не пишу, а занимаюсь пертурбаціями».

Стóитъ отмѣтить, что нѣкоторая неопредѣленность отношеній героини «Скучной исторіи» къ профессору породила въ Плещеевѣ непріятныя для Чехова нескромныя догадки. Съ явнымъ раздраженіемъ противъ такого «комментарія», дѣлающаго «Скучную исторію» просто «исторіей одного извращенія» — Чеховъ писалъ Пле-

щееву: «При той наклонности, какая существуетъ даже у очень хорошихъ людей къ сплетнѣ, ничто не гарантировано отъ нечистыхъ подозрѣній. Таковъ мой отвѣтъ на вашъ вопросъ относительно невѣрно понимаемыхъ отношеній Кати къ профессору. Ужъ коли отвыкли отъ вѣры въ дружбу, въ уваженіе, въ безграничную любовь, какая существуетъ у людей внѣ половой сферы, то хоть бы мнѣ не приписывали дурныхъ вкусовъ. Вѣдь если бъ Катя была влюблена въ пожившаго старика, то, согласитесь, это было бы половымъ извращеніемъ, курьезомъ, который могъ бы интересовать только психіатра да и то только какъ неважный и довѣрія не заслуживающій анекдотъ. Будь только одно это половое извращеніе, стоило бы тогда писать повѣсть?»

Основную мысль «Скучной исторіи», которую потомъ Чеховъ иллюстрировалъ цѣлыми десятками своихъ повѣстей и разсказовъ, тогда же вѣрно поймалъ Л. Оболенскій.

„Повѣсть,—писалъ онъ: — показываетъ наступленіе сознанія, что *такъ жить*, т.-е. безъ вѣры, руководящей идеи, нельзя“ Состарившійся знаменитый ученый приходитъ въ концѣ жизни къ такому выходу: „каждое чувство, каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ *не найдетъ того, что называется общей идеей* или Богомъ *живого человѣка*“. Мы до сихъ поръ наивно и дѣтски были увѣрены, что наука можетъ дать отвѣтъ на всѣ вопросы, а если она не даетъ ихъ, то ничто не можетъ ихъ дать. Но вотъ идетъ опытъ самой жизни, и онъ говоритъ намъ, какъ мы дѣтски легкомысленны и грубо-невѣжественны“.

Стòитъ на минуту остановится на мнѣніи о «Скучной исторіи» проф. Сумцова, конечно, не ради его внутренней цѣнности, но для того, чтобы видѣть какихъ иногда цѣнителей и судей вынужденъ былъ терпѣливо выслу-

шивать Чеховъ. Очевидно обидѣвшись за профессуру, изображенную здѣсь во всей ея жизненности, самъ профессоръ, Сумцовъ находилъ, что

„Скучная исторія“ и ея скучный профессоръ — *деревянная, или точнѣе, тряпичная кукла съ наклееннымъ на лбу ярлыкомъ ума*, ничѣмъ въ сущности не доказаннаго“ (!?). На каждомъ шагу въ „Скучной исторіи“ обнаруживается недостаточное и случайное знакомство автора съ университетомъ, профессорскимъ бытомъ и съ обычными пріемами и настроеніемъ профессора на каѳедрѣ... Улыбку вызываетъ разсказъ о „хранителѣ университетскихъ преданій“ швейцарѣ Николаѣ. Въ изображеніи „ученаго тупицы“-трудолюбиваго прозектора, сквозитъ грубая насмѣшка надъ той же наукой, которой воскуряются ѳиміамы на другихъ страницахъ.

Съ явной обидой за людей своего цеха Сумцовъ заканчивалъ:

„Ни беллетристика, ни сцена не даютъ типа ученыхъ людей: русскіе ученые, изъ среды которыхъ вышло столько знаменитыхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, въ литературномъ воспроизведеніи являются обыкновенно въ роли какихъ-то шаблонныхъ педантовъ, почему-то всегда патлатыхъ, въ очкахъ, съ выговоромъ въ носъ и нараспѣвъ. У Чехова нѣтъ такой грубой и пошлой карикатуры, но есть кое-какіе остатки отъ нея въ лицѣ „ломового коня» прозектора и въ лицѣ филолога „не безъ странностей“, „небезопасныхъ для его знакомыхъ“

Знакомясь съ такимъ отзывомъ, вы начинаете понимать, почему Чеховъ такъ не любилъ извѣстнаго типа профессоровъ-педантовъ, почему съ такимъ неравнодушіемъ и даже несвойственною ему злостью представилъ онъ ученую клячу, профессора Серебрякова, въ «Дядѣ Ванѣ».

У ОГНЕЙ РАМПЫ.

„Ивановъ", „Лѣшій", „Дядя Ваня".
(1887–1890).

I.

Осенью 1887 года Чеховъ садится за свою первую большую пьесу—«Ивановъ». Онъ вполнѣ сознаетъ особенныя трудности этого новаго для него рода. Онъ знаетъ, что для этого «необходимо имѣть особый талантъ; можно быть прекраснымъ беллетристомъ и въ то же время писать сапожницкія пьесы; написать же плохую пьесу и потомъ стараться сдѣлать изъ нея хорошую, пускаться на всякіе фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умершихъ. зарывать въ могилу живыхъ,—для этого надо имѣть талантъ гораздо большій. Это такъ же трудно, какъ купить старые солдатскіе штаны и стараться во что бы то ни стало сдѣлать изъ нихъ фракъ. Тутъ не то что захохочешь трагически, но и заржешь лошадью» (Плещееву).

Происхожденіе первыхъ пьесъ Чехова обставлено чистыми случайностями. М. П. Чеховъ свидѣтельствуетъ, что «Ивановъ» былъ исполненъ въ какія-нибудь двѣ недѣли, и главный толчокъ къ его написанію далъ понынѣ здравствующій московскій антрепенеръ Коршъ во время одного изъ разговоровъ въ стѣнахъ театра. На

замѣчаніе Чехова о неудачности одной пьесы Коршъ будто бы предложилъ ему вмѣсто того, чтобы критиковать, лучше написать что-нибудь самому [1]). Хотя въ репертуарѣ преобладали легкая комедія и водевиль, Чеховъ занялся серьезною драмой. Въ сумрачномъ кабинетѣ въ домѣ Корнѣева на Кудринской-Садовой онъ сталъ писать актъ за актомъ, которые тотчасъ же и передавались Коршу для цензуры и репетицій (БЧ). Штемпель цензуры мѣтитъ «Иванова» 10-мъ декабря 1889 года.

Чисто литературныя заданія для Чехова были главнымъ, и его огорчало слабое чувствованіе характеровъ актерами. Онъ «хотѣлъ соригинальничать (писалъ онъ брату Ал. П. въ 1887 г.), не вывелъ ни одного злодѣя, ни одного ангела (хотя не сумѣлъ воздержаться отъ шутовъ), никого не обвинилъ, никого не оправдалъ». По первоначальному плану драма должна была называться «Иванъ Ивановичъ Ивановъ» что должно было подчеркнуть, что рѣчь въ ней объ «обыкновеннѣйшемъ человѣкѣ, совсѣмъ не героѣ» [2]).

Ни составъ труппы, ни отношеніе коршевскихъ актеровъ къ пьесѣ не удовлетворяли автора. «Актеры не понимаютъ, несутъ вздоръ, берутъ себѣ не тѣ роли, какія нужны, а я воюю, вѣруя, что если пьеса пойдетъ не съ тѣмъ распредѣленіемъ ролей, какое я сдѣлалъ, то она погибнетъ. Если не сдѣлаютъ такъ, какъ я хочу, то, во избѣжаніе срама, пьесу придется взять назадъ. Вообще штука непріятная. Зналъ бы, не связывался». (Брату А. П.).

«Актеры капризны, самолюбивы, наполовину необразованны, самонадѣянны, другъ друга терпѣть не могутъ,

---

[1]) П. А Сергѣенко, «Нива», 1904, № 10.

[2]) Короленко, соч., т. I.

и какой-нибудь N готовъ душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль. Коршъ—купецъ, и ему нуженъ не успѣхъ артистовъ и пьесы, а полный сборъ. Женщинъ въ его труппѣ нѣтъ, и у меня двѣ прекрасныя женскія роли погибаютъ ни за понюшку табаку. Изъ мужского персонала только Давыдовъ и Киселевскій будутъ на своихъ мѣстахъ, а остальные выйдутъ безцвѣтными». (Лейкину). Въ довершеніе всего, уже послѣ того, какъ было заключено условіе съ Коршемъ, Чехову дали знать, что Малый театръ былъ бы готовъ взять его пьесу. Давыдовъ увѣрялъ, что пьеса лучше всѣхъ пьесъ, написанныхъ въ этотъ сезонъ, но предсказывалъ ей неминуемый провалъ, по бѣдности коршевской труппы. (Лейкину, 1887). Самъ Чеховъ участвовалъ въ распредѣленіи ролей и дѣлалъ нѣкоторыя указанія актерамъ, которыя «шли на пользу».

Крестнымъ отцомъ чеховскаго «Иванова» можетъ быть названъ извѣстный артистъ В. Н. Давыдовъ: онъ поставилъ пьесу первый разъ въ Москвѣ и онъ же провелъ ее въ Петербургѣ. Артистъ именно въ тѣ годы покинулъ александринскій театръ и, уѣхавъ въ Москву, служилъ въ театрѣ Корша. Едва познакомясь съ пьесой, онъ «принялся за нее горячо, съ восторгомъ». «Я такъ угодилъ ему ролью,—писалъ Чеховъ брату,—что онъ затащилъ меня къ себѣ, продержалъ до трехъ часовъ ночи и все время, любовно глядя на мою рожу, увѣрялъ меня, что онъ отродясь не вралъ, и что въ моей пьесѣ все отъ альфы до омеги тонко, правильно, чинно и благородно».

О дальнѣйшемъ сохранился подробный разсказъ самого «крестнаго Иванова». Однажды, по этому разсказу, зайдя къ Давыдову въ уборную въ началѣ спектакля, Чеховъ какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не рѣ-

шался. Только послѣ второго акта онъ подошелъ къ Давыдову и сунулъ ему въ карманъ сюртука тетрадь съ просьбою не смотрѣть это теперь, а посмотрѣть дома. Давыдовъ попытался было развернуть рукопись, но Чеховъ удержалъ его за руку. Это былъ «Ивановъ». Развернувъ пьесу и прочтя десятокъ страницъ, Давыдовъ уже не могъ оторваться отъ чтенія. Рано утромъ онъ полетѣлъ къ писателю и уговорилъ его ставить драму.

Обставили ее, какъ только могли. Сара—Глама-Мещерская, Шурочка—Рыбчинская, докторъ—Солонинъ, Ивановъ—Давыдовъ, Лебедевъ—Градовъ-Соколовъ, Лебедева — Бороздина, Шабельскій — Киселевскій, Бабакина—Кошева, Боркинъ—Свѣтловъ, старуха—Красовская, Косыхъ—Валентиновъ

Спѣшно созданный «Ивановъ» прошелъ у Корша (1888) вмѣстѣ съ водевилемъ Григорьева «Салонъ для стрижки волосъ» въ бенефисъ Свѣтлова. «Смотрѣть собралась самая изысканная московская публика. Театръ былъ переполненъ. Одни ожидали увидѣть въ «Ивановѣ» веселый фарсъ въ стилѣ разсказовъ Чехова, помѣщенныхъ въ «Осколкахъ», другіе ожидали чего то новаго, болѣе серьезнаго—и не ошиблись. Спектакль былъ пестрый. Первые шикали, вторые, которыхъ было большинство, шумно апплодировали и вызывали автора. Но въ общемъ «Иванова» не поняли, и еще долго потомъ газеты выясняли личность и характеръ главнаго героя. Какъ бы то ни было о пьесѣ заговорили» (БЧ). Чеховъ ни за что не хотѣлъ выходить на вызовы, и его почти вытащили артисты съ Давыдовымъ. Онъ смущенно раскланивался и безсознательно отвѣчалъ на ободряющія пожатія руки знаменитаго актера.

Вопросъ объ отношеніи къ своей пьесѣ Чеховъ такъ горячо принималъ къ сердцу, что и охотно вѣрилъ преувеличеніямъ, и самъ преувеличенно воспринималъ

дѣйствительность. «Было такое возбужденіе въ публикѣ и за сценой, какого отродясь не видалъ суфлеръ, служившій въ театрѣ 32 года. Шумѣли, галдѣли, хлопали, шикали; въ буфетѣ едва не подрались, а на галеркѣ студенты хотѣли вышвырнуть кого-то, и полиція вывела двоихъ. Возбужденіе было общее. Сестра едва не упала въ обморокъ». (Ал. Чехову). Газетные отзывы на утро не весьма помогли Чехову разобраться въ этой неразберихѣ. Съ его пьесой повторилось то, что такъ обыкновенно въ газетной критикѣ,—одни хвалили, другіе отрицали въ «Ивановѣ» всякій смыслъ, не только достоинства.

Такъ, въ «Московскомъ Листкѣ» Петръ Кичеевъ обозвалъ пьесу «нагло-цинической, безнравственной дребеденью». (Ал. П. Чехову). «Русскій Курьеръ», начавъ рецензію разглагольствіями о «безпардонно-претенціозномъ времени», переживаемомъ драматургіей, о «наплывѣ пошлостей», «бездарныхъ притязаніяхъ», «циническомъ лганьѣ» на жизнь, продолжалъ недоумѣніемъ по поводу «Иванова».

Что это такое? Неужели это сценическое произведеніе изъ жизни, а не простая выдумка на эту жизнь? Гдѣ авторъ видѣлъ такого Иванова, такого графа, купеческую вдову, предсѣдателя управы, его жену, доктора и проч..? Люди ли это вообще и не просто ли карикатуры на людей только? Думаемъ, что карикатуры и притомъ крайне плохія... Лгать на жизнь и на людей нельзя безнаказанно... Именно незнаніе жизни, людей и полный произволъ въ ихъ изображеніи и погубили пьесу г. Чехова. Мы уже не говоримъ о другихъ ея недостаткахъ, которые въ ней на каждомъ шагу и которые объясняются, вѣроятно, не чѣмъ инымъ, какъ спѣшностью и торопливостью исполненія...

Дальше, выдавая въ себѣ человѣка, очевидно, знакомаго съ Чеховымъ и знающаго тайну написанія пьесы чуть не въ $2^1/_2$ недѣли, авторъ, подписавшійся «Ph»,—негодовалъ:

Есть авторы, которые даже гордятся тѣмъ, что ихъ невмѣняемыя произведенія—результатъ десятидневной работы. Странное хвастовство тѣмъ именно, что во всякомъ случаѣ тщательно должно быть скрываемо! Ну, вмѣняемы ли послѣ этого сами эти авторы,—скажите, пожалуйста?!.»

Нѣтъ сомнѣнія, что всего болѣе Чехова долженъ былъ интересовать отзывъ стараго и опытнаго театральнаго критика Флерова-Васильева, пользовавшагося репутаціей «московскаго Сарсэ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и то, что прочиталъ у него Чеховъ наутро, могло дать ему удовлетвореніе.

«Г. Чеховъ—начинающій писатель и совсѣмъ еще молодой человѣкъ. Это чувствуется уже изъ самой пьесы... Мнѣ кажется, что Ч.—талантливый молодой человѣкъ. Именно талантъ,—особенно дорогое качество въ наше безталанное время. Свѣтлою струей повѣяло на меня изъ комедіи. Я не скажу, чтобы это было произведеніе зрѣлое. Напротивъ, въ немъ много ошибокъ, ошибокъ неопытности и неумѣнія. Но оно талантливо. Я съ большимъ удовольствіемъ просмотрѣлъ всю эту комедію съ начала до конца и ни разу не почувствовалъ овладѣвающаго мною по временамъ страстнаго желанія уйти изъ театра. Я до конца дожидался разъясненія мнѣ авторомъ характера. Разъясненія этого не послѣдовало. Авторъ виноватъ. Но уже большая заслуга въ томъ, чтобы въ продолженіе четырехъ актовъ держать зрителя въ состояніи постоянной бодрости и постояннаго интереса».

Не могъ огорчить Чехова и отзывъ «Новостей Дня». Газета напирала на неопытность драматурга, но заявляла что:

не вина автора, если его произведеніе появилось въ такомъ незаконченномъ видѣ; такого обвиненія скорѣй всего заслуживаетъ дирекція театра, которая воспользовалась пьесой. Заправилы несомнѣнно люди, видавшіе виды, опытные, и не замѣтить промаховъ они не могли. Въ такомъ случаѣ пьесу нужно было бы возвратить автору и указать ему тѣ недостатки, которые подлежатъ исправленію. Выиграли бы и авторъ, и публика, и сами исполнители [1]).

---

[1]) Впервые московскіе отзывы собраны МСК, 113—114.

До насъ дошелъ весьма обстоятельный отчетъ о премьерѣ самаго автора своей семьѣ [1]), тѣмъ болѣе цѣнный, чѣмъ болѣе онъ импрессіонистиченъ и изображаетъ послѣдовательно даже личныя переживанія автора.

«Прежде всего, разсказываетъ А. П.,—Коршъ обѣщалъ мнѣ десять репетицій, а далъ только 4, изъ коихъ репетиціями можно назвать только двѣ, ибо остальныя двѣ изображали изъ себя турниры, на коихъ гг. артисты упражнялись въ словопреніяхъ и брани. Роль знали только Давыдовъ и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убѣжденію.

I дѣйствіе. Я за сценой въ маленькой ложѣ, похожей на арестантскую камеру. Семья въ ложѣ бенуаръ—трепещетъ. Сверхъ ожиданія, я хладнокровенъ и волненія не чувствую. Актеры взволнованы, напряжены и крестятся. Занавѣсъ. Выходъ бенефиціанта. Неувѣренность, незнаніе роли и поднесенный вѣнокъ дѣлаютъ то, что я съ первыхъ же фразъ не узнаю своей пьесы. Киселевскій, на котораго я возлагалъ большія надежды, не сказалъ правильно ни одной фразы. Буквально *ни одной!* Онъ говорилъ свое. Несмотря на это и на режиссерскіе промахи, первое дѣйствіе имѣло большой успѣхъ. Много вызововъ.

II дѣйствіе. На сценѣ масса народа. Гости. Ролей не знаютъ, путаютъ, говорятъ вздоръ. Каждое слово рѣжетъ меня ножемъ по спинѣ. Но—о, муза!—и это дѣйствіе имѣло успѣхъ. Вызывали всѣхъ, вызывали и меня два раза. Поздравленіе съ успѣхомъ.

III дѣйствіе. Играютъ не дурно. Успѣхъ громадный. Меня вызываютъ три раза, при чемъ во время вызововъ Давыдовъ трясетъ мнѣ руку, а Глама на манеръ Манилова другую мою руку прижимаетъ къ сердцу. Торжество таланта и добродѣтели.

IV дѣйствіе. 1-я картина идетъ недурно. Вызовы. За симъ длиннѣйшій утомительный антрактъ. Публика, не привыкшая между двумя картинами вставать и уходить въ буфетъ, ропщетъ. Поднимается занавѣсъ. Красиво: въ арку виденъ ужинный столъ (свадьба). Музыка играетъ туши. Выходятъ шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоунничать и выкидывать колѣнцы. Балаганъ и кабакъ, приводящіе меня въ ужасъ. За симъ выходъ Киселевскаго: душу захватывающее поэтическое мѣсто, но мой Киселевскій роли не знаетъ, пьянъ, какъ сапожникъ, и изъ поэтическаго, коротенькаго діалога получается что-то тягучее и

---

[1]) Брату, Ал. П., отъ 20 Н. 1887 г

гнусное. Публика недоумѣваетъ. Въ концѣ пьесы герой умираетъ отъ того, что не выноситъ нанесеннаго оскорбленія. Охладѣвшая и утомленная публика не понимаетъ этой смерти (которую отстаивали у меня актеры; у меня есть варіантъ). Вызываетъ актеровъ и меня. Во время одного изъ вызововъ слышится откровенное шиканье, заглушаемое аплодисментами и топаньемъ ногъ.

Въ общемъ утомленіе и чувство досады. Противно, хотя пьеса имѣла солидный успѣхъ. Театралы говорятъ, что никогда они не видѣли въ театрѣ такого броженія, такого всеобщаго аплодисменто-шиканья, и никогда въ другое время имъ не приходилось слышать столькихъ споровъ, какіе видѣли и слышали они на моей пьесѣ. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали послѣ 2-го дѣйствія».

Ко времени московской постановки «Иванова» относится очаровавшая Чехова побывка его въ Петербургѣ. Въ эти дни (декабрь 1887 г.) въ столицѣ очаровали его и знакомства, и улицы, и извозчики (см. здѣсь стр. 265), и званые обѣды и ѳиміамъ. Суворинъ, по его словамъ, злился за то, что пьеса была отдана Коршу; «по его мнѣнію, ни труппа Корша, ни московская публика (?) не могутъ понять «Иванова». Московскія рецензіи возбуждаютъ здѣсь смѣхъ. Всѣ ждутъ, когда я поставлю пьесу въ Питерѣ, и увѣрены въ успѣхѣ (1887, дек.). Около этого времени вырвалась у Чехова патетическая формула довольства собой и судьбой. «Я—«счастья баловень безродный», въ литературѣ я Потемкинъ, выскочившій изъ нѣдръ «Развлеченія» и «Волны» я мѣщанинъ во дворянствѣ». (Грузинскому, 1888).

Рядомъ съ успѣхомъ въ литературѣ и у литераторовъ шелъ успѣхъ и въ публикѣ. Чеховъ принималъ его, но реальная натура сына народа подсказывала ему здѣсь, что тонъ этого пріема нездорово повышенъ. «Знакомлюсь съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашеніе. Пойду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хвалебныхъ рѣчей слышится «психопатія» (о коей писалъ Буренинъ. (М. П. Ч-ву, 1887)».

II

Не сразу перекинулась пьеса Чехова на петербургскую сцену. И здѣсь она была въ значительной мѣрѣ обязана постановкой Давыдову. Возвратясь въ Петербургъ, онъ рекомендовалъ драму режиссеру александринскаго театра Ѳ. А. Ѳедорову-Юрковскому для его бенефиса за 25-лѣтнюю службу. Немедленно телеграфировали Чехову, тотъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь пьеса произвела сенсацію и имѣла самый безспорный успѣхъ...

Чеховъ бывалъ на репетиціяхъ, гдѣ-то таился по своей скромности. Ставилъ пьесу Давыдовъ. Играли: Сарру—Стрепетова, Шурочку—Савина, доктора—Аполлонскій, Иванова — тотъ же Давыдовъ, Лебедева — Варламовъ, Лебедеву—Жулева, Шабельскаго—Свободинъ, Бабакину — Хлѣбникова, Боркина — Далматовъ, старуху — Стрѣльская, Косыхъ—Арди. Варламовъ, Жулева, Свободинъ по отзыву очевидцевъ премьеры, напр., Щеглова, были великолѣпны.

Въ Петербургѣ пьеса шла въ совершенно переработанномъ видѣ, и переработка эта далась автору тяжело. Полушутя Чеховъ готовъ былъ досадовать и на комитетъ, одобрившій Иванова и на «неостроумныхъ» демоновъ, внушившихъ Ѳедорову ставить ее въ свой бенефисъ. «Я замучился, и никакой гонораръ не можетъ искупить того каторжнаго напряженія, какое чувствовалъ я въ послѣднюю недѣлю. Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной ироніей: написана, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего плохо она сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я

возился надъ пьесой, строчилъ варіанты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ IV-й актъ до неузнаваемаго, отшлифовалъ самого Иванова, и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Кина:—«Палками, Иванова, палками!» И онъ повторялъ свой удачный афоризмъ о беллетристикѣ — «законной женѣ», и драмѣ «эффектной, шумной, наглой и утомительной любовницѣ». (Плещееву, 1889).

Изъ письма къ Щеглову видно, что это были не одни слова смиренія, но что Чеховъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ даже шагъ, облегчавшій актерамъ отказъ отъ исполненія. «Повидимому, и Потѣхинъ,—писалъ онъ Щеглову,—желаетъ сдѣлать мнѣ пріятное и доказать вамъ въ 1001-й разъ, что я не Чеховъ, а Потемкинъ. Роли уже распредѣлены, но... но постановка едва ли состоится. Меня такъ пугаютъ недостатки въ моей пьесѣ, и такъ важны эти недостатки, что я по совѣсти не могу быть равнодушенъ. Сегодня я послалъ письмо, въ которомъ перечислилъ нѣкоторыя условія; если по мнѣнію тѣхъ, кому я писалъ, моя пьеса не удовлетворяетъ хоть одному изъ этихъ условій, то я серьезно просилъ взять мою пьесу обратно. Согласитесь, что пьеса, которой на глазахъ всего Питера отдается преимущество, передъ пьесами Мея и Виктора Гюго («Эрнани»), должна быть отличной. Согласитесь, и вы поймете, что я не ломаюсь и не кокетничаю. Я дѣлаю то, что на моемъ мѣстѣ сдѣлали бы и вы, и Суворинъ, и всякій маломальски самолюбивый человѣкъ, пишущій пьесы не часто».

Въ Петербургѣ успѣхъ пьесы былъ прямо шумный. Онъ обозначился уже съ перваго акта, а по окончаніи третьяго, послѣ сильной сцены между Ивановымъ и больной Саррой, съ подъемомъ разыгранной

Давыдовымъ и Стрепетовой, автору и режиссеру была устроена горячая овація.

Приговоръ петербургской театральной критики былъ единодушно восторженный. «Новое Время» [1]) отмѣчало «большой успѣхъ», вызовы автора «много разъ», «новый замѣчательный талантъ».

«Въ этихъ дружныхъ, горячихъ привѣтствіяхъ сказывалось именно это *чувство любви къ новому несомнѣнному таланту*, который далъ нѣсколько прекрасныхъ беллетристическихъ вещей и драму, полную правдивыхъ житейскихъ сценъ, группирующихся около одного оригинальнаго, небывалаго еще на сценѣ, а можетъ-быть и въ литературѣ нашей, характера, хотя онъ ходячій, и имя ему дано авторомъ ходячее. Этимъ именемъ нынѣ отмѣченъ цѣльный русскій типъ, заслуживающій общаго вниманія. Особенно большой прекрасный и блестящій успѣхъ имѣлъ третій актъ.

Посмотрѣвши въ Александринскомъ театрѣ новую пьесу Чехова, «Ивановъ»,—писалъ критикъ «Петербургской Газеты»,—сразу скажешь, что

эта драма вышла изъ-подъ пера человѣка, не погрязшаго еще въ рутинѣ писанія сценическихъ произведеній. Нѣтъ ничего шаблоннаго, писаннаго какъ бы по заказу, для возбужденія нервовъ толпы, нѣтъ ничего приноровленнаго къ мѣркѣ таланта того или другого артиста. „Иванова“ писалъ не присяжный „закройщикъ“ пьесъ, а свѣжая сила, чувствующая подъ собой прочную почву. Все въ пьесѣ свѣжо, ново и проникнуто тонкимъ психическимъ анализомъ. *Успѣхъ былъ колоссальный*, такой успѣхъ, который рѣдко случается на нашей драматической сценѣ. Смотрѣть драму эту составляетъ *глубокое наслажденіе* по ея правдивости и по мысли, вложенной авторомъ въ ея основу“.

„Ахъ! только бы не сглазить!“ восклицалъ „Петербургскій Листокъ“. Такъ приходится сказать о молодомъ русскомъ драматургѣ. Ч. далъ новый своеобразный сюжетъ, оригинальное развитіе пьесы, нѣсколько новыхъ, если не полно законченныхъ типовъ, то все-таки рельефно, правдиво нарисованныхъ лицъ. Отъ всей драмы *вѣетъ чѣмъ-то новымъ, молодымъ, сильнымъ, здоровымъ*. Для перваго раза, для перваго произведенія новичка драматурга это

---

[1]) 1 февр. 1889 г.

уже большая заслуга, свидѣтельствующая о его талантѣ и наблюдательности... Типъ Иванова—типъ совершенно новый, и онъ отлично обрисованъ. Въ театрѣ говорили, что Ивановъ психопатъ, ненормаленъ, нездоровъ психически, но что же изъ этого? Ивановъ все-таки типъ живой, естественный, выхваченный изъ жизни. Чѣмъ же виноватъ драматургъ, что наша современная жизнь такъ богата подобными измученными и угасшими въ молодые годы людьми?...

Исполненіе драмы было безукоризненно хорошо. Драма *имѣла большой и заслуженный успѣхъ*. Автора новичка стали вызывать послѣ второго дѣйствія; вызовамъ не было конца..."

А вотъ одна изъ обстоятельныхъ и мотивированныхъ критическихъ статей, появившихся уже 6-го Февраля.

„Драма „Ивановъ" возбудила толки и разговоры въ средѣ литературной, какъ произведеніе таланта, много обѣщающаго и давшаго прекрасныя беллетристическія вещи. Драматическая форма, очевидно, еще стѣсняетъ автора или не подчиняется ему. Характеры сложились въ головѣ автора не драматически, а беллетристически, а потому движенія и дѣйствія въ пьесѣ мало.

„Центральная фигура для полнаго и яркаго своего развитія, требовала бы широкихъ рамокъ романа или большой повѣсти. Поэтому въ драмѣ этотъ характеръ скорѣе чувствуется, чѣмъ понимается и осязается, и зритель находится почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся и тѣ лица, среди которыхъ онъ живетъ и которыя его совсѣмъ не понимаютъ.

„Даже рецензенты поняли Иванова различно, одинъ нашелъ въ немъ Манфреда, другой — карикатуру Гамлета, третій — „психопата", четвертый больного человѣка и проч. Въ самомъ дѣлѣ, мелкія черты этого характера не соединены въ крупныя группы, а разбросаны въ пьесѣ и потомъ соединены въ заключительномъ монологѣ Иванова довольно искусственно. Правдивыя, искренно написанныя, бытовыя сцены иногда кажутся какъ бы стоящими внѣ пьесы и отвѣчающими скорѣй повѣствовательной, чѣмъ драматической формѣ; женскіе характеры только намѣчены, почти совсѣмъ не развиты. Каковы бы ни были, однако, недостатки пьесы, великое дѣло искренній талантъ! У Ч. *именно искренній талантъ*. Искренній талантъ — непремѣнно смѣлый талантъ. Смѣлость города беретъ, и Чеховъ города беретъ и будетъ брать. Изо всѣхъ молодыхъ талантовъ это самый объективный и независимый. Объективность у него доходитъ

иногда до безстрастности. Правдивость составляетъ существенную черту его драмы, и правдивостью своей она и привлекательна. Сущность таланта г. Чехова именно такова, что ему долженъ броситься въ глаза этотъ унывающій, ноющій типъ русской жизни, и представителемъ его онъ избралъ Иванова".

„Ивановъ" былъ принятъ актерами очень внимательно. Они сейчасъ же замѣтили, что пьеса вылѣзаетъ изъ репертуара, что для выходовъ ничего нѣтъ, что роли написаны не по актерамъ, а актеры должны приноравливаться къ ролямъ. И труппа прекрасно справилась съ этимъ дѣломъ"

Сохранилось показаніе о совершенно своеобразномъ отраженіи успѣха «Иванова» послѣ его петербургской постановки». «Былъ у меня Свободинъ—писалъ А. П. Суворину (1889)—и говорилъ между прочимъ, что вы получили якобы письмо отъ какого-то родителя, у котораго сынъ застрѣлился послѣ моего Иванова. Если это письмо не миѳъ, то пришлите мнѣ его, пожалуйста. Я его пріобщу къ тѣмъ письмамъ, какія у меня уже имѣются относительно моего Иванова».

Впечатлительный, какъ мимоза, Щегловъ слалъ Чехову, уже уѣхавшему въ Москву, какія-то утѣшенія, но Чеховъ искренно въ нихъ не нуждался. «Вы утѣшаете меня насчетъ «Иванова»,—спасибо вамъ, но, увѣряю васъ честнымъ словомъ, я покоенъ и совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что получилъ. Я сдѣлалъ то, что могъ и умѣлъ,—стало-быть, правъ: глаза выше лба не растутъ; получилъ же я не по заслугамъ, больше, чѣмъ нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышалъ я. Какого же лѣшаго мнѣ еще нужно? А если въ Питерѣ найдется сотня человѣкъ, которая пожимаетъ плечами, презрительно ухмыляется, киваетъ, брызжетъ пѣной или лицемѣрно вретъ, то вѣдь я всего этого не вижу, и безпокоить меня все это не можетъ. Въ Москвѣ даже не пахнетъ Петербургомъ. Видаю я ежедневно сотню че-

ловѣкъ, но не слышу ни одного слова объ «Ивановѣ», точно я и не писалъ этой пьесы, а питерскія оваціи и успѣхи представляются мнѣ безпокойнымъ сномъ, отъ котораго я отлично очнулся. Кстати объ успѣхѣ и оваціяхъ. Все это такъ шумно и такъ мало удовлетворяетъ, что въ результатѣ не получается ничего, кромѣ утомленія и желанія бѣжать, бѣжать...» (18 февраля 1889 года).

Черезъ мѣсяцъ послѣ постановки «Ивановъ» въ послѣдней редакціи появился въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника».

Свѣтлымъ пятномъ 1888 года, когда все улыбалось Чехову, явился для него успѣхъ его маленькой пьески «Медвѣдь» [1]), написанной, по преданію, буквально въ одинъ вечеръ [2]). Это была легкая шалость молодого творчества, родившаяся подъ ближайшимъ впечатлѣніемъ чужой мысли. Зимой 1888 года въ театрѣ Корша часто шла заигранная пьеска «Побѣдителей не судятъ»,—топорная передѣлка изящной французской одноактной комедіи «Les jupons de Cadillac». Соловцовъ, отлично изображавшій грубаго «побѣдителя»,—героя пьесы,—очень понравился Чехову, и онъ задумалъ написать ему «роль» въ такомъ же жанрѣ. Такъ появился «Медвѣдь», съ большимъ успѣхомъ разыгранный у Корша Рыбчинской и Соловцовымъ. Пьеска прошла въ тотъ сезонъ много разъ и уже не сходила съ репертуара. Чеховъ посвятилъ ее Соловцову. Успѣхъ «Медвѣдя» очень обрадовалъ Чехова, однако, на вызовы онъ не вышелъ.

Хорошій пріемъ пьески публикой и прессой воодушевилъ Чехова. Именно въ эту пору онъ соблазнялъ

---

[1]) Впервые напечатана въ «Н. Вр.» за подписью «А. П.», 1888, № 4491, и издана Разсохинымъ 7 ноября 1888.

[2]) Восп. Сергѣенко, сборн. Брендера, 165.

Лазарева - Грузинскаго написать совмѣстно водевиль «Гамлетъ—принцъ Датскій» и Щеглова—обработать водевиль «Сила гипнотизма». Оба замысла не были выполнены. Отъ «Силы гипнотизма»—сохранился только сценарій, а о «Гамлетѣ» извѣстно лишь по письмамъ Чехова и разсказу Грузинскаго.

Если остановиться на разсмотрѣнномъ періодѣ жизни Чехова, ограничивъ его зимою 1889 г.—эта пора первыхъ большихъ успѣховъ, первыхъ безспорныхъ ощущеній себя удачникомъ и Потемкинымъ, — едва ли не должна быть признана счастливѣйшимъ и неповторившимся далѣе временемъ жизни Чехова. Призракъ собственной болѣзни, угрожающія тучи надъ головой брата Николая, котораго свалитъ предстоящая весна и унесетъ лѣто,—все это еще не сгущалось въ зловѣщія предзнаменованія. Братъ—біографъ Чехова—прямо пишетъ, что «1888—1889 гг. были какими то необыкновенными въ его душевномъ подъемѣ. Онъ всегда былъ веселъ, шутилъ, много и безъ устали работалъ, не могъ обходиться безъ людей. Его небольшая квартира въ Кудринѣ, маленькій двухэтажный домъ особнячекъ, похожій на комодъ, въ то время представляла центръ, куда стекалась молодежь. Наверху играли на взятомъ на прокатъ піанино, пѣли и вели шутливые разговоры, а внизу онъ сидѣлъ у своего стола и подъ долетавшіе до него звуки писалъ. Но эти звуки только подбодряли его, онъ не могъ жить безъ нихъ и принималъ самое живое участіе въ общемъ весельѣ. Въ домѣ Корнѣева въ Кудринѣ посѣтили Чехова — Григоровичъ, Суворинъ, Плещеевъ, Лейкинъ и многіе другіе писатели. Подарилъ его своимъ неожиданнымъ визитомъ композиторъ Чайковскій. Царившіе въ то время въ квартирѣ веселье и смѣхъ заразили и покойнаго старика Григоровича. Онъ какъ-то сразу помолодѣлъ и еще долго

разсказывалъ въ Петербургѣ о той обстановкѣ, въ которой молодой писатель создавалъ тогда свои произведенія. Эта веселая, жизнерадостная, многообѣщавшая жизнь прерывалась, однако, приступами сильнаго кашля, которые посѣщали Чехова въ особенности по ночамъ. Онъ чувствовалъ себя иногда такъ плохо, что любя общество, начиналъ тяготиться имъ, запрещалъ принимать гостей и часто въ такія минуты отказывалъ въ пріемѣ людямъ, которымъ не отказалъ бы во всякое другое время. Но заканчивались эти болѣзни, и моментально мѣнялось настроеніе. Двери широко отворялись. Приходили гости, начиналась музыка, и подъ звуки ея и говоръ молодежи у Чехова выростали крылья и чувствовалось отсутствіе досаднаго настроенія» (БЧ).

Подобное же обобщеніе, только ведя его хронологически дальше, дѣлаетъ и близкій въ эти дни Чехову Щегловъ. «Этотъ первый періодъ чеховской литературной извѣстности,—пишетъ онъ, — можно считать наиболѣе счастливой половиной его личной жизни, при чемъ самая безоблачная полоса захватываетъ первые три года (полученіе пушкинской преміи, шумный успѣхъ «Иванова», сближеніе съ Суворинымъ, Плещеевымъ и т. д.) Зато и промелькнули эти первые годы нелѣпо, неуловимо, точно сладкій майскій сонъ, промелькнули въ безоглядной сумасбродной суетѣ, оставивъ въ воспоминаніи какіе-то свѣтлые праздничные клочки... Вспоминается мнѣ между прочимъ одно полночное пиршество въ «Большой Московской» гостиницѣ. Суворинъ, какъ ни былъ въ то время удрученъ своей недавней семейной потерей, Чеховъ сумѣлъ его расшевелить и зажечь. Надо и то сказать — тема, тронутая Чеховымъ, пришлась особенно по душѣ Суворину, и онъ распахнулся, что называется, во всю, рѣшительно

увлекая своей художественной чуткостью, заразительной искренностью и чисто юношеской запальчивостью... Тема оказалась, однако, черезчуръ обширной, и было неудивительно, что, когда мы покинули гостиницу, на улицѣ свѣтало, и въ церквахъ звонили къ ранней обѣднѣ. А Суворинъ все еще продолжалъ горѣть и махать руками, и что-то доказывать... до самаго подъѣзда «Славянскаго Базара», куда мы его довели. Со стороны нашу компанію смѣло можно было принять за московскихъ студентовъ, слушающихъ профессора-шестидесятника, и меньше всего, конечно, подумать... объ издателѣ «Новаго Времени» и его сотрудникахъ!.»

III

Второю большой пьесой Чехова былъ «Лѣшій», потомъ переработанный въ «Дядю Ваню». Пьеса разрѣшена цензурой 1-го мая 1890 г.

Главное дѣйствующее лицо «Лѣшаго» не «дядя Ваня», а Хрущовъ, по прозвищу «Лѣшій», превратившійся въ новой версіи въ Астрова. Онъ не земскій врачъ, а помѣщикъ, «кончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ». Труженикъ Войницкій, выносящій на своихъ плечахъ благополучіе ученаго трупа, Серебрякова, зовется здѣсь не «дядей Ваней», а Егоромъ Петровичемъ. Весь уѣздъ трезвонитъ объ его связи съ «профессоршей», хотя онъ влюбленъ въ нее безнадежно. Онъ настолько не главенствуетъ въ пьесѣ, что въ концѣ третьяго акта даже вовсе исчезаетъ, покончивъ съ собою. Въ 4-мъ актѣ его уже боятся, какъ призрака. Четыре лица исчезли вовсе въ окончательной обработкѣ. Это довольно безцвѣтный молодой человѣкъ Желтухинъ, «не кончившій курсъ технологъ, очень богатый чело-

вѣкъ», его сестра Юля, помѣщикъ Орловскій и его сынъ-кутила, Ѳедоръ Ивановичъ. Телѣгинъ въ «Лѣшемъ» носитъ имя Дядина. Онъ не приживалъ, а арендаторъ мельницы у Хрущова. Если нѣкоторыя мѣста, какъ, напр., 2-й актъ съ очень незначительными передѣлками перешли въ «Дядю Ваню», то и въ самомъ сюжетѣ, и въ отношеніяхъ лицъ произошли весьма характерныя измѣненія.

Хрущовъ-Астровъ въ «Лѣшемъ» влюбленъ не въ Елену Андреевну, а въ Соню; «Жоржъ» позднѣе «Дядя Ваня», не покушается на жизнь профессора, а, отчитавъ его за загубленную жизнь, самъ стрѣляется. Послѣ его самоубійства Елена Андреевна убѣгаетъ изъ дому и двѣ недѣли скрывается на мельницѣ у Дядина, Телѣгина-тожъ.

На мельницу пріѣзжаетъ Хрущовъ съ профессоромъ; тотъ встрѣчается съ женой, и она уѣзжаетъ съ нимъ обратно домой. Ея судьба въ «Лѣшемъ» ничуть не менѣе безнадежна, чѣмъ въ «Дядѣ Ванѣ», только послѣдней, полной жути, сцены отъѣзда, прощанья, отниманія Астровымъ яда у Войницкаго—здѣсь нѣтъ. На фонѣ далекаго пожарнаго зарева происходитъ безнадежный возвратъ жены къ опостылѣвшему мужу. «Бери меня, статуя командора, и проваливайся со мною въ свои двадцать шесть унылыхъ комнатъ!»—пробуетъ шутить Елена. Но весь остальной финалъ пьесы сдѣланъ Чеховымъ не въ минорныхъ, а въ мажорныхъ тонахъ.

Соня, однажды не отвѣтившая взаимностью на предложеніе Хрущова, теперь видитъ, насколько онъ выше всей окружающей среды, и сама признается ему въ любви. Какъ разъ и Юлія бросается на шею Ѳедора Ивановича. Будетъ двѣ свадьбы. Печальнаго пятна—профессора и его жены—на сценѣ уже нѣтъ. Все хорошо, что хорошо кончается, и вѣчно восторженный

Дядинъ-Телѣгинъ съ привычнымъ паѳосомъ шепчетъ— «Это восхитительно! Это восхитительно!», (СС, XXI, 236—299).

«Дядя Ваня» настолько у всѣхъ въ памяти, что намъ не кажется нужнымъ подчеркивать дальше сходство и разность двухъ пьесъ. Интереснѣе тѣ общіе выводы, къ какимъ это сравненіе даетъ поводъ. Любопытно прежде всего подчеркнутое этою передѣлкой аполлоніанское начало въ творчествѣ Чехова. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, въ умѣ которыхъ образы отливаются въ настолько рельефныя и несокрушимыя фигуры, что они не только не могутъ измѣнять ихъ или переливать въ новые, но даже просто передвигать ихъ на шахматной доскѣ драмы или романа, даже переименовать ихъ фамилію, ибо съ фамиліей отлетаетъ и что-то отъ самой ихъ сущности. Чеховъ могъ сколько угодно передѣлывать свои вымыслы. Изъ жизнерадостной дѣвушки Сони въ «Лѣшемъ», свѣтло полюбившей, капризничавшей и наконецъ ясно вышедшей навстрѣчу счастливой и раздѣленной любви,—онъ смогъ сдѣлать совсѣмъ другой характеръ,—тихую, глубокую умницу, безнадежно любящую человѣка, едва ли даже замѣчающаго ея обожаніе. Хрущова, будущаго Астрова, влюбленнаго въ эту дѣвушку, онъ могъ потомъ увлечь другимъ лицомъ,—женою профессора и т. д. Нѣчто— совершенно немыслимое для такихъ, напр., непосредственныхъ художниковъ, какими были Тургеневъ или Гончаровъ!

Но, вглядываясь въ новые ходы Чехова, надо признать, что режиссура «Дяди Вани» несравненно глубже и зрѣлѣе и, съ другой стороны, гораздо ближе психикѣ Чехова и всему его міровоззрѣнію. Можетъ быть, всего вѣрнѣе смотрѣть на «Лѣшаго», какъ на поспѣшное осуществленіе замысла, еще не окончательно выношеннаго,

какъ на чертежъ, гдѣ чертежникъ, по винѣ торопливости, повелъ нѣкоторыя линіи совсѣмъ не на тѣ точки, на какія онѣ должны были упасть. Въ «Дядѣ Ванѣ» Чеховъ какъ бы далъ свободный и естественный ходъ тѣмъ росткамъ, какіе имъ были выведены въ «Лѣшемъ». Чѣмъ больше, уже по написаніи, уже послѣ постановки «Лѣшаго», писатель вдумывался въ свои образы, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что противъ житейской правды сдѣланы ошибки, какія надо исправить. Въ этомъ случаѣ онъ былъ вовсе не похожъ на тѣхъ художниковъ, которые, создавъ образъ, уже не возвращаются къ нему даже въ мысли. Увлекаясь своимъ образомъ Хрущова-Астрова и его мечтой о будущемъ счастьи человѣчества, символизируемой его влюбленностью въ лѣса, — Чеховъ не могъ не почувствовать, что имъ долженъ увлечься и основной женскій образъ пьесы, эта уставшая жить со старымъ мужемъ красавица. Еще въ «Лѣшемъ» вы найдете фразу, совершенно подготовляющую увлеченіе Елены Андреевны. Когда Хрущовъ, горячій и энергичный, срывается, чтобы ѣхать на ближній пожаръ, угрожающій лѣсамъ, когда онъ говоритъ, что отраститъ себѣ крылья орла, не испугается ни зарева, ни чорта, посѣетъ новые лѣса, если они сгорятъ, полюбитъ другую, если его не любитъ эта,—Серебрякова съ восторгомъ говоритъ себѣ—«какой онъ молодецъ!»

Какъ въ этой коллизіи Чеховъ далъ въ новой редакціи нѣчто углубленно-психологическое, такъ въ самомъ финалѣ онъ выпрямилъ линіи, скривленныя, можетъ-быть, просто въ силу сценическихъ требованій. Все больше и больше вглядываясь въ русскую жизнь, всматриваясь и въ образъ «Лѣшаго», Чеховъ понималъ, что веселаго и здѣсь, и тамъ очень мало, что финалъ съ двумя свадьбами — натяжка, что все это можетъ-

быть «восхитительно», въ самомъ дѣлѣ, только подъ угломъ зрѣнія миролюбиваго чудака, беззлобной божьей коровки, Дядина-Телѣгина и безысходно грустно съ точки зрѣнія здраваго и живого человѣка. Вотъ почему въ «Дядѣ Ванѣ» заново явился весь четвертый актъ, и, если рука художника только дѣлаетъ вставки, поправки и лишь иногда измѣненія въ первыхъ актахъ пьесы,—то въ концѣ ея она рушитъ и строитъ вовсе новое. И если такъ, со стороны психологической правды, подойти къ «Дядѣ Ванѣ», то за этимъ, вторымъ варіантомъ окажется всецѣлое преимущество. Да, зрѣлый и умный Астровъ долженъ былъ полюбить не юную дѣвушку, а эту, видавшую жизнь красавицу, какъ и она должна была полетѣть на живой паѳосъ его души отъ мертвечины «ученой воблы». Такія, какъ Соня, всегда страдаютъ тихо и безнадежно. Телѣгину роль приживала пристала, какъ сѣдло коню. Кто остался почти безъ малѣйшихъ помарокъ и цѣликомъ перешелъ изъ одной пьесы въ другую,—это профессоръ. Деталь тоже не безынтересная чисто біографически. Типъ ученаго скопца, крикливой бездарности, настолько созрѣлъ въ душѣ Чехова къ 1890-му году, что вылился сразу въ образъ, не нуждающійся ни въ какихъ подготовительныхъ этюдахъ, ни въ какихъ новыхъ ударахъ кисти. Не забудемъ, что въ это время міръ профессуры и образъ изжившаго себя мужа науки почему-то особенно интересовалъ Чехова. Къ Серебрякову онъ перешелъ непосредственно отъ профессора «Скучной исторіи», появившейся всего лишь за два мѣсяца до постановки «Лѣшаго».

За этимъ вторымъ варіантомъ и несравнимо большая выразительность для Чехова. «Дядя Ваня»—можетъ быть, самая сгущенная по «чеховскому» настроенію вещь. Здѣсь нѣтъ ни одного диссонанса. Здѣсь все

правильно, если можно такъ выразиться,—законами высшей геометріи. Заключить эту мрачную драму нѣсколькихъ безъ смысла погибшихъ русскихъ интеллигентовъ парою свадебъ значило бы, по Горацію, закончить женщину хвостомъ дельфина.

«Пьеса отъ передѣлокъ выиграла въ сценичности, дѣйствіе во второй версіи идетъ быстро, развивается логически, не задерживается вводными лицами. Устранена несообразность, бросающаяся въ глаза въ первой версіи: какимъ образомъ чуткій, вдумчивый, ненавидящій всякіе «ярлыки» Хрущовъ могъ полюбить Соню, являющуюся въ «Лѣшемъ» истинной дочерью ходячей муміи, профессора? Во второй версіи Чеховъ создалъ новую Соню, одинъ изъ обаятельныхъ образовъ русской литературы, стоящій наравнѣ съ трепетно-нѣжными женскими образами романовъ Тургенева». (Батуринскій).

IV

«Лѣшій» былъ написанъ Чеховымъ чудовищно скоро,—едва ли не въ четыре дня.

Самый интересъ писателя къ этой темѣ возникъ необычайно быстро, неожиданно и подъ чисто внѣшними побужденіями. Къ А. П. пріѣхалъ какъ-то Соловцовъ, снявшій вмѣстѣ съ Абрамовой, послѣ своего ухода отъ Корша, театръ въ Москвѣ, и очень просилъ Чехова спасти ему сезонъ, написавъ новую пьесу, такъ какъ его дѣла не шли. «Поддержите, выручите, дайте пьесу. Первая тысяча рублей со сборовъ—ваша»...

Это было заманчиво, но до срока оставалось меньше двухъ недѣль. Въ нихъ нужно было написать пьесу, переписать, послать въ цензуру, разучить, поставить. И Чеховъ согласился. Пьеса была написана въ 4 дня.

Отъ переписки ея въ двухъ экземпляровъ у брата студента отекли пальцы. Соловцовъ съ кондукторомъ отправлялъ матеріалъ въ Петербургъ въ цензуру. Къ сроку, во всякомъ случаѣ пьеса, была готова. Начались репетиціи, на которыхъ бывалъ и Чеховъ. «Мужчины мнѣ понравились въ общемъ,—писалъ онъ Плещееву,—а дамъ я еще не разглядѣлъ. Идетъ, повидимому, бойко. Актерамъ пьеса нравится. Насколько можно судить по репетиціи, пьеса шибко пойдетъ въ провинціи, ибо комическаго элемента достаточно, и люди всѣ живые, знакомые провинціи».

«Едва успѣвъ кончить повѣсть «Скучную исторію» и измучившись,—такъ описываетъ это самъ Чеховъ Суворину,—я разбѣжался и по инерціи написалъ четырехактнаго «Лѣшаго», написалъ снова, уничтоживъ все написанное весной. Работалъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, хотя отъ писанья болѣлъ локоть и мерещилось въ глазахъ, чортъ знаетъ что».

Постановка сказала другое. 27 декабря 1889 г. «Лѣшій» не имѣлъ успѣха, даже внѣшняго, даже любопытства не возбудилъ. Его поставили еще нѣсколько разъ [1]) и сняли съ репертуара. И Чеховъ покинулъ область серьезнаго театра на цѣлыхъ 6—7 лѣтъ, пробавляясь «Калхасами», «Трагиками поневолѣ», «Медвѣдемъ» и «Предложеніемъ». Онъ остался такъ недоволенъ пьесой, что даже не далъ ее въ «Сѣверный Вѣстникъ», куда просилъ ее Плещеевъ. Одинъ изъ близкихъ А. П. людей объясняетъ это нежеланіе опасеніемъ того озлобленія, какое вызвалъ образъ «ученой воблы» въ профессорскихъ кружкахъ [2]). «Эту пьесу я ненавижу,—писалъ Чеховъ о «Лѣшемъ» даже черезъ девять лѣтъ

---

[1]) 29-го декабря и 1 января 1890 г.

[2]) Кн. А. И. Урусовъ, соч. II.

послѣ ея постановки, и стараюсь забыть о ней... Для меня было бы истиннымъ ударомъ, если бы какія-нибудь силы извлекли ее изъ-подъ спуда и заставили жить». (Кн. Урусову).

Чего не простили Чехову на этотъ разъ,—это его отрицательнаго образа профессора Серебрякова. Присяжная наука обидѣлась, обидѣлась и критика, шедшая отсюда. Наиболѣе характерно этотъ упрекъ формулированъ въ отзывѣ извѣстнаго критика-профессора И. И. Иванова [1]).

„Г. Чеховъ принадлежитъ къ числу писателей, обладающихъ весьма завиднымъ настроеніемъ духа. Для нихъ нашъ міръ—міръ красоты и молодости, наслажденій и пріятнаго отдыха. Ихъ окружаетъ какъ будто чарующая музыка тѣхъ семи небесныхъ сферъ, о которыхъ грезилъ древній философъ. Развѣ можно быть несчастнымъ въ волнахъ этой музыки? Посмотрите, какъ Ч. обрушивается на людей, посвятившихъ свою жизнь наукѣ, труду, умѣвшихъ даже въ Парижѣ остаться вѣрными своей первой и единственной любви. Профессоръ въ „Лѣшемъ“ говоритъ, что онъ въ молодости былъ въ Гейдельбергѣ и не видалъ Гейдельберга, былъ въ Парижѣ и не видалъ Парижа... Этихъ „уродовъ“ Ч. съ особеннымъ наслажденіемъ будетъ казнить во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, и въ повѣсти, и въ драмѣ. Ч., вѣроятно, не пойметъ смысла знаменитыхъ словъ: „онъ родину какъ женщину, любилъ“. Ч. пройдетъ съ видомъ недоумѣнія мимо безсмертныхъ образовъ людей, приносившихъ въ жертву излюбленной идеѣ всякій моментъ личнаго существованія. Эта мелодрама на учено-эстетической основѣ довольно своеобразна, но, какъ всякая мелодрама, неестественна и комична. Въ пьесѣ происходитъ нѣсколько казусовъ, все это именно *казусы*, а не факты пьесы, необходимо вытекающіе изъ хода дѣйствія. Казусы эти переплетены въ массу семейныхъ разговоровъ, крайне длинныхъ и утомительныхъ. Повседневные разговоры за выпивкой и закуской каждому надоѣли и дома, и у знакомыхъ, и для того, чтобы услышать десять разъ, какъ другіе справляются о чужомъ здоровьѣ и иногда переругиваются, вовсе не надо итги

[1]) Артистъ, Совр. Обозрѣніе, 1890, № 6

въ театръ и перетерпѣть четыре акта „комедіи". Талантъ Ч. несомнѣнно выше написанной имъ пьесы, и ея странныя свойства объясняются, вѣроятно, спѣшностью работы.

Это соображеніе критика-профессора дало почувствовать себя Чехову и тогда, когда онъ представилъ «Лѣшаго» въ петербургскій театральный комитетъ по настоянію Свободина, надѣявшагося поставить пьесу въ свой бенефисъ въ октябрѣ 1889 г. «Пьеса читалась Всеволожскимъ, Григоровичемъ и К°. докладывалъ Чеховъ Суворину.—О дальнѣйшей судьбѣ ея, коли охота, можете узнать отъ Свободина, лица заинтересованнаго, и отъ Григоровича, бывшаго предсѣдателемъ того военно-полевого суда, который судилъ меня и моего «Лѣшаго». Пьеса забракована. Забракована ли она только для бенефиса Свободина (великіе князья будутъ на бенефисѣ), или же вообще для казенной сцены, мнѣ неизвѣстно, а увѣдомить меня объ этомъ не сочли нужнымъ».

Наконецъ дальнимъ отзвукомъ того же «ученаго раздраженія» былъ и позорный актъ отверженія «Дяди Вани» много позднѣе московскимъ театральнымъ комитетомъ, — актъ остающійся печальнымъ документомъ узости и ограниченности офиціальной коллегіи, несумѣвшей оцѣнить литературнаго явленія, составившаго эпоху въ русской драматургіи. Московскій литературно-театральный комитетъ выставилъ офиціальной причиной своего классическаго рѣшенія недостаточную мотивировку покушенія «Дяди Вани» на убійство Серебрякова: «разочарованіе въ талантѣ профессора, раздраженіе на его безцеремонность не можетъ служить достаточнымъ поводомъ для преслѣдованія его пистолетными выстрѣлами. У зрителя можетъ даже явиться подозрѣніе, что поступокъ «Дяди Вани» находится въ связи съ состояніемъ похмелья, въ ко-

торомъ авторъ почему-то слишкомъ часто показываетъ и «Дядю Ваню» и Астрова» [1]).

Нѣкоторую дозу яда въ чашу Чехова подлила и товарищеская среда. Съ «Лѣшимъ» повторилось то, что уже мы видѣли на другихъ чеховскихъ вещахъ. И здѣсь охотники до чтенія между строкъ нашли портретное сходство. Повидимому, первый намекъ о томъ, что Чеховъ «выставилъ» въ тупицѣ и говорунѣ профессорѣ Серебряковѣ—Суворина вышелъ изъ устъ Григоровича. Суворинъ, еще не читавшій пьесы, видимо, сообщилъ о слышанномъ Чехову. Преодолѣвая раздраженіе, авторъ отвѣчалъ ему шутливымъ обѣщаніемъ нѣкогда дѣйствительно изобразить его и увѣреніемъ, что пока онъ можетъ быть спокоенъ. «Въ пьесѣ васъ нѣтъ, да и не можетъ быть, хотя Григоровичъ со свойственною ему проницательностью и видитъ противное. Въ пьесѣ идетъ рѣчь о человѣкѣ нудномъ, себялюбивомъ, деревянномъ, читавшемъ объ искусствѣ 25 лѣтъ и ничего не понимавшемъ въ немъ, о человѣкѣ, наводящемъ на всѣхъ уныніе и скуку, не допускающемъ смѣха и музыки и проч. и проч. и при всемъ томъ необыкновенно счастливомъ. Не вѣрьте, Бога ради, всѣмъ этимъ господамъ, ищущимъ во всемъ прежде всего худа, мѣряющимъ всѣхъ на свой аршинъ и приписывающимъ другимъ свои личныя лисьи и барсучьи черты». (1889).

Реабилитація «Лѣшаго»—«Дяди Вани» совершилась лишь спустя одиннадцать лѣтъ послѣ написанія перваго варіанта пьесы. Въ февралѣ 1901 г. «Дядя Ваня» прошелъ съ исключительнымъ успѣхомъ въ театрѣ «московскихъ художниковъ», и встрѣтилъ восторженный пріемъ прессы.

---

[1]) Цитировано у Д. В. Философова, «Старое и Новое», 227.

Для Чехова этотъ успѣхъ былъ, повидимому, неожиданностью. «Будетъ ли «Художественный театръ» въ Петербургѣ я не знаю,—писалъ онъ Карпову въ 1900 г., но — если будетъ, то пьеса моя пройдетъ не болѣе двухъ-трехъ разъ, затѣмъ наступятъ тишина и спокойствіе» [1]).

Первыя пьесы Чехова, и болѣе удачный «Ивановъ» въ особенности, сослужили писателю ту службу, что бросили его имя въ самые разнородные круги общества. Издавна повелось, что одна пьеса дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ для автора больше, чѣмъ десятокъ повѣстей. Что до стороны психологической, то біографу еще недостаетъ данныхъ для того, чтобы поставить обѣ пьесы въ живую связь съ личною жизнью автора. Если теоретически образы «Иванова» и «Дяди Вани» понятны въ литературномъ наслѣдствѣ Чехова, если такихъ стариковъ въ 33 года онъ видѣлъ десятками вокругъ себя среди людей своего поколѣнія,—то и канва фабулы, и мелочи характеристикъ ждутъ еще своего біографическаго комментарія, который въ свое время покажетъ, что здѣсь должно быть отнесено на долю чистаго вымысла, и что навѣяно видѣннымъ и слышаннымъ, а можетъ быть, и совсѣмъ съ натуры зарисовано остро наблюдательнымъ талантомъ.

---

[1]) Неизданное письмо.

САХАЛИНЪ.

(1890).

I

Поѣздкѣ Чехова на Сахалинъ хронологически предшествуетъ печальное обстоятельство,—смерть его любимаго брата, художника Николая Павловича. Среди многихъ факторовъ, подготовившихъ рѣшеніе Чехова, настроенія, пережитыя послѣ этого семейнаго горя занимали извѣстное мѣсто.

Эта смерть была едва ли не единственной тучей на безоблачномъ пока небѣ Чехова, переживавшаго въ 1889 г., какъ мы видѣли, какъ бы медовой мѣсяцъ своего писательства. Весною 1889 г. Николай Чеховъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, «формою сравнительно легкой, но осложнившейся верхушечнымъ процессомъ». Видѣвшій по зловѣщей температурѣ яснѣе прочихъ въ семьѣ неизбѣжность печальной развязки, Чеховъ не сразу нашелъ въ себѣ духу посвятить въ эту тайну семейныхъ. «Мнѣ не хотѣлось сообщать тебѣ одну непріятную новость,—писалъ онъ брату Александру.—На горизонтѣ появились тучки: будетъ гроза, или нѣтъ—вѣдомо Богу». Пока Чеховъ перевезъ больного къ себѣ, занялся лѣченіемъ, устроилъ консиліумъ.

Болѣзнь брата совершенно выбивала его изъ колеи, а смерть потрясла. Его письма, сюда относящіяся,

чрезвычайно для него характерны. Скорбь его глубока и остра, но, какъ всегда, письма чужды всякаго приподнятаго паѳоса, полны какого-то мудраго философскаго спокойствія, почти удивительнаго въ человѣкѣ его возраста. Строгая печаль сквозитъ иногда почти черезъ дымку проніи. «У меня медицинская практика,— пишетъ онъ Плещееву.—Центромъ... служитъ одръ моего брата-художника... Человѣкъ я малодушный, не умѣю смотрѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ, и поэтому... буквально не въ состояніи работать. Вотъ уже три недѣли, какъ я не написалъ ни одной строки, перезабылъ всѣ свои сюжеты и не думаю ни о чемъ такомъ, что было бы для васъ интересно. Скученъ я до безобразія».

Старанія его не спасли брата. 17 іюня 1889 г. онъ умеръ. А. П., повидимому, не ожидалъ такой скорой развязки, и въ роковой день отсутствовалъ.

«Бѣдняга-художникъ умеръ, докладывалъ онъ тому же Плещееву.—На Лукѣ онъ таялъ, какъ воскъ, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я могъ отдѣлаться отъ сознанія близости катастрофы... Нельзя было сказать, когда умретъ Николай, но что онъ умретъ скоро,—для меня было ясно. Развязка произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Гостилъ у меня Свободинъ. Воспользовавшись пріѣздомъ старшаго брата, который могъ смѣнить меня, я захотѣлъ отдохнуть дней пять и поѣхалъ въ Полтавскую губ. Пріѣхали ночью, мокрые, холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная, вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода мужичонко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скон-

чался». Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадяхъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ... Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду: темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стѣною, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую-то мелодраму. Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые. Похороны устроили мы художнику отличныя. Несли его на рукахъ съ хоругвіями и проч. Похоронили на деревенскомъ кладбищѣ подъ медовой травой; крестъ виденъ далеко съ поля. Кажется, что лежать ему очень уютно».

Съ братомъ отъ Чехова ушелъ другъ дѣтства и молодости, вѣрный товарищъ первыхъ трудныхъ шаговъ въ искусствѣ. «Я поглупѣлъ и потускнѣлъ», писалъ онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ утраты. Имъ овладѣла «скука адская» и сознаніе, что «поэзіи въ жизни ни на грошъ». (Суворину, 1889). Уже много лѣтъ спустя въ письмѣ къ одному товарищу по гимназіи Чеховъ мелькомъ бросилъ фразу, что эта «смерть—большой минусъ» въ его жизни. (П, IV, 181). Братъ-біографъ въ описаніи этого печальнаго событія пользуется такими выраженіями, какія показываютъ, что едва ли и онъ не считаетъ его первою потрясающей катастрофой для писателя, первымъ надломомъ доселѣ жизнерадостнаго и сплошь свѣтлаго его міровоззрѣнія. «А. П.,— пишетъ онъ,—какъ-то сразу, вдругъ перемѣнился. Онъ вдругъ засуетился, сталъ тосковать, и вскорѣ же послѣ похоронъ уѣхалъ изъ Луки скитаться. Собирался онъ за границу, но не поѣхалъ, почему-то застрялъ въ Одессѣ, гдѣ въ то время была на гастроляхъ московская труппа Малаго театра, поѣхалъ въ Ялту... Ка-

кое-то странное равнодушіе къ жизни овладѣваетъ писателемъ, онъ ко всему теряетъ охоту и интересъ» (БЧ).

Тягость утраты—фактъ самоочевидный, но біографъ имѣетъ всѣ права предположить, что въ этой растерянности А. П. сказалось первое предощущеніе имъ личной опасности и своего, пока еще отдаленнаго, но неминуемаго конца отъ того же страшнаго недуга, наслѣдственные ходы котораго, какъ врачъ, онъ могъ видѣть тогда, когда еще никто ни въ семьѣ, ни кругомъ этого не видѣлъ.

Лѣтомъ 1889 г. была ликвидирована жизнь брата Николая. Лѣтомъ 1890 г. нога Чехова уже ступила на Сахалинъ. Что̀ могло быть главнымъ побужденіемъ для него въ этомъ тяжеломъ путешествіи? Можетъ быть, нельзя сказать, какъ думали многіе, что именно за эту поѣздку онъ расплатился раннею смертью, но она, безъ сомнѣнія, далась ему тяжело, и явилась подробностью біографіи безусловно неблагопріятною и едва ли нужною.

Чеховъ всегда любилъ смѣну мѣстъ, людей, впечатлѣній. Еще юный, онъ много ѣздитъ по Россіи, всегда его влечетъ заграница. Сахалинъ могъ манить его своеобразіемъ, суровымъ колоритомъ природы, суровымъ укладомъ отверженныхъ. Чтеніе лекцій по уголовному праву (братъ его въ это время готовился къ экзаменамъ) могло сообщить ему теоретическій интересъ къ задачѣ. Литературно его могла завлекать мысль написать подъ прямымъ давленіемъ обстоятельствъ книгу, устанавливающую за нимъ репутацію дѣйствительнаго изслѣдователя жизни, бытописателя необслѣдованнаго края. Мы только что видѣли, какъ настойчиво прозвучалъ для него хотя бы въ письмѣ къ нему Михайловскаго призывъ къ серьезному труду, къ необходимости дать что-нибудь крупное.

Расширеніе писательскаго горизонта, писательская тренировка являлись главнымъ побужденіемъ, хотя отчасти изъ скромности, отчасти изъ тактическихъ соображеній (чтобы не возбудить преувеличенныхъ ожиданій и потомъ разочарованія) онъ явно старался предостеречь, кого могъ, отъ чрезмѣрныхъ надеждъ. «Я ѣду не для наблюденій и не для впечатлѣній,—едва ли очень искренно писалъ онъ Щеглову, котораго позднѣе опредѣленно считалъ человѣкомъ излишне разговорчивымъ,—а просто для того только, чтобы пожить полгода не такъ, какъ я жилъ до сихъ поръ. Не надѣйтесь на меня, дядя,—если успѣю и сумѣю сдѣлать что-нибудь, то слава Богу, если нѣтъ,—не взыщите!»

Въ такомъ же родѣ «бѣднился» онъ и передъ Сувориным, выдвигая на этотъ разъ и болѣе глубокіе и болѣе искреннія основанія. «Ѣду я, совершенно увѣренный, что моя поѣздка не дастъ цѣннаго вклада ни въ литературу, ни въ науку: не хватитъ на это ни знаній, ни времени, ни претензій. Нѣтъ у меня плановъ ни гумбольдтовскихъ, ни даже кеннановскихъ. Я хочу написать хоть 100—200 страницъ и этимъ *немножко заплатить своей медицинѣ*, передъ которой я, какъ вамъ извѣстно, свинья. Быть-можетъ, я не сумѣю ничего написать, но все-таки поѣздка не теряетъ для меня своего аромата: читая, глядя по сторонамъ и слушая *я многое узнаю и выучу.* Я еще не ѣздилъ, но благодаря тѣмъ книжкамъ, которыя прочелъ теперь по необходимости, я *узналъ многое такое, что слѣдуетъ знать всякому подъ страхомъ 40 плетей*, и чего я имѣлъ невѣжество не знать раньше. Къ тому же, полагаю, поѣздка—это непрерывный полугодовой трудъ, физическій и умственный, а *для меня это необходимо, такъ какъ я хохолъ и сталъ уже лѣниться. Надо себя дрессировать.* Пусть поѣздка моя пустякъ, упрямство, блажь,

но подумайте и скажите, что я потеряю, если поѣду? Пусть поѣздка не дастъ мнѣ ровно ничего, но *неужели* все-таки за всю поѣздку *не случится такихъ 2—3 дней, о которыхъ я всю жизнь буду вспоминать съ восторгомъ, или съ горечью?*

Предносилась Чехову и идейная мотивировка,—преувеличенность которой, впрочемъ, онъ самъ созналъ очень скоро. Онъ хорошо выразилъ ее въ частномъ письмѣ (Суворину), но не тронулъ въ книгѣ.

«Послѣ Австраліи,—писалъ онъ,—Сахалинъ—это единственное мѣсто, гдѣ можно изучать колонизацію преступниковъ; вопросомъ заинтересована вся Европа, а намъ онъ не нуженъ? Не дальше, какъ 25—30 лѣтъ назадъ наши же русскіе люди, изслѣдуя Сахалинъ, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человѣка, а намъ это не нужно, мы не знаемъ, что это за люди, и только сидимъ въ четырехъ стѣнахъ и жалуемся, что Богъ дурно создалъ человѣка. Сахалинъ—это мѣсто невыносимыхъ страданій, на какія только бываетъ способенъ человѣкъ вольный и подневольный. Работавшіе около него и на немъ рѣшали страшныя, отвѣтственныя задачи, и теперь рѣшаютъ. Жалѣю, что я не сентименталенъ, а то я сказалъ бы, что въ мѣста, подобныя Сахалину, мы должны ѣздить на поклоненіе, какъ турки ѣздятъ въ Мекку, а моряки и тюрьмовѣды должны глядѣть въ частности на Сахалинъ, какъ военные на Севастополь. Изъ книгъ, которыя я прочелъ и читаю, видно, что *мы сгноили въ тюрьмахъ милліоны* людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ— и все это сваливали на тюремныхъ, красноносыхъ смотрителей. Прославленные шестидесятые годы не сдѣлали *ничего* для больныхъ и заключенныхъ, нарушивъ такимъ образомъ самую главную заповѣдь христіанской цивилизаціи. Въ наше время для больныхъ дѣлается кое-что, для заключенныхъ же ничего; тюрьмовѣдѣніе совершенно не интересуетъ нашихъ юристовъ. Нѣтъ, Сахалинъ нуженъ и интересенъ, и нужно пожалѣть только, что туда ѣду я, а не кто-нибудь другой, болѣе смыслящій въ дѣлѣ и болѣе способный возбудить интересъ въ обществѣ. Я же лично ѣду за пустяками».

Поѣздкѣ предшествовало основательное изученіе Чеховымъ матеріаловъ, способныхъ подготовить его къ всестороннему обслѣдованію острова отверженныхъ. Въ послѣднюю поѣздку его въ Петербургъ его не часто можно было видѣть въ обычной свѣтской разсѣянности. Чеховъ сидѣлъ за книгой, напитывался впечатлѣніями, дѣлалъ самъ выписки изъ книгъ «о Сахалинѣ и К°» и поручалъ дѣлать тоже сестрѣ и брату Александру. «Мнѣ необходимо,—пояснялъ онъ,—возможно подробное знакомство съ газетной литературой о Сахалинѣ, ибо она интересуетъ меня не со стороны однихъ только даваемыхъ ею свѣдѣній. Свѣдѣнія, конечно, сами по себѣ, но нужно и историческое освѣщеніе фактовъ, составляющихъ суть этихъ свѣдѣній. Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалинѣ и ничего не смыслящими въ дѣлѣ, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинскомъ вопросѣ и капиталъ нажили, и невинность соблюли. Храбрость первыхъ и уловки вторыхъ, какъ элементы затемняющіе и тормозящіе, должны быть для изслѣдователя цѣннѣе всякихъ свѣдѣній, кои по большинству случайны и невѣрны; элементы сіи отлично характеризуютъ отношенія нашего общества вообще къ дѣлу, а къ тюремному въ частности. Автора же и его побужденія поймешь только тогда, когда прочтешь его статью полностью». Наконецъ, онъ почувствовалъ, что выписокъ достаточно и просилъ брата «избавить Публичную библіотеку отъ своихъ посѣщеній». Онъ готовился, какъ готовятся къ диссертаціи, преодолѣвая огромныя (и едва ли нужныя) трудности, въ родѣ пересмотра всего (!) «Морского Сборника».

«На меня сердятся мои петербургскіе друзья и знакомые,—писалъ онъ А. Н. Плещееву.—За что? За то, что я мало надоѣдалъ имъ своимъ присутствіемъ, которое мнѣ самому уже давно надоѣло? Успокойте ихъ

умы, скажите имъ, что въ Петербургѣ я много обѣдалъ, много ужиналъ, но не плѣнилъ ни одной дамы, что я каждый день былъ увѣренъ, что уѣду вечеромъ съ курьерскимъ, что меня удерживали друзья и «Морской Сборникъ», который мнѣ нужно было перелистать весь. начиная съ 1852 г. Живя въ Петербургѣ, я въ одинъ мѣсяцъ сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлать моимъ молодымъ друзьямъ въ цѣлый годъ».

Въ февралѣ 1890 г. онъ писалъ Плещееву: «Цѣлый день сижу, читаю и дѣлаю выписки. Въ головѣ и на бумагѣ нѣтъ ничего кромѣ Сахалина. Умопомѣшательство. Mania Sachalinosa». Въ томъ же признавался онъ и Суворину. «День-деньской я читаю и пишу, читаю и пишу... Чѣмъ больше читаю, тѣмъ сильнѣе убѣжденіе, что въ два мѣсяца я не успѣю сдѣлать и четверти того, что задумалъ, а вѣдь больше двухъ мѣсяцевъ мнѣ нельзя сидѣть на Сахалинѣ: подлецы-пароходы не ждутъ! Работа разнообразная, но нудная... Приходится быть и геологомъ, и метеорологомъ, и этнографомъ, а къ этому я не привыкъ, и мнѣ скучно. Читать буду о Сахалинѣ до марта, пока есть деньги, а потомъ сяду за разсказы».

Временно онъ отказывался даже отъ правки собственныхъ разсказовъ, чувствуя, что мысль не съ ними. «Голова настроена на сахалинскій ладъ, и во всемъ, что касается изящной словесности, я теперь не въ состояніи отличить кулька отъ рогожи» (Ему же).

Братъ Чехова, М. П. даетъ съ своей стороны такую мотивировку поѣздки. «Какъ ни было неожиданно рѣшеніе А. П. ѣхать на Сахалинъ, но оно было твердо и крѣпко и основывалось на глубокомъ убѣжденіи его, что онъ долженъ былъ ѣхать туда, во что бы то ни стало. Онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что эта его поѣздка дастъ какой-либо цѣнный вкладъ въ науку или

литературу, но разсчитывалъ, что за всю эту поѣздку для него выпадутъ 2—3 дня, о которыхъ онъ будетъ потомъ съ горечью или съ восторгомъ вспоминать всю свою жизнь. Но, *повидимому*, *главной причиной* его поѣздки на Сахалинъ было сознаніе того, что, какъ онъ писалъ Суворину, «мы сгноили въ тюрьмахъ милліоны людей»...—слѣдуетъ выше приведенная цитата (БЧ).

Для біографа обязательно считаться съ мнѣніемъ людей, доподлинно знавшихъ настроеніе Чехова того времени. Однако, главенствующее значеніе того идейнаго побужденія, какое однажды (и только однажды) онъ выдвинулъ (нигдѣ не повторивъ, и въ самой книгѣ не подчеркнувъ), не хочется принять безъ оговорокъ.

Взвѣшивая мотивы Чехова:

1, «немножко заплатить медицинѣ»...

2, «я многое узнаю и выучу»...

3, «для меня это необходимо... я сталъ уже лѣниться... будутъ два-три дня, о которыхъ буду вспоминать»...

4, «мы сгноили» и т. д.—

установимъ формулу: Чеховъ хотѣлъ *заявить себя настоящимъ большимъ*, какъ ему казалось, дѣломъ,—дѣломъ притомъ съ явнымъ *прогрессивно-идейнымъ* оттѣнкомъ и несущимъ ему ту встряску, какой всегда долженъ желать себѣ настоящій, взыскательный художникъ, боящійся застоя. Ясно видѣвшій бѣду современныхъ беллетристовъ въ скудости ихъ впечатлѣній, зависящей отъ осѣдлости, Чеховъ чувствовалъ, что и его самого затягиваетъ однотонность русской жизни,—всегда въ сущности одной, наблюдаютъ ли ее въ Москвѣ или Бабкинѣ. Видѣвшій крайнее обнищаніе беллетристовъ темами, безпредѣльное обмеленіе литературы, («Щегловъ собирается въ Москву показывать публикѣ горничную и влюбленнаго въ нее молодого человѣка!») Чеховъ чувствовалъ,—и съ годами все ярче и больнѣе,

настоятельную потребность литературы выскочить изъ заколдованнаго круга, переброситься къ инымъ темамъ,—онъ же зналъ міровую литературу и міровыя темы,—и видѣлъ, что привычная обстановка не дастъ и ему этой возможности. Строгій къ себѣ, онъ могъ быть вполнѣ искреннимъ, когда говорилъ о своихъ вещахъ, какъ скучныхъ, статическихъ, — ему могло казаться, что жизнь людей на Сахалинѣ, гдѣ сосредоточена такая бездна страданія и преступности, дастъ его слову динамическую энергію. Думается, что сумма всѣхъ этихъ факторовъ даетъ объясненіе, почему онъ поднялъ на свои физически слабыя плечи тяжелое бремя дальняго странствія.

Насколько широко размахивался А. П. и сколько въ его размахѣ было молодой неопытности, можно видѣть изъ такого, въ сущности, страннаго факта, какъ писаніе о Сахалинѣ еще до начала поѣздки (!). Еще въ мартѣ 1890 г. изъ Москвы Чеховъ сообщалъ Суворину, что «началъ уже писать про Сахалинъ. Написалъ страницъ пять «исторіи изслѣдованія». Вышло ничего себѣ, какъ будто по умному и авторитетно. Началъ и географію съ градусами и съ мысами... Тоже ничего себѣ. Цитирую я иностранныхъ авторовъ съ чужого голоса, но выходитъ у меня это такъ подробно и въ такомъ тонѣ, какъ будто я самъ отлично говорю на всѣхъ языкахъ. Сплошное мошенничество».

Шутка шуткой, но къ «Сахалину» Чеховъ приступалъ воистину, какъ къ диссертаціи, точно вовсе не понимая, что отъ него, какъ художника, нужно ждать совсѣмъ другого. Еще до отъѣзда онъ уже зналъ, что это будетъ сухой трудъ и предупреждалъ знакомыхъ, что его книга «будетъ скучна, спеціальна состоять изъ однѣхъ только цифръ» (Линтваревой).

Собираясь точно не писать, а священнодѣйствовать, А. П. обусловливалъ себѣ «умное одиночество». Онъ

кажется прямо напуганнымъ, когда одинъ знакомый художникъ напрашивается ему въ компаньоны. «Будьте благодѣтелемъ,—упрашиваетъ онъ другого знакомаго,—скажите N, что я пьяница, мошенникъ, нигилистъ, буянъ, что со мной ѣхать нельзя, и что поѣздка его въ моемъ обществѣ испортитъ ему кровь и больше ничего. Скажите, что время его пропадетъ зря».

Въ значительной мѣрѣ Чехова заботило то, что «его, какъ писателя, послѣ разоблаченій извѣстнаго Кеннана, не пустятъ на каторгу или же покажутъ ему не все, а только то, что можно показать, и онъ отправился въ январѣ 1890 г. въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы ему данъ былъ свободный пропускъ повсюду. Съ другой стороны, его безпокоило, что его поѣздкѣ могутъ придать официозный характеръ». (БЧ). Чеховъ дѣлалъ даже попытку обращенія къ состоявшему тогда во главѣ главнаго тюремнаго управленія П. М. Галкину-Врасскому, но отношеніе къ нему казенной власти оказалось типично россійскимъ,—онъ ничего не добился. Пришлось заранѣе примириться со всѣми возможными на этой почвѣ осложненіями и махнуть рукой на гг. Галкиныхъ. «Такъ какъ, если говорить о документахъ, я вооруженъ однимъ только паспортомъ и ничѣмъ другимъ, то возможны непріятныя столкновенія съ предержащими властями, но это бѣда преходящая. Если мнѣ чего-нибудь не покажутъ, то я просто напишу въ своей книгѣ, что мнѣ не показали—и баста, а волноваться не буду (15 апр. 1890 г.)». Съ язвительностью и укоромъ себѣ самъ онъ вспоминалъ позднѣе объ этихъ своихъ «заручкахъ».

«Пожилъ я на Сѣв. Сахалинѣ (уже) два мѣсяца,—пишетъ онъ.—Принятъ я былъ мѣстной администраціей чрезвычайно любезно, хотя *Галкинъ не писалъ обо мнѣ ни слова. Ни Галкинъ, ни баронесса Выхухоль, ни дру-*

гіе геніи, къ которымъ я имѣлъ глупость обращаться за помощью, никакой помощи мнѣ не оказали: пришлось дѣйствовать на собственный страхъ». По счастью, сибирская администрація оказалась болѣе отзывчивой и чуткой, чѣмъ столичная,—по крайней мѣрѣ, Чеховъ не сохранилъ на нее жалобъ, а существуютъ и доказательства оказаннаго ему содѣйствія.

«Не помню, какого числа, но было это въ концѣ іюля 1890 г.,—разсказываетъ нѣкто Барановичъ (въ «Восточн. Обозрѣніи»),—я былъ вызванъ генераломъ Кононовичемъ съ Тихменевскаго поста у залива Терпѣнія, чтобы встрѣтить Чехова въ с. Рыковскомъ и оттуда отправиться съ нимъ на югъ по намѣченной въ то время телеграфной просѣкѣ. Встрѣтившись у нач. Тымовскаго округа Рыкова, я, по просьбѣ А. П., подробно описалъ условія передвиженія по этому пути, и условія эти показались ему до того тяжелыми, что онъ измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ перебраться на Ю. Сахалинъ моремъ на суднѣ. Затѣмъ—уже въ концѣ августа—я увидѣлъ его на Ю. Сахалинѣ въ селеніи «Кресты», переименованномъ въ «Галкино-Врасское». Съ этого пункта я послѣдовалъ съ нимъ на сѣверъ, гдѣ онъ посѣтилъ устье рѣки Найбы и расположенные вблизи этой рѣки аинскіе поселки. Аинцами онъ мало интересовался, все свое время посвящая изученію быта ссыльныхъ».

«Сахалинскій генералъ—Кононовичъ,—разсказываетъ самъ Чеховъ,—интеллигентный и порядочный человѣкъ. Мы скоро спѣлись, и все обошлось благополучно. Я привезу съ собою кое-какія бумаги, изъ которыхъ вы увидите, что условія, въ которыя я былъ поставленъ съ самаго начала, были благопріятнѣйшими. *Я видѣлъ все;* стало-быть, вопросъ теперь не въ томъ, *что* я видѣлъ, а *какъ* видѣлъ».

II

Планъ путешествія слагался въ такомъ видѣ: Нижній, Пермь, Тюмень, Томскъ, Иркутскъ, Срѣтенскъ, внизъ по Амуру до Николаевска, два мѣсяца на Сахалинѣ, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилла, Сингапуръ, Мадрасъ, Коломбо (на Цейлонѣ), Аденъ, Портъ-Саидъ, Константинополь, Одесса, Москва. (Письмо Щеглову).

Какъ ни были неблагопріятны внѣшнія условія чеховскаго путешествія, Чеховъ не измѣнилъ своей привычки къ перепискѣ. Первымъ сколько-нибудь сноснымъ угломъ на станціи, въ проѣзжей избѣ-гостиницѣ или на пароходѣ, онъ пользуется для того, чтобы разсказать о себѣ не только семейнымъ, но даже Плещееву, Лейкину и Щеглову, и только благодаря этому въ полномъ освѣщеніи встаетъ передъ нами все его путешествіе съ приключеніями, тяготами, опасностями и радостями новыхъ впечатлѣній.

Лейкину онъ описывалъ свои многотысячныя путешествія на лошадяхъ отъ Тюмени до Иркутска, борьбу съ ужаснымъ холодомъ и разливами рѣкъ, (на Вознесенье стоялъ морозъ и шелъ снѣгъ, такъ что полушубокъ и валенки пришлось снять только въ Томскѣ въ гостиницѣ), съ невылазною грязью. Разсказывалъ, какъ «приходилось починять свою повозку, шагать пѣшкомъ, ругаться, вылѣзать изъ повозки, опять влѣзать и т. д., тратить на починку повозки 10—15 часовъ, изнемогать отъ страшной жары и пыли, голода, безсонницы, вѣчнаго страха, что у повозки сломается что-нибудь, и скуки»... «Тѣмъ не менѣе, заключалъ Чеховъ,—все-таки я доволенъ и благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силу и возможность пуститься въ это путешествіе... Многое

я видѣлъ и многое пережилъ, и все чрезвычайно интересно и ново для меня, не какъ для литератора, а просто какъ для человѣка. Енисей, тайга, станціи, ямщики, дикая природа, дичь, физическія мучительства, причиняемыя дорожными неудобствами, наслажденія, получаемыя отъ отдыха—все, вмѣстѣ взятое, такъ хорошо, что и описать не могу. Ужъ одно то, что я больше мѣсяца день и ночь былъ на чистомъ воздухѣ—любопытно и здорово; цѣлый мѣсяцъ ежедневно я видѣлъ восходъ солнца отъ начала и до конца».

Полное юмора письмо къ Плещееву позволяетъ видѣть странствующаго Чехова въ походной обстановкѣ. Поборовъ самыя трудныя 3.000 верстъ, онъ сидитъ въ приличномъ номерѣ и можетъ писать. «Одѣлся я нарочно во все новое и возможно щеголеватѣе, ибо вы не можете себѣ представить, до какой степени мнѣ надоѣли грязные большіе сапоги, полушубокъ, пахнущій дегтемъ, или пальто въ сѣнѣ, пыль и крошки въ карманахъ. Въ дорогѣ одѣтъ я былъ такимъ с. с., что даже бродяги на меня косо посматривали; а тутъ еще рожа моя потрескалась и покрылась рыбьей чешуей. Теперь, наконецъ, я опять европеецъ, что̀ и чувствую всѣмъ моимъ существомъ». Это письмо характерно по попыткѣ самого Чехова дать обобщенія своего путешествія и своихъ впечатлѣній. «Все сибирское, мною пережитое, я дѣлю на три эпохи: 1) отъ Тюмени до Томска 1.500 верстъ,—страшенный холодище днемъ и ночью, полушубокъ, валенки, холодные дожди, вѣтры и отчаянная, не на жизнь, а на смерть, война съ разливами рѣкъ; рѣки заливали луга и дороги, а я то и дѣло мѣнялъ экипажъ на ладью и плавалъ, какъ венеціанецъ на гондолѣ. Лодки, ихъ ожиданіе у берега, плаваніе и проч.—все это отнимало такъ много времени, что въ послѣдніе два дня до Томска я при всѣхъ

моихъ усиліяхъ сумѣлъ сдѣлать только 70 верстъ вмѣсто 400—500: бывали къ тому же весьма жуткія, непріятныя минуты, особенно въ ту пору, когда вдругъ поднимался вѣтеръ и начиналъ бить по лодкѣ; 2) отъ Томска до Красноярска 500 верстъ, невылазная грязь; моя повозка и я грузли въ грязи, какъ мухи въ густомъ вареньѣ; сколько разъ я ломалъ повозку (она у меня собственная), сколько верстъ прошелъ пѣшкомъ, сколько кляксъ было на моей физіономіи и на платьѣ! Я не ѣхалъ, а полоскался въ грязи. Зато и ругался же я. Мозгъ мой не мыслилъ, а только ругался. Замучился я до изнеможенія и былъ очень радъ, попавъ на красноярскую почтовую станцію; 3) отъ Красноярска до Иркутска 1.500 верстъ,—жара, дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ и пыль; поглядишь на себя въ зеркало и кажется, что загримировался. Когда по пріѣздѣ въ Иркутскъ я мылся въ банѣ, то съ головы моей текла мыльная пѣна не бѣлаго, а пепельно-гнѣдого цвѣта, точно я лошадь мылъ».

Въ чемъ съ большою пріятностью разубѣдился Чеховъ, это въ запугиваньяхъ сибирскимъ «лихимъ» человѣкомъ. «Дорога вполнѣ безопасна. Грабежи, нападенія, злодѣи — все это вздоръ и сказки. Револьверъ совершенно не нуженъ, и ночью въ лѣсу такъ же безопасно, какъ днемъ на Невскомъ. Для пѣшаго— другое дѣло».

Изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ лучшимъ ему показался Иркутскъ. Томскъ онъ оцѣнилъ въ «мѣдный грошъ», а всѣ уѣздные призналъ не лучше знакомой ему съ дѣтства слободы Крѣпкой. Амуръ и Байкалъ приковали вниманіе его своеобразной красотой. «Берега Амура красивы, но слишкомъ дики; мнѣ же безлюдье надоѣло. Нахожусь подъ впечатлѣніемъ Забайкалья, которое я проѣхалъ: превосходный край. Вообще

отъ Байкала начинается сибирская поэзія, до Байкала же была проза». (Плещееву, отъ 20 іюня). «Байкалъ удивителенъ, и не даромъ сибиряки величаютъ его не озеромъ, а моремъ. Вода прозрачна необыкновенно, такъ что видно сквозь нее, какъ сквозь воздухъ... Прожилъ я на берегу Байкала двое сутокъ. Когда плылъ, было тихо и жарко. Забайкалье великолѣпно. Это смѣсь Швейцаріи, Дона и Финляндіи». (Лейкину).

11-го іюля 1890 г. на имя матери Чехова пришла телеграмма:

— Пріѣхалъ, здоровъ, телеграфируйте Сахалинъ.

Какъ здѣсь жилъ Чеховъ, какъ работалъ, какъ порой кошмарно воспринималъ жуткія впечатлѣнія острова отверженныхъ, объ этомъ мы прочтемъ въ письмѣ къ Суворину. «Не знаю, что у меня выйдетъ, но сдѣлано мною не мало. Хватило бы на три диссертаціи. Я вставалъ каждый день въ 5 часовъ утра, ложился поздно, и всѣ дни былъ въ сильномъ напряженіи отъ мысли, что мною многое еще не сдѣлано, а теперь, когда уже я покончилъ съ каторгою, у меня такое чувство, какъ будто я видѣлъ все, но слона-то и не примѣтилъ. Я имѣлъ терпѣніе сдѣлать перепись всего сахалинскаго населенія. Я объѣздилъ всѣ поселенія, заходилъ во всѣ избы и говорилъ съ каждымъ; употреблялъ я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти человѣкъ каторжныхъ и поселенцевъ. Другими словами, на Сахалинѣ нѣтъ ни одного каторжнаго или поселенца, который не разговаривалъ бы со мной. Особенно удалась мнѣ перепись дѣтей, на которую я возлагаю не мало надеждъ. Былъ у всѣхъ знаменитостей. Присутствовалъ при наказаніи плетьми, послѣ чего ночи 3—4 мнѣ снились палачъ и отвратительная кобыла, бесѣдовалъ съ прикованными къ тачкамъ. Когда

однажды въ рудникѣ я пилъ чай, бывшій петербургскій купецъ Бородавкинъ, присланный сюда за поджогъ, вынулъ изъ кармана чайную ложку и подалъ ее мнѣ».

III

Что же дала Чехову поѣздка на островъ отверженныхъ—физически, умственно и морально? Физическія условія путешествія были иногда невыносимы. Только молодой организмъ и молодая энергія могли преодолѣвать ихъ до поры до времени. Въ этихъ условіяхъ безспорно надо искать объясненіе тѣхъ завоеваній недуга, какія сказались въ первые же дни «отдыха». «Въ первые три дня вояжа у меня отъ тряски и толчковъ разболѣлись ключицы, плечи, позвонки, кобчикъ,—пишетъ Чеховъ домой съ дороги.—Ни сидѣть, ни ходить, ни лежать. Но зато прошли всѣ грудныя и головныя боли, разыгрался донельзя аппетитъ, а геморрой—точно воды въ ротъ набралъ—молчокъ. Отъ напряженія, отъ частой возни съ чемоданами и проч., а быть-можетъ, и отъ прощальныхъ попоекъ въ Москвѣ у меня по утрамъ бывало кровохарканье, которое наводило на меня нѣчто въ родѣ унынія, возбуждая мрачныя мысли, и которое къ концу пути прекратилось; теперь даже кашля нѣтъ; давно я такъ мало кашлялъ, какъ теперь, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія на чистомъ воздухѣ».

Климатическія рѣзкости временами были несносны. «Жарища страшенная, а ночью холодъ, такъ что нужно было мнѣ сверхъ суконнаго пальто надѣвать кожанос; одну ночь ѣхалъ даже въ полушубкѣ».

Непривычное дѣйствіе холода создавало временами безпокойство, не отморожены ли ноги, и специфическое болевое ощущеніе, которое со свойственной ему мѣт-

костью Чеховъ опредѣлялъ, какъ «острую зубную боль въ пяткахъ».

Привычный строй жизни былъ совершенно сбитъ и спутанъ, питаніе нарушено. Приходилось ѣсть не то, что хотѣлось, а то и тамъ, гдѣ можно было достать. «Въ Тюмени я купилъ себѣ на дорогу колбасы, но что за колбаса! Когда берешь кусокъ въ ротъ, то во рту такой запахъ, какъ будто вошелъ въ конюшню въ тотъ самый моментъ, когда кучера снимаютъ портянки; когда же начинаешь жевать, то такое чувство, какъ будто вцѣпился зубами въ собачій хвостъ, опачканный въ деготь. Тьфу! Поѣлъ раза два и бросилъ». Трагикомическія разочарованія ждутъ Чехова мѣстами, какъ гастронома. Въ одномъ пунктѣ онъ съ нетерпѣніемъ поджидаетъ прихода парохода, на которомъ, быть-можетъ, удастся достать провизіи. «Въ полночь пришелъ пароходишко. Намъ сказали, что завтра можно будетъ получить обѣдъ, но теперь ночь, кухня не топится и проч. Мы поблагодарили за «завтра»—все-таки надежда!—но увы!—вошелъ капитанъ и сказалъ, что въ 4 часа утра пароходишко уходитъ въ Култукъ. Благодаримъ! Въ буфетѣ, гдѣ повернуться нельзя—такъ онъ малъ,—выпили мы бутылку кислаго пива и видѣли на тарелкѣ янтарный бисеръ—это омулевая икра. Вернулись домой и спать». Иногда подолгу Чехову приходилось «набивать себѣ брюхо хлѣбомъ» и мечтать даже о гречневой кашѣ.

Тысячи мелкихъ препятствій и разочарованій пришлось пережить на пути. Малѣйшая случайность ломала всѣ планы, портила настроеніе. Не забудемъ, что путешествіе падаетъ на время, когда еще не существовало сибирскаго пути. Путешественникъ часто оказывался во всецѣлой зависимости отъ каприза ямщиковъ или перевозчиковъ.

«Изба; тутъ живутъ перевозчики. Выходитъ одинъ и заявляетъ, что паромъ пускать нельзя, такъ какъ поднялась непогода. Рѣка, молъ, широкая, а вѣтеръ сильный. И что же? Пришлось ночевать въ избѣ. Помню ночь, храпъ перевозчиковъ и моего ямщика, шумъ вѣтра, стукъ дождя, ворчанье Иртыша. Утромъ не захотѣли везти на паромѣ,—вѣтеръ. Пришлось плыть на лодкѣ. Плыву черезъ рѣку, а дождь хлещетъ, вѣтеръ дуетъ, багажъ мокнетъ, валенки, которые сушились въ печкѣ, опять обращаются въ студень. О, милое кожаное пальто! Если я не простудился, то обязанъ только ему одному».

Время гибло безнадежно и безрезультатно, движеніе впередъ шло черепашьимъ шагомъ. «Коннолошадное странствіе мое кончилось,—писалъ Чеховъ сестрѣ.—Продолжалось оно два мѣсяца (выѣхалъ я 21 апрѣля). Если исключить время, потраченное на жел. дорогу и пароходы, три дня, проведенные въ Екатеринбургѣ, недѣлю въ Томскѣ, день въ Красноярскѣ, недѣлю въ Иркутскѣ, два дня у Байкала и дни, потраченные на ожиданіе лодокъ во время разлива, то можно судить о быстротѣ моей ѣзды».

Были моменты и самаго жестокаго риска, когда А. П. одинъ, на далекой чужбинѣ, былъ предоставленъ всецѣло власти безсмысленнаго россійскаго рока.

«Въ ночь подъ 6-е мая на разсвѣтѣ везъ меня одинъ очень милый старикъ на парѣ, читаемъ въ его разсказѣ домашнимъ.—Я дремалъ и отъ нечего дѣлать поглядывалъ, какъ въ полѣ и въ березнякѣ искрились змѣеобразные огни: это горѣла прошлогодняя трава, которую здѣсь жгутъ. Вдругъ слышу дробный стукъ колесъ. Навстрѣчу во весь духъ, какъ птица, несется почтовая тройка. Мой старикъ спѣшитъ свернуть вправо, тройка пролетаетъ мимо, и я усматриваю въ потемкахъ громадную, тяжелую почтовую телѣгу, въ которой сидитъ обратный ямщикъ. За этой тройкой несется вторая тройка тоже во весь духъ. Мы спѣшимъ

свернуть вправо. Къ великому моему недоумѣнію и страху, тройка сворачиваетъ не вправо, а влѣво... Едва я успѣлъ подумать, „Боже мой, сталкиваемся!“— какъ раздался отчаянный трескъ лошади мѣшаются въ одну темную массу, дуги падаютъ, мой тарантасъ становится на дыбы, и я лечу на землю, а на меня мои чемоданы. Но это не все... Летитъ третья тройка... По настоящему, эта должна была искрошить меня и мои чемоданы, но. слава Богу, я не спалъ, ничего ни сломалъ себѣ отъ паденія и сумѣлъ вскочить такъ быстро, что могъ отбѣжать въ сторону. „Стой!“ заоралъ я третьей тройкѣ. „Стой!“ Тройка налетѣла на вторую и остановилась... Конечно, если бы я умѣлъ спать въ тарантасѣ, или если бы третья тройка неслась тотчасъ же за второй, то я вернулся бы домой инвалидомъ или всадникомъ безъ головы. Результаты крушенія: сломанныя оглобли, изорванныя сбруи, дуги и багажъ на землѣ, оторопѣвшія, замученныя лошади и страхъ отъ мысли, что сейчасъ была пережита опасность“.

«Должно-быть, наканунѣ за меня молилась мать,—заканчиваетъ этотъ разсказъ Чеховъ въ другомъ письмѣ (къ сестрѣ). — Еслибы я спалъ или еслибы третья тройка ѣхала тотчасъ же за второй, то я былъ бы изломанъ насмерть или изувѣченъ. Оказалось, что передній ямщикъ погналъ лошадей, а ямщики на второй и на третьей спали и насъ не видѣли. Послѣ крушенія глупѣйшее недоумѣніе съ обѣихъ сторонъ, потомъ жестокая ругань. Сбруи разорваны, оглобли сломаны, дуги валяются на дорогѣ. Ахъ, какъ ругаются ямщики! Ночью, въ этой ругающейся, буйной ордѣ я чувствую такое круглое одиночество, какого раньше никогда не зналъ!»...

И кромѣ этого случая не одинъ разъ, повидимому, самая жизнь писателя становилась на карту. Въ натурѣ Чехова вовсе не было склонности къ преувеличеніямъ, наоборотъ, онъ смягчалъ впечатлѣнія, чтобы не пугать родныхъ, но и имъ онъ разсказывалъ жуткія вещи.

«Какъ бываетъ передъ грозой или во время грозы, вдругъ по водѣ пронесся сильный вѣтеръ, поднявшій валы. Гребецъ, сидѣвшій у руля, посовѣтовалъ пережидать непогоду въ кустахъ тальника; на это ему отвѣтили, что если непогода станетъ сильнѣе, то въ тальникѣ просидишь до ночи и все равно утонешь. Стали рѣшать *большинствомъ голосовъ* и рѣшили плыть дальше. *Нехорошее, насмѣшливое мое счастье!* Ну, къ чему эти шутки? Плыли мы молча, сосредоточенно. Помню фигуру почтальона, видавшаго виды. Помню солдатика, который вдругъ сталъ багровъ, какъ вишневый сокъ... Я думалъ: если лодка опрокинется, то сброшу полушубокъ и кожаное пальто... потомъ валенки... потомъ и т. д. Но вотъ берегъ все ближе, ближе. На душѣ все легче, легче, сердце сжимается отъ радости, глубоко вздыхаешь почему-то, точно отдохнулъ вдругъ, и прыгаешь на мокрый скользкій берегъ. Слава Богу!»

Привыкшій къ всегдашнему родственному общенію и невидимымъ, но ясно ощущаемымъ заботамъ матери и сестры, Чеховъ неизбѣжно переживалъ временами въ разной мѣрѣ приступы тоски одиночества. «Я соскучился, и Сахалинъ мнѣ надоѣлъ. Вѣдь вотъ ужъ три мѣсяца, какъ я не вижу никого кромѣ каторжныхъ или тѣхъ, которые умѣютъ говорить только о каторгѣ, плетяхъ и каторжныхъ. Унылая жизнь! Хочется поскорѣе въ Японію, а оттуда въ Индію».

Чехову обманчиво казалось, что новыя мѣста и ихъ экзотическая красота разгонятъ эту тоску. Но, какъ это часто бываетъ съ тоскующими по родинѣ, именно волшебная красота новыхъ мѣстностей растравила грусть почти до слезъ. Сингапуръ Чеховъ даже плохо запомнилъ, когда онъ объѣзжалъ его, ему было такъ грустно, что онъ чуть не плакалъ. (Суворину, 1890).

Случайныя встрѣчи и посланные судьбой спутники, конечно, ни въ какой мѣрѣ не могли заполнить этой бреши въ его сердцѣ. Къ двумъ поручикамъ и военному доктору, съ которыми онъ ѣхалъ поначалу, у него нашлось отношеніе только ироническаго наблюдателя. Чехову казались забавны ихъ распеканія направо и налѣво, перепугъ передъ ними лакеевъ и ресторатoровъ, но безпредметная болтовня и хвастовство ихъ скоро надоѣли и раздражали его. «Мои спутники мнѣ надоѣли. Одному ѣхать гораздо лучше. Въ дорогѣ я больше всего люблю молчаніе, а мои спутники говорятъ и поютъ безъ умолку, и говорятъ только о женщинахъ. Взяли у меня до завтра 136 рублей и ужъ потратили. Бездонныя бочки». (Сестрѣ).

Когда тяготы путешествія стали прошлымъ, Чеховъ вспоминалъ о нихъ добродушно и весело, но переживать все это было настолько нелегко, что иногда подъ впечатлѣніемъ случайной непріятности все путешествіе, повидимому, теряло свою привлекательность. «Скажу, что ѣхать было тяжко,—пишетъ онъ Щеглову,—временами несносно и даже мучительно; разливы рѣкъ, холодъ, питаніе исключительно чаемъ, грязная одежда, тяжелые сапоги, невылазная грязь—все это имѣло для меня подавляющее значеніе и отодвигало природу и сибирскаго человѣка на второй и третій планы. Да и здѣшніе природа и человѣкъ мало чѣмъ отличаются отъ россійскихъ».

Не мудрено, что подъ первою радостью встрѣчи со своими, подъ впечатлѣніями вновь обрѣтеннаго покоя въ своемъ домѣ, въ своей постели, недавнее странствіе повернулось къ Чехову одною своей радужной стороной. «Скажу,—признавался онъ Щеглову,—что я доволенъ по самое горло, сытъ и очарованъ до такой степени, что ничего больше не хочу и не обидѣлся бы, еслибы

трахнулъ меня параличъ или унесла на тотъ свѣтъ дизентерія. Могу сказать: *пожилъ! Будетъ съ меня.* Я былъ и въ аду, какимъ представляется Сахалинъ, и въ раю, т.-е. на островѣ Цейлонѣ. Какія бабочки, букашки, какія мушки, таракашки!»

Дало ли пушествіе Чехову въ конечномъ итогѣ то, чего онъ искалъ, какъ писатель, какъ человѣкъ, ждавшій двухъ-трехъ дней, о которыхъ всю жизнь можно вспоминать съ восторгомъ или горечью. Помимо описательной книги,—Сахалинъ лишь на минуту возникаетъ у него въ художественной трактовкѣ,—единственный разъ въ заключительной главѣ «Убійства» (СС, X, 185). Что до «ощущеній», то безъ всякаго сомнѣнія были «такія ощущенія», которыя въ Москвѣ и за милліонъ не испытаешь» (брату А. П.). Вялыя настроенія обыденщины онъ стряхнулъ настолько рѣшительно, что потомъ вся московская жизнь съ гостями-литераторами, театрами и работой у своего стола представилась ему прѣсной невыносимо. «Послѣ сахалинскихъ трудовъ и тропиковъ моя московская жизнь кажется мнѣ теперь до такой степени мѣщанскою и скучною, что я готовъ кусаться», писалъ онъ Суворину. Горизонтъ его безконечно расширился, психическій діапазонъ увеличился догадками о темной и преступной душѣ, страдающей на Сахалинѣ. Жизнь показала ему свои новыя стороны во всей пестротѣ и разнообразіи. Только теперь онъ увидѣлъ, какъ были незначительны «событія» прежней его жизни и ничтожны «злобы» былого дня. «Какой кислятиной я былъ бы теперь, еслибы сидѣлъ дома! До поѣздки «Крейцерова соната» была для меня событіемъ, а теперь она мнѣ смѣшна и кажется безтолковой. Не то я возмужалъ отъ поѣздки, не то съ ума сошелъ—чортъ меня знаетъ.» (Суворину, дек. 1890).

Самыя бѣды и опасности пути дали ему сильныя и незнакомыя впечатлѣнія, одиночество углубило душу, и жалобы его на надоѣдливость гостей въ первыхъ послѣ-сахалинскихъ письмахъ особенно часты. Были, наконецъ, и сильныя наслажденія суровой красотой сѣвера и сладкимъ чарами бѣгло воспринятаго востока. «Горы и Енисей—это первое оригинальное и новое, встрѣченное мною въ Сибири. И горы, и Енисей подарили меня такими ощущеніями, которыя сторицею вознаградили меня за всѣ пережитыя кувырколлегіи и которыя заставили меня обругать Левитана болваномъ за то, что онъ имѣлъ глупость не поѣхать со мной» (Сестрѣ, 1890). «Проплылъ я по Амуру больше тысячи верстъ и видѣлъ милліоны пейзажей, а вѣдь до Амура были Байкалъ, Забайкалье. Право, столько видѣлъ богатства и столько получилъ наслажденій, что и помереть теперь не страшно.» (Суворину). Въ Индіи онъ видѣлъ дикихъ слоновъ и очковыхъ змѣй, видѣлъ знаменитыхъ индусовъ - фокусниковъ, которые дѣлаютъ буквально чудеса», (М. Г. Чехову, 1891). Усиленіе легочнаго процесса было, конечно, зломъ непоправимымъ, но это сказалось позднѣе,—при первыхъ итогахъ Чеховъ могъ считать свое странствованіе благополучнымъ. «Проѣхалъ я благополучно, какъ дай Богъ всякому. Я ни разу не былъ боленъ, и изъ массы вещей, которыя при мнѣ, потерялъ только перочинный ножъ, ремень отъ чемодана и баночку съ карболовой мазью. Деньги цѣлы. Проѣхать такъ тысячи верстъ рѣдко кому удается».

Путешествіе Чеховъ находилъ для себя полезнымъ даже въ физическомъ отношеніи, какъ это видно изъ его письма къ Плещееву. Это было далеко не такъ, и свою ошибку скоро понялъ и онъ самъ. По крайней мѣрѣ, и семья его, и пріятели (Грузинскій) отмѣчаютъ, что уже вскорѣ послѣ возвращенія съ Сахалина Чеховъ

свое недомоганье приписывалъ простудѣ, схваченной имъ, когда подъ дождемъ онъ нѣсколько часовъ ждалъ парохода, и его сильно продуло холоднымъ вѣтромъ.

Молодость тѣла и энергія духа, напряженная до крайняго предѣла, дали возможность Чехову совершить его почти непосильную задачу. Онъ просто былъ доволенъ собою, какъ юноша, почувствовавшій себя мужемъ. «Такое у меня настроеніе, какъ будто я экзаменъ выдержалъ» (Лейкину). Но когда натянутые нервы пришли въ состояніе покоя, когда напряженію пришелъ конецъ, чрезмѣрное усиліе сказалось жестокой реакціей. Только что вступившій въ 31-й годъ жизни, онъ почувствовалъ себя безконечно усталымъ, съ непреодолимою потребностью отдыха безъ отлагательства. «Когда я буду отдыхать?—писалъ онъ брату Ивану.—Утомленіе такое, что просто бѣда. Мнѣ бы теперь не писать и не ѣздить и не объ умномъ говорить, а мѣсяца бы четыре сидѣть на одномъ мѣстѣ и удить рыбу. (1891, янв.). Въ итогѣ я разстроилъ себѣ нервы и далъ слово больше на Сахалинъ не ѣздить».

И, повидимому, это не было минутнымъ настроеніемъ, обусловленнымъ случайностью. Мотивъ утомленія и потребности отдыха, потребности личной жизни становится отселѣ для него типичнымъ. «По возвращеніи въ Россію я пять лѣтъ буду отдыхать, т.-е. сидѣть на одномъ мѣстѣ и переливать изъ пустого въ порожнее». (Сестрѣ). У него точно есть какое-то опредѣленное въ этомъ смыслѣ рѣшеніе. «Думаю до 35 лѣтъ не приниматься ни за что серьезное, хочется попробовать личной жизни, которая у меня была, но которой я не замѣчалъ по разнымъ обстоятельствамъ (ib)».

Таково было нравственное его утомленіе, но не лучше обстояло и съ здоровьемъ. Именно съ конца 1890 г. начинается уже непрекращающаяся жалоба его на недомо-

ганіе. «Странная исторія,—жалуется онъ Суворину.— Пока ѣхалъ на Сахалинъ и обратно, чувствовалъ себя здоровымъ вполнѣ, теперь же дома происходитъ во мнѣ чортъ знаетъ что. Голова побаливаетъ, лѣнь во всемъ тѣлѣ, скорая утомляемость, равнодушіе, а главное— перебои сердца. Каждую минуту сердце останавливается на нѣсколько секундъ и не стучитъ». (дек. 1890). Письма этой поры положительно пестрятъ жалобами на всяческую хворь, на ослабленіе интереса къ жизни, на приближеніе ранней старости. «Отъѣздъ мой въ Петербургъ,—пишетъ онъ Лейкину,—отложенъ на неопредѣленное время. Причина тому—скандалъ, происходящій въ моемъ нутрѣ. Со дня моего пріѣзда домой у меня началась такъ называемая перемежающаяся дѣятельность сердца, или, какъ я привыкъ называть сію болѣзнь, перебои сердца: каждую минуту сердце останавливается на нѣсколько секундъ, при чемъ ощущается въ груди присутствіе резиноваго мячика; это бываетъ каждый вечеръ, по утрамъ легче. Стоять и лежать могу, сидѣть непріятно». (1890, дек.). Суворину онъ жалуется: «я продолжаю тупѣть, дурѣть, равнодушѣть, чахнуть и кашлять, и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется къ прежнему своему состоянію. Впрочемъ, все отъ Бога. Лѣченіе и заботы о своемъ физическомъ существованіи внушаютъ мнѣ что-то близкое къ отвращенію. Лѣчиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю». (1891). Или еще: «у меня сегодня опять прескверно болитъ голова. Не знаю, что дѣлать. Нѣтъ, ужъ, *должно быть къ старости пошло*, а если не къ старости, то *къ чему-нибудь похуже*». Это—первое зловѣщее заявленіе врача, дающаго себѣ отчетъ въ томъ, что онъ видитъ.

А между тѣмъ, уже надо было работать—и надъ тѣмъ же «Сахалиномъ», и надъ эпизодическими рабо-

тами—«для хлѣба». Посылая въ «Нов. Вр.» новый разсказъ, онъ пояснялъ: «Оторвали меня отъ сахалинской работы не муза мести и печали, и не жажда звуковъ сладкихъ, а жажда поскорѣе содрать съ кого-нибудь хоть пять цѣлковыхъ, ибо я сижу буквально безъ гроша». И работалъ онъ надъ «Сахалиномъ» и надъ «Дуэлью» безъ радости, безъ захвата, черезъ силу. «Я утомился и конецъ («Дуэли») тащилъ точно обозъ въ осеннюю грязную ночь: шагомъ съ остановками». (Суворину).

Самыя условія крайне не благопріятствовали труду. «Я работаю, но съ превеликимъ трудомъ. Только что напишу одну строчку, какъ раздается звонокъ и входитъ кто-нибудь, чтобы «поговорить о Сахалинѣ». Просто бѣда!» (Суворину, 1891, янв.). Упрямѣе, чѣмъ когда-либо, вѣчная назойливая боль художественнаго неудовлетворенія посѣщала писателя. «Боже мой, если мои произведенія нравятся публикѣ такъ же мало, какъ мнѣ—чужія, которыя я читаю теперь, то какой я оселъ! Въ нашемъ писательствѣ есть что-то ослиное». (Суворину).

Чеховъ посылалъ Суворину «Дуэль», оставляя за нимъ полное право забраковать вещь. И когда Суворинъ засвидѣтельствовалъ, что новая повѣсть — ничуть не хуже прежнихъ, онъ прямо принялъ это, какъ утѣшеніе. «Вамъ разсказъ нравится,—ну, слава Богу! Въ послѣднее время я сталъ чертовски мнителенъ. Мнѣ все кажется, что на мнѣ штаны скверные, и что я пишу не такъ, какъ надо, и что даю больнымъ не тѣ порошки. Это психозъ, должно-быть».

IV

Въ началѣ сентября Чеховъ вернулся въ Корсаковскій постъ, а 13-го октября пароходъ увезъ его съ Сахалина. Изъ путешествія онъ привезъ около 10 тысячъ статистическихъ карточекъ и множество всякихъ матеріаловъ. «Я хотѣлъ бы быть женатъ теперь на какой-нибудь толковой дѣвицѣ, чтобы она помогала мнѣ разбираться въ этомъ хламѣ, на сестру же взваливать сію работу совѣстно, ибо у нея и такъ работы много». (Суворину, 1890).

Чехову нужно было отойти отъ непосредственныхъ впечатлѣній, чтобы понять жуть всего того, что онъ увидѣлъ и къ чему привыкъ. «Пробылъ я на Сахалинѣ,—читаемъ въ письмѣ Суворину,—не два мѣсяца, какъ напечатано у васъ, а *три плюсъ два дня.* Работа у меня была напряженная, я сдѣлалъ полную и подробную перепись всего сахалинскаго населенія и *видѣлъ все, кромѣ смертной казни.* Когда мы увидимся, я покажу вамъ цѣлый сундукъ всякой каторжной всячины, которая, какъ сырой матеріалъ, стоитъ чрезвычайно дорого. Знаю я теперь очень многое, *чувство же привезъ я съ собою нехорошее.* Пока я жилъ на Сахалинѣ, моя утроба испытывала только нѣкоторую горечь, какъ отъ прогорьклаго масла, теперь же, по воспоминаніямъ, Сахалинъ представляется мнѣ цѣлымъ адомъ. Два мѣсяца я работалъ напряженно, не щадя живота, въ третьемъ же мѣсяцѣ сталъ изнемогать отъ поминутной горечи, скуки и отъ мысли, что изъ Владивостока на Сахалинъ идетъ холера, и что я такимъ образомъ рискую прозимовать на каторгѣ. Но, слава небесамъ, холера прекратилась» (9 дек. 1890).

Работа надъ непривычнымъ полунаучнымъ трудомъ стоила Чехову огромныхъ усилій. Повидимому, формы, въ какія онъ выливался, иногда были неожиданны для него самого. Онъ вставалъ въ пять часовъ утра, строилъ и ломалъ, писалъ и рвалъ. Иногда ему казалось, что получается изслѣдованіе, неподходящее даже для журнала и просящееся подъ отдѣльное изданіе. «По всей вѣроятности,—писалъ онъ Л. Гуревичъ,—я прямо начну печатать книгу, а затѣмъ въ Лету. Надоѣло мнѣ возиться съ этой каторгой».

При всегдашней самокритикѣ онъ, повидимому, долго не могъ поймать тона спокойнаго и объективнаго, чуждаго всякой сентиментальности или плаксивости. «То, что вы когда-то читали у меня, забудьте, — просилъ онъ Суворина,—предлагая ему прочесть изслѣдованіе, уже поступившее въ наборъ,—ибо то фальшиво. Я долго писалъ и долго чувствовалъ, что иду не по той дорогѣ, пока, наконецъ, не уловилъ фальши. Фальшь была именно въ томъ, что я какъ будто кого-то хочу своимъ Сахалиномъ научить и вмѣстѣ съ тѣмъ что то скрываю и сдерживаю себя. Но какъ только я сталъ изображать, какимъ чудакомъ я чувствовалъ себя на Сахалинѣ и какія тамъ свиньи, то мнѣ стало легко, и работа моя закипѣла, хотя и вышла немножко юмористической». (Суворину, 1893). Самая острота сюжета по тогдашнимъ временамъ требовала великой цензурной осторожности. Чеховъ писалъ и оглядывался. И все-таки дѣло не обошлось безъ треній. По жалобѣ Галкина-Врасскаго, начальника главнаго тюремнаго управленія,—вотъ въ чемъ въ концѣ-концовъ выразилось «просвѣщенное содѣйствіе» казенныхъ людей писателю! — ноябрьская книжка «Р. Мысли» была задержана на три дня (IV, 264). На послѣднія главы, набранныя для «Р. Мысли», наложили запретъ. (II, IV, 322). Все изслѣдованіе отъ

начала до конца въ листахъ высылалось въ Главное Тюремное Управленіе,—когда Чеховъ только ѣхалъ въ путешествіе, это было поставлено ему условіемъ (П. IV, 257).

Временами Чеховъ прямо изнывалъ отъ той суши, какую считалъ обязательною. Въ эти дни онъ въ особенности могъ почувствовать ту ненависть къ «ученымъ вобламъ», какая съ годами только прогрессировала въ немъ. Подъ гипнозомъ ихъ авторитета онъ мучилъ семейныхъ выписками, ломалъ себя въ путешествіи, подъ ихъ гипнозомъ считалъ необходимымъ давать не чистыя наблюденія художника, а глушить читателя изысканіями о климатѣ (!) Сахалина или «историческимъ очеркомъ каторги» (!),—и тягота усиливалась тѣмъ, что въ самый моментъ своихъ приватъ-доцентскихъ напряженій онъ отлично видѣлъ, что игра не стоитъ свѣчъ.

На упреки Суворина, что онъ совсѣмъ забылъ его газету, онъ писалъ: «войдите въ мое положеніе. Въ моей литературной дѣятельности такой кавардакъ и безпорядокъ, что самъ чортъ ногу сломаетъ. Сталъ было повѣсть писать—заграница помѣшала; продолжать теперь повѣсть некогда—«Сахалинъ» на шеѣ. Сѣлъ бы писать мелочи и пробовалъ уже, но мысль, что къ осени я *долженъ* отдѣлаться отъ Сах., парализуетъ всякую способность. Погодите, скоро свалю со спины каторгу, и весь буду вашъ, отъ головы до пятокъ. Я даю вамъ честное слово, что сахалинская книга будетъ осенью печататься, ибо я ее, честное слово, уже пишу и пишу, а если вы не вѣрите, то я могу прислать вамъ вещественныя доказательства. Благодаря тому, что я встаю съ курами, мнѣ никто не мѣшаетъ работать, и дѣло у меня кипитъ, хотя оно и тягучее кропотливое дѣло, *не стоющее, какъ овчинка, выдѣлки:* изъ-за какой-нибудь одной паршивой строки приходится цѣлый часъ

рыться въ бумагахъ и перечитывать всякую скуку. Писать о климатѣ, или по обрывкамъ составлять историко-критическій очеркъ каторги — какая это скука, Боже мой!»

Зато мысль, что ему удастся создать нѣчто цѣнное и устанавливающее имя, утѣшала писателя. «Сахалинъ подвигается, — писалъ онъ Суворину. — Временами бываетъ, что мнѣ хочется сидѣть надъ нимъ 3-5 лѣтъ и работать надъ нимъ неистово, временами же въ часы мнительности взялъ бы и плюнулъ на него. А хорошо бы, ей Богу, отдать ему годика три. Много я напишу чепухи, ибо я не спеціалистъ, но, право, напишу кое-что и дѣльное. А Сахалинъ тѣмъ хорошъ, что онъ жилъ бы послѣ меня сто лѣтъ, такъ какъ былъ бы литературнымъ источникомъ и пособіемъ для всѣхъ, занимающихся и интересующихся тюрьмовѣдѣніемъ». (1891). И Чеховъ не отказался отъ этого взгляда на свой трудъ даже тогда, когда онъ уже лежалъ передъ нимъ въ почти готовой рукописи. Онъ дѣйствительно вѣрилъ, что написалъ что-то вродѣ диссертаціи на степень, труда на премію, «исполнилъ долгъ, завѣщанный», оправдалъ свое образованіе. Полушутя, но вполнѣ позволяя сквозь шутку почувствовать и свое настоящее довольство «Сахалиномъ», онъ писалъ черезъ два года: «Мой Сахалинъ—*трудъ академическій*, и я получу за него премію митрополита Макарія. Медицина не можетъ теперь упрекать меня въ измѣнѣ: я *отдалъ должную данъ учености* и тому, что старые писатели называли педантствомъ. И я радъ, что въ моемъ беллетристическомъ гардеробѣ будетъ висѣть и сей жестокій арестантскій халатъ. Пусть виситъ! Печатать Сахалинъ въ журналѣ, конечно, не слѣдуетъ,—это не журнальная работа, книжка же, я думаю, пригодится на что-нибудь». (Суворину, 1894).

Такое удовлетвореніе своей работой засвидѣтельствовано въ Чеховѣ и литературными его пріятелями. А. В. Амфитеатровъ, увидѣвшій его по возвращеніи изъ поѣздки, нашелъ его «хотя очень мрачнымъ, но собою какъ будто довольнымъ, въ живомъ сознаніи, что онъ сдѣлалъ важное общественное дѣло, значеніе котораго не можетъ подлежать спору» [1]). «Да, подите, сказалъ онъ однажды В. М. Дорошевичу, — напиши я «Сахалинъ» въ беллетристическомъ родѣ, безъ цифръ, — сказали бы: «и здѣсь побасенками занимается». А цифры — оно почтенно. Цифру всякій дуракъ уважаетъ» [2]).

Повидимому, Чеховъ былъ даже не только теоретически увлеченъ Сахалиномъ. Ему мерещились и какіе-то практическіе ходы. Не даромъ въ письмѣ къ Суворину писалъ онъ о томъ «нехорошемъ чувствѣ», какое привезъ оттуда. Изъ его переписки видно, что онъ былъ у знаменитаго юриста-писателя Кони и говорилъ съ нимъ о Сахалинѣ. Было условлено ѣхать вмѣстѣ къ кн. Нарышкиной «просить ее, чтобы она поговорила съ государыней о сахалинскихъ дѣтяхъ и насчетъ устройства пріюта для дѣтей». (Сестрѣ, янв. 1891 г.). Какъ видно изъ той же переписки, второму заѣзду къ Кони помѣшало только нездоровье Чехова.

Вотъ та внѣшняя и психологическая атмосфера, въ какой создалась книга Чехова «Островъ Сахалинъ» — «изъ путевыхъ замѣтокъ», печатавшаяся въ Русской Мысли» въ 1893 и 1894 гг. [3]). Дополнительная глава «Бѣглые на Сахалинѣ» появилась впервые въ Сборникѣ «Помощь голодающимъ» (изд. Рус. Вѣд., М. 1892 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Чеховъ былъ уже въ

[1]) Амфитеатровъ, «Курганы», стр. 9.

[2]) Восп. Дорошевича, Рус. Сл., 1904, № 183.

[3]) 1893 г., №№ 2, 3, 5, 6, 7, 10, 11 и 12 и 1894 г.—№№ 2, 3 5, 6 и 7-й.

славѣ, А. М. Скабичевскій посвятилъ этому труду статью въ той же «Рус. Мысли» [1]).

Изъ критической литературы о «Сахалинѣ» стоитъ отмѣтить сдѣланное Дивильковскимъ своеобразное истолкованіе роли чеховскаго путешествія въ его писательствѣ.

«Мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—какъ это ни странно на первый взглядъ,—что Сахалинъ игралъ для творчества Чехова роль своего рода Италіи, гдѣ онъ стремился довершить свое пониманіе русской жизни. Пусть такое стремленіе носитъ въ себѣ нѣчто болѣзненное, какъ бы извращенное—это объясняется тѣмъ, что русское общество пробуждало въ нашемъ авторѣ творческія настроенія именно своими болѣзненными, извращенными сторонами, своимъ безобразіемъ. Грусть надъ безобразіемъ жизни (смѣнившая собою ранѣе характерный для Чехова смѣхъ) тоже вѣдь имѣетъ въ себѣ нѣчто высокопоэтическое: не удивительно, что Чехова тянуло туда, гдѣ онъ предчувствовалъ наглядное и яркое воплощеніе русской грусти во всей ея полнотѣ. Вотъ почему «Островъ Сахалинъ» представляется чрезвычайно значительнымъ произведеніемъ для пониманія всего его творчества, хотя по формѣ это—довольно сухой, добросовѣстный прозаическій очеркъ, въ основѣ котораго лежитъ разработка статистическихъ матеріаловъ»

Основную мысль книги Чехова авторъ формулируетъ такъ:

«По внѣшности, гуманные распорядки и жизни сахалинцевъ—едва ли не осуществленіе мечты о фаланстерахъ, родъ государственнаго соціализма, гдѣ каждому воздается по его труду, по его потребности, даже по таланту; по внутреннему же смыслу, сахалинскій бытъ—непозволительная насмѣшка надъ личностью, и грубость ея ничуть не уменьшается тѣмъ, что она не преднамѣренная. Эту-то мысль и хотѣлъ выразить Чеховъ въ своемъ «Сахалинѣ»: мучительства подлиннаго мало на этомъ островѣ слезъ, страстныхъ любителей мучительства—тоже, есть «только нормальный порядокъ», «уставъ объ устройствѣ быта», слѣдовательно, прозаически безшумно текущая обыденность, а между тѣмъ—«горя рѣченька бездонная». Могли бы быть устранены, пожалуй,

---

[1]) «Каторга пятьдесятъ лѣтъ назадъ и теперь». М. 1898 г., № 9 и 10.

и послѣдніе слѣды мучительства, могло бы быть такъ, какъ изображалъ Чехову сахалинскія условія бар. Корфъ, т.-е. «цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ»,—и это все же ничего не убавило бы изъ картины сахалинской *нравственной* каторги. Мученіе лежитъ не въ людяхъ и не въ ихъ доброй или злой волѣ, а въ стремленіи даннаго общественнаго порядка выливаться, помимо воли людей или даже прямо противъ ихъ воли, въ такую, а не иную форму,—форму, откуда заранѣе исключена всякая мысль о возможности свободы дѣйствій для человѣка» [1].

Спокойно-объективная оцѣнка «Сахалина» поставитъ его въ ряды добросовѣстныхъ и умныхъ научныхъ работъ, но такихъ, какихъ много, какія пишутъ далеко не Чеховы. Прекрасный талантъ Чехова, его великолѣпная пытливая наблюдательность, мастерство психологическаго постиженія, конечно, не могли не сказаться и здѣсь. Но онъ, какъ мы видѣли, намѣренно гасилъ въ этой книгѣ себя, какъ художника. Блестки таланта прорываются здѣсь какъ бы противъ его воли. Онъ хотѣлъ остаться только спокойнымъ холоднымъ ученымъ, работающимъ на степень.

Книга страшно проиграла отъ этого. Она не идетъ ни въ какое сравненіе съ такими, напр., классическими описаніями нашей литературы, какъ гончаровское путешествіе вокругъ свѣта. Можно привести только, какъ образецъ фальшивой оцѣнки, отзывъ предвзято-либеральнаго, но лишеннаго истиннаго вкуса критика А. Богдановича, ранѣе очень холоднаго къ Чехову, но на сей разъ подкупленнаго прогрессивнымъ настроеніемъ его труда.

«Островъ Сахалинъ,—писалъ онъ,—безспорно, классическое произведеніе, (!) на ряду съ которымъ можно поставить развѣ «Фрегатъ Палладу» Гончарова, и, какъ таковое, онъ долженъ бы войти въ составъ всякой образовательной библіотеки. По яркости языка очерки Чехова не уступаютъ пластичности гончаровскихъ

---

[1]) КХП, 660.

описаній, но они превосходятъ ихъ содержательностью и живостью темы. Къ тому же очерки производятъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, благодаря тому, что авторъ, въ противность олимпійской холодности Гончарова, нигдѣ не скрываетъ своего отношенія къ описываемымъ ужасамъ» [1]).

Что справедливо въ отзывѣ, это уловленіе идеи «Сахалина», его морали, хотя бы и не выраженной въ готовой формулѣ. «Не подчеркивая и отнюдь не стараясь ставить точки надъ і, авторъ превосходной группировкой фактовъ и личныхъ наблюденій вырисовываетъ такую потрясающую картину жизни на Сахалинѣ, что, совершенно подавленный и глубоко пристыженный, закрываешь книгу, и долго не можешь отдѣлаться отъ полученнаго впечатлѣнія»

«Сахалиномъ» мы кончаемъ съ тѣмъ звеномъ, какое въ біографіи Чехова предшествовало закату его молодости. Мы видѣли, что въ настроеніяхъ его, только что вернувшагося изъ путешествія, предпринятаго съ цѣлями обновленія, звучатъ уже трагическія и пугающія ноты. Отселѣ онѣ начнутъ усиливаться не съ годами, а съ мѣсяцами, являясь прологомъ того «равнодушенія», начало котораго, по собственному его признанію, совпало съ поѣздкой за границу и за которымъ уже непосредственно надвигалась ранняя осень.

---

1) А. И. Богдановичъ, «Годы перелома».

ВЪ СВОЕМЪ ГНѢЗДѢ.

(МЕЛИХОВО).

(1892).

I

Къ 1892-му году матеріальное положеніе Чехова настолько упрочилось, что онъ смогъ осуществить завѣтную мечту о пріобрѣтеніи собственнаго уголка на землѣ. Надо думать, мечта эта развивалась съ первыхъ же шаговъ писателя и, разъ возникнувъ, уже никогда не гасла, вспыхивая особенно ярко каждымъ лѣтомъ подъ живымъ обаяніемъ природы. Первыя возможности къ ея осуществленію, хотя бы еще и путемъ займовъ, обозначились въ концѣ 80-хъ годовъ, когда Чеховъ началъ наводить справки, присматривать мѣста, спеціально предпринимать поѣздки, напр. въ 1889 г. въ Полтавскую губ., въ Сорочинцы.

Наконецъ онъ насмотрѣлъ себѣ имѣніе въ Московской губ., въ Серпуховскомъ уѣздѣ, при селѣ Мелиховѣ,—старую усадьбу среди громадныхъ пустырей и вырубленнаго лѣса, неудобно расположенную и ничего замѣчательнаго не представлявшую. При покупкѣ А. П. не заявилъ себя хорошимъ практикомъ: по свидѣтельству брата-біографа, онъ даже ни разу не побывалъ въ

немъ передъ покупкой и въѣхалъ въ него лишь тогда, когда всѣ формальности были уже покончены.

Съ началомъ 1892 г. Чеховъ весь уходитъ въ хлопоты и заботы будущаго хозяина, и отраженіями ихъ полны его письма. «Покупаю имѣніе (не къ ночи будь сказано) и цѣлые дни провожу во всякаго рода нотаріальныхъ, банковыхъ, страховыхъ и иныхъ паразитныхъ учрежденіяхъ. Покупка моя довела меня до остервенѣнія. Похожъ я на человѣка, который зашелъ въ трактиръ только за тѣмъ, чтобы съѣсть битокъ съ лукомъ, но, встрѣтивъ благопріятелей, нализался, натрескался, какъ свинья, и уплатилъ по счету 142 р. 75 к. Разсчитывалъ я купить за пять тысячъ и отдѣлаться этою суммою, но—увы!..—удавы, въ видѣ всякихъ купчихъ, закладныхъ, залоговыхъ и проч. съ перваго абцуга сковали меня, и я слышу, какъ трещатъ мои кости, и, закрывши глаза, ясно вижу, какъ мое имѣніе продается съ аукціона». (В. Тихонову, 1892).

Денежный вопросъ былъ далеко не улаженъ и разрѣшился только благодаря займу у Суворина. «Еслибъ не нововременскій банкъ, то мнѣ отъ натуги пришлось бы лопнуть» [1]), и въ первыя минуты Чеховъ почувствовалъ себя феодаломъ. «Хорошо быть лордомъ,—писалъ онъ Щеглову.—Просторно, тепло, никто не обрываетъ у двери звонка, но легко оборваться и изъ лордовъ угодить въ консьержи или портье. *Имѣніе стоитъ 13 тысячъ*, а я уплатилъ только треть. Остальное составляетъ долгъ, который долго-долго будетъ держать меня на цѣпочкѣ».

Приступая къ покупкѣ, Чеховъ не предвидѣлъ и сотой доли тѣхъ мытарствъ, какія оказывались неизбѣжны и казались въ особенности тяжелы для чело-

---

[1]) П, IV, 16.

вѣка вовсе неопытнаго. Самая процедура соглашеній оказалась и безпокойной, и скучной, и дорогой. «Покупать имѣніе скучно,—жаловался онъ Суворину.—Это раздражающая пошлость. Все время послѣ того, какъ мы разстались, я дѣлалъ глупости и среди пошляковъ чувствовалъ себя непрактическимъ дуракомъ, который берется не за свое дѣло. Я рыскалъ по всякаго рода паразитнымъ учрежденіямъ и платилъ вдвое больше, чѣмъ разсчитывалъ. Формальности по покупкѣ обошлись мнѣ дороже тысячи рублей». (1892).

Собственный рапортъ Чехова объ имѣніи—это письмо его къ Киселеву, писанное въ томъ мартѣ 1892-го г., съ какого начинается его жизнь въ качествѣ землевладѣльца.

«Купили и мы порося – большое, громоздкое имѣніе, владѣльцу котораго въ Германіи непремѣнно дали бы титулъ герцога,— 213 десятинъ на двухъ участкахъ. Черезполосица. Больше ста десятинъ лѣсу, который черезъ 20 лѣтъ будетъ походить на лѣсъ, теперь же изображаетъ собою кустарникъ. Называютъ его оглобельнымъ, по моему же къ нему болѣе подходитъ названіе розговой,—такъ какъ изъ него пока можно изготовлять только розги... Фруктовый садъ. Паркъ. Большія деревья, длинныя липовыя аллеи. Сараи и амбары недавно построены, имѣютъ довольно приличный видъ. Курятникъ сдѣланъ по послѣднимъ выводамъ науки. Колодезь съ желѣзнымъ насосомъ. Вся усадьба загорожена отъ міра деревянною оградою на манеръ палисадника. Дворъ, садъ, паркъ и гумно такъ же отдѣлены другъ отъ друга оградами. Домъ и хорошъ, и плохъ. Онъ просторнѣе московской квартиры, свѣтелъ, тепелъ, крытъ желѣзомъ, стоитъ на хорошемъ мѣстѣ, имѣетъ террасу въ садъ, итальянскія окна и проч., но плохъ тѣмъ, что недостаточно высокъ, недостаточно молодъ, имѣетъ снаружи весьма глупый и наивный видъ, а внутри преизбыточествуетъ клопами и тараканами, которыхъ можно вывести только однимъ способомъ—пожаромъ.

«Есть парники. Въ саду, въ 15 шагахъ отъ дома, прудъ съ карасями и линями, такъ что рыбу можно ловить изъ окна. За дворомъ другой прудъ, котораго я еще не видѣлъ. Въ другомъ участкѣ есть рѣчка, вѣроятно, скверная. Въ трехъ верстахъ рѣка

широкая, рыбная. Посѣяно 14 десятинъ ржи. Будемъ сѣять овесъ и клеверъ.

«Имѣніе куплено за 13 тысячъ. Купчая стоила около 750 р. итого 14 тыс. Уплачено продавцу художнику наличными 4 тыс. и закладною въ 5 тыс. по 5% на десять лѣтъ. Остальныя 4 тысячи художникъ получитъ изъ земельнаго банка весною, когда я заложу имѣніе въ ономъ банкѣ. Черезъ 2—3 года у меня будетъ 5 тыс., и я погашу закладную, и останусь при одномъ только 4-хъ тысячномъ банковскомъ долгѣ, но извольте-ка прожить эти 2—3 года, шутъ возьми! Дѣло не въ процентахъ—ихъ немного, меньше 500 въ годъ,—а въ томъ, что все время обязанъ думать о срокахъ и о всякой гадости, присущей долговымъ обязательствамъ. Къ тому же, пока я живъ и зарабатываю 4—5 тысячъ въ годъ, долги будутъ казаться игрушкой и даже удобствомъ, ибо платить 470 проценту гораздо легче, чѣмъ тысячу въ Москвѣ за квартиру—это все такъ, ну, а вдругъ я уйду отъ васъ грѣшныхъ въ иной міръ. Тогда герцогство съ долгами явится для моихъ маститыхъ родителей и Ма-Па [1]) такою обузою, что они завопіютъ къ небу».

Планы Чехова насчетъ своего имѣнія не только въ годъ покупки, а и въ слѣдующій годъ не шли очень далеко. «Моя мечта,—признавался онъ Суворину,—построить себѣ въ лѣсу, который у меня есть, домъ, насажать розъ, приказать никого не принимать и писать мелкіе разсказы. Мѣсто для дома у меня чудеснѣйшее». (1893).

Имѣніе покупали зимой. М. П. Чеховъ разсказываетъ, что первое время въ занесенномъ снѣгомъ пространствѣ просто невозможно было разобраться, нельзя было за неясностью границъ понять, гдѣ свое и гдѣ чужое. Новыхъ владѣльцевъ ждали постоянные сюрпризы, то пріятные, то досадные. То вдругъ оказывалось, что (Чехову) принадлежалъ цѣлый стогъ соломы, который считали чужимъ, то въ саду вдругъ появлялась цѣлая

[1]) Такъ Чеховъ звалъ свою сестру, Марію Павловну.

липовая аллея, которой не досмотрѣли раньше за глубокимъ снѣгомъ (БЧ).

То, что казалось сначала цѣлымъ герцогствомъ, при болѣе спокойномъ отношеніи, конечно, оказалось самымъ обыкновеннымъ имѣніемъ съ масштабами ограниченными. Суворину, видѣвшему виды, Чеховъ скоро описывалъ его уже въ нѣсколько иномъ тонѣ. «Мелихово вамъ не понравится, по крайней мѣрѣ, въ первое время. Тутъ все въ миніатюрѣ: маленькая липовая аллея, прудъ величиною съ акваріумъ, маленькіе садъ и паркъ, маленькія деревья, но пройдешься разъ другой, вглядишься—и впечатлѣніе маленькаго исчезаетъ. Очень просторно, несмотря даже на близкое сосѣдство деревни. Кругомъ много лѣса. Изобиліе скворцовъ. А скворецъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать про себя: пою Богу моему, дондеже есмь. Онъ поетъ цѣлый день, не переставая». (1892).

Суворинъ побывалъ въ имѣніи, и, оно дѣйствительно ему не понравилось, что по первому впечатлѣнію очень огорчило хозяина и понизило его радость. Но, конечно, это впечатлѣніе длилось недолго, и скоро жизнь въ своемъ углу, по своему укладу, дала Чехову своеобразныя утѣхи. Подошли кстати свѣтлые пасхальные дни. «Пасхальную утреню пѣли мы, т.-е. моя фамилія и мои гости, молодые люди,—разсказывалъ Чеховъ Суворину. Вышло очень хорошо и стройно, особенно обѣдня. Мужики остались предовольны и говорятъ, что никогда служба у нихъ не проходила такъ торжественно. Вчера во весь день сіяло солнце; было тепло. Утромъ я пошелъ въ поле, съ котораго уже сошелъ снѣгъ, и полчаса провелъ въ отличнѣйшемъ настроеніи: изумительно хорошо! Озимь уже зеленая, а въ лѣсу—травка».

Съ первыхъ же дней водворенія въ собственномъ имѣніи для Чехова наступила полоса великихъ хозяй-

ственныхъ заботъ, запись которыхъ сохранена М. П. Ч. Все устарѣвшее, неудобное и ненравившееся подвергалось слому или передѣлкамъ, были устроены комнаты для всѣхъ членовъ семьи и кабинетъ для самого хозяина,—даже помѣщеніе для случайныхъ гостей, получившее названіе пушкинской комнаты отъ повѣшеннаго въ ней портрета. Съ первыми привѣтами весны началось возрожденіе сада,—Чеховъ принялся за посадку деревьевъ, его сестра за огородъ и садъ, братъ Михаилъ за полевое хозяйство и отецъ за расчистку и проведеніе новыхъ дорожекъ. Работы велись собственными силами, безъ управляющихъ и приказчиковъ, съ помощью всего лишь двухъ работниковъ.

Однако, воодушевленіе молодого хозяина сдѣлало то, что имѣніе скоро получило совсѣмъ иной видъ. На десяти десятинахъ колосилась рожь, на десяти—овесъ, десятки десятинъ были подъ покосами. На огородѣ зрѣли баклажаны и артишоки, въ саду росли фруктовыя деревья, на птичьемъ дворѣ ходили гуси съ гусенятами. Къ осени были перестроены службы, сняты заборы, разбитъ цвѣтникъ, въ саду насажены розы, выкопанъ колодезь, въ полѣ вырытъ прудъ, туда напущены карасики и окуньки, и, водя сюда пріятелей, Чеховъ шутилъ, что скоро намѣренъ дать имъ конституцію [1]). Скоро прудъ превратился чуть не въ ихтіологическую станцію, гдѣ были всевозможные виды рыбъ. Нѣсколько позднѣе явились новый скотный дворъ, при немъ изба и плетень, баня, амбаръ, маленькій домикъ—флигель въ три крошечныя комнатки, гдѣ въ послѣдствіи была написана «Чайка». Долгое время Чеховъ не хотѣлъ отказаться и отъ мечты о пасѣкѣ и о сооруженіи отдѣльнаго хутора.

---

[1]) Восп. Ладыженскаго.

II

Чеховъ очень полюбилъ тихій мелиховскій уголокъ, гдѣ было особенно хорошо ранней весной. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ взялъ здѣсь немало свѣтлыхъ впечатлѣній. Хозяйственныя заботы брали время и теперь, и много позднѣе. «Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ міроѣдомъ, у меня не бываетъ дня свободнаго,—постройки, поѣздки и пр. и пр.» (Сергѣенко, 1897),—но, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ все это искупалось удовлетвореніемъ отъ достиженія давней мечты и независимымъ складомъ жизни. Въ первые минуты ощущенія себя помѣщикомъ Чеховъ просто счастливъ. «Еслибы вы знали, какъ пріятно не платить за квартиру и съ какимъ удовольствіемъ я вчера уѣзжалъ изъ Москвы! Что-то новое для меня есть въ сознаніи, что я не обязанъ жить на такой то улицѣ и въ такомъ то домѣ. Сегодня я гулялъ въ полѣ по снѣгу, кругомъ не было ни души, и мнѣ казалось, что я гуляю по лунѣ. Для самолюбивыхъ людей, неврастениковъ нѣтъ удобнѣе жизни, какъ пустынножительство. (Суворину, 1892). Считаясь только съ собою, здѣсь можно было наладить порядокъ жизни, простой и здоровой». Вотъ какъ живописалъ этотъ укладъ самъ А. П. «Ложимся въ 8 часовъ вечера и встаемъ въ 7. Ѣдимъ тоже здорово. Вообще, можно поручиться, что черезъ какой-нибудь годъ мы будемъ уже порядочныя скотины. Я занимаюсь физическимъ трудомъ; мышцы мои крѣпнутъ, съ каждымъ часомъ я становлюсь сильнѣе, такъ что, когда мое имѣніе будетъ продано съ аукціона, я поступлю атлетомъ въ циркъ Соломонскаго. (Мизиновой, 1892)». Спали въ Мелиховѣ въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко, что

однажды совершенно не замѣтили большого пожара въ сосѣдней усадьбѣ (БЧ).

Обычный укладъ этой дружной, идиллической жизни помимо писемъ самого Чехова, зарисованъ въ біографическомъ очеркѣ его брата. Читатель найдетъ здѣсь точныя показанія, какъ рано,—иногда даже съ 4-хъ часовъ утра,—писатель былъ уже на ногахъ и въ заботѣ о своемъ хозяйствѣ, какъ потомъ онъ работалъ, обѣдалъ въ полдень, отдыхалъ или читалъ послѣ обѣда, уходилъ на прогулки вечеромъ, и какъ весело слагались мелиховскіе ужины,—самый веселый моментъ дня,—на которыхъ всегда, какъ и на обѣдахъ, оказывался и кто-нибудь изъ чужихъ. Эта идиллія была нарушена лишь тогда, когда по сосѣдству стало извѣстно, что новый владѣлецъ Мелихова—врачъ, и къ нему потянулись болящіе

Зимній бытъ Чехова въ занесенной снѣгомъ усадьбѣ такъ изображаетъ тотъ же свидѣтель. «Зима 1893 года въ Мелиховѣ была суровая, многоснѣжная. Снѣгъ выпалъ по самыя окна, такъ что прибѣгавшіе въ садъ зайцы становились на заднія лапки передъ самыми окнами кабинета А. П. Расчищенныя въ саду дорожки походили на траншеи. Теперь ужъ А. П. управился съ санитарной дѣятельностью и зажилъ жизнью отшельника, Марія Павловна уѣзжала въ Москву на службу, въ домѣ оставались только мать и отецъ, и часы тянулись необыкновенно длинно. Ложились еще раньше, чѣмъ лѣтомъ, и случалось такъ, что А. П. просыпался въ первомъ часу ночи, садился заниматься и затѣмъ укладывался спать снова. Къ шести часамъ утра весь домъ былъ уже на ногахъ. А. П. въ эту зиму много писалъ. Но какъ только пріѣзжали гости, жизнь круто измѣнялась. Пѣли, играли на рояли, смѣялись. Остроумію и веселости не было конца. Евгенія Яковлевна

напрягала всѣ усилія, чтобы столъ ломился отъ яствъ. Павелъ Егоровичъ съ таинственнымъ видомъ выносилъ откуда-то различныя, спеціально заготовленныя, настоечки и наливочки, и тогда казалось, что Мелихово имѣетъ что-то особенное, свое, чего не имѣла бы никакая другая помѣщичья усадьба. А. П. всегда былъ особенно доволенъ, когда пріѣзжали къ нему Л. С. Мизинова и И. Н. Потапенко. Онъ ихъ любилъ, и вся его семья радовалась ихъ пріѣзду. Тогда ужъ дымъ поднимался коромысломъ, ложились спать далеко за полночь, и въ такіе дни А. П. писалъ только урывками, только потому, что это было потребностью его духа. И всякій разъ, урвавъ минуточку или двѣ, онъ писалъ строчекъ пять—шесть и снова поднимался и шелъ къ гостямъ: «Написалъ на шестьдесятъ копеекъ!..» говорилъ онъ улыбаясь.

А. П. очень любилъ справлять Татьянинъ день. Не было случая, чтобы онъ не попраздновалъ этотъ день, когда жилъ въ Москвѣ. Въ эту первую зиму 1893 года судьба забросила его на 12-е января въ Петербургъ. Вдали отъ Мелихова и отъ Москвы онъ не забылъ «Татьяну» и тамъ собралъ въ этотъ день въ петербургскомъ ресторанѣ «Малоярославецъ» всю семью литераторовъ»

Лучше всѣхъ изъ чужихъ настроеніе дружной семьи и самого Чехова «въ духѣ»—запечатлѣлъ М. О. Меньшиковъ. «Мнѣ случилось быть два или три раза, по приглашенію Чехова, въ его деревнѣ. Это была старая мелкомѣстная усадебка, запущенная и разрозненная, но Чеховъ быстро привелъ ее въ приличный, даже элегантный видъ. Черезъ широкій пустырь, обсаженный вѣковыми березами, дорога шла въ старинную рощу, въ глубинѣ которой ютился низенькій деревянный домъ съ верандой и цвѣтникомъ. По дорогѣ на высокихъ деревьяхъ висѣли скворешни съ надписью: «Братья Сквор-

цовы». Навстрѣчу выбѣгали привѣтливыя собаки. Привѣтливая прислуга говорила, что хозяева дома, пожалуйте! Привѣтливостью, лаской, изяществомъ, высокою порядочностью тона вы были окружены въ этомъ скромномъ домикѣ, какъ стихіей.

«Лѣтомъ 1895 года въ Мелиховѣ я засталъ отца и мать Чехова и его сестру. Прямо удивительно, до чего это была милая, симпатичная семья. Отецъ Чехова, теперь уже покойный, былъ высокій сильный старикъ, лѣтъ подъ семьдесятъ, чинный и строгій. Онъ хорошо зналъ хозяйство и управленіе, но имѣніемъ завѣдывала менѣе строгая, идеально-добрая Марія Павловна, тогда еще молодая дѣвушка, учительница гимназіи. Отецъ методически велъ журналъ погоды, читалъ «Записки Болотова» и Четьи-Минеи и отдыхалъ отъ трудовой жизни. Но самымъ трогательнымъ и восхитительнымъ членомъ семьи была мать А. П.—Евгенія Яковлевна, исключительно рѣдкая женщина, не менѣе замѣчательная, чѣмъ онъ самъ. Онъ и физически былъ похожъ на нее. Такое это было рѣдкое соединеніе сердечности, простоты, прирожденнаго ума и нѣжности. Нечего и говорить, что «Антоша» въ семьѣ былъ идоломъ, всѣ желанія его были предупреждаемы. Мать и сестра, сестра и мать, какъ два ангела, тихо вѣяли около дорогого имъ человѣка, оберегая его сонъ и столъ и всяческій комфортъ. Лучшая комната въ домѣ, простая и свѣтлая, былъ рабочій кабинетъ. Рядомъ съ нимъ шла увѣшанная эскизами собственной работы комната Маріи Павловны. Небольшая «Пушкинская комната» съ портретомъ Пушкина служила библіотекой. Для гостей Чеховъ построилъ въ саду особый флигель со всѣми удобствами».

Казалось бы, передъ Чеховымъ была осуществленная мечта. У него былъ свой уголокъ. Талантъ его со-

зрѣлъ. «Палата № 6» вызвала настоящій взрывъ восторга въ читателѣ и критикѣ. Но ранняя осень шла неуклонно, творческое желаніе гасло, работать не хотѣлось. Въ смутныхъ чувствахъ Чехова значительно повинны были и трудности, создавшіяся въ жизни Мелихова, со временемъ повернувшагося къ новымъ владѣльцамъ и темными своими сторонами. По началу дороги представляли нѣчто ужасное,—Чеховы сознали это при первой же распутицѣ. Собственныя лошади были истощены, сѣна невозможно достать. Деньги и трудъ преодолѣли это,—явились лошади, облегчилось передвиженіе, но засуха погубила овесъ и рожь. Такихъ огорченій въ хозяйской жизни было, конечно, немало, и все это, въ связи съ растущими болѣзненными состояніями нарушало душевное равновѣсіе Чехова. Отъ апрѣля 1892 г., отъ медоваго, можно сказать, мѣсяца наслажденія имъ своей свободой, собственностью, весной, пасхой, сохранилось трагическое его заявленіе о зломъ недовольствѣ собою и своею жизнью.

Какъ это ни странно,—пишетъ А. П. Суворину,—мнѣ уже давно перевалило за 30, и я уже чувствую близость 40. *Постарѣлъ я не только тѣлесно, но и душевно.* Я какъ-то глупо оравнодушѣлъ ко всему на свѣтѣ и *почему-то начало этого оравнодушенія совпало съ поѣздкой заграницу.* Я встаю съ постели и ложусь съ такимъ чувствомъ, какъ будто у меня *изсякъ интересъ къ жизни.* Это или болѣзнь, именуемая въ газетахъ переутомленіемъ, или же неуловимая сознаніемъ душевная работа, именуемая въ романахъ душевнымъ переворотомъ. Если послѣднее, то все, значитъ, къ лучшему».

Попробовавъ зимы въ провинціи, Чеховъ недоумѣваетъ, какъ можно такъ жить. «Я удивляюсь выносливости помѣщиковъ, которые поневолѣ живутъ зимою въ деревнѣ. Зимою въ деревнѣ до такой степени мало

дѣла, что если кто не причастенъ такъ или иначе къ умственному труду, тотъ неизбѣжно долженъ сдѣлаться обжорой и пьяницей, или тургеневскимъ Пигасовымъ. Однообразіе сугробовъ и голыхъ деревьевъ, длинныя ночи, лунный свѣтъ, гробовая тишина днемъ и ночью, бабы, старухи—все это располагаетъ къ лѣни, равнодушію и къ большой печени». (1892 г., изъ Москвы).

Въ слѣдующемъ году сгущаются и сгущаются эти настроенія унынія и апатіи. «Меня обуяла физическая и мозговая вялость, точно я переспалъ,—признается онъ брату, А. П-чу,—состояніе противное. Ничего не болитъ, но тянетъ на постель или на диванъ. Читаю массу, но вяло, безъ аппетита. А въ душѣ, какъ пустомъ горшкѣ изъ-подъ кислаго молока, сплошное равнодушіе. Объясняю сіе состояніе отчасти погодою (5° мороза), отчасти старостью, отчасти же неопредѣленностью моего существованія въ смыслѣ цѣлей». (1893, Мелихово).

Чеховъ точно не можетъ самъ понять, чего ему нужно, людей или одиночества. При гостяхъ онъ хочетъ второго, безъ гостей перваго. Въ противоположность недавней жадной хваткѣ впечатлѣній и перемѣнѣ мѣстъ онъ ищетъ тихихъ наслажденій чтенія. «Въ послѣднее время мною овладѣло легкомысліе и рядомъ съ этимъ меня тянетъ къ людямъ, какъ никогда, и литература стала моей Ависагой, и я до такой степени привязался къ ней, что сталъ презирать медицину. Но въ литературѣ я люблю не тѣ романы и повѣсти, которые вы ждете и не переставали ждать отъ меня, а то, что я въ продолженіе многихъ часовъ могу читать, лежа на диванѣ. Для писанья же у меня не хватаетъ страсти». (Суворину, 1893).

Любившій общество, Чеховъ далъ просторъ этой своей склонности, и лѣтомъ Мелихово превращалось въ типичный помѣщичій уголокъ стараго фасона съ постояннымъ шумомъ пріѣзжавшихъ къ владѣльцу близ-

кихъ и неблизкихъ людей. «Домъ былъ биткомъ набитъ людьми, спали на диванахъ и по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ. Ночевали даже въ сѣняхъ. Барышни, писатели, мѣстные врачи, земскіе дѣятели, какіе-то дальніе родственники съ сынишками—всѣ эти люди, какъ въ калейдоскопѣ, проходили сквозь Мелихово чередой». (БЧ). «Кромѣ родни, читаемъ у Меньшикова,—съѣзжались писатели, актеры, поклонницы и поклонники, сосѣди. Приходилось держать много лошадей и работниковъ, и, въ концѣ-концовъ, нашъ «серпуховскій помѣщикъ» (какъ Чеховъ шутя иногда подписывался) былъ бы съѣденъ вмѣстѣ съ помѣстьемъ, какъ были скушаны своими гостями великое множество помѣщиковъ на Руси. Это соображеніе было однимъ изъ важныхъ въ рѣшеніи продать, наконецъ, Мелихово, къ глубокой грусти и самого хозяина, и матери, и сестры. Но это случилось пять лѣтъ спустя, когда болѣзнь потребовала долгихъ поѣздокъ на югъ. Въ мое же время, въ срединѣ девяностыхъ годовъ, Мелихово еще не было опечалено ничѣмъ, тутъ все было шумно и молодо и полно надеждъ».

Отъ декабря 1893 -го года сохранился истинный вопль Чехова къ Суворину изъ своего, недавно благословеннаго уголка. «Ахъ, если бъ вы знали, какъ я утомленъ! Утомленъ до напряженія. Гости, гости, гости! Моя усадьба стоитъ какъ разъ на Каллирскомъ трактѣ, и всякій проѣзжій интеллигентъ считаетъ должнымъ и нужнымъ заѣхать ко мнѣ и погрѣться, а иногда даже остаться, Одяихъ докторовъ цѣлый легіонъ! Пріятно, конечно, быть гостепріимнымъ, но вѣдь душа мѣру знаетъ. Я вѣдь и изъ Москвы-то ушелъ отъ гостей. «Къ чему теперь лежитъ душа Чехова—это къ чтенію. Вѣроятно, не столько ища уроковъ, сколько успокоенія нервовъ, онъ перечитываетъ старыхъ любимыхъ, позабытыхъ писателей.

Кажется, никогда онъ не читаетъ столько, сколько въ эти дни въ Мелиховѣ, по крайней мѣрѣ, никогда письма его такъ не полны отзывами о читанномъ — русскомъ и иноземномъ.

III

Положеніе помѣщика и рантье не разрѣшило, конечно, вѣчно назойливаго для Чехова вопроса матеріальнаго обезпеченія. Наоборотъ, задолженность, давившая его послѣ пріобрѣтенія имѣнія, иногда съ особенной настойчивостью ставила передъ нимъ старый вопросъ. По крайней мѣрѣ, именно къ этому мелиховскому періоду относится случай почти безразсудства, о которомъ Чеховъ слезно пожалѣлъ бы потомъ, если бъ оно осуществилось. Чувствуя на себѣ гнетъ долга Суворину въ 3489+400 р. онъ сдѣлалъ издательству «Нов. Времени» прямо невѣроятное по невыгодности для себя предложеніе. «Не согласится ли,—предлагалъ онъ,—вашъ магазинъ похерить мой долгъ и уплатить вамъ 400 р., а взамѣнъ этого взять себѣ право издавать и продавать всѣ доселѣ изданныя вами книги мои въ теченіе 10 лѣтъ. Кромѣ погашенія долга онъ обязуется выплачивать мнѣ еще по 300 р. ежегодно, или 3000 единовременно. Итого книги обойдутся ему безъ малаго въ 7000, а сіе число, дѣленное на 10, дастъ 700 въ годъ. Если онъ найдетъ это невыгоднымъ для себя, то пусть 7 тыс. понизитъ до 6, если же по предварительному расчету эта сдѣлка окажется невыгодной для меня, то пусть онъ обязуется выплачивать мнѣ по 1000 р. за каждое десятое изданіе, т.-е. по выходѣ десятой тысячи каждой книги. Фантастическій проектъ? Увы! Это я самъ чувствую». (Суворину, 1893).

Когда Суворинъ отказался отъ этого, прямо разорительнаго для нервничающаго писателя предложенія, Чеховъ все-таки неохотно признавался въ слѣдующемъ письмѣ въ томъ же августѣ въ своей ошибкѣ. «Мое предложеніе — глупая шутка? Но вѣдь было бы еще глупѣе, если бы я, состоя должнымъ, попросилъ выслать мнѣ въ Серпуховъ еще тысячу рублей. Вы пишете, что я на книгахъ заработаю 20—30 тысячъ. Прекрасно. Говорятъ, также, что я буду въ раю. Но когда это будетъ? А между тѣмъ хочется жить настоящимъ, хочется солнца, о которомъ вы пишете».

Черезъ нѣсколько лѣтъ жизни въ Мелиховѣ, въ 1896 г. Чеховъ уже могъ похвалиться своею дѣятельностью по благоустройству мѣстности. Тутъ была открыта почта, построенъ мостъ черезъ рѣку, сооружена колокольня, около имѣнія останавливались поѣзда. Было приступлено къ устройству шоссе. Все росло и естественнымъ порядкомъ развивалось.

«Вотъ ужъ четвертый годъ пошелъ, какъ я живу въ Мелиховѣ—писалъ онъ Суворину въ 1895 г..—Телята мои обратились въ коровъ, лѣсъ поднялся на аршинъ и выше.. Мои наслѣдники отлично поторгуютъ лѣсомъ и назовутъ меня осломъ, ибо наслѣдники никогда не бываютъ довольны. Отношенія съ крестьянами наладились, и, повидимому, они сумѣли оцѣнить гуманнаго и корректнаго сосѣда. Съ мужиками я живу мирно, у меня никогда ничего не крадутъ и старухи, когда я прохожу по деревнѣ, улыбаются или крестятся. Я всѣмъ кромѣ дѣтей, говорю *вы*, никогда не кричу, но главное, что устроило наши добрыя отношенія — это медицина». (Авиловой, 1899).

Положеніе помѣщика принесло А. П. нѣкоторыя, дотолѣ новыя обязанности и дало нѣкоторыя, ранѣе невѣдомыя, удовлетворенія.

Такъ его дѣятельность по борьбѣ съ холерой и знакомство съ земскими дѣятелями привели къ избранію его въ земскіе гласные. Онъ охотно посѣщалъ земскія собранія, участвовалъ въ разсмотрѣніи многихъ земскихъ вопросовъ, въ особенности народнаго здравія и просвѣщенія, интересовался проектами новыхъ дорогъ, больницъ и школъ, и самъ строилъ школы съ увлеченіемъ, покупалъ матеріалъ, лично слѣдилъ за постройками.

Въ январѣ (1892) онъ проѣхался въ Нижегор. губ. и впервые на мѣстѣ увидѣлъ картины голода. Тогда же Суворину онъ писалъ: «Голодъ газетами не преувеличенъ. Дѣла плохи. Правительство ведетъ себя не дурно, помогаетъ, какъ можетъ, земство или не умѣетъ, или фальшивитъ, частная же благотворительность равна почти нолю. При мнѣ на 20 тысячъ человѣкъ было прислано изъ Петрограда 54 пуда сухарей. Благотворители хотятъ пятью хлѣбами пять тысячъ насытить—по-евангельски».

Съ весны сталъ ясно опредѣляться неурожай. Заработали правительственныя и частныя организаціи. Къ послѣднимъ примкнулъ и Чеховъ. Списавшись со своимъ пріятелемъ по Воскресенску, Е. П. Егоровымъ, онъ устраивалъ среди знакомыхъ подписи по сбору пожертвованій, ѣздилъ лично въ Нижегородскую губернію, былъ у тогдашняго губернатора Баранова. Имъ была устроена скупка лошадей на мѣстахъ, безмездный прокормъ ихъ до весны и такая же раздача безлошаднымъ крестьянамъ (БЧ). Степень оживленія Чехова этимъ дѣломъ ясна изъ сохранившихся писемъ его къ Егорову.

«Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ нижегородской губерніи, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни даже докторовъ, одинъ мой хорошій пріятель, въ высшей степени порядочный и живой человѣкъ, организовалъ голодное дѣло. А я ему помогаю. Онъ несетъ на мѣстѣ всю черную работу, а я сижу въ Москвѣ и изображаю изъ себя благо-

творительную даму; въ январѣ и я поѣду на поле битвы, поѣхалъ бы и теперь, но держитъ инфлуэнца».

Такъ какъ другою изъ сильно пострадавшихъ губерній была воронежская, то Чеховъ направился и туда, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Суворинымъ, воронежцемъ по происхожденію. Искавшій дѣла, а не видимости, А. П., по разсказу его брата М. П.,— тяготился и торжественными обѣдами, какими встрѣчали его и его собрата, и самымъ путешествіемъ вдвоемъ, лишавшимъ его самостоятельности. Ему хотѣлось кипучей, личной дѣятельности. (БЧ).

Что побудило Чехова со временемъ разстаться съ Мелиховымъ? Едва ли надо придать значеніе тому экономическому мотиву, какой выдвигаетъ Меньшиковъ. Въ концѣ-концовъ гости не выжили бы изъ имѣнія хлѣбосольнаго хозяина, еслибы оно въ глазахъ его самого не стало утрачивать своей прелести. Слабѣющее здоровье обязывало его къ выбору иного мѣста, тогда какъ это уже встрѣчало неодобреніе многихъ и многихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мелихово лежало въ низинѣ и было лишено проточной воды. Увлеченіе хозяина въ Чеховѣ проходило и прошло. Едва ли, однако, не самымъ значительнымъ обстоятельствомъ, ускорившимъ рѣшеніе, была смерть его отца. Въ началѣ октября 1898 г., когда Чеховъ временно находился въ Ялтѣ, ему пришло извѣстіе о смерти Павла Егоровича, и въ телеграммѣ Чеховъ почувствовалъ нѣчто укоризненное. Самое горькое въ этомъ неожиданномъ извѣстіи было то, что старику пришлось пережить мучительную болѣзнь, потомъ тяжелую операцію. «Если бы я былъ дома, то по всей бы вѣроятности все бы обошлось благополучно». (Лаврову, 1898, Ялта). «Жаль отца, жаль всѣхъ васъ:— писалъ онъ и сестрѣ,—сознаніе что вамъ всѣмъ приходится переживать въ Москвѣ такую передрягу въ то время,

какъ я живу въ Ялтѣ, въ покоѣ,—это сознаніе не покидаетъ и угнетаетъ меня все время. Что мать? Гдѣ она? Если она не поѣдетъ въ Мелихово (ей тамъ тяжело одной), то гдѣ ты поселишь ее? Вообще много вопросовъ, которые слѣдовало бы рѣшить». «Это событіе перевернуло всю нашу жизнь,—признавался онъ чужому человѣку,— теперь придется, пожалуй, устраивать жизнь по-новому, такъ какъ мать едва ли захочетъ одна жить въ деревнѣ, зимой, когда жить вообще трудно. Жду къ себѣ въ Ялту сестру, и вмѣстѣ мы рѣшимъ, какъ намъ быть». (Соболевскому, 1898).

Послѣ смерти отца въ Мелиховѣ, гдѣ все было связано съ воспоминаніями о немъ, уже не хотѣли жить ни семейные, ни самъ Чеховъ. И для него, и для нихъ тамъ «все какъ-то потускнѣло и потухло». (Суворину, 1899). «И въ беллетристическомъ отношеніи, послѣ «Мужиковъ», Мелихово уже истощилось и потеряло для меня цѣну» — писалъ Чеховъ, давая цѣнное указаніе, откуда имъ почерпнуты, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя деревенскія наблюденія знаменитой повѣсти. Въ одномъ неизданномъ письмѣ М. П. Чехова [1]) мы находили и детальныя указанія, что̀ именно въ Мелиховѣ послужило прототипомъ для художника. Такимъ явился прежде всего мелиховскій пожаръ. «Выведенный тамъ староста— мелиховскій староста Григорій Селедочная головка— Мелиховскій фактъ. Въ трехъ верстахъ отъ Мелихова была деревня Угрюмово, куда братъ часто ѣздилъ по медицинскимъ и училищнымъ дѣламъ. Оно лежитъ въ оврагѣ и, кажется, послужило темой для повѣсти «Въ Оврагѣ». Использовавъ деревню художнически, Чеховъ поспѣшилъ освободиться отъ недвижимости, лелѣя уже другой болѣе взвѣшенный планъ поселенія въ Ялтѣ.

1) Къ В. Ѳ. Бсцяновскому.

Теперь Мелихово принадлежитъ одному изъ знакомыхъ Чехова—барону Н. Д. Стюарту, который бережетъ тамъ все, съ чѣмъ связана память о писателѣ.

IV

Въ 1891 г. Чеховъ осуществляетъ одно изъ своихъ давнихъ мечтаній—поѣздку за границу. Жилка путешественника была ему присуща съ дней дѣтства,—это было самымъ естественнымъ слѣдствіемъ его темперамента живого человѣка и писателя, алчущаго впечатлѣній. «Я бы весь міръ изъѣздилъ» писалъ онъ почти вовсе юношей Лейкину. «О путешествіяхъ онъ постоянно мечталъ, заноситъ въ памятку о немъ Суворинъ,—и, будь у него спутникъ, онъ побывалъ бы въ Америкѣ и Африкѣ».

И онъ умѣлъ чувствовать чужой уголокъ и чужое небо и находить для описанія чуткія краски. Крымъ и Кавказъ были уже въ прошломъ, и впечатлѣніе ихъ было чарующее, какъ можно видѣть, напр., изъ такого письма его къ К. С. Баранцевичу. *) «Былъ я въ Крыму, въ Новомъ Аѳонѣ, въ Сухумѣ, Батумѣ, Тифлисѣ, Баку, видѣлъ чудеса въ рѣшетѣ. Впечатлѣнія до такой степени новы и рѣзки, что все пережитое представляется мнѣ сновидѣніемъ, и я не вѣрю себѣ. Видѣлъ я море во всю его ширь, кавказскій берегъ, горы, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, свиней съ длинными острыми мордами, деревья, окутанныя ліанами, какъ вуалью, тучки, кочующія на груди утесовъ - великановъ, дельфиновъ, нефтяные фонтаны, подземные огни, храмъ огнепоклонниковъ, горы, горы, горы..... Пережилъ я военно-грузинскую дорогу. Это не дорога, а поэзія, чудный фантастическій разсказъ, записанный Демономъ и посвященный Тамарѣ. Вообразите вы себя на высотѣ въ

*) Появляется въ печати впервые. Дата—12 Авг. 1888 г.

8.000 футовъ. Вообразили? Теперь извольте подойти мысленно къ краю пропасти и заглянуть внизъ. Далеко далеко вы видите узкое дно, по которому вьется бѣлая ленточка—это сѣдая, ворчливая Арагва. По пути къ ней вашъ взглядъ встрѣчаетъ тучки, лѣски, овраги, скалы. Теперь поднимите немножко глаза и глядите впередъ себя,—горы, горы, горы, а на нихъ насѣкомыя,—это коровы и люди. Поглядите вверхъ,—тамъ страшно глубокое небо. Дуетъ свѣжій, горный вѣтерокъ. Вообразите двѣ высокія стѣны и между ними длинный-длинный корридоръ. Потолокъ—небо, полъ—дно Терека. По дну вьется змѣя пепельнаго цвѣта. Змѣя злится, реветъ и щетинится. Лошади летятъ, какъ черти. Стѣна высоко, небо еще выше. Съ вершины стѣнъ любопытно глядятъ внизъ кудрявыя деревья. Голова кружится! Это дарьяльское ущелье или, выражаясь языкомъ Лермонтова, тѣснина Дарьяла...».

Рѣшающую роль въ поѣздкѣ Чехова за границу сыгралъ Суворинъ, уже нѣсколько лѣтъ твердившій ему о необходимости видѣть свѣтъ. Не безынтересно, что всего годъ назадъ онъ еще испытывалъ нерѣшительность передъ такимъ путешествіемъ, смущаясь его трудностями, а отчасти, можетъ-быть, и соображеніями неизбѣжности большого матеріальнаго размаха въ обществѣ Суворина. Въ 1889 г. онъ писалъ Плещееву: «Суворинъ зоветъ за границу. Очень возможно, что поѣду и за границу, хотя меня туда вовсе не тянетъ. Я не расположенъ теперь къ физическому труду, хочу отдыха, а вѣдь шатанье по музеямъ и Эйфелевымъ башнямъ, прыганье съ поѣзда на поѣздъ, ежедневныя встрѣчи съ велерѣчивымъ Дмитріемъ Васильевичемъ (Григоровичемъ), обѣды впроголодь, винопійство и погоня за сильными ощущеніями—все это тяжелый физическій трудъ. Я бы охотнѣе пожилъ гдѣ-нибудь въ Крыму, на одномъ мѣстѣ, чтобы

можно было работать». Но уговоры стараго журналиста возымѣли силу, и раннею весною 1891 г. Чеховъ выѣхалъ. 19-го марта 1891 г. онъ переѣхалъ границу и высадился въ Вѣнѣ. Ѣхалъ онъ, «какъ желѣзнодорожная Нана», въ роскошномъ вагонѣ интернаціональнаго общества спальныхъ вагоновъ. Все путешествіе было сдѣлано въ условіяхъ, не только чрезвычайно благопріятныхъ, но и прямо роскошныхъ. Къ этому вынуждало сосѣдство Суворина, отъ котораго Чеховъ не могъ держаться особнякомъ по свойствамъ своего характера, хотя и чувствовалъ, что траты рѣзко нарушаютъ его бюджетъ. «Въ Венеціи мы жили въ лучшемъ отелѣ, какъ дожи, въ Римѣ живемъ, какъ кардиналы, потому что занимаемъ salon въ бывшемъ дворцѣ кардинала Конти, а нынѣ въ отелѣ Minerva; двѣ большихъ гостиныхъ, люстры, ковры, камины и всякая ненужная чепуха, стоющая намъ сорокъ франковъ въ сутки».

Уже Вѣна очаровала его и вынудила на одно изъ типичныхъ восторженно-описательныхъ писемъ его къ роднымъ изъ-за границы. 20-го онъ писалъ сестрѣ:

«Ахъ друзья мои, тунгусы, если бы вы знали, какъ хороша Вѣна! Ее нельзя сравнить ни съ однимъ изъ тѣхъ городовъ, какіе я видѣлъ въ своей жизни. Улицы широкія, изящно вымощенныя; масса бульваровъ и скверовъ, дома все 6-ти и 7-этажные. А магазины, это не магазины, а сплошное головокруженіе, мечта! Однихъ галстуковъ въ окнахъ—милліарды».

Всюду, и въ Вѣнѣ и потомъ въ Италіи, производили на Чехова большое впечатлѣніе архитектура и памятники искусства. «Церкви громадныя,—но онѣ не давятъ своей громадой, а ласкаютъ глазъ, потому что кажется, что онѣ сотканы изъ кружева. Особенно хороши соборъ св. Стефана и Votiv-Kirche. Это—не постройки, а печенье къ чаю. Великолѣпны парламентъ, дума, университетъ.

Все великолѣпно, и я только вчера и сегодня, какъ слѣдуетъ, понялъ, что архитектура—въ самомъ дѣлѣ искусство. И здѣсь это искусство попадается не кусочками, какъ у насъ, а тянется полосами въ нѣсколько верстъ».

Мелочи быта культурнаго свободнаго города удивляли Чехова. «Въ каждомъ кварталѣ непремѣнно книжный магазинъ. На окнахъ книжныхъ магазиновъ попадаются и русскія книги. Видѣлъ я Ренана, «Тайны Зимняго дворца». Странно, что здѣсь можно все читать и говорить, о чемъ хочешь. Разумѣйте, языцы, какіе здѣсь извозчики, чортъ бы ихъ взялъ! Пролетокъ нѣтъ, а все новенькія, хорошенькія кареты въ одну и чаще въ двѣ лошади... На козлахъ сидятъ франты въ пиджакахъ и цилиндрахъ, читаютъ газеты. Вѣжливость и предупредительность... Женщины красивы и изящны. Да вообще все чертовски изящно. Всѣ встрѣчные узнаютъ въ насъ русскихъ и смотрятъ мнѣ не въ лицо, а на мою шапку съ просѣдью. Глядя на шапку, вѣроятно, думаютъ, что я— очень богатый русскій графъ».

Хваленый переѣздъ изъ Вѣны въ Венецію, чрезъ Земмерингъ, не оставилъ въ Чеховѣ особенно большого впечатлѣнія. «Отъ Вѣны до Венеціи ведетъ красивая дорога, о которой раньше мнѣ много говорили. Но я разочаровался въ этой дорогѣ. Горы, пропасти, а снѣговыя вершины, которыя я видѣлъ на Кавказѣ и на Цейлонѣ, гораздо внушительнѣе, чѣмъ здѣсь».

Восторженно и умиленно онъ описывалъ жемчужину Адріатики:

„Восхитительная, голубоглазая Венеція шлетъ всѣмъ вамъ привѣтъ... Архитектура упоительная, все граціозно и легко, какъ птицеподобная гондола... Такіе дома и церкви могли строить только люди, обладающіе громаднымъ художественнымъ и музыкальнымъ вкусомъ и одаренные львинымъ темпераментомъ... Есть улицы,—широкія, какъ Невскій, и есть такія, гдѣ, растопыривъ руки, можно загородить всю улицу. Центръ города—это

площадь св. Марка со знаменитымъ соборомъ того же имени. Соборъ великолѣпенъ, особенно снаружи. Рядомъ съ нимъ—дворецъ дожей, гдѣ Отелло объяснялся передъ дожемъ и сенаторами. Вообще говоря, нѣтъ мѣстечка, которое не возбуждало бы воспоминаній и не было трогательно. Напримѣръ, домикъ, гдѣ жила Дездемона, производитъ впечатлѣніе, отъ котораго трудно отдѣлаться".

«Самое лучшее время въ Венеціи, это—вечеръ. Во-первыхъ звѣзды; во-вторыхъ, длинные каналы, въ которыхъ отражаются огни и звѣзды; въ-третьихъ,—гондолы, гондолы и гондолы; когда темно, онѣ кажутся живыми. Въ-четвертыхъ, хочется плакать, потому что со всѣхъ концовъ слышатся музыка и превосходное пѣніе. Вотъ плыветъ гондола, увѣшанная разноцвѣтными фонариками: свѣта достаточно, чтобы разглядѣть контрабасъ, гитару, мандолину, скрипку... Вотъ другая такая же гондола... Поютъ мужчины и женщины, и какъ поютъ! Совсѣмъ опера. Въ-пятыхъ,—тепло»...

«Теперь представьте, что на улицахъ и въ переулкахъ вмѣсто мостовыхъ—вода; представьте, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади, что вмѣсто извозчиковъ вы видите гондольеровъ на ихъ удивительныхъ лодкахъ, легкихъ, нѣжныхъ, носатыхъ птицахъ, которыя едва касаются воды и вздрагиваютъ при малѣйшей волнѣ. И все отъ неба до земли залито солнцемъ».

«Въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ звона... Еслибы вы знали, какъ хороши въ церквахъ органы, какая здѣсь скульптура, какія итальяночки, стоящія на колѣняхъ съ молитвенниками!».

«Однимъ словомъ,—дуракъ тотъ, кто не ѣдетъ въ Венецію... Крымъ передъ Венеціей, это—каракатица и китъ».

Или вотъ варіантъ тѣхъ же впечатлѣній въ письмѣ Ал. П. Чехову (отъ 24 Марта).

«Замѣчательнѣе Венеціи я въ своей жизни городовъ не видѣлъ. Это сплошное очарованіе, блескъ, радость жизни... «Весь день отъ утра до вечера я сижу въ гондолѣ и плаваю по улицамъ, или же брожу по знаменитой площади святаго Марка. Площадь гладка и чиста, какъ паркетъ. Здѣсь соборъ святаго Марка—нѣчто такое, что описать нельзя, дворецъ дожей и такія зданія, по которымъ я чувствую подобно тому, какъ по нотамъ поютъ, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь.

«А вечеръ! Боже ты мой Господи! Вечеромъ съ непривычки можно умереть. Ѣдешь ты на гондолѣ.. Тепло, тихо, звѣзды...

Вокругъ снуютъ гондолы.. Поютъ изъ оперъ. Какіе голоса! Проѣхалъ немного, а тамъ опять лодка съ пѣвцами, а тамъ опять, и до самой полночи въ воздухѣ стоитъ смѣсь теноровъ, скрипокъ и всякихъ за душу берущихъ звуковъ».

За Болоніей и Флоренціей, гдѣ Чеховъ «замучился, бѣгаючи по музеямъ и церквамъ», слѣдовалъ Римъ. «Отъ хожденія болитъ спина и горятъ подошвы. Ужасъ. сколько ходимъ!»—имѣется заявленіе и отсюда. «Былъ я въ храмѣ Петра, въ Капитоліи, въ Колизеѣ, на Форумѣ,—писалъ онъ сестрѣ,—былъ даже въ кафе-шантанѣ, но не получилъ того наслажденія, на какое разсчитывалъ. Мѣшаетъ погода. Идетъ дождь. Въ осеннемъ пальто жарко, а въ лѣтнемъ холодно».

Въ Апрѣлѣ изъ Неаполя А. П. проѣхалъ въ Помпею.

«Вчера я былъ въ Помпеѣ и осматривалъ ее, таковъ разсказъ его сестрѣ.—Это, какъ вамъ извѣстно, римскій городъ, засыпанный въ 79 году по Рожд. Хр. лавою и пепломъ Везувія. Я ходилъ по улицамъ сего города и видѣлъ дома, храмы, театры, площади... Видѣлъ и изумлялся умѣнью римлянъ сочетать простоту съ удобствомъ и красотою. Осмотрѣвъ Помпею, завтракалъ въ ресторанѣ. потомъ рѣшилъ отправиться на Везувій. Такому рѣшенію сильно способствовало выпитое мною отличное красное вино. До подошвы Везувія пришлось ѣхать верхомъ. Сегодня по этому случаю у меня въ нѣкоторыхъ частяхъ моего бреннаго тѣла такое чувство, какъ будто я былъ въ третьемъ отдѣленіи и меня тамъ выпороли. Что за мученіе взбираться на Везувій! Пепелъ, горы лавы, застывшія волны расплавленныхъ минераловъ, кочки и всякая пакость. Дѣлаешь шагъ впередъ и—полъ шага назадъ, подошвамъ больно, груди тяжело.. Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко. Думаешь, не вернуться ли?.. Но вернуться совѣстно, на смѣхъ поднимутъ. Восшествіе началось въ $2^1/_2$ часа и кончилось въ 6. Кратеръ Везувія имѣетъ нѣсколько саженъ въ діаметрѣ. Я стоялъ на краю его и смотрѣлъ внизъ, какъ въ чашку. Почва кругомъ, покрытая налетомъ сѣры, сильно дымитъ. Изъ кратера валитъ бѣлый, вонючій дымъ, летятъ брызги и раскаленные камни, а подъ дымомъ лежитъ и храпитъ сатана. Шумъ довольно смѣшанный; тутъ слышится и прибой волнъ, и громъ небесный, и стукъ рельсъ и паденіе досокъ. Очень страшно

и притомъ хочется прыгнуть внизъ, въ самое жерло. Я теперь вѣрю въ адъ. Лава имѣетъ до такой степени высокую температуру, что въ ней плавится мѣдная монета».

На обратномъ пути Чеховъ отдалъ легкую дань азарту, сдѣлавъ на этотъ разъ попытку своеобразнаго приложенія своей талантливости. Онъ ѣздилъ въ Монте-Карло и проигралъ. «Игра—писалъ онъ домой,—завлекаетъ страшно. Послѣ проигрыша я съ Суворинымъ-фисомъ сталъ думать, думалъ и придумалъ систему игры, при которой непремѣнно выиграешь. Поѣхали вчера, взявши по 500 франковъ; съ первой же ставки я выигралъ пару золотыхъ, потомъ еще и еще, жилетные карманы мои отвисли отъ золота; были у меня въ рукахъ монеты французскія даже 1808 года, бельгійскія, итальянскія, греческія, австрійскія... Никогда въ другое время я не видѣлъ столько золота и серебра. Началъ я играть въ 5 часовъ, а къ 10 часамъ у меня въ карманѣ не было уже ни одного франка и у меня осталось только одно: удовольствіе отъ мысли, что я купилъ себѣ обратный билетъ въ Ниццу».

Въ концѣ апрѣля Чеховъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ встрѣтилъ Пасху,—первую Пасху, проведенную не дома, не среди своихъ. «Пріѣхалъ я въ Парижъ,—пишетъ онъ сестрѣ 21-го апрѣля,—въ пятницу утромъ и тотчасъ же поѣхалъ на выставку. Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальныя выставочныя постройки я видѣлъ только снаружи, такъ какъ внутри находилась кавалерія, приготовленная на случай безпорядковъ. Въ пятницу ожидались волненія. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, кричалъ, свисталъ, волновался, а полицейскіе разгоняли его. Чтобы разогнать большую толпу, здѣсь достаточно десятка полицейскихъ. Полицейскіе дѣлаютъ дружный натискъ, и толпа бѣжитъ, какъ сумасшедшая. Въ одинъ изъ нати-

сковъ и я сподобился: полицейскій схватилъ меня за лопатку и сталъ толкать впередъ себя».

«Столица міра» поразила его кипучей уличной жизнью. «Масса движенія. Улицы роятся и кипятъ. Что ни улица, то Терекъ бурный. Шумъ, гвалтъ. Тротуары заняты столиками; за столиками—французы, которые на улицѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Превосходный народъ». «Парижа не опишешь,—заключаетъ онъ,—отложу его описаніе до моего пріѣзда». Особенной удачей онъ считалъ, что ему удалось побывать въ Парижѣ въ палатѣ депутатовъ и какъ разъ въ томъ засѣданіи, когда отъ министра внутреннихъ дѣлъ требовались объясненія по поводу безпорядковъ, какіе позволило себѣ правительство при усмиреніи бунтующихъ рабочихъ въ Фурми. «Засѣданіе было бурное и въ высшей степени интересное». (Сестрѣ).

Въ знаменитомъ «Салонѣ» на картинной выставкѣ Чеховъ отмѣтилъ, какъ художникъ, одну черту: «русскіе художники гораздо серьезнѣе французскихъ. Въ сравненіи со здѣшними пейзажистами, которыхъ я видѣлъ вчера, Левитанъ—король». Въ качествѣ русскаго литератора, на долю котораго выпадаетъ слишкомъ мало удовлетвореній отъ цѣнителей искусства, Чеховъ съ особеннымъ, не чуждымъ боли, чувствомъ воспринялъ ласку Запада людямъ творчества. «Великолѣпны усыпальницы Кановы и Тиціана. Здѣсь великихъ художниковъ хоронятъ, какъ королей, въ церквахъ. Здѣсь не презираютъ искусства, какъ у насъ: церкви даютъ пріютъ статуямъ и картинамъ, какъ бы голы онѣ ни были». (Изъ Венеціи, И. П. Ч-ву).

Оглядываясь потомъ на всю сумму заграничныхъ впечатлѣній, Чеховъ формулировалъ ихъ такъ: «Изъ всѣхъ мѣстъ, въ какихъ я былъ доселѣ, самое свѣтлое воспоминаніе оставила во мнѣ Венеція. Римъ

похожъ въ общемъ на Харьковъ, а Неаполь грязенъ. Море же не прельщаетъ меня, такъ какъ оно надоѣло мнѣ еще въ ноябрѣ и декабрѣ». (М. П-чу, 1891).

Итогъ первой заграничной поѣздки М. П. Чеховымъ выраженъ, повидимому, односторонне. «Вся поѣздка прошла подъ дождемъ (если не считать Венеціи и Ниццы), и А. П. самъ считалъ ее неудавшейся. Съ грустнымъ чувствомъ вернулся онъ на родину. Сразу двѣ поѣздки — на Сахалинъ и за границу — потребовали, конечно, отъ него большого напряженія въ средствахъ, но его семья экономила въ Москвѣ, насколько было возможно, онъ самъ работалъ, не покладая рукъ,—и кое-какъ удалось свести концы съ концами» (БЧ).

Заграничная побывка въ связи съ неизбѣжными трудностями пути была для А. П. Чехова предметомъ маленькой похвальбы. «Извѣстно ли вамъ,—писалъ онъ онъ въ 1891 г. Шехтелю,—что я былъ недавно за границей? Вездѣ былъ! Въ рулетку проигралъ 900 франковъ! На Везувій взбирался и нюхалъ кратеръ».

V

Другая поѣздка Чехова за границу относится къ осени 1897 г. Въ сентябрѣ, изъ Ѳеодосіи Чеховъ отбылъ за границу и 17-го числа былъ уже въ Вѣнѣ. Аббацію онъ нашелъ раемъ земнымъ, во Львовѣ посѣтилъ выставку польскихъ художниковъ, дальше слѣдовали Фіуме, Тріестъ, Венеція, гдѣ онъ схватилъ крапивную лихорадку. 29 сентября онъ былъ уже въ Миланѣ, любовался соборомъ и галлереей Виктора Эммануила. Посѣтивъ Генуя и поживъ въ Ниццѣ, онъ вернулся въ Москву, гдѣ былъ уже 15 октября.

«Все лѣто,—писалъ онъ изъ Италіи роднымъ,—у насъ не будетъ денегъ, и мысль объ этомъ портитъ мнѣ

аппетитъ. За поѣздку, которую solo совершилъ бы за 300 руб., я задолжалъ тысячу. Вся надежда на любителей, которые будутъ играть моего «Медвѣдя». Въ будущемъ году поѣдемъ всѣ на дачу въ Венецію. Я скучаю по домѣ и по всѣмъ вамъ, да къ тому же еще мнѣ совѣстно,—пишетъ онъ изъ Вѣны,—что я опять бросилъ васъ. Ну, да не бѣда! Вернусь и буду безвыѣздно сидѣть дома цѣлый годъ. Всѣмъ клянусь, всѣмъ!»

И въ новую свою поѣздку Чеховъ не разочаровался въ заграницѣ. И природа Ниццы, и ея толпа радостно удивляли его. «Уже идетъ вторая недѣля, какъ я въ Ниццѣ и около Ниццы, и—что сказать вамъ? Прожить въ Ялтѣ цѣлую зиму полезно, даже очень, потому что здѣшнія мѣста послѣ Ялты кажутся просто раемъ. Ялта—это Сибирь! Въ первые два дня послѣ пріѣзда, когда я гулялъ въ лѣтнемъ пальто или сидѣлъ у себя въ комнатѣ передъ открытою на балконъ дверью, то съ непривычки мнѣ было даже смѣшно. А на улицахъ народъ веселый, шумный, смѣющійся, не видно ни исправника, ни марксистовъ съ надутыми физіономіями» (Л. В. Средину). И въ этотъ разъ въ Монте-Карло Чеховъ поигрывалъ, но весьма умѣренно, на простыхъ шансахъ (rouge et noir) и привозилъ домой то 50, то 100 франковъ. «Денегъ у меня теперь много,—шутилъ онъ,—такъ что святѣйшій синодъ разрѣшилъ мнѣ проиграть въ рулетку 2—3 тысячи» (П, V, 362). Потомъ игру эту пришлось бросить, такъ какъ она утомляла Чехова физически (Суворину, 1898, Ницца).

Не остался Чеховъ равнодушнымъ и къ красотамъ Біаррица. «Самое интересное здѣсь—океанъ. Онъ шумитъ даже въ очень тихую погоду. Съ утра до вечера я сижу на grande plage, глотаю газеты, и мимо меня пестрою толпою проходятъ министры, богатые жиды

Аделаиды, испанцы, пудели. Платья, разноцвѣтные зонтики, яркое солнце, масса воды, скалы, арфы, гитары, пѣніе,—все это, вмѣстѣ взятое, уноситъ меня за сто тысячъ верстъ отъ Мелихова (Хотяинцевой, 1897, Біаррицъ). И надо всѣмъ этимъ, надъ красотами природы, надъ новыми впечатлѣніями господствовало одно — ощущеніе преимущества культурности и воспитанія. «За границей стоитъ пожить, чтобы поучиться здѣшней вѣжливости и деликатности въ обращеніи. Горничная улыбается, не переставая, улыбается, какъ герцогиня на сценѣ, и въ то же время по лицу видно, что она утомлена работой. Входя въ вагонъ, нужно поклониться. Нельзя начать разговора съ городовымъ или выйти изъ магазина, не сказавши bonjour. Въ обращеніи даже съ нищими нужно прибавлять monsieur и madame» (И. П. Чехову).

Бѣглая страничка уцѣлѣвшаго дневника бросаетъ одинъ-другой бликъ на чеховскія впечатлѣнія этой второй заграничной поѣздки, выдавая въ частности бытовой ея интересъ. Вотъ эта страничка:

4 сентября.—Пріѣхалъ въ Парижъ. Moulin rouge, danse du ventre, Café du Neon съ грибами, Café du Ciel и проч.

8 сент.—Въ Біаррицѣ. Здѣсь В. М. Соболевскій и В. А. Морозова. Каждый русскій въ Біаррицѣ жалуется, что здѣсь много русскихъ.

14 сент.—Бойона. Grande course landoise. Бой съ коровами.

22 сент.—Изъ Біаррица въ Ниццу черезъ Тулузу.

23 сент.—Ницца. Поселился въ Pension Russe. Знакомство съ Максимомъ Ковалевскимъ, завтраки у него въ Peaulieu въ обществѣ Н. И. Юрасова и художника Якоби. Въ Монте-Карло.

7 окт.—Признаніе шпіона.

9 окт.—Видѣлъ, какъ мать Б. играла въ рулетку. Непріятное зрѣлище.

15 ноябрь.—Монте-Карло. Я видѣлъ, какъ крупье укралъ золотой.

16 апрѣля 1898 г.—Въ Парижѣ. Знакомство съ М. М. Антокольскимъ и переговоры насчетъ памятника Петру В.

5 мая.—Вернулся домой.

Эта вторая заграничная поѣздка дала Чехову рядъ знакомствъ, какія онъ самъ отмѣтилъ на тѣхъ же уцѣлѣвшихъ страничкахъ дневника, какъ интересныя,—здѣсь были проф. М. М. Ковалевскій, историкъ Валишевскій, де-Роберти, извѣстный библіофилъ Щукинъ, владѣлецъ пушкинскаго музея Онѣгинъ. Отголоскомъ интереса къ дѣлу Дрейфуса была встрѣча съ Матвѣевымъ Дрейфусомъ (П, V, 495).

Послѣ того, что мы только что читали въ выдержкахъ, нужно оттолкнуть съ полною категоричностью всѣ оговорки пріятелей и знакомыхъ Чехова о томъ, будто бы воспріятіе имъ красотъ чужихъ земель и небесъ было холоднымъ, чуждымъ всякаго энтузіазма. Впервые это ложное заключеніе вырвалось у Суворина, а съ его легкой руки поддержано много позднѣе Мережковскимъ. «Съ нимъ вмѣстѣ мы дважды ѣздили за границу,—писалъ Суворинъ въ некрологѣ.—Въ оба раза мы видѣли Италію. Его *мало интересовали* искусство, статуи, картины, храмы, но тотчасъ по пріѣздѣ въ Римъ ему захотѣлось за городъ полежать на зеленой травѣ. Венеція захватывала его своей оригинальностью, но больше всего жизнью, серенадами, а не дворцомъ дожей и прочимъ. Въ Помпеѣ онъ скучно ходилъ по открытому городу,—оно и дѣйствительно скучно,—но сейчасъ же съ удовольствіемъ поѣхалъ верхомъ на Везувій по очень трудной дорогѣ, и все хотѣлъ поближе подойти къ кратеру. Кладбища за границей его вездѣ интересовали;—кладбища и циркъ съ его клоунами, въ которыхъ онъ видѣлъ настоящихъ комиковъ. Это какъ бы опредѣляло два свойства его таланта,—грустное и комическое, печаль

и юморъ, слезы и смѣхъ—и надъ окружающимъ, и надъ самимъ собою».

Мережковскій, встрѣтившій Чехова съ Суворинымъ въ Римѣ, изумлялся потомъ холодности собрата къ дивамъ и очарованіямъ Италіи. «Мы (съ женою) еще застали ихъ въ Римѣ, на одинъ день, кажется. Суворинъ, смѣясь, разсказывалъ, что Антонъ Павловичъ усталъ до-смерти отъ музеевъ и церквей, и въ Римѣ все просился куда-нибудь «полежать на травкѣ».

Чтобы не возвести на Чехова напраслины, надо учесть не столько его темпераментъ, сколько неимовѣрную выдержку, условія роста, который мы имѣли случаи наблюдать. Чеховъ былъ не изъ людей, шумно и крикливо выражающихъ свой восторгъ. Даже и восторгаясь, онъ былъ чуждъ всякой истеричности и фразы, старался прятать оживленіе въ себѣ, наружно оставаясь спокойнымъ, какъ бы незадѣтымъ и, можетъ-быть, вводя въ заблужденіе человѣка, не очень глубоко его знающаго. Его чувство было стыдливо, а самоупрекъ въ сентиментальности одинаково чувствителенъ и у подножія Везувія. Чрезвычайно характерно скрестить эти два отзыва энтузіастовъ съ его собственнымъ отзывомъ о той же самой встрѣчѣ съ Мережковскимъ. «Мережковскій, котораго я встрѣтилъ здѣсь, *съ ума сошелъ отъ восторга*. Русскому человѣку, бѣдному и приниженному, здѣсь, въ мірѣ красоты, богатства и свободы, нетрудно сойти съ ума. Хочется здѣсь навѣки остаться, а когда стоишь въ церкви и слушаешь органъ, то хочется принять католичество».

Разберемся въ этомъ, и мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ чуткій ко всему Чеховъ свѣтло и радостно принималъ заграничныя впечатлѣнія и свободно изливался передъ тѣми, передъ кѣмъ не боялся показаться

расчувствованнымъ. Видно, что ему было даже непріятно, когда среди его знакомыхъ кто-то распространилъ сообщеніе, что онъ разочарованъ заграницей и недоволенъ поѣздкой. Цитируя довольно странную фразу Суворина: «Венеція и Флоренція ничего больше, какъ скучные города для человѣка даже умнаго»,—Чеховъ пишетъ ему: «merçi, но я не понимаю такихъ умныхъ людей. Надо быть быкомъ, чтобы, пріѣхавъ первый разъ въ Венецію или во Флоренцію, стать «отклоняться отъ запада». Въ этомъ отклоненіи мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается, кто оповѣстилъ всю вселенную о томъ, будто заграница мнѣ не понравилась? Господи ты Боже мой, никому я ни однимъ словомъ не заикнулся объ этомъ! Мнѣ даже Болонья понравилась. Что же я долженъ былъ дѣлать? Ревѣть отъ восторга? Бить стекла? Обниматься съ французами? Идей я не вывезъ, что ли? Но и идеи, кажется, вывезъ».

Если онъ не безъ влеченія къ родинѣ вернулся изъ поѣздки, то уже въ томъ же 1891 г. онъ снова влекся къ Италіи. «Я тоже скучаю по Венеціи и Флоренціи, и готовъ былъ бы еще разъ взобраться на Везувій; Болонья же стерлась въ моей памяти и потускнѣла» (Суворину). Пресловутая фраза Суворина о томъ, какъ онъ мечталъ въ Италіи о московской травкѣ, очевидно, пошла гулять еще при жизни Чехова. Это было ему опредѣленно непріятно, и въ одномъ письмѣ Суворину, не обнаруживая досады, онъ, однако, ясно даетъ понять, что ему мало нравится эта шутка, отбрасывающая его въ категорію толстокожихъ провинціаловъ, которыхъ не пронять никакими чудесами міра. «Поклонитесь Италіи,—писалъ онъ ему въ 1895 г.—Я ее горячо люблю хотя вы и говорили Григоровичу, будто я легъ на площади св Марка и сказалъ: «Хорошо бы теперь у насъ, въ Московской губерніи, на травкѣ полежать!» Ломбар-

дія меня поразила такъ, что, мнѣ кажется, я помню каждое дерево, а Венецію я вижу, закрывши глаза».

Что касается писемъ Чехова домашнимъ, то мы видѣли, какъ они полны его восхищенія, и это восхищеніе начинается еще до Италіи, сразу, какъ только онъ переѣзжаетъ русскую границу. Повторять упрекъ о «травкѣ» и хладнокровіи можно было только до оглашенія его переписки,—теперь это явное извращеніе дѣйствительности, вопреки біографическому документу. Чеховъ былъ не менѣе чутокъ къ красотамъ и чарамъ Италіи или французскаго побережья, чѣмъ старые энтузіасты 40-хъ годовъ. Воспринималъ эти чары онъ полно и весело, хотя и безъ ломанія стульевъ. И, дѣйствительно, въ этомъ наслажденіи чужимъ небомъ было больше захвата живого непосредственнаго человѣка, чѣмъ схоласта и гелертера, млѣющаго передъ іероглифами музейной плиты и не замѣчающаго прелести моря и неба. Вездѣ, гдѣ было можно, Чеховъ жадно хваталъ природу и жизнь, — плѣнялся цвѣточными рынками въ Ниццѣ (П, V, 130), шелъ въ самую гущу карнавала (ib., 154), не гнушался зайти въ Moulin rouge посмотрѣть пресловутый танецъ живота (ib., 73). По свойствамъ писательскаго темперамента, несомнѣнно, крупье, укравшій золотой, какъ живая жизнь, былъ ему даже интереснѣе помпейской фрески,—красивой, но мертвой исторіи. Не забудемъ, что только у насъ двѣ поѣздки его соединены для удобства вмѣстѣ,— на самомъ дѣлѣ онѣ были совершены въ разныхъ настроеніяхъ, и вторая—послѣ катастрофы съ «Чайкой», т.-е. тогда, когда, по нашему разумѣнію, наступала уже несомнѣнная осень чеховской жизни. Какъ, однако, гармонически сливаются его впечатлѣнія, и какъ, повидимому, тамъ, подъ другимъ небомъ, онъ умѣлъ отгонять назойливо печальныя мысли!

Русскій коренникъ, онъ сохранилъ здѣсь свое здоровое равновѣсіе, не увлекся чужими языками, къ которымъ не былъ подготовленъ, не перестроилъ своей души на международный ладъ. Любовь его осталась тамъ, на родинѣ. Чрезвычайно характерно для этого человѣка, считавшаго себя въ правѣ говорить лишь о томъ, что онъ хорошо изучилъ и перечувствовалъ,—что въ своихъ разсказахъ и послѣ путешествій онъ почти не касался заграницы. Она щедро обогатила его только сравненіями, образами и красками, но фономъ для своего творчества онъ рѣшительно и опредѣленно оставилъ Россію. Лишь въ строкахъ, даже не въ страницахъ, возникаетъ заграница въ его новеллахъ позднѣйшаго періода. Такъ, Аббацію онъ зарисовалъ въ «Аріаднѣ» (СС, X, 200), и нѣтъ сомнѣнія, что именно свои венеціанскія впечатлѣнія вылилъ въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка», вложивъ ихъ въ уста его героя.

Вѣроятно, какъ и онъ, Чеховъ «любилъ сидѣть на солнышкѣ, слушать гондольера, не понимать и по цѣлымъ часамъ смотрѣть на домикъ, гдѣ, говорятъ, жила Дездемона,—наивный и грустный домикъ съ дѣвственнымъ выраженіемъ, легкій, какъ кружево, до того легкій, что, кажется, его можно сдвинуть съ мѣста одною рукой». Какъ герой этого разсказа, Чеховъ, вѣроятно, «подолгу стоялъ у могилы Кановы и не отрывалъ глазъ съ печальнаго льва», а въ дворцѣ дожей его «все манило къ тому углу, гдѣ замазали черною краскою несчастнаго Марино Фельеро». Можетъ-быть, и въ восклицаніи героя, заканчивающемъ это описаніе венеціанскихъ настроеній, было нѣчто автобіографическое—«эхъ, къ этому безмятежному спокойствію и удовлетворенію, какое наполняетъ душу, хотя бы кусочекъ какой-нибудь вѣры!» (СС, IX, 77).

ГОДЫ ПРИЗНАНІЯ.

(1890—1894)

I

Основная задача біографа, — поставить литературный трудъ писателя въ живую связь съ его личной жизнью и психикой, — далеко не всегда осуществимая задача въ отношеніи Чехова. Пока, при существующихъ матеріалахъ, она достижимѣе относительно раннихъ его работъ, чѣмъ позднихъ. Не прозрачна ли, напримѣръ, «Степь» въ смыслѣ показанія, изъ какихъ настроеній она родилась, чѣмъ подсказана, какія господствующія черты писательскаго душевного уклада выразила. Эта четкость, къ сожалѣнію, исчезаетъ съ дальнѣйшими разсказами, иногда вовсе отвлеченными и отъ его біографіи, и отъ психики, какъ хотя бы «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка» или «Бабье царство». По счастливой случайности, къ первому изъ нихъ есть собственный комментарій автора, и мы его увидимъ. Въ другихъ случаяхъ можно только надѣяться, что онъ явится со временемъ. Тотъ, кто хотѣлъ бы писать чеховскую біографію теперь, долженъ прямо сказать, что сейчасъ эта задача еще непосильна.

А внѣшняя сторона писательства А. П. представляется въ такихъ очертаніяхъ. Въ 1888 г. появляются его «Разсказы» («Счастье», «Тифъ» и др., 1500 экз., повто-

ряемые въ 1898 г. уже 12-мъ изд.), въ 1890 — «Хмурые люди» (1025 экз., въ 1898 г. — 8-е изд.), въ 1891— «Дуэль» (въ 1898 г.—8-е изд.) въ 1893—«Палата № 6» (и «Бабы», «Страхъ» и др., изд. Суворина), въ 1894 — «Повѣсти и разсказы» («Бабье царство», «Попрыгунья» и др., изд. Сытина, 10.000 экз.), въ 1895 — «Островъ Сахалинъ» (изд. «Р. Мысли»), въ 1897 — «Мужики» (и «Моя жизнь», изд. Суворина, въ 1898 г.—8-е изд.), въ 1897 — «Пьесы» (изд. Суворина). Въ литографированномъ видѣ отдѣльно появляются всѣ его драмы. «Посредникъ», «Моск. Общ-во Грамотности» и другія издательства отдѣльными книжками разбрасываютъ его «Каштанку», «Святою ночью» и др. маленькіе разсказы.

Одною изъ свѣтлыхъ неожиданностей было для Чехова примиреніе его въ 1892 г. съ «Русскою Мыслью»,—той «Р. Мыслью», которой онъ долго не могъ простить раннихъ жестокихъ и несправедливыхъ отзывовъ. Чтобы понять всю сладость этого примиренія,—а примирился Чеховъ искренне и безоблачно, — надо вспомнить его прежнее, полное раздраженія отношеніе къ органу Гольцева и Лаврова. Въ 1888 г. онъ писалъ Суворину: «что касается «Р. М.», то тамъ сидятъ не литераторы, а копченые сиги, которые столько же понимаютъ въ литературѣ, какъ свинья въ апельсинахъ. Къ тому же библіограф. отдѣлъ ведетъ тамъ дама. Если дикая утка, которая летитъ въ поднебесьи, можетъ презирать свойскую, которая копается въ навозѣ и въ лужахъ и думаетъ, что это хорошо, то такъ должны презирать художники и поэты мудрость копченыхъ сиговъ. Сердитъ я на «Р. М.» и на всю московскую литературу». Напрасно думать, что на эти отрицательныя строки сколько-нибудь могло вліять міровоззрѣніе того, кому письмо было адресовано. Въ томъ же году человѣку уже совсѣмъ иного міровоззрѣнія и другу того лагеря,

къ которому принадлежала «Р. М.»,—Плещееву, А. П. написалъ строки, еще болѣе убійственныя и безпощадныя. «Погодите, «Р. М.» будетъ выкидывать еще и не такіе фортели. Подъ флагомъ науки, искусства и угнетаемаго свободомыслія у насъ, на Руси, будутъ царить такіе жабы и крокодилы, какихъ не знавала даже Испанія во время инквизиціи. Вотъ вы увидите! Узость, большія претензіи, чрезмѣрное самолюбіе и полное отсутствіе литературной и общественной совѣсти сдѣлаютъ свое дѣло. Всѣ эти... напустятъ такой духоты, что всякому свѣжему человѣку литература опротивѣетъ, какъ чортъ знаетъ что, а всякому шарлатану и волку въ овечьей шкурѣ будетъ гдѣ лгать, лицемѣрить и умирать «съ честью...»

Письмо къ Плещееву говоритъ о томъ, что несочувствіе Чехова «Р. Мысли» было дѣломъ не одного личнаго раздраженія и обиженнаго самолюбія. Причины антипатіи лежали глубже, — это была антипатія не къ личности, давшей о немъ отрицательный отзывъ, а къ нѣкоторымъ сторонамъ дѣятельности лагеря, въ основѣ своей глубоко ему симпатичнаго. Вольнолюбивый и широкій, хотѣвшій жить и давать жить другимъ, Чеховъ отказывался принять хотя бы критическій методъ «Русской Мысли», методъ Протопоповыхъ и Скабичевскихъ, какой она раздѣляла и съ другими органами печати. По крайней мѣрѣ, именно «Русская Мысль» подвигла его однажды на одинъ изъ болѣе мотивированныхъ протестовъ противъ критики, всѣмъ недовольной и бранчивой».

„Я „Русской Мысли“ еще не видѣлъ, но предвкушаю,—однажды написалъ онъ, — Протопопова я не люблю: это разсуждающій, тянущій жилы изъ своего мозга, иногда справедливый, но сухой и безсердечный человѣкъ. Лично я съ нимъ не знакомъ и никогда его не видѣлъ; онъ писалъ обо мнѣ часто, но я ни разу не читалъ. Я не журналистъ: у меня физическое отвращеніе къ

брани, направленной къ кому бы то ни было; говорю—физическое потому, что послѣ чтенія Протопопова, Жителя, Буренина и прочихъ судей человѣчества у меня всегда остается во рту вкусъ ржавчины, и день мой бываетъ испорченъ. Мнѣ просто больно. Стасовъ обозвалъ Жителя клопомъ; но за что, за что Ж. обругалъ Антокольскаго? Вѣдь это не критика, не міровоззрѣніе, а ненависть, животная, ненасытная злоба! Зачѣмъ Скабичевскій ругается? Зачѣмъ этотъ тонъ, точно судятъ они не о художникахъ и писателяхъ, а объ арестантахъ? Я не могу не могу". (Суворину, 1893).

И вотъ въ 1892 г. Лавровъ отъ лица редакціи сдѣлалъ предложеніе Чехову о постоянномъ сотрудничествѣ. «У меня сенсаціонная новость, — пишетъ Чеховъ Л. Мизиновой, — «Русская Мысль» въ лицѣ Лаврова прислала мнѣ письмо, полное деликатныхъ чувствъ и увѣреній. Я растроганъ, и, если бъ не моя подлая привычка не отвѣчать на письма, то я отвѣтилъ бы, что недоразумѣніе, бывшее у насъ года два назадъ, считаю поконченнымъ. Во всякомъ случаѣ ту либеральную повѣсть, которую началъ при васъ, дитя мое, я посылаю въ «Р. Мысль» (1892). «Я получилъ отъ Лаврова,— одновременно извѣщалъ онъ Суворина, — очень симпатичное письмо и помирился съ нимъ вполнѣ искренне» (1892). И съ «Палаты № 6» цѣлый рядъ лѣтъ, вплоть по февраль 1901 г., Чеховъ почти исключительно печатается въ этомъ журналѣ. Здѣсь прошли позднѣе: «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка» (1893, 2—3), «Островъ Сахалинъ» (см. выше), «Бабье царство» (1894, 1), «Три года» (1895, 1—2), «Убійство» (№ 11), «Аріадна» (№ 12), «Домъ съ мезониномъ» (1896, 4), «Чайка» (№ 12), «Мужики» (1897, № 4), «Человѣкъ въ футлярѣ» (1898, 7), «Крыжовникъ» (№ 8), «Случай изъ практики» (№ 12), «Дама съ собачкой» (1899, 12), «Три сестры» (1901, 2) и «Посмертные наброски» (1905, январь). Съ руководителями журнала у Чехова завязывается тѣсное прія-

тельство съ переходомъ «на ты», что уже было полною рѣдкостью въ послѣдній періодъ его жизни.

Къ числу разсказовъ, наименѣе впадающихъ въ личную біографію Чехова и, повидимому, наименѣе подсказанныхъ своими переживаніями, принадлежитъ «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка». Чеховъ началъ его въ 1887—88 г.г., «не имѣя намѣренія печатать его гдѣ-либо, потомъ бросилъ» (Л. Гуревичъ, 1893), позднѣе передѣлалъ и не безъ труда кончилъ. Можно догадываться, что онъ былъ до извѣстной степени отвѣтомъ на тѣ предъявленія изъ либеральнаго лагеря, какія не разъ писатель слышалъ отъ критики. Многимъ казалось, что онъ намѣренно обходитъ типы «политическихъ работниковъ», что они его не интересуютъ, и онъ, повидимому, рѣшилъ дать на это свой отвѣтъ. По условіямъ времени онъ долженъ былъ такъ замаскировать своего героя, что читателю неясно даже самое главное и основное въ его фигурѣ, — ни его прошлое, ни та цѣль, для какой ему понадобилось перерядиться въ лакея. Въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ разсказъ устно комментировался и, какъ оказывается, комментарій этотъ имѣлъ дѣйствительное основаніе. Ключъ къ этимъ лицамъ и событіямъ находится въ слѣдующемъ неизданномъ письмѣ Чехова къ М. Н. Альбову. Разсказъ здѣсь называется еще «Разсказомъ моего паціента». Чеховъ очень боится за цензуру. «Разсказъ мой,—пишетъ онъ,—хотя, правда, и не проповѣдуетъ вредныхъ ученій, но по составу своихъ персонажей можетъ не понравиться цензорамъ. Ведется онъ отъ лица бывшаго соціалиста, а фигурируетъ въ немъ въ качествѣ героя № I-й — сынъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ соціалистъ, такъ и сынъ товарища министра у меня парни тихіе и политикой въ разсказѣ не занимаются, но все-таки я боюсь или, по крайней мѣрѣ

считаю преждевременнымъ объявлять объ этомъ разсказѣ публикѣ». (1891). Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же Альбову Чеховъ уже ясно сознаетъ, что разсказъ оказался нецензурнымъ. «Въ Москвѣ недавно былъ Суворинъ, и, когда я прочелъ ему первыя двадцать строкъ повѣсти и разсказалъ сюжетъ, то онъ сказалъ: «я бы не рѣшился это напечатать». Послѣ этого Чеховъ окончательно отказался отдать разсказъ подцензурному «Сѣверному Вѣстнику».

«Разсказъ неизвѣстнаго»—не изъ лучшихъ. Въ немъ—одни намеки и ни одного факта, въ немъ, повидимому, много фантазерства, вопреки обычному прiему чеховскаго творчества. Онъ не могъ имъ ни раздразнить правую печать, ни особенно порадовать тѣхъ либераловъ, какiе совѣтами Плещеева толкали его на путь писательства «съ направленiемъ». Едва ли и самъ авторъ не забылъ о немъ очень скоро [1]).

Самъ Чеховъ встрѣтилъ эту повѣсть въ моментъ ея окончанiя, повидимому, обычною своею неувѣренностью, хорошо это или дурно, — по крайней мѣрѣ, нашелъ необходимымъ нѣсколько защитить себя отъ критики. «Кажется,—пишетъ онъ Суворину, — напряженiя нѣтъ, и дѣйствiе течетъ плавно и закономѣрно. Спѣшилъ очень, вотъ что скверно. Навѣрное въ спѣшкѣ про-

[1]) Послѣднему есть точное фактическое подтвержденiе въ одномъ разсказѣ случайныхъ людей, заѣхавшихъ однажды къ Чехову и передавшихъ свои съ нимъ разговоры («У Чехова въ Мелиховѣ», «Русск. Вѣдом.», 1909, 2 iюля). Въ разсказѣ этомъ, носящемъ слѣды полнаго правдоподобiя, одинъ изъ гостей, студентъ, спрашиваетъ его: «Антонъ Павловичъ, можно вамъ задать одинъ вопросъ?.. Есть что-нибудь реальное въ фабулѣ «Разсказа неизвѣстнаго человѣка?» Чеховъ засмѣялся. «Да, кое-что, кажется, есть. Только я не совсѣмъ твердо помню содержанiе этого давнишняго разсказа».—«А профессоръ въ «Скучной исторiи», это—Бабухинъ?»—«Нѣтъ, это — лицо собирательное, хотя многое взято съ Бабухина».

скользнула какая-нибудь подлость, которую замѣтишь ужъ потомъ, когда не вырубишь топоромъ. Хотѣлъ я дать маленькій эпилогъ отъ себя съ объясненіемъ, какъ попала ко мнѣ рукопись неизвѣстнаго человѣка, и написалъ этотъ эпилогъ, но отложилъ до книжки» (1893). Къ сожалѣнію, эпилогъ, очевидно, затерялся: Чеховъ не приложилъ его къ отдѣльному изданію разсказа.

Вторая половина литераторской карьеры Чехова не имѣетъ ничего общаго съ той, когда, по его словамъ, приходилось за трехрублевкою ходить нѣсколько разъ къ Липскерову. Но кто думалъ бы, что путь его, нашедшаго признаніе, былъ усыпанъ розами, жестоко ошибся бы. Чеховъ «Чернаго монаха» и «Палаты № 6», писатель, имя котораго было уже у всѣхъ на устахъ, на самомъ дѣлѣ вынужденъ былъ не только преодолѣвать преграды, стоящія на пути самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ въ литературѣ, но и быть иногда жертвою воистину классическихъ недоразумѣній, порочащихъ нашъ литературно-журнальный укладъ. Если теперь въ буквальномъ смыслѣ редакторы не показывали ему спину при его къ нимъ обращеніяхъ [1]), то метафорически это, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ было. Почти невѣроятно, что «Палата № 6», этотъ въ своемъ родѣ шедевръ его, былъ ему возвращенъ изъ «Русскаго Обозрѣнія» и лишь потомъ напечатанъ въ «Русской Мысли»! Отвѣтственность за этотъ позорно неправдоподобный случай лежитъ на покойномъ кн. Д. Цертелевѣ. Сношенія Чехова съ консервативной редакціей, которой, очевидно,

---

[1]) «...Придешь за отвѣтомъ въ редакцію юмористическаго журнала. Редакторъ даже не повернется, видишь только спину у подлеца. «Не принятъ!» Теперь тѣ лица, которыя раньше бранили, хвалятъ то самое, что ругали...» «Русск. Мысль», 1911, X, 49, изъ воспом. о Чеховѣ С. Щ.

идейно не нравился разсказъ и которая, однако, не имѣла мужества заявить это прямо, кончились тѣмъ, что Чеховъ энергично потребовалъ оригиналъ обратно.

«Порядки въ московскихъ редакціяхъ удивительные,— писалъ онъ брату И. П.—Когда будешь въ пятницу въ «Обозрѣніи», и тебѣ не выдадутъ корректуры, то скажи, чтобы тебѣ немедленно возвратили рукопись, и что я къ подобному отношенію къ себѣ не привыкъ. Если рукописи въ конторѣ нѣтъ, то спроси, гдѣ она, и возьми. Во всякомъ случаѣ скажи, чтобы рукописи не набирали, и что я требую ее къ возврату. Пусть по почтѣ пришлютъ тебѣ. Узнай адресъ кн. Цертелева и спроси, когда онъ бываетъ въ редакціи. Въ редакціи скажи, что я беру назадъ рукопись потому, что князь не сдержалъ обѣщанія, которое далъ мнѣ. Будь сердитъ и неумолимъ, и не допускай никакихъ отговорокъ» (1892). «Палата» прошла въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» и произвела исключительный шумъ.

II

Въ 1892 г. въ «Сѣверѣ» появилась «Попрыгунья», — разсказъ, доставившій Чехову огорченія сверхъ обычныхъ. Кажется, что на этотъ разъ художественная фантазія писателя работала въ самомъ дѣлѣ въ большей или меньшей близости къ дѣйствительности, — въ разсказѣ получилось что-то портретное. Въ Москвѣ доселѣ живетъ легенда о томъ, что Чеховымъ зарисованы здѣсь живые люди. Въ своей памфлетической статьѣ Н. Ежовъ впервые печатно указалъ, что здѣсь Чеховъ вывелъ извѣстнаго И. И. Левитана и одну даму-художницу, теперь также покойную. Левитанъ, не ожидавшій такого поступка отъ друга юности, хотѣлъ

стрѣляться съ Чеховымъ, но послѣ нѣкотораго колебанія написалъ ему рѣзкое письмо и надолго съ нимъ разошелся, а отъ дома затронутой дамы Чехову было категорически отказано [1]).

Чехову при жизни пришлось дѣйствительно натолкнуться на упреки по этому поводу. «Вчера,—пишетъ онъ одной петербургской знакомой, — я былъ въ Москвѣ, но едва не задохнулся тамъ отъ скуки и всякихъ напастей. Можете себѣ представить, одна знакомая моя, 42-лѣтняя дама узнала себя въ двадцатилѣтней героинѣ моей «Попрыгуньи», и меня вся Москва обвиняетъ въ пасквилѣ. Главная улика — внѣшнее сходство: дама пишетъ красками, мужъ у нея докторъ, и живетъ она съ художникомъ» (1892, Авиловой). Какъ видимъ, Чеховъ досадуетъ на «напасти» и иронизируетъ надъ человѣческимъ неумѣньемъ подняться выше будничнаго самолюбія, но не рѣшается отрицать факта, и, кажется, въ самомъ дѣлѣ біографу трудно не признать, что въ разсказѣ выведены дѣйствительныя лица [2]).

---

[1]) Ежовъ, «А. П. Чеховъ», «Ист. В.», 1909, Авг. 507.

[2]) Для современной Чехову Москвы было секретомъ полишинеля, что въ «Попрыгуньѣ» рѣчь идетъ о женѣ одного московскаго врача, нынѣ покойнаго, Софьѣ Петровнѣ К—вой, теперь тоже покойной. Года черезъ два-три послѣ ссоры Левитана съ Чеховымъ послѣдовало ихъ примиреніе, и Левитанъ сталъ снова наѣзжать въ Мелихово. По общему отзыву, К—ва была женщиной интересной и не заурядной, хотя и лишенной красоты въ собственномъ смыслѣ. Въ Москвѣ у нея было дѣйствительно что-то въ родѣ маленькаго салона, гдѣ еженедѣльно собирались художники, писатели, актеры и товарищи мужа, врачи. Въ ней было что-то, что собирало къ ней людей выдающихся. К-ва пережила и мужа, и Левитана, и Чехова, и сама умерла красивою смертью. Живя гдѣ-то въ глуши на дачѣ, она заразилась, ухаживая за какимъ-то брошеннымъ заразнымъ больнымъ и умерла въ нѣсколько дней. Художницей она была слабой. Ея картинъ хватило на цѣлую (посмертную) выставку, но успѣха она не имѣла.

Въ только что цитированной, мутной и полной предубѣжденій противъ Чехова статьѣ о немъ Н. Ежова, которую въ силу осторожности хочется обойти, на одну доску съ «Попрыгуньей» ставится и позднѣйшій разсказъ «Аріадна». Оба разсказа названы здѣсь «прямыми пасквилями»,—второй безъ всякой мотивировки.

Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что будущій историкъ литературы, располагающій большимъ, чѣмъ мы, запасомъ матеріаловъ, покажетъ вообще глубокую зависимость чеховскаго сюжета отъ подлинной жизни. При реальномъ складѣ его писательства это совершенно очевидная истина. Что значитъ для Чехова «оттолкнуться» отъ жизненнаго подлинника, какъ иногда одинъ намекъ жизни рождалъ полную прелести новеллу, какъ благородно было его творчество и далеко отъ дешевой портретности, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать исторія замысла «Архіерея», сохраненная однимъ изъ наиболѣе правдивыхъ «воспоминателей» о Чеховѣ.

Кажется, основной ячейкой замысла послужилъ случайный взглядъ Чехова на фотографію въ одной изъ ялтинскихъ витринъ. На карточкѣ былъ изображенъ таврическій епископъ Михаилъ (Грибановскій), совсѣмъ не старый, но жестоко страдавшій отъ чахотки человѣкъ, съ умнымъ, одухотвореннымъ лицомъ и съ печальнымъ, страдальческимъ выраженіемъ приникшій къ старушкѣ въ темномъ простомъ платьѣ тоже со скорбнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Творческая мысль посѣщаетъ художника иногда, какъ молнія, и этотъ первый взглядъ на фотографію далъ Чехову замыселъ его чудесной новеллы, скрещивающей контрастъ искусственнаго архіерейскаго величія, одиночества и тоски, съ скромностью, безпомощностью и темнотою деревенской женщины, дьячихи или дьяконицы. Карточка произвела на него впечатлѣніе, онъ купилъ ее, вернулся

изъ города очень оживленный и дома разсматривалъ и показывалъ ее. Несомнѣнно, онъ сдѣлалъ попытку фактически узнать что-нибудь объ архіереѣ, по крайней мѣрѣ, епископъ Михаилъ, дѣйствительно, былъ настоятелемъ посольской церкви (въ Аѳинахъ), какъ и архіерей его разсказа. А. П. прочиталъ и одну изъ книжекъ его. Въ воспоминаніяхъ приводится разсказъ о томъ, какъ Чеховъ вслухъ планировалъ одну изъ центральныхъ сценъ новеллы,—чтеніе архіереемъ евангелія страстей подъ общее всхлипываніе церкви. Такъ тонко, истинно по-художнически, Чеховъ «бралъ сюжетъ изъ жизни», и, если спросить, какого же архіерея онъ описалъ въ своемъ разсказѣ, конечно, надо отвѣтить—никакого, въ частности, но его архіерей имѣетъ безспорно нѣкоторое отношеніе къ таврическому Михаилу [1]).

Что касается цензуры, то безконечныхъ огорченій первой поры, какія мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, Чеховъ эпохи извѣстности зналъ немного. Вѣрнѣе, пожалуй, говорить о томъ внутреннемъ гнетѣ, какой онъ чувствовалъ самъ, работая надъ повѣстью, будучи человѣкомъ огромнаго такта и умной предусмотрительности, подсказывающей, въ какомъ режимѣ страны онъ живетъ. Для него очень обычна жалоба на то, что онъ самъ подсѣкаетъ свой писательскій размахъ, предвидя въ противномъ случаѣ неизбѣжное столкновеніе съ цензурой. Благодаря этой осмотрительности, онъ, можетъ-быть, избѣжалъ ихъ въ значительной мѣрѣ. Мы уже видѣли, что наиболѣе безпокойства доставило ему печатаніе «Сахалина», гдѣ цензура иногда зачеркивала «цѣлыя главы» (Гольцеву, IV, 322).И отвыкшій отъ цензорскихъ ножницъ, онъ особенно тягостно принималъ теперь необходимость уступокъ, когда въ этомъ являлась нужда.

---

[1]) См. „Русск. Мысль“, 1911, X, 47—49. Воспоминанія С. Щ.

«Январская книжка «Русской Мысли» была арестована, потомъ помилована,—читаемъ въ одномъ изъ его писемъ къ Суворину, — изъ моего разсказа (въ 1895 г. Чеховъ печаталъ «Три года») цензура выкинула строки, относящіяся къ религіи. Вѣдь «Русская Мысль» посылаетъ свои статьи въ предварительную цензуру. Это отнимаетъ всякую охоту писать свободно; пишешь и все чувствуешь кость поперекъ горла» (1895).

Тѣ же огорченія ждали его и при печатаніи «Моей жизни» [1]) въ «Нивѣ». «Цензура отхватила 4—5 такихъ мѣстъ, что получилась безсмыслица», жаловался онъ Гольцеву (1896). «Что сдѣлала цензура изъ моей повѣсти! Это ужасъ, ужасъ! Конецъ повѣсти обратился въ пустыню!» (П, IV, 499).

И, можетъ-быть, еще досаднѣе этой коронной, и потому неустранимой цензуры его обижала цензура редакторская, въ особенности въ ту пору, когда онъ могъ законно требовать уваженія къ каждому своему слову. Такъ, мы должны узнать, что его разсказъ «Володя большой и Володя маленькій», какимъ онъ въ 1893 г. дебютировалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», наткнулся на острее редакторскихъ ножницъ, часто стригущихъ ничуть не хуже цензорскихъ. «Ахъ, мой разсказъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», — жалуется онъ Гольцеву, — постригли такъ усердно, что съ волосами отрѣзали и голову. Цѣломудріе чисто дѣтское, а трусость изумительная. Выкинь они нѣсколько строкъ— куда бы ни шло, а то вѣдь отмахнули середку, отгрызли конецъ и такъ облинялъ мой разсказъ, что даже тошно. Ну, допустимъ, что онъ циниченъ, но тогда не

---

[1]) Чеховъ долго не могъ остановиться на заглавіи этого разсказа и первоначально предполагалъ назвать его „Моя женитьба“ или „Въ 90-хъ годахъ“.

слѣдовало его вовсе печатать, или же было бы справедливо сказать хоть слово автору, или списаться съ авторомъ, тѣмъ болѣе вѣдь, что разсказъ не попалъ въ рождественскій номеръ, а былъ отложенъ на неопредѣленное время» (1893).

III

Въ многоголосной оцѣнкѣ Чехова участвуетъ весь критическій синедріонъ. Честь перваго серьезнаго опыта оцѣнки новаго большого таланта принадлежитъ Д. С. Мережковскому, выступившему съ большою статьей «Старый вопросъ по поводу новаго таланта» [1]) вслѣдъ за К. К. Арсеньевымъ, бѣгло отмѣтившимъ еще годъ назадъ многообѣщающій приходъ Чехова [2]). Статья эта прошла въ одной книжкѣ съ «Именинами», и примѣчаніе къ ней отъ редакціи о расхожденіи ея въ нѣкоторыхъ подробностяхъ «съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ея сотрудниковъ» выдавала то глухое недовѣріе къ «идейно неясному» Чехову, какое въ своемъ мѣстѣ мы отмѣчали. Едва ли не впервые здѣсь примѣнены къ Чехову тѣ смѣлыя опредѣленія, какихъ доселѣ онъ не слышалъ. Мережковскій рѣшается сказать, что разсказы Чехова «подкупаютъ своей задушевностью и, несмотря на отрывочность, производятъ вполнѣ цѣльное художественное впечатлѣніе. Чувство, оставляемое ими, довольно неопредѣленно, но, быть-можетъ, въ этомъ и заключается главная ихъ прелесть». Онъ пытается означить нѣкоторыя конкретныя особенности этого таланта,—соединеніе очень широкаго мистическаго чувства природы и безконечности съ трезвымъ здоровымъ реа-

---

[1]) «Сѣв. Вѣстн.», 1888, XI.

[2]) «Вѣст. Евр.», 1887, XI, «Беллетристика послѣдняго времени»

лизмомъ». «Природа для разсказовъ—не аксессуаръ, не декорація, не фонъ, а часть самой жизни, самаго дѣйствія, основная грандіозная мелодія, въ которой звуки человѣческихъ голосовъ то выдѣляются, то исчезаютъ, какъ отдѣльные аккорды». Онъ говоритъ о «мастерствѣ» и замѣчаетъ, что у Чехова, «*какъ у истиннаго поэта*, есть глубокая сердечность и теплота въ отношеніи къ природѣ и истинное пониманіе ея безсознательной жизни». Разсказъ «Мечты» онъ называетъ «маленькой поэмой въ прозѣ», «Святою ночью»—прелестнѣйшей изъ новеллъ.

О Чеховѣ, вошедшемъ въ силу, высказываются затѣмъ многократно Михайловскій, Скабичевскій и Буренинъ, М. Протопоповъ (1892), П. Перцовъ (1893), И. Ивановъ и В. Гольцевъ (1894), Пл. Красновъ (1895), К. Медвѣдскій (1896), К. Головинъ (1897), Я. Абрамовъ (1898), Е. Андреевичъ-Соловьевъ и Д. Овсянико-Куликовскій (1899), В. Боцяновскій и А. Волынскій (1900), Ѳ. Батюшковъ, В. Чешихинъ, Р. Сементковскій, Л. Оболенскій, С. Венгеровъ, В. Шулятиковъ и т. д. Сколько было здѣсь дѣла и сколько вздора, читатель увидитъ въ спеціальной главѣ о критикѣ. Чтобы судить, насколько и «признанный» Чеховъ былъ мало понятъ, достаточно хотя бы такихъ строкъ М-скаго по поводу сборника, начинавшагося «Дуэлью».

«Несомнѣнно, онъ талантливъ,—читаете вы здѣсь о Чеховѣ,—но какой прокъ вышелъ изъ его таланта?.. Всѣ разсказы его отличаетъ одинъ недостатокъ—«неумѣнье проникнуть въ душу человѣка». «Мы читаемъ разсказъ за разсказомъ, и все-таки намъ неизвѣстно, зачѣмъ Чеховъ пишетъ» [1]). «Аріадну» г. Ачкасовъ находилъ такимъ «слабымъ и спутаннымъ» разсказомъ, видѣлъ въ

---

[1]) «Русск. Вѣст.», 1896, VII—VIII, «Жертва безвременья».

немъ «столько недомыслія и несообразностей, что о немъ не стоило бы говорить» (КХП, 688).

Пріемъ критикой и читателемъ новыхъ разсказовъ Чехова былъ очень неровнымъ. Въ то время, какъ одни не вызывали почти никакой ряби въ морѣ житейскомъ и литературномъ и сопровождались лишь вялой отмѣткой присяжныхъ обозрѣвателей, какъ «Бабье царство», «Три года» [1]), другіе воистину совершали тріумфальное шествіе, надолго заслоняя всѣ другія литературныя явленія и рождая оживленнѣйшій обмѣнъ мнѣній, критическія статьи и общественные фельетоны. Такая исключительная судьба выпала на долю «Палаты № 6» (1892) и «Мужиковъ» (1897) и въ меньшей мѣрѣ «Чернаго монаха» (1894) и «Человѣка въ футлярѣ» (1898), въ которомъ критика какъ-то сразу почувствовала новый современный типъ.

«Палата № 6», этотъ разсказъ о единственномъ человѣчномъ человѣкѣ, для котораго не нашлось мѣста на землѣ, кромѣ сумасшедшаго дома, былъ принятъ одними какъ оскорбленіе, другими какъ пророческій окликъ, заставляющій одуматься. Нѣсколько измѣняя своему обычному предубѣжденію противъ Чехова, Михайловскій говорилъ о «сильномъ впечатлѣніи» разсказа и заключалъ статью предположеніемъ, что, «если бы Чеховъ разстался съ своимъ безразличіемъ и безучастіемъ, русская литература имѣла бы въ его лицѣ не только большой талантъ, а и большого писателя... Въ «Палатѣ» мы опять имѣемъ бусы, да еще перепутанныя, но мнѣ и здѣсь чудится безсознательный протестъ большого таланта противъ употребленія, какое изъ него дѣлаетъ авторъ» [2]). Не было ни одной газеты,

---

[1]) За «Три года» развѣнчиваетъ Чехова Буренинъ въ «Н. Вр.», № 6794.

[2]) Михайловскій, соч., VI, 1045. См. въ «Недѣлѣ», 1893, I, статью М. Меньшикова «Безъ воли и совѣсти».

ни одного мелкаго еженедѣльника, который бы не высказался о новомъ превосходномъ разсказѣ.

«Палата № 6-й», — писалъ Короленко, — произведеніе поразительное по захватывающей силѣ и глубинѣ, съ какимъ выражено въ немъ новое настроеніе Чехова, которое я назвалъ бы настроеніемъ новаго періода. Оно совершенно опредѣлилось, и всѣмъ стала ясна неожиданная перемѣна: человѣкъ, еще такъ недавно подходившій къ жизни съ радостнымъ смѣхомъ и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при болѣе пристальномъ взглядѣ въ глубину жизни невольно почувствовалъ себя пессимистомъ».

Еще большій тріумфъ пережилъ Чеховъ послѣ «Мужиковъ». Прогрессивная печать подчеркнула повѣсть, какъ страшное свидѣтельство гибельности режима для деревни, правые журналы накинулись на писателя съ шаблонными укоризнами за клевету на народъ. Меньшиковъ въ «Недѣлѣ» сравнивалъ впечатлѣніе новаго разсказа съ «строгимъ реквіемомъ, раздавшимся среди уличнаго гама». «Что ни фигура, это цѣлый символъ... Ч. развернулъ всю силу своего огромнаго таланта, но больше силу, чѣмъ красоту... Это серьезный и очень цѣнный вкладъ въ нашу классическую литературу и большая заслуга передъ обществомъ. Если «Мужики» не явятся событіемъ, дѣлающимъ эру въ беллетристикѣ, какъ когда-то «Антонъ Горемыка», несравненно слабѣйшій, или «Записки Охотника», не болѣе сильныя, то причина этого будетъ не въ произведеніи, а въ обществѣ... Какъ вещь художественная, они даютъ не только *полное* знаніе въ затронутой области, но и знаніе *важное* по существу... Это — драгоцѣнный вкладъ въ науку о народѣ, изъ всѣхъ наукъ, можетъ-быть, самую важную [1]).

П. Б. Струве находилъ выводы «Мужиковъ» гораздо болѣе значительными и широкими, чѣмъ банальная аксіома о необходимости

---

[1]) Меньшиковъ, «Критич. очерки», II, 84—100.

просвѣщенія и „долгѣ интеллигенціи“. Они отвоевывали права человѣческой личности, „какъ необходимаго продукта опредѣленнаго хода развитія формъ жизни“. „Несущественно, думалъ ли самъ авторъ объ этой морали, и намъ кажется, что онъ не думалъ, но онъ воплотилъ ее въ образахъ“ (КХІІ, 726). Богдановичъ называлъ разсказъ „неподражаемымъ по силѣ“ (ib., 746).

Михайловскій и на этотъ разъ суровѣе другихъ говорилъ о Чеховѣ и вступилъ даже въ полемику по поводу новаго сказанія о народѣ. „Говоря совершенно искренне“, онъ „не понималъ восторговъ“. „Мужики“—„далеко не изъ лучшихъ разсказовъ Чехова. Въ нихъ есть что-то недодѣланное, отзывающееся черновикомъ“ (!?). Репутація Чехова казалась ему теперь уже очень опредѣленной репутаціей—„сильный талантъ, которому какія-то обстоятельства мѣшаютъ развернуться во всю мѣру своей силы“. Цитируя свои любимыя слова профессора «Скучной исторіи» о томъ, что у него «каждое чувство и каждая мысль живутъ особнякомъ», что у него нѣтъ «того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка», онъ примѣнялъ это къ самому Чехову и дѣлалъ приговоръ—„никакихъ общихъ выводовъ изъ произведеній Ч. дѣлать не слѣдуетъ, да и просто нельзя (!?). Безпрестанно перенося свое художественное вниманіе съ одного предмета на предметъ, онъ довольствуется самыми поверхностными наблюденіями. Поверхностность эта скрадывается большою талантливостью“. И онъ отдавалъ высокое преимущество Гл. Успенскому, „трепетно и вдумчиво“ всматривавшемуся въ народную жизнь. „Успенскій не то, что Ч., который, записавъ нѣсколько своихъ наблюденій, даетъ имъ исчерпывающее заглавіе „Мужики“, а затѣмъ перейдетъ можетъ-быть, къ „Черному монаху“ или къ водевилю „Медвѣдь“ [1]).

Надо вспомнить исключительное положеніе Михайловскаго въ тогдашней литературѣ и общественности, чтобы оцѣнить значеніе этихъ расхолаживающихъ, скупыхъ словъ для Чехова. Онъ былъ буквально послѣдній «изъ стаи славныхъ». Про него говорили—«magister dixit». Молодежь знала изъ него цѣлыя страницы и спорила «по Михайловскому». Въ журналистикѣ и газетномъ мірѣ при-

---

[1]) КХІІ, 726—739. См. еще «Русск. Бог.», 1897, VI и XI—«О страшной силѣ Novus'a, моей робости и нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ». Статьи Novus'a — въ «Нов. Словѣ», 1897. Май и Октябрь.

слушивались къ его камертону. Одно его слово выдвигало писателя на степень извѣстности, и одно слово навсегда убивало. Къ несчастью Чехова, которому это стоило дорого, первый критикъ его времени не поддержалъ его, не понялъ, заподозрилъ прогрессивность его взглядовъ и вкусовъ, отнесся къ нему съ осторожной и скупой сдержанностью и не только не поддержалъ, но можно сказать, и отвергъ. Онъ не могъ не помнить случая съ В. А. Гольцевымъ, рискнувшимъ прочитать въ началѣ 90-хъ гг. публичную лекцію объ этомъ писателѣ, тогда еще не порвавшемъ съ «Новымъ Временемъ» Гольцева, который самъ былъ выше подозрѣній, готовы были обвинить чуть ли не въ консерватизмѣ, и маленькая депутація отъ студентовъ, явившись къ нему, неуклюже «высказала ему порицаніе».

Въ сдержанности Михайловскаго даже послѣ «Мужиковъ», можетъ-быть, даже противъ воли его сказалось и огорченіе за тотъ отвергнутый совѣтъ, съ какимъ когда-то критикъ «Отеч. Записокъ» и «Русскаго Богатства» самъ, по личному почину, обратился къ молодому беллетристу. Даже послѣ «Палаты № 6» и «Мужиковъ» Михайловскій не болѣе, какъ снисходилъ къ слишкомъ очевидному таланту, но не записывался въ его поклонники, не жалѣлъ оговорокъ и все еще не поручился бы за безупречность въ будущемъ его міровоззрѣнія! Читающее общество на этотъ разъ пошло не только мимо перваго критика, но и наперекоръ ему.

Какъ принималъ самъ Чеховъ это отношеніе, которое менѣе цѣльный человѣкъ принялъ бы, конечно, какъ обиду? Обычная сдержанность удерживала его отъ досадливыхъ словъ и нервныхъ замѣчаній, однако, едва ли онъ принималъ прорывающуюся душевную непріязнь или точнѣе—неродственность Михайловскаго покорно и кротко. Мы располагаемъ, по крайней мѣрѣ, однимъ

свидѣтельскимъ показаніемъ, что въ Чеховѣ было другое чувство. «Около 1896 года,—разсказываетъ одинъ изъ знавшихъ его, — я какъ-то разговорился съ Антономъ Павловичемъ о Михайловскомъ, популярность котораго уже начинала колебаться, хотя было принято «при Чеховѣ не говорить о Михайловскомъ», всѣ знали ихъ отношенія, переходящія почти въ нелюбовь. На положеніи студента мнѣ было можно. Чеховъ замѣтилъ: «Михайловскій крупный соціологъ и неудачный критикъ. Онъ такъ созданъ, что не можетъ понять, что такое беллетристика». Это было одно изъ рѣдкихъ категорическихъ сужденій, такъ какъ Чеховъ вообще избѣгалъ высказываться рѣзко, но оцѣнка Михайловскому была сдѣлана совершенно вѣрная» [1]).

---

[1]) „Туркест. Вѣд.", 1910, отъ 26 февраля.

КАТАСТРОФА.

„ЧАЙКА“.

(1896)

I

Въ 1885 году въ Бабкинѣ художникъ Левитанъ, находясь на берегу Волги съ сестрой Чехова, увидѣлъ стаю чаекъ. Онъ выстрѣлилъ, и птица камнемъ упала на песокъ. Сестра Чехова стала упрекать его въ безсмысленной жестокости. Левитанъ сначала растерялся, потомъ тоже разстроился, поклялся, что больше никогда не сдѣлаетъ ничего подобнаго и со словами: «бросаю свой скверный поступокъ къ вашимъ ногамъ» бросилъ чайку сестрѣ писателя подъ ноги... Такъ запечатлѣваетъ первую мысль о «Чайкѣ» разсказъ, многократно повторенный печатью.

Въ перепискѣ Чехова мы наталкиваемся на нѣсколько иной варіантъ. Въ 1892 году въ апрѣлѣ у Чехова гостилъ Левитанъ. Разъ вечеромъ онъ пошелъ на тягу, выстрѣлилъ въ вальдшнепа и перебилъ ему крыло. Птица упала въ лужу. «Я поднялъ его,—пишетъ Чеховъ въ письмѣ,—длинный носъ, большіе, черные глаза и прекрасная одежа. Смотритъ съ удивленіемъ. Что съ нимъ дѣлать? Левитанъ морщится, закрываетъ глаза и проситъ съ дрожью въ голосѣ: «Голубчикъ, ударь его головкой по ложу»... Я говорю: не могу. Онъ продолжаетъ нервно пожимать плечами, вздрагивать головой

и проситъ. А вальдшнепъ продолжаетъ смотрѣть съ удивленіемъ. Пришлось послушаться Левитана и убить его. Однимъ красивымъ, влюбленнымъ созданіемъ стало меньше, а два дурака вернулись домой и сѣли ужинать». (Суворину, 1892).

Едва ли можно сомнѣваться, что два эти сходные случая сливаются въ одинъ, и большая точность, разумѣется, на сторонѣ разсказа самого Чехова, но и первый, путая время и мѣсто, даетъ нѣкоторыя небезынтересныя детали, можетъ-быть, и подлинныя. Какъ бы то ни было въ этомъ случаѣ съ Левитаномъ, былъ ли онъ такъ закругленъ и законченъ, какъ представляетъ первая версія, или мелькнулъ только смутнымъ мотивомъ, — біографъ Чехова въ правѣ видѣть зародышъ будущей знаменитой «Чайки». Въ книгѣ чеховской жизни съ этимъ созданіемъ, такимъ для него характернымъ, связаны самыя печальныя страницы. Ударъ, принятый имъ въ вечеръ постановки пьесы, былъ тѣмъ оглушительнѣе, что палъ на то время, когда Чеховъ былъ уже надломленнымъ, не прежнимъ, уже вступилъ въ полосу ранней осени. Долгое время неизгладимое впечатлѣніе катастрофы гнететъ поэта «Степи». Съ болью и вѣчнымъ уколомъ онъ вспоминаетъ самое имя пьесы. Въ концѣ его жизни къ нему приходитъ реабилитація: «Чайка» возрождается и несетъ ему неожиданныя радости. Но трудно сказать, принесъ ли ему и этотъ день реванша забвеніе большого стараго горя.

Писалась «Чайка» въ Мелиховѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что, уже работая надъ ней, Чеховъ чувствовалъ необычность и исключительность ея формы, ясно видѣлъ, что отбрасываетъ обычныя условности драмы, къ какимъ привыкли критикъ, актеръ и зритель, что даетъ жизнь не въ сценической обработкѣ, а такою, какова она есть. «Пишу пьесу, которую кончу, вѣроятно, не

раньше, какъ въ концѣ ноября,—пишетъ онъ въ октябрѣ 1895 г.—Пишу ее не безъ удовольствія, хотя страшно вру противъ условій сцены. Комедія, три женскихъ роли, шесть мужскихъ, четыре акта, пейзажъ (видъ на озеро); много разговоровъ о литературѣ, мало дѣйствія, пять пудовъ любви» (Суворину).

Съ окончаніемъ драмы Чеховъ уже опредѣленно сознавалъ свое драматургическое еретичество. Иногда это могло казаться ему дерзаніемъ на новыя формы, иногда—простымъ неумѣньемъ беллетриста, взявшагося за чужое дѣло. «Пьесу я уже кончилъ,—пишетъ онъ на другой день окончанія «Чайки».—Началъ ее forte и кончилъ pianissimo, вопреки всѣмъ правиламъ драматическаго искусства. Вышла повѣсть. Я болѣе недоволенъ, чѣмъ доволенъ, и, читая свою новорожденную пьесу, еще разъ убѣждаюсь, что я совсѣмъ не драматургъ. Дѣйствія очень коротки, ихъ четыре. Хотя это еще только остовъ пьесы, проектъ, который до будущаго сезона будетъ еще измѣняться милліонъ разъ, я все-таки заказалъ напечатать два экземпляра на ремингтонѣ» (Суворину).

Дата окончанія—въ письмѣ кн. Урусову отъ 21 ноября 1895 г. «Вчера я кончилъ новую пьесу, которая носитъ птичье названіе: «Чайка». Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Въ декабрѣ я буду въ Москвѣ. Былъ бы очень-очень радъ, если бы взяли на себя трудъ прочесть». О томъ же онъ извѣщалъ знакомую (Е. М. Ш.). «Пьесу я кончилъ. Вышло не ахти. Вообще, драматургъ я не важный» (IV, 418).

Внѣшнія подробности постановки переданы многими современниками Чехова. Останавливаемся на версіи Е. П. Карпова, имѣвшаго всѣ данныя знать ихъ, въ качествѣ главнаго режиссера, ставившаго пьесу.

Въ августѣ 1896 г., съ согласія директора театровъ, пьеса была включена въ репертуаръ. Извѣстіе о

новой пьесѣ Чехова вызвало живѣйшій интересъ въ труппѣ. Давыдовъ, Савина, Писаревъ, Сазоновъ, Коммиссаржевская, Аполлонскій съ нетерпѣніемъ ждали ея чтенія. У писателя въ труппѣ было много друзей и горячихъ поклонниковъ. У всѣхъ въ памяти была жива постановка его «Иванова». Въ срединѣ сентября пришли оттиски «Чайки» изъ «Русской Мысли». И режиссеръ, и артисты прекрасно понимали, что воплощеніе пьесы на сценѣ представляетъ задачу весьма большой трудности. Съ робостью приступилъ и Карповъ къ ея инсценировкѣ.

Левкѣева, юбилейный спектакль которой былъ назначенъ на 17 октября, просила отдать ей пьесу на бенефисъ. Отказать было невозможно, хотя режиссеръ предупредилъ ее, что въ драмѣ нѣтъ роли для комической актрисы. «Чайку» ставили въ девять дней, срокъ болѣе, чѣмъ короткій. Вся надежда режиссера была на то, что опытные артисты, дружно, съ любовью принявшись за работу, выйдутъ побѣдителями изъ труднаго положенія. Карповъ просилъ Чехова письмомъ намѣтить тѣхъ артистовъ, которыхъ онъ хотѣлъ бы занять въ пьесѣ. Скоро пришло письмо отъ Суворина. Онъ писалъ, что Чеховъ просилъ его назначить роли совмѣстно съ режиссеромъ и прилагалъ распредѣленіе ихъ. Въ общемъ назначенія ролей совпадали, только роль Нины Зарѣчной Чеховъ назначилъ М. Г. Савиной, Карповъ же считалъ болѣе подходящей для этой роли В. Ѳ. Коммиссаржевскую.

Роли были распредѣлены такъ: Аркадина—Дюжикова 1-я, Треплевъ—Аполлонскій, Соринъ—Давыдовъ, Нина Зарѣчная—Коммиссаржевская вмѣсто отказавшейся Савиной [1]), Шамраевъ—Варламовъ, Шамраева—

---

[1]) «Почему я отказалась играть въ «Чайкѣ»—см. подъ такимъ заглавіемъ замѣтку М. Г. Савиной въ «Чеховскомъ юбилейномъ сборникѣ», М., 1910, стр. 430.

Абаринова, Маша — Читау, Тригоринъ — Сазоновъ, Дорнъ — Писаревъ, Медвѣденко — Панчинъ. Возникалъ разговоръ о томъ, чтобы отдать роль жены управляющаго Левкѣевой, но Чеховъ ясно видѣлъ опасность и отклонилъ ее. «Пожалуй, публика станетъ ждать отъ этой роли чего-нибудь смѣшного и разочаруется» (Суворину, 1896). Медлить было некогда. На 8 октября была назначена считка драмы.

Несмотря на то, что первые артисты были уже знакомы съ пьесой, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали «Чайку» и досадовали, что ее надо играть наспѣхъ. Репетиціи затягивались съ 11-ти часовъ утра до пяти-шести вечера. По нѣскольку разъ повторяли одну и ту же сцену, передѣлывали планировку, добивались вѣрныхъ тоновъ, соотвѣтствующихъ пьесѣ настроеній. Актеры волновались, спорили между собой, горячились, нервничали. Коммиссаржевская волновалась больше всѣхъ. Чѣмъ больше она репетировала, тѣмъ болѣе ей нравилась роль. Она очень скоро нашла вѣрный тонъ для Нины и уже съ третьей репетиціи жила на сценѣ.

Давыдовъ, репетировавшій съ изумительной тщательностью, виртуозно намѣчалъ Сорина. Сазонову не давался Тригоринъ, и онъ не разъ на репетиціяхъ впадалъ въ отчаяніе. Аполлонскій тоже не сразу нашелъ тонъ для декадента-неврастеника Треплева. На четвертую репетицію пріѣхалъ въ театръ Чеховъ. «Пока «Чайка» идетъ неинтересно», писалъ онъ сестрѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ (1896, 12 окт.). Онъ аккуратно приходилъ затѣмъ каждый день въ театръ съ И. Н. Потапенко, принималъ дѣятельное участіе въ репетиціяхъ, видимо, очень волновался, хотя и не хотѣлъ этого показать. Къ Коммиссаржевской Чеховъ вначалѣ относился недовѣрчиво и очень огорчался отказомъ Савиной. Но уже послѣ первой репетиціи онъ,

видимо, успокоился за роль Нины и, прощаясь съ Карповымъ, на его вопросъ: какъ ему нравится Нина—Коммиссаржевская, отвѣтилъ: «Ничего... Она сыграетъ». «Коммиссаржевская играетъ изумительно», писалъ онъ брату М. П. (1896 г., 15 окт.).

Присутствіе автора на репетиціяхъ оживляло и поднимало актеровъ. И чѣмъ дальше подвигались репетиціи, тѣмъ спокойнѣй становился писатель. «Помню,—пишетъ Карповъ,—мы вышли вмѣстѣ съ нимъ и Потапенко изъ михайловскаго театра, гдѣ репетировали драму. Коммиссаржевская уже овладѣла ролью Нины и въ этотъ разъ была, что называется, въ ударѣ».—«Ну, если она такъ сыграетъ на спектаклѣ, будетъ очень хорошо!» сказалъ, пощипывая бородку, Чеховъ.

Мало-по-малу артисты достигли общаго тона. Пьеса шла въ мягкихъ, жизненныхъ интонаціяхъ. Генеральная репетиція прошла гладко, съ ансамблемъ, но вяло. Чувствовалось, что у актеровъ опустились нервы, не было настроенія, огня. Чехову понравились декораціи, обстановка, гримы, но больше, чѣмъ кто-нибудь, онъ чувствовалъ, что пьеса идетъ безъ подъема.

Е. И. Левкѣева, талантливая комическая актриса, съ легкой склонностью къ шаржу, была одной изъ любимицъ публики Александринскаго театра. У нея была своя, особенная публика — средній обыватель, полуинтеллигентъ-чиновникъ, богатый гостинодворецъ, домовладѣлецъ, приказчикъ,—словомъ, та публика, которая приходитъ въ театръ посмѣяться, развлечься, «съ пріятностью провести время». Въ ея бенефисъ эта публика сверху до низу набила театръ, несмотря на повышенныя цѣны. И среди этихъ благодушныхъ обывателей торчалъ кое-гдѣ желчно настроенный, угрюмый, вѣчно всѣмъ недовольный, скучающій газетный рецензентъ, литераторы и такъ называемые друзья автора.

Такова была зрительная зала на первомъ представленіи чеховской «Чайки» въ александринскомъ театрѣ, 17 октября 1896 года. Подняли занавѣсъ. «Нина»—Коммиссаржевская нервно, трепетно, какъ дебютантка, начинаетъ свой монологъ: «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...» Неудержимый смѣхъ публики... Актриса повышаетъ голосъ, говоритъ проникновенно, искренне, сильно, нервно... Зала затихаетъ. Напряженно слушаютъ. Чувствуется, что она захватила публику. Но вопросъ Аркадиной: «Сѣрой пахнетъ! Это такъ нужно?..» снова вызываетъ гомерическій хохотъ. Лучшія мѣста перваго дѣйствія пропали, непонятыя «веселой публикой». Коммиссаржевская, взволнованная, со слезами на глазахъ, бросилась къ Карпову со словами: «Что же это за ужасъ!.. Я провалила роль... Чему они смѣются»?

Я успокоилъ ее, сказавъ, что она превосходно сыграла первый актъ, что, если и дальше будетъ играть съ такимъ подъемомъ, то, навѣрно, захватитъ публику. Чудный по художественной простотѣ конецъ второго акта публика не оцѣнила. Она, очевидно, ждала совсѣмъ иного, и разочаровалась. Третій актъ доставилъ публикѣ много веселья.

Выходъ Треплева съ повязкой на головѣ — смѣшокъ въ залѣ. Аркадина дѣлаетъ перевязку Треплеву—не, удержимый хохотъ. Конецъ сцены между Аркадиной и Треплевымъ, когда они начинаютъ надѣлять другъ друга такими эпитетами, какъ «декадентъ, кіевскій мѣщанинъ, скряга, оборвышъ!» — веселятъ публику. По окончаніи пьесы вызываютъ автора и артистовъ. Но Чехова уже нѣтъ въ театрѣ. Актеры выходятъ одни. И до сего дня, замѣчаетъ Карповъ, я не могу безъ волненія вспоминать этого знаменательнаго вечера перваго представленія «Чайки». Вижу блѣд-ное лицо Че-

хова, съ растерянной, застывшей улыбкой, слышу тусклый, хриплый голосъ, которымъ онъ произнесъ фразу: «Авторъ провалился». На другой день утромъ ко мнѣ въ театръ пріѣхалъ Суворинъ, разстроенный, огорченный за Чехова до болѣзни. Онъ сообщилъ мнѣ, что Чеховъ съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Москву и просилъ его совмѣстно со мной сократить пьесу.

Другой современникъ, тоже вполнѣ благожелательный Чехову, въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ изображаетъ это трагическое, «единственное въ своемъ родѣ представленіе въ лѣтописи александринской сцены», говоритъ о «безпримѣрномъ скандалѣ», «издѣвательствѣ надъ авторомъ и артистами», «неистовомъ злорадствѣ, словно залъ переполненъ былъ на добрую половину злѣйшими врагами Чехова». Представленіе «шло буквально подъ аккомпанементъ шиканья, свистковъ, хохота, криковъ «довольно», неумѣстныхъ поддакиваній артистамъ». «Безобразіе началось чуть ли не съ первыхъ словъ комедіи. Уже въ 1-мъ актѣ кому-то не понравились декадентскіе стихи въ исполненіи Коммиссаржевской и когда, по ходу пьесы, слушатели на сценѣ произнесли «мило!» въ зрительномъ залѣ послышалось громкое замѣчаніе: «мило пронылa», что вызвало смѣхъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Неистовство росло съ каждымъ актомъ. Особенно злорадствовали строгіе цѣнители и судьи изъ пишущей братіи. Тутъ сводились личные счеты». «Я болѣе 20-ти лѣтъ посѣщаю СПБ. театры, я былъ свидѣтелемъ множества проваловъ, но ничего не запомню подобнаго» [1]).

Что наутро вся петербургская пресса встрѣтила Чехова поруганіемъ, — это давно всѣмъ извѣстно, но больше по голословному преданію. Что такое допо-

[1]) «Театралъ», 1896 г., № 95, 75—76, подписано С. Т.

длинно сказала печать,—этого отчетливо не представляли въ сущности и чеховскіе современники. Тогда было другое время. Петербургскія газеты не имѣли никакого распространенія даже, напримѣръ, въ Москвѣ.

Для пониманія катастрофы во всей ея полнотѣ надо припомнить, что Чеховъ «Чайки»—писатель съ совершенно опредѣленно установившейся и высокой репутаціей, авторъ уже «Палаты № 6». Объ его пьесѣ заранѣе оживленно говорятъ. Ее исполняетъ лучшій составъ императорскаго театра. Біографъ долженъ съ мѣста отбросить вульгарное объясненіе, будто Чехова судили невѣжды и малограмотные рецензенты. Это совершенно невѣрно,—рѣшительно наоборотъ: на пьесу идетъ не рецензентская мелкота, а спеціалисты театральной критики и сами писатели. Въ «Новомъ Времени» о немъ пишетъ чрезвычайно къ нему расположенный Суворинъ. Въ другихъ газетахъ—А. Р. Кугель, I. I. Ясинскій, недавно умершій стихотворецъ В. Шуфъ. Нѣкоторыя стихотворныя шутки о немъ принадлежатъ С. Фругу. Лейкинъ на два дня прерываетъ свою веселую болтовню о купцахъ и купчихахъ и посвящаетъ два большихъ фельетона «Летучихъ замѣтокъ» «Чайкѣ».

Чехова судили люди, которымъ и книги въ руки, но отрицательный эффектъ перваго спектакля былъ настолько ошеломителенъ, фіаско пьесы настолько очевидно, что было немыслимо отстаивать успѣхъ драмы. Даже дружественный Чехову Суворинъ въ ночной замѣткѣ не могъ скрыть неуспѣха.

«Пьеса не имѣла успѣха, хотя въ чтеніи это—прямо талантливая вещь, стоящая по литературнымъ достоинствамъ гораздо выше множества пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ».

И только. Старый писатель и театралъ предоставлялъ высказаться другимъ товарищамъ по перу прежде, чѣмъ

до конца высказался самъ. А утро 18 октября принесло Чехову жестокій приговоръ. Тогда уже авторитетный критикъ, Homo novus (А. Р. Кугель), въ «Петербургской Газетѣ» писалъ:

„Давно не приходилось присутствовать при такомъ полномъ провалѣ пьесы. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что она принадлежитъ перу талантливаго писателя, хотя, быть-можетъ, и не въ мѣру возвеличеннаго друзьями. О, эти друзья талантливыхъ авторовъ! „Чайка“ производитъ поистинѣ удручающее впечатлѣніе. Во-первыхъ, это нисколько не пьеса, и на „комедіи“ Чехова (кстати, въ этой „комедіи“ одно покушеніе на самоубійство, одно настоящее самоубійство и вообще мрачное отчаяніе на всѣхъ лицахъ,— хороша комедія!) съ замѣчательною яркостью сказалось роковое заблужденіе, будто рамки драматическаго произведенія совпадаютъ съ рамками романа. Я не знаю въ точности, кому первому пришла въ голову эта несчастная мысль, но я увѣренъ, что, благодаря этому дикому парадоксу, пьесы, которыя могли быть просто дурными, превратились въ невозможно дурныя.

„Во-вторыхъ, пьеса г. Чехова болѣзненная. Дѣйствующія лица бродятъ не то въ экстазѣ, не то въ полуснѣ, и во всемъ чувствуется какая-то декадентская усталость жизни. Талантъ г. Чахова страдаетъ какимъ-то глубокимъ внутреннимъ недугомъ. Что выйдетъ изъ этого броженія? Новыя ли формы, которыхъ такъ жадно ищетъ герой „Чайки“, или медленное, правильное „вырожденіе“, о которомъ говоритъ Нордау, не знаю, но смотрѣть такія пьесы и больно, и тяжело...

„Надо сказать правду, что исполненіе также отличалось декадентскою усталостью. Г. Сазоновъ изображалъ больше Подхалюзина, чѣмъ безхарактернаго и въ существѣ довольно гнуснаго беллетриста, подстрѣлившаго живую чайку, г-жу Коммиссаржевскую. У послѣдней попадались недурныя мѣста, но все въ общемъ есь ансамбль былъ лишенъ характерности, тогда какъ единственно въ строгой характерности исполненія лежало нѣкоторое спасеніе пьесы, такъ что почти не апплодировали актерамъ. Вещь, неслыханная въ стѣнахъ добраго Александринскаго театра.. Выражаясь словами беллетриста Тригорина, „брюнеты были возмущены, блондины сохраняли полное равнодушіе“.. И знаете, мнѣ даже показалось, что въ публикѣ было больше брюнетовъ“.

Откровенное чувство жестокаго недоумѣнія заявлялъ I. I. Ясинскій («Биржевыя Вѣдомости»).

„Отдѣльные штрихи, даже нѣкоторыя лица,—все это было такъ ярко и въ то же время въ общемъ это такъ сумбурно и дико. Это не „Чайка",—просто дичь. Въ чемъ тайна ея неуспѣха,—я не знаю. Неужели играли александринскіе актеры хуже, чѣмъ они обыкновенно играютъ? Въ самомъ дѣлѣ, надо отдать имъ справедливость,—они были невозможны. Еще недурна была Коммиссаржевская, но остальные какъ-то мямлили, жевали фразы, ходили, какъ отравленные. Сразу былъ взятъ невѣрный тонъ, и ужъ комедія была сорвана. Началась нелѣпица въ лицахъ,—кто въ лѣсъ, кто по дрова... Много мелкихъ и одностороннихъ наблюденій, обличающихъ беллетриста, привыкшаго къ писанію небольшихъ очерковъ и разсказовъ, но и неопытнаго драматурга

„Еще причина, почему пьеса не была принята ни актерами, ни публикою: всѣ были сконфужены. Съ какого мѣста начался этотъ конфузъ,—въ точности нельзя опредѣлить. Лица горѣли отъ стыда. Безконечно жаль, что пьеса такъ не удалась. Я вотъ заканчиваю это письмо и хочу вспомнить, что было въ ней хорошаго. Въ ней было хорошо озеро, и было еще нѣсколько искорокъ въ игрѣ Коммиссаржевской. Но и эти искорки погасли, когда поэтической Нинѣ пришла несчастная фантазія надѣть на ебя простыню, стащивъ ее съ постели".

Рецензія заканчивалась одобрительными словами, которыя, впрочемъ, талантъ, окрыленный большими надеждами, встрѣчаетъ обыкновенно съ глубокою горечью, какъ жалость и состраданіе.

„Чеховъ все-таки большой писатель,—заключалъ Ясинскій.— Вѣчныя похвалы парализовали въ немъ критическое отношеніе къ себѣ, но это на время. Неудача должна послужить ему же на пользу. Мы еще увидимъ не одну его замѣчательную комедію Вѣдь и Наполеонъ проигрывалъ битвы. Не надо только терять мужества".

«Новости» писали, что «юбилейное бенефисное торжество было омрачено почти безпримѣрнымъ, небывалымъ въ лѣтописяхъ нашего образцоваго театра скандаломъ. Послѣ 3-го дѣйствія шиканье стало об-

шимъ, оглушительнымъ, выражавшимъ единодушный приговоръ тысячи зрителей тѣмъ «новымъ формамъ» и той новой безсмыслицѣ, съ которыми рѣшился явиться на сцену «нашъ талантливый беллетристъ». Единодушіе публика проявила удивительное, рѣдкое и, конечно, этому можно было только порадоваться» (!?). «Со всѣхъ точекъ зрѣнія,—писалъ на другое утро тотъ же рецензентъ,—идейной, литературной и сценической, пьеса Чехова даже не плоха, а совершенно нелѣпа. Въ сущности, между всѣми лицами драмы есть одна главная преобладающая связь—развратъ (!?) [1].

«Петербургскій Листокъ» разилъ «Чайку» съ плеча. Въ анонимной замѣткѣ отмѣчалось, что «Чайка» погибла.

Ее убило единогласное шиканье всей публики. Точно милліоны пчелъ, осъ, шмелей наполнили воздухъ зрительнаго зала. Такъ сильно ядовито было шиканье. Публика во время антракта зѣвала, злилась на автора, на артистовъ, на потраченное время и... бенефисныя цѣны. Это очень плохо задуманная, неумѣло скомпанованная пьеса, съ крайне страннымъ содержаніемъ или, вѣрнѣе, безъ всякаго содержанія. Отъ каждаго дѣйствія вѣяло отчаянной скукой, фальшью, незнаніемъ жизни и людей. Это—какой-то сумбуръ въ плохой драматической формѣ.

19 октября вѣское дружеское слово сказалъ о «Чайкѣ» Суворинъ, подведшій итогъ всѣмъ голосамъ прессы.

„Сегодня день торжества многихъ журналистовъ и литераторовъ. Не имѣла успѣха комедія самаго даровитаго русскаго писателя изъ молодежи ...и вотъ причина торжества! Радость поднимается до восторга и лжи; приписывается публикѣ то, чего она не дѣлала и не говорила. О, сочинители и судьи! Кто вы? Какія ваши имена и ваши заслуги? По-моему, Чеховъ можетъ спать спокойно и работать. Всѣ эти восторженные глашатаи его сценическаго неуспѣха,—неужели это судьи? Онъ останется въ русской литературѣ съ своимъ яркимъ талантомъ, а они пожужжатъ и исчезнутъ. Даже къ дирекціи обращаются: зачѣмъ-де

---

[1]) «Новости», 1896, № 288 и 289.

ставить такія пьесы? И все валится на автора; точно не ясно всякому добросовѣстному человѣку, что пьеса плохо и наскоро срепетована, что роли были нетвердо выучены, что исполнители далеко не были на надлежащей высотѣ, что роли были распредѣлены не совсѣмъ удачно, что въ mise en scène были ошибки, которыя трудно было устранить до перваго представленія, походившаго скорѣй на генеральную репетицію.

„Къ чести труппы театра и ея режиссера ...все это признается ими самими. Я вовсе не хочу сказать, что въ неуспѣхѣ виноваты одни актеры,—есть вина и автора, но вина, зависящая болѣе всего отъ сценической неопытности, ибо, на мой взглядъ, у него не только прекрасный беллетристическій талантъ, но и драматическій несомнѣнный талантъ. Написать такую оригинальную, такую правдивую вещь, разсыпать въ ней столько наблюденій, столько горькой жизненной правды можетъ только истинный драматическій талантъ...

„Многимъ литераторамъ „Чайка" была извѣстна до появленія на сценѣ; о ней шли споры: будетъ она имѣть успѣхъ или нѣтъ. Я[illegible]я литературныя ея достоинства, новость на сценѣ нѣкото[illegible]характеровъ, прекрасныя детали, повидимому, ручались за [illegible]но для сценическаго успѣха необходима и ремесленность, от[illegible]й авторъ бѣжалъ. Среди актеровъ она тоже возбуждала интересъ не только потому, что ее написалъ А. Чеховъ, но и потому, что она подкупала талантливостью и той смѣлостью, которая заключается въ намѣреніи написать пьесу почти внѣ общепринятыхъ условій сцены. Чеховъ точно намѣренно избѣгалъ всякихъ эффектовъ, даже тамъ, гдѣ они сами собой напрашивались, избѣгалъ „ролей", которыя сплошь да рядомъ дѣлаютъ успѣхъ пьесѣ, иногда нелѣпой и ничтожной въ литературномъ смыслѣ. За свои 30 лѣтъ посѣщенія театровъ я столько видѣлъ успѣховъ ничтожностей, что неуспѣхъ пьесы даровитой меня нисколько не поразилъ.

„...Какъ блуждающіе огоньки, Треплевъ и Нина мелькаютъ на болотѣ,—симпатичные, страдающіе, непонятые другими, не понявшіе и другъ друга. Но съ міровою душой у нихъ во всякомъ случаѣ больше связи, чѣмъ у всѣхъ тѣхъ, съ которыми они живутъ... Сколько такихъ чаекъ въ русскомъ царствѣ...

„Вслѣдствіе сценической неопытности автора и неудачнаго mise en scène, послѣдняя сцена, полная оригинальнаго драматизма и поэзіи, почти пропала, тогда какъ на репетиціи она

выходила очень трогательною, какъ мнѣ говорили. И это не могло быть иначе, будь пьеса хорошо подготовлена. Я не теряю надежды, что слѣдующее представленіе дастъ публикѣ иную „Чайку“,—„Чайку“ съ ея несомнѣнными литературными достоинствами, съ ея правдою, съ ея жизненными лицами и горькой поэзіей“...

II

Этотъ же день принесъ цѣлый рядъ басенъ, юмористическихъ стишковъ, сатирическихъ фельетоновъ всевозможныхъ «Іеронимовъ добрыхъ» (С. Фругъ), «Акулъ», «Бѣдныхъ Іонафановъ» и т. д. Они не заслуживали бы никакого вниманія сами по себѣ, но нѣкоторые изъ нихъ стоитъ привести какъ образецъ пошлости, торжествующей надъ талантомъ въ бѣдѣ.

Какой-то «Аистъ» острилъ въ «Альбомѣ Свистуновъ»:

Написалъ я „Чайку“,
Рецензентовъ шайку
Возмутилъ не даромъ...
Обладаю даромъ
Рѣдкимъ символиста,
И пишу я съ жаромъ,
Только ерундисто,
Въ рамкахъ очень узкихъ.
Пьеса не для русскихъ,
Не для итальянцевъ
И не для испанцевъ
Даже не для чеховъ,
Вотъ каковъ я.

Чеховъ.

«Шпилька» въ «ПБ. Газетѣ» лирически оплакивала бѣдную русскую сцену, оскверненную преступной постановкой.

Надъ нивой, гдѣ жатва труда и любви
Въ лучахъ золотила колосья свои,—
Звучали веселыя жаврoнковъ трели,
Малиновки пѣсенку звонкую пѣли.
И какъ непріятенъ, какъ рѣзокъ и дикъ
Былъ „Чайки“ залетной пронзительный крикъ,
На праздникѣ поля, въ раздольѣ зеленомъ,
Раздавшійся чуждымъ, досадливымъ стономъ!..

«Акула» въ «Альбомѣ Свистуновъ» острила:

Говорятъ мнѣ: отмѣчай-ка
Всѣ событья этихъ дней,
Появилась было „Чайка“,
Но бѣда случилась съ ней.
Посмотрѣть ее пріѣхавъ,
Мы руками развели,—
Провалился бѣдный Чеховъ,
А у насъ ушли рубли.
Неудачная новинка
Нагнала на насъ лишь сплинъ,
Плачетъ вновь Александринка,—
Вышелъ комомъ этотъ блинъ.

«Іеронимъ Добрый» (С. Фругъ) изощрялся въ «Маленькихъ осахъ» въ побасенкѣ «Ворона и Чайка»:

Узнавъ печальную судьбу Вороны той,
Что ради славы
Одѣлась въ перья Павы,
— Эхъ, дура! Со своей вороньей простотой
Куда полѣзла ты? Вотъ дай-ка,—
Сказала Чайка,—
Я Соколомъ, сестрица, наряжусь,
И не замѣтятъ, не боюсь,
Что перышко хотя одно фальшиво...
И нарядилась Чайка впрямь на диво,
И всѣмъ бы въ Соколы годилася она,
Бѣда одна:
Взлетѣла —
И мигомъ шлепнулась назадъ,—
Ей не по силамъ, знать, былъ Сокола нарядъ...
И дѣло, — скажу я смѣло —
Пожалуй, Соколомъ рядись,
Но Соколомъ летать ты, Чайка, не берись...

Пародіи на «Чайку», появившіяся въ эти дни въ газетахъ, настолько безцвѣтны и бездарны, что ихъ рѣшительно не стоитъ продолжать. Они одинаковы и въ

стихахъ, и въ прозѣ, и ничтожность ихъ пропорціональна ихъ длинѣ. Если мы приводимъ изъ нихъ короткіе отрывки, то единственно ради того, чтобы показать, изъ какой горькой и тошнотворной чаши долженъ былъ хлебнуть въ тѣ дни Чеховъ, и объяснить, почему раны, нанесенной ему Петербургомъ 17 октября 1896 г., онъ не могъ залѣчить никогда.

Въ одной изъ пародій («Бѣднаго Іонафана»), занявшей въ «Петерб. Листкѣ» цѣлый фельетонъ («Чайка— фантастически-сумасшедшія сцены съ прологомъ, эпилогомъ, белибердою и проваломъ, сюжетъ заимствованъ въ больницѣ для умалишенныхъ»), Чеховъ выведенъ бродящимъ по Волкову кладбищу и выкапывающимъ чушь.

Мечтаю я о „формахъ“, о „пріемахъ“,
Еще не бывшихъ до сихъ поръ...
Боюсь, чтобы не вышелъ промахъ!
Пойду всему наперекоръ.
Сейчасъ, сейчасъ! Работа подается.
Всѣхъ поражу я драмою своей.
Пусть плачетъ кто, а кто смѣется,
Знакомъ мнѣ кругъ моихъ друзей.
Не драма будетъ—совершенство,
Въ ней новой жизни механизмъ.
Да здравствуетъ и декадентство!
Да здравствуетъ и символизмъ!!

Въ одной сценѣ выведены «беллетристъ Тригоринъ и журналистъ Суворинъ», изъ коихъ послѣдній объясняетъ шиканье публики тѣмъ, что «это жиды шипятъ». Коммиссаржевская протестовала противъ изображенія на сценѣ «сумасшедшихъ», Треплевъ хвалился прозой и стихами:

Каково? А! Какую пьеску-то я смастерилъ? О томъ, что будетъ съ душой Коммиссаржевской черезъ двѣсти лѣтъ! Ого! Правда, за эту пьесу меня таскали на освидѣтельствованіе къ доктору Че-

чотту, но все-таки пьеса написана въ самомъ декадентскомъ духѣ, и Мережковскій поцѣловалъ даже меня.

Въ своемъ имѣньи, у мамаши,
Въ театръ я обратилъ сарай.
На сцену вывелъ души наши,
Сюжетъ, какъ хочешь, разбирай.
Душа унылая бродила
По свѣту двѣсти тысячъ лѣтъ,
И вотъ теперь она уныло
Передъ публикой даетъ отвѣтъ.
И строкъ въ четыреста иль триста
Она читаетъ монологъ.
Да, братцы, знамя символиста
Я поддержалъ, насколько могъ.

Однако, скучно! Не застрѣлиться ли отъ нечего дѣлать? Хорошая идея! (Вынимаетъ револьверъ и стрѣляетъ себѣ подъ мышку такъ, что портитъ только новый смокингъ.) Не удалось! Ну, что же! Будемъ еще два акта глупости говорить.

Въ другой пародіи К. Рылова (кажется, псевдонимъ А. А. Соколова) въ «Петерб. Газетѣ», гдѣ еще столь недавно Чеховъ былъ persona grata, онъ вышучивался въ драматизированномъ фельетонѣ «Чайка или подлогъ на александринской сценѣ, комедія въ двухъ выстрѣлахъ и трехъ недоразумѣніяхъ». Въ намѣренной, якобы смѣшной путаницѣ участвовали Левкѣева, Коммиссаржевская, Сазоновъ, Варламовъ, Карповъ, беллетристы изъ публики и т. д. Весь огородъ былъ жнагороенъ ради такого мнимо комическаго финала:

„Вбѣгаетъ г. Карповъ. Онъ блѣденъ и имѣетъ растерянный видъ.

Карповъ. — Какая дикая, невѣроятная вещь!.. Вы видѣли „Чайку“?

Первый критикъ.—Видѣли...

Карповъ. — Нѣтъ, не видѣли... Это была не „Чайка“, а... а чортъ знаетъ что! Фальсификація, подлогъ... И все это устроилъ суфлеръ?!

Второй критикъ.—Суфлеръ?!

Карповъ.—Да, суфлеръ... Онъ требовалъ бенефиса, ему отказали и вотъ... несъ всякую чепуху!

Первый критикъ.—А артисты что?

Карповъ (махнувъ рукой)—Артисты что?.. Артисты шли по суфлеру... О, яду мнѣ, яду!..

Буфетчикъ.—Большую рюмку или маленькую..."

А вотъ образцы претендующей на остроумiе газетной causerie, гдѣ все-таки найдется бытовой или психологическiй бликъ (изъ «Антрактовъ» «Петерб. Газеты»).

„Переполненный театръ. Цѣлая плеяда беллетристовъ и драматурговъ. Среди другихъ Боборыкинъ, Гнѣдичъ, Ясинскiй, Потѣхинъ, Муравлинъ, Луговой, Щегловъ. Можно насчитать еще дюжины полторы. И точно, пьеса какъ будто спецiально сработана для беллетристовъ. Оба героя—беллетристы, и хотя за обоими грѣховъ много, но оба чрезвычайно обольстительны. Въ результатѣ беллетристы были польщены и старались дѣлать видъ что портреты писаны съ нихъ.

Въ антрактахъ неумолкающiй гулъ пересудовъ...

— Что ни говорите, а свѣжо!..

— Еще бы. Форточка открыта: того гляди, бронхитъ надуетъ...

— Нѣтъ, я про пьесу. Барыня нюхаетъ табакъ. Если бы Мельякъ это выдумалъ, сказали бы—«une trouvaille», а у насъ сейчасъ: почему, зачѣмъ, для чего табакъ?

— Ну, нѣтъ, это навѣяно „маленькимъ Фаустомъ". А впрочемъ, спасибо нюхательному табаку: безъ него и совсѣмъ пришлось бы заснуть...

— Вы понимаете, въ чемъ дѣло?

— Mais parfaitement. Видите ли, чайка, она летитъ, и онъ ее убиваетъ. Затѣмъ Коммиссаржевская влюбляется въ Сазонова. Она тоже летитъ, и вотъ всѣ летятъ и потомъ садятся... Это просто, какъ я не знаю что. C'est du Meterlinc. Вы знаете, этотъ бельгiецъ. Онъ пишетъ въ символахъ. Вы обратили вниманiе на эту фразу: „Гвоздь въ головѣ, сосущiй сердце". En voila un clou для новой пьесы!.."

Въ двухъ большихъ беллетристическихъ фельетонахъ, скрещивая мнѣнiя зрителей, Лейкинъ провелъ свое личное сужденiе о пьесѣ Чехова. Среди шутокъ здѣсь слы-

шится не одно трезвое замѣчаніе. Время показало, что во многомъ Лейкинъ со своимъ здравымъ русскимъ смысломъ былъ правъ.

„Вамъ хочется, чтобы я призналъ провалъ,—въ этихъ словахъ „писателя съ бородою лопатой“ слышится его голосъ,—да, извольте. да, провалилась, но провалилась только передъ сегодняшней публикой, передъ бенефисной, а къ слѣдующему представленію сдѣлаютъ необходимые купюры, и пьеса будетъ смотрѣться. Человѣкъ новшествъ искалъ реальной правды, сфотографировалъ, изобразилъ, какъ бываетъ въ жизни, и такъ заставилъ играть. А играть, оказывается, такъ не годится, какъ въ жизни происходитъ. Нужны эффекты, нужна сценическая рутина, нужны банальности. Дай сейчасъ эту пьесу драматургу-портному для исправленій. Онъ просидитъ надъ ней только вечеръ и такую изъ нея пьесу сдѣлаетъ, что вся даже бенефисная публика пальчики оближетъ“.

Послѣ перваго акта, когда «занавѣсъ опустился при глубокомъ молчаніи», у Лейкина бесѣдуютъ фракъ и смокингъ. Фракъ зѣваетъ:

— Тощища и ерунда! Я думалъ, онъ актеровъ-любителей въ комическомъ видѣ представитъ.

— Да вѣдь онъ и выставилъ актрису-любительницу. Выставленъ драматургъ-декадентъ.

— Ни у кого ролей нѣтъ. Актеры паузятъ. Ерунда!

— Погодите... Нельзя же судить по первому акту.

— Но вѣдь безъ хлопка... Даже здѣшній пресловутый раекъ молчитъ...

— Слышите, публика-то пошикиваетъ?—говоритъ „лысый сюртукъ“.—Да и на самомъ дѣлѣ,—второй актъ, по-моему...

— Да...—отвѣчаетъ „косматый сюртукъ“.—Но все-таки пьеса—литературная вещь!

— Позвольте... По-моему—тутъ нѣтъ пьесы, а ужъ комедіи и подавно; а на афишѣ комедія! Если я плачу большія бенефисныя деньги, то и дай мнѣ тотъ шаблонъ, который мнѣ нравится. Да и актеры спустя рукава играютъ.

— Вотъ съ этимъ я согласенъ, хотя Сазоновъ и Давыдовъ дѣлаютъ все, что можно. Но нельзя выпускать такую актрису, какъ Коммиссаржевская, сразу на такія роли (!).

Очень значительный факторъ неуспѣха, позднѣе чрезмѣрно выдвинутый, въ свое время отмѣчалъ Лейкинъ среди своихъ шутокъ. Послѣ третьяго акта онъ выводитъ двухъ разговаривающихъ беллетристовъ.

— Торжественно провалилась пьеса, по-моему.

— Полно вамъ... Такъ очень многія пьесы въ первое представленіе проваливаются, а потомъ, въ послѣдующія—отлично смотрятся и даже хорошіе сборы даютъ. Замѣтьте, *вѣдь сегодня бенефисная публика...* Ей никогда ничего не нравится. Она, Богъ знаетъ, чего требуетъ.

Подходятъ усы.

— По-моему, у Чехова слишкомъ мало друзей среди газетнаго міра,—говорятъ усы.—Вы посмотрите, какъ всѣ эти критики и рецензенты злорадствуютъ, что пьеса не имѣетъ успѣха. Для нихъ это—какой-то праздникъ, торжество.

— Букашки, мошки, таракашки. Это они отъ зависти къ таланту.

— Полный провалъ. Нѣтъ, онъ не драматургъ. Впрочемъ, я всегда говорилъ, что его хватаетъ только на маленькіе разсказцы. Маленькіе разсказцы у него иногда не дурны.

Борода клиномъ отходитъ и направляется въ буфетъ. Борода лопатой киваетъ ему вслѣдъ:

— На однѣхъ роляхъ съ Чеховымъ. Тоже злорадство. Говорятъ, тоже пьесу написалъ. Вотъ посмотримъ, что самъ выворотитъ!

Усы трогаютъ бороду лопатой по плечу.

— Послушайте, какой сейчасъ комическій инцидентъ. Я сижу въ креслахъ, а сзади меня—двое и все разговариваютъ, все дѣлаютъ замѣчанія насчетъ игры актеровъ.—Чудесно. Выходитъ Коммиссаржевская, подходитъ къ Сазонову и говоритъ: „четъ или нечетъ, итти мнѣ въ актрисы, или не итти!". Вдругъ, сзади меня возгласъ: „не ходи! Иди лучше въ гувернантки!". Да вѣдь громко таково!

— Сообщите Варламову. Онъ въ пьесѣ все театральные анекдоты разсказываетъ. Пусть въ слѣдующее представленіе вставитъ этотъ анекдотъ и разскажетъ,—отвѣчаетъ борода лопатой.

— А вы думаете, будетъ слѣдующее представленіе?

Лейкинъ подтверждаетъ, что александринскіе актеры были въ «Чайкѣ» далеко не на высотѣ призванія. Всѣхъ удивлялъ, напримѣръ, гримъ Варламова.

— Зло меня на Варламова беретъ,—говоритъ дама купеческой складки.—Играетъ кучера изъ хорошаго дома, а самъ...

— Матушка, онъ управляющаго имѣніемъ играетъ.

— Управляющаго? А я думала кучера какого-нибудь, особенно для хорошихъ заводскихъ рысаковъ. Ну, да все равно. Играетъ управляющаго изъ хорошого дома, а не могъ себѣ рубашки въ 4-мъ актѣ перемѣнить. Въ 3-мъ и 4-мъ актѣ въ одной и той же красной рубашкѣ, а между тѣмъ въ афишѣ сказано, что между 3-мъ и 4-мъ актомъ проходитъ два года.

— Такъ-то оно такъ...—соглашается мужъ.—Но почемъ ты знаешь, можетъ-быть, онъ и перемѣнялъ?

— Да будто я не вижу, что одна и та же красная рубашка съ бѣлой полосой на подолѣ. И какъ она не износилась у него за два года

— А, можетъ-быть, у него такихъ рубашекъ полдюжины?

III

Таковы были отзывы о пьесѣ. Совершенно очевидно, однако, что зритель сколько-нибудь литературный уходилъ изъ театра съ двойственнымъ чувствомъ, гдѣ сознаніе яркаго таланта въ пьесѣ едва ли не преобладало. Литературно это сказалось въ томъ, что, вопреки обычаю, въ прессѣ явились повторныя статьи. Такъ, новый отзывъ Шуфа-Борея въ «Петербургскомъ Листкѣ» совершенно отшвырнулъ въ сторону прежнюю злую и наглую хулу этой газеты. Здѣсь слышится уже не только благожелательство, но и рѣдкое для того времени признаніе правъ авторской субъективности.

„Пьеса Чехова — слабая пьеса, — пишетъ онъ, — и ее легко высмѣять, но неудача Чехова не заслуживаетъ смѣха. Шиканье въ театрѣ—только протестъ публики,—протестъ противъ одной неудачной вещи, и авторъ не долженъ принимать его на счетъ своего таланта. Бѣдная „Чайка“ погибла. Прелестный поэтическій сюжетъ былъ испорченъ авторомъ, но, право же, изъ этого ничего не слѣдуетъ. Въ нашей печати совершенно напрасно раздались крики объ оскудѣвшемъ дарованіи. Я увѣренъ, что Ч. на

пишетъ еще много хорошаго. Помню, какъ-то я спросилъ у Ч., что онъ испытываетъ на первомъ представленіи своей пьесы. „Знаете ли, такое ощущеніе, словно идешь на медвѣдя,— отвѣтилъ онъ.—Публика, пожалуй, даже пострашнѣе медвѣдя“.

Что не нравилось рецензенту, это уклонъ Чехова въ сторону модерна, который тогда еще отожествляли съ декадентствомъ.

«Медвѣдь на этотъ разъ поборолъ Чехова, но ему остается утѣшеніемъ съ нимъ встрѣтиться еще разъ. Не черезчуръ ли старается Ч. угадать духъ и потребности времени? Зачѣмъ это декадентство у здороваго до сихъ поръ писателя? Во вкусахъ публики легко ошибиться... Можетъ-быть, пьеса лучше въ чтеніи. Не знаю, но разногласіе во мнѣніяхъ—вещь обыкновенная. Въ сущности, каждый человѣкъ, а художникъ въ особенности, страшно одинокъ и напоминаетъ тотъ египетскій обелискъ у пустынной площади, о которомъ писалъ Мопассанъ. Иногда мы говоримъ на разныхъ языкахъ... Быть-можетъ, вся суть въ томъ, что одной истины нѣтъ, нѣтъ и одной красоты. Есть двѣ истины и двѣ красоты, или истина и красота такъ велики, что каждый изъ насъ видитъ ихъ только съ одной стороны».

Суворинскій упрекъ братьямъ-писателямъ въ недоброжелательствѣ былъ поднятъ Ясинскимъ, писавшимъ въ новой статьѣ:

„Все-таки „Чайка“, провалившаяся въ пятницу, имѣетъ литературный успѣхъ; о ней говорятъ, ее бранятъ, Суворинъ ее хвалитъ. Это естественно, ея творецъ—Чеховъ. Я только удивляюсь, зачѣмъ Суворинъ утверждаетъ, будто Ч. всѣ завидуютъ и, завидуя, бѣшено радуются на трупѣ „Чайки“ его неуспѣху. Ч. всѣ любятъ. Поэтому и собралась смотрѣть его пьесу литературная братія. Если бы никто не пришелъ, развѣ это было бы лучше? Ошибки Ч. исправимы. Слѣдующая удачная пьеса заставитъ забыть о „Чайкѣ“. Ея недочеты театральные репортеры поспѣшили указать. Въ этомъ сказалось вниманіе къ Ч. И о пьесѣ, которая, по всеобщему мнѣнію, плоха, сколько пишутъ! Такъ ли завидуютъ? Настоящая зависть молчалива... Кто желаетъ добра Ч., кто цѣнитъ и понимаетъ его талантъ, тотъ не станетъ хвалить его „Чайку“.

А для «Чайки» межъ тѣмъ уже наступала исторія. 21 октября она успѣла пройти второй разъ съ небольшими сокращеніями и измѣненіями, сдѣланными Суворинымъ и Карповымъ, и предсказаніе практически умныхъ Суворина и Лейкина сбывалось. Смотрѣла другая публика, пьесу принимали безъ ревности. Не ради того, чтобы доставить удовольствіе Чехову, но совершенно искренне Суворинъ 22 октября уже писалъ въ своей газетѣ.

„Второе представленіе „Чайки" собрало полную залу. Иначе и быть не могло. „Чайка" была прослушана внимательно. Послѣ каждаго дѣйствія вызывали артистовъ по нѣскольку разъ, 4-ое дѣйствіе произвело глубокое впечатлѣніе, и публика единодушно стала вызывать автора. Но его не было въ театрѣ, такъ какъ, удрученный неуспѣхомъ, онъ на другой же день послѣ перваго представленія уѣхалъ изъ Петербурга. Однимъ словомъ, это представленіе совсѣмъ не походило на первое, и мы были правы, оцѣнивъ пьесу по ея литературнымъ достоинствамъ и выразивъ надежду, что 2-е представленіе будетъ совсѣмъ другое".

Всего «Чайка» прошла пять разъ и была снята.

При объясненіи неуспѣха «Чайки» до сего времени всегда энергично выдвигается моментъ неосторожной постановки пьесы, вовсе неподходящей къ образу того актера, въ чей бенефисъ она шла. Выдвинутое впервые на другой же день представленія Лейкинымъ, потомъ подкрѣпленное Е. П. Карповымъ, оно энергично поддержано Луговымъ и Потапенко. Первый пишетъ:

„То, что называлось *проваломъ* пьесы и исполненія, въ сущности, было просто *недоразумѣніемъ* между публикой и авторомъ. Враждебное отношеніе громаднаго большинства зрителей къ пьесѣ явилось, какъ бы карой за ту погоню за модой, за именемъ, за удобнымъ случаемъ,—ту самую погоню, которая такъ свойственна не только авторамъ и артистамъ, но больше всего и самой публикѣ. Пьеса была поставлена въ бенефисъ Левкѣевой, артистки комической,—артистки превосходной, но съ очень ограниченнымъ репертуаромъ. Публика всѣхъ слоевъ

умственнаго развитія одинаково любила сочное, яркое дарованіе Левкѣевой, охотно пошла на ея бенефисъ, но не было ничего удивительнаго, что она состояла на $^9/_{10}$ изъ обывателей, пришедшихъ искать въ этомъ спектаклѣ развлеченія,—обывателей, пришедшихъ съ опредѣленной цѣлью: „за свои деньги посмѣяться". „Чайка" всего менѣе подходила къ настроенію этой публики, а у Левкѣевой въ этой пьесѣ не было даже и самой маленькой роли. Левкѣева при выборѣ пьесы для своего бенефиса руководствовалась соображеніями чисто практическаго характера. За годъ передъ этимъ, въ бенефисъ тогдашняго режиссера Ѳедорова-Юрковскаго, былъ поставленъ „Ивановъ" и встрѣченъ очень сочувственно.

„Средній петербуржецъ зналъ въ то время Чехова, главнымъ образомъ, только еще по его юмористическимъ разсказамъ, печатавшимся въ „Петербургской Газетѣ". И не было ничего удивительнаго, что публика, наполнившая залъ на бенефисѣ, была разочарована, какъ только можетъ быть разочарована компанія веселящихся обывателей бесѣдой съ меланхолично настроеннымъ поэтомъ о его самыхъ сокровенныхъ духовныхъ переживаніяхъ. Бродя въ антрактахъ по фойэ и коридорамъ, я собственными ушами слышалъ на этомъ представленіи, какъ торжествующая въ своемъ невѣжествѣ толпа говорила сотней устъ: „Ну, вотъ вамъ и вашъ Чеховъ! Ничего нѣтъ! Когда писалъ въ „Газетѣ", былъ Чеховъ, а тутъ прославили, думаешь, Богъ знаетъ, что, а прежняго-то Чехова и слѣда не осталось: весь выдохся".

Къ этому ходячему объясненію Луговой присоединяетъ и другое—неровность исполненія.

„Насколько помню, у меня исполненіе не вызвало опредѣленно отрицательнаго отношенія къ себѣ. Самъ Чеховъ относился къ нему, повидимому, съ полнымъ одобреніемъ. Помню, когда онъ пришелъ послѣ генеральной репетиціи, онъ былъ, что называется, въ восторженномъ настроеніи. Я спросилъ его: „Ну, какъ идетъ?" Онъ мнѣ сказалъ: „Превосходно!" И чувствовалось, что настроеніе его было вполнѣ искреннимъ. Онъ говорилъ: „Коммиссаржевская—это одна прелесть! Я думаю, послѣ ея монолога громъ будетъ гремѣть въ театрѣ. Она будетъ имѣть огромный успѣхъ". Подъ впечатлѣніемъ такихъ словъ Чехова шелъ и я на то первое представленіе. Но если я не имѣлъ основанія быть недовольнымъ исполненіемъ пьесы, то и того восторга, къ которому я былъ

подготовленъ, оно у меня не вызвало. И я убѣжденъ, что восторженное настроеніе Чехова до спектакля не было результатомъ только авторскаго увлеченія, и что разница въ исполненіи между генеральной репетиціей и первымъ представленіемъ была значительная—и не въ пользу представленія“ [1]).

Совершенно неотрицаемо, что значительная часть театра изъ спеціальныхъ почитателей Левкѣевой испытала разочарованіе. Но, всмотрѣвшись во всѣ детали катастрофы, нельзя не увидѣть въ этомъ только одинъ изъ многихъ двигателей и отнюдь не главенствующій. Ни одинъ изъ защитниковъ этого мнѣнія не отрицаетъ, что Чеховъ этихъ дней былъ уже опредѣленною величиною, а не иксомъ. Сколько-нибудь сознательная часть левкѣевскихъ поклонниковъ,—а ихъ нельзя же представлять вовсе безсознательными,—не могла не знать, что Левкѣева просто даже не участвуетъ въ пьесѣ, т.-е., очевидно, пьеса вовсе не по ней, а, слѣдовательно, и не по нимъ. Наконецъ,—и главное,—въ концѣ-концовъ, вовсе не такая публика дѣлаетъ погоду въ театрѣ, рѣшаетъ судьбы пьесъ и вліяетъ на прессу. Опытный человѣкъ знаетъ не десятки, а сотни случаевъ, когда критика выноситъ приговоръ, діаметрально противоположный приговору «толпы», обвиняя ее въ непониманіи хорошаго или въ апплодисментахъ безвкусному. И, однако, мы видѣли, что роль чеховскаго защитника взялъ на себя только Суворинъ, оставшійся въ полномъ одиночествѣ.

Справедливость требуетъ не кивать всецѣло на «левкѣевскую толпу», ибо судъ надъ пьесой изнесла не она. Мы видѣли, кто изнесъ его, и видѣли, что сверхъ обыкновенія пресса въ этотъ день была не въ рукахъ случайныхъ въ газетѣ людей. «Чайку» осудила тогдашняя литература, тогдашняя театральная критика. Случайные

[1]) «Ежегодникъ Имп. театровъ». вып. VII.

люди выступили уже на готовый путь, и бездарныя пародіи дѣйствительно писали они, — они острили, что Чеховъ написалъ пьесу ни для грековъ, ни для чеховъ.

Попытку полно охватить всю совокупность причинъ, обусловившихъ катастрофу, сдѣлалъ много позднѣе, уже послѣ новой счастливой постановки «Чайки», такой безпристрастный и благожелательный Чехову человѣкъ, какъ кн. А. И. Урусовъ, бывшій свидѣтелемъ и вечера провала. Изъ его словъ, въ самомъ дѣлѣ, довольно опредѣленно выясняется, что своею пьесой Чеховъ дѣйствительно долженъ былъ не угодить ни правымъ, ни лѣвымъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни старымъ, ни молодымъ, и всѣхъ одинаково пускалъ на дорогу ошибочныхъ догадокъ и заключеній.

„Пьеса раздражала старыхъ литераторовъ своими новшествами. Оригинально оборванныя окончанія актовъ, поэтическій, но безпощадный пессимизмъ автора, нѣкоторые персонажи, напр., Маша Шамраева („зачѣмъ она нюхаетъ табакъ?“), или подозрѣніе, что авторъ сочувствуетъ „декаденту“ Треплеву и его символической пьесѣ,—все это вызвало ужасный гнѣвъ „нашихъ маститыхъ беллетристовъ“. Одинъ маститый въ своемъ рефератѣ о „Чайкѣ“ просто рвалъ и металъ, а когда его спросили: „да вы видѣли пьесу на сценѣ?“,—отвѣтилъ съ негодованіемъ: „не видѣлъ и смотрѣть не хочу, я ее знаю по рукописи“. Вообще старички-шестидесятники усмотрѣли въ пьесѣ „господина Чехова“ дерзость неимовѣрную: онъ осмѣлился быть самимъ собою на освященныхъ традиціями подмосткахъ...

„Пьеса раздражила молодыхъ писателей.—Какой это символистъ!—горячился одинъ изъ нихъ.—Чеховъ не знаетъ символистовъ!.. „Позвольте!—возражали другіе.—Чеховъ написалъ Треплева неудачникомъ, пьеса Треплева—неудачное произведеніе“. Чеховъ знаетъ, пишетъ живыхъ людей, а не воплощенія идей или направленій. Но молодые писатели пожимали плечами.

„Нѣкоторые журналисты почему-то отождествляли Чехова съ „Новымъ Временемъ“ и не прочь были провалить пьесу „изъ

того лагеря“, хотя, кажется, нетрудно было изъ произведеній Чехова убѣдиться, что онъ не принадлежитъ ни къ какому лагерю“ [1]).

Поспѣшный и недальновидный судъ, конечно, не дѣлаетъ чести тогдашней критикѣ, но едва ли дѣлаетъ ей и великое безчестье. Съ критиками-литераторами на «Чайкѣ» повторилось то, что много разъ случалось въ исторіи литературы, что, между прочимъ, за десятокъ лѣтъ передъ тѣмъ случилось съ гауптмановскимъ «Предъ восходомъ солнца». Театральная критика, мыслящая всегда близко къ мышленію господствующихъ драматурговъ, не можетъ уловить и осмыслить новыя и непривычныя формы, какъ это можетъ иногда сдѣлать человѣкъ со стороны. Ей труднѣе, чѣмъ этому стороннему, сбросить съ себя законы и путы, дѣйствовавшіе годами и десятилѣтіями.

«Чайка» была чѣмъ-то совершенно новымъ, требующимъ и совсѣмъ новыхъ пріемовъ исполненія. Слово «настроеніе» тогда ни для кого еще не имѣло значенія термина драматургіи. Нужно было пройти многимъ годамъ, нужно было явиться «московскому художественному театру», чтобы теперь обыкновенному среднему зрителю стали доступны красоты «Чайки», которыхъ тогда, въ 1896 г. не могли почувствовать спеціалисты литературы и театра. «Чайка» не имѣла успѣха не потому, что ее судили невѣжественные люди, идущіе въ театръ хохотать, и не потому, что актеры сбились съ тона, прекрасно пойманнаго на репетиціи, и не въ силу сотни другихъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Главною причиною неуспѣха было то, что ее не понимали,—она была иная и новая, не такая, какъ все то, что тогда ставилось. И самъ Чеховъ, намѣчавшій но-

[1]) «Курьеръ», 1899 г., 28 дек.

вую драму, не осилилъ еще въ совершенствѣ новой задачи: новыя формы еще шли объ руку съ старыми формами реализма. Здѣсь было отъ чего растеряться и исполнителю, и зрителю, и критику.

Эту подлинную причину неуспѣха «Чайки» очень вѣрно подчеркнулъ извѣстный театральный критикъ А. Р. Кугель въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рецензій объ этой драмѣ, шедшей въ 1905 г. въ театрѣ Коммиссаржевской и съ ея участіемъ:

«Я былъ на первомъ представленіи «Чайки» въ Александринскомъ театрѣ, былъ на возобновленіи ея, смотрѣлъ ее въ «Драматическомъ театрѣ». Да, тутъ есть «новыя формы». Но если даже предположить, что новыя формы, новые контуры даютъ и новую жизнь, то и въ такомъ случаѣ нужно войти въ эти новыя формы, дать имъ возможность всосаться въ мозгъ и сердце поэта для того, чтобы создалась гармонія формы и содержанія. Въ «Чайкѣ» Чеховъ этого не достигъ, новыя формы еще не успѣли развить въ немъ новаго зрѣнія, которое, напримѣръ, такъ опредѣленно сказалось въ «Трехъ сестрахъ» и «Вишневомъ садѣ». Символизмъ «Чайки» есть форма, но содержаніе и теченіе пьесы полно мѣстами реализма и типичности. «Новыя формы» мѣшаютъ реализму, реализмъ мѣшаетъ новымъ формамъ» [1]).

Что это было именно такъ, этому имѣются и немногіе историческіе документы,—голоса искреннихъ людей, которымъ не казалось постыднымъ признаться въ отсутствіи въ нихъ художественной прогрессивности, хватающей за десятилѣтія впередъ. Извѣстный александринскій актеръ П. М. Медвѣдевъ сохранилъ откровенное при-

---

[1]) Полна исключительнаго интереса въ этомъ же смыслѣ ретроспективнаго оправданія статья Homo-Novus'а (Кугеля) въ „Театрѣ и Искусствѣ“ за 1914 г.

знаніе, что онъ, какъ и большинство тогдашнихъ актеровъ императорскаго театра, просто не понималъ пьесы и заранѣе боялся за нее.

„Что касается самого факта неуспѣха „Чайки",—писалъ онъ,—то я не могу согласиться съ мнѣніемъ, котораго тогда, да, пожалуй, и теперь придерживаются очень многіе, что будто провалъ „Чайки" былъ неожиданнымъ. Я лично, признаться, ожидалъ его, потому что самый фактъ постановки „Чайки" въ то время былъ и преждевременен, и неумѣстенъ. Слишкомъ ужъ крутой поворотъ вышелъ: наша публика, въ особенности публика „Александринскаго театра", воспитанная на пьесахъ съ опредѣленнымъ сюжетомъ, съ яркоочерченными типами, не только тогда но, пожалуй, даже и теперь, въ массѣ не подготовлена къ пьесамъ, которыя полны символизма, недомолвокъ и неясности. Откровенно признаюсь вамъ, что *я самъ долгое время не могъ разобраться* въ этой самой „Чайкѣ", и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что публика, не видя на сценѣ своихъ излюбленныхъ типовъ и не будучи въ состояніи найти опредѣленный сюжетъ, получила такое недоумѣнное, что ли, впечатлѣніе, которое съ каждымъ актомъ росло и дошло до того, что зрители чуть ли не кричали: „занавѣсъ!" („Новости").

IV

Но возвратимся къ самому автору, котораго мы оставили на репетиціяхъ, повидимому, въ колеблющихся настроеніяхъ.

Чеховъ жилъ въ этотъ пріѣздъ у Суворина, и вотъ что писалъ о знаменательномъ днѣ издатель «Н. В.» въ страничкахъ своихъ воспоминаній:

„Когда послѣ первыхъ двухъ актовъ „Чайки" А. П. увидѣлъ, что пьеса не имѣетъ успѣха, онъ бѣжалъ изъ театра и бродилъ по Петербургу, неизвѣстно гдѣ. Сестра его и всѣ знакомые не знали, что подумать, и посылали всюду, гдѣ предполагали его найти. Онъ вернулся въ третьемъ часу ночи. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, онъ сказалъ мнѣ строгимъ голосомъ: „Назовите меня послѣднимъ словомъ (онъ произнесъ это слово), если когда-нибудь я еще напишу пьесу". На другой день онъ уѣхалъ въ

Москву раннимъ утромъ съ какимъ-то пассажирскимъ или товарнымъ поѣздомъ. Потомъ онъ оправдывался, говоря, что онъ подумалъ, что это былъ неуспѣхъ его личности, а не пьесы, и называлъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ петербургскихъ литераторовъ, которые якобы высокомѣрно съ нимъ заговорили въ антрактѣ, видя, что его пьеса падаетъ. На представленія слѣдующихъ своихъ пьесъ онъ почти не ходилъ".

Тотъ же эпизодъ такъ обрисовывается въ воспоминаніяхъ сестры Антона Павловича. «Въ день перваго представленія «Чайки» я пріѣхала въ Петербургъ. Братъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, и меня тутъ же, на вокзалѣ, поразила его угрюмость. На его лицѣ было ясно написано, что все уже потеряно, что ничего для него больше не существуетъ. «Въ чемъ дѣло?» съ тревогой я спросила у брата. «Не знаю, что мнѣ дѣлать,— отвѣчалъ онъ, — ролей совсѣмъ не знаютъ. Меня не слушаютъ и не понимаютъ... Изъ пьесы ничего не выходитъ!..» Сердце мое сжалось».

Въ страничкахъ чеховскаго дневника записано, что два-три акта онъ просидѣлъ въ уборной Левкѣевой. Къ ней приходили театральные чиновники въ вицмундирахъ и со звѣздами, Чеховъ наблюдалъ ихъ и оставилъ о нихъ не лишенныя язвительности замѣчанія (П, IV, 527).

Та же сестра А. П-ча сохранила разсказъ о финалѣ дня, разрушающій легенду, будто бы Чеховъ чуть ли не товарнымъ поѣздомъ прямо изъ театра уѣхалъ въ Москву[1]). Разыскивая брата послѣ спектакля, М. П. поѣхала туда, гдѣ онъ жилъ, но тамъ его не было. «Только на слѣдующій день у знакомыхъ я узнала, что онъ вернулся домой въ 8 часовъ утра. Оказалось, что всю ночь онъ бродилъ по Петербургу. А ночь была холодная, моросило, погода была скверная... Утромъ

---

[1]) Печатное закрѣпленіе такой легенды см. въ восп. Л. Авиловой.

я такъ и не видала его: онъ уѣхалъ въ деревню съ первымъ попавшимся поѣздомъ. Когда я пріѣхала домой, первыя его слова, обращенныя ко мнѣ, были: «Ни слова о пьесѣ!» Тогда я поклялась самой себѣ, что ни одинъ театръ не увидитъ больше ни одной его пьесы [1]).

Не нужно подчеркивать, какъ велика была степень разстроенности сраженнаго драматурга въ этотъ день. Но какъ велико было и его самообладаніе, какъ рѣзко онъ сумѣлъ переломить себя и даже шутить почти на плахѣ, — это мы увидимъ изъ разсказа близкаго ему человѣка изъ литературы, И. Н. Потапенко. Не бывшій на спектаклѣ, онъ провожалъ Чехова при его отъѣздѣ.

„Нужно было обладать чеховской выдержкой,—пишетъ онъ,— чтобы имѣть равнодушное лицо и почти равнодушно шутить надъ всѣмъ происшедшимъ. Чеховъ писалъ письма. Чемоданъ его былъ уже уложенъ. „Вотъ отлично, что пришелъ,—сказалъ А. П.,—по крайней мѣрѣ, проводишь. Тебѣ я могу доставить это удовольствіе, такъ какъ ты не принадлежишь къ очевидцамъ моего вчерашняго тріумфа... Очевидцевъ я сегодня не желаю видѣть“.—„Почтовымъ?“— „Нѣтъ, это долго ждать. Есть поѣздъ въ двѣнадцать“.—„Отвратительный. Идетъ, кажется, двадцать два часа“.—„Тѣмъ лучше. Буду спать и мечтать о славѣ... Завтра буду въ Мелиховѣ. Вотъ блаженство!.. Ни актеровъ, ни режиссеровъ, ни публики, ни газетъ. А у тебя хорошій нюхъ“.—„А что?“—„Я хотѣлъ сказать: чувство самосохраненія. Вчера не пришелъ въ театръ. Мнѣ тоже не слѣдовало ходить. Если бы ты видѣлъ физіономіи актеровъ! Они смотрѣли на меня такъ, словно я обокралъ ихъ, и обходили меня за сто саженей. Ну, идемъ“... Взяли извозчика и поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Тутъ онъ уже шутилъ и посмѣивался надъ собой. Подошелъ газетчикъ. „Не читаю“, сказалъ онъ ему. Потомъ замѣтилъ: „Посмотри, какое у него добродушное лицо, а между тѣмъ руки его полны отравы. Въ каждой газетѣ по рецензіи... Конечно,—говорилъ онъ передъ самымъ отъѣздомъ, — больше писать

[1]) «Русск. Слово», 1910 г., 17 янв.

пьесъ не буду. Не моего ума дѣло. Вчера, когда шелъ изъ театра, высоко поднявъ воротникъ, яко тать въ нощи, кто-то изъ публики сказалъ: это беллетристика, а другой прибавилъ: и преплохая; а третій спросилъ: кто такой этотъ Чеховъ? Откуда онъ взялся? А въ другомъ мѣстѣ какой-то коротенькій господинъ возмущался: не понимаю, чего это дирекція смотритъ. Это оскорбительно—допускать такія пьесы на сценѣ".

Еще большее разнообразіе оттѣнковъ искренности и сдержанности Чехова біографъ уловитъ, обратясь къ его перепискѣ. Здѣсь 18 октября, т.-е. утромъ послѣ рокового дня, датированы три краткихъ, по нѣсколько строкъ писемъ—Суворину, М. П. Чеховой и М. П. Чехову. Смыслъ ихъ одинъ, но ихъ диктуютъ разныя душевныя настроенія.

«Вчерашняго вечера я никогда не забуду,—пишетъ Чеховъ Суворину,—но все же я спалъ хорошо и уѣзжаю въ весьма сносномъ настроеніи... Въ Москвѣ ставить пьесу я не буду. *Никогда* я не буду пьесъ этихъ ни писать, ни ставить» (IV, 482).

«Вчерашнее происшествіе, — таковъ отзывъ письма сестрѣ,—не поразило и не очень огорчило меня, потому что я уже былъ подготовленъ къ нему репетиціями, и чувствую я себя не особенно скверно».

Письмо брату—всѣхъ откровеннѣе и лишено одинаково и неунывающаго тона, какой слышится въ письмѣ Суворину, и явнаго желанія не огорчать своимъ разстройствомъ болѣющую за него близкую душу:

«Пьеса шлепнулась и провалилась съ трескомъ,—пишетъ Чеховъ.—Въ театрѣ было тяжелое напряженіе недоумѣнія и позора. Актеры играли гнусно, глупо. Отсюда мораль: не слѣдуетъ писать пьесъ. Тѣмъ не менѣе, все-таки я здоровъ и пребываю въ благоутробіи».

Ближайшее письмо къ Суворину—опять самозащита отъ упрека въ малодушіи. Чеховъ не сдается и отстаиваетъ позицію автора, мужественно принимающаго не-

успѣхъ и дѣлающаго именно то, что онъ долженъ былъ дѣлать.

„Вы трижды обзываете меня бабой и говорите, что я струсилъ. Зачѣмъ такая диффамація? Послѣ спектакля я ужиналъ у Романова честь-честью, потомъ легъ спать, спалъ крѣпко и на другой день уѣхалъ домой, не издавъ ни одного жалобнаго звука. Если бы я струсилъ, то я бѣгалъ бы по редакціямъ, актерамъ, нервно умолялъ бы о снисхожденіи, нервно вносилъ бы безполезныя поправки и жилъ бы въ С.-Петербургѣ недѣли двѣ-три, ходя на свою „Чайку“, волнуясь, обливаясь холоднымъ потомъ, жалуясь... Когда вы были у меня ночью послѣ спектакля, то вѣдь вы же сами сказали, что для меня лучше всего уѣхать; и на другой день утромъ я получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ вы прощались со мной. Гдѣ же трусость? Я поступилъ такъ же разумно и холодно, какъ человѣкъ, который сдѣлалъ предложеніе, получилъ отказъ и которому ничего больше не остается, какъ уѣхать. Да, самолюбіе мое было уязвлено, но вѣдь это не съ неба свалилось; я ожидалъ неуспѣха и уже былъ подготовленъ къ нему, о чемъ и предупреждалъ васъ съ полною искренностью. Дома у себя я принялъ касторки, умылся холодной водой—и теперь хоть новую пьесу пиши. Уже не чувствую утомленія и раздраженія, и не боюсь, что ко мнѣ пріѣдутъ Давыдовъ и Жанъ [1]) говорить о пьесѣ. Съ вашими поправками я согласенъ—и благодарю 1000 разъ. Только, пожалуйста, не жалѣйте, что вы не были на репетиціи. Вѣдь была въ сущности только одна репетиція, на которой ничего нельзя было понять; сквозь отвратительную игру совсѣмъ не видно было пьесы“.

Письмо Суворину полно бравады,—мы увидимъ дальше новый откликъ Чехова тому же лицу, гдѣ будетъ больше правды и искренности. Свободнѣе письма Чехова къ В. Билибину и Вл. Немировичу-Данченко уже отъ ноября того же года, когда впечатлѣнія нѣсколько улеглись въ огорченномъ писателѣ. Онъ радъ, но успѣхъ 2-го и 3-го представленія «не можетъ стереть» съ его души «впечатлѣнія 1-го представленія». Онъ не ви-

[1]) Конечно, Щегловъ.

дѣлъ всего, но «то, что видѣлъ, было уныло и странно до чрезвычайности. Ролей не знали, играли деревянно, нерѣшительно, всѣ пали духомъ. Пала духомъ и Коммиссаржевская, которая играла неважно. И въ театрѣ было жарко, какъ въ аду. Казалось, противъ него были всѣ стихіи. Но все-таки, тѣмъ не менѣе, я могу служить примѣромъ для юношества: послѣ спектакля я ужиналъ у Романова, ночь спалъ крѣпко, утромъ рецензій не читалъ (у газетъ былъ зловѣщій видъ) и въ полдень укатилъ въ Москву».

«Моя «Чайка» имѣла въ Петербургѣ громадный неуспѣхъ,—таково признаніе Немировичу,—театръ дышалъ злобой, воздухъ сперся отъ ненависти, и я — по закону физики — вылетѣлъ изъ СПБ., какъ бомба. Во всемъ виноваты ты и Сумбатовъ, такъ какъ это вы подбили меня написать пьесу» (П, IV, 505).

Временами, кажется, еще и въ эту пору Чеховъ колебался въ рѣшеніи, хорошо или дурно то, что онъ написалъ, и заслуженъ или несправедливъ его неуспѣхъ. Лицу не изъ литературы, старому товарищу Коробову въ томъ же ноябрѣ онъ сообщаетъ: «моя пьеса прошла очень шумно—въ томъ смыслѣ, что одни говорятъ, что она безсмысленна и бранятъ меня такъ, что небу жарко, другіе же увѣряютъ что это «дивная» пьеса. *Ничего не разберешь*, но я вылетѣлъ изъ Петербурга, какъ бомба, и получаю теперь множество писемъ и даже телеграммъ; сборы полные».

Во всякомъ случаѣ, самый обдуманный и самый искренній отзывъ о спектаклѣ и объясненіе причинъ его неуспѣха такъ, какъ это Чеховъ дѣлалъ наединѣ съ самимъ собой, даны имъ въ трагическомъ письмѣ къ Суворину уже отъ 14 декабря того же года, когда все самообладаніе и вся объективность взвѣшиванія фактовъ къ нему вернулись.

«Не такъ давно,—пишетъ онъ,—получилъ я письмо отъ Кони, который былъ на «Чайкѣ». Вы и Кони доставили мнѣ письмами немало хорошихъ минутъ, но все же моя душа точно лужоная, я не чувствую къ своимъ пьесамъ ничего, кромѣ отвращенія, и черезъ силу читаю корректуру. Вы опять скажете, что это неумно, глупо, что это самолюбіе, гордость и проч., и проч. Знаю, но что же дѣлать? Я радъ бы избавиться отъ глупаго чувства, но не могу и не могу. Виновато въ этомъ не то, что моя пьеса провалилась; вѣдь въ большинствѣ мои пьесы проваливались и ранѣе, и всякій разъ съ меня, какъ съ гуся вода. 17 октября *не имѣла успѣха не пьеса, а моя личность*. Меня еще во время 1-го акта поразило одно обстоятельство, а именно: тѣ, съ кѣмъ я до 17 окт. дружески и пріятельски откровенничалъ, безпечно обѣдалъ, за кого ломалъ копья (какъ, напримѣръ, Я.),—всѣ эти имѣли странное выраженіе, ужасно странное... Однимъ словомъ, произошло то, что дало поводъ Лейкину выразить въ письмѣ соболѣзнованіе, что у меня такъ мало друзей, «Недѣлѣ» вопрошать: «что сдѣлалъ имъ Чеховъ», а «Театралу» помѣстить цѣлую корреспонденцію (96 №) о томъ, будто бы пишущая братія устроила мнѣ въ театрѣ скандалъ. Я теперь покоенъ, настроеніе у меня обычное, но все же *я не могу забыть того, что было, какъ не могъ бы забыть, если бы, напримѣръ, меня ударили*» (П, IV, 517).

Рѣшимость болѣе никогда не писать пьесъ, повидимому, была въ А. П. не мимолетной. Она прорѣзаетъ цѣлый рядъ его писемъ. «Проживу 700 лѣтъ и не напишу ни одной пьесы,—зарекается онъ Суворину.—Держу пари на что угодно» (П, IV, 494).

V

Слово ободренія въ этотъ тяжелый моментъ жизни Чехову было драгоцѣнно, и эти слова нашлись. Что писали, утѣшая его, Суворинъ и Лейкинъ, мы не знаемъ, письма не оглашены, но другія утѣшенія намъ извѣстны. Одно изъ нихъ вырвалось изъ души чуткаго и добраго А. Ѳ. Кони. Пріязни, установившейся позднѣе, еще не было между Кони и авторомъ «Чайки». До этой поры ихъ соединяла всего только одна жизненная встрѣча, когда послѣ Сахалина Чеховъ заявился къ знаменитому юристу, надѣясь съ его содѣйствіемъ улучшить трагически-безвыходную судьбу сахалинскихъ дѣтей, и маститый писатель вспоминаетъ этотъ первый визитъ, какъ нѣсколько дѣловой и полуофиціальный. Письмо Кони пока не опубликовано [1]), но сохранился отвѣтъ Чехова, гдѣ тотъ глубоко растроганъ участіемъ старшаго собрата по литературѣ.

„Вы не можете себѣ представить, какъ обрадовало меня ваше письмо,—пишетъ онъ.—Я видѣлъ изъ зрительной залы только два первыхъ акта своей пьесы, потомъ сидѣлъ за кулисами и все

---

[1]) Копіи этого письма не сохранилось у А. Ѳ. Кони, но на нашу просьбу онъ любезно отвѣтилъ попыткою вспомнить общій смыслъ его. „Я былъ свидѣтелемъ этого ужаснаго спектакля, я почувствовалъ въ пьесѣ много прекраснаго, и уходилъ въ тотъ вечеръ изъ театра подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ жестокаго непризнанія этого прекраснаго таланта. Весь трагизмъ положенія молодого автора я представилъ себѣ такъ ярко, что не сталъ гасить въ себѣ желанія сейчасъ же, ночью, сѣсть и написать ему, что сегодня онъ нашелъ не только хулителей, но и горячихъ единомышленниковъ. Сколько помню, я именно и писалъ, что его пьеса ярко талантлива, что ее только не поняли, и что онъ долженъ быть мужественнымъ и вѣрить въ свой талантъ“. Позднѣе между А. Ѳ. и А. П., при встрѣчѣ въ Крыму, возникло душевное расположеніе, несмотря на разность лѣтъ.

время чувствовалъ, что „Чайка" проваливается. Послѣ спектакля ночью и на другой день меня увѣряли, что я вывелъ однихъ идіотовъ, что пьеса моя въ сценическомъ отношеніи неуклюжа, что она неумна, непонятна, и даже безсмысленна и пр., и пр. Можете вообразить мое положеніе — это былъ провалъ, какой мнѣ даже и не снился! Мнѣ было совѣстно, досадно, и я уѣхалъ изъ Петербурга, полный всякихъ сомнѣній. Я думалъ, что если я написалъ и поставилъ пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерялъ всякую чуткость, и что, значитъ, моя машинка испортилась въ конецъ. Когда я былъ уже дома, мнѣ писали изъ Петербурга, что 2-е и 3-е представленія имѣли успѣхъ пришло нѣсколько писемъ, съ подписями и анонимныхъ, въ которыхъ хвалили пьесу и бранили рецензентовъ; я читалъ съ удовольствіемъ, но все же мнѣ было совѣстно и досадно, и сама собою лѣзла въ голову мысль, что если добрые люди находятъ нужнымъ утѣшить меня, то, значитъ, дѣла мои плохи. Но ваше письмо подѣйствовало на меня самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я васъ знаю уже давно, глубоко уважаю васъ и вѣрю вамъ больше, чѣмъ всѣмъ критикамъ, взятымъ вмѣстѣ, — вы это чувствовали, когда писали ваше письмо, и оттого оно такъ прекрасно и убѣдительно. Я теперь покоенъ и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ уже безъ отвращенія".

Во дни глубокаго разочарованія Чеховъ вообще не былъ одинокъ. Онъ получалъ столько писемъ, что это вызывало даже его удивленіе (П, IV, 494). Почитатели и почитательницы выражали ему сочувствіе, ободряли его, соболѣзновали ему. Человѣкъ большого самолюбія, онъ иногда ежился подъ этими письмами. Сочувственное письмо извѣстной Веселитской (Микуличъ) ему показалось повышеннымъ, — она «выражаетъ свое сочувствіе такимъ тономъ, какъ будто у меня въ семьѣ кто-нибудь умеръ» (П, IV, 487). Шутя онъ подозрѣваетъ сестру въ томъ, что «она поспѣшила изъ Петербурга домой, вѣроятно, думая, что онъ повѣсится» (П, IV, 487).

Угадывая въ анонимѣ «одной изъ публики» свою добрую знакомую, Чеховъ «благодаренъ и тронутъ», но

отказывается взять на себя всю отвѣтственность за крахъ пьесы. «Вы,—пишетъ онъ,—спѣшите пролить цѣлительный бальзамъ на авторскія раны, полагая, что это по обстоятельствамъ времени нужнѣе и лучше искренности. Вы добры, милая маска, очень добры, и это дѣлаетъ честь вашему сердцу. На первомъ представленіи я не все видѣлъ, но то, что я видѣлъ, было тускло, сѣро, уныло, деревянно. Распредѣлялъ роли не я, декорацій мнѣ не дали новыхъ, репетицій было всего двѣ, артисты ролей не знали — и въ результатѣ всеобщая паника, упадокъ духа полный; играла не важно даже Коммиссаржевская, которая на одной изъ репетицій играла изумительно, такъ что сидѣвшіе въ партерѣ плакали, повѣсивъ свои носы»... (Е. М. Ш., 1896).

Къ слову сказать, талантъ артистки Чеховъ почувствовалъ съ мѣста. Позднѣе, похваливая Петербургъ, онъ отмѣчалъ въ немъ два дива — Невскій въ солнечный день и Коммиссаржевскую, «которую я считаю великолѣпной актрисой» (П, IV, 536).

Насколько обострялась для Чехова катастрофа съ «Чайкой» личной близостью ему нѣкоторыхъ лицъ и положеній пьесы? Внѣшнихъ данныхъ для этого сужденія мы не имѣемъ, но предполагать это можемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что образъ Тригорина во многомъ отражалъ его собственный. Если почти общій законъ, что дѣла, приписываемыя герою, въ большинствѣ относятся къ области вымысла, то мысли и черты характера часто совпадаютъ съ авторскими до полнаго сходства. Въ Тригоринѣ безспорно угадывается много чертъ самого Чехова, даже мало замаскированныхъ (тяжелое начало карьеры и т. п.), а въ его мысляхъ о писательствѣ, объ успѣхѣ—теперь, когда опубликована чеховская переписка, мы цѣликомъ видимъ его собственныя мысли почти въ неизмѣненной словесной формѣ. Повидимому,

Чеховъ и не боялся этого сопоставленія, позволяя чуткому читателю установить его даже документально.

Треплевъ въ одномъ мѣстѣ пьесы говоритъ: «Я такъ много говорилъ о новыхъ формахъ, а теперь чувствую, что самъ мало-по-малу сползаю къ рутинѣ... Описаніе луннаго вечера длинно и изысканно. *Тригоринъ* выработалъ себѣ пріемы, и ему легко... *У него на плотинѣ блеститъ горлышко разбитой бутылки и чернѣетъ тѣнь отъ мельничнаго колеса*,—вотъ и лунная ночь готова, а у меня—и трепещущій свѣтъ, и тихое мерцаніе звѣздъ, и далекіе звуки рояля, замирающіе въ тихомъ ароматномъ воздухѣ... Это мучительно!»

Если открыть страницу 188 XI тома сочиненій Чехова, то въ собственномъ разсказѣ Чехова «Волкъ», появившемся въ печати уже послѣ его смерти, мы найдемъ въ «тригоринской манерѣ» описаніе луннаго вечера: «На плотинѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, не было ни кусочка тѣни; *на срединѣ ея блестѣло звѣздой горлышко отъ разбитой бутылки*. Два колеса мельницы, наполовину спрятавшись въ тѣни широкой ивы, глядѣли сердито, уныло». Это частность, но такихъ краснорѣчивыхъ частностей въ тригоринскомъ образѣ — десятки. Въ своемъ мѣстѣ мы уже брали изъ «Чайки» отзывъ Тригорина о начинающемъ писателѣ, цѣликомъ идущій къ молодости самого Чехова. Если мы не имѣемъ права сказать, что Тригоринъ это — самъ Чеховъ, то несомнѣнно—это кто-то очень ему близкій. И если безспорно, что въ своего героя онъ вложилъ частицу своей души, то не менѣе безспорно, что непризнаніе именно этой вещи особенно болѣзненно должно было быть воспринято имъ.

За «Чайку» Чеховъ впервые услышалъ упрекъ въ декадентствѣ. Насколько справедливо было видѣть въ немъ тяготѣніе въ эту сторону? Мы видѣли, что съ нѣ-

котораго времени недовольство и содержаніемъ, и въ особенности формами стараго искусства было его господствующимъ писательскимъ настроеніемъ. Недовольство собой и своимъ часто исходило отсюда, а когда Чеховъ былъ доволенъ написаннымъ во вторую половину своей жизни! Перечитывая «стариковъ», онъ находилъ даже у такихъ тонкихъ мастеровъ, какъ Тургеневъ, пріемы и формы устарѣлые и отяжелѣлые.

Въ то же время и въ этомъ исканіи, по свойству натуры своей, Чеховъ былъ вовсе чуждъ всякой истеричности и нервозности. Въ его «Чайкѣ» Треплевъ съ своей трепетностью и неврастеніей настолько же не герой его романа, насколько герой Тригоринъ, съ своимъ мудрымъ спокойствіемъ опыта и холодноватою самооцѣнкою таланта. И въ жизни не могли нравиться ему литературные истерики. Извѣстно, что онъ иронически называлъ коллегію московскихъ литературныхъ искусниковъ «заведеніемъ искусственныхъ фруктовыхъ водъ», а празднoболтающихъ эстетовъ и геніальныхъ пошляковъ Рябовскихъ заклеймилъ въ «Бабьемъ царствѣ», «Попрыгуньѣ» и «Іонычѣ» [1]). Апріорно ясно, что безпочвенный вычуръ декадентства былъ ему противенъ. Фактически онъ не допустилъ ни одного уклона въ эту сторону, если сдѣлать исключеніе для единственнаго опыта декадентскаго монолога, который онъ зато и приписалъ Треплеву. Что пародически онъ поймалъ здѣсь суть модерна чрезвычайно мѣтко, доказательствомъ этому можетъ служить то, что позднѣйшая критика пользовалась пародической треплевской пьесой, какъ орудіемъ противъ модернистскаго рисунка Л. Андреева...

Отношеніе Чехова къ декадентству зарисовано единственнымъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ — Мережков-

---

[1]) В. Львовъ-Рогачевскій, «Чеховъ и новые пути», «Современный Міръ».

скимъ. «Къ народившемуся тогда декадентству въ литературѣ,—пишетъ онъ въ «Братѣ человѣческомъ»,—

Чеховъ относился вообще недружелюбно, недовѣрчиво, но съ любопытствомъ. Трезвый и тонкій реализмъ отталкивалъ его отъ дешевой мистики. Онъ любилъ слегка вышучивать эту накипь, что было, впрочемъ, нетрудно. Проникать же вглубь или не хотѣлъ, или не могъ. Какъ-то въ частномъ домѣ мы читали повѣсть неизвѣстнаго автора „въ новомъ духѣ". Теперь показалась бы она банальной, но тогда была дикой и смѣлой. Чеховъ очень волновался, сердился. Отмѣчалъ невѣрныя наблюденія. Пожималъ плечами. А когда спросили его мнѣнія, сказалъ раздраженно и недоумѣло: „Нѣтъ, нѣтъ,—совсѣмъ не нравится! Но будь у меня свой журналъ, я сейчасъ же напечаталъ бы. Непремѣнно бы напечаталъ!.."

Разобравшись въ отзывахъ самого Чехова о роковомъ днѣ, нельзя не видѣть, что неуспѣхъ «Чайки» въ высшей степени болѣзненно подѣйствовалъ на него. Къ самой пьесѣ онъ началъ относиться болѣе, чѣмъ недружелюбно. «Въ первое время,—пишетъ В. Лавровъ,—онъ даже обижался, когда въ его присутствіи заговаривали о ней, и сколько потребовалось усилій заставить смотрѣть на нее, какъ на чисто-литературное, а не драматическое произведеніе! Когда явилась возможность хоть издали заговорить объ ея появленіи въ печати, Чеховъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но мало-по-малу началъ допускать, что когда-нибудь и это можетъ случиться. И вотъ какъ-то, въ добрую минуту, мы съ Гольцевымъ повели такую усиленную атаку, что «Чайка» была намъ обѣщана для «Русской Мысли». Обѣщаніе было дано въ Москвѣ, но, какъ только онъ очутился у себя въ Мелиховѣ, его опять охватили раздумье и нерѣшительность. 1 октября 1896 г. онъ писалъ: «печатать пьесу въ «Русской Мысли» я не стану. Причина все та же, что изложилъ въ письмѣ къ Гольцеву: пьеса для журнала не годится. Скучно чи-

тать... Въ «Русской Мысли» я хочу быть только беллетристомъ, хотѣлъ бы быть публицистомъ, драматургія же не улыбается мнѣ,—скучно».

Неизвѣстно, подѣйствовали ли бы эти убѣжденія, если бы на помощь не пришелъ Вл. И. Немировичъ-Данченко, директоръ возникшаго въ Москвѣ «Художественнаго театра». Онъ доказывалъ даже, что неуспѣхъ «Чайки» можно объяснить совершенно посторонними обстоятельствами, а отнюдь не ея сценическою непригодностью. Чеховъ призналъ себя побѣжденнымъ, и «Чайка» была безповоротно отдана для «Русской Мысли» и Немировичу-Данченко для молодого театра, хотя первое время Чеховъ и побаивался: «теперь начнетъ хлестать меня литературная критика» (П, IV, 506).

Неосторожно пообѣщавъ однажды женѣ Суворина посвятить ей «Чайку», онъ потомъ умышленно измѣнилъ своему обѣщанію,—по крайней мѣрѣ, мотивомъ этого выставилъ тяжелое чувство, связанное съ драмой. «Съ этой пьесой у меня связано одно изъ непріятнѣйшихъ воспоминаній, она отвратительна мнѣ, и посвященіе ея не вяжется ни съ чѣмъ и представляется мнѣ просто безтактнымъ» (1897).

«Чайка» была напечатана въ «Русской Мысли» въ декабрьской книжкѣ 1896 года. Въ эти дни ее уже охотно ставили провинціальные театры. Впереди ее ждала полная реабилитація и тріумфъ у «московскихъ художниковъ». При особомъ мнѣніи оставался едва ли уже не одинъ Буренинъ, которому не давала покоя эта «не въ мѣру прославляемая и восхваляемая пьеса, въ сущности фальшивая по идеѣ и неважная (?) во многихъ отношеніяхъ»[1]).

---

[1]) Буренинъ, «Н. В.», 1901, № 8964.

РАННЯЯ ОСЕНЬ.

I

«Нехорошее, насмѣшливое мое счастье!» вырвалось однажды у Чехова въ одномъ изъ его писемъ съ Сахалина домой по поводу какой-то путевой неудачи. Возникшее разъ, это настроеніе, нужно думать, стало очень знакомо Чехову уже задолго до того, когда всероссійская извѣстность пришла къ нему, приговоренному къ смерти. Натура сдержанная, цѣломудренная въ печали, какъ и въ радости, онъ не любилъ жаловаться и напрашиваться на сочувствія. Трагическій афоризмъ его — «какъ я буду лежать въ могилѣ одинъ, такъ въ сущности я и живу одинокимъ» (СЛ2, 137) — найденъ только послѣ его смерти въ его записной книжкѣ [1]). Можетъ-быть, Чеховъ никому не сказалъ его при жизни, но онъ былъ ему всегда близокъ, какъ близокъ былъ его дѣду (сохранившійся у внука) печальный девизъ на перстнѣ-печаткѣ: «одинокому вездѣ пустыня».

Гдѣ-то, около дней возвращенія съ Сахалина или изъ перваго заграничнаго странствованія (чего, конечно, нельзя опредѣлить точно), біографъ Чехова долженъ искать черту, отдѣляющую огромную половину его жизни отъ другой. Что-то неладное, какая-то трещина

---

[1]) Очень жалко, что хронологической помѣтки подъ нимъ нѣтъ, а записная книжка создавалась цѣлую жизнь.

выдаетъ себя ноющимъ звукомъ, когда еще до поѣздки на Сахалинъ онъ даетъ своему желанію странное объясненіе. «Я ѣду на Сахалинъ не ради однихъ только арестантовъ, а такъ вообще. *Хочется вычеркнуть изъ жизни годъ или полтора»* [1]).

Что-то неблагополучно въ его душѣ еще задолго до поѣздки. «Вотъ уже два года,—пишетъ онъ въ 1889 г., слѣдовательно, о годѣ 1887,—я разлюбилъ видѣть свои произведенія въ печати, оравнодушѣлъ къ рецензіямъ, къ разговорамъ о литературѣ, къ сплетнямъ, успѣхамъ, неуспѣхамъ, къ большому гонорару,—однимъ словомъ, сталъ дуракъ-дуракомъ. Въ душѣ какой-то застой. Объясняю это застоемъ въ своей личной жизни. Я не разочарованъ, не утомился, не хандрю, а просто стало вдругъ все какъ-то менѣе интересно. Надо подсыпать подъ себя пороху». Теперь, послѣ возвращенія, мажорный тонъ его жизни вдругъ и опредѣленно смѣняется минорнымъ. «Постарѣлъ я не только тѣлесно, но и душевно, оравнодушѣлъ ко всему на свѣтѣ, и начало этого оравнодушенія совпало съ поѣздкой за границу» (см. здѣсь, 353). Подходитъ конецъ молодости съ веселымъ воспріятіемъ жизни, съ дерзкими надеждами впереди, съ гордыми удовлетвореніями и увѣренностью въ будущемъ ростѣ силъ.

Неудовлетворенность и апатія приходятъ къ Чехову почти одновременно съ приходомъ настоящей извѣстности. Среди своихъ знакомыхъ онъ числитъ уже добрую половину знаменитыхъ современниковъ, отъ Кони и Чайковскаго до Айвазовскаго и Свободина. Ласка таланту иногда льется къ нему отъ лицъ вовсе незнакомыхъ. Незнакомый Ровинскій шлетъ ему четыре тома гравированныхъ портретовъ съ лестною надписью (П, IV, 20).

---

[1]) Изъ неизд. письма, коллекція Ф. Ф. Фидлера.

Кто-то изъ знакомыхъ сообщаетъ ему, что по Волгѣ уже бѣгаетъ пароходъ «Антонъ Чеховъ» [1]). Его двойники начинаютъ появляться всюду, какъ когда-то было съ Надсономъ и позднѣе съ Горькимъ.

Какой-то неизвѣстный «разъѣзжаетъ по югу подъ именемъ Антона Чехова», беретъ, гдѣ удастся, въ займы, и настоящій Чеховъ получаетъ «письмо съ требованіемъ вернуть 75 рублей». Самъ онъ гдѣ-то въ газетѣ читаетъ, что «въ Самарѣ былъ проѣздомъ Антонъ Чеховъ,—а я никогда не бывалъ въ Самарѣ, поясняетъ онъ.—Имѣть двойниковъ—это ли не слава?» (Е. М. Ш., 1897). Изъ Одессы какой-то студентъ пишетъ ему письмо, требуя отъ него отчета, какъ онъ (!) смѣлъ на пароходѣ въ Одессу говорить «невозможныя вещи» его сестрѣ [2]).

У критики Чеховъ теперь — любимая тема разглагольствій. Письма отовсюду несутъ къ нему просьбы редакторовъ о сотрудничествѣ. Старые писатели приписываютъ себѣ наперерывъ честь его «открытія», и Лейкинъ, когда-то не безъ колебаній давшій ему 15 р. ежемѣсячныхъ «добавочныхъ», теперь со слезой и ударяя себя въ грудь кулакомъ, говоритъ: «я Чехова родилъ!» [3]) «Русская Мысль» еще съ іюля 1891 г. платитъ ему 250—300 рублей съ листа, гонораръ по тому времени наибольшій.

И вотъ, однако, именно съ этого времени въ его письмахъ звучитъ постоянная жалоба на «прозѣванную молодость», на нездоровье, на пресыщеніе работой, на отвращеніе къ ней. Отзывы о законченной работѣ дышатъ неудовлетвореніемъ и недовольствомъ. Шутливо

---

[1]) Гольцевъ (II, IV, 227), но, кажется, фактъ для того времени невѣрный.

[2]) Восп. С. Щ., см «Р. М.», 1911, X, 57.

[3]) Сборникъ Брендера, «Восп. М Чехова», 274.

брошенная гдѣ-то тамъ, въ прошломъ, подъ однимъ письмомъ фраза: «здравствуй, одинокая старость», становится выраженіемъ совсѣмъ серьезнаго настроенія. Нѣтъ сомнѣнія, что Чеховъ былъ однимъ изъ типически-яркихъ людей ранней осени, для которыхъ сразу за 35 годами начинаются 50-лѣтніе.

Ощущенія утомляемости и старости, конечно, всего болѣе сгущаются подъ болѣзненными переживаніями, пришедшими къ Чехову еще ранѣе чахотки. Временами его жестоко мучатъ геморроидальные припадки «Я боленъ,—пишетъ онъ Суворину.—Болѣзнь гнусная, подлая... боль, зудъ, напряженіе, ни сидѣть, ни ходить, а во всемъ тѣлѣ такое раздраженіе, что хоть въ петлю полѣзай. Мнѣ кажется, что меня не хотятъ понять, что всѣ глупы и несправедливы, я злюсь, говорю глупости. Думаю, что мои домашніе легко вздохнутъ, когда я уѣду. Болѣзнь мою нельзя объяснить не сидячею жизнью, ибо я лѣнивъ былъ и есмь, ни моимъ развратнымъ поведеніемъ, ни наслѣдственностью. У меня когда-то было воспаленіе брюшины; надо думать, что просвѣтъ кишки у меня уменьшился отъ воспаленія, и гдѣ-нибудь перетяжка сдавила сосудъ. Резюме: надо дѣлать операцію» (1893).

Извѣстнымъ образомъ настроенная мысль ловитъ въ окружающей жизни только факты грустные и ничего не обѣщающіе. Понемногу уходятъ тѣ, кого Чеховъ любилъ и къ кому былъ не вовсе безразличенъ. «Какъ-то странно, что мы уже никогда не увидимъ Лѣскова», роняетъ онъ въ письмѣ Суворину (1895). Въ томъ же году въ осенній сентябрьскій день онъ присутствуетъ на освященіи памятника Плещееву и летитъ воспоминаніемъ къ днямъ юности, когда старикъ поощрялъ его первые шаги. «Я слушалъ пѣніе монашекъ,—пишетъ онъ Щеглову,—думалъ о падрэ, о васъ», и легко уга-

дать тонъ этихъ думъ. Чеховъ побывалъ въ Петербургѣ, дававшемъ ему раньше столько удовлетвореній, и Петербургъ его не утѣшилъ. Въ немъ уже было «скучновато». Городъ разочаровываетъ его, кажется теперь холоднымъ и лживымъ [1]). «Свободина тоже нѣтъ—умеръ. Старыхъ знакомыхъ становится все меньше и меньше, а новыхъ не завожу» (Линтваревой, 1893). Наступаетъ пора апатіи, скуки, почти болѣзненной лѣни. «Мнѣ скучно. Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ собственной особой, такъ какъ положительно не знаю, чѣмъ мнѣ наполнить время отъ полудня до ночи. Лѣтомъ я не испытываю скуки, но зимой—просто бѣда! Это называется—духъ праздности» (Суворину, 1895). Не забудемъ, что что-то какъ бы наслѣдственное было въ меланхолическихъ настроеніяхъ Чехова. Вспомнимъ надпись на печати его дѣда, вспомнимъ, что еще въ двадцать семь лѣтъ его интересовала психологія черной тоски великолѣпнаго Соломона, и онъ посылалъ отъ его лица дерзновенные вопросы небу о смыслѣ или безсмысліи жизни:

„О, какъ темна жизнь! Никакая ночь во дни дѣтства не ужасала меня такъ своимъ мракомъ, какъ мое непостигаемое бытіе. Боже мой, отцу Давиду ты далъ лишь даръ слагать въ одно слова и звуки, пѣть и хвалить тебя на струнахъ, сладко плакать, исторгать слезы изъ чужихъ глазъ и улыбаться красотѣ, но мнѣ же зачѣмъ далъ еще томящійся духъ и неспящую голодную мысль? Какъ насѣкомое, что родилось изъ праха, прячусь я во тьмѣ и съ отчаяніемъ, со страхомъ, весь дрожа и холодѣя, вижу и слышу во всемъ непостижимую тайну. Къ чему это утро? Къ чему изъ-за храма выходитъ солнце и золотитъ пальму? Къ чему красота женъ? И куда торопится эта птица, какой смыслъ въ ея полетѣ, если она сама, ея птенцы и то мѣсто, куда она спѣшитъ, подобно мнѣ, должны стать прахомъ?“ [2])

---

[1]) Восп. М. Чехова, сборникъ Брендера, 277.

[2]) Сохранилось въ наброскахъ. См. СЛ2, 88.

Уже въ 1892 г. изъ его писемъ слышится съ небывалой доселѣ рѣзкостью жалоба на необычайную, какъ ему временами кажется, мѣщанственность своей жизни. «Душа моя просится въ ширь и въ высь, поневолѣ приходится вести жизнь узенькую, ушедшую въ сволочные рубли и копейки. Нѣтъ ничего пошлѣе мѣщанской жизни съ ея грошами, харчами, нелѣпыми разговорами и никому ненужной условной добродѣтелью. Душа моя изныла отъ сознанія, что я работаю ради денегъ, и что деньги—центръ моей дѣятельности. Ноющее чувство это вмѣстѣ со справедливостью дѣлаютъ въ моихъ глазахъ писательство мое занятіемъ презрѣннымъ, я не уважаю того, что пишу, я вялъ и скученъ самому себѣ и радъ, что у меня есть медицина, которою я, какъ бы то ни было, занимаюсь все-таки не для денегъ. Надо бы выкупаться въ сѣрной кислотѣ и совлечь съ себя кожу, и потомъ обрасти новой шерстью» (Суворину).

II

Пора крайняго писательскаго напряженія, когда по необходимости онъ «писалъ отъ утра и до вечера и во снѣ» (Суворину, 1891), сказалась острой реакціей и почти отвращеніемъ къ перу. «Въ продолженіе многихъ часовъ» онъ можетъ «читать, лежа на диванѣ», для писанія же у него «не хватаетъ страсти» (Суворину, 1893).

Ему уже кажется привлекательнымъ дѣло переводчика, онъ ловитъ себя при чтеніи переводовъ на полусознательной работѣ «перемѣны словъ и перестановки», дающей въ результатѣ «нѣчто легкое, ѳирное, подобное кружевамъ». Уже давно ему чудится, что онъ пишетъ «не то, что хочется» и какъ совѣтовалъ, напр., Григоровичъ, а питается «пока надеждами на будущее» и слѣдитъ «за тѣмъ, какъ безплодно ускользаетъ на-

стоящее» (Григоровичу, 1887). Высшая степень писательскаго недовольства отмѣчаетъ его письма и къ близкимъ, и къ далекимъ. То, что сдѣлано, кажется ненужнымъ, не настоящимъ. Еще у 27-лѣтняго у него вырвалось: «что если бы мнѣ прожить еще 40 лѣтъ и во всѣ эти 30 лѣтъ читать, читать и читать и учиться писать талантливо, т.-е. коротко, то черезъ 40 лѣтъ я выпалилъ бы во всѣхъ васъ изъ такой большой пушки, что задрожали бы небеса. Теперь же я такой же лилипутъ, какъ и всѣ» (1888). Теперь это чувство еще злѣе и обиднѣе. «Пуды исписанной бумаги,—и при всемъ томъ ни одной строчки, которая въ глазахъ моихъ имѣла бы серьезное литературное значеніе! Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезнаго труда». Въ самомъ писательствѣ Чехову хочется совершить какую-то обновительную революцію, и онъ досадуетъ, что это невозможно, въ силу царящихъ въ редакціяхъ условій косности и рутины. «Надоѣло все одно и то же, хочется про чертей писать, про страшныхъ, вулканическихъ женщинъ, про колдуновъ, но— увы!—требуютъ благонамѣренныхъ повѣстей и разсказовъ изъ жизни Ивановъ Гаврилычей и ихъ супругъ!» (Е. М. Ш., 1894, изъ Лопасни).

Можно совершенно вѣрить искренности его мнѣнія о скромномъ полетѣ своего таланта тѣмъ болѣе, что въ этомъ не было никакого униженія себя предъ другими: и о другихъ онъ мыслилъ не выше. «Мы можемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія, не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Тихоновъ, не Короленко, не Щегловъ, не Баранцевичъ, не Бѣжецкій, а «восьмидесятые годы» или «конецъ XIX столѣтія». Нѣкоторымъ образомъ,—артель» (Тихонову, 1889).

Въ болѣе поздній періодъ писаніе вообще рѣдко доставляетъ Чехову удовольствіе. Онъ съ большой настой-

чивостью дѣлаетъ поправки къ заявленіямъ близкихъ и знакомыхъ о томъ, будто бы творческій трудъ—радость и удовольствіе. «Что касается писанья въ свое удовольствіе, то вы, очаровательная,—пишетъ онъ Л. Мизиновой,—прочирикали это только потому, что не знакомы на опытѣ со всею тяжестью и съ угнетающей силой этого червя, подтачивающаго жизнь, какъ бы мелокъ онъ ни казался вамъ» (1893). Характерно, что его личныя ощущенія удовлетворенія или недовольства написаннымъ совершенно субъективны. Въ моментъ писанія и завершенія вещи критическое сознаніе иногда вовсе измѣняетъ Чехову. Объ одной изъ лучшихъ своихъ вещей — «Палатѣ № 6» онъ пишетъ: «Кончаю повѣсть очень скучную, такъ какъ въ ней совершенно отсутствуютъ женщина и элементъ любви. Терпѣть не могу такихъ повѣстей, написалъ же какъ-то нечаянно, по легкомыслію» (Авиловой). Совсѣмъ, наоборотъ, незначительные «Сосѣди» даютъ ему творческое удовлетвореніе. «Я пишу повѣсть—маленькую любовную исторію. Пишу съ удовольствіемъ, находя пріятность въ самомъ процессѣ письма, а процессъ у меня кропотливый, медлительный» (Суворину). Гамма колебаній авторскаго чувства и широка, и необычайно измѣнчива. Не успѣваетъ Чеховъ сдать недавно нравившуюся вещь, какъ она уже теряетъ въ его глазахъ, повидимому, всякое право существованія. Въ разстояніи всего нѣсколькихъ дней о тѣхъ же «Сосѣдяхъ» онъ уже пишетъ: «Я ужъ давно не писалъ съ удовольствіемъ, а это дурной знакъ. Сунулся было въ «Недѣлю» съ разсказомъ («Сосѣди»), но вышло нѣчто такое, что не слѣдовало бы печатать: ни начала, ни конца, а какая-то облѣзлая середка» (Щеглову, 1892). Въ этихъ признаніяхъ Чехова—чистое автобіографическое обоснованіе памятныхъ словъ Тригорина изъ «Чайки». «Когда пишу,—пріятно. И коррек-

туру читать пріятно, но... едва вышло изъ печати, какъ я не выношу, и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не слѣдовало бы писать вовсе, и мнѣ досадно, на душѣ дрянно... А публика читаетъ: да, мило, талантливо, мило, но...» (СС, XIII, 142).

Чеховъ оглядывается на своихъ школьныхъ товарищей, видитъ среди нихъ относительныхъ удачниковъ, и уже кажется себѣ неудачникомъ—онъ, который еще такъ недавно считалъ себя «Потемкинымъ» и шутилъ, что колокола начинаютъ звонить, когда онъ куда-нибудь въѣзжаетъ! «Какъ быстро идетъ время! Боже мой! Мои товарищи по университету уже статскіе совѣтники. Одинъ только я дослужился... до кукиша съ масломъ. Даже коллежскимъ регистраторомъ не былъ!» (Суворину, 1893).

Переутомленіе писательскимъ трудомъ въ Чеховѣ къ сорока годамъ было настолько сильно, что минутами онъ могъ говорить о перемѣнѣ карьеры. «Мнѣ опротивѣло писать, и я не знаю, что дѣлать. Я охотно бы занялся медициной, взялъ бы какое-нибудь мѣсто, но уже не хватаетъ физической гибкости. Когда я теперь пишу или думаю о томъ, что нужно писать, то у меня такое отвращеніе, какъ будто я ѣмъ щи, изъ которыхъ вынули таракана,—простите за сравненіе. Противно мнѣ не самое писанье, а этотъ литераторскій entourage, отъ котораго никуда не спрячешься и который носишь съ собой всюду, какъ земля носитъ свою атмосферу» (Авиловой, 1894).

Отъ одного 1894 г. идетъ цѣлый рядъ засвидѣтельствованій, что писаніе и сознаніе необходимости писанія гнететъ его гнетомъ египетскихъ пирамидъ. Не потому скучно, что около меня нѣтъ «моихъ дамъ», а потому что сѣверная весна лучше здѣшней, и что ни на одну минуту меня не покидаетъ мысль, что я долженъ, обязанъ писать. Писать, писать и писать! Я того мнѣнія,

что истинное счастіе невозможно безъ праздности. Мой идеалъ: быть празднымъ и любить полную дѣвушку» (Л. Мизиновой). «Я до такой степени измочалился постоянными мыслями объ обязательной, неизбѣжной работѣ, что вотъ уже недѣля, какъ меня безостановочно мучаютъ перебои сердца. Отвратительное ощущеніе!» (Ей же). Отъ той поры, когда онъ могъ набросать разсказъ въ купальнѣ, когда ночью онъ стучалъ въ тонкую перегородку своей комнаты и передавалъ сестрѣ только что родившійся замыселъ живого разсказа [1]), остается одно воспоминаніе.

Созрѣвшій умъ требуетъ иныхъ, чѣмъ прежде, удовлетвореній, и литература товарищей совершенно не насыщаетъ его. «Я бы теперь съ удовольствіемъ и даже съ радостью прочелъ что-нибудь серьезное не о себѣ только, а вообще, — пишетъ онъ Суворину. — Я тоскую по серьезномъ чтеніи, и вся критика россійская послѣдняго времени не питаетъ меня, а только раздражаетъ. Я бы съ восторгомъ прочелъ что-нибудь новое о Пушкинѣ или Толстомъ,—это было бы бальзамомъ для празднаго ума моего» (изъ Алексина, 1891). Перестаетъ ему нравиться и театръ, радость дѣтства и юности. «Прежде для меня не было большаго наслажденія, какъ сидѣть въ театрѣ, теперь же я сижу съ такимъ чувствомъ, какъ будто вотъ-вотъ на галеркѣ крикнутъ: «пожаръ!» И актеровъ не люблю. Это меня театральное авторство испортило» (Суворину, 1898).

Отталкиваясь отъ писанія, онъ въ самомъ дѣлѣ жадно набрасывается на чтеніе, читаетъ теперь, какъ никогда, перечитываетъ полныя собранія сочиненій, освѣжаетъ въ памяти всего Тургенева, Писемскаго, Гончарова. Онъ прилагаетъ къ нимъ строгую и скупую мѣрку,

---

[1]) *Короленко*, „Отшедшіе“, Спб., 1908, 108.

восхищается рѣдко, чаще передѣлываетъ свое юношеское почтительное сужденіе на независимое и полное оговорокъ. Въ 1893 г. въ Мелиховѣ онъ перечитываетъ Писемскаго и въ восторгъ не приходитъ.

„Читаю Писемскаго. Это большой, большой талантъ! Лучшее его произведеніе—„Плотничья артель". Романы утомительны подробностями. Все то, что имѣетъ у него временный характеръ, всѣ эти шпильки по адресу тогдашнихъ критиковъ и либераловъ, всѣ критическія замѣчанія, претендующія на мѣткость и современность, и всѣ такъ называемыя глубокія мысли, бросаемыя тамъ и сямъ, — какъ все это по нынѣшнимъ временамъ мелко и наивно! Романистъ - художникъ долженъ проходить мимо всего что имѣетъ временное значеніе. Люди у Писемскаго живые, темпераментъ сильный. Скабичевскій въ своей „Исторіи" обвиняетъ его въ обскурантизмѣ и измѣнѣ, но, Боже мой, изъ всѣхъ современныхъ писателей я не знаю ни одного, который былъ бы такъ страстно и убѣжденно либераленъ, какъ Писемскій. У него всѣ попы, чиновники и генералы—сплошные мерзавцы. Никто не оплевалъ такъ старый судъ и солдатчину, какъ онъ" (Суворину).

Больше—иногда захватывающе—нравится ему столь родственный Тургеневъ, но и его онъ читаетъ не какъ вѣрнопреданный ученикъ, а какъ судья и экспертъ. «Я читаю Тургенева. Прелесть, но куда жиже Толстого! Толстой, я думаю, никогда не постарѣетъ. Языкъ устарѣетъ, но онъ все будетъ молодъ». Единственный изъ романовъ Тургенева восхищаетъ его, но слѣдомъ за выраженіемъ восхищенія сколько опять оговорокъ и ограниченій!

„Боже мой, что за роскошь „Отцы и дѣти". Просто хоть караулъ кричи. Болѣзнь Базарова сдѣлана такъ сильно, что я ослабѣлъ и было такое чувство, какъ будто я заразился отъ него. А конецъ Базарова? А старички? А Кукшина? Это чертъ знаетъ, какъ сдѣлано! Просто геніально! „Наканунѣ" мнѣ не нравится все, кромѣ отца Елены и финала. Финалъ этотъ полонъ трагизма Очень хороша „Собака": тутъ языкъ удивительный. „Ася" мила, „Затишье" скомкано и не удовлетворяетъ. „Дымъ" мнѣ не нравится совсѣмъ. „Дворянское гнѣздо" слабѣе „Отцовъ и дѣтей",

но финалъ тоже похожъ на чудо. Кромѣ старушки въ Базаровѣ т.-е. матери Евгенія и вообще матерей, особенно свѣтскихъ барынь, которыя всѣ, впрочемъ, похожи одна на другую, да матери Лаврецкаго, бывшей крѣпостной, да еще простыхъ бабъ,—всѣ женщины и дѣвицы Тургенева невыносимы своей дѣланностью и, простите, фальшью. Лиза, Елена—это не русскія дѣвицы, а какія-то Пиѳіи, вѣщающія, изобилующія претензіями не по чину. Ирина въ „Дымѣ", Одинцова въ „Отцахъ и дѣтяхъ", вообще львицы, жгучія, аппетитныя, ненасытныя, чего-то ищущія,—всѣ онѣ чепуха. Какъ вспомнишь толстовскую Анну Каренину, то всѣ эти тургеневскія барыни со своими соблазнительными плечами летятъ къ черту. Женскіе отрицательные типы, гдѣ Тургеневъ слегка каррикатуритъ (Кукшина) или шутитъ (описаніе баловъ), нарисованы замѣчательно и удались ему до такой степени, что, какъ говорится, комаръ носа не подточитъ. Описанія природы хороши, но... чувствую, что мы уже отвыкаемъ отъ описанія такого рода, и что нужно что-то другое".

Толстого Чеховъ перечиталъ еще наканунѣ поселенія въ Мелиховѣ, въ 1891 г. Одно время у него создалась привычка читать его, проснувшись ночью. Что читалъ Чеховъ, кромѣ классиковъ,—съ точностью установить трудно, но чтеніе было, безъ сомнѣнія, разнообразное и разбросанное,—отъ беллетристики до келейныхъ записокъ извѣстнаго епископа Порфирія Успенскаго («Книга бытія моего»), ссылка на которыя оказывается въ его памятной книжкѣ, до книгъ по ботаникѣ, до «Богословскаго Вѣстника» съ «Записками Саввы Тверского» и «Миссіонерскаго Обозрѣнія» [1]). Подчеркивая по существу несхоларный умъ Чехова,—умъ, вовсе чуждый книжности и черпавшій изъ живыхъ жизненныхъ впечатлѣній,—біографъ не долженъ, однако, забыть, какъ много поученія онъ вынесъ изъ книги. Его интересовало все, не исключая юридическихъ лекцій родного брата. Онъ не любитъ цитировать или ссылаться на авторитеты, но постоянно выдаетъ свое знакомство съ

[1]) Восп. С. Щукина въ «Русск. М.», 1911, X, 53.

замѣчательными созданіями одинаково художественной и научной литературы. Книгу онъ примѣнялъ такъ же, какъ непосредственное впечатлѣніе жизни, но примѣнялъ мастерски, какъ совершенный художникъ. Изъ книгъ его библіотеки дней юности одинъ изъ пріятелей [1]) запомнилъ «Женъ артистовъ» Додэ, которыхъ Чеховъ пародировалъ въ московскомъ журналѣ, «Записки мелкотравчатаго» Дріанскаго, знакомство съ которыми помогло ему внести много оригинальныхъ охотничьихъ терминовъ въ «Предложеніе», томики Бретъ-Гарта, Зола. «Чеховъ любилъ покупать старинныя книги и курьезныя, въ родѣ «Письмовниковъ». Одна изъ старинныхъ, купленныхъ на Сухаревкѣ книгъ «Толкователь словъ разныхъ и терминовъ иностранныхъ, въ россійскомъ флотѣ употребляемыхъ» (заглавіе приблизительное), дала ему тему для превосходнаго юмористическаго разсказа объ отставномъ контръ-адмиралѣ Ревуновѣ-Карауловѣ, приглашенномъ въ качествѣ почетнаго гостя на свадьбу и доведшемъ толкованіемъ морскихъ терминовъ хозяевъ до бѣлаго каленія [2]). Этотъ же персонажъ повторенъ и въ пьескѣ «Свадьба».

III

Когда-то, было время, Чеховъ ободрялъ хандрящихъ собратій и поучалъ ихъ мириться съ трудовою жизнью писателя, которая и не можетъ быть иною. «Зачѣмъ вы позволяете сѣрымъ туманамъ садиться на вашу душу!— внушалъ онъ Баранцевичу. — Конечно, нелегко вамъ живется, но вѣдь на то мы и рождены, чтобы «вкушать юдоль». Мы вѣдь не кавалергарды и не актрисы французскаго театра, чтобы чувствовать себя хорошо.

---

[1]) Грузинскій, «Р. С.», 1914.

[2]) «Свадьба съ генераломъ», «Осколки», 1884 г., № 50-й.

Мы — мѣщане на сей землѣ, мѣщанами будемъ и по-мѣщански умремъ,—такова воля Рока,—ничего не подѣлаешь. А съ Рокомъ приходится такъ же мириться, какъ съ погодою» [1]). Было время, онъ гналъ мысль о невеселомъ будущемъ, какое теперь для него наступило,—съ ощущеніемъ сильнаго человѣка, вѣрящаго, что онъ не спасуетъ, какъ другіе.

„Вашего мрачнаго взгляда на будущее,—писалъ онъ тому же собрату,—я не раздѣляю. Одному Господу Богу вѣдомо, что будетъ и чего не будетъ, Ему же вѣдомо, кто правъ и кто неправъ. Мы же, наши критики и господа редакторы, едва ли можемъ смѣть свое сужденіе имѣть. У человѣка слишкомъ недостаточно ума и совѣсти, чтобы понять сегодняшній день и угадать, что будетъ завтра, и слишкомъ мало хладнокровія, чтобы судить себя и другихъ. Вы живете на тундрѣ, окутанной туманомъ, рисуете сѣренькую тифозную жизнь, ради щенковъ служите на конно-лошадиной дорогѣ, и сырость водосточныхъ трубъ не промѣняете на тѣснины Дарьяла. Я веду бродячую жизнь, бѣгу обязательной службы, рисую природу и довольнаго человѣка, трусливо сторонюсь отъ тумана и тифа. Кто изъ насъ правъ, кто лучше? Аристарховъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ, Скабичевскій тоже, но мы съ вами не отвѣтимъ и хорошо сдѣлаемъ. Мнѣнія нашихъ судей цѣнны только постольку, поскольку они красивы и вліяютъ на розничную продажу. Наши же собственныя мнѣнія о самихъ себѣ и о другъ другѣ, быть-можетъ, и имѣютъ цѣну, но такую неопредѣленную, что никакой жидъ не принялъ бы ихъ въ залогъ. На нихъ не выставлена проба, а пробирная палата на небѣ. Пишите, пока есть силы, вотъ и все, а что будетъ потомъ,—Господь вѣдаетъ“ [2]).

Теперь—увы!—онъ самъ нуждался бы въ такомъ утѣшителѣ, и горько улыбнулся бы, если бы могъ перечитать это бодрое письмо.

Въ связь съ этимъ надо привести и личныя разочарованія Чехова въ литературномъ кругѣ. Слишкомъ пристальное, но по существу мелкое, и часто рожден-

[1]) Неизд. письмо К. С. Баранцевичу.

[2]) Неизд. письмо К. С. Баранцевичу, 12 авг. 1888 г.

ное завистью «вниманіе» собратій къ его личности и работамъ, сказывавшееся и въ сплетняхъ о женитьбѣ его на выгодныхъ и удобныхъ невѣстахъ, и въ назначеніяхъ его къ Суворину въ редакторы, и въ поискахъ портретности въ его разсказахъ, — все это, несомнѣнно, слагало въ немъ раздраженное чувство и заставляло холоднѣе, безъ прежней юношеской ласковости принимать людей. Къ этому времени относится цѣлый рядъ писемъ, гдѣ онъ даетъ сдержанныя или даже скупыя характеристики и тѣмъ, кого считалъ пріятелями. Вѣчное подыскиваніе корыстныхъ объясненій къ самымъ безкорыстнымъ дѣйствіямъ—все это докучало, выдавая ревность окружающихъ.

„На-дняхъ, — разсказываетъ онъ Суворину, — я встрѣтился въ театрѣ съ однимъ петербургскимъ литераторомъ. Разговорились. Узнавъ отъ меня, что лѣтомъ въ разное время перебывали у мен Плещеевъ, Баранцевичъ, вы, Свободинъ и другіе, онъ сочувственно вздохнулъ и сказалъ: „Напрасно вы думаете, что это хорошая реклама. Вы слишкомъ ошибаетесь, если разсчитываете на нихъ". То-есть, васъ я пригласилъ къ себѣ, чтобы было кому писать обо мнѣ, а Свободина приглашалъ, чтобы было кому всучить свою пьесу. И послѣ разговора съ литераторомъ у меня теперь во рту такое чувство, какъ будто вмѣсто водки я выпилъ рюмку чернилъ съ мухами. Все это мелочи, пустяки, но не будь этихъ мелочей вся человѣческая жизнь всплошную состояла бы изъ радостей, а теперь она наполовину противна".

Настроеніе разочарованія въ литературной средѣ и друзьяхъ съ годами естественно не понижалось, а только росло,—естественно потому, что и ревнивая зависть къ нему росла съ каждымъ новымъ его успѣхомъ. Значительную сгущенность завистливаго и недоброжелательнаго чувства Чеховъ ощутилъ въ январѣ 1891 года въ Петербургѣ, и тогда же писалъ оттуда сестрѣ:

„Меня окружаетъ густая атмосфера злого чувства, крайне неопредѣленнаго и для меня непонятнаго. Меня кормятъ обѣдами и поютъ мнѣ пошлые дифирамбы и въ то же время готовы меня

съѣсть. За что? Чертъ ихъ знаетъ! Если бы я застрѣлился, то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей. И какъ мелко выражаютъ свое мелкое чувство! Буренинъ ругаетъ меня въ фельетонѣ, хотя нигдѣ не принято ругать въ газетахъ своихъ же сотрудниковъ; Масловъ (Бѣжецкій) не ходитъ къ Суворинымъ обѣдать; Щегловъ разсказываетъ всѣ ходящія про меня сплетни и т. д. Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плѣсень".

А раздраженіе собратій, въ свою очередь, проявлялось уже въ явныхъ внѣшнихъ формахъ. Въ октябрѣ 1891 г., когда въ «Н. В.» началось печатаніе «Дуэли», Чеховъ бралъ не одинъ «субботникъ», какъ прежде, а среду и субботу, и это испугало многихъ изъ тѣхъ, кто печатался въ газетѣ бокъ о бокъ съ нимъ.

„Печатаютъ меня по средамъ и вторникамъ или вовсе не печатаютъ,—писалъ Чеховъ брату А. П.,—для меня рѣшительно все равно. Отдалъ я повѣсть потому, что былъ долженъ „Н. В.", и, если бы не послѣднее обстоятельство, то повѣсть моя печаталась бы въ толстомъ журналѣ, гдѣ она вышла бы цѣликомъ, гдѣ я больше бы получилъ и гдѣ не было бы жужжанья моихъ уважаемыхъ товарищей. Скажи имъ, что я былъ великодушенъ и не печатался около двухъ лѣтъ, предоставляя 104 понедѣльника и 104 среды и Петерсону, и М., и каторжному Жителю. Попроси Суворина, чтобы онъ отдалъ среды—развѣ онѣ мнѣ нужны? Онѣ мнѣ такъ же ненужны, какъ и мое сотрудничество въ „Н. В.", которое не принесло мнѣ, какъ литератору, ничего, кромѣ зла. Тѣ отличныя отношенія, какія у меня существуютъ съ Суворинымъ, могли бы существовать и помимо моего сотрудничества въ его газетѣ".

И это были не одни слова со стороны Чехова. Хотя, безъ сомнѣнія, какъ всякій авторъ, онъ и былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы повѣсть дробилась возможно менѣе, онъ, въ прямой ущербъ себѣ, настаивалъ передъ Суворинымъ, чтобы тотъ избавилъ его отъ привилегированнаго положенія, вызывающаго непріязнь. «Печатайте «Дуэль» не два раза въ недѣлю, а только одинъ разъ. Печатаніе два раза нарушаетъ давно заведенный порядокъ въ газетѣ и похоже на то, какъ

будто я отнимаю у других один день въ недѣлѣ, а между тѣмъ для меня и для моей повѣсти все равно печататься, что одинъ, что два раза въ недѣлю. Среди петербургской литературной братіи только и разговоровъ, что о нечистотѣ моихъ побужденій. Сейчасъ получилъ пріятное извѣстіе, что я женюсь на богатой С. Вообще много хорошихъ извѣстій я получаю» (1891).

Сохранилось свидѣтельство, что Чеховъ «былъ глубоко оскорбленъ, когда бывшій Союзъ писателей выбралъ его въ свои члены незначительнымъ большинствомъ за повѣсть «Мужики» [1]). Въ главѣ о катастрофѣ съ «Чайкой» мы видѣли крайнее, предѣльное проявленіе недоброжелательнаго чувства къ Чехову,— видѣли, что и самъ онъ учелъ это завистливое недоброжелательство, какъ слѣдуетъ, и этотъ крахъ симпатій къ себѣ, какъ личности, уязвилъ его больнѣе всего.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ 1889 г., ни въ 1891 г. Чеховъ не повторилъ бы тѣхъ строкъ, какія онъ, 24-лѣтній, писалъ доброй знакомой, радостно и довѣрчиво воспринимая знаки человѣческой дружбы. «Нездоровье мое немножко напугало меня и въ то же время (бываютъ же такіе фокусы!) доставило мнѣ немало хорошихъ, почти счастливыхъ минутъ. Я получилъ столько сочувствій искреннихъ, дружескихъ,— столько, что могъ вообразить себя аркадскимъ принцемъ, у котораго много царедворцевъ. До болѣзни я не зналъ, что у меня столько друзей... Развѣ не лестно получать такія письма, какъ ваше? Ради него не грѣшно покашлять лишній денекъ» (Савельевой, 1885). Теперь уже рѣдкіе товарищи молодости не вызывали разочарованія. Послѣдніе отзывы даже о такихъ преданныхъ ему людяхъ, какъ Щегловъ, далеко не такъ лестны

[1]) Некрологъ Чехова—Суворина.

для нихъ, какъ ранніе, а иногда въ нихъ слышна раздраженность и жесткость, почти удивляющія. Въ то же время потребность общительнаго темперамента иногда сказывается властно попрежнему, и Чеховъ скучаетъ по собесѣдникѣ и другѣ. «Бываютъ настроенія чертовскія, когда хочется говорить и писать, а кромѣ васъ,—писалъ онъ Суворину,—я ни съ кѣмъ не переписываюсь и ни съ кѣмъ не разговариваю. Это не значитъ, что вы лучше всѣхъ моихъ знакомыхъ, а значитъ, что я къ вамъ привыкъ и что только съ вами я чувствую себя свободно» (1893).

IV

Уходящая молодость сказывается нѣкоторыми опредѣленными привычками старости, реальной, осторожной, экономящей и чувство, и мысль, и время. «Жизнь моя перемѣнилась круто: я не переписываюсь теперь ни съ кѣмъ, кромѣ васъ,—пишетъ Чеховъ Суворину еще въ 1892 году изъ Лопасни,—изрѣдка перекликнешься съ недугующимъ Свободинымъ, а остальные благопріятели умолкли въ отвѣтъ на мое молчаніе. Изсякли пріятельскіе сюжеты». У него нѣтъ ни охоты, ни времени продолжать эту, когда-то нравившуюся игру, и на привѣтливыя письма онъ ужъ только отписывается. «Простите, что на ваше письмо я отвѣчаю не такъ, какъ бы вамъ хотѣлось. Къ моему несчастію и стыду, послѣднее время мнѣ часто приходится отвѣчать на человѣческія письма не по-человѣчески. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ» [1]). И послѣдніе томы его переписки не только уступаютъ въ прелести первымъ, но положительно мѣстами точно писаны другимъ человѣкомъ.

Рѣчи о томъ, что старость идетъ, пожалуй, пришла, рано перестали для Чехова быть фразами, гдѣ больше

---

[1]) Изъ неизд. письма къ К. С. Б.

шутки и мужского кокетства, чѣмъ правды. Тутъ слышится что-то подлинное и наболѣвшее. «Чувствую собачью старость,—пишетъ онъ брату.—Едва ли ужъ я вернусь въ газеты! Прощай, прошлое! Буду изрѣдка пописывать Суворину, а остальныхъ, вѣроятно, похѣрю» (Ал. П. Чехову). И совершенно тоже слышалъ другой братъ: «Въ общемъ живется мнѣ скучновато; надоѣло работать изъ-за строчекъ и пятачковъ, да и старость подходитъ все ближе и ближе» (И. П. Ч.). «Я тоже старикъ,—признается онъ женщинѣ, которой явно хотѣлъ нравиться,—мнѣ кажется, что жизнь хочетъ немножко посмѣяться надо мной, и потому я спѣшу записаться въ старики. Когда я, *прозѣвавши свою молодость*, захочу жить по-человѣчески, и когда мнѣ не удастся это, то у меня будетъ оправданіе: я старикъ» (Л. Мизиновой, 1893). У него являются желанія, какихъ не знаетъ молодость,—потребность воспоминаній—та, что овладѣваетъ человѣкомъ, когда настоящее оказывается прѣснымъ и прозаическимъ. Онъ зоветъ Суворина: «Если бы вы пріѣхали въ Москву въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, то *мы поѣздили бы по кладбищамъ*, монастырямъ, подгороднымъ рощамъ, поѣхали бы, пожалуй, къ Троицѣ. Разъ въ письмѣ вы проговорились, что хотѣли бы посидѣть и походить со мной, молча и лѣниво перекидываясь фразами, то я и предлагаю вамъ Москву. Если будетъ хорошая погода, то скитанія наши по Москвѣ и около удадутся настолько, что будетъ *пріятно вспомнить о нихъ подъ старость*» (1895). Эту любовь «до странности» къ посѣщенію кладбищъ Суворинъ зарисовалъ, какъ нѣчто очень характерное для Чехова въ своемъ некрологѣ [1]).

[1]) «И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ онъ любилъ до странности посѣщать кладбища, читать надписи на памятникахъ или молча ходить

Разъ разочарованіе началось, оно перекидывается и на свою личность, и Чеховъ ненавидитъ свой характеръ. «Не характеръ, а мочалка!» жалуется онъ Суворину (1893). Недовольный на то, что отдалъ Черткову «Палату № 6», онъ казнитъ себя. «Этакое безличное и безвольное состояніе держитъ меня иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ! Этимъ отчасти и объясняется весь строй моей жизни» (Ibid.). Десятки разъ онъ коритъ себя за отсутствіе той «беззаботности жизни», какая, напр., отличала Пушкина, казнитъ за «трусость», и въ разсказѣ «Страхъ» никогда ранѣе не было столько психологически-интимныхъ совпадающихъ настроеній, какъ именно теперь. «Есть болѣзнь — боязнь пространства, такъ вотъ и *я боленъ боязнью жизни*», эти строки изъ разсказа хочется перенести въ его переписку. Эта трусость въ особенности противна ему въ области чисто матеріальной. «Заглядываніе въ будущее я называю не иначе, какъ трусостью, — пишетъ онъ Суворину въ 1892 г.—Долги «для такого труса», какъ онъ,—«пуще игоревой смерти» (Суворину, 1889).

Недавній «счастья баловень безродный» и Потемкинъ, «жизнерадостный человѣкъ», хвалившійся тѣмъ, что, «по крайней мѣрѣ, первыя 30 лѣтъ своей жизни онъ про-

---

среди могилъ» (Суворинъ, «Н. В.», 1904 г., 4 іюля). Съ этимъ обыкновеніемъ Чехова связана даже одна легенда, въ которой можно было бы усомниться, если бы она не шла отъ заслуживающаго вѣры свидѣтеля. Когда Чеховъ какъ-то пріѣхалъ въ Пермь и почти сразу по пріѣздѣ отправился на кладбище, это сперва объяснили тѣмъ, что у него тамъ схороненъ близкій человѣкъ. Почитатели его, съ особымъ вниманіемъ слѣдившіе за знаменитымъ гостемъ, предполагали даже старинный романъ, и пермскіе обыватели терялись въ догадкахъ, кто могла быть счастливица, покорившая его сердце. Потомъ узнали, что Чеховъ поступалъ такъ всюду, куда бы ни пріѣзжалъ, отправляясь въ одиночную прогулку на кладбище. Легенда о раннемъ романѣ съ пермячкой разсѣялась... (Ѳ. Батюшковъ, КХП, 1014).

жилъ въ свое удовольствіе» [1]),—малодушно восклицаетъ: «Какая-то чепуха, а не жизнь! И ничего я теперь такъ не желаю, какъ выиграть 200 тысячъ, потому что ничего такъ не люблю, какъ личную свободу» (Суворину [2]).

Тридцатилѣтній онъ мечтаетъ о выигрышѣ съ серьез ностью настоящаго обывателя и, кромѣ всякихъ шутокъ, поручаетъ братьямъ брать на него паи на выигрышные билеты. Не жутко ли въ самомъ дѣлѣ, что за какой-нибудь десятокъ лѣтъ до смерти онъ все еще долженъ мечтать о наемномъ номерѣ въ какомъ-нибудь «Золотомъ Якорѣ» «не дороже рубля или полутора рубля за сутки!» (1893 г.). Онъ грезитъ о собственномъ имѣньицѣ, и его мечты похожи на стоны:

«Ахъ, свободы, свободы! Если я буду проживать не больше двухъ тысячъ въ годъ, что возможно только въ усадьбѣ, то я буду абсолютно свободенъ отъ всякихъ денежно-приходо-расходныхъ соображеній. Буду тогда работать и читать, читать... Однимъ словомъ, мармеладъ, а не жизнь» (Суворину, 1891).

Чехову чудилось, что его настроеніе измѣнится, когда онъ станетъ помѣщикомъ и рантье. Этого онъ достигъ въ мартѣ 1892 года, когда поселился въ Мелиховѣ. Здѣсь были у него, дѣйствительно, свѣтлые часы и радостные дни. Но какъ скоро, уже въ медовомъ мѣсяцѣ, прежній червь снова засосалъ подъ его сердцемъ,—это мы видѣли въ своемъ мѣстѣ. Въ одинъ изъ дней неудовлетворенности и самоуглубленія; вѣроятно, именно здѣсь, гордый духомъ, онъ съ ужасомъ почувствовалъ засасывающій ужасъ мѣщанствен-

---

1) Авиловой, 1897.

2) Совершенно аналогично въ 1891 г. онъ мечтаетъ о выигрышѣ въ 40.000, „чтобы отрѣзать отъ себя ножницами надоѣвшее писательство, купить немножко земли и зажить байбакомъ“ (Ал. Чехову)

ности, который заклеймилъ потомъ въ «Крыжовникѣ», здѣсь сдѣлалъ свою великолѣпную поправку къ толстовскому ученію о необходимости для человѣка только трехъ аршинъ земли. «Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку. Уходить изъ города отъ борьбы, отъ житейскаго шума, уходить и прятаться у себя въ усадьбѣ, — это не жизнь, это эгоизмъ, это лѣнь, это своего рода монашество, но монашество безъ подвига. Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа» («Крыжовникъ»).

Едва ли самъ Чеховъ давалъ себѣ отчетъ въ томъ, что произошло въ немъ съ возвращеніемъ съ Сахалина и изъ-за границы, но происходило что-то жуткое и пугающее. Да, «поѣздка на востокъ состарила его душевно и тѣлесно» (БЧ).

Чеховъ былъ уже не тотъ. И Сахалинъ, и Венеція, и Монте-Карло,—все это стоило огромнаго напряженія и сосредоточенія силъ, все это взяло много нервовъ. Большое путешествіе, видоизмѣняющее міровоззрѣніе, принимается въ тридцать лѣтъ иначе, чѣмъ въ 20. Чеховъ усталъ. Болѣзнь уже легла на него гнетомъ, и, можетъ-быть, впервые теперь онъ начиналъ давать себѣ въ ней отчетъ. Въ одинокихъ думахъ уже было взвѣшено многое, что раньше или не приходило въ голову, или не занимало мысли надолго.

Работа, работа и работа безъ конца и безъ видимаго успокоенія впереди теряла всякую прелесть. Прежніе легкіе возбудители въ случаѣ временнаго упадка настроенія казались уже непримѣнимыми,—здоровье было не то, — или не несли радости. «Вино и музыка всегда были для меня отличнѣйшимъ штопоромъ,—нѣсколько

лѣтъ назадъ написалъ онъ. — Когда гдѣ-нибудь въ дорогѣ въ моей душѣ или въ головѣ сидѣла пробка, для меня было достаточно выпить стаканчикъ вина, чтобы я почувствовалъ у себя крылья и отсутствіе пробки» (Плещееву, 1888). Теперь этотъ возбудитель отпадаетъ.

Мысли о томъ, что пора строить иную жизнь, чтобы не остаться банкротомъ подъ старость, становились навязчивы. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ среди строкъ шутливаго и веселаго письма къ пріятелю у Чехова вдругъ прорвалась строка, выдающая въ немъ потребность личнаго счастья и своей семьи, естественную въ пору подъ 30 лѣтъ. «Я жалѣю, что я не женатъ, или, по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ дѣтей», таковъ его серьезный postscriptum къ шутливому письму къ Грузинскому (1888). Мысль, что только женская рука можетъ упорядочить его жизнь, дать необходимый уютъ, оградить отъ чужой безцеремонности, серьезно предносилась ему, въ какую бы шутливую форму онъ ее ни облекалъ. «Надо жениться,—шутилъ онъ, лежа въ остроумовской клиникѣ и изнемогая отъ незваныхъ посѣтителей. — Быть-можетъ, злая жена сократитъ число моихъ гостей, хотя наполовину. Вчера ко мнѣ ходили цѣлый день сплошь, — просто бѣда! Ходили по-двое,—и каждый проситъ не говорить и въ то же время задаетъ вопросы» (Суворину, 1897). Въ сватахъ, соблазняющихъ его на семейную жизнь, у него не было недостатка еще и въ ранней молодости, когда ему такъ часто и не безъ раздраженія приходилось считаться со сплетнями лжепріятелей. Повидимому, не разъ къ этому совѣту возвращался и Суворинъ. Не могъ не думать объ этомъ и самъ Чеховъ, но окончательный выводъ его слагался не въ пользу брака.

„Извольте, я женюсь, если вы хотите этого,—писалъ онъ.—Но мои условія: все должно быть, какъ было до этого, то-есть

она должна жить въ Москвѣ, а я въ деревнѣ и я буду къ ней ѣздить. Счастье же, которое продолжается изо дня въ день, отъ утра до утра—я не выдержу. Когда каждый день мнѣ говорятъ все объ одномъ и томъ же одинаковымъ тономъ, то я становлюсь лютымъ. Я, напримѣръ, лютѣю въ обществѣ С., потому что онъ очень похожъ на женщину („умную и отзывчивую") и потому, что въ его присутствіи мнѣ приходитъ въ голову, что моя жена можетъ быть похожа на него. Я обѣщаю быть великолѣпнымъ мужемъ, но дайте мнѣ такую жену, которая, какъ луна, являлась бы на моемъ небѣ не каждый день" (1895).

Въ другой разъ въ томъ же году, тому же Суворину онъ подтверждалъ: «Мнѣ надо бы купаться и жениться. Я боюсь жены и семейныхъ порядковъ, которые стѣснятъ меня и въ представленіи какъ-то не вяжутся съ моею безпорядочностью, но все же это лучше, чѣмъ болтаться въ морѣ житейскомъ и штормовать въ утлой ладьѣ распутства». Когда онъ, наконецъ, рѣшался говорить объ этомъ вопросѣ серьезно съ своими близкими и родными, онъ ясно давалъ почувствовать, что смотритъ на него поэтически и благородно, и, если до сихъ поръ остался одинокимъ, то только потому, что, при отсутствіи глубокаго влеченія, не хотѣлъ умножать числа прозаическихъ и нудныхъ браковъ. «Что касается женитьбы, на которой ты настаиваешь,—пишетъ онъ брату, Михаилу Павловичу,—то какъ тебѣ сказать? Жениться интересно только по любви, жениться же на дѣвушкѣ только потому, что она симпатична, это все равно, что купить себѣ на базарѣ ненужную вещь только потому, что она хороша. Въ семейной жизни самый важный винтъ — это любовь, половое влеченіе, едина плоть, все же остальное ненадежно и скучно, какъ бы умно мы ни разсчитывали. Стало-быть, дѣло не въ симпатичной дѣвушкѣ, а въ любимой; остановка, какъ видишь, за малымъ». Когда позднѣе съ женитьбою придетъ къ Чехову уютъ полной осѣдлости,

онъ будетъ жалѣть о своей бездѣтности и завидовать собрату, имѣющему дочку [1]).

Въ цѣломъ всѣ эти факторы создавали такую атмосферу, отъ которой Чехову, только что покидавшему семью для востока и за границы, хотѣлось бѣжать снова куда глаза глядятъ.

«Мнѣ необходимо удрать изъ дому, хотя на полъ мѣсяца. Отъ утра до ночи я непріятно раздраженъ, чувствую, какъ будто кто по душѣ водитъ тупымъ ножомъ, а внѣшнимъ образомъ это раздраженіе выражается тѣмъ, что я спѣшу пораньше ложиться спать и избѣгаю разговоровъ. Все у меня не удается, глупо валится изъ рукъ. Началъ я разсказъ, написалъ половину и бросилъ, потомъ другой началъ; бьюсь съ этимъ разсказомъ уже больше недѣли, и время, когда я кончу его, представляется отдаленнымъ» (Суворину, окт. 1891).

Временами онъ видитъ, что вся его непосѣдливость, желаніе перемѣны мѣстъ, въ сущности, несознанное стремленіе уйти отъ самого себя, согласно съ старымъ разъ брошеннымъ афоризмомъ: «когда вертишься, то какъ-то на душѣ покойнѣе» (Суворину, 1892). Вѣра въ эту встряску съ перемѣной мѣста—временами еще вспыхиваетъ въ немъ ярко. Онъ прикидываетъ въ умѣ самые экзотическіе планы, совершенно забывая, чего стоило ему, напр., путешествіе на дальній востокъ, и едва ли очень серьезно вѣря въ возможность такихъ осуществленій. «Буду работать всю зиму, не вставая, чтобы весной уѣхать въ Чикаго. Оттуда черезъ Америку и В. Океанъ въ Японію и Индію. Послѣ того, что я видѣлъ и чувствовалъ на востокѣ, меня не тянетъ въ Европу, но будь время и деньги поѣхалъ бы опять въ

---

[1]) Неизд. письмо къ Е. Н. Чирикову, 1903. „Какъ я жалѣю теперь на старости лѣтъ, что у меня нѣтъ дочки. Счастливый вы человѣкъ!“

Италію и Парижъ» (Суворину, 1892). «Денегъ! Денегъ!— читаемъ въ другомъ мѣстѣ.—Будь деньги, я уѣхалъ бы въ Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересныя письма. Надо имѣть цѣль въ жизни, а когда путешествуешь, то имѣешь цѣль» (Л. Мизиновой, 1893).

Но, кажется, самъ онъ видитъ, что это одна изъ иллюзій неосуществимыхъ, и настраивается пессимистически, сознавая, что умнѣе, точнѣе и «по-медицински» реальнѣе не ждать впереди пріятныхъ сюрпризовъ. Что-то органическое чувствуется въ этомъ его минорномъ настроеніи. «Я далекъ отъ того, чтобы обманывать себя насчетъ истиннаго положенія вещей,—пишетъ онъ Суворину, — не только скучаю и недоволенъ, но даже чисто по-медицински, т.-е. до цинизма убѣжденъ, что отъ жизни сей надлежитъ ожидать одного только дурного—ошибокъ, потерь, болѣзней, слабости и всякихъ пакостей» (1892).

V

Безо всякаго сомнѣнія, не дешевою цѣною достается Чехову и разстройство отношеній съ однимъ изъ самыхъ близкихъ ему въ литературѣ людей—А. С. Суворинымъ. Если у Чехова не было исключительно глубокихъ и интимныхъ дружбъ (какъ нерѣдко бываетъ съ выдающимися людьми, и въ особенности, окруженными любимой родней), если его біографу приходится сознательно, на протяженіи цѣлой книги, слова «пріязнь» и «пріятели» предпочитать словамъ «дружба» и «друзья»,—то отношенія къ Суворину все-таки приходится выдѣлить изъ этихъ пріязней въ особую строку,— въ нихъ были подлинные элементы дружбы.

Большая роль, какую сыгралъ Суворинъ въ жизни Чехова, вопросъ, который до сихъ поръ ни разу не

рѣшался даже съ относительной объективностью, до такой степени доселѣ неравнодушно отношеніе къ издателю «Н. В.» обѣихъ сторонъ,—правой и лѣвой. Возстановленіе полной картины этихъ отношеній невозможно, пока мы располагаемъ только одною половиною документовъ: писемъ Суворина къ Чехову мы не знаемъ, и узнаемъ ли когда,—вопросъ.

Суворинъ не создалъ Чехова, какъ охотно готовы утверждать почитатели Суворина. Чеховъ самъ создавалъ себя, но касаніе къ нему издателя «Нов. Вр.» отнюдь не было ни безразлично, ни сплошь отрицательно, какъ готовы доказывать суворинскіе противники. Послѣднее и обидно для Чехова, и противорѣчитъ здравому пониманію этой натуры, поскольку «этого, кругомъ самостоятельнаго, сплошь естественнаго, послѣдовательнаго, логическаго и съ большою волею человѣка обращаетъ въ какую-то пассивную куклу, которой поступки, мысли и писанія зависѣли будто бы отъ того, съ кѣмъ онъ былъ знакомъ и близокъ» [1]). Вопросъ этихъ отношеній вообще нѣчто гораздо болѣе тонкое и сложное, чѣмъ думаютъ все очень просто рѣшающіе партійные люди [2]). Дѣло было далеко не въ томъ, что Суворинъ при богатствѣ и положеніи взялъ за руку талантливаго человѣка и съ литературныхъ задворковъ вывелъ на большую дорогу. И не въ томъ, что Чехова, свободнаго художника, онъ соблазнялъ идеалами реакціи или оппортунизма, а Чеховъ искалъ спасенія отъ его консерватизма и успѣлъ въ самомъ дѣлѣ спастись. Самый кон-

---

[1]) Амфитеатровъ, «Чеховъ и Суворинъ», «Русск. Сл.», 1914, 2 іюля.

[2]) Кто хотѣлъ бы видѣть мотивировку зло-отрицательныхъ вліяній Суворина на Чехова («Суворинъ родилъ Чехова, онъ его и убилъ»), тотъ найдетъ это въ очень эффектной, по парадоксальной и далекой отъ амфитеатровской объективности статьѣ Д. С. Мережковскаго «Суворинъ и Чеховъ» («Русск. Слово», 22 янв. 1914 г.).

серватизмъ Суворина—вещь, подлежащая еще большимъ оговоркамъ. Консерватизмъ, можетъ-быть, менѣе опредѣляющее его сущность слово, чѣмъ парадоксализмъ. Когда въ капризѣ исторія соприкасаются два такіе большіе таланта, два такихъ сложныхъ человѣка, какъ Чеховъ и Суворинъ, тутъ можно и нужно воздерживаться отъ элементарныхъ рѣшеній по четыремъ правиламъ ариѳметики.

«Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина» [1]), такъ въ письмѣ чрезвычайно подъемномъ и интимномъ (Григоровичу) Чеховъ самъ не постѣснился опредѣлить значеніе для него перваго соприкосновенія съ Суворинымъ. Къ сожалѣнію, и это «очень любезное и искреннее» письмо намъ неизвѣстно, какъ и всѣ остальныя. Было бы оскорбленіемъ истины не замѣтить центральнаго значенія въ чеховской перепискѣ писемъ именно къ руководителю «Новаго Времени». Какъ никто, Суворинъ умѣетъ разжигать и подстрекать чеховскую мысль, раззадоривать его на признанія, афоризмы, сентенціи. Несравнимо чаще, чѣмъ со всѣми остальными, съ нимъ Чеховъ говоритъ о вещахъ серьезныхъ, нужныхъ, психологически существенныхъ, для біографа первостепенныхъ. Въ одинъ изъ первыхъ годовъ знакомства Чеховъ опредѣляетъ цѣну для себя этого «въ высшей степени искренняго и общительнаго» знакомца (Щеглову, П, II, 244), этого «хорошаго человѣчины» (брату Ал. П, II, 159), въ выраженіяхъ очень горячихъ.

„Цѣлый день проводимъ въ разговорахъ. Ночь тоже. И мало-по-малу я обращаюсь въ разговорную машину. Рѣшили мы уже всѣ вопросы и намѣтили тьму новыхъ, еще никѣмъ не привод-

---

[1]) См. здѣсь, 236.

нятыхъ вопросовъ. Говоримъ, говоримъ, говоримъ и, по всей вѣроятности, кончимъ тѣмъ, что умремъ отъ воспаленія языка и голосовыхъ связокъ. *Быть съ Суворинымъ и молчать такъ же не легко, какъ сидѣть у Палкина и не пить.* Дѣйствительно, Суворинъ представляетъ изъ себя воплощенную чуткость. Это большой человѣкъ. Въ искусствѣ онъ изображаетъ изъ себя то же самое, что сетеръ въ охотѣ на бекасовъ, т.-е. работаетъ чертовскимъ чутьемъ и всегда горитъ страстью. Онъ плохой теоретикъ, наукъ не проходилъ, многаго не знаетъ, во всемъ онъ самоучка, отсюда его чисто собачья неиспорченность и цѣльность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи бѣденъ теоріями, онъ поневолѣ долженъ былъ развить въ себѣ то, чѣмъ богато надѣлила его природа, поневолѣ онъ развилъ свой инстинктъ до размѣровъ большого ума. Говорить съ нимъ пріятно. А когда поймешь его разговорный пріемъ, его искренность, которой нѣтъ у большинства разговорщиковъ, то болтовня съ нимъ становится почти наслажденіемъ“.

Десятки разъ позднѣе онъ говоритъ объ его умѣ, потребности для себя его общества («въ сущности, вы такъ мнѣ нужны», 1897), объявляетъ ему, что для ихъ разговора приготовленъ «цѣлый коробъ» («много накопилось всякой всячины—и чувствъ и мыслей»), защищаетъ старика отъ враговъ, жалѣетъ его, вѣря, что «его ошибки достаются ему недешево» (П, V, 367). Было, очевидно, что-то въ Суворинѣ, помимо его консерватизма, что влекло къ нему Чехова, порой заставляло просто, не замѣчая, пройти мимо общественно-политической его шаткости, какъ любящій знать не хочетъ какой-нибудь физическій недочетъ любимой.

Одной изъ наиболѣе спокойныхъ, освѣдомленныхъ и умѣлыхъ попытокъ объективнаго выясненія характера пріязни Чехова и Суворина мы обязаны человѣку, очень близко знавшему Суворина и достаточно хорошо Чехова,—слово котораго тѣмъ дороже, что въ оцѣнкѣ суворинской дружбы онъ не подлежитъ ни малѣйшему заподозрѣнію въ идейномъ ему сочувствіи. Человѣкъ

этотъ—А. В. Амфитеатровъ, и вотъ въ какія выраженія, чуждыя всякой половинчатости и оговорокъ, выливается его мнѣніе:

„Сквозь какую призму ни глядѣть на роль Суворина въ жизни Чехова, — она прекрасна. Влюбленный въ Чехова, Суворинъ не требовалъ отъ него никакихъ компромиссовъ съ „Новымъ Временемъ". Зато почти десять лѣтъ оберегалъ его дарованіе отъ компромиссовъ подчиненія какому бы то ни было литературному лагерю,—компромиссовъ, неизбѣжныхъ для художественнаго таланта въ тяжелыхъ условіяхъ 80—90-хъ годовъ и положившихъ свою печать на всѣ безъ исключенія тогда возникшія силы. Суворинъ бросилъ подъ ноги Чехову мостки, по которымъ молодой писатель перешелъ зыбкую трясину своихъ ученическихъ лѣтъ, не нуждаясь для опоры ногъ ни въ кочкѣ справа, ни въ кочкѣ слѣва. И когда настало ему время выбрать свой общественно-литературный лагерь, онъ занялъ въ этомъ лагерѣ мѣсто, уже какъ сила авторитетная и власть имѣющая, а не служкою на испытаніи".

Касаясь чисто человѣческихъ отношеній двухъ писателей, Амфитеатровъ, имѣвшій полную возможность близко наблюдать ихъ, не допускаетъ глубокаго проникновенія старика въ чеховскую психику. Суворинъ искренне любилъ Чехова, влекся къ нему, не выносилъ, чтобы о немъ говорили дурно. Онъ ревниво относился къ критическимъ отзывамъ о Чеховѣ, «страдалъ, когда не нравилась какая-нибудь чеховская вещь». Но взаимность была едва ли полная.

„Суворинъ видѣлъ Чехова лишь настолько, насколько тотъ позволялъ проникать въ себя. Вообще-то этотъ разрѣшенный слой врядъ ли былъ глубокъ. Чеховъ былъ не изъ тѣхъ, кто любитъ конфиденціи. Но иногда онъ внезапно отворялъ храмъ души своей—именно передъ Суворинымъ. О двухъ такихъ случаяхъ я знаю непосредственно отъ Алексѣя Сергѣевича. Онъ со слезами на глазахъ разсказывалъ, что, какъ ни высоко цѣнилъ онъ и ставилъ Антона Павловича, но только вотъ въ подобныхъ двухъ бесѣдахъ,—однажды въ Петербургѣ и однажды въ Венеціи,—понялъ во весь ростъ все величіе и всю трагическую глубину этого удивительнаго человѣка"...

Но утверждая дѣйствительность такихъ соприкосновеній, Амфитеатровъ рѣшительно отказывается принять мнѣніе, что близость къ Суворину и «Новому Времени» мѣшала свободному развитію чеховской личности, влекла его вправо, не сломила его, но ломала. «Тѣ, кто говорятъ, будто Чеховъ суворинскаго періода чѣмъ-то разнился отъ Чехова «Русской Мысли», забываютъ, что почти одновременно Чеховъ печаталъ у Суворина столь русско-мысльскую (если возможно подобное слово) повѣсть, какъ «Дуэль», а въ «Русской Мысли»—столь нововременскую (конечно, не въ нынѣшнемъ, а въ тогдашнемъ смыслѣ), до безжалостности скептическую въ отношеніи къ главному общественному идеалу той эпохи, какъ «Записки неизвѣстнаго человѣка».

Несомнѣнную степень вліянія Суворина на Чехова Амфитеатровъ видитъ только въ одной области.

„Литературно Суворинъ вліялъ безусловно и не могъ не вліять, какъ талантливый и широко образованный старый писатель и одаренный превосходною справочною памятью, неутомимый разговорщикъ на литературныя темы, какъ тонкій цѣнитель художественнаго творчества, поразительно чуткій къ образному слову, какъ знатокъ русскаго языка и блестящій стилистъ. Это вліяніе я не только допускаю, но и знаю, что оно было. Чеховъ самъ говорилъ мнѣ, что двумъ воронежцамъ, Курепину и Суворину, онъ обязанъ окончательною очисткою своего языка отъ южныхъ провинціализмовъ.

Что касается вліянія Суворина на общественные взгляды и вообще формировку мышленія Чехова, то это вліяніе представляется Амфитеатрову „не болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ если бы кто сказалъ, что статуя была изваяна изъ мрамора восковой свѣчой“. „Чеховъ былъ человѣкъ въ высшей степени сознательный, отчетливый, чутко ощущающій себя и другихъ, осторожный, многодумъ и долгодумъ, способный годами носить свою идею молча, пока она не вызрѣетъ, вглядчивый въ каждую встрѣчность и поперечность, сдержанный, послѣдовательный и менѣе всего податливый на подчиненіе чужому вліянію. Я не думаю даже, чтобы на Чехова можно было вообще вліять, въ точномъ смыслѣ

этого слова, то-есть внушить ему мысль, которая была чужда или антипатична его собственному уму. Вспоминая людей, о которыхъ говорятъ, будто они вліяли на Чехова, я ни одного изъ нихъ не рѣшусь признать на то способнымъ. То, что имѣло видъ вліянія, очень часто было просто своеобразнымъ „непротивленіемъ злу", т.-е. какому-нибудь дружескому насилію, которому Чеховъ зримо подчинялся по безконечной своей деликатности, а иногда и по слегка презрительной лѣни и равнодушію къ внѣшнимъ проявленіямъ и условностямъ житейскихъ отношеній".

Отстаивая свою мысль, Амфитеатровъ перегибаетъ коромысло вѣсовъ совсѣмъ въ противоположную сторону. «Менѣе всего могъ вліять на складъ и направленіе мыслей Чехова Суворинъ. Если бы мнѣ сказали, наоборотъ: Чеховъ на Суворина,—я понялъ бы. Даже думаю, что это и бывало не разъ. Въ «Маленькихъ письмахъ» Суворина, иногда такъ сверкающе великолѣпныхъ, по всей вѣроятности, найдутся, при тщательномъ ихъ изслѣдованіи, отблески чеховскаго свѣта» [1]).

Въ итогѣ своего изысканія, бывшій товарищъ Чехова по «Новому Времени» предлагаетъ, какъ формулу, «оставить Чехову чеховское, а Суворину—суворинское и не быть несправедливыми ни къ тому, ни къ другому. Ни Суворинъ не былъ бѣсомъ-соблазнителемъ, ни Чеховъ—наивно соблазненнымъ ангеломъ. Оба они и

[1]) Это предположеніе Амфитеатрова подтверждаетъ голосъ и самого Суворина. „Я обязанъ Чехову многимъ, обязанъ его прекрасной душѣ, которая молодила меня, которая давала и всѣмъ, кто съ нимъ сходился, это чувство чего-то живого, прямого, благороднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ здравомысленнаго. Меньше всего думалось, что это талантъ. Все это даже забывалось, и являлся человѣкъ во всемъ обаяніи его ума, искренности и независимости. Въ Чеховѣ было что-то новое, какъ будто совсѣмъ изъ другой жизни, изъ другой атмосферы. Таково, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе Ни сентиментализма, ни притворнаго участія, ни фразъ. Иногда даже какъ будто жесткость, но жесткость правоты и твердости. Въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ страданій онъ сталъ благодушнѣе и мягче. Что-то меланхолическое покорное судьбѣ явилось въ его изстрадавшейся душѣ".

лучше, и хуже сложившихся ихъ репутацій, въ которыя и справа, и слѣва всякій охочій доброволецъ валитъ столько субъективной миѳологіи, сколько подскажетъ фантазія».

Разрывъ Чехова съ Суворинымъ не имѣлъ скандальнаго характера. Даже при суворинской порывистости чеховская уравновѣшенность обусловила то, что кризисъ разрѣшился для чужого глаза почти незамѣтно. Пріязнь кончилась, но въ формахъ, чуждыхъ бурности и рѣзкости. Ни одно внѣшнее обстоятельство не подчеркнуло его,—охладѣвшіе пріятели разошлись съ достоинствомъ и съ памятью добраго въ прошломъ.

Надо думать, что расхожденіе имѣло много причинъ и поводовъ. Уже давно Чеховъ отдѣляетъ Суворина, котораго любитъ, отъ его газеты и редакціи, которыхъ, не скрывая, не любитъ. Чеховъ помнитъ многое доброе, что видѣлъ отъ «старика». Разумѣется, онъ никогда не забудетъ его ободряющаго рукопожатія въ часъ злой катастрофы («Чайка»), когда на лицахъ многихъ ему пришлось прочесть явную злую радость. Но самъ Чеховъ растетъ, и прежде всего растетъ политически. Это уже не тотъ человѣкъ, который когда-то по поводу ареста Гольцева обозвалъ его «всюду сующимся» (П, II, 200). Теперь онъ уже цѣнитъ его какъ «человѣка очень порядочнаго, убѣжденнаго и умнаго». Близость къ «Русской Мысли», къ «Русскимъ Вѣдомостямъ», къ тому же Гольцеву, къ В. Лаврову, къ В. М. Соболевскому оказала на него свое дѣйствіе, и въ свѣтѣ новыхъ знакомствъ многія старыя предстали въ другомъ свѣтѣ. Къ 1898 году въ старой пріязни съ Суворинымъ обнаруживается уже опредѣленная трещина. Недавніе пріятели должны были неизбѣжно столкнуться серьезно,—можетъ-быть, изъ-за пустяка. Нуженъ былъ только внѣшній поводъ,—такимъ явилось пресловутое дѣло Дрейфуса.

Что именно идейное столкновеніе изъ-за этого процесса имѣло рѣшающее значеніе въ разрывѣ, на это есть свидѣтельство самого Чехова. «Съ Суворинымъ, — пишетъ онъ,—я давно уже прекратилъ переписку» и въ скобкахъ поясняетъ — «Дѣло Дрейфуса». И мотивъ выставляется, очевидно, не ради политики,— письмо писано брату Михаилу Павловичу (П, V, 462). Самое столкновеніе разгорается въ такой послѣдовательности.

Очутившись во Франціи въ разгаръ дѣла, Чеховъ оказывается въ его власти. Цѣлыми днями онъ читаетъ газеты, «изучаетъ» процессъ и приходитъ къ выводу, что «Дрейфусъ не виноватъ» еще за два мѣсяца до появленія знаменитаго письма Э. Зола. Искренность красиваго жеста романиста повергаетъ его «въ восторгъ». Онъ пишетъ объ этомъ Суворину, и, зная его точку зрѣнія на еврейскій вопросъ, поддразниваетъ его шуткой, будто онъ, Чеховъ, за сочувствіе Дрейфусу получилъ отъ еврейскаго синдиката взятку въ 100 франковъ. «За одинъ ноготь на пальцѣ Зола» онъ не отдастъ «всѣхъ, кто судитъ его теперь въ Ассизахъ, всѣхъ этихъ генераловъ и благородныхъ свидѣтелей» (Хотяинцевой, 1898). Въ этомъ процессѣ прежній Зола, «какъ въ скипидарѣ, очистился отъ наносныхъ сальныхъ пятенъ и засіялъ предъ французами въ своемъ настоящемъ блескѣ». Въ «Н. Вр.» и, можетъ-быть, въ письмахъ Чеховъ читаетъ мысли о дѣлѣ Суворина, такія далекія отъ его пониманія, и еще не теряетъ надежды переубѣдить русскаго журналиста. Онъ пишетъ ему огромное письмо, занявшее четыре печатныхъ страницы,—письмо вообще чрезвычайно характерное для ихъ столкновенія (П, V, 156—160). Онъ отбрасываетъ суворинскій сарказмъ, что Зола—не Вольтеръ. «Да, Зола не Вольтеръ, и всѣ мы не Вольтеры, но бываютъ въ жизни такія стеченія обстоятельствъ, ко-

гда упрекъ въ томъ, что мы не Вольтеры, умѣстенъ менѣе всего» (ib.).

Чеховъ ведетъ полемику и весь взволнованъ. Въ письмахъ къ близкимъ онъ не скрываетъ, какимъ онъ считаетъ поведеніе суворинской газеты (П, V, 167), не хочетъ писать и не хочетъ писемъ Суворина (167). Вернувшись въ Ялту, онъ продолжаетъ читать газету съ негодованіемъ (ibid., 333), «это не телеграммы, а чистѣйшій подлогъ и мошенничество».

Фельетоны о студенчествѣ подливаютъ масла въ огонь. Чеховъ все еще пытается сговориться, разубѣдить. Онъ открыто заявляетъ Суворину, что «настроеніе (въ Петербургѣ) въ пользу студентовъ», что фельетоны его «не удовлетворили», протестуетъ противъ его софизмовъ о правѣ государства нарушать законъ (П, V, 358, мартъ, 1899). Медленно и тягостно онъ отрываетъ отъ сердца старую пріязнь и не скрываетъ отъ добрыхъ знакомыхъ, что это ему не легко. «Вы спрашиваете, жалко ли мнѣ Суворина (по поводу поднятой на него травли, заявленій въ печати объ отказахъ отъ чтенія его газеты), конечно, жалко. Его ошибки достаются ему недешево. Но тѣхъ, кто окружаетъ его, мнѣ совсѣмъ не жалко» (Авиловой, мартъ). Его очень интересуетъ знать, какъ въ Союзѣ судили Суворина, и онъ «умоляетъ» ту же знакомую изъ литературы «поподробнѣе» отписать ему обо всемъ этомъ (Авиловой, 1899, апрѣль). Послѣ самаго суда онъ еще дѣлится съ Сувориным мыслями о судѣ, моментами рѣшаясь на высказываніе горькихъ истинъ. «Составилось убѣжденіе, что «Новое Время» получаетъ субсидію отъ правительства и отъ французскаго генеральнаго штаба. И «Нов. Время» дѣлало все возможное, чтобы поддержать эту репутацію, и трудно было понять, для чего оно это дѣлало, во имя какого бога. Никто не понимаетъ, зачѣмъ «Н. В.» приписало Д.

и Б. слова, какихъ они вовсе не говорили» (1899, 24, апрѣль).

Что же дѣлаетъ Суворинъ? Онъ пишетъ Чехову письма, которыя кажутся ему «похожими на покаянный канонъ» (П, V, 356), и Чехову «тяжело, такъ какъ онъ не знаетъ, что отвѣчать, какъ держать себя» (Горькому, 1899) [1]. Дѣловыя отношенія ликвидируются послѣ того, какъ попытка продажи сочиненій Суворину потерпѣла фіаско. Былъ моментъ, когда Чеховъ, повидимому, очень серьезно относился къ этому, намѣчалъ планъ изданія, подсчитывалъ томы (П, V, 211, 248, 258), но съ той стороны разговоръ былъ несерьезный. Когда состоялась продажа сочиненій Марксу, Суворинъ едва ли искренно въ

[1]) Эти страницы лежали передъ авторомъ уже въ сверстанномъ видѣ, когда на вечерѣ памяти Чехова (31 октября 1915 г.) извѣстный академикъ М. М. Ковалевскій далъ въ своихъ воспоминаніяхъ блестящую характеристику Чехова на основаніи близкаго знакомства съ нимъ именно въ этотъ періодъ пребыванія его въ Ниццѣ (конспективно передано самимъ М. М. К. въ «Бирж. Вѣд.», 2 окт.). Къ большому сожалѣнію, въ силу технической непреодолимости, мы должны были отказаться отъ использованія многихъ показаній маститаго писателя и ученаго, порою исключительной цѣнности. Характерно въ высшей степени рѣшительное засвидѣтельствованіе Ковалевскимъ реально-жизненнаго наклона интересовъ Чехова, по его словамъ, буквально сидѣвшаго днями за изслѣдованіемъ дѣла Дрейфуса и отнесшагося вовсе равнодушно къ разсказу ученаго спутника о знаменитомъ открытіи мѣстонахожденія такъ называемаго «чернаго камня» на римскомъ форумѣ, — событія первостепенной важности для науки. Очень интересна передача Ковалевскимъ по памяти содержанія отвѣтнаго письма Суворина на чеховское убѣжденіе его въ обширномъ обоснованномъ письмѣ повѣрить въ невиновность Дрейфуса. Письмо это, видѣнное имъ, начиналось признаніемъ, что, если кто-либо приближалъ его, Суворина, къ готовности признать ошибочность мнѣнія, раздѣленнаго имъ со многими другими, о виновности Дрейфуса,—то это Чеховъ и его аргументированное письмо. Почему изъ этого не проистекло никакихъ реальныхъ послѣдствій, въ смыслѣ перемѣны курса «Нов. Времени», М. М. не высказываетъ догадокъ.

бесѣдѣ съ третьимъ лицомъ попробовалъ упрекнуть Чехова, что онъ, «очевидно, не хотѣлъ продавать» ихъ ему. Чеховъ, не вступая въ объясненія, коротко, но рѣшительно парировалъ ударъ (П, V, 336). Если тутъ была неискренность съ чьей-то стороны, то не съ его.

Такъ порывались и послѣднія паутинки отношеній. Жизнь развела двухъ писателей уже настолько, что безъ дѣловой скрѣпы имъ не на чемъ было сходиться, кромѣ воспоминаній. Расхожденіе было неизбѣжно, и любившій прямыя и простыя отношенія Чеховъ не считалъ нужнымъ этого скрывать. «Мы расходимся мирно,— писалъ онъ,—но жили тоже очень мирно, и, кажется, за все время, пока печатались у васъ мои книжки, у насъ не было ни одного недоразумѣнія, а вѣдь большія дѣла дѣлали» (1899). Онъ предполагалъ отмѣтить этотъ рубежъ отношеній встрѣчей и обѣдомъ вмѣстѣ, но и обѣдъ не устроился. Въ 1900 г. старые пріятели, въ ознаменованіе давняго знакомства, очевидно, по почину Суворина (II, VI, 113), обмѣнялись серебряными кубками.

Переписка не прекращается, только перестаетъ быть постоянной (разъ даже обрывается больше, чѣмъ на полтора года, съ декабря 1900 по сентябрь 1902), одушевленной и интимной, хотя временами Чеховъ еще проситъ писемъ «чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше», заявляетъ, что ему «очень хочется повидаться», интересуется тѣмъ, что интересно старику, напр., его пьесой «Вопросъ» и говоритъ о ней свое мнѣніе. Послѣднее изъ сохранившихся писемъ А. П. къ Суворину помѣчено 1 іюля 1903 г. Было ли оно и дѣйствительно послѣднимъ, сказать трудно, но въ немъ нѣтъ единаго слова на тему расхожденія. Если оно чѣмъ характерно, то только своей нехарактерностью для письма Чехова къ Суворину. Обращеніе

отсутствуетъ, какъ отсутствовало почти всегда ранѣе, по очевидному уговору двухъ реальныхъ натуръ, отталкивавшихъ шаблонъ и тяготившихся формальностями. Оно не суше и не холоднѣе обычныхъ, но въ то же время явственно выдаетъ въ корреспондентахъ двухъ людей, которымъ кромѣ дѣла, пожалуй, говорить уже не о чемъ.

Умственное утомленіе отъ работы безъ передышки со школьной скамьи и ясное сознаніе, что эта работа— тяжелое бремя всего его будущаго, если онъ хочетъ жить, отсюда пресыщеніе и потеря былого аппетита къ литературному труду, антипатія къ самымъ формамъ писательскаго быта и ко всему его «антуражу», разочарованія въ пріятеляхъ, потеря вообще съ годами прежняго свѣтлаго юношескаго и добродушнаго отношенія къ людямъ,—вотъ тѣ двигатели, какіе, сочетаясь съ крайнимъ физическимъ утомленіемъ отъ путешествій, начинающимся скудѣніемъ силъ и убѣжденіемъ въ разрушительной работѣ болѣзни, создавали «саулово настроеніе» Чехова. Со всѣмъ можно было мириться прежде, при здоровьи,—и съ трудомъ, и съ тяжкой профессіей, и съ пересудами пишущей «лжебратіи», и съ ея ревностью, и съ переѣздами на паромѣ черезъ бушующую рѣку. Но теперь Чеховъ былъ уже не тотъ. Уже въ годъ смерти брата Николая увидѣвшій его человѣкъ сравнилъ его съ «пронесшейся въ воздухѣ раненой чайкой». Разрушеніе давно началось и шло неумолимо.

Чеховъ не скоро еще отдалъ себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ, но прекрасные дни Аранжуэца, безъ сомнѣнія, миновали. Подъ 30-ю годами, прожитыми «въ свое удовольствіе», легла явственная черта. Шли ранняя осень, болѣзнь, хандра и увяданіе. Все это цѣльно и трагически объединилось около одного зловѣщаго слова — «Чайка».

ЗАКАТЪ.

ЯЛТА. — ЖЕНИТЬБА. — ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. — ТРІУМФЫ ДРАМАТУРГА.

I

Въ ноябрѣ 1898 года Чеховъ купилъ совершенно неустроенную землю въ кучукойскомъ участкѣ, въ дер. Верхней Ауткѣ, бывшую раньше подъ виноградникомъ. Неприглядный, бугристый клочекъ земли съ каменистой почвой тянулся по крутому скату внизъ отъ Аутскаго шоссе. Чтобы имѣть возможность выстроить самый скромный домикъ, Чеховъ вынужденъ былъ, тотчасъ же по заключеніи купчей, заложить свое новое владѣніе и только тогда сталъ думать объ его устройствѣ.

Сестра Чехова, Марія Павловна, вызванная имъ изъ Москвы, при видѣ покупки брата была разочарована до слезъ. Въ ея представленіи съ этимъ дикимъ мѣстомъ никакъ не вязались будущій благоустроенный садикъ и уютная дача. Было голо, круто и вѣтрено. Дорога къ дачѣ вела по шоссе, восемь мѣсяцевъ въ году утопающему въ облакахъ пыли. Только не желая огорчать брата, она постаралась не выказывать своего грустнаго впечатлѣнія. Какъ художница, она набросала приблизительный планъ будущаго сада и дома, а сама вскорѣ вернулась въ Москву. Чеховъ принялся за устройство своего гнѣзда. Проектъ дачи разросся, —

она превратилась въ двухъэтажный бѣлый домъ съ нѣсколькими балконами, всѣми удобствами, даже паркетными полами. Чеховъ самъ придумывалъ расположеніе комнатъ. Татары прозвали домикъ «Бѣлой дачей».

Весной 1899 года постройка настолько подвинулась впередъ, что Чеховъ могъ выписать изъ Москвы мать и сестру въ далеко еще не оконченную постройку.

Изъ прежнихъ насажденій для сада можно было оставить только три-четыре яблони и нѣсколько старыхъ лозъ, — все остальное сажалось вновь. Лучшіе сорта плодовыхъ деревьевъ, мимозы, кипарисы, смоковницы, глициніи, даже пальмы и японскія каки нашли себѣ мѣсто на аутскомъ участкѣ. Каждое растеніе сажалось съ любовью и имѣло свою исторію.

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городомъ. Всѣ находили ее очень оригинальной, своеобразной, а нѣкоторые—самымъ оригинальнымъ зданіемъ въ Ялтѣ. Бѣлая, чистая, легкая и красиво-несимметричная, съ вышкой въ видѣ башни, съ неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и съ открытой террасой вверху, съ разбросанными то широкими, то узкими окнами,—она походила бы на зданія въ стилѣ модернъ, если бы въ ея планѣ не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то самобытный вкусъ (описаніе А. И. Куприна). Кругомъ былъ цвѣтникъ. За садомъ тянулось старое, заброшенное татарское кладбище.

Первое время по пріѣздѣ на южный берегъ Крыма Чеховъ еще не замыкался въ своемъ уединенномъ домикѣ, расположенномъ за чертой тогдашней Ялты. Его часто видѣли на набережной. Онъ охотно знакомился съ представителями разныхъ слоевъ мѣстнаго общества, интересовался городскими дѣлами, любилъ сидѣть на берегу моря, наблюдая курортную толпу.

Хозяинъ единственнаго въ Ялтѣ книжнаго магазина, Синани, ранѣе окружавшій заботами пріѣхавшаго умирать въ Ялту Надсона, хлопоталъ около Чехова. Съ нимъ еще до покупки дачи Чеховъ исколесилъ всѣ окрестности города. Онъ торговался «за Чехова» съ владѣльцами участка и потомъ съ подрядчиками и рабочими, принявшимися за постройку. Кромѣ Синани, особенно часто видѣлся и бесѣдовалъ Чеховъ съ мѣстными обывателями: писателемъ-докторомъ Елпатьевскимъ, архитекторомъ Шаповаловымъ, строившимъ его дачу, и врачемъ Альтшулеромъ.

Но Ялта манила Чехова лишь издали. Онъ горько разочаровался въ ней, когда сталъ ея обитателемъ. Самыя раннія письма его отсюда полны горькихъ сѣтованій. «Мое здоровье порядочно, — пишетъ онъ В. Тихонову въ 1899 г., — но въ Москву и Питеръ меня не пускаютъ; говорятъ, что бацилла не выноситъ столичнаго духа. Между тѣмъ мнѣ ужасно хочется въ столицу, ужасно! *Я здѣсь соскучился, сталъ обывателемъ* и, повидимому, уже близокъ тому, чтобы сойтись съ рябой бабой, которая бы меня била, а въ праздники жалѣла. Нашему брату не слѣдуетъ жить въ провинціи. Я еще допускаю Павловскъ, это аристократическій городъ,—городъ государственныхъ мужей. Ялта же мало чѣмъ отличается отъ Ельца или Кременчуга; тутъ даже бациллы спятъ».

Въ томъ же году онъ жаловался: «Въ общемъ живется скучно. Приходится дѣлать надъ собою усиліе, чтобы жить здѣсь изо дня въ день и не роптать на судьбу. Я читаю газеты, читаю про словарь Пушкина и, конечно, завидую тѣмъ, кто помогаетъ вамъ» (Кн. Урусову). «Ялта зимой—это марка, которую не всякій выдержитъ. Скука, сплетни, интриги и самая безстыдная клевета» (И. И. Орлову, 1899).

Раздражала его всякая мелочь жизни, и все был не по душѣ. «Въ Ялтѣ много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущихъ, но ни одного талантливаго человѣка. Много вина, но ни одной капли порядочнаго. Хороши здѣсь только море да лошади-иноходцы».

Характерно, что первое впечатлѣніе Ялты, когда Чеховъ увидѣлъ ее, еще полножизненный и здоровый, совпало съ тѣмъ, какое она давала ему, больному и соскучившемуся. Увидѣвъ ее въ первый разъ въ 1888 г., онъ писалъ сестрѣ: «Глядя на берегъ съ парохода, я понялъ, почему это онъ еще не вдохновилъ ни одного поэта и не далъ сюжета ни одному порядочному художнику-беллетристу. Онъ рекламированъ докторами и барынями—въ этомъ вся его сила. Ялта—это помѣсь чего-то европейскаго, напоминающаго виды Ниццы, съ чѣмъ-то мѣщански-ярмарочнымъ. Коробообразныя гостиницы, въ которыхъ чахнутъ несчастные чахоточные, наглыя татарскія хари, турнюры съ очень откровеннымъ выраженіемъ чего-то очень гнуснаго, эти рожи бездѣльниковъ-богачей съ жаждой грошовыхъ приключеній, парфюмерный запахъ вмѣсто запаха кедровъ и моря, жалкая, грязная пристань, грустные огни вдали на морѣ, болтовня барышень и кавалеровъ, понаѣхавшихъ сюда наслаждаться природой, въ которой они ничего не понимаютъ,—все это въ общемъ даетъ такое унылое впечатлѣніе и такъ внушительно, что начинаешь обвинять себя въ предубѣжденіи и пристрастіи».

«Татарско-парикмахерскій городъ», изъ стараго письма Плещееву, превратился въ «скучнѣйшую Ялту» въ письмѣ къ Суворину отъ 1894 г. Неудивительно, что подъ впечатлѣніемъ усиливающагося недуга и подъ сознаніемъ, что Ялта превратилась въ его вѣчную клѣтку, изъ которой никогда не уйти,—это нерасположеніе къ никогда не любимому мѣсту переходило

иногда въ ненависть. Когда В. Ладыженскій навѣстилъ Чехова въ Крыму, А. П. сказалъ ему: «тебѣ нравится моя дача и садикъ? А между тѣмъ это моя тюрьма, самая обыкновенная тюрьма, въ родѣ петропавловской крѣпости. Разница только въ томъ, что петропавловская крѣпость сырая, а эта сухая». Ялту онъ откровенно не любилъ и называлъ въ шутку «Чертовымъ островомъ». Исключеніе представлялъ собственный уютный садъ при дачѣ. Когда уже незадолго передъ его кончиной, Марія Павловна призналась ему, что и она долго не могла примириться съ Ялтой и неизбѣжной потерей Мелихова, но что теперь ей здѣсь все дорого,— Чеховъ грустно замѣтилъ: «вотъ такъ не любя замужъ выходятъ. Сначала не нравится, а потомъ привыкаютъ». И ялтинская усадьба, и бытъ ея, и самъ Чеховъ «на закатѣ» художественно зарисованы А. И. Купринымъ во всѣмъ извѣстныхъ его воспоминаніяхъ (Собр. соч. VII, 98—134).

Самая курортная жизнь, погоня за рублемъ пріѣзжей публики, вѣчный ажіотажъ,—все это было полярно-противоположно обычнымъ настроеніямъ Чехова, и не удивительны его постоянныя жалобы на эту жизнь, на скуку и вѣчное его стремленіе въ Москву.

„Мишура!..—вырвалось разъ изъ его устъ, разсказываетъ одинъ изъ жившихъ около него въ Ялтѣ.—Обратите вниманіе: здѣсь, во всѣхъ этихъ первоклассныхъ магазинахъ вы можете пріобрѣсти все, что вамъ угодно, всѣ предметы роскоши, всякаго рода бездѣлушки, кромѣ самаго необходимаго, кромѣ того, что нужно для человѣческаго существованія... И всѣмъ великолѣпно живется, кромѣ тѣхъ, которымъ здѣсь жить необходимо... Это ужасно!.. Вначалѣ, какъ только я здѣсь поселился, всѣ эти умирающіе чахоточные на меня производили угнетающее впечатлѣніе... Меня возмущали эти контрасты, которые нигдѣ такъ больно не рѣжутъ чувства справедливости, какъ въ Ялтѣ. Съ одной стороны, сытое довольство, жизнь, полная разгула, съ другой стороны—отчаянная и тщетная борьба со смертью... Я затѣялъ са-

наторію, собиралъ пожертвованія. Но потомъ остылъ. Это — борьба съ вѣтряными мельницами... Въ сущности, весь міръ населенъ чахоточными... Всѣ одинаково безнадежно больны, и всѣхъ ждетъ одинъ конецъ. Всѣ одинаково жалки: и эти развлекающіеся тоже... Развлеченіе—вѣдь это не болѣе, какъ забытье...“

Москва, далекая и по былымъ воспоминаніямъ веселая и свѣтлая, стала для него какимъ-то символомъ потеряннаго рая. Тоска по ней «трехъ сестеръ» — это чистое выраженіе влеченія къ ней самого Чехова. Какою исключительною любовью любилъ онъ ее, выразительнѣе всѣхъ отмѣтилъ свидѣтель этой тоски, сосѣдъ Чехова по Ялтѣ—С. Я. Елпатьевскій. Умный человѣкъ, Чеховъ говорилъ «удивительно несообразныя слова», когда рѣчь заходила о Москвѣ. Всерьезъ и безъ ироніи онъ увѣрялъ однажды, что «именно московскій воздухъ въ особенности хорошъ и живителенъ для его туберкулезныхъ легкихъ и, притягивая науку въ доказательство, говорилъ, что врачамъ не слѣдуетъ быть рутинерами и упираться въ стѣну... Все было мило для него въ Москвѣ,—и люди, и улицы, и звонъ разныхъ Николъ Мокрыхъ и на Щепахъ, и классическій московскій извозчикъ, и *вся* московская безтолочь. Отдышится онъ отъ Москвы и отъ московскаго плеврита, проживетъ въ Ялтѣ два-три мѣсяца,—и снова разговоры все о Москвѣ. И всѣ три сестры, повторяющія на разные лады: «въ Москву, въ Москву», это все онъ же, одинъ Антонъ Павловичъ, думавшій вѣчно о Москвѣ и постоянно стремившійся въ Москву, гдѣ постоянно получалъ онъ плевриты и обостренія процесса, и которая, имѣю основаніе думать, укоротила ему жизнь» [1]).

Эту же, почти странную любовь зарисовалъ самъ Чеховъ много раньше — въ «Трехъ годахъ», гдѣ онъ

[1]) Восп. Елпатьевскаго, Спб. 70—71.

говоритъ объ обожаніи своими героями Москвы и враждебности къ другимъ городамъ. «Они были убѣждены, что Москва замѣчательный городъ. Въ Крыму, на Кавказѣ, за границей имъ было скучно, неуютно, неудобно, и свою сѣренькую московскую погоду они находили самой пріятной и здоровой. Дни, когда въ окна стучитъ холодный дождь и рано наступаютъ сумерки, стѣны домовъ и церквей принимаютъ бурый печальный цвѣтъ, и когда, выходя на улицу, не знаешь, что надѣть,—такіе дни пріятно возбуждали ихъ» (СС, X, 137).

Скучное однообразіе «татарско-парикмахерскаго» города нарушалось только наѣздами интересныхъ гостей.

„Слава Богу, зима кончилась, стали пріѣзжать интересные люди, и мнѣ уже не такъ скучно. Я и Елпатьевскій живемъ въ собственныхъ дачахъ, какъ магнаты; наши дачи далеко видно, и когда къ Ялтѣ подойдетъ англійскій флотъ, то начнетъ палить прежде всего въ наши дачи. У меня среди сада растетъ большая пальма, много цвѣтовъ; барышни присылаютъ подушки. Однимъ словомъ, не жизнь, а малина. Но все же я недоволенъ... Жизнь осѣдлая, правильная, да еще въ провинціи—это слишкомъ длинная жизнь, мѣсяцъ ея слѣдуетъ считать за годъ, какъ подъ Севастополемъ“.

Неизбѣжнымъ терніемъ славы являлось постоянное обращеніе къ нему начинающихъ, спрашивавшихъ мнѣнія признаннаго художника объ ихъ писаніяхъ. Многочисленныя письма Чехова съ такими отвѣтами говорятъ о томъ, какъ рѣдко онъ находилъ въ себѣ рѣшимость къ отказу. Только когда его спрашивали о вещахъ, которыя онъ считалъ внѣ своей компетенціи, — онъ уклонялся. «Стихи, — пишетъ онъ одному изъ такихъ авторовъ, — не моя область, ихъ я никогда не писалъ, мой мозгъ отказывается удерживать ихъ въ памяти, и ихъ, точно такъ же, какъ музыку, я только чувствую, но сказать опредѣленно, почему я испытываю

наслажденіе или скуку, я не могу. Въ прежнее время я пытался переписываться съ поэтами и высказывать свое мнѣніе, но ничего у меня не выходило, и я скоро надоѣдалъ, какъ человѣкъ, который, быть-можетъ, и хорошо чувствуетъ, но неинтересно и неопредѣленно излагаетъ свои мысли. Теперь я обыкновенно ограничиваюсь только тѣмъ, что пишу: «нравится» или «не нравится». «Переписки у меня очень много,—пишетъ онъ изъ Ялты,—моя комната похожа на почтовое отдѣленіе, а люди ходятъ то и дѣло; часа нѣтъ свободнаго, хоть бѣги вонъ изъ Ялты» (Соболевскому, 1899).

Посѣтители, разсказываетъ одинъ изъ свидѣтелей, бывали самые разнообразные. Особенно всякіе сомнительнаго сорта литераторы, которые всегда считали своимъ долгомъ» представиться А. П. Многіе просили вспомоществованія и взаймы и, кажется, отказовъ не получали. Но бывали часто и такіе, которые приносили къ нему кипы рукописей съ настоятельной просьбой прочесть и дать свое заключеніе. Извѣстный чеховскій разсказъ, въ которомъ литераторъ убиваетъ даму, читавшую ему для «выслушанія и заключенія» свою драму, не лишенъ элемента автобіографическаго [1]).

«Я цѣлый день занятъ, вздохнуть некогда,—жаловался Чеховъ сестрѣ, — чувствую себя свободнымъ только утромъ, когда встаю и пью кофе, отъ семи до девяти а потомъ начинается толчея, приходитъ почта, звонитъ телефонъ и проч., и проч. Пора бы уѣхать въ Москву» (М. Чеховой, 1899). «Высоко, свѣтло, слышенъ чудный звонъ, отовсюду близко; и одно только неудобство: гости приходятъ непрерывно съ 8 ч. утра и до 10 ч. вечера. Бывали дни, когда я буквально изнемогалъ отъ посѣтителей» (Харькевичъ, 1899).

---

[1]) Восп. Безчинскаго.

Въ Ялтѣ образовался даже цѣлый кружокъ поклонницъ Чехова, которыхъ въ шутку звали «антоновками». Онѣ пріѣзжали къ писателю на поклонъ, привозили къ нему такихъ же паломницъ и поклонниковъ, пытались окружить Чехова своими заботами объ его житейскомъ благополучіи, звонили безъ конца по телефону, справлялись объ его здоровьѣ, навѣщали его уютную дачку,—словомъ, продѣлывали то, что продѣлывали въ Кронштадтѣ богомолки съ о. Іоанномъ Сергіевымъ. Одинъ изъ близко знавшихъ Чехова разсказываетъ, какъ однажды двѣ дамы выпросили у приказчика магазина забытый писателемъ свертокъ, чтобы имѣть поводъ завезти его купившему и такимъ образомъ познакомиться съ нимъ. Онъ же сообщаетъ, что въ другой разъ, когда Чеховъ сидѣлъ на скамейкѣ на набережной, проходившіе такъ назойливо-любопытно всматривались въ его лицо, иногда даже останавливаясь, что, не выдержавъ, онъ сталъ закрываться газетой, бывшей въ его рукахъ [1]).

Кажется, только въ единственномъ случаѣ суетливость жизни въ Ялтѣ нашла болѣе серьезное обоснованіе, когда она связалась съ благотворительными заботами Чехова, временно возобновившими для него мелиховскую страду въ холерный годъ. Разумѣемъ работу Чехова въ благотворительной кампаніи, какую вела русская интеллигенція въ 1898—99 г.г., когда среднее и южное Поволжье были поражены почти полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ и травъ. Разсказъ объ этомъ сохраненъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей этого культурнаго похода, А. С. Пругавинымъ, и опредѣляетъ трудъ Чехова съ безусловной точностью.

Въ голодныхъ мѣстностяхъ съ осени появилась цынга, тифъ и другіе зловѣщіе спутники голода. Въ Самарѣ

---

[1]) «Русская Мысль». 1911, X, С. Щукинъ.

образовался частный кружокъ для помощи голодающимъ, разсылавшій воззванія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ и устраивавшій помощь на мѣстахъ. Многія лица принимали ихъ къ сердцу и давали что могли.

Жившій тогда въ Ялтѣ, на дачѣ Иловайской, Чеховъ откликнулся особенно горячо и сердечно. Онъ выразилъ готовность лично заняться собираніемъ пожертвованій и ему была выслана особая книжка, изъ талоновъ и квитанцій, для записи пожертвованій. Быстро использовавъ ее и прославъ деньги, Чеховъ просилъ новую книжку; и такъ использовалъ третью, четвертую, пятую и т. д. Въ теченіе всего времени, пока продолжалась «продовольственная кампанія», — а она продолжалась цѣлый годъ, съ осени 1898 до осени 1899 года, — Чеховъ не уставалъ собирать пожертвованія въ пользу голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи.

Изъ этихъ книжекъ видно, что онъ привлекалъ къ пожертвованіямъ знакомыхъ и всѣхъ лицъ, съ которыми въ то время приходилъ въ соприкосновеніе: тутъ и писатели, и артисты, и профессоры, и актрисы, и академики, и земскіе дѣятели и т. д.

Въ «Крымскомъ Курьерѣ» появилась статья, въ которой описывалось бѣдствіе, поразившее Самарскую губернію, приводились свѣдѣнія о дѣятельности кружка, его задачахъ и цѣляхъ. И указывалось, что пожертвованія можно направлять на имя Чехова.

Не разъ Чеховъ обращался къ содѣйствію крымской печати, сообщая свѣдѣнія о размѣрахъ голода и знакомя общество съ дѣятельностью кружка.

Помимо сбора пожертвованій и пропаганды въ печати, Чеховъ много хлопоталъ о томъ, чтобы въ Ялтѣ устраивались спектакли, концеры и вечера въ пользу самарскихъ крестьянъ, которые пухли отъ голода и цынги.

Вскорѣ послѣ этого появились въ печати «Мужики». И особенно умѣстно звучали упреки по адресу автора, котораго проницательные критики обвиняли въ холодномъ и презрительномъ отношеніи къ русской деревнѣ!

Первое время, очутившись въ Крыму, писатель весь ушелъ въ дѣло помощи чахоточнымъ. Призывъ его облетѣлъ всю Россію... Пожертвованія посыпались со всѣхъ сторонъ. Быстро, какъ не мечталъ самъ онъ, собрались большія деньги. Чеховъ въ сотрудничествѣ съ кн. Барятинской во главѣ комитета приступилъ къ сооруженію санаторіи для чахоточныхъ.

„Это было ужасно, санаторіи еще не было, а кандидатовъ было въ десять разъ больше будущихъ вакансій... Кое-какъ мы помогли кому только можно было изъ средствъ, собранныхъ для санаторіи. Но самое ужасное насъ ждало впереди. Санаторія была сооружена. Черезъ недѣлю по открытіи она оказалась переполненной... А въ Ялту тянулись сотни больныхъ изъ далекой Литвы, изъ Москвы, даже изъ Сибири!..“

„Одолѣваютъ чахоточные бѣдняки, — писалъ Чеховъ Горькому.—Если бы я былъ губернаторомъ, то выслалъ бы ихъ административнымъ порядкомъ, до такой степени они смущаютъ мое сытое и теплое спокойствіе. Видѣть ихъ лица, когда они просятъ, и видѣть ихъ жалкія одѣяла, когда они умираютъ,—это тяжело. Мы рѣшили строить санаторію, я сочинилъ воззваніе: сочинилъ, ибо не нахожу другого средства“ (1899, Ялта).

Въ такихъ условіяхъ, лишь временно уѣзжая отсюда, Чеховъ прожилъ здѣсь почти шесть лѣтъ, здѣсь закончилъ свой «Вишневый садъ», измѣнилъ «Три сестры» и написалъ «Архіерея» и «Невѣсту». Отсюда онъ уѣхалъ и умирать въ іюнѣ 1904 года.

Послѣ смерти Чехова внутри его дома все осталось какъ было при немъ. Въ кабинетѣ и спальнѣ ни одна мелкая вещица не тронута со своего мѣста. На письменномъ столѣ—тѣ же оригинальные подсвѣчники, чернильница, слоны, карандаши, коробка съ остатками

мятныхъ лепешекъ, молоточекъ и стетоскопъ «календарь для врачей» на 1904 годъ и пачки невскрытыхъ, слегка пожелтѣвшихъ отъ времени газетъ. Это послѣдняя почта, которая пришла въ то время, когда Чеховъ уже уѣхалъ въ Баденвейлеръ. Она хранилась до его возвращенія и осталась невскрытой до сихъ поръ. Тѣ же портреты и украшенія на стѣнахъ. И въ спальнѣ все осталось такъ, какъ было въ день послѣдняго отъѣзда изъ Ялты. Даже электрическое освѣщеніе, проведенное въ домѣ, оканчивается на порогѣ кабинета [1]).

Большимъ дѣломъ для Чехова въ этотъ послѣдній періодъ была продажа права на собраніе своихъ сочиненій А. Ѳ. Марксу. Если нравственно это сказалось нѣсколько позднѣе нѣкоторыми пониженіями настроенія, то нѣтъ сомнѣнія, что, по крайней мѣрѣ, первое время Чеховъ былъ счастливъ, найдя, наконецъ, то давно искомое спокойствіе, о которомъ такъ долго тосковалъ и которое теперь, предъ лицомъ все усиливающагося недуга, становилось уже неотложною необходимостью. За 75.000 руб. было пріобрѣтено отъ Чехова только то, что имъ было напечатано до заключенія договора, т.-е. до 1899 г. Всѣ послѣдующія произведенія онъ имѣлъ право печатать въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ за особый гонораръ, получая отъ Маркса дополнительный гонораръ, до 1.000 руб., съ повышеніемъ полистной платы за каждыя новыя пять лѣтъ. Доходъ съ пьесъ оставался за Чеховымъ и его наслѣдниками. Представителемъ интересовъ Чехова при переговорахъ былъ писатель П. А. Сергѣенко, въ воспоминаніяхъ котораго и можно найти комментарій къ дѣловой по этому предмету перепискѣ Чехова. Изданіе по условію долж-

---

[1]) «Русск. Вѣд.», 1914, № 151.

но было редактироваться самимъ авторомъ, и въ него войти только произведенія, имъ самимъ указанныя. 75.000 рублей были уплачены менѣе, чѣмъ въ два года.

Чтобы правильно оцѣнить актъ продажи и покупки въ отвлеченіи отъ нынѣшнихъ понятій и возросшихъ нормъ, надо вспомнить, что такой размахъ по тому времени былъ безпримѣрнымъ, что Тургеневъ и Гончаровъ нашли несравненно менѣе щедрую оцѣнку, и что изо всѣхъ издателей-современниковъ Чехова, изъ которыхъ иные вскорѣ выступили съ обвиненіемъ фирмы, никто не рѣшился предложить писателю даже и половины. Самъ Чеховъ правильно учитывалъ и матеріальныя выгоды, и нравственныя неудобства своей запродажи.

„Продажа, учиненная мною,—писалъ онъ сестрѣ,—несомнѣнно, имѣетъ свои дурныя стороны. Но, несомнѣнно, есть и хорошія. Во-1-хъ, произведенія мои будутъ издаваться образцово, во-2-хъ, я не буду знаться съ типографіей и съ книжнымъ магазиномъ, меня не будутъ обкрадывать и не будутъ дѣлать мнѣ одолженій. Въ-3-хъ, я могу работать спокойно, не боясь будущаго. Въ-4-хъ, доходъ не великъ, но постояненъ: если допустить, что 25 тысячъ пойдутъ на уплату долговъ и на расходы по постройкѣ, покупкѣ піанино, мебели и проч., и что 50 тысячъ станутъ моимъ, такъ сказать, основнымъ капиталомъ, дающимъ 4%, то я буду имѣть ежегодно самое малое—9½ тысячъ“ (1899, 22 янв.).

„Я продалъ Марксу все—и прошедшее, и будущее, сталъ марксистомъ на всю жизнь,—писалъ онъ другому лицу.—За каждые 20 листовъ уже напечатанной прозы я буду получать съ него 5 тысячъ; черезъ 5 лѣтъ буду получать 700 и т. д.—черезъ каждыя 5 лѣтъ прибавки и такимъ образомъ, когда мнѣ будетъ 95 лѣтъ, я буду получать страшную уйму денегъ. За прошедшее я получу 75 тыс. Доходъ съ пьесъ я выторговалъ себѣ и своимъ наслѣдникамъ. Но все-таки — увы! — мнѣ еще далеко до Вандербильта 25 тысячъ уже тю-тю, а остальныя 50 я получу не сразу, а въ въ теченіе двухъ лѣтъ, такъ что не могу задать настоящій шикъ“ П. И. Орлову, 1899).

Къ начавшемуся вскорѣ изданію Чеховъ отнесся съ понятнымъ интересомъ. Онъ очень скоро сѣлъ за выправку оригиналовъ и корректуру. «На нее,—писалъ онъ, — уходитъ вся моя потенція». Онъ считалъ себя безконечно обязаннымъ писательницѣ Л. Авиловой, оказавшей ему услугу заботой о перепискѣ его вещицъ изъ старыхъ забытыхъ журналовъ. «Присланныя вами рукописи читаю, — писалъ онъ, — о, ужасъ, что это за дребедень! Читаю и припоминаю ту скуку, съ какой писалось все это во время оно, когда и мы съ вами были моложе»...

Подписавъ сдѣлку съ Марксомъ, Чеховъ признавался: «у меня такое чувство, какъ будто, наконецъ, святѣйшій синодъ прислалъ мнѣ разводъ послѣ долгаго, томительнаго ожиданія» (Сергѣенко).

Біографъ не вправѣ суживать это ощущеніе Чехова, сводить его къ личностямъ или частнымъ фактамъ, видѣть въ этомъ, напримѣръ, свидѣтельство «развода съ Суворинымъ» [1]). Оно могло быть и много одухотвореннѣе. Мы можемъ вспомнить, что Чеховъ не понималъ творчества безъ необходимыхъ элементовъ вольности и лѣни. «Продажа, учиненная мною, можетъ показаться невыгодной и навѣрное покажется таковою въ будущемъ, но она тѣмъ хороша, что развязала мнѣ руки», писалъ онъ сестрѣ (1899).

Послѣ нѣкотораго времени и размышленій выводъ Чехова о продажѣ сочиненій вылился въ совершенно точную формулу: «продажа выгодна, если мнѣ осталось жить недолго, меньше 5—10 лѣтъ, и не выгодна, если я буду жить дольше» (Суворину, 1899). И все-таки онъ не могъ не чувствовать, что обезпеченіе и благополучіе пришли немножко поздно. «Все-таки мнѣ

---

[1]) Кранихфельдъ, «Углубленный Чеховъ», «Кіевск. Мысль».

невесело, точно женился на богатой», уронилъ онъ замѣчаніе (Суворину, 1899). И, пользуясь своимъ великолѣпнымъ даромъ образности, онъ приравнялъ себя къ слоняющемуся безъ дѣла «заштатному попу» (П, V, 377).

Къ 1901 году относится женитьба Чехова на Ольгѣ Леонардовнѣ Книпперъ, артисткѣ московскаго Художественнаго театра, позднѣе ставшей извѣстной всей интеллигентной Россіи. Одно изъ первыхъ заявленій о начинающемся влеченіи находимъ еще въ письмахъ А. П. отъ 1898 г. «У Немировича и Станиславскаго.—пишетъ онъ, — очень интересный театръ, прекрасныя актрисочки. Если бы я остался еще немного, то потерялъ бы голову. Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ чаще и полнѣе бьется во мнѣ пульсъ жизни». Другое письмо уже явно свидѣтельствуетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него игрою О. Л. Книпперъ въ «Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ». «Ирина, по-моему, великолѣпна Голосъ, благородство, задушевность—такъ хороши, что даже въ горлѣ чешется... Лучше всѣхъ Ирина. Если бы я остался въ Москвѣ, то влюбился бы въ эту Ирину»...

Въ концѣ мая 1901 г. всѣ газеты обошло лаконическое сообщеніе, что А. П. Чеховъ и артистка Художественнаго театра О. Л. Книпперъ обвѣнчались въ одной изъ ялтинскихъ церквей, что обрядъ былъ совершенъ въ присутствіи всего четырехъ необходимыхъ свидѣтелей, и постороннихъ въ церкви никого не было. Сейчасъ же изъ-подъ вѣнца супруги Чеховы отправились за границу. Пояснялось, что артистка служитъ въ московскомъ общедоступно-художественномъ театрѣ. «Это совсѣмъ еще молодая артистка, лишь нѣсколько лѣтъ назадъ окончившая курсъ драматической школы при московскомъ филармоническомъ обществѣ, по классу Вл. И. Немировича-Данченко. Въ общедоступно-художе-

ственномъ театрѣ г-жа Книпперъ обратила на себя вниманіе преимущественно художественнымъ исполненіемъ заглавной роли въ «Чайкѣ».—Спустя цѣлый годъ, возобновляя прервавшуюся переписку съ И. Н. Потапенко, Чеховъ уронилъ: «особенныхъ перемѣнъ нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, я женился. Но въ мои годы это какъ-то даже незамѣтно,—точно лысинка на головѣ» (1903, 26 февр.).

II

«Назовите меня послѣднимъ словомъ, если когда-нибудь я еще напишу пьесу!» эти слова Чехова когда-то слышали стѣны суворинскаго дома. «Я не могу забыть того, что было,—сказалъ онъ о «Чайкѣ» въ другой разъ,—какъ не могъ бы забыть, если бы, напримѣръ, меня ударили». Но такова всепримиряющая власть времени! Почти уже на закатѣ Чеховъ написалъ еще двѣ пьесы, вернулся къ театру, и именно театръ вписываетъ свѣтлую страницу въ послѣднее пятилѣтіе его жизни. Въ московскомъ Художественномъ театрѣ ждетъ его реваншъ за «Чайку», дружба и самые благоуханные лавры. Чеховъ такъ близко входитъ въ это дѣло, въ его семью, въ душу его вдохновителей, что самый театръ у многихъ получаетъ его имя. Два изданія, посвященныя судьбамъ этого театра, детально описываютъ роль въ немъ Чехова и всѣ стадіи его сближенія[1]).

Сближеніе Чехова съ театромъ началось съ самаго его возникновенія. Чеховъ былъ въ числѣ первыхъ пайщиковъ и отнесся къ начинанію В. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславскаго съ живымъ интересомъ и большой вѣрой. Но интересоваться дѣломъ ему пришлось издали. Вмѣстѣ съ Суворинымъ онъ видѣлъ

---

[1]) «Моск. Худ. театръ», т. I и II, 1913 и 1914, М., изд. «Рампа и Жизнь» и «Моск. Худ. театръ», альбомъ «Солнца Россіи», 1914.

лишь одну изъ репетицій» «Царя Өеодора». Уже остро давала себя знать его болѣзнь, а осень въ тотъ годъ была въ Москвѣ плохая, холодная и сырая. Врачи снова услали его въ Ялту. Чеховъ часто писалъ близкимъ театру людямъ, разспрашивалъ ихъ обо всѣхъ подробностяхъ, особенно интересовался репертуаромъ. Когда В. И. Немировичъ-Данченко завелъ съ нимъ рѣчь о постановкѣ «Чайки», Чеховъ запротестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ, увѣряя, что онъ не драматургъ, что его играть не нужно, говорилъ, что его пугаетъ повтореніе петербургской исторіи. Немировичъ попытался оказать на него воздѣйствіе черезъ его сестру. «Я поклялась самой себѣ,—читали мы въ своемъ мѣстѣ признаніе Маріи Павловны, — что ни одинъ театръ не увидитъ больше ни одной его пьесы. Но время прошло... Впечатлѣніе неудачи стало сглаживаться, забываться. Вл. И. Немировичъ сперва обратился ко мнѣ чтобы я повліяла на брата, а затѣмъ ему самому удалось его уговорить. Когда «Чайка» шла въ Москвѣ въ первый разъ, я не хотѣла итти въ театръ... Но все-таки на 2-е дѣйствіе съ замираніемъ сердца пошла» [1]).

Доводы Немировича, наконецъ, подѣйствовали, и Чеховъ далъ согласіе на постановку.

Надъ «Чайкой» работали много, въ громадной тревогѣ,—таковъ разсказъ со словъ участниковъ.—Особенно не клеплась пьеса на генеральной репетиціи. Настроеніе было тяжелое, унылое, томили черныя предчувствія. Къ концу репетиціи они еще болѣе сгустились. Въ театръ пріѣхала сестра Чехова, Марія Павловна, и передала, что, судя по послѣднему письму изъ Ялты, братъ чувствуетъ себя плохо, и она догадывается, что причиной тому — предстоящій спектакль. Поддаваясь острой

---

[1]) «Р. Сл.», 1910, 17 янв.

тревогѣ, она умоляла лучше отказаться отъ постановки, снять, пока не поздно, «Чайку», не рисковать здоровьемъ автора. Было устроено тутъ же, въ театрѣ, особое совѣщаніе, чтобы рѣшить, какъ быть. Всѣ ясно понимали: отказаться отъ «Чайки» — почти то же, что отказаться отъ театра, поставить на немъ крестъ, что тутъ стоитъ вопросъ, быть ему или не быть. Рѣшили, что отмѣнять спектакль нельзя, и 17 декабря 1898 г. онъ состоялся. Въ какой мѣрѣ Чеховъ-драматургъ интересовалъ тогда московскую публику, видно изъ цифры сбора на эту премьеру, — въ кассѣ было всего 600 рублей!

„Какъ мы играли, что говорили,—говоритъ К. С. Станиславскій въ передачѣ Н. Эфроса [1]),—никто изъ насъ не помнитъ, потому что всѣ мы едва стояли на ногахъ, каждый изъ насъ только мучительно сознавалъ, что нужно имѣть успѣхъ, такъ какъ отъ этого зависитъ, можетъ-быть, самая жизнь любимаго поэта. Опустился занавѣсъ при гробовомъ молчаніи. Мы всѣ похолодѣли. Съ Книпперъ сдѣлалось дурно. Роксанова, молодая артистка, изъ числа ученицъ Немировича-Данченко, игравшая Нину Зарѣчную, разразилась слезами. Какъ продолжительно было молчаніе публики, можно судить по тому, что мы уже ушли въ уборныя. И вдругъ зала закипѣла въ восторгахъ. Грянулъ громъ рукоплесканій. Публика пришла въ себя отъ пережитаго, отъ потрясшихъ ее волненій—и затишье, такъ невѣрно истолкованное за сценой смѣнилось бурей. Когда я теперь прослѣживаю свои тогдашнія впечатлѣнія отъ перваго акта, мнѣ становится ясно, что захватъ зрителей начался почти съ первыхъ же сценъ акта. Но еще было какое-то внутреннее колебаніе. Было нужно что-то, что ударило бы съ особенной силой, нужно было еще какое-то напряженіе обаянія, чтобы впечатлѣніямъ была дана полная побѣда надъ душой. И этотъ послѣдній ударъ былъ данъ М. П. Лилиной, игравшей Машу, ея послѣдними словами, ея слезами, съ которыми рухнула она безнадежно на садовую скамейку. Этотъ моментъ рѣшилъ сценическую судьбу „Чайки“,—я рискну сказать даже—судьбу Чехова въ театрѣ. Чеховъ и Художественный театръ по-

---

[1]) «М. Худ. театръ», изд. «Рампа и Жизнь», стр. 24 и д.

бѣдили и надолго. Немировичъ-Данченко мечталъ не напрасно, театръ рисковалъ не напрасно, не пойдя слѣдомъ за М. П. Чеховой".

Второй актъ прошелъ безъ особаго успѣха, въ третьемъ повторилось почти то же, что было послѣ перваго акта. По окончаніи спектакля публика стала требовать, чтобы послали въ Ялту телеграмму. Ея текстъ, составленный Немировичемъ-Данченко и прочитанный со сцены, вызвалъ новыя шумныя оваціи.

А самъ авторъ былъ далеко отсюда, въ Ялтѣ, мѣстѣ своего заключенія, наединѣ съ тревожными мыслями о новомъ неуспѣхѣ. «Первымъ, отъ кого Чеховъ узналъ о судьбѣ «Чайки», была писательница Т. Л. Щепкина-Куперникъ. «Телеграмму вашу получилъ и былъ тронутъ до глубины сердца,—писалъ онъ ей нѣсколько позднѣе.—И письмо ваше пришло первымъ, и, такъ сказать, первой ласточкой, принесшей мнѣ вѣсти о «Чайкѣ», были вы, милая, незабвенная кума» (1898, дек. 26, Ялта).

Вскорѣ послѣ этого, ставя Коммиссаржевскую въ извѣстность о своемъ успѣхѣ, Чеховъ оттѣнялъ разность игры, какъ причину разнаго пріема драмы. «Чайка» идетъ въ Москвѣ уже въ 8-й разъ, театръ всякій разъ переполненъ. Говорятъ, поставлена пьеса необыкновенно, и роли знаютъ отлично. М. И. Писаревъ, кончивъ пьесу, сказалъ, что въ сосѣдней комнатѣ «лопнула бутылка»,—и публика смѣялась; московскій исполнитель сказалъ, что лопнула склянка съ эѳиромъ,—и смѣха не было, все обошлось благополучно. Какъ бы ни было, писать пьесы мнѣ уже не хочется. Петербургскій театръ излѣчилъ меня» (1899, Ялта). За неимѣніемъ иныхъ возможностей, Чехову приходилось довольствоваться лишь газетными свѣдѣніями о постановкѣ и исполнителяхъ. Издалека онъ посылалъ свои авторскія

поправки сестрѣ. «Я читалъ въ «Курьерѣ», что Станиславскій играетъ Тригорина какимъ то разслабленнымъ... Тригоринъ нравится, увлекаетъ, интересенъ однимъ словомъ» (1899, Ялта, 4 февраля). Полную справедливость этого чеховскаго упрека признаетъ и исторіографъ театра Н. Эфросъ. По его отзыву, Станиславскій, тогда еще не имѣвшій никакого представленія о жизни, бытѣ и типахъ литературнаго міра, игралъ писателя совсѣмъ не такимъ, какимъ его рисовалъ Чеховъ. Нужны были «мимолегныя лаконичныя, но очень содержательныя указанія автора», чтобы онъ поднялся до тонкаго пониманія роли [1]).

«Чайка» утвердила Художественный театръ, не даромъ его эмблема—изображенная всюду чайка. Всѣмъ участникамъ Чеховъ роздалъ золотые жетоны въ видѣ книжки пьесъ съ фотографіями внутри. Съ момента постановки «Чайки» слово «настроеніе» пріобрѣтаетъ значеніе совершенно опредѣленнаго драматургическаго термина.

Дружба писателя съ театромъ, который уже вступалъ въ преддверіе своей, невдалекѣ шумной славы, крѣпла, но выражалась почти платонически въ силу прикрѣпленности больного драматурга къ Ялтѣ.

Весною 1899 г , въ пріѣздъ его въ Москву, «художники» сняли на одинъ день театръ на Б. Никитской (называвшійся тогда «Интернаціональнымъ») и тамъ сыграли для Чехова «Чайку». Но наскоро собранный спектакль не произвелъ на автора полнаго впечатлѣнія. Послѣ спектакля всей труппой поѣхали въ «Прагу», гдѣ просидѣли до утра. За бесѣдой, по просьбѣ артистовъ, сказать, кто — какъ игралъ, Чеховъ поставилъ баллы. Между прочимъ, В. И. Немировичу-Данченко

---

[1]) Альбомъ «Солнца Россіи», «Чеховъ и Художеств. театръ».

за разъясненіе и выраженіе желаній автора 5 съ плюсомъ. Баллы были разные, но справедливые: всѣ остались довольны.

Успѣхъ «Чайки» поставилъ на очередь вопросъ о постановкѣ «Дяди Вани». Но Малый московскій театръ, въ виду того же успѣха, уже велъ съ нимъ переговоры объ этой пьесѣ. Случайное обстоятельство сыграло въ руку Художественнаго театра. Литературно-театральный комитетъ при казенномъ театрѣ предложилъ Чехову передѣлки(!). Чеховъ, разумѣется, раздраженно отвергъ ихъ и, вызвавъ къ себѣ Немировича и Станиславскаго, рѣшительно заявилъ имъ, что отдаетъ пьесу имъ.

На долю новой пьесы, поставленной въ Художественномъ театрѣ 26 октября 1899 г., сначала не выпалъ тотъ успѣхъ и то единодушное признаніе, какими была встрѣчена «Чайка». «Чеховскаго театра» еще не существовало, еще, наоборотъ, было сильно предубѣжденіе противъ Чехова, какъ писателя «для сцены», и «Дядя Ваня» нравился немногимъ, на большинство же производилъ впечатлѣніе смутное.

„Пьеса успѣха не имѣла, — заявляло „Русское Слово“ на слѣдующій день послѣ перваго представленія.—Москва уже видѣла „Дядю Ваню“, правда, подъ именемъ „Лѣшаго“, но суть-то вѣдь осталась прежняя. Исполнителямъ не удалось передать даже того впечатлѣнія, которое оставляетъ пьеса въ чтеніи, оттого, быть-можетъ, что и тутъ на первый планъ выступала погоня заправителей за режиссерской стороной“.

Отзывъ И. Игнатова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ былъ не такъ суровъ, но и здѣсь отмѣчалось, что „Дядя Ваня“ не является драмой въ томъ понятіи слова „драма“, которое приписываетъ ей прежде всего „движеніе“, „дѣйствіе“, ибо въ „Дядѣ Ванѣ“ этотъ принципъ „единства дѣйствія“ замѣненъ единствомъ настроенія.

И это «настроеніе» критикой было признано за выраженіе крайняго пессимизма автора. Безнадежность и

тупость жизни — вотъ будто бы лейтъ-мотивы пьесы, усмотрѣнные почти всѣми, писавшими о спектаклѣ. «Мы отдохнемъ!»—но это лишь оптимистическая иллюзія, не больше», заключали «Новости Дня»...

Казалась мало разработанной со стороны психологической и сцена покушенія на профессора: мотивы гнѣвныхъ рѣчей «Дяди Вани» не были поняты и были сочтены за проявленія «ревности» къ Серебрякову со стороны влюбленнаго дяди Вани.

Тонко и во всю мѣру почувствовалъ пьесу одинъ Васильевъ-Флеровъ, чьи отзывы считались наиболѣе компетентными. Глядя какъ бы черезъ головы современниковъ, онъ находилъ, что «Дядя Ваня»—«сама жизнь, непосредственно зачерпнутая и предлагаемая намъ безъ комментаріевъ», подлинная «пьеса жизни».

Исполненіе въ общемъ нравилось. Въ отзывахъ на первомъ мѣстѣ шли Лилина (Соня), Станиславскій (Астровъ), Книпперъ (Серебрякова), Артемъ (Телѣгинъ). «Дядя Ваня» въ передачѣ Вишневскаго казался грубоватымъ, лишеннымъ аристократичности и мало одухотвореннымъ.

Ставшій позднѣе рѣзкимъ противникомъ и отрицателемъ московскаго театра, А. Р. Кугель въ «Театрѣ и Искусствѣ» признавалъ, что

„режиссеръ Художественнаго театра обнаружилъ замѣчательное чутье, ставя „Дядю Ваню“ точно какъ будто въ застывшемъ царствѣ“. Онъ отмѣчалъ дальше, что въ пьесѣ очень тонко использованы паузы, являющіяся „какъ бы интродукціей во внутренній міръ этой застоявшейся жизни“. „Верхъ режиссерской постановки, въ смыслѣ подробностей и колорита, это послѣдній актъ Ансамбль въ томъ, что всѣ играютъ въ одномъ ключѣ, что, какъ въ оркестрѣ, всѣ инструменты настроены по основному la. Отсюда гармонія исполненія, раскрывающая духъ автора въ его самыхъ сокровенныхъ намѣреніяхъ и штрихахъ, и длящееся неизгладимое впечатлѣніе спектакля“.

Судьба не дала удовольствія Чехову лично видѣть и этотъ счастливый свой день. И его онъ провелъ въ Ялтѣ и даже не зная, что спектакль назначенъ именно на это число. Шутя онъ описываетъ будущей женѣ свою ночь на другой день послѣ постановки. «Телеграммы стали приходить 27-го вечеромъ, когда я былъ уже въ постели. Ихъ мнѣ передаютъ по телефону. Я просыпался всякій разъ и бѣгалъ къ телефону въ потемкахъ, босикомъ, озябъ очень; потомъ едва засыпалъ, какъ опять и опять звонокъ. Первый случай, когда мнѣ не давала спать моя собственная слава. На другой день, ложась, я положилъ около постели и туфли и халатъ, но телеграммъ уже не было» (1899, Ялта, 30 окт.).

На одномъ изъ представленій «Дяди Вани» въ «Художественномъ театрѣ» присутствовалъ Толстой. Графъ остался не особенно доволенъ пьесой и, говорятъ, выразился о ней кратко, но сильно, что «это трагедія на пустомъ мѣстѣ» [1]).

До весны 1900 года Чеховъ «Дядю Ваню» не видалъ и на всѣ просьбы театра писать новую пьесу отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что ему необходимо самому увидѣть свои пьесы въ исполненіи Художественнаго театра.

Весной 1900 г. театръ отправился на югъ, спеціально затѣмъ, чтобы показать себя своему автору, которому болѣзнь не позволяла пріѣхать въ Москву. Въ Москвѣ шутили—«гора пошла къ Магомету». Знакомые издали, тутъ труппа и писатель сблизились, и между ними завязалась та прочная дружба, которую разрушила лишь смерть. Документальнымъ знакомъ этого визита остались качели во дворѣ бѣлой дачи Чехова. Это качели перваго акта «Дяди Вани», ласковое воспоминаніе о

---

[1]) «Юж. Край», 1901, № 6939, въ фельетонѣ Ал. Гр—скаго (Грузинскаго) «Письма изъ Москвы».

пребыванiи труппы въ Ялтѣ у того, чье вдохновенiе положило начало ея славѣ [1]).

Конечно, при свиданiи начались рѣчи о томъ, что Чеховъ долженъ отказаться отъ своего рѣшенiя не писать больше для театра, долженъ дать «своему» театру новую пьесу. Уже давно Чеховъ въ разговорахъ дѣлалъ какiе-то намеки на будущую драму, очень смутные, такъ что по нимъ ничего нельзя было угадать, кромѣ того, что онъ пьесу напишетъ. Еще долго потомъ пришлось убѣждать Чехова. Насталъ день, когда театръ получилъ тоненькiе листки, густо покрытые бисернымъ почеркомъ. Тутъ были два акта новой пьесы, которую самъ авторъ аттестовалъ, какъ «легкую комедiю». Два акта оставили въ театрѣ впечатлѣнiе смутное. Не улавливалась еще истинная сущность произведенiя. А ждать продолженiя приходилось долго. И театръ волновался, впадалъ почти въ отчаянiе. Наконецъ Чеховъ появился самъ въ Москвѣ и вручилъ конецъ «Трехъ сестеръ».

31 января 1901 г. «Три сестры» были сыграны. Впечатлѣнiе осталось такъ же, какъ и послѣ «Дяди Вани», смутное... Критика старалась это объяснить тѣмъ, что все настроенiе драмы основано на соединенiи двухъ, другъ друга исключающихъ мотивовъ: «надо жить» и «зачѣмъ жить» («Курьеръ», 3 февраля 1901 г.). «Три сестры»,—читаемъ мы въ другой рецензiи,—это не драма, это поэма, великолѣпно передающая повѣсть о томъ, какъ скучно и страшно жить «интеллигентнымъ одиночкамъ» среди безотрадной обстановки русской провинцiи... Какъ видите, это все та же исконная чеховская тема. И если новая пьеса Чехова не особенно потрясла публику перваго представленiя, то причину

1) «М. Х. театръ», изд. «Рампа и Жизнь». Лѣтопись Ю. Соболева, 66.

этого надо видѣть въ томъ, что зритель въ значительной степени привыкъ и приспособился къ тому, что высказывалось Чеховымъ раньше, а нынѣ авторъ не затрогиваетъ никакихъ новыхъ вопросовъ, не возбуждаетъ никакихъ новыхъ мыслей и ограничивается тѣмъ, что разыгрываетъ новыя варіаціи на старую тему» [1]).

Изъ исполнителей наибольшія похвалы услышали Книпперъ (Маша), Савицкая (Ольга), Андреева (Ирина), Станиславскій (Вершининъ), Артемъ (Чебутыкинъ), Москвинъ (Ѳедотикъ), Громовъ (Соленый), Лужскій (Андрей) и Вишневскій (Кулыгинъ). Цѣльный и яркій образъ дала Лилина Наташа и не задался Тузенбахъ Мейерхольду.

Успѣхъ и «Трехъ сестеръ» опредѣлился не сразу, — таковъ удѣлъ почти всѣхъ безъ исключенія постановокъ этого театра. Лишь первый актъ имѣлъ огромный успѣхъ, одинъ изъ самыхъ большихъ успѣховъ Художественнаго театра. Потомъ отношеніе залы колебалось. Въ концѣ-концовъ успѣхъ былъ хорошій, но ниже ожиданій театра. Повторилось то же, что было съ «Дядей Ваней» и что потомъ повторилось съ «Вишневымъ садомъ»: успѣхъ у большой публики—только съ слѣдующаго сезона. Зато уже на второмъ представленіи «зрители сидѣли завороженные, слившіеся со собою въ одно цѣлое, а въ послѣднемъ актѣ, когда раздались звуки марша, подъ который уходилъ полкъ, и когда Маша говорила о лукоморьѣ, и пришелъ проститься Тузенбахъ, отчетливо слышался плачъ въ разныхъ углахъ залы» (Эфросъ). «Я видѣлъ жизнь,—писалъ послѣ одной постановки «Трехъ сестеръ» Леонидъ Андреевъ, — она волновала меня, мучила, наполняла

---

[1]) Лѣтопись Худож. театра Ю. Соболева, 70.

страданіемъ и жалостью, и мнѣ не стыдно было моихъ слезъ». Послѣ появленія пьесы въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» съ нею познакомился читатель широкихъ массъ.

Оцѣнка и «Трехъ сестеръ» не была единодушно восторженной. «Новыя формы» драматургіи, эта жизнь, схватываемая въ самомъ процессѣ, безъ обычнаго наслоенія на заранѣе обдуманный и закругленный сюжетъ, оставляла критику въ недоумѣніи. Театральный критикъ «Новаго Времени» писалъ:

„Три сестры" полны исканья новыхъ формъ и путей, но видно, что пьеса не выношена, что въ ней много еще безформенной сумятицы, которая иногда заставляетъ зрителей недоумѣвающе оглядываться другъ на друга... При всей безформенности при всей неожиданности построенія пьесы, новшество заключается, главнымъ образомъ, въ пріемахъ, въ которыхъ Ч. изображаетъ жизнь. Уже въ „Чайкѣ" и „Дядѣ Ванѣ" онъ старался отдѣлаться отъ сценической условности и ввести новыя формы въ драматическій діалогъ. Въ „Трехъ сестрахъ" это стремленіе выразилось еще сильнѣе и порою утрировано. Жизнь изображается такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ съ множествомъ вставныхъ, побочныхъ и даже вовсе не нужныхъ подробностей, въ сбивчивой, отрывочной манерѣ выраженія, въ нервныхъ перебояхъ или въ совершенномъ безразличіи. Отдавая должное таланту Ч., я не могу, однако, не сказать, что „Три сестры"—вещь безусловно не выдержанная и не совершенная по формѣ, хотя нова и захватывающе-интересна по своимъ задачамъ. Мнѣ, однако, кажется, что на подобныхъ задачахъ театра не построишь, ибо изъ ничего не можетъ быть ничего"[1]).

И остальная критика отмѣчала, какъ слабыя стороны «Трехъ сестеръ», сходство драмы съ предыдущими пьесами Чехова, повтореніе старыхъ сценъ (сцены отъѣзда есть и въ «Чайкѣ», и въ «Дядѣ Ванѣ»), и знакомые персонажи (выпивающій старичекъ изъ «Дяди Вани» и, какъ нарочно, обѣ роли игралъ Артемъ).

---

[1]) «Н. Вр.», 1901, 3 марта, № 8984.

Одно время, когда Чеховъ запросто бывалъ въ Художественномъ театрѣ, проводя время среди артистовъ за кулисами, на репетиціяхъ, въ уборныхъ или артистическихъ фойэ,—на просьбы написать новую пьесу онъ огвѣчалъ рѣдкими намеками, въ которыхъ сквозили смутныя очертанія будущей драмы.

Чеховъ говорилъ о барынѣ, у которой никогда нѣтъ денегъ, о какомъ-то старомъ лакеѣ, бродящемъ по старому дому, говорилъ, что эта роль очень подходяща Артему, и что старый лакей—Артемъ будетъ сидѣть въ лодкѣ, удигь рыбу на какой-то рѣкѣ около стараго запущеннаго помѣщичьяго сада. Шла рѣчь еще о какой-то молодой женщинѣ, теряющей деньги [1]).

Тогда же вырисовались и внѣшніе контуры пьесы, и Чеховъ дѣлалъ намеки на раскрытое окно, въ которое смотрятся вишневыми вѣтвями старыя бѣлоснѣжныя деревья, на билліардную комнату разрушающагося дворянскаго гнѣзда и т. д.

Тайну названія драмы онъ берегъ такъ ревниво, почти суевѣрно, что даже женѣ, лежавшей больною, «не рѣшился произнести его вслухъ,—только шепнулъ какъ-то на ухо, а сестрѣ даже и не шепнулъ,—написалъ на бумажкѣ и велѣлъ прочитать про себя» (Н. Эфросъ).

Впервые онъ началъ говорить о «Вишневомъ садѣ» года за три, за два до его написанія, приблизительно въ 1901—1902 годахъ. Работа надъ пьесой началась въ 1902 году. Обычной особенностью чеховскаго творческаго процесса было долгое вынашиваніе темы и формъ и очень быстрое, наоборотъ, написаніе.

Здѣсь почти повторялась исторія «Иванова». Въ разъ написанное онъ вносилъ множество поправокъ, измѣнялъ

---

[1]) Деталь изъ статьи Н. Эфроса (Альбомъ С. Р.).

или совершенно уничтожалъ прежнее, принимался писать заново цѣлые акты, измѣнялъ характеристики дѣйствующихъ лицъ. Быть-можетъ, поэтому и на репетиціяхъ, уже при постановкѣ «Вишневаго сада», онъ часто не соглашался съ режиссерскими поправками, толкованіями, съ распредѣленіемъ ролей и съ характеромъ игры нѣкоторыхъ исполнителей...

Такъ онъ отказывался принять толкованіе Лопахина, возражалъ противъ нѣсколько рѣзкой манеры изображенія и доказывалъ, что Лопахинъ вовсе не долженъ быть крикуномъ, говорить грубости, и что его долженъ играть актеръ мягкій. Серьезныя измѣненія во время репетиціи были сдѣланы во второмъ актѣ.

Въ другихъ сценахъ вставлялись въ уста дѣйствующихъ лицъ нѣкоторыя новыя фразы, какихъ нѣтъ въ печатномъ текстѣ; рядъ поправокъ и новыхъ репликъ былъ введенъ въ роль Епиходова. Надъ «Вишневымъ садомъ» Чеховъ работалъ, живя въ деревнѣ и въ Ялтѣ. Окончательно пьеса была готова къ осени 1903 года

Есть нѣкоторое основаніе думать, что на первоначальный замыселъ пьесы вліяло очарованіе таланта О. О. Садовской. Онъ думалъ поставить въ центрѣ пьесы героиню, значительно старше Раневской. Но въ какой мѣрѣ замыселъ пьесы съ центральной ролью для Садовской былъ близокъ къ «Вишневому саду», — нѣтъ возможности выяснить, такъ какъ на этотъ первоначальный замыселъ имѣются лишь слабые и далекіе намеки. Художественный театръ получилъ пьесу къ началу сезона 1903—4 гг. Вскорѣ же, безъ участія Чехова, сдѣлано было приблизительное распредѣленіе ролей.

Первыя считки «Вишневаго сада» происходили на квартирѣ у автора поздней осенью 1903 года, когда Чеховъ пріѣхалъ изъ Ялты въ Москву. Когда начались репетиціи, онъ сталъ регулярно ходить въ театръ

и слѣдить за ходомъ подготовительныхъ работъ, но вскорѣ это его утомило и онъ пересталъ посѣщать репетиціи. Указанія актерамъ онъ дѣлалъ въ своемъ обычномъ шутливо-добродушномъ тонѣ.

Тревога, съ которой началъ Чеховъ работу надъ «Вишневымъ садомъ», не покидала его и послѣ передачи своего дѣтища въ театръ. Въ успѣхъ пьесы онъ рѣшительно не вѣрилъ, настолько не вѣрилъ, что предлагалъ театру купить «Вишневый садъ» въ собственность за 3.000 руб., не предполагая, что эта пьеса за десять лѣтъ принесетъ авторскаго гонорара свыше 30.000 рублей [1]).

«Вишневый садъ» былъ поставленъ 17 января 1904 г. Это былъ день именинъ Чехова, и спектакль послѣ третьяго акта превратился въ общественное чествованіе, первое въ его жизни. Чеховъ стоялъ передъ публикой, привѣтствовавшей его восторженными аплодисментами. Для огромнаго большинства присутствующихъ самое появленіе его въ театрѣ было совершенною неожиданностью, здѣсь его не видѣли еще ни разу на первыхъ представленіяхъ. Самъ онъ въ этотъ вечеръ такъ волновался за судьбу пьесы, что не хотѣлъ вовсе ѣхать въ театръ, и родные чуть ли не насильно, уже послѣ второго акта, увезли его изъ квартиры. Ему подавали вѣнокъ за вѣнкомъ, читались телеграммы, произносились рѣчи. Адресъ отъ Общества любителей россійской словесности былъ прочитанъ проф. А. Н. Веселовскимъ, отъ Малаго театра его привѣтствовала Г. Н. Ѳедотова. Поздравлялъ Литературно - Художественный кружокъ, «Русская Мысль», «Русскія Вѣдомости». Привѣтствіе отъ Художественнаго театра произнесъ Вл. И. Немировичъ, пере-

---

[1]) Всѣ эти сообщенія о «Вишневомъ садѣ» даны М. Нир. въ «Утрѣ Россіи».

давъ Чехову вмѣстѣ съ В. В. Лужскимъ ларецъ съ портретами всѣхъ артистовъ.

«Милый Антонъ Павловичъ! Привѣтствія утомили тебя,—говорилъ онъ,—но ты долженъ найти утѣшеніе въ томъ, что хоть отчасти видишь, какую безпредѣльную привязанность питаетъ къ тебѣ все русское грамотное общество. Нашъ театръ въ такой степени обязанъ твоему таланту, твоему нѣжному сердцу, твоей чистой душѣ, что по праву ты можешь сказать: «это мой театръ». Сегодня онъ ставитъ твою четвертую пьесу, но въ первый разъ переживаетъ огромное счастье видѣть тебя въ своихъ стѣнахъ на первомъ представленіи. Сегодня же первое представленіе совпало съ днемъ твоего ангела. Народная поговорка говоритъ: «Антонъ—прибавленіе дня». И мы скажемъ: «нашъ Антонъ прибавляетъ намъ дня, а стало-быть, и свѣта, и радостей, и близости чудесной весны» [1]).

Это былъ праздникъ, но тѣмъ, кто зналъ Чехова близко, онъ казался прощаньемъ. А. П. стоялъ слабый, какъ тѣнь, и вся зала кричала: «Сядьте, сядьте... Пусть Антонъ Павловичъ сядетъ!..» Онъ уступилъ просьбамъ и сѣлъ въ большое кресло.

Чеховъ былъ радостно удивленъ совершившимся. «На первомъ представленіи «Вишневаго сада» 17 января,—писалъ онъ Ѳ. Д. Батюшкову,—меня чествовали, и такъ широко, радушно и въ сущности такъ неожиданно, что я до сихъ поръ никакъ не могу прійти въ себя».

Постановка и исполненіе «Вишневаго сада»—одна изъ красивыхъ страницъ исторіи Художественнаго театра. Исполнителями въ первомъ спектаклѣ были: Раневская — Книпперъ, Аня — Лилина, Варя — Андреева, Гаевъ—Станиславскій, Лопахинъ—Леонидовъ, Трофи-

---

[1]) Н. Эфросъ, ibid., 91—92.

мовъ—Качаловъ, Симеоновъ-Пищикъ—Грибунинъ, Шарлотта Ивановна — Муратова, Епиходовъ — Москвинъ, Фирсъ — Артемъ. Съ перваго спектакля по 200-й безсмѣнно играли свои роли Книпперъ и Муратова.

Встрѣтившій горячій пріемъ и пониманіе у публики перваго представленія, «Вишневый садъ» въ дальнѣйшемъ не имѣлъ успѣха. Къ концу сезона сборы сильно упали и только черезъ нѣсколько лѣтъ было полно оцѣнено созданіе Чехова и его театра. Едва кончивъ «Вишневый садъ», Чеховъ сталъ уже обдумывать новую драму, въ центрѣ которой долженъ былъ стать ученый, обманутый въ своей любви къ женщинѣ и уѣзжающій куда-то на дальній сѣверъ для научныхъ изслѣдованій [1]). Смерть вырвала перо изъ рукъ его.

«Чайка» въ театрѣ Станиславскаго, «Дядя Ваня» и «Три сестры»—это уже тріумфъ Чехова. Офиціальнымъ выраженіемъ его всеобщаго признанія было избраніе его въ декабрѣ 1901 г. въ почетные академики по отдѣлу изящной словесности при Императорской Академіи Наукъ. Мы видѣли, какою большою радостью явилась когда-то для Чехова выданная ему Академіей половинная пушкинская премія. Академическую оцѣнку и тогда онъ ставилъ высоко, и теперь порадовался бы ей, если бы основной источникъ не только радостнаго, но и просто добраго настроенія не былъ уже подорванъ. «Извѣстіе объ избраніи въ академики пришло, когда я былъ нездоровъ,—и вся прелесть пропала, такъ какъ мнѣ было все равно», написалъ онъ брату Александру (1900). И въ почетномъ званіи ему пришлось пробыть недолго. Уже въ слѣдующемъ году академическое недоразумѣніе съ Горькимъ, сначала избраннымъ и потомъ неутвержденнымъ, вынудило Чехова отказаться

[1]) «Альбомъ С. Р.», статья Н. Эфроса.

отъ чести. На имя августѣйшаго президента Академіи онъ послалъ заявленіе, гдѣ обосновывалъ его личною для себя неловкостью отмѣны выборовъ. Получивъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики, онъ не замедлилъ повидаться съ нимъ въ Крыму и первый принести ему извѣстіе объ избраніи. «Я поздравлялъ сердечно, и я же признавалъ выборы недѣйствительными,—такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ».

Это былъ уже не тотъ Чеховъ, который когда-то сказалъ, что готовъ печататься хотя бы на подоконникѣ и вѣрилъ, что «въ Москвѣ все сойдетъ». Однажды иронически отнесшейся къ замѣчанію критика о своей «третьей фазѣ», онъ, однако, въ самомъ дѣлѣ былъ теперь въ совсѣмъ иномъ, чѣмъ въ молодости, ярусѣ общественныхъ идеаловъ. Въ прошломъ уже была дѣятельность въ передовыхъ отрядахъ интеллигенціи по борьбѣ съ тьмою, голодомъ, туберкулезомъ, литература «съ догматомъ», идейное общеніе съ кружкомъ «Русск. Мысли». Этотъ Чеховъ строилъ школы, охотно посѣщалъ земскія собранія, лелѣялъ мечту создать народную газету, велъ объ этомъ бесѣды съ извѣстнымъ И. Д. Сытинымъ, побуждая Суворина на уроки въ этой, столь хорошо ему извѣстной области. — И страничка воспоминаній И. Д. Сытина, рисующая красивый образъ утонченнаго писателя въ заботѣ о народѣ, и вся вообще духовная метаморфоза Чехова, сбросившаго навыки вводившей его въ жизнь безыдейной литературной среды,—стоили бы серьезнаго вниманія. Необходимость заставляетъ только бѣгло отмѣтить это и отослать читателя къ требующей частныхъ поправокъ, но въ существѣ вѣрной статьѣ В. Кранихфельда «Углубленный Чеховъ».

БОЛѢЗНЬ И СМЕРТЬ.

I

Когда, собственно, началъ свои завоеванія страшный недугъ, сведшій Чехова въ преждевременную могилу?

Первое показаніе самого Чехова о роковой болѣзни относится къ очень ранней университетской порѣ. Въ письмѣ къ Сергѣенко, еще отъ 1884 г., онъ, между прочимъ, упоминаетъ о грозномъ симптомѣ приближающейся болѣзни. «Работы пропасть, денегъ мало, *здоровье негодное.* Мечталъ къ празднику побывать въ Пигерѣ, *но задержало кровохарканіе.* «Не чахоточное», прибавляетъ онъ тотчасъ же въ скобкахъ, какъ бы самъ гоня отъ себя страшный призракъ и неизбѣжныя думы. Мысль о необходимости, «взявши у Литературнаго Фонда денегъ, ѣхать за границу лѣчиться» [1]), была оставлена, какъ только острый періодъ заболѣванія прошелъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса у 24-лѣтняго Чехова, раньше часто хворавшаго инфлуэнцей и приступами мигрени, обусловливаемой органической неправильностью глазъ [2]), появились первые признаки

---

[1]) М. Чехову, 1885 г.

[2]) «У меня такъ называемый астигматизмъ, благодаря которому у меня часто бываетъ мигрень, и, кромѣ того, еще правый глазъ близорукій, а лѣвый дальнозоркій. Видите, какой я калѣка!» (Линтваревой, 1897). Такое же органическое несогласованіе отличало Мопассана, у котораго, въ концѣ-концовъ, одинъ глазъ погубилъ другой.

новой грозной болѣзни,—примѣсь крови къ мокротѣ. Первое кровохарканье длилось три дня и повторилось въ мартѣ, затѣмъ возвращалось ежегодно весной. Такъ говорилъ самъ Чеховъ ординатору, записывавшему исторію его болѣзни. Опредѣленно тревожный характеръ болѣзнь приняла въ 1886 году. «Конечно,—пишетъ М. П. Чеховъ, — развивалась чахотка, но, повидимому, онъ самъ мало въ это вѣрилъ или утѣшалъ себя тѣмъ, что это не чахотка, а простое кровохарканье, и потому попрежнему старался быть веселымъ, не прочь былъ провести время въ пріятельской компаніи и очень мало заботился о себѣ, не придавая, повидимому, значенія своей болѣзни. Съ переѣздомъ на квартиру изъ Головина переулка на Якиманку онъ сталъ спать очень тревожно, его «дергало» во снѣ, онъ скрежеталъ зубами, видѣлъ страшные сны Впослѣдствіи, уже въ Мелиховѣ, его испугалъ во снѣ черный монахъ, послужившій темой для разсказа того же названія» (БЧ). Вѣроятно, исходя изъ показаній самого Чехова, Суворинъ свидѣтельствовалъ, что у него началось кровохарканіе въ Сибири въ 1890 г. «Первый сильный припадокъ чахотки, кровоизліяніе, вслѣдствіе чего онъ легъ въ клинику, случился при мнѣ въ Москвѣ въ 1896 г., когда мы съ нимъ сѣли обѣдать. Было это какъ разъ въ день разлива рѣки Москвы. Я увезъ его въ гостиницу и послалъ за врачами. Одинъ изъ нихъ былъ его пріятель. Когда, осмотрѣвъ его, они уѣхали, онъ сказалъ мнѣ: «вотъ какіе мы! Говорятъ врачи мнѣ, врачу, что это желудочное кровоизліяніе! И я слушаю и имъ не возражаю. А я знаю, что у меня чахотка». Но врачамъ до этого случая онъ не показывался и старательно скрывалъ отъ родныхъ свою болѣзнь» [1]).

---

[1]) «Н. Вр.», 1904, 4 іюля.

Если бы захотѣлъ, Суворинъ могъ бы быть точнѣе, ибо разсказъ самого Чехова о гораздо болѣе раннихъ печальныхъ симптомахъ находился именно въ письмахъ къ нему. Уже въ 1888 г. Чеховъ описывалъ старшему собрату, обезпокоенному его болѣзненными симптомами, начало своей болѣзни.

„Сначала о кровохарканіи. Впервые я замѣтилъ его у себя 3 года тому назадъ [1]) въ Окружномъ судѣ; продолжалось оно дня 3—4 и произвело немалый переполохъ въ моей душѣ и въ моей квартирѣ. Оно было обильно. Кровь текла изъ праваго легкаго. Послѣ этого я раза два въ годъ замѣчалъ у себя кровь, то обильно текущую, т.-е. густо красящую каждый плевокъ, то не обильно... Третьяго дня или днемъ раньше — не помню, я замѣтилъ у себя кровь, была она и вчера, сегодня ея уже нѣтъ. Каждую зиму, осень и весну, и въ каждый сырой лѣтній день я кашляю. Но все это пугаетъ меня только тогда, когда я вижу кровь: въ крови, текущей изо рта, есть что-то зловѣщее, какъ въ заревѣ. Когда же нѣтъ крови, я не волнуюсь и не угрожаю русской литературѣ „еще одной потерей“. Дѣло въ томъ, что чахотка, или иное серьезное легочное страданіе узнаются только по совокупности признаковъ, а у меня-то именно и нѣтъ этой совокупности. Само по себѣ кровотеченіе изъ легкихъ несерьезно; кровь льется иногда изъ легкихъ цѣлый день, она хлещетъ, всѣ домочадцы и больной въ ужасѣ, а кончается тѣмъ, что больной не кончается—и это чаще всего. Такъ и знайте на всякій случай: если у кого-нибудь завѣдомо нечахоточнаго, вдругъ пойдетъ ртомъ кровь, то ужасаться ненужно. Женщина можетъ потерять безнаказанно половину своей крови, а мужчина немножко менѣе половины“.

И Чеховъ и теперь гналъ отъ себя мысль о чахоткѣ, пользуясь подсказами медицинскихъ лекцій. «Если бы то кровотеченіе, какое у меня случилось въ Окружномъ судѣ, было симптомомъ начинающейся чахотки, то я давно уже былъ бы на томъ свѣтѣ,—вотъ моя логика».

---

[1]) Слѣдовательно, въ 1884—5 гг.

Начало болѣзни, приведшей къ могилѣ, точно прослѣжено Д. И. Азбукинымъ по записямъ и разсказамъ врачей клиники, гдѣ писатель лежалъ.

Во время кровохарканья, начавшагося 21 марта 1897 года, Чеховъ обратился къ проф. А. А. Остроумову. Съ визитной карточкой профессора, на которой было написано: «Принять въ клинику Антона Павловича Чехова», онъ 25 марта поступилъ въ госпитально-терапевтическую клинику. Больной имѣлъ истощенный видъ, длинную, узкую грудь (окружность груди 90 сант.), что особенно было замѣтно при его ростѣ, малый вѣсъ немного болѣе $3^1/_2$ пудовъ), наклонность къ зябкости, уменьшенное количество красныхъ кровяныхъ тѣлецъ.

Помѣстили Чехова въ палатѣ № 14, большой комнатѣ, освѣщаемой двумя большими окнами, имѣвшей четыре кровати, два массивныхъ кресла, ординаторскую конторку, а посреди круглый столъ. Сначала онъ долженъ былъ лежать молча, со льдомъ на груди. Когда количество крови стало уменьшаться, онъ пытался шутить и смѣяться, отъ чего его приходилось постоянно удерживать.

На седьмой день кровохарканье прекратилось совершенно. Доктора получили возможность выслушать и выстукать больного, а онъ—ходить и разговаривать. Чеховъ любилъ бродить по длинному клиническому коридору, бродилъ даже ночью, спасаясь отъ безсонницы и отдаваясь своимъ думамъ. Много разговаривалъ о земской медицинѣ съ бывшимъ ординаторомъ глазной клиники П. П. Радзвицкимъ.

Вся сосѣдняя кровать была завалена газетами. Книгъ было также много. Но о томъ, что писалъ и что читалъ, Чеховъ не говорилъ. Газеты читалъ онъ, сидя въ массивномъ клеенчатомъ креслѣ, которое стояло около постели. Въ шляпѣ съ широкими полями и полу-

тепломъ пальто онъ выходилъ подышать весеннимъ воздухомъ. Сидя на скамьѣ около клиническаго подъѣзда, грѣясь на привѣтливомъ весеннемъ солнцѣ, онъ любовался на уголокъ небесъ, на куполъ Новодѣвичьяго монастыря. Въ извѣстные часы къ нему приходили почитатели его таланта. Бывали дамы, приносившіе цвѣты,—гіацинты и розы. Былъ у него Л. Н. Толстой, и они, гуляя по коридору, громко разговаривали. Изъ странички сохранившагося дневника мы узнаемъ, что разговоръ шелъ о безсмертіи и, между прочимъ, Чеховъ передалъ Л. Н-чу содержаніе одного разсказа Носилова (П, V, 493). Можетъ-быть, послѣдствіемъ напряженія было то, что въ четыре часа утра у больного сильно пошла кровь (П, V, 32).

Паціентъ поражалъ и плѣнялъ докторовъ своей бодростью, смѣхомъ и шутками. Болѣзнь онъ считалъ находящейся въ менѣе серьезной стадіи, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. На дѣлѣ же *пораженіе верхушекъ было двустороннее, большое*, влажные хрипы слышались надъ углами лопатокъ.

Къ своей болѣзни въ клиникѣ паціентъ относился съ чрезвычайнымъ интересомъ и, не любя впослѣдствіи разговоровъ на эту тему, теперь много распрашивалъ ассистента и ординатора, особенно хотѣлъ знать результаты выстукиванія, выслушиванія и микроскопическаго изслѣдованія. Оно уже обнаруживало коховскія палочки. Ему говорили, но не все,—много скрывали. Проф. Остроумовъ всегда подробно справлялся о больномъ. Къ концу второй недѣли Чеховъ значительно поправился, а «окончательно поправлюсь, — говорилъ онъ иногда, — когда умру». Правда, несмотря на всѣ старанія поднять въ немъ питаніе, въ вѣсѣ онъ не увеличился ни на полфунта, зато на 5% увеличилось количество гемоглобина крови и на 30.000 число крас-

ныхъ кровяныхъ тѣлецъ. Вообще за 15 дней пребыванія здѣсь онъ окрѣпъ замѣтно.

По выходѣ изъ клиники Чеховъ посѣтилъ ассистента клиники г. Ансерова, подарилъ ему со своимъ автографомъ и надписью «Островъ Сахалинъ», а ординатору М. Н. Маслову—«Дуэль», «Пестрые разсказы» и свою фотографическую карточку, на которой русскими буквами написалъ латинское названіе своей болѣзни, сдѣлавъ ошибку: «гѣмофтизисъ» (ошибочно вмѣсто «гемоптизисъ»). Въ клиникѣ ему былъ данъ совѣтъ поселиться на югѣ, что онъ и исполнилъ. Послѣ этого Чеховъ прожилъ только семь лѣтъ. Въ іюлѣ 1904 г. его проносили мимо оконъ палаты, въ которой онъ лежалъ, уже бездыханнаго.

Отъ 1891 г. имѣется едва ли не первое, вполнѣ рѣшительное заявленіе Чехова о томъ, что самъ онъ сознавалъ, какой недугъ пришелъ къ нему и какъ онъ называется. Въ этомъ году онъ пишетъ Тихонову— «вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у меня истерія. Только моя истерія въ медицинѣ называется— «чахоткой».

Повидимому, опредѣленіе это безспорно, однако представляется правдоподобнымъ, что такое тревожное сознаніе горькой дѣйствительности не было для Чехова постояннымъ. Даже въ болѣе поздніе годы онъ склоненъ былъ смотрѣть на свою болѣзнь оптимистически. Трудно рѣшить, старался ли онъ самъ закрыть на это глаза, или только не хотѣлъ посвящать другихъ въ свою бѣду, но въ цѣломъ рядѣ его позднѣйшихъ писемъ онъ представляетъ себя человѣкомъ, отнюдь не подавленнымъ сознаніемъ неизлѣчимаго недруга. Еще въ 1893 г. онъ гонитъ мысль о чахоткѣ и бодрится, хотя трудно сказать, не дѣлаетъ ли это только для другихъ... «Я живъ и здоровъ. Кашель противъ преж-

няго сталъ сильнѣе, *но думаю, что до чахотки еще очень далеко»* (Суворину, изъ Мелихова).

Одно безспорно,—распространявшіеся по знакомымъ слухи о неизлѣчимой болѣзни и о томъ, что у него «опять» шла горломъ кровь, дѣйствовали на Чехова угнетающе. «Положить конецъ вздорнымъ (!) слухамъ не въ моей власти,—писалъ онъ брату А-дру,—не могу же вѣдь я выслать медицинское свидѣтельство. Полаютъ и отстанутъ» (1893, ноябрь).

И теперь, и позднѣе, кажется, въ этой молвѣ и газетныхъ сообщеніяхъ, болѣе всего безпокоило Чехова то впечатлѣніе, какое все это произведетъ на его близкихъ. «Въ «Новостяхъ» была напечатана телеграмма изъ Ялты,—пишетъ онъ,—будто здоровье мое ухудшилось, постоянный кашель, кровохарканье и проч. Все это чистѣйшая ложь, глупая выдумка, которая можетъ обезпокоить родныхъ и знакомыхъ. Честное слово, температура у меня нормальна, даже не бываетъ повода къ тому, чтобы ставить термометръ, кашель не больше прежняго, кровохарканья въ Ялтѣ не было ни разу. Если телеграмму перепечатаютъ московскія газеты, то будетъ скверно, — какъ бы не прочла мать. Еще разъ подтверждаю честнымъ словомъ, что телеграмма лжетъ» (И. П. Чехову, 1898, Ялта).

По показаніямъ Чехова 90-хъ годовъ даже врачъ не догадался бы о завоеваніяхъ его недуга. Всѣ его заявленія очень сдержанны и преуменьшаютъ опасность. «Я не совсѣмъ здоровъ, у меня почти непрерывный кашель. Очевидно, и здоровье я прозѣвалъ такъ же, какъ васъ», пишетъ онъ Л. Мизиновой изъ Вѣны въ 1894 г. (сент.).

— Я помаленьку кашляю (Линтваревой, изъ Аббаціи).

— Я кашляю, кашляю и кашляю. Но самочувствіе прекрасное. Заграница удивительно бодритъ (изъ Ниццы, Гольцеву, окт. 1894).

— Я живъ и, кажется, здоровъ. Кашляю, иногда донимаютъ перебои сердца, но къ этому я уже привыкъ, какъ привыкаютъ къ бородавкамъ. Работаю, старѣю, понемногу тупѣю (Л. Средину, 1895).

— Три - четыре дня поплевалъ кровью, а теперь ничего,—хоть бревна таскать или жениться (Потапенко, 1896, Мелихово).

— Дня черезъ 2—3 по возвращеніи (изъ Ѳеодосіи) у меня началось кровохарканіе, должно-быть, отъ того, что попалъ съ юга на сѣверъ, а не наоборотъ. (Суворину, 1896, Мелихово). Въ этомъ же 1896 г. въ іюлѣ Чеховъ долженъ былъ обратить вниманіе на свои глаза. Его визитъ къ врачу выяснилъ, что и здѣсь неблагополучно,—у него было опредѣленное разноглазіе.

— Во мнѣ бациллы,—наконецъ рѣшительно пишетъ онъ 18 дек. 1896 г., — я постоянно покашливаю, но въ общемъ чувствую себя недурно. (Шехтелю).

Мелиховскій періодъ жизни Чехова, считающійся обычно весьма благопріятнымъ для него, на самомъ дѣлѣ былъ уже преддверіемъ нависшей надъ нимъ катастрофы. Уже тогда страшный кашель его по ночамъ заставлялъ вздыхать мать. Уже въ одинъ изъ этихъ дней его братъ Михаилъ Павловичъ неожиданно засталъ Антона выплевывающимъ кровавую мокроту. «Кромѣ кашля,—читаемъ въ его біограф. очеркѣ,—его донимали въ это время перебои сердца и страшные сны. Однажды, во время разговора въ Мелиховѣ со знакомымъ онъ почувствовалъ себя такъ плохо, что думалъ, что это пришла къ нему смерть». Самъ Чеховъ такъ передаетъ этотъ случай, проявляя при этомъ удивительную деликатность своей натуры, которая даже такое явленіе, какъ смерть, готова была воспринять подъ угломъ зрѣнія «чужого безпокойства». «На-дняхъ я едва не упалъ и мнѣ минуту казалось, что я умираю: хожу

съ сосѣдомъ-княземъ по аллеѣ, разговариваю—вдругъ въ груди что-то обрывается, чувство теплоты и тѣсноты, въ ушахъ шумъ, я вспоминаю, что у меня подолгу бываютъ перебои сердца — значитъ, не даромъ, думаю; быстро иду къ террасѣ, на которой сидятъ гости и одна мысль: какъ - то неловко падать и умирать при чужихъ. Но вошелъ къ себѣ въ спальню, выпилъ воды—и очнулся» (Суворину, 1894).

«Отъ страшныхъ сновъ онъ пробуждался,—продолжаетъ его біографъ.—Въ одинъ изъ такихъ сновъ ему приснился черный монахъ. Какая-то странная сила дергала его, когда онъ засыпалъ, острая игла пронизывала его сердце, и онъ буквально подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ на кровати на полъ-аршина и въ ужасѣ пробуждался. Но это продолжалось всего только одинъ моментъ. Самъ смѣясь надъ собою, Антонъ Павловичъ ложился снова и крѣпко засыпалъ. Къ такимъ явленіямъ присоединилась еще мучительная боль въ лѣвомъ вискѣ, отъ которой происходило надоѣдавшее мельканіе въ глазу. Но всѣ эти болѣзни овладѣвали писателемъ приступами. Пройдутъ и нѣтъ. И снова онъ веселъ, шутитъ, работаетъ, и о болѣзняхъ нѣтъ и помина»(БЧ). Кашель былъ главнымъ побудителемъ для Чехова въ 1894 г. предпринять поѣздку въ Крымъ.

Въ чемъ Чеховъ былъ типично русскій человѣкъ—это въ непростительно небрежномъ отношеніи къ высшему своему сокровищу—здоровью. Трудно гадать въ этой области, но возможно, что раннимъ вниманіемъ къ недугу, лѣченіемъ его и соотвѣтственнымъ режимомъ онъ могъ бы значительно отдалить катастрофу. Но онъ этого не сдѣлалъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ думалъ о болѣзни, обсуждалъ планъ совмѣстной поѣздки, напр., съ Лейкинымъ въ какой-нибудь прибалтійскій курортъ, въ родѣ Кельмерна, подъ Ригой, «гидротерапіи ради»

(Лейкину, май, 1895), или, послѣ клиники Остроумова, въ Египетъ и Сочи (П, V, 47), но намѣренія не осуществлялъ. Онъ слѣдилъ за участью коховскаго открытія и, если бы опыты съ препаратомъ дали благопріятный результатъ, безъ колебаній готовъ былъ поѣхать въ Берлинъ (П, V, 35).

„Несмотря на то, что Чеховъ самъ былъ врачъ, или, можетъ быть, именно поэтому, только на свое собственное здоровье онъ долго обращалъ очень мало вниманія, — пишетъ собратъ Чехова, врачъ И. Альтшулеръ [1]).—А между тѣмъ болѣе 20 лѣтъ тянувшійся легочный процессъ понемногу все распространялся, подтачивая организмъ, и хотя въ Ялтѣ онъ сталъ лѣчиться довольно аккуратно, но было уже поздно. Послѣдніе годы онъ чаще прежняго сталъ навѣдываться въ Москву, — не всегда въ благопріятное для себя время,—и почти за каждую такую поѣздку расплачивался обостреніемъ болѣзни. За послѣдній годъ болѣзнь особенно замѣтно шагнула впередъ: постоянныя почти лихорадки, обострившіяся осложненія со стороны кишечника, частыя небольшія кровохарканія, все усиливавшаяся одышка при симптомахъ нараставшей сердечной слабости. Раньше приходилось недѣлями упрашивать его дать выслушать себя; теперь онъ самъ очень часто предлагалъ: „давайте, послушаемтесь“. Все рѣже возвращалось хорошее настроеніе, и все чаще (до отъѣзда въ Москву) я заставалъ его одиноко сидящимъ въ своемъ кабинетѣ въ креслѣ или въ полулежачемъ положеніи на диванѣ съ закрытыми глазами, безъ обычной книги въ рукахъ. Онъ чаще прежняго сталъ останавливаться на общественныхъ темахъ (это было время передъ японской войной) и убѣжденно говорилъ: „Вотъ увидите, скоро у насъ будетъ конституція; безъ конституціи ужъ больше нельзя“. Начавшаяся вскорѣ война его очень волновала“.

Въ одинъ изъ послѣднихъ визитовъ коллега вынесъ печальное впечатлѣніе изъ дома Чехова. «Рука товарища была суха и горяча, щеки горѣли. Въ прерывавшемся одышкой голосѣ звучали радостныя и бодрыя нотки. На вопросъ о здоровьѣ онъ пожаловался

---

[1]) «Р. Вѣд.», 1914, № 151.

на мучительныя кишечныя разстройства, но высказалъ при этомъ большое удовольствіе по поводу замѣчательнаго врачебнаго опыта лѣчившаго его терапевта-доктора Ю. Р. Таубе, удивительной его изобрѣтательности по части разныхъ легкихъ блюдъ и вкусныхъ пищевыхъ сочетаній» [1]).

Можетъ-быть, только наединѣ съ собою Чеховъ задумывался надъ опасностью своей болѣзни. Великолѣпный аналитикъ, вѣроятно, онъ не разъ ловилъ себя на томъ, что его психологія самоподбадриванія и самоослѣпленія — есть типичная психологія неисцѣлимо больного. Чувствуется что-то болѣзненно пережитое, личное, почти прямой на себя намекъ въ его софизмѣ, какимъ онъ утѣшаетъ заболѣвшаго и поддавшагося мнительности Суворина: «Врагъ, убивающій тѣло, обыкновенно подкрадывается незамѣтно, въ маскѣ, когда *вы, напримѣръ, больны чахоткой и вамъ кажется, что это не чахотка, а пустяки.* Рака тоже не боятся, потому что онъ кажется пустякомъ. Значитъ, страшно то, чего вы не боитесь; то же, что внушаетъ вамъ опасенія, не страшно. Кажется, пишу я неясно. Всеисцѣляющая природа, убивая насъ, въ то же время искусно обманываетъ, какъ нянька ребенка, когда уноситъ его изъ гостиной спать. *Я знаю, что умру отъ болѣзни, которой не буду бояться.* Отсюда: если я боюсь, то значитъ не умру. Впрочемъ, чепуха» (1893). Подчеркнутыя нами двѣ фразы по полному праву могутъ подвергнуться шифру и быть поняты въ томъ смыслѣ, что, по крайней мѣрѣ, временами Чеховъ открытыми глазами смотрѣлъ на свое несчастіе. Но подходило облегченіе, болѣзнь теряла обостренность, и онъ становился не чуждъ иллюзій.

---

[1]) Ibid.

Все-таки мысль о приближающейся развязкѣ, видимо, руководила многими, въ особенности хозяйственными рѣшеніями Чехова. Сохранились, правда, идущія не отъ близкихъ ему людей, но довольно правдоподобныя показанія, что толчкомъ и къ продажѣ сочиненій была мысль о необходимости заблаговременно ликвидировать дѣла. Одинъ изъ его знакомыхъ вспоминаетъ свой разговоръ съ нимъ по поводу продажи правъ на изданіе сочиненій.

— Я бы никогда и не сдѣлалъ этого, будто бы сказалъ Чеховъ. — Но тогда я думалъ, что смерть сторожитъ, что скоро умру. Я боялся,—оставь я изданіе своихъ книгъ въ прежнихъ рукахъ,—послѣ моей смерти ихъ совсѣмъ забросятъ, перестанутъ издавать раньше, чѣмъ слѣдовало бы перестать меня читать. Но вотъ—не умеръ... Зато теперь на этотъ счетъ спокоенъ... [1])

Къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1904 года здоровье писателя настолько ухудшилось, что врачи настойчиво потребовали его отъѣзда въ заграничный курортъ. Былъ избранъ для этой цѣли Баденвейлеръ, одинъ изъ горныхъ курортовъ поэтическаго Шварцвальда, а днемъ отъѣзда— 3 іюня 1904 г. Ѣхалъ онъ сюда «безъ особенной охоты и со сквернымъ самочувствіемъ» [2]). Для врачей «не было сомнѣнія, что роковая развязка близка».

Хотя наиболѣе опасный возрастъ, когда чахотка особенно пагубна, былъ уже пережитъ Чеховымъ, и самъ онъ, кажется, вѣрилъ этому, однако, болѣзнь разрушала его съ исключительною скоростью. Послѣдніе годы онъ уже не жилъ, а лѣчился. Послѣдній пріѣздъ его въ Москву изъ Ялты внушилъ серьезныя опасенія. Съ острой тревогой подходили друзья къ квартирѣ

---

[1]) «Нов. Дня», 1904, іюля.—Ф.

[2]) Ibid.

его, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, гдѣ онъ лежалъ въ жестокомъ приступѣ болѣзни, боясь узнать страшное. Врачи говорили,—туберкулезъ кишекъ...

Всю осень, съ августа 1903 г., Чеховъ чувствовалъ себя больнымъ. «Меня изводилъ кашель и разстройство кишечника. Я не работалъ, и пришлось минувшую осень вычеркнуть изъ книги работы, какъ ненужное и лишнее время» (Батюшкову, 1903). Зиму 1903 г. онъ провелъ въ Москвѣ, а на лѣто по совѣту проф. Остроумова, нашедшаго у него эмфизему, дурное правое легкое, остатки плеврита, долженъ былъ поселиться гдѣ-нибудь подъ Москвой, на дачѣ. Онъ избралъ Нару, гдѣ устроился въ имѣніи Якунчиковой, кончая «Вишневый садъ». Постановка «пьесы» волновала его чрезвычайно. Сначала онъ посѣщалъ всѣ репетиціи, но скоро, во избѣжаніе волненій, пересталъ ходить въ театръ. Въ успѣхъ онъ не вѣрилъ настолько, что предлагалъ театру пріобрѣсти у него пьесу «на отпускъ»— за три тысячи. «Хотите, гарантируемъ десять?» отвѣчали ему. Онъ, по словамъ Вл. Ив. Немировича-Данченко, молча, съ полнымъ недовѣріемъ покачалъ головой.

Послѣднее пребываніе Чехова въ Москвѣ существенно не разнилось отъ обычной его жизни здѣсь. И будучи больнымъ, онъ все время искалъ работы, просилъ посылать ему для просмотра рукописи, направляемыя въ «Русскую Мысль», гдѣ онъ завѣдывалъ отдѣломъ беллетристики. Жаловался, что ему скучно безъ дѣла, и для него выбирали четко написанныя короткія вещицы. Несмотря на болѣзнь, онъ поправлялъ, просматривалъ, иногда самъ отвѣчалъ авторамъ, иногда просилъ отвѣтить.

Онъ мечталъ и слѣдующій годъ провести въ столицѣ. «Всю будущую зиму при благопріятныхъ условіяхъ я намѣренъ прожить въ Москвѣ» (А. Веселовскому).

Мерещились и планы новой поѣздки въ Ниццу и въ Швецію. Едва ли онъ могъ серьезно думать о поѣздкѣ на Дальній Востокъ, да еще въ качествѣ врача, тѣмъ не менѣе, такая строка, и безъ видимой шутливости, брошена имъ въ одномъ изъ писемъ этого времени [1]).

Въ февралѣ онъ былъ снова въ Ялтѣ, но здоровье было дурно. Врачи совѣтовали уѣзжать. Не была оставлена мысль снова провести лѣто въ подмосковной дачной мѣстности, и О. Л. Книпперъ вела переговоры о дачѣ въ Царицынѣ. Скверный крымскій вѣтеръ не позволялъ больному выходить въ его садъ.

3-го мая онъ пріѣхалъ въ Москву и почувствовалъ себя совсѣмъ плохо. Разстройство кишекъ, которымъ онъ страдалъ въ Ялтѣ, перешло въ катарръ. Онъ слегъ, появилась высокая температура. Врачи рѣшили немедленный его отъѣздъ за границу, въ Баденвейлеръ—въ Шварцвальдѣ. 3-го іюня 1904 г. Чеховъ выѣхалъ изъ Москвы. Въ Берлинѣ нѣмецкіе врачи, въ томъ числѣ знаменитый Эвальдъ, уменьшили тревогу и обнадежили больного.

Первое время пребыванія въ курортѣ (іюнь 1904 г.) Чеховъ, по общему отзыву, былъ доволенъ. В. М. Соболевскому онъ писалъ: «Большое вамъ спасибо за «Русскія Вѣдомости», которыя я получаю здѣсь съ перваго дня пріѣзда, и которыя дѣйствуютъ на меня, какъ согрѣвающее солнце; читаю я ихъ по утрамъ съ громаднымъ удовольствіемъ. Еще большое спасибо шлю вамъ и низко кланяюсь за знакомство съ Г. Б. Іоллосомъ. Это превосходный человѣкъ, въ высшей степени интересный, любезный и безконечно обязательный. Я три дня прожилъ въ Берлинѣ и всѣ три дня чувствовалъ на себѣ заботу Іоллоса. Къ сожалѣнію, у меня еще совсѣмъ

---

[1]) Б. Лазаревскому.

не работали ноги, чувствовалъ я себя, особенно въ первые дни, неважно, и мнѣ нельзя было отдать себя въ его полное распоряженіе, хотя на два часа. Онъ показалъ бы мнѣ въ Берлинѣ много хорошаго. Насколько я могъ его понять, понятія о себѣ онъ очень скромнаго и не знаетъ точно, какимъ успѣхомъ у насъ въ Москвѣ да и въ Россіи пользуются его письма изъ Берлина. Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами, а не золотниками. Ноги уже давно не болятъ, точно и не болѣли, ѣмъ я понемногу и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ эмфиземы и слабость отъ худобы, пріобрѣтенной мною за время болѣзни. Лѣчитъ меня здѣсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это д-ръ Schwöhrer, женатый на нашей московской Живаго. Badenweiler очень оригинальный курортъ, но въ чемъ его оригинальность, я еще не уяснилъ себѣ. Масса зелени, впечатлѣніе горъ, очень тепло. Домики и отели, стоящіе особнякомъ въ зелени. Я живу въ небольшомъ особнякѣ-пансіонѣ, съ массой солнца (до 7 час. вечера) и великолѣпнымъ садомъ, платимъ 16 марокъ въ сутки за двоихъ (комната, обѣдъ, ужинъ, кофе). Кормятъ добросовѣстно, даже очень. Но воображаю, какъ здѣсь скучно вообще! Кстати же сегодня съ ранняго утра идетъ дождь, я сижу въ комнатѣ и слушаю, какъ подъ и надъ крышей гудитъ вѣтеръ».

Скоро, впрочемъ, съ измѣненіемъ состоянія здоровья измѣнилось и настроеніе. «Что за отчаянная скучища этотъ нѣмецкій курортъ Баденвейлеръ!» очень скоро пишетъ онъ г. Россолимо.

Послѣдніе часы жизни Чехова описаны Г. Б. Іоллосомъ, которому судьба послала эту горькую миссію. Еще въ Берлинѣ, по его словамъ, онъ уже получилъ впечатлѣніе, что дни Чехова сочтены, такъ онъ казался тяжело боленъ; страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго

движенія являлись кашель и одышка, температура была всегда повышенная. Ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу потсдамскаго вокзала, и нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша. Однако, когда поѣздъ уже двинулся, онъ, несмотря на просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ, высунулся изъ окна и долго кивалъ головой.

По пріѣздѣ въ Баденвейлеръ, Чеховъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотѣлъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше. Но на второй же недѣлѣ стали проявляться безпокойство и торопливость, — комната ему не понравилась, хотѣлось другого мѣста. Вмѣстѣ съ женою онъ переѣхалъ въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. Жена нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtel Sommer, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Русско-японская война продолжала интересовать и волновать больного. Жена постоянно переводила ему извѣстія изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, и онъ всѣмъ интересовался.

Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. «Видишь, — говорилъ онъ женѣ, — что значитъ культурная страна: всѣ выходятъ и входятъ, каждый пишетъ и получаетъ письма». Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: «Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!»

«Чеховъ производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Д-ръ Шверерь, превосходно относившійся къ паціенту, на

мой вопросъ, была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго припадка во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній потому, что послѣ впрыскиванія морфія и вдыханій кислорода пульсъ сталъ хорошъ, и больной спокойно заснулъ.

«Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ о японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: «На пустое сердце льда не кладутъ».

«Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно, (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, онъ распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: «Да знаешь, на всякій случай»... Послѣднія его слова были: «Умираю», и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: «Ich sterbe». Пульсъ становился все тише...

«Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,— и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь

остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показалась заря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями».

Въ виду особой любезности къ berühmter russischer Schriftsteller, хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но на слѣдующую ночь его тайкомъ, черезъ задніе коридоры, вынесли въ часовню, гдѣ онъ оставался до отхода поѣзда въ Россію.

Мѣстная публика, и въ особенности, находившіеся тамъ русскіе, очень сердечно отнеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходила за телеграммой, во всѣхъ слышалась неподдѣльная скорбь и сознаніе, что не стало великаго таланта.

Лѣчившій Чехова докторъ Швереръ изъ Баденвейлера сохранилъ о смерти его такой разсказъ.

«Чеховъ жилъ здѣсь уже три недѣли. Сначала онъ было оправился и чувствовалъ себя хорошо. Онъ былъ въ состояніи предпринимать продолжительныя поѣздки, и здѣшній климатъ дѣйствовалъ прекрасно на его здоровье, но потомъ, вслѣдствіе повышеній температуры, вызывавшихся прогрессировавшимъ процессомъ бугорчатки легкихъ, питаніе тѣла начало падать, вѣсъ сталъ понижаться, наступило сильное разстройство кишечника, которое наблюдалось раньше. Въ вторникъ безъ видимой причины появилось ослабленіе дѣятельности сердца; поэтому пришлось давать пріемъ наперстянки; въ среду былъ сильный припадокъ сердечной слабости, ему были

прописаны большія дозы камфары; въ четвергъ онъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо, пульсъ и аппетитъ были удовлетворительны.

«Спалъ онъ хорошо до часу ночи, въ часъ ночи проснулся отъ сильнаго удушья. Несмотря на всѣ энергичныя мѣры, подкожныя впрыскиванія камфары, вдыханіе кислорода и проч., Чеховъ скончался въ 3 ч. утра безъ агоніи. Онъ переносилъ свою тяжелую болѣзнь, какъ герой. Со стоическимъ, изумительнымъ спокойствіемъ ожидалъ онъ смерти».

«Чеховъ умеръ удивительно спокойно,—въ другомъ мѣстѣ говоритъ д-ръ Швереръ.—Когда ночью съ нимъ случился второй припадокъ, я былъ позванъ къ нему и распорядился, чтобы принесли кислороду. Бывшій въ комнатѣ писателя русскій студентъ пошелъ за нимъ. «Не надо, — сказалъ Чеховъ, — пока принесутъ кислородъ, я уже умру». Такъ оно и случилось. Онъ закрылъ глаза, и его не стало. Моя помощь и поддержка нужны были уже не ему, а его супругѣ...»

Д-ръ Швереръ былъ первымъ, кто выразилъ опасеніе за сердце Чехова, ослабѣвшее вслѣдствіе легочнаго процесса. Въ Россіи никто изъ врачей не указывалъ на сердце. Что касается легкихъ, то Швереръ сказалъ, что онъ можетъ еще прожить съ ними отъ 4 до 6 мѣсяцевъ не долѣе. Самъ Чеховъ, конечно, этого не подозрѣвалъ.

Въ день смерти, по разсказу жены Чехова, въ половинѣ перваго часа ночи онъ проснулся и сталъ задыхаться, О. Л. послала за докторомъ. Ночью не легко было достать его тотчасъ. Когда онъ пришелъ, Чеховъ сказалъ ему по-нѣмецки одно слово:

— Смерть?

— О, нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь! Что вы! — поторопился успокоить его врачъ.

Ему тяжко было дышать. На сердце положили ледъ, потомъ онъ глотнулъ шампанскаго, которое пролилось въ горло, производя странный звукъ. Онъ сталъ бредить. «Матросъ уѣхалъ?» — «Какой матросъ?» — «Матросъ,—уѣхалъ онъ?»—«Уѣхалъ». Очевидно, это имѣло связь съ войной. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Онъ тихо угасъ, безъ агоніи, уснулъ. Докторъ сказалъ, что никогда не видалъ такой тихой и спокойной смерти чахоточнаго.

Разсказъ д-ра Винтера, ассистента Шверера, цѣненъ развѣ въ смыслѣ провѣрки показаній коллеги. Здѣсь рѣшительно тѣ же подробности, тѣ же по началу надежды, тѣ же разсказы о прогулкахъ больного писателя въ прекрасные сосновые лѣса. «Но вскорѣ Чехова, привыкшаго къ природѣ далекой Россіи, охватило безпокойство. Онъ переселялся изъ отеля въ отель и въ отелѣ изъ одной комнаты въ другую, пока послѣдніе дни его страданій не приковали его къ постели. Въ послѣдній вторникъ наступилъ вполнѣ неожиданно первый припадокъ ослабленія дѣятельности сердца, казавшійся ему, какъ врачу, весьма опаснымъ. Тономъ увѣренности онъ сказалъ: «Теперь ужъ мнѣ осталось недолго жить».

Подъ вліяніемъ впрыскиванія камфары и заботъ д-ра Шверера, онъ снова нѣсколько оправился, пока снова въ среду не наступилъ жестокій припадокъ сердечной слабости. Этотъ припадокъ онъ еще перенесъ, но принималъ уже только жидкую пищу. Роковой четвергъ Винтеръ описываетъ совершенно согласно съ Швереромъ, указывая точно и моментъ наступленія конца—часъ ночи. Отказавшись отъ кислорода, Чеховъ сдѣлалъ только нѣсколько глубокихъ вздоховъ. Слѣдующей ночью Винтеръ уже руководилъ перевезеніемъ трупа въ капеллу.

Бывшій въ курортѣ русскій посланникъ при велико герцогскомъ дворѣ фонъ-Эйлеръ тотчасъ же прибылъ въ квартиру покойнаго писателя и сдѣлалъ всѣ распоряженія относительно перевоза тѣла въ Россію.

Мать Чехова получила отъ него въ Ялтѣ, въ концѣ іюня, радостное письмо. Онъ собирался поѣхать на Комо, «пожить тамъ немножко». «Дѣла мои по части здравія пошли на поправку понастоящему». Съ этимъ письмомъ она радостно встрѣтила своего младшаго сына, который зналъ уже о смерти брата. Нѣкоторое время ей не говорили. Горе ея выразилось страшнымъ отчаяніемъ, когда, наконецъ, ей сказали.

Какова была обстановка мѣста смерти Чехова? — шаблонный номеръ нѣмецкаго отеля. Вотъ какъ его описываетъ одинъ поздній посѣтитель. Ближе къ двери въ коридоръ двѣ постели. У фасадной стѣны, между окномъ и дверью на балкончикъ, небольшой диванъ, обитый бархатомъ, и круглый столъ. Умывальникъ, шкапъ и нѣсколько стульевъ дополняютъ обстановку. Мебель свѣжая, все въ номерѣ чистенько, а темныя обои усиливаютъ впечатлѣніе уютности. Послѣ смерти Чехова обстановку здѣсь не мѣняли, все осталось, какъ было. Кровать, на которой онъ умеръ, оставлена здѣсь же.

Передъ смертью Чеховъ не высказалъ никакихъ послѣднихъ желаній. Тѣло его не было набальзамировано. 5 іюля, рано утромъ, останки писателя, которые сопровождала его вдова, тронулись въ далекій путь, въ Москву.

Въ субботу въ Карлсруэ была отслужена торжест[illegible] панихида по почившемъ, въ присутствіи наш[illegible] посланника. Въ Берлинѣ тѣло было встрѣчено

посольскимъ священникомъ, пронесшимъ надъ гробомъ слово [1]).

Телеграммы извѣщали Россію о движеніи гроба съ тѣломъ Чехова. Сообщалось, что оно прибудетъ черезъ

---

[1]) Чтобы видѣть, насколько уже тогда, въ самый годъ смерти Чехова, было ясно его историческое значеніе и насколько единодушно было его признаніе всѣми сословіями, приводимъ выдержки изъ этого слова настоятеля посольской церкви въ Берлинѣ, извѣстнаго о. Мальцева.

«Сжимаются уста при мысли, что не стало среди насъ прежде всего человѣка душевнаго, въ полномъ значеніи этого слова, психолога тонкаго, философа-пластика, великаго художника и мастера слова! Въ твоихъ твореніяхъ, какъ у безсмертнаго Гоголя, нерѣдко лились сквозь зримый смѣхъ незримыя міру слезы. Въ твоихъ разсказахъ, милыхъ и грустныхъ, порой обличительныхъ, всегда дышала искренняя любовь къ человѣку, желанье помочь выбиться ему изъ окружающей его тяжелой среды, пролить въ его поникшую душу бодрящіе свѣтъ и теплоту; оттого тебя знала и искренно и горячо любила вся наша отчизна, особенно наша молодежь, чуткая, впечатлительная и работающая».

Для контраста приводимъ и кощунственныя строки мрачно-озлобленнаго реакціонера Н. Берга, не постыдившагося встрѣтить гробъ Чехова такою хулою въ своей черносотенно-прокламаціонной «Родной Рѣчи».

«Какимъ характернымъ признакомъ давленія гипноза уличныхъ газетъ является это бѣснованіе (!) у гроба Чехова. Теперь посредствомъ еврейской (!) и либеральной «прессы» можно раздуть что угодно. Этимъ пользуются очень широко и совершенно сбили съ толку «беззаботную насчетъ литературы», живущую однѣми газетами, публику. Авторъ самыхъ среднихъ писательскихъ способностей (!) возвеличенъ, какъ геній, прославленъ на всю Россію и только потому, что онъ свой, что онъ изъ круга «буревѣстниковъ»! Размѣры способности покойнаго Чехова были довольно скромны (!). Подъ гипнозъ уличныхъ листковъ попали и лица, этому бѣснованію постороннія. Яростные взвизги газетнаго еврейства и «крайнихъ» элементовъ, преувеличенныя раздуванія и превознесенія произведеній автора,—все это, оттого, что онъ былъ *ихній*. Все, что отрицаетъ русскую жизнь, Россію, [illegible] это ими превозносится» и т. д.

Вержболово въ Петербургъ, оттуда немедленно проследуетъ въ Москву. Распоряженія по погребенію взялъ на себя другъ покойнаго, редакторъ «Русской Мысли» В. А. Гольцевъ.

Ко дню прибытія тѣла въ Петербургъ почти всѣ столичныя ученыя и литературныя общества, учебныя заведенія, редакціи газетъ и журналовъ избрали изъ своего состава депутаціи для возложенія вѣнковъ на гробъ любимаго писателя. Но изъ-за оплошности лицъ, сопровождавшихъ гробъ, извѣстіе о прибытіи тѣла оказалось неточнымъ,—гробъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ на вокзалѣ лишь группою освѣдомленныхъ репортеровъ. Тѣло писателя было доставлено въ вагонѣ, на которомъ не успѣли закрасить надпись: «для свѣжихъ устрицъ». Здѣсь же на вокзалѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ лицъ, были возложены на металлическій гробъ, стоявшій въ вагонѣ, вѣнки отъ Литературнаго Фонда и нѣкоторыхъ редакцій.

Москва встрѣтила Чехова тепло, сплоченно. Ошибка Петербурга послужила ей урокомъ. Четыре колесницы-горки сплошь въ вѣнкахъ слѣдовали за гробомъ. Вѣнки были отъ городовъ, какъ, напр., отъ Клина, отъ провинціальныхъ редакцій, виленскихъ, одесскихъ, отъ частныхъ лицъ. Многотысячная толпа ждала гроба, и тысячи голосовъ пѣли «Святый Боже». На улицы высыпали и выстроились толпы. Всѣ балконы были заняты, усѣяны окна домовъ. Процессія останавливалась у нѣкоторыхъ мѣстъ, освященныхъ именемъ Чехова, и тамъ служили литіи. Мать Чехова съ его двумя братьями и сестрою только съ девятичасовымъ поѣздомъ успѣла прибыть съ Курскаго вокзала. Она встрѣтила гробъ уже на пути слѣдованія. Тихо-тихо стало въ толпѣ, когда старушка замерла въ объятіяхъ невѣстки...

День былъ ясный и красивый со слегка угрожающимъ небомъ, но до времени щадившій толпу и шелкъ траурныхъ лентъ. У входа въ Новодѣвичій монастырь и въ самыхъ стѣнахъ кладбища стояли сотни людей. Похоже было, что это храмовой праздникъ. Была, разумѣется, вся литературная и газетная Москва. Монастырскій колоколъ возвѣстилъ прибытіе тѣла. Гробъ внесли въ Успенскій соборъ, толпа расплеснулась по монастырскому двору, по кладбищу, огромнымъ кольцомъ окружила могилу, приготовленную для Чехова рядомъ съ могилой его отца, неподалеку отъ могилы Плещеева.

Долго ждали рѣчей, когда гробъ уже былъ засыпанъ. Говорили, что покойнымъ выражено желаніе, чтобы надъ его могилой не было рѣчей. Дважды начинавшій накрапывать дождь вдругъ зачастилъ. Двое-трое ораторовъ изъ толпы сказали заурядныя слова, досадно нарушившія краснорѣчивое молчаніе, которое было такъ умѣстно надъ свѣжей могилой пѣвца сумеречной эпохи. Вскорѣ здѣсь былъ поставленъ оригинальной работы памятникъ. Рѣдкая экскурсія, побывавъ въ Москвѣ, минуетъ кладбище Новодѣвичьяго монастыря и эту могилу.

12 (25) іюля 1908 г. въ Баденвейлерѣ освященъ первый памятникъ Чехову. Бюстъ сооруженъ на средства, собранныя московскимъ Художественнымъ театромъ. Голова писателя дана въ натуральную величину, работалъ ее извѣстный скульпторъ Шлейферъ. Чеховъ изображенъ такимъ, какимъ его часто видѣли въ баденвейлерскомъ паркѣ въ послѣднія недѣли его жизни: въ накинутомъ на плечо плащѣ, въ мягкой, сдвинутой назадъ шляпѣ. Большіе глаза испытующе глядятъ вдаль. Не хватаетъ только пенснэ, которое Чеховъ, очень близорукій, носилъ постоянно. Пьедесталомъ служитъ гра-

питная скала, сдѣланная мюльгеймскимъ скульпторомъ Швабомъ.

Торжественный актъ открытія и освященія совершенъ былъ въ присутствіи многочисленныхъ русскихъ, живущихъ въ Баденвейлерѣ, и при живомъ участіи всего курорта. На памятникѣ написано: «А. Чеховъ, умеръ въ Баденвейлерѣ въ 1904 г.».

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(РЕЛИГІЯ ЧЕХОВА).

I

Въ правѣ ли подходить историкъ литературы и общественности къ изслѣдованію религіозныхъ взглядовъ писателя? Но какъ отрицать, что его вѣра, мистическая или позитивная, есть тотъ внутренній свѣтъ, который озаряетъ все въ его книгахъ, и безъ котораго будетъ въ нихъ все загадочно и неясно.

Самый вѣкъ, извѣрившійся и равнодушный, посмѣивавшійся надъ религіознымъ исканіемъ Толстого, самое происхожденіе Чехова изъ крестьянской, сурово и безрадостно религіозной семьи, его образованіе медика, съ вѣрою, что въ природѣ существуетъ только матерія, въ человѣкѣ—органическая клѣтка, а мысль есть продуктъ мозга, самая среда, въ какой ему пришлось вращаться по началу, обивая редакціонные пороги,—все это мало располагало къ тому, чтобы изъ Чехова вышелъ не только горячій искатель вѣры, но и просто человѣкъ повышеннаго религіознаго чувства. Но отъ природы глубокая натура, онъ не могъ заглушить въ себѣ ни умственнаго интереса къ религіи, ни тѣхъ подсказовъ сердца, которые непреодолимы для человѣка, вышедшаго изъ вѣрующей семьи.

Чехова никоимъ образомъ нельзя назвать безучастнымъ ко всѣмъ этимъ вопросамъ. Можно перечитать десятки томовъ Гончарова, Тургенева, Писемскаго и не наткнуться ни на одну страницу разговора о Богѣ, вѣрѣ, безсмертіи. Чеховъ въ этомъ смыслѣ безконечно ближе къ Толстому и Достоевскому.

Интересный переплетъ внѣшнихъ подробностей жизни, человѣческія приключенія, бытовой анекдотъ, все то, что уже само по себѣ насыщало Тургенева или Гончарова,—для Чехова было мало занимательно безъ духовнаго озаренія. «На этомъ свѣтѣ все незначительно и неинтересно, кромѣ высшихъ духовныхъ проявленій человѣческаго ума», говоритъ его докторъ въ «Палатѣ № 6». И среди этихъ проявленій религіозному исканію онъ удѣлялъ видное мѣсто. Въ одномъ изъ своихъ довольно раннихъ разсказовъ «На пути», съ удивительнымъ мастерствомъ ухватывать явленіе, Чеховъ высказался о томъ, что такое вѣра для русскаго человѣка.

— Я такъ понимаю, что вѣра есть способность духа. *Она все равно, что талантъ: съ нею надо родиться.* Насколько я могу судить по себѣ, по тѣмъ людямъ, которыхъ видалъ на своемъ вѣку, по всему тому, что творилось вокругъ, *эта способность присуща русскимъ людямъ въ высочайшей степени.* Русская жизнь представляетъ непрерывный рядъ вѣрованій и увлеченій, а невѣрія или отрицанія она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русскій человѣкъ не вѣритъ въ Бога, то это значитъ, что онъ вѣруетъ во что-нибудь другое.

Лихаревъ, говорящій эти слова, на собственномъ примѣрѣ подтверждаетъ дальше свою теорію.

— Полжизни я состоялъ въ штатѣ атеистовъ и нигилистовъ, но *не было въ моей жизни ни одного часа, когда бы я не вѣровалъ.*

Въ дѣтствѣ онъ вѣритъ въ супъ, которымъ его пичкаетъ мать, въ домовыхъ и лѣшихъ, о которыхъ разсказываетъ нянька. Онъ убѣгаетъ въ Америку, уходитъ «въ разбойники», просится въ монастырь, нанимаетъ мальчишекъ, «чтобы они его мучили за Христа». Въ гимназическіе дни онъ отрицаетъ Іисуса Навина, остановившаго солнце, и Илью, гремящаго громомъ. Въ университетскій періодъ онъ вѣруетъ въ науку, преклоняется передъ зоологіей, открывшей 35.000 видовъ насѣкомыхъ, и разочаровывается въ ней только тогда, когда находитъ 35.001-й видъ. Дальше нигилизмъ и прокламаціи, славянофильство и отрицаніе собственности, непротивленіе злу и т. д.

Типъ сгущенный, парадоксальный. Но въ основѣ парадокса лежитъ истинное убѣжденіе Чехова въ повышенности русскаго сердечнаго исканія, и черта этого типично-русскаго метанія схвачена художественно вѣрно. Трагикомическій герой, мѣняющій вѣру какъ перчатки, не лишенъ даже извѣстной красоты въ своемъ метаніи.

„Вѣдь я вѣровалъ не какъ нѣмецкій докторъ философіи, не въ пустынѣ я жилъ, а каждая моя вѣра гнула меня въ дугу рвала на части мое тѣло. Я любилъ русскій народъ *до страданія* любилъ и вѣровалъ въ его Бога, въ языкъ, въ творчество. Да, природа вложила въ русскаго человѣка *необыкновенную способность вѣровать*, испытующій умъ и даръ мыслительства, но все это разбивается въ прахъ и безпечность, лѣнь и мечтательное легкомысліе...“

Самому Чехову была въ высокой степени присуща какая-то бодрящая вѣра въ наступленіе золотого вѣка на землѣ, хотя, можетъ-быть, и гдѣ-то далеко,—черезъ триста-четыреста лѣтъ. Безъ разговоровъ объ этой вѣрѣ, безъ этой мечты «о небѣ въ алмазахъ», трудно найти хотя бы одну критическую статью о немъ. Повторять это стало банальностью.

Прямыя засвидѣтельствованія Чехова о своемъ отношеніи къ религіи сохранились въ его письмахъ къ Щеглову, Плещееву, Меньшикову и Дягилеву. Вотъ они.

— Я,—пишетъ Чеховъ Дягилеву за годъ до смерти,— *давно растерялъ мою вѣру* и только съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго.

— Я боюсь смерти Толстого,—пишетъ онъ Меньшикову за четыре года до смерти.—Если бы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто. Ни одного человѣка я не любилъ такъ, какъ его. *Я человѣкъ невѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру.*

Въ одной своей статьѣ о Чеховѣ Меньшиковъ привелъ слѣдующія слова Чехова изъ разговора съ нимъ:

— Я не знаю, что такое вѣчность, безконечность. Я себѣ объ этомъ ничего не представляю, ровно ничего. Жизнь за гробомъ для меня что-то застывшее, холодное, нѣмое. Ничего не знаю.

Въ письмѣ къ Дягилеву отъ 1902 г. Чеховъ высказалъ свое отношеніе къ начинавшемуся тогда религіозному движенію въ интеллигенціи и далъ попытку краткой философской мотивировки своей вѣры.

„Интеллигенція (въ Россіи) пока только играетъ въ религію и главнымъ образомъ отъ нечего дѣлать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла отъ религіи и уходитъ отъ нея все дальше и дальше, что бы тамъ ни говорили и какія бы философско-религіозныя общества не собирались. Хорошо это или дурно, рѣшить не берусь,—скажу только, что религіозное движеніе само по себѣ, а вся современная культура—сама по себѣ и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой никакъ нельзя. Теперешняя культура—это начало работы во имя великаго будущаго,—работы, которая будетъ продолжаться, быть-можетъ, десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы хотя въ далекомъ будущемъ *человѣчество познало истину настоящаго Бога*, т.-е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоев-

комъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это—начало работы, а религіозное движеніе, о которомъ мы говорили, есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило или отживаетъ".

— Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ,—уронилъ онъ въ письмѣ Плещееву.—*Мое святая святыхъ— это человѣческое тѣло*, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода.

Очень опредѣленное заявленіе, опять съ нѣкоторою уже біографической мотивировкой настроенія, мы видѣли выше въ письмѣ Чехова къ Щеглову, гдѣ онъ разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ, религіозномъ образованіи, пѣніи втроемъ «да исправится». «И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ. *Религіи у меня теперь нѣтъ*».

Научную точку зрѣнія, какую Чеховъ примѣнялъ къ религіи, онъ распространялъ и шире. Умно, научнохолоднымъ взглядомъ хотѣлъ онъ смотрѣть и на всю жизнь вообще. Въ одномъ изъ довольно раннихъ писемъ онъ признавался:

„Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда меня перестали драть, была страшная... Толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, а толстовская манера выражаться,—разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ. Расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ *электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса... Естественныя* науки дѣлаютъ теперь чудеса, и онѣ могутъ двинуться, какъ Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандіозностью" (Суворину, 1894).

По натурѣ Чеховъ считалъ себя реалистомъ и въ основѣ не ошибался. Въ сочиненіяхъ его занимало только реальное, подлинное, житейское. Тургеневъ счи-

талъ себя европейцемъ изъ европейцевъ, отдѣлавшимся отъ всякихъ предразсудковъ, и, однако, его «Призраки», «Клара Миличъ», «Разсказъ отца Алексѣя», «Стукъ, стукъ», «Сонъ», «Пѣснь торжествующей любви» выдавали головой незаглушенную въ немъ никакимъ европеизмомъ мистику. Взгляду Чехова, повидимому, ничто въ жизни не предносилось въ мистическомъ озареніи. Разъ или два въ жизни онъ дѣлаетъ отступленіе въ сторону разсказа фантастическаго. Дѣйствуя въ полный разгаръ рождественской литературы, онъ не оставилъ ни одной вещицы на таинственную тему. Единственный разъ въ жизни онъ подошелъ къ темѣ безотчетнаго страха. Въ разсказѣ «Страхи», который, повидимому, ничто не мѣшаетъ принять, какъ чисто-автобіографическій, Чеховъ разсказываетъ три случая большого испуга въ своей жизни. Посмотрите, какъ просто, естественно, по-докторски объясняетъ онъ то, что сначала показалось ему мистически-жуткимъ. Разъ ночью, въ лѣсу къ нему пристала большая черная собака. Подъ жуткимъ чувствомъ онъ прошелъ свою дорогу, поминая фаустовскаго пса, думая о галлюцинаціяхъ, какимъ подвержены нервные люди. Но дома онъ засталъ гостя, который сталъ ему жаловаться на пропажу своей дорогой собаки.

Другой разъ, въ часъ ночи, въ полномъ одиночествѣ онъ видѣлъ, какъ самъ собою, никѣмъ не толкаемый, грузно прокатился вагонъ по рельсамъ желѣзной дороги. Встрѣчный мужикъ объяснилъ ему явленіе—«на 121 верстѣ уклонъ... Цѣпи въ заднемъ вагонѣ не выдержали...» Такъ просто и не страшно все въ жизни, какъ бы говоритъ Чеховъ даже этимъ единственнымъ своимъ «страшнымъ» разсказомъ. Не объясняетъ онъ только перваго случая своего страха, когда видѣлъ ночью на колокольнѣ огонекъ, которому никоимъ образомъ тамъ было не мѣсто.

II

Чеховъ былъ искреннимъ человѣкомъ. Ни за одну его вещь, ни за одно письмо его нельзя упрекнуть въ малодушіи, въ недостаткѣ гражданскаго мужества, въ скрываніи настоящаго взгляда. Какъ онъ не боялся либераловъ и открыто выражалъ достойное большого человѣка презрѣніе къ партійной узости и либеральному мѣщанству, такъ онъ не могъ рисоваться передъ тѣми, кому дѣлалъ въ письмахъ только что выписанныя признанія и не игралъ передъ ними на свободомысліе. Плещеевъ, Щегловъ и Суворинъ были ему близкіе люди. Мнѣнія о немъ Меньшикова, Дягилева не могли принести ему ни выигрыша, ни проигрыша. Все это надо принять, какъ есть. *Чеховъ считалъ себя* человѣкомъ безъ мистической религіи и безъ мистическихъ настроеній.

Чѣмъ инымъ, какъ не отзвукомъ личныхъ его взглядовъ звучатъ, напримѣръ, такія мѣста:

„Говорили о смерти, о безсмертіи души, о томъ, что хорошо бы въ самомъ дѣлѣ воскреснуть и потомъ полетѣть куда-нибудь на Марсъ, быть вѣчно празднымъ и счастливымъ, а главное мыслить какъ-нибудь особенно,—не по-земному.

— А не хочется умирать,—тихо сказалъ Ярцевъ.—Никакая философія не можетъ примирить меня со смертью, и я смотрю на нее просто, какъ на погибель. Жить хочется.

— Вы любите жизнь, Гаврилычъ?

— Да, люблю... Я химикъ. Мыслю химически и умру химикомъ. Но я жаденъ, я боюсь, что умру, не насытившись, и мнѣ мало одной химіи... Мнѣ просто хочется жить, мечтать, надѣяться, всюду поспѣвать. Жизнь, голубчикъ, коротка, и надо прожить ее получше“ („Три года“).

На помощь убѣжденію, что единственная религія образованнаго человѣка—наука и культура, приходила Чехову и современная теорія прогресса. Въ его «Дуэли»

дѣйствуетъ зоологъ фонъ-Коренъ, ученый, поглощенный изученіемъ эмбріологіи медузъ.

— Онъ работаетъ,—говоритъ про него Лаевскій,—онъ пойдетъ въ экспедицію и свернетъ себѣ тамъ шею не во имя любви къ ближнему, а во имя такихъ абстрактовъ, какъ человѣчество, будущія поколѣнія, идеальная порода людей. Онъ хлопочетъ объ улучшеніи человѣческой породы, и мы для него только рабы, мясо для пушекъ, вьючныя животныя.

Въ той же «Дуэли» передъ нами обоснованная теорія религіи прогресса и рѣчь о неприложимости такъ называемой «христіанской почвы» при рѣшеніи вопросовъ о человѣческомъ счастьѣ.

— Нравственный законъ, который свойственъ каждому изъ людей, *философы выдумали или же его Богъ создалъ вмѣстѣ съ тѣломъ?*—спрашиваетъ дьяконъ зоолога.

— Не знаю, но этотъ законъ до такой степени общъ для всѣхъ народовъ и эпохъ, что мнѣ кажется его слѣдуетъ признать органически связаннымъ съ человѣкомъ.

— Хорошо-съ. Значитъ, какъ желудокъ хочетъ ѣсть, такъ нравственное чувство хочетъ, чтобы мы любили своихъ ближнихъ. Такъ? Но естественная природа наша по себялюбію противится голосу совѣсти и разума и потому возникаетъ много головоломныхъ вопросовъ. Къ кому же мы должны обращаться за рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, если вы не велите ставить ихъ на философскую почву?

— Обратитесь къ тѣмъ немногимъ *точнымъ знаніямъ*, какія есть у насъ. Довѣрьтесь очевидности и логикѣ фактовъ. Любовь должна заключаться въ устраненіи всего того, что такъ или иначе вредитъ людямъ и угрожаетъ имъ опасностью въ настоящемъ и будущемъ.

— Значитъ, любовь въ томъ, чтобы сильный побѣждалъ слабаго.

— Несомнѣнно.

— Но вѣдь сильные распяли Господа нашего Іисуса Христа,—сказалъ горячо дьяконъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что распяли Его не сильные, а слабые. Человѣческая культура ослабила и стремится свести къ нулю

борьбу за существованіе и подборъ. Отсюда быстрое размноженіе слабыхъ и преобладаніе ихъ надъ сильными. Мы, культурные, распяли Христа и продолжаемъ Его распинать. Не лицемѣрьте же, не показывайте кукиша въ карманѣ и не говорите: ахъ, глупо, ахъ, устарѣло, ахъ, не согласно съ писаніемъ, а глядите жизни прямо въ лицо, признавайте ея разумную законность и когда она, напротивъ, хочетъ уничтожить хилое, золотушное, развращенное племя, то не мѣшайте ей вашими пилюлями и цитатами изъ дурно понятаго Евангелія. Христосъ, надѣюсь, заповѣдалъ намъ любовь разумную, осмысленную и полезную.

— Экой вы какой!—засмѣялся дьяконъ.—Въ Христа же вы не вѣруете! Зачѣмъ же вы Его такъ часто поминаете?

— *Нѣтъ, вѣрую, только, конечно, не по-вашему, а по-своему.*

— Вы говорите у васъ вѣра!—сказалъ дьяконъ.—Какая это вѣра? А вотъ у меня есть дядька попъ, такъ тотъ такъ вѣритъ, что, когда въ засуху идетъ въ поле дождя просить, то беретъ съ собою дождевой зонтикъ и кожаное пальто, чтобъ его на обратномъ пути дождикъ не промочилъ. Вотъ это вѣра! Когда онъ говоритъ о Христѣ, такъ отъ него сіяніе идетъ, и всѣ бабы и мужики навзрыдъ плачутъ. Онъ бы и тучу остановилъ и всякую бы вашу силу обратилъ въ бѣгство. Да, вѣра горами двигаетъ.

Бѣгло озираясь на всю русскую беллетристику, я не могу вспомнить другого мѣста, гдѣ бы съ такою сжатостью, но и вмѣстѣ съ такою мастерскою мотивировкой намъ была дана схема «религіи мірового прогресса», «религіи науки», съ своеобразнымъ пониманіемъ Христа, подъ которой обѣими руками подписался бы писаревскій «мыслящій реалистъ».

Для чуждыхъ мистики душъ такая вѣра въ самомъ дѣлѣ могла бы быть до извѣстной степени замѣною религіи. Кругомъ Чеховъ рѣдко видѣлъ и это, и, вглядываясь въ современность, нисколько не перецѣнивалъ положенія дѣлъ. Интеллигентское равнодушіе къ религіи онъ зарисовалъ на многихъ страницахъ своихъ книгъ. Въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» онъ говоритъ о людяхъ, у которыхъ иронія исчерпываетъ все отношеніе къ религіи.

„Орловъ и его пріятели,—пишетъ онъ,—не шутили и не вышучивали, а говорили съ ироніей. Они говорили, что Бога нѣтъ, и со смертью личность исчезаетъ совершенно. Безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть и т. д.“.

Въ повѣсти «Три года» передъ вами интеллигентъ, наставляющій ребенка священной исторіи, въ сущности, тотъ же сторонникъ принципа ироніи.

— О потопѣ? Ладно, будемъ жарить о потопѣ! Валяй о потопѣ. Долженъ я вамъ замѣтить, такого потопа, какъ здѣсь описано, на самомъ дѣлѣ не было, и никакого Ноя не было. За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова было на землѣ необыкновенное наводненіе, и объ этомъ упоминается не въ одной еврейской библіи, но и въ книгахъ другихъ древнихъ народовъ, какъ-то: грековъ, халдеевъ, индусовъ. Но какое бы ни было наводненіе, оно не могло затопить всей земли. Ну, равнины залило, а горы-то, небось, остались! Вы эту книжку читать-то читайте, да не особенно вѣрьте.

Безпощадный наблюдатель, онъ слишкомъ хорошо видѣлъ въ русской дѣйствительности наличность и тѣхъ душъ, которыя можно уподобить разстроеннымъ шарманкамъ, безучастно наигрывающимъ разъ навсегда вложенный въ нихъ валикъ. Въ «Перекати-Поле» болтливый еврей-выкрестъ звенитъ передъ Чеховымъ готовыми словами о Богѣ и Христѣ, которыя онъ, очевидно, собезьянилъ у того, кто наставлялъ его въ вѣрѣ.

— Я, знаете ли, до послѣдняго времени совсѣмъ не зналъ Бога. Я былъ атеистъ. Когда лежалъ въ больницѣ, я вспомнилъ о религіи и началъ думать на эту тему. По моему мнѣнію, для мыслящаго человѣка возможна только одна религія, а именно—христіанская. Если не вѣрить въ Христа, то ужъ больше не во что вѣрить! Не правда ли?

Вы готовы принять эти слова за выраженіе выстраданнаго убѣжденія, но вотъ прозелитъ христіанства начинаетъ явно по-попугайски сыпать книжными истинами.

— Юдаизмъ отжилъ свой вѣкъ и держится еще только благодаря особенностямъ еврейскаго племени. Когда цивилизація

коснется евреевъ, то отъ юдаизма не останется и слѣда. Вы замѣтьте, всѣ молодые евреи уже атеисты. Новый завѣтъ есть естественное продолженіе ветхаго. Не правда ли?

И, вникая дальше въ ремарки автора, вы постигаете, что передъ вами просто смятенный человѣкъ, старающійся заглушить безпокойство души и доказать себѣ, что, «перемѣнивъ религію отцовъ, онъ не сдѣлалъ ничего страшнаго и особеннаго». А надо всѣми этими типами русскаго равнодушника передъ Чеховымъ явно носился образъ холодной, извѣрившейся и все возненавидѣвшей души. Онъ видѣлъ такія души среди людей цивилизованныхъ.

— Вы ненавидите вѣрующихъ, — говоритъ у него героиня «Жены» своему мужу,—такъ какъ вѣра есть выраженіе неразвитія и невѣжества, и въ то же время ненавидите и невѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеала. Вы всѣхъ ненавидите...

И тѣмъ же постылымъ безвѣріемъ вѣяло на него отъ нѣкоторыхъ темныхъ душъ, отколовшихся отъ народа и не приставшихъ къ интеллигенціи. Герой «Разсказа неизвѣстнаго человѣка», интеллигентъ, проживающій у своего идейнаго врага подъ видомъ лакея, ловитъ эти черты религіознаго холода въ молодой, до мозга костей развращенной городомъ горничной, съ которою вмѣстѣ служитъ.

— Она такъ искренно вѣрила, что я не человѣкъ,—пишетъ онъ,—что, подобно римскимъ матронамъ, которыя не стыдились купаться въ присутствіи рабовъ, при мнѣ иногда ходила въ одной сорочкѣ.

Однажды за обѣдомъ я спросилъ ее:

— Поля, вы въ Бога вѣруете?

— А то какъ же?

— Стало-быть, вы вѣруете,—продолжалъ я,—что будетъ страшный судъ, и что мы дадимъ отвѣтъ Богу за каждый свой дурной поступокъ?

„Она ничего не отвѣтила и сдѣлала презрительную гримасу и глядя въ этотъ разъ на ея сытые, холодные глаза, я понялъ, что у этой цѣльной, вполнѣ законченной натуры *не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ,* и что если бы мнѣ понадобилось убить, поджечь или украсть, — то за деньги я не могъ бы найти лучшаго сообщника“.

Только одинъ разъ Чеховъ поставилъ предъ собою прямую задачу писательскаго изслѣдованія области религіи,—какъ бы задачу художественной монографіи на тему о значеніи вѣры для русскаго простого человѣка и о тѣхъ результатахъ, какими она можетъ сказываться. Итогъ и на этотъ разъ получился характерный для него, мрачно и почти безпросвѣтно смотрѣвшаго на народную жизнь вообще.

Разсказъ этотъ «Убійство». Онъ весь вылился въ мрачные, почти пугающіе тона. Его философія безотрадна,—религія, въ томъ, по крайней мѣрѣ, поворотѣ, въ какомъ она понята и принята здѣсь, въ семьѣ Тереховыхъ, вноситъ въ народную жизнь не радующій свѣтъ, не тихое, умиротворяющее сіяніе, но темный ужасъ, трепетъ карающаго Бога, погашеніе радости жизни и злую, безсмысленную и кровавую смерть.

Весь родъ зажиточныхъ крестьянъ Тереховыхъ религіозенъ. Религіозность и, выражаясь современнымъ языкомъ, богоискательство здѣсь какъ бы наслѣдственны, такъ что въ селѣ имъ даютъ даже прозвище Богомоловыхъ. «Они,—пишетъ Чеховъ,—были склонны къ мечтаніямъ и къ колебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенно». Измѣняя своей обычной манерѣ, Чеховъ на этотъ разъ на минуту отвлекается къ ихъ родословной. Одинъ изъ предковъ налагалъ на себя обѣтъ молчанія, другой едва не погибъ изъ-за своихъ мечтаній, третій не ходитъ въ православную церковь, а устраиваетъ моленія дома, четвертый перебѣгаетъ къ хлыстамъ.

И тѣ два брата Богомоловы, которыхъ Чеховъ спеціально беретъ для разсказа, — такіе же люди религіознаго безпокойства и пламенѣнія. Матвѣй страстно любитъ церковь, красивое пѣніе, самъ постоянно заливается на клиросѣ своимъ теноркомъ, услаждается молитвеннымъ пятичасовымъ утомленіемъ за какимъ-нибудь «Андреевымъ стояніемъ» или «Похвалой». Онъ любитъ «людей послушать, о леригіи поговорить» и сознается, что «приверженъ» къ ней съ малолѣтства. Въ юности онъ растетъ совсѣмъ, какъ «Гриша» Мельникова-Печерскаго, горя мечтой святости и подвига.

— Налагалъ я на себя всякія послушанія, вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну, и вериги тоже...

Съ лѣтами Матвѣемъ овладѣваетъ духъ сектантской нетерпимости, осуждающей все кругомъ. Онъ коритъ священниковъ-табачниковъ, своихъ односельчанъ, которые всѣ кажутся ему пьяницами, скоромниками, блудниками и картежниками, и «мечтаетъ въ гордынѣ своей до невѣроятія». Онъ устраиваетъ свою молельную съ строгимъ исполненіемъ «устава святой Аѳонской горы». Здѣсь всенощная идетъ у него «часовъ десять, а когда и двѣнадцать».

— Монахи по уставу во время каѳизмъ и паремій сидятъ, а я желалъ быть угоднѣе монаховъ и все, бывало, на ногахъ. Читалъ я и пѣлъ протяжно, со слезами и со воздыханіемъ, воздѣвая руки, и прямо съ молитвы, не спавши, на работу, да и работаю все съ молитвой.

Тереховъ скоро не въ шутку вѣритъ въ свою святость. Вѣрятъ въ него и другіе, и бабы-мироносицы, по преимуществу изъ старыхъ дѣвокъ, начинаютъ по-

клоненіе ему, цѣлованіе рукъ, — даже готовы видѣть на его головѣ сіяніе. Религіозныя сборища у него кончаются форменнымъ хлыстовствомъ, включительно до свальнаго грѣха. Лишь позднѣе Матвѣй приходитъ въ себя, побѣждаетъ свое самомнѣніе и возвращается въ господствующую церковь въ качествѣ религіознаго, но въ практическомъ подвигѣ слабоватаго прихожанина.

Братъ Матвѣя, богатѣй Яковъ, живетъ тоже своей, самодѣльной вѣрой. Онъ чуждается поповъ, но служитъ самъ, и религіозныя понятія его типичны для многихъ и многихъ изъ нашего народа.

„Онъ читалъ, — пишетъ отъ себя Чеховъ,—пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а *для порядка.* Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры, и вѣра должна выражаться правильно, изъ года въ годъ, изо дня въ день въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы каждое утро и каждый вечеръ человѣкъ обращался къ Богу именно съ тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу... Каждый день слѣдуетъ читать и пѣть то, что угодно Богу, т.-е. полагается по уставу: такъ первую главу отъ Іоанна нужно читать только въ день Пасхи, а отъ Пасхи до Вознесенья нельзя пѣть „Достойно есть“ и проч. Сознаніе этого порядка и его важности доставляло ему во время молитвы большое удовольствіе. Когда ему по необходимости приходилось нарушать этотъ порядокъ, его мучила совѣсть, и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ“.

Такая религіозность не вноситъ никакого свѣта, никакого благородства въ жизнь Тереховыхъ. Яковъ кулачествуетъ, правдами и неправдами копитъ казну и, когда въ страстной понедѣльникъ между нимъ и братомъ Матвѣемъ разгорается ссора изъ-за постнаго масла,—Яковъ и жена убиваютъ его въ разстояніи какого-нибудь получаса отъ вечерни, какую только что вычитывали и выпѣвали вмѣстѣ.

Трудно заклеймить болѣе безпощадно мертвую обрядовую вѣру, нерадующую, несмягчающую, необлагора-

живающую людей, чѣмъ это сдѣлалъ Чеховъ въ «Убійствѣ». Если бы самое убійство не было такъ мастерски описано въ его нелѣпой случайности и никѣмъ не предвидимой внезапности, Чехова почти можно было бы обвинить въ тенденціозности, до такой степени мотивъ убійства,—то, что одинъ человѣкъ убилъ другого за его желаніе ѣсть постное масло въ день, когда по церковному уставу этого не полагается,—можетъ казаться искусственно подобраннымъ, придуманнымъ и какъ бы разсчитанно нагляднымъ.

Философія этого разсказа ясна. Лучше никакой вѣры, чѣмъ такое безсмысліе вѣры, это таскаціе камней, эти 12-часовыя изможденія за службой, это дьяволово неистовство съ пролитіемъ братней крови изъ-за постнаго масла! Чеховъ поднялъ здѣсь руку не на религію и христіанство, а только на то сплошное извращеніе религіи и христіанства, какое, къ сожалѣнію, безспорнѣйшій фактъ русской народной жизни. Всегда вѣрившій въ русскую талантливость, въ русское «нутро», Чеховъ вѣрно подмѣтилъ черту русскаго религіознаго порыва, бросающаго нашего простеца въ штунду и хлыстовство, и оплакалъ безплодную его гибель. Посмотрите, какъ бы сказалъ онъ, на что уходитъ у насъ богатѣйшій полетъ вѣры, восторженная настроенность сердца, ищущаго Бога и святости, готоваго на всѣ возможныя жертвы вплоть до отреченія отъ всякой земной сладости, до аскетизма и веригъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ условіяхъ, въ настоящемъ религіозномъ свѣтѣ изъ этого чудеснаго сплава вышли бы праведники, приближающіе царство Божіе на землѣ. Изъ нихъ могли бы выйти Франциски Ассизскіе, Юліаны Милостивые, Өеодосіи Печерскіе. У насъ выходятъ Яковы Тереховы, судимые по статьѣ о непреднамѣренномъ убійствѣ и кончающіе Сахалиномъ.

III

Отъ сочиненій отвлечемся къ личной жизни. Чеховъ былъ не изъ тѣхъ натуръ, которыя охотно раскрываются и изливаются. Глубокимъ натурамъ вообще свойственна какая-то повышенная какъ бы цѣломудренность чувства вѣры и чувства любви. Въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся почти съ странностью: можетъ-быть, Чеховъ подпускалъ въ свое святая святыхъ близкихъ родныхъ, но ни отъ одного изъ людей литературы, близко подходившихъ къ нему, не извлечь ничего, чѣмъ можно было бы обогатить главу о его религіозномъ міровоззрѣніи. Многіе отмѣчали, какъ вдругъ сознанную странность, что за долгое время общенія точно не было съ Чеховымъ никогда разговора на эти темы. Были отдѣльные штрихи, рисовавшіе общую, высокохристіанскую его настроенность. Одному, напр., близкому человѣку онъ какъ-то уронилъ:

— Надо жить такъ, какъ училъ Маркъ Аврелій,— чтобы каждую минуту быть готовымъ спокойно встрѣтить смерть.

Но это общій выводъ нравственной философіи, который одинаково приняли бы и Конфуцій, и Сократъ, и М. Аврелій, и Кантъ, и Спиноза, и Толстой, и, можетъ-быть, Вольтеръ.

„Если вѣру судить по дѣламъ и настроеніямъ, а не по словамъ,—писалъ намъ Щегловъ-Леонтьевъ,—то Чеховъ былъ въ тридцать разъ религіознѣе тѣхъ современныхъ „богоискателей“, которые вопіютъ о своемъ безпокойствѣ на всѣхъ путяхъ и перепутіяхъ. Когда заговариваютъ о религіозности Чехова, мнѣ каждый разъ вспоминаются слова Гете о Спинозѣ. „Противники часто упрекали его въ томъ, будто у него нѣтъ никакой вѣры. Но онъ просто не раздѣлялъ ихъ вѣры, потому что она для него была недостаточна. Если бъ онъ изъяснилъ свою, то они изумились бы, но не были бы способны понять ее“.

„Для Чехова, если *тщательнѣе провѣрить* его жизнь, *искусство было религіей,* да и вся жизнь его была по отношенію къ людямъ *истинно-религіозная,* хотя словъ на вѣтеръ о религіи онъ никогда не бросалъ. Главный *ключъ* ко всему въ рѣдкой *правдивости* Чехова. Я не знаю другого писателя, который бы былъ такъ близокъ къ правдѣ и ненавидѣлъ малѣйшіе оттѣнки лжи Если ему нравилось въ молодости то, что осуждается кодексомъ нравственности, онъ не прятался за обычныя фразы и прямо говорилъ, что это ему нравится.

„Если онъ чего не понималъ, онъ прямо говорилъ, что не понимаетъ и не пускался въ праздныя разглагольствованія. Если онъ говорилъ своему брату, что видѣлъ „чернаго монаха", то и это была *настоящая* правда.

„Дѣйствительно, Чеховъ мало распространялся о религіи, и отсюда недоумѣніе людей, привыкшихъ легко говорить о томъ чего сами нисколько не чувствуютъ. Но я знаю, что, лишь немного поправившись въ московской клиникѣ, онъ почти каждый день ходилъ къ обѣднѣ въ Новодѣвичій, и, если бъ вы слышали съ какой тихой умиленностью, вскользь и полусмущенно, говорилъ онъ мнѣ объ обѣднѣ въ темномъ полупустомъ храмѣ Новодѣвичьяго монастыря; съ какой трогательной аккуратностью навѣщалъ онъ могилу Плещеева, съ какой любовной заботливостью украшалъ деревенскую церковь въ своемъ Мелиховѣ, какъ неустанно хлопоталъ о больныхъ и бѣдныхъ и т. д., и т. д. И это ли еще не религіозность человѣческая?! Но я никогда не кончу, заговоривъ о Чеховѣ: вспоминаешь и то и это, и чѣмъ болѣе *отдаляешься* и вспоминаешь, тѣмъ большимъ благоговѣніемъ проникаешься къ этому чудесному человѣку. Какъ я счастливъ, что былъ его современникомъ, и какъ горжусь, что былъ его пріятелемъ!"

«Меня много разъ занимала мысль о духовномъ хозяйствѣ Чехова, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. А. Сергѣенко,—какъ и что у него *тамъ* дѣлается? Я обожалъ его писательскій талантъ, но мнѣ всегда казалось, что для полнаго развитія его необыкновеннаго дарованія не хватало того духовнаго рычага, упирая на который, сдвигаютъ не только горы съ мѣста, но и предразсудки человѣческіе. *Но мнѣ никогда не приходилось при разговорахъ съ Чеховымъ спускаться по*

этимъ вопросамъ съ нимъ до дна. У Чехова не было тяготѣнія къ бесѣдамъ объ отвлеченныхъ вопросахъ. Въ очеркахъ его кое-гдѣ вспыхиваютъ искры религіознаго исканія, но сейчасъ же и меркнутъ, какъ разноцвѣтные бенгальскіе огни на темномъ фонѣ ночи».

Изъ всѣхъ многочисленныхъ разговоровъ съ своимъ школьнымъ товарищемъ и пріятелемъ Сергѣенко запомнилъ только два, относящихся сюда разговора.

Какъ-то разъ говорили объ одномъ молодомъ писателѣ. Чеховъ находилъ, что писать ему надо, но, къ сожалѣнію, у него „нѣтъ стержня".

— У него прежде всего нѣтъ Бога,—сказалъ Сергѣенко.

Чеховъ поморщился.

— У него нѣтъ стержня,—поправилъ онъ.—Понимаешь, *своего стержня*,—повторилъ онъ, какъ будто досадуя, что я не понимаю такой простой вещи, какъ стержень, и вмѣсто яснаго и опредѣленнаго понятія подсказываю что-то другое.

Второй разговоръ происходилъ осенью 1900 г., въ Крыму, когда только что умеръ любимый Чеховымъ за его талантъ и среднившійся съ нимъ за многіе годы пріязни Левитанъ.

— Бѣдный Левитанъ,—сказалъ Чеховъ.—Даромъ пропалъ человѣкъ!

Я, чтобъ сказать что-нибудь,—разсказываетъ Сергѣенко,—спросилъ: „Почему же пропалъ?"

— Онъ могъ бы еще долго жить.

Сергѣенко, авторъ пьесы о „Сократѣ", тогда только что законченной, вставилъ:

— Сократъ говоритъ, что слѣдуетъ заботиться не о томъ, чтобы жить во что бы то ни стало, а только о томъ, чтобы жить хорошо. Левитанъ жилъ не плохо и сдѣлалъ, что могъ... Быть-можетъ, болѣзнь его, т.-е. мысль о приближеніи конца и способствовала накопленію въ немъ той духовной квинтъ-эссенціи, которую онъ внесъ въ свои произведенія и сдѣлалъ ихъ безсмертными.

— Левитанъ боялся смерти и не хотѣлъ умирать,—проговорилъ Чеховъ съ оттѣнкомъ суровости въ голосѣ.

— Боялся, быть-можетъ, пока передъ нимъ не сползла завѣса.

Чеховъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и прервалъ меня.

— Онъ ни во что *это* не вѣрилъ, въ *тамошнее*. Да и что *тамъ?* Ничего тамъ нѣтъ,—сказалъ онъ съ поразившей меня горяч-

ностью. Но сейчасъ же спохватился и затормозилъ себя, и вяло заговорилъ о чемъ-то незначительномъ. Вопросъ о вѣрѣ, такимъ образомъ, былъ снятъ съ очереди.

«Но,—заканчиваетъ Сергѣенко,—въ послѣднее время въ выраженіи глазъ его и въ отдѣльныхъ его мимолетныхъ замѣчаніяхъ иногда мелькали отблески какихъ-то новыхъ огней, и надъ нимъ въ такія минуты струились флюиды чего-то надземнаго. Особенно это кажется теперь, когда перечитываешь нѣкоторыя письма и вспоминаешь его».

Возвращаясь къ той же темѣ въ частномъ письмѣ къ автору этой книги, Сергѣенко пишетъ:

«Въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать религію, Чеховъ былъ *внѣ религіи.* Но какъ я понимаю ее теперь, т.-е. какъ извѣстное состояніе, ближайшее къ Богу, какъ стояніе въ своего рода духовномъ перигелліи, въ ближайшей точкѣ къ солнцу, Чеховъ былъ религіознѣе тѣхъ, кто иногда признается столпами господствующей религіи».

Отъ Г. С. Петрова, которому Чеховъ дарилъ свои симпатіи и который имѣлъ близкое общеніе съ писателемъ очень незадолго до смерти Чехова, мы слышали заявленіе объ одной характерной для писателя чертѣ.

— Мнѣ казалось,—говорилъ Петровъ,—что Чеховъ въ это послѣднее время какъ бы хотѣлъ заговорить со мною о чемъ-то. Во мнѣ сохранилось неустранимое впечатлѣніе, что онъ хотѣлъ побудить себя на какую-то откровенную, интимную и мучительно ему тогда нужную бесѣду. Иногда, когда я собирался уходить, онъ останавливалъ меня и просилъ еще остаться съ видомъ человѣка, который, несомнѣнно, «имѣетъ дѣло», хочетъ что-то сказать. И во мнѣ осталось убѣжденіе, что онъ хотѣлъ говорить о религіи,—можетъ-быть, спросить меня о томъ, какъ я вѣрую, и при своей изумительной

деликатности и чуткости боялся нескромности. Я, съ своей стороны, не рѣшался вызывать его на откровенность.

Но Петровъ оговариваетъ это свое впечатлѣніе. «Ничто не даетъ мнѣ основанія ставить эти штрихи очень ужъ высоко. Это если и религіозные мотивы, то низшаго качества, такъ сказать, кладбищенскіе, навѣянные страхомъ смерти. Въ этомъ смыслѣ Чеховъ въ моей памяти остался вторымъ въ жизни человѣкомъ по счету».

«Единственное, но безошибочное мое воспоминаніе,— пишетъ намъ близкій покойному беллетристъ Грузинскій,—никогда *за всю жизнь* я не слыхалъ отъ Чехова *ни одного кощунственнаго слова*, которое другіе писатели разсыпаютъ походя. Можетъ-быть, это случайность? Не знаю. Помню его фразу: «Церковь въ деревнѣ — это единственное мѣсто, гдѣ мужикъ, не говоря о прочемъ, получаетъ хоть какія-нибудь эстетическія впечатлѣнія». На первой недѣлѣ Великаго поста, въ 1887 или 1888 году, онъ соблазнилъ меня ѣхать съ нимъ въ храмъ Спасителя къ какой-то вечерней службѣ («тамъ сегодня чудесное пѣніе») и мнѣ онъ упорно кажется Лермонтовымъ, зашедшимъ въ церковь, или тѣмъ невѣрующимъ изъ его разсказа, который первый бѣжитъ къ Христовой заутрени».

Не характерно ли для Чехова, что почти никто другой изъ писателей не говоритъ такъ часто и такъ серьезно о молящемся человѣкѣ, какъ онъ. Замѣчательна повторяемость этого подмѣчанія относительно людей духовнаго міра. Молится у него архіерей, молится о. Христофоръ въ «Степи». Изъ его біографіи извѣстно, что самъ онъ, несмотря на тяжелыя воспоминанія режима дѣтства, былъ большимъ любителемъ богослуженія и необыкновенно любилъ «потолкаться» среди богомольствующаго народа.

Исключительно умѣлъ онъ проникаться очарованіемъ христіанскаго праздника.

— Есть праздники,—говоритъ у него героиня одного изъ довольно раннихъ разсказовъ, Иловайская въ «На пути»,—которые имѣютъ свой запахъ. На Пасху, Троицу и на Рождество въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ. Даже невѣрующіе любятъ эти праздники. Мой братъ, напримѣръ, толкуетъ, что Бога нѣтъ, а на Пасху первый бѣжитъ къ заутрени.

— Толкуютъ, что Бога нѣтъ,—продолжаетъ она,—но почему же, скажите мнѣ, всѣ знаменитые писатели, ученые, вообще умные люди подъ конецъ жизни вѣруютъ?

— Кто, сударыня, въ молодости не умѣлъ вѣрить,— поправляетъ ее другой персонажъ,—тотъ не увѣруетъ и въ старости, будь онъ хоть распереписатель.

Въ такихъ разсказахъ, какъ «Святою ночью» или «Перекати-Поле», Чеховъ обнаруживаетъ великолѣпное знаніе церковной службы, чувствуетъ прелесть стариннаго церковнаго оборота въ какомъ-нибудь акаѳистѣ. Во всей нашей литературѣ трудно найти другой разсказъ, равный по изумительной религіозно-поэтической нѣжности, по какому-то,—я бы сказалъ святому,— чувству къ пасхальному дню, какъ «Святою ночью», гдѣ монахъ, перевозящій автора на паромѣ, въ пасхальную ночь скорбно вспоминаетъ своего только что умершаго друга, брата Николая, поэта въ душѣ, составителя чудныхъ акаѳистовъ, «пересыпанныхъ цвѣтами, звѣздами и лучами солнца». — «Древо свѣтлоплодовитое.. древо благосѣннолиственное!.. Найдетъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность!.. Кромѣ плавности и велерѣчія, сударь, нужно еще, чтобы каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобъ тутъ и цвѣты были, и молнія, и вѣтеръ, и солнце, и всѣ предметы міра видимаго!..»

Наше богослуженіе, въ частности, пасхальный канонъ, Чеховъ описываетъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ съ изумительной красотою. Ему знакомо умиленіе молитвы, и онъ чудесно передаетъ его въ «Архіереѣ». «Слезы потекли по лицу архіерея. На душѣ было покойно. Все было благополучно, но онъ неподвижно глядѣлъ на лѣвый клиросъ, гдѣ въ вечерней мглѣ нельзя уже было узнать ни одного человѣка, и плакалъ. Слезы заблестѣли у него на лицѣ, на бородѣ. Вотъ вблизи еще кто-то заплакалъ, потомъ дальше кто-то другой, потомъ еще и еще и мало-по-малу церковь наполнилась плачемъ».

Прибавимъ сюда и цитированную выше выписку изъ «Драмы на охотѣ», о томъ настроеніи, какое Чеховъ испытывалъ въ сельской церкви (стр. 178).

Въ сухоописательномъ, почти статистическомъ «Сахалинѣ» онъ вырываетъ моментъ вѣнчанія каторжника и отмѣчаетъ умиленіе и радость женщинъ при возложеніи священникомъ вѣнцовъ на головы каторжныхъ жениха и невѣсты.

— Когда же послѣ вѣнчанія церковь опустѣла и запахло гарью отъ свѣчей, которыя спѣшилъ тушить сторожъ, то стало грустно, — заканчиваетъ онъ, на минуту срываясь со своего «ученаго» тона и становясь знакомымъ намъ художникомъ Чеховымъ.

Какъ можетъ быть только съ вѣрующимъ, одинокая могила вызывала въ Чеховѣ цѣлый рядъ поэтическихъ настроеній, прямо недопустимыхъ въ иррелигіозной душѣ.

— Въ одинокой могилѣ въ степи,—читаете вы,—есть что-то грустное, мечтательное и въ высокой степени поэтическое. Слышно, какъ она молчитъ, и въ этомъ молчаніи чувствуется присутствіе души неизвѣстнаго человѣка, лежащаго подъ крестомъ. Хорошо ли этой душѣ въ степи? Не тоскуетъ ли она въ лунную ночь? А степь возлѣ могилы кажется грустной, унылой и задумчивой,

трава печальнѣй, и кажется, что кузнецы кричатъ сдержаннѣй. И нѣтъ того прохожаго, который не помянулъ бы одинокой души и не оглядывался бы на могилу до тѣхъ поръ, пока она останется далеко позади и не покроется мглою.

— Здѣсь нѣтъ жизни, — написалъ онъ въ другомъ мѣстѣ о кладбищѣ,—нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь, тихую, прекрасную, вѣчную. Отъ плитъ и увядшихъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ осеннимъ запахомъ листьевъ вѣетъ прощеніемъ, печалью и покоемъ.

Чеховъ хотѣлъ вѣры сердцемъ, осуждая ее разсудкомъ, и завидовалъ вѣрующимъ. Въ «Палатѣ № 6» передъ вами одинъ изъ такихъ «вѣрующихъ».

— Какая бы великолѣпная заря ни освѣщала нашу жизнь,— говоритъ докторъ больному мечтателю,—все же, въ концѣ-концовъ, васъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму.

— А безсмертіе?

— Э, полноте!

— Вы не вѣрите, ну, а я вѣрю. У Достоевскаго или у Вольтера кто-то говоритъ, что если бы не было Бога, то его выдумали бы люди. А я глубоко вѣрю, *что если нѣтъ безсмертія, то его рано или поздно изобрѣтетъ великій человѣческій умъ.*

— Хорошо сказано. Это хорошо, что вы вѣруете. *Съ такой вѣрой можно жить припѣваючи даже замуравленному въ стѣнѣ.*

IV

Отзвукомъ размышленій Чехова на темы безсмертія, отсвѣтомъ его думъ надъ евангельскими утвержденіями объ «обитателяхъ многихъ» въ дому Отца, является страничка изъ «Чернаго монаха». Характерно, что и здѣсь мечта безсмертія опять излагается не отъ лица человѣка, мыслящаго холоднымъ и спокойнымъ общимъ мышленіемъ. Ее мотивируетъ здѣсь призракъ чернаго монаха, являющійся переутомленному доценту въ галлюцинаціи.

Черный монахъ называетъ Коврина избранникомъ Божіимъ, служащимъ вѣчной правдѣ.

— Ты сказалъ—вѣчной правдѣ,—переспрашиваетъ магистръ,— но развѣ людямъ доступна и нужна вѣчная правда, если нѣтъ вѣчной жизни?

— Вѣчная жизнь есть,—сказалъ монахъ.

— Ты вѣришь въ безсмертіе людей?

— Да, конечно, васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность. И чѣмъ больше на землѣ такихъ, какъ ты, тѣмъ скорѣе осуществится это будущее. Вы на нѣсколько лѣтъ раньше введете человѣчество въ царство вѣчной правды, и въ этомъ ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословеніе Божіе, которое почило на людяхъ.

— А какая цѣль вѣчной жизни? — спросилъ Ковринъ.

— Какъ и всякой жизни — наслажденіе. Истинное наслажденіе въ познаніи, а вѣчная жизнь представитъ безчисленные и неисчерпаемые источники для познанія, и въ этомъ смыслѣ сказано: „въ дому Отца моего обители многи суть“.

Но какая вещь является въ своемъ родѣ классической въ смыслѣ показанія того противоборства, какое въ душѣ Чехова вели разсудокъ и сердце, это—его разсказъ «Студентъ». Подъ вечеръ холоднаго дня Великой пятницы молодой студентъ духовной академіи проходитъ огородами мимо костра и разсказываетъ двумъ женщинамъ прямо по евангелію исторію отреченія Петра и взятія Спасителя. Старыя женщины плачутъ, и самъ студентъ чувствуетъ себя умиленнымъ въ сумеркахъ дня великихъ воспоминаній. Точно какой толчокъ заставляетъ его мистически задуматься надъ тѣмъ, какъ «все происходившее въ ту страшную ночь съ Петромъ, очевидно, имѣетъ какое-то отношеніе къ этой плачущей старухѣ».

„Если Василиса заплакала, а ея дочь смутилась, то, очевидно то, о чемъ онъ только что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему— къ обѣимъ женщинамъ и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому,

что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра.

„И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ. — Прошлое, — думалъ онъ,—связано съ настоящимъ непрерывною цѣпью событій, вытекавшихъ одно изъ другого. И ему казалось, что онъ только что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой".

И, уходя, онъ думаетъ о томъ, что «правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжаются непрерывно до сего дня и всегда составляютъ главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ». И жизнь кажется «ему восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла».

Знаменательно прибавить, что, по отзыву одного изъ близкихъ Чехова, «Студентъ» былъ любимымъ его разсказомъ.

Мы пересмотрѣли все или почти все, что можно найти на нашу тему въ сочиненіяхъ и біографическомъ матеріалѣ Чехова. Можетъ-быть, кто-нибудь прибавитъ сюда еще пропущенную нечаянно страницу, одно-другое личное воспоминаніе. Но главное уже сказано. Передъ нами шуйца и десница Чехова и, однако, рѣшительный выводъ кажется такимъ же далекимъ, какимъ былъ вначалѣ.

Безспорны, правда, нѣкоторыя основныя положенія. Чеховъ не былъ человѣкомъ, судорожно мучимымъ идеею Бога. Онъ не могъ бы сказать о себѣ, что сказалъ о себѣ Достоевскій словами Кириллова изъ «Бѣсовъ»: *меня Богъ всю жизнь мучилъ*. Температура вѣры, если можно такъ выразиться, не была въ немъ настолько кипучей, чтобы религіозность его прорывалась помимо его воли, вѣяла зноемъ на приближавшихся къ нему.

Но онъ не былъ и индиферентомъ вѣры, ни того менѣе, вѣрующимъ «на всякій случай». Кажется, онъ

съ полнымъ правомъ могъ бы примѣнить къ себѣ слова Верзилова изъ «Подростка»:

«Положимъ, я не очень вѣровалъ, но все же я не могъ не тосковать по идеѣ. Я не могъ представить себѣ временами, какъ будетъ жить человѣкъ безъ Бога и возможно ли это когда-нибудь».

Чего не было никогда въ Чеховѣ — это равнодушія, той теплохладности, какую проклинаетъ Апокалипсисъ. Развѣ не мечту христіанства выражаетъ онъ въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка». «Мнѣ страстно хочется, чтобы жизнь наша была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный». Развѣ не христіанская трактовка зла дана имъ въ такихъ выдержкахъ изъ двухъ позднихъ разсказовъ «Въ оврагѣ» и «По дѣламъ службы»:

«Какъ не велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ съ ночью. Въ жизни даже въ пустынной глуши ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, одну цѣль».

Всю жизнь Чеховъ былъ безспорной жертвой извѣстнаго раздвоенія. Какъ у евангельскаго Наѳанаила, у него были мгновенія и часы священныхъ раздумій подъ смоковницею, но въ эти мгновенья онъ никого не подпускалъ къ себѣ, вообще не считалъ вѣру предметомъ салонныхъ или ресторанныхъ разговоровъ, и, если бы жилъ сейчасъ, мы, конечно, не увидѣли бы его въ рядахъ тѣхъ, кто жонглируетъ святыми словами.

Трезвая мысль водила имъ настолько властно, что мечту безсмертія онъ рѣшался вложить только въ уста благородныхъ безумцевъ, но видно, что это благородное безуміе онъ ставилъ безконечно выше нашего трезваго разсудка, выше земного, «эвклидовскаго» ума.

Какъ во всей жизни онъ мечталъ о несравненномъ изяществѣ, о чудесной красотѣ, такъ изъ своей мечтаемой религіи онъ изгонялъ все грубое, эгоистичное, изгонялъ Бога, запугивающаго людей, изгонялъ ханжество, сентиментализмъ, кокетство «богоискательства», пышныя, лощеныя слова о вѣрѣ, вспыхивающія, какъ ракеты, — всякую вообще «фразу» о вѣрѣ.

Онъ думалъ о Богѣ, чувствовалъ, что толстовское пониманіе евангелія ему ближе всего. Изъ Наѳанаиловъ часто выходятъ Никодимы, приходящіе ко Христу ночью. Такой поворотъ какъ бы намѣчался въ Чеховѣ послѣднихъ лѣтъ, но положительно говорить объ этомъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Одно правдоподобно, что, если бы его интимно и глубоко-серьезно спросили, зачѣмъ же онъ такъ часто поминаетъ Христа и такъ принимаетъ все Его нравственное ученіе, не принимая Его Самаго,—онъ отвѣтилъ бы такъ же, какъ зоологъ фонъ-Коренъ: «Нѣтъ, я вѣрую, только не по-вашему, а по-своему».

Такъ прошелъ по землѣ этотъ человѣкъ, соединяя съ страстною тоской по вѣрѣ, съ которой «можно жить припѣваючи и замуравленнымъ въ стѣнѣ», съ мучительной жаждой безсмертія, холодный подсказъ ума, что мечтать безплодно, что ночь ничуть не страшнѣе дня, что по смерти изъ всѣхъ безъ разбора выраститъ только лопухъ. Поэтически-нѣжно, онъ могъ умилиться страницей евангелія, но холодный разсудокъ медика говорилъ ему, что чудесъ не бываетъ, и въ этомъ вѣчномъ противоборствѣ ума и чувства онъ былъ плотью отъ плоти своего поколѣнія.

ОБИДА НЕПОНИМАНІЯ.

(25 ЛѢТЪ КРИТИКИ).

«Нѣсколько остротъ не искупаютъ не проходимопустого словотолченія».—«Избитость эпистолярной формы не искупается новизною или юморомъ содержанія».. «Не расцвѣвъ (не расцвѣтши?), увядаете».

Таковы были первыя благословенія, какія встрѣтилъ 19-лѣтній Чеховъ. Олимпійцемъ-арбитромъ, съ высоты величія изрекавшимъ такіе приговоры писателю, которому впослѣдствіи суждено было стать любимѣйшимъ въ Россіи и переведеннымъ на всѣ европейскіе языки, былъ редакторъ или секретарь «Стрекозы». Хорошо, что Чеховъ не повѣрилъ ему и не сложилъ своего пера. Потомъ всю жизнь ему приходилось стоять приблизительно въ той же позиціи въ отношеніи критики. Съ такимъ же вкусомъ и тактомъ строгіе цѣнители и судьи казнили чудеснаго русскаго лирика. «Людей свободныхъ профессій ругаютъ чаще, чѣмъ мошенниковъ», уронилъ онъ въ «Дуэли» и нервно развивалъ дальше свою мысль [1]). Удивляться ли, что о критикѣ Чеховъ оставилъ цѣлый рядъ самыхъ язвительныхъ афоризмовъ.

„Критики похожи на слѣпней, которые мѣшаютъ лошади пахать землю. Лошадь работаетъ, всѣ мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... а тутъ на крупъ садится слѣпень и ще-

---

[1]) СС, VIII, 59.

хочетъ и жужжитъ! Нужно встряхивать кожей и махать хвостомъ... О чемъ это онъ жужжитъ? Едва ли ему понятно это... Просто, характеръ у него безпокойный, и заявить о себѣ хочетъ,—„молъ, тоже на свѣтѣ живу... Вотъ видите, могу даже жужжать... обо всемъ могу жужжать...“ Я двадцать пять лѣтъ читаю критики на мои разсказы, и *ни одного цѣннаго указанія не помню*, ни одного добраго совѣта не слышалъ. Только однажды Скабичевскій произвелъ на меня впечатлѣніе: онъ написалъ, что я умру въ пьяномъ видѣ подъ заборомъ“.

Нигдѣ въ самомъ дѣлѣ въ письмахъ Чехова, межъ сердитыхъ выпадовъ по адресу мудрствующихъ «алхимиковъ» слова [1]), не прозвучала не только благодарность, даже просто ласковость, уваженіе въ отношеніи ихъ, хотя бы Михайловскаго. Мы знаемъ, что личныя сношенія съ нимъ не укрѣпились и не перешли въ близость. Даже болѣе или менѣе серьезныя попытки критическаго анализа надъ собою Чеховъ принималъ иронически. Коллегѣ по медицинѣ онъ однажды уронилъ по прочтеніи какой-то статьи того же Михайловскаго: «Вотъ, батенька, мы съ вами и не знали, а я ужъ въ третьемъ періодѣ. То совсѣмъ не было періодовъ, а теперь вотъ три» [2]).

Надо смахнуть на минуту пыль со старинныхъ газетныхъ фоліантовъ и съ журнальныхъ томовъ, чтобы увидѣть, насколько заслуженно было такое неуваженіе Чехова къ критикѣ.

Не вѣрится, что *Михайловскій*, а между тѣмъ не кто иной, какъ онъ написалъ: «*Не знаю зрѣлища печальнѣе, чѣмъ этотъ даромъ пропадающій талантъ*... Связь (между писателемъ и читателемъ) существуетъ даже для г. Лейкина, а для г. Чехова ея нѣтъ. ...Онъ пописываетъ, а читатель его почитываетъ. Г. Чеховъ и самъ не

---

[1]) См. «Хорошіе люди».

[2]) Альтшулеръ, «Русск. Вѣд.», 1914, № 151.

живетъ въ своихъ произведеніяхъ, а такъ себѣ *гуляетъ мимо жизни* и, гуляючи, ухватитъ то одно, то другое... Разсказъ «Почта». *Зачѣмъ онъ мнѣ?*.. Отъ «Почты» никому, рѣшительно никому, ни тепла, ни радости... Г. Чеховъ *съ холодною кровью пописываетъ*, а читатель съ холодною кровью почитываетъ... Въ «Степи» самая талантливость является уже источникомъ непріятнаго (!) утомленія: идешь по этой степи, и, кажется, конца ей нѣтъ... Въ «Ивановѣ», комедіи, не имѣвшей, *къ счастью* (?), успѣха и на сценѣ, г. Чеховъ явился пропагандистомъ двухъ дѣтскихъ тезисовъ и т. д... Что попадется на глаза, то онъ и изобразитъ съ одинаково холодною кровью...»

И эти строки Михайловскій писалъ уже послѣ «Хмурыхъ людей», т.-е. послѣ 1890 г., когда Чеховъ былъ авторомъ не только «Пестрыхъ разсказовъ» и «Невинныхъ рѣчей», но и «Разсказовъ» и «Въ сумеркахъ»! Это былъ ужъ не Чеховъ «Будильника». Правда, критикъ хвалилъ «Степь», но какой это былъ тонъ! И почему «къ счастью» «Ивановъ» не имѣлъ успѣха?

Послѣ «Палаты № 6», въ 1892 году, Михайловскій говорилъ уже о «большомъ талантѣ» Чехова, но — мы видѣли [1])—повторялъ свою пѣсню объ его «безразличіи и безучастіи».

Еще во второмъ изданіи «Исторіи новѣйшей русской литературы» (1893 г.) для Скабичевскаго Чеховъ былъ авторомъ разсказовъ, отличающихся «калейдоскопичностью и отсутствіемъ идейнаго содержанія».

„Это не цѣльныя произведенія, а рядъ безсвязныхъ очерковъ, нанизанныхъ на живую нитку (!) фабулы разсказа". Въ нихъ „отсутствіе объединяющаго идейнаго начала". „Авторъ весь отдается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, спѣша поскорѣе выразить ихъ въ

---

[1]) См. 391.

нѣсколькихъ стахъ газетныхъ строчекъ. Вслѣдствіе этого рядомъ съ потрясающей драмой вы встрѣчаете у него рядъ анекдотовъ водевильнаго характера, написанныхъ для того лишь (!), чтобы посмѣшить читателей газеты".

И ужъ хорошо, что критикъ признавалъ хотя бы «при всей фельетонной скороспѣлости сильный талантъ» Чехова [1]).

Преимущество *Буренина* передъ другими только въ томъ, что, привѣтливо встрѣтивъ Чехова, онъ дѣлалъ его предметомъ своего глумленія, когда уже всѣмъ было ясно, какой большой и нѣжный талантъ пришелъ въ литературу. По поводу «Трехъ сестеръ» онъ писалъ о «ловкой рекламѣ», создающей успѣхъ посредственнымъ произведеніямъ. Успѣхъ пьесъ Чехова объяснялся здѣсь мастерствомъ газетной клаки: послѣ удачно брошенной рекламы слѣдуютъ-де еще болѣе удачныя сообщенія о передѣлкахъ, переименованіяхъ пьесы и т. д.

„Потомъ телеграммы: „написалъ 1-е дѣйствіе", „набросалъ половину второго", „три четверти 3-го дѣйствія окончены", „еще не дано заглавія пьесѣ", „заглавіе пьесы „Три синицы", „нѣтъ, заглавіе пьесы не „Три синицы", а „Три тетки"... „Нѣтъ, не „Три тетки", а „Пять сестеръ", „просто „Сестры", „Двѣ сестры", наконецъ,—„Три сестры"... Но вотъ что, однако,—„Три сестры" вѣдь только въ театрѣ Станиславскаго (?) и имѣли шумный и, коли хочешь, глупый успѣхъ... Успѣхъ этотъ — знаменіе рекламы и только... „Чеховъ въ нѣкоторой части (sic) теперешней журнальной критики втаскивается довольно усиленно на пьедесталы такой непомѣрной высоты, на которыхъ его, во всякомъ случаѣ, средней величины литературный образъ можетъ представиться, пожалуй, и совсѣмъ маленькимъ... Онъ является драматургомъ не только слабымъ, но почти курьезнымъ, въ достаточной мѣрѣ пустымъ, вялымъ, однообразнымъ... Его драмы — упражненія въ книжно-выдуманныхъ, иногда прямо глупыхъ и почти всегда безсодержательныхъ разговорахъ"...

---

[1]) Не лишена интереса попытка Скабичевскаго реабилитировать себя уже послѣ смерти Чехова въ «Русск. Мысли», 1905, VI, 30 и д.

Когда «Три сестры» появились въ журналѣ, Буренинъ напечаталъ пародію «Девять сестеръ и ни одного жениха или вотъ такъ Бедламъ въ Чухломѣ» [1]), пряное и площадное остроуміе которой можно почувствовать изъ такихъ деталей. Среди дѣйствующихъ лицъ значатся сестры Мура, Дура, Ахинея, Кретина и Ерунда, Дрессированная ворона и т. д., за сценой проходятъ идіоты, кого-то тошнитъ, проѣзжаютъ бочки общества городской ассенизаціи. Скучающія сестры «бросаются къ тряпкѣ, лежащей у суфлерской будки, и начинаютъ ее сосать», а послѣдній, полный щемящей тоски монологъ обратился подъ гаерскимъ перомъ въ такую издѣвку.

Ахинея (вдохновенно). Нѣтъ, милыя сестры, нѣтъ, пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ. Забудутъ наши лица и голоса и растрепанныя прически и капоты, и что мы сосали тряпку. Но страданія наши перейдутъ тогда въ радость для тѣхъ кто будетъ жить послѣ насъ, и на землѣ настанетъ миръ и благоволеніе и помянутъ добрымъ словомъ, милыя сестры, и благословятъ тѣхъ, кто сосалъ въ наши дни тряпку и говорилъ и дѣлалъ только однѣ глупости и въ жизни, и на сценѣ... О, милыя сестры, жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить! Будемъ сосать тряпку! И быть можетъ еще немного и мы узнаемъ, зачѣмъ мы это должны дѣлать, зачѣмъ должны быть такими глупыми въ чухломскихъ разсказахъ, повѣстяхъ и драмахъ! О, если бы это узнать, если бы узнать, сестры? О!

(Снова припадаютъ къ тряпкѣ. За сценой визжитъ поросенокъ; играютъ на гармоникѣ „Барыню"; пьяный мужикъ поетъ: „Заведу себѣ матаню"; шарманка выводитъ „Подъ вечеръ осени ненастной"; мычитъ корова; пролетаютъ галки...)

Въ томъ же году, когда въ «Сѣв. Цвѣтахъ» появился жуткій разсказъ уже неисцѣльно больного Чехова «Ночью» (о патерѣ, продающемъ новобрачную), Буренинъ анализировалъ этотъ «достаточно плохой и разсчитанный на дурные читательскіе инстинкты» (!) разсказъ и заключалъ пересказъ такимъ поруганіемъ писателя.

---

1) „Нов. Вр.", 1901 г., № 8999.

„Очень пикантный анекдотецъ, что и говорить! Самъ Мопассанъ, кажется, спасовалъ бы предъ такимъ циническимъ фактомъ, но г. Чеховъ идетъ еще дальше Мопассана: „Знай-де нашихъ, мы россіяне! Мы какъ начнемъ оплевывать человѣческую природу, такъ ужъ такъ оплюемъ, что мое почтенье-съ. И куда плевокъ ни попалъ,—намъ все равно. При томъ же и пора вѣдь г. Чехову надъ Мопассаномъ превознестись: великій онъ у насъ теперь писатель, „глава“ [1]).

Узко партійный и всегда раздражительный *А. П. Богдановичъ* именовалъ Чехова талантомъ мертвой полосы и подыгрывалъ Михайловскому:

„Онъ напоминаетъ близорукаго художника, который не можетъ охватить всей картины, и потому центра въ ней нѣтъ, перспектива не вѣрна, и въ общемъ его большія произведенія страдаютъ однообразіемъ... Картинки не слагаются въ одно стройное цѣлое которое художникъ осмыслилъ бы идеей, обобщилъ, представилъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія“...

Зато «Человѣка въ футлярѣ», по поводу котораго можно было поговорить о русскомъ подпольѣ, А. Б. считалъ чуть не лучшимъ чеховскимъ разсказомъ.

К. Медвѣдскій по поводу того же разсказа писалъ:

„Разсказъ безсодержателенъ, плохъ... Въ немъ съ чрезвычайною ясностью раскрываются недостатки писателя, умѣющаго воспроизводить лишь внѣшнія стороны житейскихъ явленій... Развѣ можно анекдоты называть серьезными произведеніями

---

[1]) «Нов. Вр.», 1901, 27 апр., № 9037. Лично поддаваясь впечатлѣніямъ сердитой критики, Чеховъ умѣлъ вооружаться благоразуміемъ въ этомъ отношеніи, когда рѣчь шла о другихъ. Щеглова онъ утѣшалъ: «вы пишете, что Буренинъ дѣйствуетъ на васъ угнетающе. Пусть такъ, но ради Создателя не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте передъ великимъ критикомъ. Что бы онъ ни мололъ авторитетно о безполезности нашего брата, о пишущихъ ради куска хлѣба, онъ никогда не будетъ правъ. Вопросъ же о томъ, кто на землѣ полезенъ и безполезенъ, не Буренину рѣшать и не намъ. Не расходуйте вашихъ нервовъ и душевной энергіи на чертъ знаетъ что» (1889).

искусства?.. Заниматься долѣе г. Чеховымъ, право, неинтересно. Напишетъ онъ чуточку получше, напишетъ чуточку послабѣе,— не все ли равно? Главное — писатель опредѣлился. Мы знаемъ, чего отъ него ждать. Мы не увлекаемся несбыточными надеждами"...

К. Арсеньевъ, первый обратившій вниманіе на многообѣщающій талантъ, дѣлалъ жестокія оговорки о томъ, что большая часть (разсказовъ первой фазы) могла бы остаться похороненной въ летучихъ газетныхъ листкахъ. безъ всякой потери для русской литературы и самаго автора. «Авторъ, очевидно, усиливался быть патетичнымъ, но результатомъ его усилій явилось только нѣчто въ родѣ пародіи»...

Выше мы видѣли уже, какъ профессоръ *Сумцовъ* возмущался «Скучной исторіей», находя ея героя, профессора, «деревянной, или, точнѣе, тряпичной куклой съ наклееннымъ на лбу ярлыкомъ ума»...

Оболенскій отрицалъ «Иванова».

„Вы видите, какъ слабо, недодѣлано, непродумано произведеніе Ч... Сотни ошибокъ, сотни отступленій отъ естественности, простоты и правды... Пьеса имѣла успѣхъ, но немало, кажется, помогли Ч. въ Петербургѣ нѣкоторыя вліятельныя газеты, въ которыхъ онъ работалъ и имѣлъ преданныхъ друзей и хвалителей (!)... Мы боимся, что въ (узкой точкѣ зрѣнія) лежитъ безплодность всѣхъ крупныхъ попытокъ Ч., что эта безплодность станетъ хронической, а изъ его таланта родится пустоцвѣтъ".

Перцовъ писалъ:

«Если писатель самъ не знаетъ, «лѣвая, правая гдѣ сторона», что̀ бѣло и что̀ черно, то это отсутствіе пониманія смысла явленій отразится и на произведеніяхъ».

Критикъ «Вѣстника Европы» даже въ 1904 г. находилъ, что «юморъ и остроуміе не подъ силу таланта г. Ч.». Онъ могъ бы «привести сотню примѣровъ, насколько его стремленіе быть остроумнымъ оказывалось *безсиль-*

ной и жалкой претензіей». «Техника владѣетъ еще писателемъ больше, чѣмъ писатель ею» [1]).

За два года до смерти А. П. нѣкій *Качерецъ* издалъ цѣлую книжонку, развѣнчивающую писателя.

„Добрая половина „Пестрыхъ разсказовъ" такова, что прямо руками разводишь, — какая это, извините за выраженіе, чушь и при томъ тяжелая, лишенная всякаго проблеска таланта чушь... За 20 лѣтъ дѣятельности не дать ни одного сколько-нибудь крупнаго по замыслу произведенія!.. Талантъ его узокъ, ограниченъ... Пусть онъ присмотрится поближе къ людямъ и къ жизни, пусть онъ подумаетъ"...

Это сотая доля того, что̀ выслушивалъ Чеховъ! Было отъ чего прійти въ уныніе! А какъ онъ долженъ былъ бы растеряться, если бы на одинъ день попробовалъ послѣдовать указкамъ.

Оболенскій предписывалъ ему выводить въ пьесахъ «положительныхъ земцевъ», «основателей воскресной школы», или просто «идеальныхъ дѣятелей» для противовѣса. *Шулятиковъ* хотѣлъ бы, чтобы онъ рисовалъ борьбу пролетарія за свободу. «Онъ прошелъ мимо общественнаго и экономическаго строя современной Россіи». *Струве*, какъ и десятки другихъ, каралъ его за «безотрадный пессимизмъ». *Ивановъ* казнилъ его за всегдашнее его «весьма завидное состояніе духа».

„Для такихъ писателей нашъ міръ—міръ красоты и молодости, наслажденій и пріятнаго отдыха!.. Ихъ окружаетъ какъ будто чарующая музыка тѣхъ семи небесныхъ сферъ, о которыхъ грезилъ древній философъ. Развѣ можно быть несчастнымъ въ волнахъ этой музыки? Солнце восходитъ ежедневно, цвѣты расцвѣтаютъ ежегодно, всякій бываетъ молодъ хоть разъ въ жизни. Любуйтесь солнцемъ, рвите цвѣты и пользуйтесь молодостью..." [2])

---

[1]) «В. Евр.», 1904, I.

[2]) КХП, 826.

Совершенно наоборотъ французъ *Вогюэ* называлъ его «безотраднымъ учителемъ, убаюкивающимъ общественныя массы».

Для однихъ онъ писалъ «съ холодною кровью».—другихъ заливалъ «ласковымъ свѣтомъ» *(Булгаковъ)* и казался страстно любящимъ людей *(Гиппіусъ)*. Онъ былъ «сатирикомъ эпохи мѣщанства» для *Овсянико-Куликовскаго*, давшаго весьма цѣнную работу уясненія чеховской роли въ исторіи русской интеллигенціи [1]), и *Иванова-Разумника* и «совсѣмъ не сатирикомъ» для *В. Альбова*.

Даже смерть Чехова не положила конца «обидѣ непониманія». Изъ стихотвореній его памяти неожиданно выяснилось, что Чеховъ погибъ за свободу своей родины, а какой вѣнокъ возложилъ на его могилу Бергъ, мы видѣли раньше: «Какимъ характернымъ признакомъ давленія гипноза уличныхъ газетъ является бѣснованіе у гроба Чехова! Теперь посредствомъ еврейской и либеральной «прессы» можно раздуть что̀ угодно... Авторъ *самыхъ среднихъ способностей* возвеличенъ, какъ геній», и т. д. (См. стр. 529).

Единственно этой послѣдней хулы, сопровождавшей его траурную колесницу, многострадальный писатель уже не слышалъ.

---

[1]) См. IX томъ его сочиненій, „Исторія русск. интеллигенціи“, 45—128.

ЗЕМЛѢ ЗЕМНОЕ.

(ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО).

Въ міровой литературѣ есть не одна утопія о физическомъ безсмертіи, о царствѣ Божіемъ на землѣ, не о томъ, о которомъ мечтаютъ богословы и какого вѣрующіе ждутъ «во гласѣ архангела», а о простомъ, реальномъ земномъ царствѣ, о естественномъ, физическомъ долголѣтіи-безсмертіи, какое, можетъ-быть, нѣкогда добудутъ себѣ люди.

Если кто страстно мечталъ объ этомъ царствѣ, это—Чеховъ. Широкій, прекрасный, вольно берущій всѣ впечатлѣнія бытія, это онъ поправилъ Толстого, что три аршина земли нужны человѣку мертвому,—живому нуженъ весь міръ. Но въ своей постоянной грезѣ о какой-то необыкновенной жизни, о какомъ-то грядущемъ царствѣ, онъ, вѣроятно, часто останавливался на подсказахъ точной науки. Кто другой такъ восторженно любилъ землю, здороваго человѣка, здоровыя чувства, съ такимъ легкимъ сердцемъ отбрасывалъ въ сторону, какъ ненужное, всякую мистику, міровыя тайны и міровыя скорби!

«Жизнь за гробомъ для меня что-то застывшее, холодное, нѣмое», написалъ онъ, какъ мы видѣли, Меньшикову. Чѣмъ меньше вѣры, тѣмъ меньше разочарованій. «Блаженъ, кто не вѣритъ и раньше не вѣровалъ»,

вырвался у него однажды афоризмъ (II, IV, 257). Въ немъ въ самомъ дѣлѣ было нѣчто языческое, въ смыслѣ радостнаго воспріятія міра, безъ оглядокъ въ таинственную тьму прошлаго, безъ страстнаго томленія найти «прорывъ въ вѣчность». Такъ и въ жизни для него природа была выше исторіи. Противопоставленіе его энтузіасту Мережковскому въ Римѣ (373) всего лучше рисуетъ его сдержанность, какъ бы даже предвзятое желаніе понизить температуру восторженнаго собрата, вернуть его съ облаковъ на землю не только языкомъ прозы, но и почти цинической деталью. «Я (Мережковскій) восторженно говорилъ съ нимъ объ Италіи. Онъ шелъ рядомъ, высокій, чуть горбясь, какъ всегда, и тихонько усмѣхался. Онъ тоже въ первый разъ былъ въ Италіи. Венеція тоже была для него первымъ итальянскимъ городомъ, но никакой восторженности въ немъ не замѣчалось. Меня это даже немного обидѣло. Онъ занимался мелочами неожиданными, и, какъ мнѣ тогда казалось, совершенно нелюбопытными. Гидъ, съ особенной лысой головой, голосъ продавщицы фіалокъ на площади св. Марка, непрерывные звонки на итальянскихъ станціяхъ... А вечеромъ, когда мы всѣ шли по луннымъ уличкамъ Венеціи въ гостиницу Бауеръ пить чай, и попадались тамъ простоволосыя дѣвицы, стукающія деревянными подошвами, Чеховъ мнѣ разсказывалъ: «Хотѣлось узнать, какая тутъ у нихъ последняя цѣна. Ко многимъ подходилъ, спрашивалъ: «quanto?» Больше все «dieci». Ну, а потомъ, оказывается, есть и «cinque». Вѣдь это около двухъ рублей»[1]). Суворинъ, годившійся ему почти въ отцы, иногда казался моложе его. «Странно,—продолжаетъ Мережковскій, — никогда Чеховъ не казался мнѣ моло-

[1]) Мережковскій, «Братъ человѣческій», 1910, «Р. Сл.».

дымъ; и въ Венеціи, и въ послѣдующіе годы нашихъ встрѣчъ—онъ былъ одного и того же возраста, неопредѣленнаго, средняго. Онъ, я думаю, не могъ старѣть. Конечно, для многихъ объясненіемъ служитъ его болѣзнь, но не случайна же она! Не случайно и не даромъ врѣзана она въ его образъ: это—часть его души, не только тѣла. Всегда чуть-чуть опущенный, словно подкошенный, съ блѣдными глазами и блѣдной бородкой, съ русскимъ лицомъ интеллигента изъ поповичей, умный, мѣткій, хитрый и безсознательный, нѣжный до зябкости и скромный до скрытности, далекій въ безвольныхъ мечтахъ своихъ, прикрытыхъ постоянной усмѣшкой,—таковъ былъ Чеховъ, сегодняшній сынъ сегодняшней Россіи. Онъ былъ именно воплощеніемъ современности, того мига, когда забыто прошлое, а будущее—только въ мечтахъ, которыя все равно не сбудутся на нашемъ вѣку»[1]).

Отъ природы позитивный умъ, по образованію медикъ, при всѣхъ особенностяхъ своего образнаго мышленія, Чеховъ просто не могъ себѣ представить иной жизни и иной прелести жизни внѣ существующей земной красоты. «Звуковъ небесъ», какіе подслушалъ Лермонтовъ и которые съ той первой минуты звенѣли въ немъ и не могли забыться,—Чеховъ не слышалъ и не лгалъ, что слышитъ. Зато жизнь гремѣла для него головокружительно - могучей симфоніей солнца, свѣта, красокъ, звуковъ и ароматовъ. Онъ предпочелъ бы быть, какъ герой Горькаго, маленькимъ, плохенькимъ комарикомъ на землѣ, чѣмъ Патрокломъ въ царствѣ тѣней.

Среди писателей реальнаго, земного, языческаго склада Чеховъ одинъ изъ самыхъ реальныхъ и земныхъ. Каждая

---

[1]) Ibid

букашка на этой землѣ его умиляла, какъ Егорушку изъ «Степи». Самыя жуткія впечатлѣнія разсасывались предъ лицомъ природы, какъ будто ихъ не бывало. «Изъ сумасшедшаго дома я возвращался поздно вечеромъ на своей тройкѣ. Двѣ трети дороги пришлось ѣхать лѣсомъ подъ луной, и самочувствіе у меня было удивительное, какого давно уже не было, точно я возвращался со свиданія. Я думаю, что близость къ природѣ и праздность составляютъ необходимые элементы счастія; безъ нихъ оно невозможно» (Суворину).

Исключительно въ приложеніи къ природѣ Чеховъ не считалъ фальшивою никакую повышенность рѣчи и безъ усмѣшки писалъ, что «въ лѣсу чувствуется присутствіе божества» (Суворину, 1892). Даже грѣхъ, если онъ былъ прекрасенъ, Чеховъ и прощалъ, и идеализировалъ. Почти не разбираясь въ этомъ, какъ моралистъ, и не отдавая себѣ отчета, онъ готовъ былъ признать, что неправда выше правды, если первая красива, а вторая безобразна. Засасывающій грѣхъ онъ умѣлъ живописать въ заражающей обаятельности («Тина»). Молодое и прекрасное женское начало онъ радостно бросалъ въ такія же объятія молодости, не боясь, что вѣковая человѣческая мораль, конечно, осуждаетъ жену за измѣну старому мужу («Вѣдьма»). Онъ терпѣть не могъ ходячихъ добродѣтелей и «идей на человѣческихъ ногахъ» и вышучивалъ ихъ такъ, что либеральные критики становились въ позу чистаго недоумѣнія. (Львовъ въ «Ивановѣ»).

«Такъ называемая дѣтская чистая жизненная радость,—написалъ онъ въ своей записной книжкѣ,—есть животная радость», и эту радость онъ спокойно, смѣло и вслухъ считалъ высшимъ идеаломъ жизни. Какъ ни вчитывался въ него Михайловскій, не могъ понять, гдѣ его Богъ, какіе его идеалы. Тотъ былъ совсѣмъ другого

поколѣнія, совсѣмъ другого литературнаго воспитанія Въ прошломъ онъ зналъ образы литературнаго мученичества, какъ Гоголь, Чернышевскій, Достоевскій. Еще глубже ему рисовались Байроны, Шиллеры.

Михайловскій примѣнялъ къ Чехову названіе его же собственнаго разсказа «Холодная кровь»,—того, гдѣ гуртовщики гонятъ скотъ, и несчастныя животныя изнываютъ въ жаждѣ (см. 563). Ему хотѣлось бы, чтобы Чеховъ былъ мученикомъ, какъ Радищевъ, трибуномъ, какъ Герценъ, пророкомъ, какъ Гоголь. Чеховъ былъ — Чеховъ, сынъ солнца, свободный трубадуръ, свѣтлый любовникъ земли.

Когда онъ умеръ, и огромные размѣры таланта покорили ему всѣ сердца, теоретики искусства поспѣшили найти у него и идеи, и идеалы, и Бога. Писатель, вообще богатый мыслями, даетъ превосходный матеріалъ для такой словесной эквилибристики. Но все-таки старикъ Толстой остался гораздо болѣе правъ, чѣмъ безчисленные истолкователи Чехова, сказавъ ему:

— Авторъ долженъ вести читателя за собой, куда онъ хочетъ, и не позволять оглядываться по сторонамъ. Онъ долженъ вести его за своимъ героемъ впередъ и впередъ. А куда я пойду за вашимъ героемъ? Съ дивана до... и обратно, потому что ему и ходить-то больше некуда. Куда какъ интересно!

И Толстой смѣялся, и смѣялся Чеховъ. И говорилъ П. П. Гнѣдичу:

— Пишешь пьесу, уводишь со сцены героя и сейчасъ Левъ Николаевичъ вспомнится. «Куда онъ пошелъ?»—Сидишь одинъ, и зло разбираетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это отсутствіе огня въ творчествѣ, лавы въ сердцѣ своемъ и своихъ собратій Чеховъ учитывалъ, какъ крупный органическій недостатокъ свой и своего поколѣнія. Свои писанія онъ разъ назвалъ «слад-

кимъ лимонадомъ» и скорбѣлъ объ отсутствіи «спирта» въ книгахъ и современниковъ. «Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза. Мы, пожалуй, красивыя птицы и поемъ хорошо, но мы не орлы» (Щеглову, 1888).

„Скажите по совѣсти,— спрашивалъ онъ Суворина, — кто изъ моихъ сверстниковъ, т.-е. людей въ возрастѣ 30—45 лѣтъ, далъ міру хоть одну каплю алкоголя? Развѣ Короленко, Надсонъ, и всѣ нынѣшніе драматурги не лимонадъ? Развѣ картины Рѣпина или Шишкина кружили вамъ голову? Мило, талантливо, вы восхищаетесь и въ то же время никакъ не можете забыть, что вамъ хочется курить. Наука и техника переживаютъ теперь великое время; для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны... умѣемъ рождать только гуттаперчевыхъ мальчиковъ, и не видитъ этого только Стасовъ, которому природа дала рѣдкую способность пьянѣть даже отъ помоевъ. Причины тутъ не въ глупости нашей, не въ бездарности и не въ наглости, какъ думаетъ Буренинъ, *а въ болѣзни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощенія.* У насъ „нѣтъ чего-то", это справедливо... Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они *куда-то идутъ и васъ зовутъ* туда же, и вы чувствуете, что у нихъ есть какая-то цѣль, какъ у тѣни отца Гамлета, которая не даромъ приходила и тревожила воображеніе. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія—крѣпостное право, освобожденіе родины, политика, красота или просто водка, какъ у Дениса Давыдова, у другихъ цѣли отдаленныя — Богъ, загробная жизнь, счастье человѣчества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такою, какъ она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ, сознаніемъ цѣли. А мы? Мы пишемъ жизнь такою, какая она есть, а дальше—ни тпру, ни ну... Дальше хоть плетями насъ стегайте. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей, и *въ нашей душѣ хоть шаромъ покати.* Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ, привидѣній не боимся, а я лично даже смерти и слѣпоты не боюсь. Кто ничего не хочетъ, ни на что не надѣется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ".

«Для литературы,—признавался онъ въ другой разъ,— во мнѣ не хватаетъ страсти и, стало-быть, таланта. Во

мнѣ огонь горитъ ровно и вяло, безъ вспышекъ и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написалъ бы сразу листа три-четыре, или, увлекшись работою, помѣшалъ бы себѣ лечь въ постель, когда хочется спать; не совершаю я поэтому ни выдающихся глупостей, ни замѣтныхъ умностей. Я боюсь, что въ этомъ отношеніи я очень похожъ на Гончарова, котораго я не люблю и который выше меня талантомъ на 10 головъ. *Страсти мало;* прибавьте къ этому и такого рода психопатію: ни съ того, ни съ сего, вотъ уже два года, я разлюбилъ видѣть свои произведенія въ печати и т. д.».

Чеховъ былъ сынъ своего времени. Еще отцы этого поколѣнія растерялись на перепутьи, позабыли, гдѣ красный уголъ, — куда итти, на кого молиться. Уже отцы разучились дѣлать дѣло и въ лучшемъ случаѣ пробавлялись фразами, разговорами, паѳосомъ говоруновъ.

Чуждый всякаго шарлатанства, Чеховъ рѣшительно, съ отвращеніемъ и конфузомъ, отстранялъ отъ себя всякую роль учительства. Тысячи разъ онъ заявлялъ, что въ безтолочи жизни самъ понимаетъ рѣшительно столько же, сколько и тѣ растерявшіеся, что къ нему идутъ. Нельзя было болѣе сконфузить его, какъ прійти къ нему на изліяніе, на исповѣдь, «какъ къ старцу», какъ приходили къ Достоевскому, Толстому, Лѣскову.

Если Толстой ненавидѣлъ «фразу», то Чеховъ вдвойнѣ. Если у Толстого это было дѣломъ высоко воспитанной совѣсти, то у Чехова—чѣмъ-то просто органическимъ. Если первый не допускалъ ее,—второй не выносилъ, не принималъ, какъ нѣкоторыя натуры органически не принимаютъ и выбрасываютъ алкоголь. Фальшь фразы онъ чувствовалъ съ отвращеніемъ, и оттого испытывалъ только скуку и нелѣпость положенія, когда на какомъ-нибудь обѣдѣ въ «Континенталѣ» слышалъ подъ

хлопанье пробокъ дорогого шампанскаго рѣчи на тему о народѣ,—«въ то время когда кругомъ стола снуютъ рабы во фракахъ, тѣ же крѣпостные, и на улицѣ, на морозѣ ждутъ кучера» (II, V, 493).

Были слова, свободно обращающіяся въ обиходѣ обыкновенныхъ людей, которыхъ Чеховъ рѣшительно не могъ произнести. «Выкиньте слова «идеалъ» и «порывъ», — ну, ихъ!» поучалъ онъ Л. Авилову (1892). «Поэтъ — это тотъ, кто говоритъ: «серебристая даль», «аккордъ», иронически сказалъ онъ Бунину, когда тотъ назвалъ его поэтомъ [1]). И люди, спокойно произносящіе эти слова въ затрапезной жизни, внушали ему только юмористическія намѣренія. «Я хочу вывести въ пьесѣ господина, который постоянно ссылается на Гейне и Людвига Берне. Женщинамъ, которыя его любятъ, онъ говоритъ, какъ Инсаровъ въ «Наканунѣ»: «Такъ здравствуй, жена моя передъ Богомъ и людьми!» Оставаясь на сценѣ solo или съ женщиной, онъ ломается, корчитъ изъ себя Лассаля, будущаго президента республики; около же мужчинъ онъ молчитъ съ таинственнымъ видомъ» (Суворину, 1894).

Антипатія ко всякой сентиментальности отличала его съ самаго дѣтства. Еще 15-лѣтній онъ признавался въ письмѣ къ брату Михаилу, что, прочитавъ (лѣтъ въ 13—14!) знаменитый романъ Бичеръ-Стоу, онъ «почувствовалъ непріятное ощущеніе, которое чувствуютъ смертные, наѣвшись не въ мѣру изюму или коринки». Наоборотъ, трезвый и умный Дарвинъ приводилъ его въ восторгъ [2]). Онъ былъ мученикомъ, когда ему нужно было исполнить работу, требующую какъ будто иного, болѣе повышеннаго стиля, чѣмъ тотъ, къ какому онъ

[1]) Сборн. Брендера, 24.
[2]) П. Билибину, 1886.

привыкъ. Мы видѣли, какъ онъ боялся напыщенности и фальшиваго тона, когда писалъ «Сахалинъ». Въ другой разъ онъ взялъ на себя написать статью по поводу голода и ничего не могъ съ нею сдѣлать. «Принимался я писать двадцать разъ, но выходило такъ фальшиво, что я всякій разъ бросалъ. Въ статьѣ я не лгалъ, но былъ какой-то фальшивый натянутый тонъ, какого я не выношу ни въ своихъ, ни въ чужихъ статьяхъ» [1]). Едва двадцатишестилѣтній, послѣ первыхъ успѣховъ, онъ былъ настолько трезвъ, что сквозь дымокъ ѳиміама учуялъ «психопатію» въ такомъ естественномъ и понятномъ желаніи дамъ съ нимъ познакомиться (см. 265).

И если въ очень раннихъ разсказахъ («Цвѣты запоздалые») онъ отдалъ свою долю чувствительностии и романтикѣ, позднѣе онъ презрѣлъ это и отбросилъ, какъ слабость молодости, и въ писательствѣ, и въ личномъ обращеніи. Его рѣчь почти всегда вращалась вокругъ предметовъ обихода. Онъ рѣдко велъ принципіальные разговоры и явно избѣгалъ «высокихъ матерій». Разговоръ его преимущественно заключался въ кругѣ «повседневныхъ мелочей и событій, а то, что выходило за рамки будничнаго, проявлялось у ь го обыкновенно въ видѣ отдѣльныхъ фразъ и отрывочныхъ замѣчаній» [2]). Чеховъ не только не умѣлъ повышенно говорить объ идеалахъ, увлекать зрителя или читателя на какую-нибудь борьбу, на протестъ, но рѣшительно не выносилъ сколько-нибудь приподнятаго темпа въ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Самое большее онъ могъ просто, по-человѣчески пожалѣть.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ И. Н. Потапенко разсказываетъ, съ какимъ чувствомъ улитки, почуяв-

---

[1]) П, IV, 42.

[2]) Восп. Безчинскаго. «Пріаз. Рѣчь», 1910 г. 17 янв.

шей солнце, онъ неукоснительно убѣгалъ всякій разъ оттуда, гдѣ отъ него ожидалось какое-нибудь торжественное выступленіе, какая-нибудь «роль». Такъ онъ убѣжалъ изъ Москвы, когда Лавровъ съ редакціей «Русской Мысли» затѣвалъ торжественный пріемъ Григоровича и, разумѣется, выдвигалъ его въ качествѣ перваго оратора. Чеховъ могъ сойтись съ человѣкомъ, полюбить его, но потомъ просто не выносить его приподнятости и романтизма. Потапенко не называетъ имени одного изъ его пріятелей, но, несомнѣнно, говоритъ о Щегловѣ, когда описываетъ, какъ Чеховъ однажды тоже буквально убѣжалъ въ свою деревню, узнавъ, что собратъ собирается прійти къ нему на весь вечеръ. Онъ положительно не могъ выносить его «трагическаго смѣха».

Щегловъ былъ живымъ воплощеніемъ Павла Кирсанова. Онъ неизбѣжно перенесъ бы Чехова, — котораго горячо любилъ, а по смерти прямо канонизировалъ,— въ такъ фальшиво для него звучавшую атмосферу былого краснобайства. Щегловъ былъ бы искрененъ въ своемъ идеализмѣ, въ своихъ превыспреннихъ словахъ о писательствѣ, о трагической юмористикѣ жизни, о паденіи нравовъ, о своихъ замыслахъ и т. д. Но съ Чеховымъ это былъ бы разговоръ ребенка съ взрослымъ. И Чеховъ ушелъ. «Онъ найдетъ меня и будетъ смѣяться. Вѣдь онъ юмористъ и ужасно любитъ смѣяться, а это трагедія!» И въ тотъ же день онъ уѣхалъ въ деревню, хотя въ Москвѣ у него было дѣло.

По совершенно тѣмъ же побужденіямъ Чеховъ буквально увядалъ, поникалъ, замиралъ, какъ только къ нему подходила не обычная, будничная, но чуть-чуть приподнятая офиціальная жизнь со своимъ пафосомъ. При первой торжественной нотѣ онъ, разговорчивый, шутливый, содержательный ежился, какъ улитка. Это разсказано десятками его знакомыхъ. Одинъ изъ ты-

сячи такихъ случаевъ записываетъ онъ самъ въ своей записной книжкѣ:

«Пріѣзжаю къ знакомому, застаю ужинъ, много гостей. Очень весело. Мнѣ весело болтать съ сосѣдками и пить вино. Настроеніе чудесное. Вдругъ поднимается N, съ важнымъ лицомъ, точно прокуроръ и произноситъ въ честь мою тостъ. «Чародѣй слова... идеалы.., въ наше время, когда идеалы потускнѣли... разумное, вѣчное...» У меня такое чувство, точно я былъ накрытъ раньше колпачкомъ, а теперь колпачекъ сняли, точно въ меня прицѣлились. Послѣ тоста чокались. Молчаніе. Пропало веселье.—Вы теперь должны сказать,—говоритъ сосѣдка. Но что я скажу? Я охотно бы пустилъ въ него бутылкой. И спать ложусь съ осадкомъ въ душѣ. Смотрите, господа, какой дуракъ сидитъ среди васъ!..» «Есть болѣзнь «боязнь пространства,— признавался онъ Эртелю,—такъ и я боленъ боязнью публики и публичности. Это глупо и смѣшно, но непобѣдимо. Я отродясь не читалъ [1]) и никогда читать не буду. Простите мнѣ эту странность. Когда-то я игралъ на сценѣ, но тамъ я прятался въ костюмъ и гримъ, и это придавало мнѣ смѣлость» (1893).

Нѣсколько напоминая Пушкина, который тоже предпочиталъ, чтобы его знали и съ нимъ знакомились не какъ съ поэтомъ, а какъ съ человѣкомъ, Чеховъ досадовалъ на тѣхъ, кто предпочиталъ относиться къ нему не какъ къ обыкновенному человѣку, а какъ къ писателю.

„Вы пишете, что писатели избранный народъ Божій,—читаемъ въ его письмѣ Суворину.—Не стану спорить. Щегловъ называетъ меня Потемкинымъ въ литературѣ, а потому не мнѣ говорить о тернистомъ пути, разочарованіяхъ и проч. Не знаю, страдалъ ли я когда-нибудь больше, чѣмъ страдаютъ сапожники, математики, кондуктора; не знаю, кто вѣщаетъ моими устами, Богъ или кто-

[1]) Т.-е. публично, съ эстрады.

нибудь другой похуже. Я позволю себѣ констатировать только одну испытанную на себѣ маленькую непріятность, которая, вѣроятно по опыту знакома и вамъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы и я любимъ обыкновенныхъ людей, насъ же любятъ за то, что видятъ въ насъ необыкновенныхъ. Меня, напримѣръ, всюду приглашаютъ въ гости, вездѣ кормятъ и поятъ, какъ генерала на свадьбѣ. Сестра возмущается, что ее всюду приглашаютъ за то, что она сестра писателя. *Никто не хочетъ любить въ насъ обыкновенныхъ людей.* Отсюда слѣдуетъ, что если завтра мы въ глазахъ добрыхъ знакомахъ покажемся обыкновенными смертными, то насъ перестанутъ любить, а будутъ только сожалѣть. А это скверно. Скверно и то, что въ насъ любятъ такое, чего мы часто въ себѣ сами не любимъ и не уважаемъ. Скверно, что я былъ правъ, когда писалъ разсказъ „Пассажиръ I класса", гдѣ у меня инженеръ и профессоръ разсуждаютъ о славѣ" (1888).

И какъ авторъ, Чеховъ просто не умѣлъ, не могъ говорить возбуждающихъ рѣчей, призывать къ энтузіазму, манить на высоты.

Онъ былъ того поколѣнія, которое на всякій энтузіазмъ отвѣчало улыбкой. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ какъ бы испорченный человѣкъ. Былъ день, когда, въ Москвѣ, въ театрѣ «художниковъ» его чествовали, ему говорили рѣчи. Онъ потомъ разсказывалъ, что чуть не разсмѣялся, когда ораторъ началъ: «дорогой и глубокоуважаемый». Оказывается, ему вспомнилось, какъ старый болтунъ Гаевъ въ его «Вишневомъ садѣ» обращается къ старому шкапу и говоритъ «многоуважаемый шкапъ». А межъ тѣмъ это былъ самый подъемный, самый трогательный моментъ чествованія! Чеховъ былъ похожъ на того стихотворца, испортившаго себя на памфлетахъ, которому при чтеніи самой поэтической элегіи напрашивается въ голову пародія. Онъ былъ умный мужикъ, сынъ умнаго мужика, который не привыкъ и не пріучалъ членовъ собственной семьи ни къ какому паѳосу. Необычайно тонкій, такой нѣжный въ своихъ новеллахъ, такъ умѣвшій цѣнить нѣжность,

вѣжливость и чуткость, онъ не могъ побѣдить въ себѣ какъ бы застѣнчивости передъ патетическими чувствами и повышенными словами.

Поэтому ко всякому мудрованію, ко всякому сектантскому ученію, не исключая толстовскаго, у Чехова могло быть только одно отрицательное отношеніе. «Въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и въ воздержаніи отъ мяса. Война — зло, и судъ — зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ».

Если высшая заслуга писательства въ темпераментѣ пророка и трибуна, если писательство въ идеалѣ есть властный зовъ человѣчества на высоты къ отрѣшенію отъ земли, къ нахожденію цѣнностей иного міра, — то Чехову не придется стать въ рядахъ пророковъ.

Онъ мечталъ отъ начала до конца о счастливой землѣ, согрѣтой изяществомъ, любовью, братствомъ. Онъ никогда не соблазнялся звать своего читателя къ самоотреченію отъ этихъ земныхъ благъ во имя какого-то другого невѣдомаго міра. Если бы онъ раскрылъ ротъ для проповѣди, онъ долженъ былъ сказать первыми словами: «Царство мое отъ міра сего». Тому, кто хотѣлъ бы влечь его на эти высоты, надо было бы сказать старыми стихами: «не называй (его) небеснымъ и у земли не отнимай».

Кажется, только дважды на протяженіи всѣхъ своихъ книгъ онъ изобразилъ страстное влеченіе человѣка къ вѣчной правдѣ, къ вѣчной жизни. Но не жутко ли,— эти увѣренныя слова въ одномъ случаѣ говоритъ призракъ («Черный монахъ»), въ другомъ—сумасшедшій («Палата № 6»). И какъ прозаически самъ онъ аттестовалъ этого «благороднаго безумца!» «Въ янв. книжкѣ Артиста» найдете изображеніе одного молодого человѣка,

страдавшаго маніей величія; называется эта повѣсть «Черный монахъ» (Суворину, 1893).

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Чеховъ всегда трезвъ, реаленъ, наученъ, и въ предѣлахъ науки все кажется ему въ точныхъ граняхъ и въ разъ навсегда опредѣленныхъ рамкахъ. «Когда хочется пить, то кажется, что выпьешь цѣлое море,—это вѣра, а когда станешь пить, то выпьешь всего стакана два—это наука». Въ этомъ смыслѣ его «Записная книжка» иногда говоритъ краснорѣчивѣе и его новеллъ, и его писемъ. Сравните его переписку съ перепиской не только Толстого, а просто Страхова, Лѣскова, съ набросками, оставшимися послѣ Гоголя, Достоевскаго, —и вы почувствуете разницу духовнаго и земного ума, духовной и земной красоты.

Но и такой, каковъ онъ есть, образъ Чехова, писателя и человѣка, прекрасенъ. Есть что-то сильное и гордое въ вольномъ полетѣ этого таланта,—той поры, когда у него отросли крылья мужества, —въ область только *своихъ* духовныхъ влеченій, безъ малѣйшаго прислуживанія ко вкусамъ вѣка, какъ и въ свободномъ устремленіи Чехова-человѣка, и въ личной жизни служившаго тому же принципу *правды.*

Почти въ годъ рожденія Чехова молодой критикъ, властитель думъ своего поколѣнія, рисовалъ соблазнительный для современниковъ образъ «мыслящаго реалиста», новаго человѣка, честнаго и сильнаго, презрѣвшаго и предразсудки, и немощное краснобайство отцовъ, и перешедшаго отъ словъ къ дѣлу живой жизни. Почти одновременно другой ярко талантливый разночинецъ, Помяловскій, спрашивалъ въ своемъ «Молотовѣ», «знаете ли вы, что значитъ честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотрѣть въ свою душу не

подличая, а если не вѣришь чему, то такъ и говорить, что не вѣришь и не обманывать себя?» Въ очень значительной мѣрѣ Чеховъ воплотилъ мечту старшихъ писателей, давши некнижный типъ реальнаго человѣка 90-хъ годовъ въ такой яркости, въ какой онъ оказался просмотрѣннымъ нашей беллетристикой.

Идеалистамъ сороковыхъ годовъ, пожалуй, не о чемъ было бы говорить съ Чеховымъ, но Помяловскій и Писаревъ увидѣли бы его и возрадовались. Вышедшій не изъ головы романиста и не изъ критической реторты, этотъ человѣкъ не далъ до конца прямолинейно выдержанный типъ. Мы видѣли Чехова и въ борьбѣ сомнѣній, и въ жаждѣ «кусочка вѣры», и въ жалобахъ на недостаточность характера. Чѣмъ-то въ высшей степени живымъ и свободнымъ былъ онъ, чѣмъ-то органически враждебнымъ всяческимъ теоріямъ. Но старшіе собратья преклонились бы предъ его спокойнымъ мудрымъ умомъ, великолѣпно приспособленнымъ для земли, передъ его мастерствомъ рѣшенія противорѣчій, отвращеніемъ къ фразѣ, «медицинскою» простотою взгляда на вещи, ясною прямотою отношеній, честнымъ заявленіемъ, что онъ не вѣритъ тамъ, гдѣ онъ не вѣрилъ. Если бы такіе, какъ онъ, шли не единицами, а цѣлымъ поколѣніемъ, къ землѣ скорѣе спустилось бы «небо въ алмазахъ», и стала ближе мечта двухъ благородныхъ безумцевъ изъ «Палаты № 6» и «Чернаго монаха».

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

15p